

А. В. ЛАННИК

ПОСЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЕРМАНСКАЯ
ОККУПАЦИЯ 1918 г.

е в р а з н я

Л. В. Ланник

ПОСЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Германская оккупация 1918 г.

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(2)6-6
УДК 94(47).084
Л22

Л22 **Ланник Л. В.**
После Российской империи: германская оккупация
1918 г. — СПб.: Евразия, 2020. — 528 с.; илл.

ISBN 978-5-8071-0458-8

Германская оккупация 1918 г. — тема, настолько мало изученная, что ее вполне можно назвать белым пятном в исторической науке. Финал Великой войны в Восточной Европе поставил ряд трудноразрешимых вопросов. В 1917–1918 гг. на развалинах четырех империй образовались новые государства, которые вскоре попытались включить в состав советской державы. Как полгода немецкой гегемонии на огромной территории — от Мурманска до Баку — повлияли на дальнейшую судьбу Советской России? Была ли оккупация Востока необходимым условием победы Германии в схватке за мировое господство? На эти и другие вопросы ответ дает книга.

ISBN 978-5-8071-0458-8

© Ланник Л. В., 2019
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2019
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2019

Введение

Война на Восточном фронте Первой мировой в 1918 г. не окончилась ни подписанием первого Брестского мира (между Центральными державами и УНР, 9 февраля), ни второго, более известного (с Советской Россией, 3 марта). Тотальный военный конфликт существенно изменил форму и структуру, превратившись в как минимум трехуровневую войну с переменчивой региональной спецификой. Интенсивность боевых действий временно снизилась, но они отнюдь не прекратились. Учитывая закономерности развития мировых войн, на последнее не было шансов, даже при более стабильной политической обстановке на развалинах бывшей Российской империи. Однако признать, что мира, сколь угодно плохого, большевистское руководство добиться так и не смогло, советская пропаганда не имела возможности ни 100 лет назад, ни впоследствии. Поэтому до сих пор в РФ при игнорировании любых неудобных фактов господствует всеобщее, унаследованное со времен СССР и ошибочное утверждение, что Россия вышла из Великой войны в начале 1918 г.

Прежний облик войны на оккупированных Центральными державами территориях сменили боевые действия иного масштаба и иного спектра противоборствующих сил, которые в отечественной историографии принято называть иностранной интервенцией. То, что она велась на российских территориях одновременно обеими коалициями, вступившими как раз в этом же 1918 г. в последнюю и решающую схватку между собой, должно было бы опровергать исходный тезис о «походе иностранных держав против молодой Советской республики», однако в политических

интересах официальной историографией затушевывались и не такие логические противоречия. Для удобства, а затем и по привычке на долгие годы укрепился термин «годы Гражданской войны и иностранной интервенции». Естественным и прямым следствием иностранного военного вмешательства, начавшегося в феврале 1918 г., была оккупация Центральными державами громадных просторов западных и южных окраин бывших царских владений (Антантой, соответственно, в основном северных и восточных). С внешней стороны столь занимавшего и красных, и белых историков и мемуаристов кольца фронтов сформировалось особое пространство, где месяцами, а то и годами жили в совершенно иных условиях, нежели внутри его, где вооруженные социально-политические конфликты набирали обороты хотя бы без прямого военного участия иностранных держав. Именно оккупационная действительность, а не сравнительно кратковременный эпизод с прохождением по округе довольно относительной в кампании 1918 г. на Востоке линии фронта, и стала основным содержанием этих событий для их очевидцев и участников в российской, белорусской, украинской и иных глубинках.

На большей части территории бывшего СССР слова «война» и «оккупация» в разговорной речи до сих пор, как правило, не требуют пояснений, о каком именно конфликте идет речь. Избитый и уже не слишком оправданный тезис о забытой войне¹ применительно к Первой мировой на Восточном фронте следовало бы дополнить, а то и скорректировать в пользу куда более обоснованной формулировки о «забытой оккупации». Это особенно бросается в глаза, если учесть, что сложнее всего после войны оставить в прошлом именно оккупацию. Как показывает исторический опыт всех времен и народов, эта социальная травма куда

---

¹ Он устойчиво транслируется не только в новейших отечественных, но и в зарубежных исследованиях, особенно относительно Восточного фронта Первой мировой, см., напр.: *Jenseits des Schützengrabens. Der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung — Wahrnehmung — Kontext* / hrsg. von B. Bachinger, W. Dornik. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013; *Rosenboom S. Im Einsatz über der "vergessene Front". Der Lüftkrieg an der Ostfront im Ersten Weltkrieg*. Potsdam, 2013; *Borodziej W., Górny M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bde* / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt, 2018.

более устойчива в памяти поколений, нежели перипетии боевых действий и даже перечень подвигов и героев. Даже если официальная версия хотела бы «замолчать» оккупацию, — ведь в буднях занятых врагом территорий героического слишком мало, а трагического, провоцирующего на вопросы об ответственности за поражения, слишком много, — полностью искоренить ее следы никогда не удастся. Память даже о временном господстве вторгшихся чужеземцев уходит в лучшем случае только с исчезновением соответствующего врага навсегда. Разумеется, 1918 г. не демонстрирует столь же масштабной партизанской войны, как это было в 1941–1944-м, однако и в ходе Великой Отечественной войны в первые полгода оккупации она еще не набрала обороты, да и в финале Великой войны до «мира на Востоке» было очень далеко. По крайней мере, говорить об окончании войны осколков Российской империи с Центральными державами после подписания Брестского мира можно примерно с тем же основанием, как утверждать, что война с Третим рейхом окончилась для Польши после 2 октября 1939 г.

Логическим следствием продолжающегося общественного переживания трагедии 1941–1945 гг. может и должно стать осмысление истоков и образцов случившегося во Второй мировой войне, то есть ответ на вопрос о том, «а как было раньше». Обращение к проблеме континуитета мировых войн долгое время оказывалось чрезвычайно болезненным, особенно для общественного сознания ФРГ², провоцируя главным образом на новый виток поиска виновных в гуманитарных катастрофах XX в. Результаты таких изысканий были предопределены тем, что набор соучастников военных преступлений был юридически оформлен в выгодном для победителей сначала в Первой, а затем и во Второй мировой войне варианте, что лишний раз характеризовало явную неоднозначность

² Попытки отойти от нарочитого поиска корней насилия, доказательств неуклонной тяги той или иной державы к агрессии и притянутых аналогий в пользу более объективного компаративного подхода начались не так уж давно, см.: *Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich; Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / im Auftr. des MGFA hrsg. von B. Thoß und H.-E. Volkmann. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002.*

вопроса. Из-за отсутствия неангажированной рефлексии по опыту Первой мировой войны и Первой оккупации оказалась столь «неожиданно» неприятной Вторая мировая и следующая версия германского господства. Масса непредвиденного ожидала оставшихся на оккупированных территориях не только в 1941 г. Из-за последующих наслоений военно-патриотической, а затем национальной мифологии это ощущение беспрецедентности происходившего на занятых Третьим рейхом территориях только усилилось, хотя исключительность большинства явлений оккупационного режима сильно переоценивается, просто благодаря неизвестности тех явлений, что уже наблюдались в 1915–1919 гг. Оккупация в относительно современном понимании этого слова в те годы проходила впервые, это была первая проверка на практике ее согласованных в 1907 г. на Гаагской конференции норм, ставших основой соответствующего раздела международного права. В том числе поэтому на постсоветском пространстве необходимо «вспомнить» не только Первую мировую войну, к чему за последнее время приложены немалые усилия, но и Первую оккупацию, в том числе и германскую. Более того, шансов на историзацию событий Второй мировой войны и Второй оккупации пока не много, что вполне естественно, ведь для этого прошло недостаточно времени, а политическая повестка далеко не «отыграна».

Тем более оснований начать научное исследование оккупационных режимов эпохи тотальных войн именно с Первой оккупации, некогда воспринимавшейся едва ли менее резко. Ведь вспышки геноцида, массовых расправ и уничтожения целых населенных пунктов в 1918-м сдерживались главным образом относительным несовершенством средств — по сравнению с теми, что были в распоряжении воюющих сторон к 1941-му. Опыт анализа Первой оккупации может стать ключом к новому пониманию оккупационной действительности как особого состояния местного социума и его новых «партнеров», к более широкому восприятию, хотя и не оправданию, происходивших многогранных контактов и их следствий, которые вряд ли удастся свести к перечню многочисленных военных преступлений. Только так возможно будет перейти от фактически иллюстративно-эмоционального к аналитическому взгляду на явление, навсегда менявшее жизни миллионов людей по обе

стороны фронтов и демаркационных линий. К историческому анализу событий вековой давности, которые могут иметь лишь искусственную политическую актуальность, никакие упреки в ревизионизме отношения иметь не могут. Масштабы, жертвы и длительные последствия оккупации на исходе Первой мировой войны не нуждаются в дополнительной актуализации изучения этого феномена.

В тех современных странах, где Первая оккупация продолжалась достаточно долго, то есть около 3, а то и 4 лет, то есть в Центральной и Восточной Польше, в Литве, в половине Латвии и в Западной Белоруссии (за пределами бывшего СССР — в Сербии, Черногории и Македонии), она, естественно, оставила куда более стойкий след, нежели в тех регионах, которые были заняты интервентами из Центральных держав всего полгода или год (в Румынии около двух лет). При всем желании современных официозных версий представить восприятие германской оккупации, например, в Польше как смену одного оккупационного режима (то есть российского) другим, подобный подход выдает желаемое за действительное. Дело здесь отнюдь не в особых симпатиях к царскому режиму, спектр настроений был в действительности самый контрастный, а лишь в ощущении реалий. Для обывателей около двух десятков губерний запада Российской империи в 1914–1915, реже в 1917 г., условно-бесконечное владычество Романовых (Временное правительство и вовсе не успело обрести какого-либо внятного шаблона восприятия) сменилось оккупацией войсками соседних и теперь враждебных иностранных государств. Это положение оказалось неожиданно продолжительным, однако воспринималось как безусловно преходящее. Такое вполне естественное отношение к оккупационному режиму местного населения имело решающий характер, в итоге определив участь любых инициатив местных властей и политических комбинаций Берлина, Вены и Константинополя (и даже Софии) с различными псевдогосударственными и автономистскими проектами.

Последний период германской (в отдельных случаях также австро-венгерской и османской) оккупации на Востоке, ставший для многих территорий первым, заслуживает отдельного рассмотрения, логически образуя особый этап даже там, где ему предшествовали 2, а то и 3 года оккупации в ходе «официальной»

фазы Великой войны на Восточном фронте. Зимой 1917/1918 гг. состоявшаяся и потенциальная оккупация войсками Четверного союза стала восприниматься совершенно иначе, не только как следствие преходящей военной удачи одной из воюющих коалиций. Необходимо иметь в виду, что для людей 1860–1880-х гг. рождения, занимавших к началу 1918 г. ключевые посты во всех уголках Восточной Европы, вариант с победой Германской империи не казался вовсе невероятным. Ощущение триумфа Германии на Востоке, а то и в Великой войне в целом заставило задуматься о перспективах долговременной гегемонии Кайзеррейха в Евразии и уж как минимум в Восточной и Южной Европе, а также на Ближнем Востоке. О том, что этот период кажущегося всемогущества лидера Центральных держав окажется совсем недолгим, вплоть до августа, а то и ноября 1918 г. подозревали не многие. Эти 9–10–11 месяцев почти фантазмагорических масштабов экспансии Германской империи на Востоке, до предела наполненные событиями развивавшихся параллельно социально-политических конфликтов, оказались быстро затушеваны и скомканы в памяти иными перспективами средне- и долгосрочного развития, однако в разгар этого периода привыкнуть к мысли о новом повороте в мировой истории и о наступлении этапа германского доминирования пытались даже те, кто всегда был убежденным сторонником Антанты, например П. Н. Милюков. Кратковременность этого этапа не может и не должна служить оправданием отказа от специального его рассмотрения, данное апостериорное знание не должно воздействовать на анализ динамики принимавшихся решений и событий Первой оккупации в момент ее кульминации.

За этот период, продолжительностью менее года, была предпринята попытка направить историю XX столетия по иному пути, заложив новую систему международных отношений надрегионального, а то и континентального уровня, которую следовало бы назвать Брестской системой. При всей недолговечности, последствия ее сказывались не только вплоть до окончания «Более Великой» войны на постимперских пространствах, то есть до 1923 г., но и в течение всего межвоенного периода, а силовое устранение доставшихся от первой попытки передела Восточной Европы причин для раздора последовало только в Ялте и Потсдаме

(при некоторых оговорках насчет Финляндии и Турции). Заменить целостное рассмотрение Брестской системы, закономерностей ее развития и краха никакое суммирование региональных вариантов оккупационного режима в рамках столь популярных и более удобных *case-studies*, являющихся основой складывающегося ныне нового этапа историографии, не способно. Более того, зачастую и суммирования региональных (областного уровня) исследований в более масштабное полотно событий не проводится, что обрекает общее видение проблемы на краеведческий акцент.

До сих пор попытки системно анализировать процесс становления, развития и затем свертывания Брестской системы не предпринимались, да и сам этот термин встречается крайне редко. Некую иллюзию благополучия историографической ситуации создавало поступательное развитие исследований по советско-германским отношениям, занимавшим в сложной структуре Бреста действительно центральную роль, как история двух главных акторов. Тем не менее сводить рассмотрение сложной системы международных отношений к анализу взаимосвязи лишь двух, пусть и самых значимых, ее элементов, как это было в историографии зачастую до сих пор, некорректно. Более того, германо-большевистские контакты с точки зрения ведущего в кампанию 1918 г. отчаянную борьбу за власть Совнаркома относились к логике Гражданской войны, а потому до сих пор по-своему логично только так и рассматривались, по меньшей мере в отечественной историографии. Германский фактор в истории Гражданской войны в России, точнее, на неоккупированной ее территории, разумеется, несколько не уступает в важности избранной в данном исследовании теме, но нуждается в отдельном рассмотрении. К Первой оккупации, тем более в период ее расцвета весной — осенью 1918 г., германо-большевистские (и/или германо-белогвардейские) контакты и акции в самых различных регионах одной шестой части суши имеют менее прямое, хотя и значимое отношение. Этот — большевистский — фон событий нуждается в учете, но не может подменять собой историю собственно оккупированных окраин распавшейся империи. Ощущение пренебрежения к аспектам германо-украинских, германо-грузинских и других двусторонних связей, а уж тем более — к отношениям

второ- и третьестепенных элементов системы без участия, а то и вопреки главным акторам, вполне обоснованно. Оно не только мотивировало бурное развитие соответствующих исследований на региональном и страновом уровне, но и подчеркнуло односторонность прежних взглядов на события. Причин сохранения подобного положения в историографии достаточно много, причем в большинстве своем они имеют политически-конъюнктурную и едва ли не психологическую природу. Немалую роль играет и априорное, но почти никогда не обосновываемое ни логикой, ни методологией предубеждение относительно альтернативной истории.

Относительно событий 1918 г. на оккупированных территориях распавшейся Российской империи (а затем и еще 3 держав) до сих пор сосуществуют недостаточно коррелирующие между собой отдельные историографии, посвященные лишь одному из слоев продолжавшегося несмотря на Брест(ы) военного конфликта — социальному (то есть гражданской войне), межнациональному или межрелигиозному (то есть войне за независимость) и, значительно реже, тотальному (то есть мировой войне). Основная проблема заключается не в качестве исследований и не в общих результатах проделанной титанической работы, а в слабой корреляции разных направлений и специфической расстановке приоритетов в выборе тем и изложении материала. Создавать на основе масштабного процесса исследования событий Великой войны и последовавших вследствие нее конфликтов единую историю Первой оккупации за прошедшие 100 лет мешало многое. Главным образом — отсутствие подлинной историзации восприятия шедших в 1914–1923 гг. процессов реструктурирования Восточной Европы, то есть превращения ее из имперских пространств в пост- или межимперские. Результаты оформлялись через появление новых *de jure* независимых государств, причем не только по ходу оккупации, а даже благодаря ей. Такая онтология их появления уже характеризовала и сущность, и перспективы новых участников системы международных отношений, являвшихся для их покровителей всегда средством, но никогда целью. Интенсифицировавшееся с началом войны национальное строительство, глубочайшая трагедия разделенных фронтами и миграциями разной степени вынужденности народов Восточной Европы были для гегемонов

переустройстваемого региона только досадной помехой и побочным эффектом от пропагандистских деклараций и новых методов милитаризации общественной жизни.

Политическая конъюнктура в государствах этого региона и сейчас не слишком способствует даже постановке избранной проблемы, то есть вопроса о значении Первой оккупации. При курсе почти всех стран Восточной Европы на евроинтеграцию и забвение «старых обид» куда удобнее вовсе не признавать факт оккупации германскими (иногда вместе с австро-венгерскими) войсками, например, Финляндии, Грузии, а то и Украины. Ради этого даже при отчаянном поиске все новых борцов за независимость готовы попросту забыть о вождях мощных крестьянских восстаний против интервентов (атаманов Гребенко, Григорьева и др.), исключив их из национального пантеона в пользу, например, С. Петлюры, личного вклада в борьбу с оккупацией, по крайней мере на полях сражений, не внесшего. Забыты оказались и лидеры боровшихся с интервенцией и грабежами в Грузии. Искренность подобных интерпретаций вполне очевидна при сравнении с восприятием другой оккупации. Крайне маловероятно, чтобы в той же Грузии или в Армении согласились бы закрыть глаза на оккупацию части их территории в 1918-м (а затем в 1920–1921 гг.) войсками другого члена Четверного союза, то есть османской Турции. В свою очередь, в Азербайджане заменить оккупацию 1918 г. на военную помощь со стороны братского народа в отражении агрессии извне, по-видимому, согласны с той же легкостью, что и в Финляндии или на Украине.

Было бы крайне неразумно игнорировать или искусственно принижать ценность проделанной за 100 лет громадной работы по реконструкции событий 1918–1919 гг. на западных окраинах Российской империи и в приграничных с ними регионах. Различные приоритеты и методология, а также сильная мотивация к исследованиям по обе стороны железного занавеса привели к накоплению пласта работ, с трудом поддающихся даже приблизительно полному охвату. Помимо бесчисленных статей публиковались и продолжают выходить специальные монографии по истории оккупированных Центральными державами стран и регионов, и все же вековой юбилей событий международная историография данной проблематики встречает в состоянии в лучшем случае становления. Например,

первое по-настоящему масштабное исследование по истории Варшавского генерал-губернаторства, с соответствующим названием, выйдет — и это в чрезвычайно активно разрабатывающей сюжеты оккупации Польше — лишь в сентябре 2019 г.³ Применительно к истории стран Прибалтики вот уже почти 20 лет — срок для современных темпов публикации новых исторических трудов огромный — безальтернативной остается монография (и последующие ее варианты на ту же тему) В. Г. Люлевичюса⁴, аналогичная судьба ждет и появившуюся лишь 10 лет назад работу (далеко не титанического общего объема, 370 страниц среднего формата) Л. Майерхофер об оккупации Румынии⁵. Создание первой масштабной монографии о германской оккупации Белоруссии в 1915–1918 гг. только сейчас вышло на финальную стадию⁶. Труды по истории Первой оккупации тех стран, где сам ее факт не слишком признается, по-видимому, будут написаны только после успешной деполитизации и историзации соответствующей конъюнктуры.

Мифы, положенные в основание современных независимых государств Восточной Европы, бывшего (и нынешнего) буфера, «санитарного кордона», являются одновременно основным шансом и даже гарантией дальнейшего бурного развития историографии событий 1918 г. Нередко это приносит — с точки зрения исторической науки — более вреда, нежели пользы, продлевая политологический период «обработки» данного материала за счет исторического, однако в конечном счете обеспечивает необходимый общественный интерес и активное накопление фактологии

³ *Stempin A.* Das vergessene Generalgouvernement: die deutsche Besatzungspolitik in Kongresspolen 1914–1918. Paderborn, 2019.

⁴ *Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000.

⁵ *Mayerhofer L.* Zwischen Freund und Feind — deutsche Besatzung in Rumänien 1916–1918. München, 2010.

⁶ В целом ряде статей на основе германских источников и литературы тему уже разрабатывала белорусская исследовательница О. Волкова, но, к сожалению, только период до «Фаустшлага». Возможно, за диссертацией последует и обобщающая монография. См.: *Волкава В. В.* Эканамічная палітыка нямецкіх акупацыйных улад у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1915 — люты 1918 г.). Дісс. ... канд. гіст. наук. Минск, 2018.

и набора интерпретаций. Неизбежные попытки гипертрофии или, напротив, замалчивания, некорректные аналогии и обвинительный пафос лишь указывают направления дальнейшей работы историков с мифами общественного сознания, ставя новые задачи по деконструкции наиболее одиозных компонентов созданной на предыдущем более эмоциональном этапе картины событий.

Данная книга посвящена Первой оккупации бывших территорий Российской империи и Румынии, являвшейся частью Восточного театра военных действий. В центре внимания именно высший и последний ее этап, начавшийся после обретения уверенности в том, что войну на Востоке Центральные державы выиграли, то есть после подписания перемирий, а затем мирных договоров (в Бресте, Берлине, Бухаресте и Батуме). Это ощущение превратилось у большинства современников и участников событий в твердое убеждение по итогам военной кампании весны 1918 г., до сих пор считающейся «лишь» интервенцией Германии и ее союзников. Сама эта «интервенция» до сих пор известна достаточно плохо, ни одного по-настоящему крупного исследования операции «Фаустшлаг», начавшейся 18 февраля 1918 г., а также ее составляющих и дополнений в период вплоть до середины осени того же года, до сих пор нет. До сих пор еще то, как именно проходила демаркационная линия между интервентами из Центральных держав и РККА, представляют себе довольно приблизительно, хотя на некоторых участках это были стабильные в течение минимум полугода рубежи, оформленные едва ли не в таможенные границы. Первая оккупация рассматривается здесь главным образом через призму представлений, решений и действий германских элит, в первую очередь военных, чему до сих пор в историографии уделялось мало внимания.

До Второй мировой войны в Германии и Австрии провели лишь предварительные исследования, будучи отвлечены более первостепенными сюжетами истории Великой войны, остающейся и по сей день крайне «западоцентричной» (в Австрии — «италоцентричной» соответственно). Удалось лишь несколько закрыть пробел относительно хода эвакуации бывших кайзеровских войск с Востока и дальнейших боевых действий с участием германских добровольцев вплоть до конца 1919 г., да и то через призму

политических реалий конца 1930-х гг.⁷ После Второй мировой войны данная тема, особенно в чисто военном ее разрезе, вообще не нашла исследователей, теперь поглощенных совсем недавней трагедией всех народов мира. Тем не менее целый ряд смежных проблем был рассмотрен в монографиях, вызванных знаменитыми разоблачениями агрессии Кайзеррейха от Ф. Фишера⁸, его учеников, на которые последовали весьма аргументированные возражения. При всех достижениях германской и вообще европейской историографии более всего ситуацию с изученностью избранной темы характеризует тот факт, что базовой и непревзойденной до сих пор монографией является работа В. Баумгарта «Германская политика на Востоке в 1918 г.»⁹, вышедшая в 1966 г. и переизданная в 2010 г. На русский и английский языки это компактное и крайне насыщенное исследование не переведено до сих пор, хотя остается чрезвычайно востребованным всеми специалистами по данному кругу проблем. Серия статей и публикаций источников того же В. Баумгарта¹⁰ до сих пор составляет необходимую базу, к которой можно добавить также фундаментальные исследования по политике Центральных держав или только Германии в отдельных регионах, например в Финляндии¹¹, Прибалтике¹²,

---

⁷ См. их переводы: Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014; Бои в Прибалтике. 1919 год / пер. с нем., комм. и науч. ред. Л. В. Ланника. М., 2017.

⁸ Из его трудов на русский пока переведен только один: *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., комм. и пред. Л. В. Ланника. М., 2017.

⁹ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966 (Mainz, 2010).

¹⁰ В первую очередь сборник: *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918* / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

¹¹ Здесь наиболее свежее исследование: *Hentilä M., Hentilä S.* 1918 — das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.

¹² *Volkman H.-E.* Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiègne. Köln; Wien, 1970.

на Украине¹³ или в Закавказье¹⁴, также написанные зачастую около полувека назад. Перспективы развития исследований на сегодняшний день сдерживаются вовсе не тем, что погибло огромное количество германских военных архивов, ведь многое уцелело (в Дрездене, Штутгарте, Мюнхене, многое было воссоединено в Военном архиве во Фрайбурге, найдено в Потсдаме и Москве и т. д.). Куда более весомая причина — в не востребоваемости научным сообществом «и так давно и хорошо изученной» военно-политической тематики (особенно в странах Евросоюза) на фоне модных направлений современных междисциплинарных и социально-культурных исследований.

Существенные пробелы и порой ненаучные особенности имеющейся обширной историографии безусловно требуют отдельной (и пока отсутствующей) монографии по избранному широкому кругу вопросов¹⁵. Применительно к рассмотрению Первой оккупации они обрекают на известную долю описательности, нарратива, от которого в данном случае нельзя отказаться в пользу анализа набором убедительных ссылок. По этой же причине в единую книгу не удастся включить и описание периода перемирия на Восточном фронте, сопровождавшегося разгоравшейся войной между большевиками и их противниками на всей территории бывшей Российской империи, и тем более действительно подробный рассказ о ходе боевых действий в феврале — мае 1918 г. при масштабном наступлении войск Центральных держав на Востоке. Не меньшего объема потребовало бы и описание эвакуации бывших «победителей на Востоке» в ноябре 1918 — феврале 1919 г., а потому в данной книге удастся описать лишь собственно оккупацию, а не ее военный пролог и столь же военный эпилог. И все же,

¹³ *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.

¹⁴ *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917-1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.

¹⁵ Сравнительно масштабный и современный историографический обзор есть лишь по мирной конференции в Бресте и мирному договору, но не по его имплементации, что оставляет к данному исследованию ряд вопросов и пожеланий, см.: *Полтораки С. Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.

пусть и при некотором нарушении хронологического и причинно-следственного принципа, следовало бы начать с периода самой Первой оккупации на высшем ее этапе, чтобы по результатам исследования дополнительно уточнить те сюжеты и проблемы в ее предыстории и тем более в последствиях, которые потребуют в дальнейшем особого внимания.

В изложении информации с учетом взаимосвязи регионов и при этом несомненно яркой локальной специфики приходилось решать сложную задачу выбора порядка рассмотрения материала. Отдельные параграфы для рассмотрения параллельных событий в каждой из оккупированных стран и территорий были неизбежны, однако для удобства читателей был избран упорядоченный по меньшей мере географически способ их компоновки, сохраняющий некоторые шансы на синхронность восприятия. Чисто хронологический способ воспроизведения разбросанных на огромном пространстве явлений приводит к едва ли не механическому их перечислению, так что поддерживать ощущение системной связи их и тем более следить за закономерностями развития становится абсолютно невозможно, даже если предпослать подобной хронике действительно аналитическое введение¹⁶. Требование системности в анализе событий Первой оккупации диктует достаточно широкие географические рамки, то есть включения в рассмотрение всех постимперских пространств в Восточной Европе, а также смежных территорий, затронутых продолжением кампании 1918 г. в Великой войне. При столь масштабном полотне даже крайне жесткие хронологические рамки не гарантируют итоговой компактности. Для отделения событий собственно Первой оккупации от неразрывно с ней связанных этапов активных военных действий на Восточном фронте Великой войны и эвакуации оккупантов после крушения Центральных держав в данном исследовании будет рассмотрен период развития Брестской системы на всем ее пространстве, то есть промежуток с марта — мая 1918 г.

¹⁶ Примером такого способа изложения при взятых автором (и вполне логично) еще более грандиозных хронологических и пространственных рамках является объемистый труд В. П. Булдакова: *Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ.* М., 2010.

(в зависимости от региона) до конца октября — начала ноября 1918 г., от 6 до 8 месяцев.

Особенности информационного метаболизма человека таковы, что одновременно «принимать» поток новых сведений и параллельно сортировать их в ту или иную предварительно составленную мысленно структуру чрезвычайно сложно. Поэтому для задания рамки исследования, очерчивания той германской призмы, через которую в данном случае будут рассматриваться события, необходимо сначала дать представление не столько об оккупированных территориях, сколько о собственно Брестской системе, созданной путем переговоров и боевых действий. Структурные особенности и «родовые травмы» ее и позволяют уйти от механического перечисления региональных вариантов Первой оккупации или их бинарных сравнений различной степени корректности в пользу выделения общих системных закономерностей развития или деградации нового выстраиваемого Центральными державами порядка в Восточной Европе. Чрезвычайно важно при этом учитывать и коалиционный характер действий держав Четверного союза, проблемы и тенденции внутри «победившей» на Востоке и неустойчиво скатывающейся к развалу по итогам последней кампании коалиции. Представление о прямом и всеобъемлющем германском диктате в адрес не только оккупированных стран, но и союзников (при неуклонном к тому стремлении Кайзеррейха) по меньшей мере упрощает, а зачастую и грубо искажает ситуацию.

Имплементация договоров Брестской системы и попутная их ревизия проходили военным путем либо открытой угрозой применения военной силы. Именно это характеризует достигнутый на Востоке весной 1918 г. «мир» лучше всего. Оценку перспектив развития создаваемого порядка и причин его неустойчивости при, казалось бы, вполне однозначном раскладе сил можно производить лишь после подробного изучения оккупационных германских (и в меньшей степени австро-венгерских и османских) войск. Простой констатации факта дальнейшего, несмотря на подписанные договоры, существования Восточного германского фронта (Восточной австро-венгерской армии, османской Кавказской группы армий) посреди требовавшей сосредоточения всех военных ресурсов кампании 1918 г. на главных театрах военных действий было бы

заведомо недостаточно. Слабая изученность данной темы в мировой историографии только подчеркивает необходимость начинать исследование Первой оккупации, не сводящееся к описанию точки зрения только оккупируемых, именно с этого аспекта. При стремлении к корректному анализу планов, действий и реакций оккупантов крайне важно проследить логику и мотивы принимавших решения проводников германской политики на Востоке в 1918 г., в первую очередь высшего командного и штабного звена оккупационной армии. Детальное рассмотрение процесса decision-making и учет особенностей служебной этики и технических проблем коммуникации позволило бы отказаться от априорных (а потому примитивных) оценок и предубеждений относительно приоритетов Ostpolitik и истинного расклада мнений и сил среди тех, кто занимался имплементацией договоров Брестской системы.

Во избежание неуместного титанического объема информации по возможности были сведены к минимуму те грани оккупационного режима и взаимоотношений различных акторов Брестской системы, что благодаря соответствующим приоритетам были действительно подробно и успешно рассмотрены в историографии ранее, а именно значительная часть социально-экономической, партийно-политической и культурно-антропологической проблематики. Только это позволило высвободить место для до сих пор недостаточно исследованных геополитических, военных и дипломатических аспектов рассматриваемых процессов, что вовсе не означает пренебрежения автора к ранее указанным граням истории 1918 г. Появление новых обобщающих работ по данным направлениям или соответствующих региональных case-studies можно лишь приветствовать, тем более что это более вероятно, нежели публикации по, например, военной стороне истории Первой оккупации.

Тематика исследования и нюансы излагаемого материала заставляют разместить хотя бы минимально необходимые и желательны аутентичные карты, качество и детализация которых сильно разнятся, а современных аналогов, как правило, не существует. Еще более сложная ситуация со статистическими таблицами и иными вспомогательными материалами, восполнить которые удастся далеко не всегда, ввиду отсутствия соответствующих

источников и историографии. Общую ограниченность сохранившихся после опустошения Второй мировой войны германских архивных материалов удалось до некоторой степени компенсировать за счет масштабной помощи и консультаций коллег, особенно тех, что ранее дали высокий образец умения фундировать работы по истории Великой войны и ее последствий на основе зарубежных архивов¹⁷. Мираж стремления к исчерпывающему изложению фактологической стороны проблемы дополнялся угрозой чрезмерной абстрактности ряда утверждений и выводов без соответствующего событийного фона, который в силу указанных выше обстоятельств приходится не только реконструировать, но и «напоминать». Автору остается лишь надеяться, что эти оговорки и вступительные комментарии существенно облегчат восприятие представленного ниже одного из сложнейших информационных массивов в новейшей истории.

Исследование этой громадной темы, при всех оговорках и попытках ограничиться более конкретными ее аспектами или ракурсами, было бы совершенно невозможно без деятельной и продолжительной помощи со стороны ряда российских и зарубежных научных институтов и коллег. Создать не только элементарные, но и комфортные условия для постановки и решения подобной слишком амбициозной задачи позволили Германский исторический институт в Москве, его руководители и сотрудники, его библиотека и предоставляемые стипендии, Европейский университет в Санкт-Петербурге и в первую очередь Б. И. Колоницкий, коллеги из Института Восточной Европы Тюбингенского

---

¹⁷ Достаточно назвать хотя бы несколько работ: *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013; *Ватлин А. Ю.* Советское эхо в Баварии. М., 2014; *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; *Нелипович С. Г.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. М., 2017; *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.

университета, согласившиеся принять неизвестного им «постдока» на стажировку. Вопросами, указаниями, пожеланиями и бескорыстной помощью мотивировали автора продолжать работу члены Российской ассоциации историков Первой мировой войны, Российско-германской исторической комиссии, сотрудники многих российских и германских архивов и библиотек, от методичного перечисления которых автор воздержался лишь в данной книге, но надеется еще выразить благодарность каждому лично. Большую признательность необходимо засвидетельствовать и издательству, взявшему на себя риск публикации данной монографии, несмотря на крайне здравомыслящую оценку коммерческих перспектив данного проекта. Семья, близкие и друзья, где бы они ни проживали, не позволили за время работы перепутать жизнь с наукой и наоборот, за что им самое большое спасибо из всех перечисленных.

Л. В. Ланник

ОККУПАЦИЯ: ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

История того или иного оккупационного режима создается, как правило, с позиций оценки его воздействия на подвергшихся оккупации, с вниманием к формам и последствиям угнетения, физического или психического насилия, к деформации общественных институтов и общего климата в социуме. Не менее часто обращаются и к экономической стороне проблемы, оценивая материальный ущерб, последствия для развития региона, затраты и трофеи. Применительно к истории Второй мировой войны это неразрывно связано с проблематикой военных преступлений и ответственности за них. Относительно Первой мировой данная тенденция также присутствует, но по очевидным причинам она не столь выражена, кроме того, и материала для однозначных обвинений и оценок оказывается меньше. В рамках исследования различных последствий военных травм и насилия, от экономических и демографических до психологических, к материалу Первой мировой войны обращались нередко¹⁸, однако объемы историографии двух тотальных войн несопоставимы. Применительно к событиям на Восточном фронте в 1915–1918 гг. оккупация рассматривалась исследователями как режим жизни местного населения¹⁹, а вот как

---

¹⁸ См., напр.: *Westerhoff C. Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg. Deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918. Paderborn u.a., 2012.*

¹⁹ Достаточно указать хотя бы на упоминавшиеся выше труды В. Г. Ляввичюса и сборники статей под общим руководством В. Дорника. Одна

состояние и процесс деформации самих оккупантов, как фактор хода военных действий и важная составляющая общей устойчивости военного организма ведущей тотальный конфликт империи — значительно реже. Имеющаяся масштабная историография Гражданской войны может быть вполне корректной, если ограничиваться рассмотрением событий оккупации через призму взгляда местного населения, которое внутренние социально-политические конфликты продолжали занимать существенно больше даже после начала явственного чужеземного военного присутствия. При желании корректно анализировать те же события с точки зрения оккупантов выстроенная в логике описания борьбы за власть местных политических группировок литература и даже публикации источников оказываются на периферии, не давая ответы даже на базовые вопросы о рассматриваемых участниках событий из-за рубежа и искусственно искажая логику их действий и намерений, исходя из навязывания им тех же приоритетов в оценке ситуации на оккупированных территориях, что были у обывателей или дорвавшихся до власти местных элит.

Возможно, поэтому до сих пор не подведены итоги интервенции для интервентов, оккупации для оккупантов, в особенности для войск Центральных держав на пространствах бывшей Российской империи. В соответствующих статьях и монографиях нет подробных реконструкций военных событий, лишь иногда представлен анализ структуры и работы военных инстанций и трудностей логистического и административного, реже психологического характера. Не выяснен даже принципиально важный вопрос с людскими (не говоря о материальных) потерями, где до сих пор предпочитают ограничиваться довольно приблизительными оценками. Определенный прогресс достигнут в изучении оккупации в ходе Великой войны отдельных регионов (например, Румынии, Бельгии, в меньшей степени Польши и Сербии в ее тогдашних границах) и в рамках исследования истории повседневности, то есть фокус на жителях оккупированных территорий несколько

из современных, но небольших по объему работ по всему периоду «более Великой» войны: *Balkelis T. War, Revolution, and Nation-Making in Lithuania 1914–1923. Oxf., 2018.*

сместился в сторону взаимодействия и взаимовосприятия обоих контрагентов²⁰, но до акцентирования внимания на собственно оккупационных армиях, то есть на по меньшей мере второй стороне участников событий, так и не дошло. Методологических оснований — в отличие от гуманистических и эмоциональных — для подобного явного перекоса в сторону лишь одного из контрагентов оккупации, то есть местного населения, нет. Вторая «сторона медали», а именно оккупационные войска, представляет собой не менее важный для понимания общей картины оккупации элемент. Эволюция их состояния — многогранный и неоднозначный процесс, как и воздействие факта и сути оккупации на жителей завоеванных стран, на их элиты и правительства. В данном исследовании будет предпринята попытка анализировать ход и особенности оккупации постимперских территорий на Востоке с точки зрения в основном оккупирующих, а не оккупируемых (насколько вообще возможна подобная односторонность).

Существовала явная разница между «старыми» и «новыми» оккупированными территориями, ведь только первые из них находились под сравнительно налаженным управлением²¹. Если для жителей Курляндии, Литвы или Польши, испытывавших на себе тяготы германской оккупации с 1915 г., ухудшение ситуации проходило сравнительно плавно²², то даже для переживших волны революционного насилия обитателей Украины,

²⁰ В уже упоминавшейся монографии Л. Майерхофер военно-политические события описаны лишь на 30 страницах из 370, хотя представлены интереснейшие данные о реквизициях, административном устройстве и повседневной жизни и контактах на территории Румынии в 1916–1918 гг. См.: *Mayerhofer L. Zwischen Freund und Feind.*

²¹ Но и там следует иметь в виду достаточно тревожную гуманитарную ситуацию, а также вспышки вооруженного насилия со стороны банд дезертиров, бежавших военнопленных и уголовников, что заставляло применять против них даже кадровые войска. См.: *Osterroth, Herrmann. Geschichte des Dragoner-Regiments. S. 239–242.* Относительно ситуации на подконтрольной австро-венгерским властям территории Галиции см.: *Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz. Bd. 2. S. 89–94.*

²² Достаточно наглядное литературное описание ситуации к середине 1917 г. дал А. Цвейг в романе «Спор об унтере Грише».

Белоруссии, Лифляндии и Эстляндии контраст был весьма заметен²³. До некоторой степени его оттеняли рассказы многочисленных беженцев о еще более страшном голоде в Советской России. Затяжные переговоры между Германией и Советской Россией об условиях пропуска репатриантов в обе стороны оказались крайне болезненными для последних, ведь их судьба зависела от особенностей германского оккупационного режима²⁴ и от текущих политических интриг Совнаркома в отношении национальных окраин. Эти политические нюансы были совершенно чужды отчаявшимся мигрантам, ставшим заложниками одновременно мирового, национального и социального конфликтов. Многие бежавшие в Советскую Россию с занятых лишь весной 1918 г. интервентами территорий, после введения продразверстки и начала мобилизаций в РККА, уже летом возвращались обратно, но и в германской зоне к осени 1918 г. стал назревать голод. Активистам в переделе помещичьей собственности и всем помогавшим недолгой советской власти возвращение на оккупированную родину и вовсе грозило быстрой расправой и по меньшей мере подозрениями в организации подрывной работы. Ушедшие в подполье или действующие у демаркационной линии большевистские (а также левоэсеровские) партийные организации пытались подчинить себе местных повстанцев, беспрерывно требуя от Москвы деньги, оружие, литературу и агитаторов. Работа последних осложнялась тем, что в Советской России централизация продовольственных ресурсов за счет крестьянства приводила к еще более тяжелым последствиям, чем на оккупированных территориях.

---

²³ Это любили подчеркивать в историографии советских республик, однако не забывают и после распада СССР. См., напр.: *Райд Я.* Немецкая оккупация Эстонии в 1918 году. Дисс. ... канд. ист. наук. Тарту, 1967; *Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg: der Fall Ober Ost 1915–1917 // *Veröffentlichungen Osteuropa-Institut*. Bd. 61. Wiesbaden, 1993.

²⁴ Так, например, германские власти готовы были допустить возвращение поляков только на территорию Варшавского (и Люблинского) генерал-губернаторства, но не на территорию Обер Оста. См. ноты АА в НКВД от 21 апреля и от 15 мая 1918 г.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Т. 1. С. 346–347, 366.

Установление германского оккупационного режима везде начиналось одинаково: после репрессий в отношении местных советских активистов и «выявленных» (в основном с помощью местных жителей) большевиков, которых справедливо полагали организаторами будущих диверсий и мятежей, следовали аресты, даже за мелкие проступки и словесные выпады против войск интервентов. Восстанавливали позабытый за революционные годы элементарный порядок — «...бросающих окурки на пол заставляют их поднимать и класть в пепельницы, употребляющих нецензурные слова — высаживают из поезда»²⁵. Это было призвано продемонстрировать местному населению, что революционная вольница окончена. Действие всех начатых большевиками преобразований в общественной и экономической жизни немедленно прекращалось. Быстро вводили в действие нормы германского (или старого русского) уголовного права. Далее добивались добровольного разоружения местного населения, вступали в контакт с вышедшими из подполья органами земского самоуправления и приступали к восстановлению имеющей военное значение инфраструктуры. Следствием тесного и повседневного взаимодействия с органами местной власти было быстрое формирование коррупционных цепочек, особенно на низовом уровне и там, где дело касалось продовольствия и оружия. Затем начинались попытки учета и упорядоченного изъятия у населения продовольствия и скота, что приводило к росту сопротивления, в том числе со стороны национальных частей, зачастую бывших союзниками немцев в ходе их наступления в феврале-марте 1918 г., а это заставляло как можно скорее их расформировывать, добавляя хлопот в рамках чисто полицейских функций для многочисленных оккупационных войск. Прошения местных элит о разрешении на формирование хотя бы милиции отклонялись вплоть до явного заката оккупационного режима.

Со временем вставали или должны были заявить о себе в случае более продолжительной оккупации проблемы общей координации действий слабеющих оккупационных инстанций и местного самоуправления. Вероятно, как и во всех аналогичных случаях, выход рано или поздно усматривали в «коренизации» низших, а то

²⁵ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 200. Л. 4–4об.

и средних звеньев управления, особенно если в данном районе была значительная немецкая диаспора или масса колоний. Практиковали активное привлечение на административные должности местных уроженцев, желательно из бывших офицеров, особенно немецкого происхождения: «Немецкие офицеры держат себя натянуто. К русским офицерам и вообще к интеллигенции относятся сдержанно. Офицеры... из местных уроженцев принимают-ся на службу при условии отбытия 6-месячного срока в качестве вольноопределяющихся». По ходу развития обстановки все яснее становилось, что показная, а то и чрезмерная лояльность высшего и центрального управленческого звена того или иного сателлита имеет куда меньшее значение, нежели позиция местных властей даже самого локального масштаба. Явная деградация вертикали власти, буксующие попытки выстроить ее из, казалось бы, совсем недавно исправно работавших тех же институтов и даже тех же лиц, заставляли оккупационные власти совершенно иначе оценивать лояльность низшего и среднего чиновничества и офицерства, включая отставное, управляющих, а также старост. Как и в большинстве других случаев оккупации, провести действенную «лоялизацию» этого местного уровня власти и авторитета оказалось невозможно из-за его чрезмерной близости к населению, настроенному все более негативно.

Большие перспективы для роста выступлений против интервентов открывал неизбежный взрывной рост цен на продовольствие, разгоняемый готовностью сравнительно много платить за него не только солдат, но и коммерсантов из стран Четверного союза. Быстро ощутили и небывалый дефицит продуктов, вызванный масштабными усилиями по вывозу любого съестного интервентами. Даже дипломаты Центральных держав с тревогой отмечали падение курса (!) германской и австро-венгерских валют²⁶ по отношению к разнообразным местным деньгам, так как крестьяне не слишком охотно брали «чужие» деньги, а также быстро привыкли к большому количеству иностранных купюр²⁷. Игра на

²⁶ См., напр.: *Volck A. Völkisches Erleben und Wollen*. S. 210–212, 218.

²⁷ Особенно большое значение это имело на Украине, где при гетмане упорно стремились повысить значение карбованца, явочным по-

курсах при попытках их административного регулирования²⁸ тут же стала одной из форм дезорганизации товарооборота и закупок, вызвав специфическую конкуренцию между австро-венгерскими и германскими инстанциями. Финансисты, а тем более военные администраторы из Центральных держав с огромным трудом вникали в логику экономической деятельности местного населения, находившегося на принципиально ином уровне представлений о товарно-денежных отношениях²⁹. Крайнее раздражение вызывала и разница менталитетов, особенно в таких чувствительных сферах, как вопросы деловой репутации и пунктуальности. Неприятным сюрпризом стали не только многочисленные махинации с ассигнациями и иными ценными бумагами, но и подделка документов и ведомственных печатей, а также подписей командиров различных германских воинских частей. Яростные попытки разобратся никак не способствовали восстановлению уважения к выдаваемым квитанциям и распискам.

Добавляли неразберихи и амбиции местных финансовых властей, боровшихся с хождением керенок и царских рублей, но добивавшихся скорее обратного желаемому результату. Контраст с сохранившим на протяжении всей Великой войны сравнительно стабильные цены Кайзеррейхом оказывался слишком велик³⁰. Попытки германских властей разобратся в ситуации даже

рядком установив крайне высокий его курс. См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 200–212.*

²⁸ Так, в 10-й армии действовало распоряжение, что острубль приравнивался к 2 маркам, царские рубли к 1,25 марка, а «думские» и керенки к 1 марке. См.: *Kötzschke R. Die Landwehr-Infanterie-Regimenter Nr. 101 und Nr. 103. S. 83–84.*

²⁹ См. подр.: *Ланник Л. В. «Непознанный враг»: крестьянство и австро-германская интервенция на Украине в 1918 г. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. / ред. и сост. А. В. Посадский. М., 2013. С. 223–236.*

³⁰ Раздраженный Гофман писал 12 марта: «Денег у каждого, что сена, рубли печатались в изобилии и свободно выбрасываются, Одна сигара в Киеве стоит 6 рублей, чашка чая с сахаром — 5 рублей, обед — 25 рублей и т. д.». См.: *Гофман М. Записки и дневники. С. 242.* Немало и обратных отзывов от оккупантов: о крайней дешевизне (но в сельской местности) и широком ассортименте продовольствия.

органов местного самоуправления³¹ были безуспешны из-за полного отсутствия опыта действий на рынке с нестабильными валютами, а также неспособности солдат оккупантов разобраться в тонкостях валютного многообразия. Единое экономическое пространство явно распадалось, в различных губерниях были совершенно разные курсы обмена и цены, что дополнительно стимулировало спекуляцию. Особой проблемой стало и получение экономическими инстанциями Центральных держав необходимого для первичного обращения количества валюты государственных лимитрофов, включая деньги Советской России³², так что приходилось едва ли не торговаться с заведомо более слабыми финансово партнерами из-за условий выделения этих технических сумм для запуска товарооборота.

Спектр вариантов взаимоотношений между германским командованием, различными центральными ведомствами, в первую очередь дипломатическим, и местными националистическими элитами был весьма широким. Можно констатировать диапазон от попыток загнать в подполье национальную интеллигенцию по меньшей мере на период Великой войны (Эстония, Латвия), минуя вариант со срабатыванием друг с другом в рамках определения контуров территориального переустройства (Литва, Белоруссия, Польша) до псевдосоюзнических отношений или взаимовыгодного патронажа (Финляндия, Украина, Литва). Добавлял эмоциональной остроты и плохо скрываемый «колониальный» акцент в отношении оккупантов к местному населению и даже к низшим слоям региональных элит. Это было тем более неизбежно не только из-за крайне слабых представлений большинства чинов кайзеровской армии о Восточной Европе в целом и о ее культуре и истории, но и в случае наличия у некоторых кадровых офицеров собственно

³¹ См., напр., записку Минской городской управы, разъясняющую неэффективность директивного курса германским властям и ряд распоряжений штаба 10-й армии: Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 178–179, 222.

³² С этим сразу же столкнулся в Берлине Иоффе, с трудом преодолевавший многочисленные возражения более опытных германских чиновников и финансистов. См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 1.* S. 228–229.

колониального опыта, подталкивавшего к крайне жестким действиям и соответствующей этике в повседневном общении. Сказывался и общий уровень готовности проводников германской политики на местах и ее руководителей в центре воспринимать те или иные национальные проекты. Уровень же осведомленности и скепсиса германской стороны по отношению к ним был очень разным, особенно на основе полученного еще в 1915–1917 гг. опыта. Примером явной инерции прежнего восприятия (или невосприятия) той или иной этнической группы как отдельной нации, потенциально претендующей на сецессию от России, является Белоруссия³³, так и не получившая от германских элит особенно военной поддержки, позволившей бы ей сколько-нибудь заметно противостоять большевистской экспансии в конце 1918 г. Один только этот фактор гарантировал искажения и рост проблем по мере развития оккупационного режима, однако не менее важными были прочие «врожденные» недостатки и особенности структуры Брестской системы. Им еще только предстояло заявить о себе или выйти на новый уровень воздействия на и без того насыщенную общую политическую повестку 1918 г. Характерной слабостью оккупационной политики оказалась и полная неготовность даже тех чиновников, что наиболее отчетливо мыслили в колониальной парадигме, учитывать не только бинарную схему отношений «метрополия — колония (периферия)», но и — куда более важную для местного населения и особенно элит — сложную систему взаимоотношений местных сил и соседних стран, способную заслонить любой, даже самый жесткий диктат из державы-гегемона.

Вне зависимости от намерений ведомств в столицах Центральных держав или от желаний проводников их политики на местах структура взаимоотношений между оккупантами и оккупированными неизбежно усложнялась, охватывая все новые сферы и осваивая новые каналы. Отдельной и наименее известной страницей остается взаимодействие церковных структур с интервентами, тем более там, где они были сведены в развитые иерархические

³³ См. подр.: *Баринов И. И.* «Земля будущего» и «неосвоенная целина»: Белоруссия на немецкой ментальной карте, 1914–1944 // *Civitas et Lex.* № 1 (2018). С. 47–62.

организации. При общем ослаблении государственных институтов и дискредитации самих представлений о государственности церковь становилась важнейшим инструментом стабилизации общественно-политической обстановки. Несмотря на отсутствие всякого опыта и в целом крайне светские представления о политике (особенно у германских эмиссаров, в меньшей степени у австро-венгерских), это было в известной степени осознано еще в 1915 г., когда интенсифицировались контакты с духовенством в Варшаве и Львове, позднее в Вильне. В 1918 г. последовали попытки привлечь на свою сторону нового киевского митрополита Антония, не исключены были и контакты оккупантов с грузинскими церковными лидерами. Быстрый финал оккупации поздней осенью 1918 г. не позволил проявиться последствиям дальнейшего усложнения оккупационной политики, однако не отменяет явных тенденций и соответствующих перспектив, в том числе и втягивания в основном в религиозно, а не этнически окрашенные конфликты размежевания.

ГЛАВА 1

БРЕСТСКАЯ СИСТЕМА И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В марте 1918 г. был дан новый импульс теориям о всемирном значении будущего Германского/Среднеевропейского единого пространства. Их новый расцвет состоялся на фоне бурного развития представлений и идеалов «мировой державы» еще накануне Великой войны, а теперь в связи с ослепительными перспективами выхода Кайзеррейха за рамки ограничений бывшего балансирования³⁴. Все члены Четверного союза, кроме, вероятно, Болгарии, с самого начала своего участия в этой коалиции полагали, что вступление в этот союз является судьбоносным³⁵, а в случае неудачи и вовсе роковым. Мировая война должна была завершиться созданием новой, продиктованной или по меньшей мере отредактированной победителями системы международных отношений, причем так же с претензией на мировой ее масштаб. Версальско-Вашингтонская система, как вариант на случай, если победит

---

³⁴ См. подпр.: *Neitzel S. Weltmacht oder Untergang: die Weltreichslehre im Zeitalter des Imperialismus*. Paderborn u.a. 2000. S. 363ff.

³⁵ А потому нельзя не отметить удачно выбранный заголовок одного из первых исследований на тему союза Австро-Венгрии и Германии: *Cramon A. v.; Fleck P. Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn*. Von Conrad von Hötzendorf zu Kaiser Karl. B., 1932. Она стала ответом на австрийскую точку зрения на проблему на основе документов кайзера Карла: *Werkmann K. Frh. v. Deutschland als Verbündeter. Kaisers Karl Kampf um den Frieden*. B., 1931.

Антанта, именно так и появилась, причем контуры ее стремились наметить еще до окончания Великой войны (14 пунктов Вильсона и т. д.). Брест и сопутствующие ему договоры являлись эскизами к тому, как будет выглядеть если не мировая, то по меньшей мере континентальная система международных отношений при победе Германии (а формально — всех Центральных держав). Следовало иметь в виду богатую предысторию и общий фон дискуссий о будущем Центральной и Восточной Европы, ведь знаменитая концепция Ф. Наумана была далеко не единственным вариантом Средней Европы³⁶.

Поскольку попытки оформления этой системы пришлось на военное время, она была искажена массой конструктивных дефектов, особенно важным из которых являлось то, что создатели ее не могли осознать принципиально иной логики нынешних своих контрагентов, особенно большевиков, а потому искренне полагали, что если Советская Россия и уцелеет, то она по определению устранилась от дальнейшей борьбы за влияние за пределами своих приграничных интересов. Большевики же полагали, что появление «первого очага мировой революции» является не концом экспансии, а наоборот, началом ее нового и якобы неимпериалистического этапа. В 1918 г. в связи с критическим положением на фронтах Гражданской войны они не успели продемонстрировать «партнерам» по Бресту это в полной мере, однако уже с начала 1919 г. доказательств стремления к евразийской гегемонии и сохранения по меньшей мере всех позиций бывшей Российской империи стало все больше — Афганистан, Персия, Монголия и т. д. Такую ошибку в оценке большевистских притязаний унаследовали и творцы Версальской системы, за что им пришлось расплатиться несколькими болезненными кризисами уже в начале 1920-х гг.³⁷

³⁶ В почти апологетической масштабной биографии императора Карла I утверждается, что он намерен был возглавить реорганизацию Средней Европы. См.: Kovacs E. Untergang oder Rettung der Donaumonarchie? Bd. 1. Die Österreichische Frage. Kaiser und König Karl I. (IV.) und die Neuordnung Mitteleuropas (1916–1922). Wien u.a., 2004.

³⁷ См., например, относительно Персии: Zürcher W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmächteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt/M.; Las Vegas, 1978.

Брестская система уже в процессе своего создания была отягощена тем грузом межсоюзнических проблем, который накопился за годы Великой войны, причем три из четырех Центральных держав усматривали в факте заключения мира на Востоке законный повод добиться решения спорных вопросов именно в свою пользу и фиксации желаемого всей германской мощью и авторитетом. Таким образом, Брест, как и Версаль, был деформирован в своей конструкции заочно и заблаговременно. Коалиционный характер его создания (при всех оговорках в пользу диктата Германии) гарантировал усложнение системы, а стремление к созданию развитой и стабильной структуры с неизбежностью приводило к дальнейшему росту проблем в коалиционном взаимодействии, что имело, как правило, резко отрицательные результаты. Почти молниеносный успех «Фаустшлага» на главном направлении и сравнительно гладкое расширение зоны дальнейшей экспансии Центральных держав и после начала марта 1918 г. обеспечили то, что эскалация межсоюзнических конфликтов последовала в основном не в стадии вторжения, а именно по мере оформления оккупированных пространств и в ходе первых же выводов о необратимо сместившемся равновесии между «победителями» на Востоке. Особый случай представляла собой занятая вот уже около полутора лет часть румынской территории. Там коалиционные трения и схватки за раздел ресурсов сдерживались близостью фронта и необходимостью поддерживать фикцию единства перед лицом еще не добитого врага. Заключение мира в Буфтеа, а потом и в Бухаресте, а также новый уровень обострения продовольственной проблемы к апрелю-маю 1918 г. покончили с попытками делать хорошую мину при плохой игре, обнажив всю глубину до того старательно откладываемых конфликтов.

Вероятно, неслучайным совпадением является то, что как у Центральных держав не было должной коалиционной стратегии — на протяжении всей Великой войны она была в стадии выработки, — так до сих пор не создано и необходимой историографии данного вопроса³⁸. Парадоксальным образом исследование коалиционной

³⁸ Хотя следует констатировать последовательное развитие данного направления в исследованиях и постепенное формирование последовательной истории коалиций и военных союзов. См., напр.: *Frehland-Wildeboer K. Treue Freunde? Das Bündnis in Europa 1714–1914. München, 2010.*

стратегии, не только военной, но и дипломатической, вызывающей огромный интерес, до сих пор зачастую состоит из отдельных качественных работ по ряду аспектов. Применительно к истории военного взаимодействия Четверного союза можно констатировать, что если темой австро-германского³⁹ и чуть менее германо-турецкого военно-технического сотрудничества⁴⁰ занимались не так уж и мало, то структура многостороннего взаимодействия, в том числе в узких аспектах, почти не описана. Некоторым исключением является исследование В. Биля, попытавшегося выстроить все 4 грани политики Центральных держав на Кавказе (включая даже болгарскую). В его освещении, разумеется, преобладает германская и (благодаря архивам) австро-венгерская сторона проблемы⁴¹. Это тем более бросается в глаза, что теория анализа коалиций и их действий⁴², компаративные исследования⁴³

³⁹ См. перечень основных работ и направлений: Власов Н. А. Военно-техническое сотрудничество Австро-Венгрии и Германии // Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017. С. 66–115.

⁴⁰ До сих пор остается во многом незаменимой работа 1940 (!) г. бывшего германского генштабиста К. Мюльманна: *Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg*. Leipzig, 1940. Последующие работы можно считать лишь частичными дополнениями к ней, см., напр.: *Trumpener U. Germany and the Ottoman Empire 1914–1918*. Princeton, 1968; *Kent M. The Great Powers and the end of the Ottoman Empire*. L., 1996. Лишь недавно обратились к этой теме в исследованиях международных коллективов ученых: Арслан О. Люди, корабли и оружие для султана: персонал, суда и вооружения, поставленные Германией турецкой армии и флоту // Порох, золото и сталь. С. 116–138. Применительно к еще более сложному военному взаимодействию Центральных держав на балканских фронтах столь же актуальной остается работа опять-таки Мюльманна 1942 г. издания: *Mühlmann C. Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918*. B., 1942.

⁴¹ См. подр.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918)*. Wien; Köln; Weimar, 1992.

⁴² См. о восприятии союза двух империй в довоенный период: *Stieve F. Die Tragödie der Bundesgenossen: Deutschland und Österreich-Ungarn 1908–1914*. München, 1930; *Verosta S. Theorie und Realität von Bündnissen*. Wien, 1971.

⁴³ См.: Лютов И. С., Носков А. М. Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988.

и аналогичные попытки относительно других альянсов, например довоенного Тройственного⁴⁴, уже предпринимались. Лишь недавно возобновились исследования хотя бы по одному из аспектов коалиционного взаимодействия Центральных держав⁴⁵. С другой стороны, следует признать, что проводившиеся еще в межвоенное время исследования по австро-германскому (то есть только Двойственному) союзу в годы Великой войны⁴⁶ — при всей точности рассмотрения ряда вопросов двусторонних отношений двух «держав-Нибелунгов», — даже при выходе еще в 1970-х гг. на новый источниковый уровень⁴⁷ с методологической точки зрения вряд ли оправданны. Хотя важнейшим фронтом прямого военного взаимодействия Германии и Австро-Венгрии был Восточный, даже сравнительно недавние исследования по проблемам последних военных кампаний продолжают иметь в виду главным образом Западный и итальянский фронты⁴⁸.

Коалиционной истории действий не заменит и последовательный обзор двусторонних отношений той или иной державы со всеми соседями и с великими державами, хотя такие попытки могут быть достаточно масштабными⁴⁹. Здесь действуют те же тенденции, что и в case-studies по региональному признаку насчет оккупантов и оккупированных, то есть неизбежны не вполне научно

⁴⁴ См.: *Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg.* Wien, 2002.

⁴⁵ См.: *Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis.* Köln, 2012.

⁴⁶ См., напр.: *Fleck P. Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn. Von Conrad von Hötzendorf zu Kaiser Karl. B., 1932.*

⁴⁷ См.: *Gonda I. Verfall der Kaiserreiche in Mitteleuropa. Der Zweibund in den letzten Kriegsjahren (1916–1918).* Budapest, 1977.

⁴⁸ Обуславливается это концентрацией на стратегии сокрушения, однако же проблему материального обеспечения этой стратегии, а также общего уровня межсоюзнических трений (то есть в первую очередь действия на Востоке, так подробно и не рассмотренные) это никак не отмечает. См. подр.: *Müller M. Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegführung.*

⁴⁹ См., напр., последовательный разбор австро-венгерских двусторонних отношений с другими державами: *Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen / hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. 6. Tlbd. 2.* Wien, 1993.

обоснованные перекосы в одну из сторон, эмоциональные оценки и ролевые стереотипы, искусственная бинарность выводов и рамок исследования. Из истории Великой войны с точки зрения Четверного союза вполне очевидно, что обе «немецкоговорящие великие державы» прекрасно осознавали занимаемое ими доминирующее положение в коалиции Центральных держав и даже изображали формальное равенство вплоть до весны 1918 г. После вступления в альянс Турции (2 августа 1914 г.) и Болгарии (6 сентября 1915 г.) действовать в логике лишь двустороннего военного союза они не могли и в действительности такими категориями уже не мыслили. Оба младших союзника и опыт совместных действий на их фронтах не позволяют оперировать понятием «Двойственный союз» применительно к ситуации 1916–1918 гг., хотя они и не умаляют приоритетного значения австро-германских отношений для судьбы всех Центральных держав, особенно если пользоваться марксистской методологией о роли «интересов крупной буржуазии» в период империализма. По этой же причине совершенно некорректные результаты давала бы попытка жестко абстрагироваться от общекоалиционной логики и действий в рамках связей и конфликтов внутри альянса при описании германской *Ostpolitik* и всех кампаний на восточных фронтах Первой мировой войны. Даже применительно к Западному и Итальянскому фронтам, где был очевиден подавляющий перевес лишь одной из держав Четверного союза, это кажется допустимым лишь на некотором уровне приближения к реалиям. Вряд ли корректно рассуждать лишь о трех углах в четырехугольнике Центральных держав, хотя 3 империи в их числе полностью затмевали четвертую «державу», то есть Болгарию. Тем не менее необходимость учета болгарских интересов, сколь бы локальными они ни были в сравнении с таковыми у крупных партнеров, оказывала весьма серьезное деформирующее влияние на общий ход развития многосторонних отношений, чтобы можно было пренебречь и самой малой из стран альянса⁵⁰. К настоящему моменту болгарский угол зрения

⁵⁰ Хотя подобные попытки, и не без интересных результатов, неоднократно предпринимались, см., напр.: *Weber F. G. Eagles on the Crescent. Germany, Austria and the Diplomacy of the Turkish Alliance, 1914–1918.* Ithaca; London, 1970.

на Брестский (ситуация с Бухарестским миром чуть лучше) мир до сих пор так и не освещен в историографии⁵¹.

Коалиционные соглашения и действия акторов Брестской системы гарантировали системность и тенденцию к усложнению структуры создаваемого в Восточной Европе (а затем и далее, на Ближнем и Среднем Востоке) порядка, что подразумевает необходимость системного же подхода к анализу последнего. Очевидно, что система не может быть описана, охарактеризована или рассмотрена лишь как простая сумма ее элементов, из чего видны пределы перспектив подобных попыток, предпринимаемых (не считая, возможно, лишь работы В. Биля) ранее. Разумеется, нет необходимости и в искусственном приравнивании вклада и веса того или иного актора. Соблюдение пропорций в зависимости от уровня элемента в системе важно, однако игнорирование второ- и даже третьестепенных элементов, а также их горизонтальных связей в рамках системы примитивизирует ее образ и искажает результаты анализа.

К исходу наступления германских войск вглубь России, то есть к концу мая 1918 г., можно было констатировать формирование (пока в общих чертах) сложной многоуровневой системы международных отношений на базе (но порой вопреки его отдельным условиям) Брестских договоров и тесно с ними связанных Берлинского и Бухарестского договоров. Основными контрагентами являлись Германская империя и большевистская Россия, мнение которых было определяющим для принятия решений по всем вопросам, связанным с судьбами Восточной Европы. Высокую степень самостоятельности, вынуждавшую к периодической демонстрации силы хотя бы на дипломатическом уровне, сохраняли партнеры Германии по Четверному союзу в следующем порядке: Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария. Ни одна из этих стран не была готова на односторонние действия против большевистской России, тем более вопреки пожеланиям Германии. Все они имели собственные «симпатии» и «антипатии» среди других акторов

⁵¹ Достаточно поверхностный обзор, дающий представление о восприятии мира болгарской элитой в контексте кампании в 1918 г. в целом: *Баева И.* Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. и Болгария // Брестский мир. История и геополитика. С. 234–251.

системы и готовность идти на уступки различного масштаба, что особенно сказывалось, например, в ходе австро-германской конкуренции на Украине или германо-турецкой в Закавказье. Там, где на одном постимперском пространстве накладывались друг на друга имперские притязания сразу нескольких держав — как в Закавказье, веками являвшемся сразу и османским, и российским, а ранее и персидским (пост)имперским пространством, — ситуация неизбежно становилась столь сложной, что выйти из нее можно было только резким (и неизбежно) насильственным упрощением, то есть жестким разграничением сфер влияния (вплоть до полного вытеснения конкурента). Статус гегемона обязывал (в данном случае Кайзеррейх) претендовать на сохранение своей зоны интересов на всем пространстве системы, даже если в отдаленных регионах к этому не было реальных средств. Следствием закономерно становилось «перенапряжение», «мания величия», «необузданная экспансия», а в действительности — лишь почти вынужденное соответствие статусу гегемона (а значит, и верховного арбитра, и постоянного посредника) даже там, где это было слишком сложно или слишком дорого. Когда в конце 1918 г. с распадом Центральных держав постимперских пространств стало уже несколько, никакого выхода, кроме диктата и силового оформления новых границ, не осталось вовсе.

Особенно серьезные проблемы германским амбициям доставляла умелая австро-венгерская дипломатия, с ее развитой агентурой, прекрасной информированностью и готовностью прийти на помощь младшим партнерам по Бресту с плохо скрываемым антигерманским подтекстом⁵². Отношения между двуединой монархией и Портой также сложно назвать идеальными, однако по сравнению с недовольством турок гегемонизмом Кайзеррейха они были

⁵² Это хорошо видно по действиям бывшего много лет австро-венгерским военным атташе в Османской империи генерала польского происхождения Й. Помянковского, курс которого (причем и до начала Великой войны) называют прямо «антигерманским»: *Pomiankowski J. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges.* Wien, 1928; *Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad.* S. 193–214.

куда более теплыми⁵³. Попытки Австро-Венгрии и Османской империи взаимно поддерживать друг друга в качестве альтернативы германской гегемонии во все более тесном военном альянсе⁵⁴, а также выступать с альтернативными территориальными проектами⁵⁵ воспринимались в германской Ставке (ОХЛ) как предательство, причем раздражение этим нарастало еще с 1915 г. Упорное стремление двуединой монархии изображать (как это было и до 1914 г.⁵⁶) сопоставимую с Германией военно-экономическую державу⁵⁷ за счет довольно существенной военной помощи Османской империи (поставки тяжелой артиллерии и специального военного оборудования и специалистов), слишком сильно контрастировало с постоянными попытками австро-венгерских инстанций добиться от Германии максимально льготных поставок оружия и военных материалов. Попытки партнеров фактически «продать» соответствующие обязательства, прописанные в разрабатываемых в ОХЛ и Адмиралштабе конвенциях⁵⁸, за дополнительные германские субсидии вызывали у гегемона озлобление.

⁵³ См. подр.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 140–145.

⁵⁴ Так, Османская империя стремилась уклониться от дополнительного германского контроля над ее флотом (и так опиравшимся главным образом на германские суда) за счет заключения военно-морской конвенции с Дунайской монархией. После долгой торговли к концу октября 1918 г. военно-морскую конвенцию (а в рамках переговоров о ней в Адмиралштабе уже мечтали о стоянках в Смирне, в Ливии и от Транссахарской магистрали в Камерун) так и не заключили. Зато, чтобы не злить турок, так и не начали переговоры о военно-морской конвенции с Болгарией. См.: *Groß G. P.* Die Seekriegsführung. S. 46–53, 66–67.

⁵⁵ См., напр.: *Zürner W.* Kaukasien 1918–1921. S. 111–112.

⁵⁶ См. подр.: *Klein F.* Die Rivalität zwischen Deutschland und Österreich-Ungarn in der Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges // *Politik im Krieg 1914–1918*. В., 1964. S. 1–22.

⁵⁷ Даже название посвященного уровню взаимодействия трех держав исследования говорит само за себя: «никакого рывка к мировому господству»: *Will A.* Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.

⁵⁸ См., напр. проект военно-морской конвенции между Германией и Османской империей: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg*. Bd. 4. S. 95–100.

Германские военные и дипломатические ведомства лавировали между интересами союзников, полагая, что если их не провоцировать, то рано или поздно каждый из них подпишет соответствующие конвенции на базе выставленных Кайзеррейхом условий и ради определенных льгот. Так, Германия приняла на себя огромный объем работы по возвращению из Советской России десятков тысяч (до 50) османских пленных, что было достаточно широким жестом с учетом и без того огромного объема работ по вызволению из охваченной гражданской войной страны бывших военнослужащих кайзеровской армии. Постоянные срывы надежд на послушность и благодарность союзников, особенно в связи с клубком конфликтов на Балканах, серьезно испытывали терпение ОХЛ. Раздражало и нежелание Болгарии активно участвовать во вторжении на Украину⁵⁹, которую та намерена была взять чуть ли не под «покровительство», как братская славянская страна, одновременно с претензией на часть полученных от УНР поставок, а также и на суда Черноморского флота⁶⁰. У Османской империи притязания и на поставки продовольствия (с учетом голодных смертей даже на фронтах), и на Черноморский флот были еще больше. Потеря «Бреслау» и длительный ремонт «Гёбена» заставляли всерьез отнестись к проектам передачи судов ЧФ формально османской Средиземноморской дивизии.

Вынужденные выполнять тяжелую задачу по организации контроля над Украиной Германия и Австро-Венгрия не намерены были брать на себя какие-либо обязательства перед младшими партнерами в разделе добычи, что являлось грубым нарушением

---

⁵⁹ В советских сводках в начале апреля отмечалось, что против Советской России Центральные державы держат 71,5 пехотной дивизии, 39 германских, 30,5 австро-венгерской и 2 болгарские. См.: *Кляцкин С. М.* На защите Октября. С. 181.

⁶⁰ См., напр.: *Ленчиков К.* Българо-украински дипломатически отношения 1918–1919 гг. // Историко-филологически изследвания. Велико Търново, 1983. С. 49–68. О попытках Болгарии не допустить османского морского господства на Черном море и о стремлении продемонстрировать болгарский флаг докладывал 15 июля 1918 г. в Адмиралштаб А. Хопман, см.: *Hopman A.* Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. S. 1107.

коалиционного характера Брестского мира от 9 февраля. Под этим же предлогом союзники Германии постоянно затягивали ратификацию Брестского договора с УНР, что ставило под сомнение вторую по важности из основ создаваемой системы. Желание довести до конца процесс оформления «хлебного мира» в рамках общекоалиционной логики заставило и саму Германию, вынужденную улаживать сложные разногласия с Австро-Венгрией⁶¹, завершить процедуру ратификации договора с УНР. Планировавшееся для убедительности одновременное проведение этого торжественного акта во всех столицах Центральных держав было сорвано уже к началу июля. Он был ратифицирован сначала Болгарией 15 июля, затем 24 июля Германией, лишь 22 августа 1918 г. Османской империей⁶². Австро-Венгрия, недовольная недостаточными, по ее мнению, поставками сырья и продовольствия, от этой процедуры уклонилась вовсе, использовав для этого в том числе жесткий отказ гетмана окончательно снять претензии на Холмщину⁶³. Австро-венгерская дипломатия провела блестящую комбинацию, заручившись поддержкой польской фракции в австрийском парламенте в обмен на будущее уничтожение экземпляра секретного протокола об образовании «украинского субъекта» в федерации, а затем шантажируя гетмана ратификацией, чтобы он согласился не только на сожжение этой бумаги в Берлине, но и на отказ от любых официальных нот протеста. Протесты киевского правительства и украинских депутатов рейхсрата насчет затяжки с ратификацией действия не возымели⁶⁴. Куда более двуединую монархию волновали новые попытки получить продовольствие и сырье, о чем следовало договариваться с Германией. Компромисс между Веной и Берлином по разделу плодов мира с Украиной увенчался соглашением от 10 сентября, где было определено, что Болгария и Османская

⁶¹ См. подр.: *Kindler K.* Die Cholmer Frage. Frankfurt/M., 1990. S. 334–341.

⁶² Подробная подборка документов о ратификации Берестейского мира тремя державами из австро-венгерских ведомств: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 487–507.

⁶³ *Bihl W.* Die Ukraine-Politik Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg... S. 65; *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 139–140.

⁶⁴ См.: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 296–322, 412–486.

империя получают свою долю по усмотрению обоих главных Центральных держав, на что они якобы согласны⁶⁵. Из-за продолжающегося жесткого спора о судьбе Холмщины ратификацию Брестского (точнее, Берестейского, с УНР) мира в Вене откладывали. Полонофильская позиция Габсбургов была только усилена последним витком надежд на австро-польскую унию, что подталкивало гетмана к все более прогерманской линии. Дипломатические маневры Австро-Венгрии вокруг мирного договора от 9 февраля 1918 г. фактически гарантировали начало польско-украинской войны при первой же возможности.

Весьма примечательно, что хронологически первый (но второй по важности) из Брестских договоров все же получил должное коалиционное оформление, то есть был ратифицирован не только лидерами Центральных держав, хотя после тяжелейших (в случае Австро-Венгрии) дополнительных переговоров между послом в Киеве Форгачем и гетманом Скоропадским двуединая монархия так и не смогла довести процедуру до конца⁶⁶. А вот относительно мира с Советской Россией ситуация была значительно хуже. Для общей устойчивости Брестской системы неприемлемым и почти анекдотическим являлся тот факт, что базовая процедура обмена ратификационными грамотами, сверки текста и назначения дипломатических представительств между РСФСР и Австро-Венгрией, а также Османской империей до конца так и не была доведена! Например, ратификационная процедура с Портой со стороны Советской России последовала лишь 12 июля 1918 г. Долгое время в этом видели лишь элемент определенного торга⁶⁷,

⁶⁵ См.: *Milow C.* Die ukrainische Frage 1917–1923. S. 162.

⁶⁶ Форгач, предвзято Керзона, выступал за согласие Украины на границу по р. Буг, император Карл должен был подписать согласие на ратификацию 5 октября. Уже 9 октября, несмотря на давление Буриана, анонсированная ратификация была вновь отложена. См. подр.: *Kindler K.* Die Cholmer Frage. S. 342–348; *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 467–486.

⁶⁷ Иоффе постоянно упоминал, что отложит обмен ратификационными грамотами с османскими представителями в Берлине, а те и не настаивали, ожидая развития событий под Баку и соглашения с Германией. См.: *Wulff D.* Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 3. S. 276–277.

но потом оказалось, что данной процедуре попросту не придают должного значения.

Несмотря на огромную заинтересованность Дунайской монархии в скорейшей репатриации более миллиона военнопленных, выяснять необходимые вопросы и после Бреста продолжали чуть ли не через скандинавские миссии, что вызывало раздражение НКИД⁶⁸. Последовавшее 21 мая заявление главы НКИД Чичерина об окончательном установлении урегулированных Брестом мирных отношений с Австро-Венгрией и даже приветствие уже назначенному в Москву послу О. фон Францу (от 10 июля)⁶⁹ существенных последствий не имело. Однако в Москве работало генеральное консульство Австро-Венгрии во главе с де Поттере, но посольства так и не прислали. Прибыли лишь комиссии по делам военнопленных во главе с Вернер-Рааблем. Послом в Вену был назначен (и даже признан таковым) остававшийся под арестом в Финляндии до начала августа Л. Б. Каменев. К месту назначения он в итоге так и не прибыл. И тщетно полпред Иоффе из Берлина умолял Москву назначить «толкового посла» в Вену, ему самому предоставить более профессиональный персонал (это было постепенно сделано)⁷⁰ и позволить ему более активно взаимодействовать с недовольными (из-за Румынии и Турции) болгарами и вообще вести общую, а не частную, т. е. лишь узко советско-германскую, политику. В этом ему Чичерин не помог, и союзники Германии должной активности (и вполне сознательно) в развитии официальных отношений с Советской Россией не проявили, хотя Иоффе надеялся использовать постоянные коалиционные склоки Центральных держав⁷¹.

⁶⁸ См., напр., ноту НКИД министерству иностранных дел Австро-Венгрии от 4 апреля 1918 г.: ДВП. Т. 1. С. 224.

⁶⁹ См.: ДВП. Т. 1. С. 383.

⁷⁰ Вскоре у Иоффе уже работали Красин, Менжинский, Ларин, Сокольников, Соломон, приезжал Бухарин. Постепенно добавился и ряд других специалистов. Об уровне подготовки первоначального состава полпредства Соломон оставил крайне негативные отзывы, подтверждаемые А. А. Борманом, однако оба источника довольно предвзяты.

⁷¹ Хотя Иоффе приводил и такой аргумент: без обмена ратификационными грамотами возникает ощущение, что «мы... не относимся к миру

Что же касается болгарской миссии в Советской России, то после краткого визита Ризова, имевшего в виду закупки продовольствия, в конце апреля 1918 г. сообщили о прибытии посольства во главе со С. Чапрашиковым (уже знакомым большевикам по миссии в январе 1918 г.). Однако процедура вручения верительных грамот в Москве состоялась лишь 10 июня, ратификационными грамотами обменялись в Берлине 9 июля, а уже 9 августа — явно вследствие отбытия германского представительства — болгарские дипломаты выехали из Москвы, чтобы вернуться туда лишь в 1934 г. «Победа болгарского оружия» была представлена на дипломатическом уровне совсем недолго⁷².

Контрагентам большевиков обосновать такую «осторожность» необходимостью политического карантина труда не составило. Показательно, что даже чрезвычайно необходимое почтовое сообщение между Советской Россией и Германией (а с «союзной» Украиной только с 10 июля 1918 г.!) разрешили возобновить (в ограниченном масштабе) лишь в начале июня 1918 г.⁷³ Только теперь была прервана для военнопленных затянувшаяся с ноября 1917 г. полная пауза в их переписке с родиной (и то в одностороннем порядке, ведь разрешили лишь отправлять, а не получать письма). Вскоре, благодаря надеждам на бурное восстановление торговых связей, стали разрешать и посылку товаров и бандеролей, ведь до того этот поток шел лишь от германских и австро-венгерских солдат на оккупированных территориях — их семьям в голодающем Кайзеррейхе и в двуединой монархии. Интенсификация повседневных связей была важнейшим условием начала бурной интеграции, а значит, и преобразования прежнего видения Востока в координатах «победители» — «побежденные». С учетом крайнего разнообразия и стран Четверного союза, и обломков Российской империи по их потенциалу неизбежно было реконструирование альянсов, поначалу с помощью

всерьез, а военные вообще считают: с большевиками ничего по-хорошему добиться нельзя, то есть только силой». См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 2. S. 235–236, 238, 254–255, 263; Teil 3. S. 281.*

⁷² См. подр.: *Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения в 1917–1935 гг.* Минск, 1975. С. 20–24.

⁷³ См. распоряжение ПБМ от 7 июня: *SächsHStA. 11248. 6956.*

«присоединения» к коалиции победивших некоторых из бывших побежденных, а затем и с явным оттеснением слабейших из «триумфаторов» в пользу очевидно более перспективных из новых сателлитов Германии. При поступательном развитии этой тенденции ревизия даже территориальных условий договоров Брестской системы (и вовсе не только большевиками или иным центральным российским правительством) становилась вопросом времени и благоволения гегемона. Инцидент с «украинской коронной землей» в Австро-Венгрии уже был первым намеком на будущий ход событий.

Из государств-лимитрофов, готовых ориентироваться на Германию, но претендующих на учет их позиции и поддержку в борьбе против большевиков, важнейшее значение имели Финляндия, Украина и Дон. Этих «новых союзников» полагали способными к быстрому созданию боеспособных вооруженных сил. Относительно Дона необходимо было иметь в виду значительно более трудный по сравнению с двумя первыми процесс «встраивания» этого актора во взаимоотношения с большевистской Россией. Перемирие между избранным 16 мая и не без труда утвержденным на посту атамана 24 сентября П. Н. Красновым и Лениным было невозможно. Компромисс был исключен хотя бы из-за географического положения Области войска Донского. Однако и простой отказ германского командования от поддержки Дона был бы уступкой, за которую Советской России было нечего предложить, а вот возможный разгром «очага контрреволюции» усилил бы большевиков настолько, что это было бы и вовсе опасно Германии и фатально для Украинской державы. Несмотря на огромное давление внешнеполитического ведомства, недовольного столь грубым нарушением Бреста как сам факт оккупации части Донской республики, решительно отказаться от поддержки восставшего против красных казачества германские военные и политики так и не смогли. Германское внешнеполитическое ведомство (АА) с самого начала, еще 17 мая выразило ОХЛ свое недовольство и позднее неоднократно, в связи с перепалками с Москвой подтверждало негативное отношение к подобного рода вариантам деформации Бреста. «Тихому» Дону пришлось вступить на длинный и сложный путь постепенного инсталлирования в Брест и в его последующие

редакции⁷⁴ в качестве неустранимого *fait accompli* и предмета возможных крупнейших перемен в расстановке сил в будущем, в зависимости от хода Гражданской войны в России в целом. Несколько менее трудной, но также чрезвычайно щекотливой задачей было и согласование места и роли Дона в германской зоне Бреста с младшими партнерами, например с Австро-Венгрией и Османской империей, а особенно масштабные компромиссы требовались между Украиной и Доном, размеры которых не предполагали столь безусловной иерархии как, например, между Украиной и Крымом.

Важными по политическим причинам и сохраняющими известную стратегическую ценность являлись Литва, Польша, Крым и Грузия, боеспособными вооруженными силами не обладавшие, но имевшие перспективу дальнейшего оформления их государственности на разном уровне зависимости от Германии и/или ее младших партнеров. Они (не считая Польши) явно не имели шансов на повышение своего статуса, не считая варианта с объединением с другими лимитрофами на тех или иных условиях. К этой же категории акторов уже 3-го порядка следовало отнести и частично оккупированную Румынию, продолжавшую попытки выйти из непростой ситуации с наименьшими потерями. В течение полугода она находилась на особом положении, затянув не только ратификацию Бухарестского мира, но и демобилизацию армии. Если от последнего успешно (если не считать Черноморского флота) уклонялись и большевики, то любые недоразумения с ратификацией продиктованного Центральными державами договора Советской России ни в коем случае не спустили бы с рук. Давление на Румынию также нарастало, так что ее рискованная игра (аналогичная почти опереточным уловкам в феврале-мае 1918 г. на стадии подготовки мирных договоров) могла окончиться крайне трагически, к чему назрели к сентябрю 1918 г. все условия. Операции «Фангштосс» не допустил (но мог и внезапно ускорить) лишь общий ход крушения Центральных держав. В случае более благоприятной

---

⁷⁴ См. подп.: *Gehrmann U. Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit des Brest-Litovsker Friedens // JfGO. 1993 (41). S. 394–421.*

для германской коалиции обстановки военная операция оставалась бы предметом затяжного блефа, ведь у группы армий генерал-фельдмаршала Макензена оставалось все меньше сил, а лояльность Румынии полагали надежно гарантированной полученной ею Бессарабией и подпитываемой германскими дипломатами надеждой сохранить большую часть Добруджи.

В случае готовности к переориентации на Центральные державы и при наличии дееспособных национальных лидеров в систему могли быть включены также Балтийское герцогство или (позднее) отдельно его эстонская и латышская автономии⁷⁵, Белоруссия под управлением местной Рады, Кубань⁷⁶, Терек и/или различного состава федерации республик Юга России и Северного Кавказа, Армения, Азербайджан. Германию устраивал только тот вариант, при котором данная категория государственных образований будет ориентироваться в первую очередь на Германию и лишь с ее одобрения на другие Центральные державы. Однако, например, на Кавказе еще в мае 1918 г. стало очевидным стремление Азербайджана и Союза объединенных горцев Северного Кавказа⁷⁷

⁷⁵ См.: *Taube A. Frh. von. Die baltisch-deutsche Führungsschicht... Bd. 1. S. 160-169.*

⁷⁶ На ее готовность к этому намекали, а то и прямо призывали еще в мае 1918 г., но в неофициальном порядке, многие эмиссары, например инспектор артиллерии кубанских частей полковник Мальцев. См. несколько отчетов в штаб корпуса Киёрцера о настроениях и перспективах: HStA Stuttgart. M 600/005. Nr. 14. По мере укрепления Добровольческой армии такие сепаратные обращения постарались пресечь, хотя Кубань явно имела в виду для себя пример Дона при атамане Краснове.

⁷⁷ Делегация Союза уже в конце апреля с согласия турецкого правительства выехала из Константинополя в Батум, где обратилась к представителю Германии генералу фон Лоссову с просьбой о признании независимости Горской республики и об установлении дружеских взаимоотношений. Это тут же вызвало опасения грузинских меньшевиков, однако воспрепятствовать северокавказской делегации они никак не могли. Поэтому 11 мая согласились на их участие в конференции, еще и потому, что полагали возможным воссоединение Закавказья и Северного Кавказа. Вскоре горская делегация обратилась за помощью и к германскому послу в Константинополе, и к австро-венгерским дипломатам и т. д. См.: Горская контрреволюция и интервенты // Красный архив. 1935.

к максимально тесному сотрудничеству с Османской империей, а с Германией (или Австро-Венгрией?) только по необходимости⁷⁸. Кроме того, в данную категорию акторов едва ли не 4-го порядка следует включить и потенциальные, а также обладающие лишь символическими ресурсами политические группировки (включая повстанцев), претендующие на представительство интересов населения на локальном уровне, но далеко не всегда контролирующие хотя бы малую часть локальной территории. Роль последних сводилась к выжиданию, пока акторы более высоких порядков не примут решение (полу)официально задействовать их в рамках нового раунда борьбы за пересмотр границ. Сюда могут быть отнесены все находящиеся в подполье или в эмиграции революционные или свергнутые национальные правительства, формируемые на чужой территории повстанческие армии и т. д.⁷⁹

Все более стройная и иерархичная структура системы подразумевала уже не «передышку», а долговременное сотрудничество с главным контрагентом. С учетом сомнений в перспективах большевиков потенциальную замену их в этом качестве следовало провести быстро (переворотом уровня мятежа 6 июля) и как можно раньше, чтобы не мешать этим дальнейшему оформлению нового порядка в Восточной Европе. Опция смены основного контрагента была крайне рискованной и чреватой лишними затратами, однако куда более приемлемой казалась перспектива дальнейшего дробления европейских владений большевиков, особенно по мере укрепления их власти после подавления мятежей в казачьих областях и на Дальнем Востоке. Рассматривался вариант подготовки

№ 1. С. 125–136; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / под ред. Х. А. Амирханова и др. Махачкала, 2013. С. 68–79.

⁷⁸ Позицию рассчитывавших на самолюбие Энвера-паши и поддержку части османской военной элиты, имевшей черкесское и абхазское происхождение, представителей Северного Кавказа, см.: Союз объединенных горцев. С. 88–90, 92–94, 95–97.

⁷⁹ См. подр. об иерархии акторов в Брестской системе: *Lannik L. V. Die Struktur des Brester Systems der internationalen Beziehungen: Potential, Beteiligte, Grundbedingungen und Entwicklungsprobleme // Nord-Ost. 2019. (в печати).*

подходящего, т. е. прогерманского правительства для освобождаемой от большевиков в скором будущем части территории Великобритании. Основой его мог стать переметнувшийся на сторону Германии кружок Милюкова, базировавшийся одно время в Киеве⁸⁰, или, что более вероятно, многочисленные бежавшие из Советской России монархисты. Вариант сосуществования с системой, без включения в нее в качестве элементов низшего порядка мелких образований, даже при условии строжайшего их нейтралитета и незаинтересованности в них главных акторов, был совершенно исключен. Именно поэтому одними из первых оказались вовлечены в борьбу с австрийскими оккупантами украинский атаман Гребенко, а затем Н. И. Махно и конгломерат его сторонников, хотя они вряд ли могли всерьез угрожать власти в Киеве или составить прочную коалицию с большевиками. Быстрый рост их популярности привел к появлению и других героев-освободителей такого же — уездного — масштаба, среди которых выделялся атаман Григорьев. Характерно, что при всей ничтожности их значения по сравнению с акторами более высокого порядка в недолгий период расцвета Брестской системы (май-август 1918 г.), масштаб влияния таких «внесистемных» локальных элементов мог драматически, но ненадолго поменяться (достаточно вспомнить значимость Григорьева и Махно в декабре 1918 — мае-июле 1919 г.)⁸¹, временно определяя судьбы акторов 3-го, а то и 2-го порядка.

Неуклонно структурирующееся пространство Брестской системы продолжало ассоциироваться со статусом оккупированных или уклонившихся от этого ценой положения сателлита территорий. Даже большевиков их противники весной-осенью 1918 г. относили порой именно к последней категории. Сводить участие лимитрофов в Брестской системе лишь к политической ширме перед прямой военной оккупацией было бы неоправданным упрощением. Попытки уклониться от оценок германского военного присутствия

⁸⁰ См. подр.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 130–131.* Ходили упорные слухи, что Милюков достиг соглашения с гетманом о формировании чисто кадетского и прорусского правительства для Украины.

⁸¹ Обзор значимости Махно в истории противостояния 1917–1922 гг., см.: *Шубин А. В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине.* М., 2013.

на территории тех или иных государств как «оккупации» или «иностранной интервенции» носят подчеркнуто политический характер. Столь же однобока и советская трактовка вопроса, отрицающая какую-либо большевистскую экспансию как элемент подготовки германских военных акций, а также не желавшая признавать независимость (и предоставляемое ею право размещать на своей территории приглашенные военные миссии и войска иностранных держав) никаких стран, если в них не просоветское, а желательно и прямо большевистское правительство. Факт присутствия (даже не обязательно участия в военных действиях) войск великой державы на территории заведомо уступающей ей в потенциале другой страны всегда оказывает самое серьезное воздействие и на внешнюю, и на внутреннюю политику последней. Поэтому отрицать термин «интервенция» в таком случае значило бы бороться лишь с негативными коннотациями этого слова, не в силах изменить сути явления. Все рассуждения, призванные отрицать «интервенцию», в конечном итоге сводятся к попытке подмены понятия на более удобные для союзных интервентам сил. Сам факт «приглашения» и «обращения за помощью» является важнейшим юридическим аргументом, как правило никак не оговаривавшим ни детали последующего пребывания, ни цели «приглашаемой» страны. И столетие назад, и сегодня он толкуется произвольно, поэтому, например, в финляндской и грузинской историографиях германская армия в 1918 г. могла в рамках международного права прийти на помощь «законным правительствам» (без всяких оговорок относительно их «законности»), а РККА в 1918-м (и 1921 г. соответственно) на помощь революционным (и столь же «законным») правительствам — разумеется, нет.

«Оккупация» означает куда более конкретное и очевидное явление, ведь она не сводится к участию в боевых действиях и не всегда обуславливается их продолжением на периферии. Оккупация подразумевает верховную военную, а во многом и административную власть на занятой территории у иностранного командования при наличии местной администрации или без оной вообще. В случае сосуществования военной оккупационной администрации и местной гражданской (или даже военной) первая из них в условиях оккупации всегда имеет больший суверенитет.

В связи с этим интервенция Центральных держав на всем пространстве от Финляндии до Баку и Тебриза несомненна, хотя условия и объемы ее варьировались. Оккупация же безусловно папачествовала там, где действующей местной администрации не было вообще или где она была полностью зависима от распоряжений германской военной администрации, а существование местных вооруженных сил *de facto* (но никогда официально) не допускалось. С некоторыми оговорками это позволяет считать не оккупированными лишь Финляндию и Грузию, однако длительное (и не оговоренное конкретными сроками) пребывание на их территории германских войск, безусловная ориентация на германские интересы во внешней и внутренней политике (вплоть до формы государственного устройства), а также в экономике (особые торговые соглашения, инвестиции и т. д.) не дают основания сводить присутствие в этих странах германских войск лишь к проведенному по приглашению законного правительства военному вмешательству (включая превентивное) без намерения влиять на внутренние дела данной конкретной страны. Участие иностранных войск в подавлении мятежей и социальных волнений внутри страны, осуществление действий в интересах страны-интервента (материальных и иных) на основании ее же законодательства в «позвавшей на помощь» стране, даже пребывание иностранного контингента для предотвращения свержения союзного правительства несовместимо с понятием суверенитета. Исходя из этого оккупация не только Польши, Прибалтики, Белоруссии, но и Украины, и Крыма — несомненна, а действия Центральных держав в Азербайджане, части Армении (османских войск), на Дону, в Грузии и Финляндии не могут быть сведены лишь к интервенции, хотя носят характер не прямой оккупации, а скорее протектората. Важно отметить, что в случае необходимости протекторат любой степени сложности и лояльности к местным союзникам мог быть значительно редуцирован в сторону прямой оккупации (как это произошло после свержения Центральной рады), хотя и по политическим причинам до полного оформления чисто оккупационного режима доходило крайне редко (Эстония, БНР).

Особую проблему представлял нейтралитет окраинных государств в Великой войне и его сочетание с возможным вторжением

(если они до того не входили в зону германской оккупации) и нахождением на их территории войск Центральных держав⁸². В условиях Великой войны не только оккупация, но даже открытая военная интервенция Центральных держав означала резкое уменьшение вероятности сохранения нейтралитета тем или иным лимитрофом с точки зрения Антанты. Очевидные плюсы интервенции, переходящей в оккупацию, для Кайзеррейха сочетались не только с проблемой лишних затрат и внутри- и внешнеполитических осложнений, но и со всеми минусами неизбежного противодействия держав Согласия на огромных и якобы нейтральных территориях. С одной стороны, Германия и ее союзники нуждались в новых ресурсах, включая людские, а их, казалось бы, проще всего получить за счет прямого военного союза с недавно образовавшимися государствами. Однако опыт с польской армией убеждал в сомнительности подобных перспектив: качество новых армий оставляло желать лучшего и уж точно исключало их участие в боях на главном, Западном фронте, а вот лояльность была бы такова, что они вполне могли стать угрозой прогерманским режимам в большей степени, нежели их защитой. С другой стороны, открытое участие лимитрофов в войне силами созданных при германском (и не только) содействии открывало возможности для прямого и масштабного вторжения Антанты, а значит, формирования (пусть и в самой причудливой конфигурации) нового Восточного фронта, что отчасти и произошло к сентябрю 1918 г., если считать большевистскую Россию прямым союзником кайзеровской Германии. Открытое заявление любого из правительств новых государств о продолжении Великой войны, теперь уже на стороне Центральных держав, означало бы их быстрое свержение, только ускорив переориентацию на Антанту колеблющихся политических сил. Это прекрасно понимали прогерманские

⁸² Попытку юридической интерпретации этого скользкого статуса на конкретном примере с апелляцией к нарушению Советской Россией условий Брестского мира см.: *Beyer H. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige Intervention. Braunschweig; Berlin; Hamburg, 1928. S. 126–155.* Столь же пристрастную критику с советской точки зрения см.: *Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 247–249.*

правительства лимитрофов, уклоняясь от любых деклараций о вступлении в германскую коалицию, но и понимая, что в случае давления гегемона пойти на это все же придется, а тогда останется лишь подороже продать свое согласие на такой «союз»⁸³.

По-своему ценен был нейтралитет лимитрофов и даже рискованные (с точки зрения Германии) контакты с Антантой, если рассматривать их как очередное и в принципе не блокируемое «окно в мир», предоставляющее новые возможности в сфере пропаганды, разведки, контрабанды, а также подсказывающее возможный путь выхода из Антанты тем странам, что имели в виду такой экономически выгодный вариант, ожидая соответствующей ситуации (Китай или одно из его правительств, например⁸⁴). Все это приводило к выводу о том, что для Германии и ее партнеров оптимальным являлся вариант именно контролируемого Центральными державами нейтралитета всех лимитрофов Российской империи, включая большевистскую диктатуру в любых ее границах. С учетом отчаянного положения Германии с поставками редких видов сырья идеальная ситуация выглядела бы так: все страны в германской сфере влияния продают и поставляют все свои запасы необходимых Кайзеррейху ресурсов только ему (или с его ведома и другим Центральным державам). Данное правило крайне важно было бы закрепить и юридически. Нарращивание производства и новые проекты вполне могут производиться с участием

⁸³ Так, М. Гофман якобы даже позволял себе провоцировать министра иностранных дел УНР Любинского, пребывавшего в его ставке в Бресте до взятия кайзеровскими войсками Киева в 1918 г., на заявление о союзе с Германией, почти издеваясь над его растерянностью. См.: *Зелінський В. Синьожупанники*. С. 31.

⁸⁴ Особый импульс им придавало то, что вставший во главе германской дипломатии П. фон Хинтце был послом в Пекине вплоть до разрыва дипотношений в марте 1917 г. Там же провел эти годы и сыгравший затем большую роль в советско-германских отношениях А. фон Мальцан, переведенный туда с поста в Санкт-Петербурге в 1912 г. См. подр.: *Deutsch-chinesische Beziehungen 1911-1927. Vom Kolonialismus zur "Gleichberechtigung"*. Eine Quellensammlung / hrsg. von M. Leutner. B., 2006. S. 123-125, 167-182, 335-336, 359-367; *Joeres N. Der Architekt von Rapallo. Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan in Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik*. Diss. Heidelberg, 2005. S. 53-82.

германских магнатов, которые будут готовы выделить крупные инвестиции в геологическую разведку и инфраструктуру. Однако для получения тех видов сырья и товаров, которые сами «новые нейтралы» не производят, они должны были поддерживать сравнительно оживленные связи с экономикой проантантовского мира, выступая подставным лицом для закупок в германских интересах. С финансовой точки зрения такое посредничество многим нейтральным странам было чрезвычайно выгодно, что и доказывал пример Нидерландов, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, а ранее и Румынии с Италией. Таким образом, германские элиты стремились к заведомо нереалистичной конструкции, когда жесткая и действенная экономическая блокада почти всемирной антантовской коалиции обходится в стратегических масштабах и сравнительно очевидным путем.

Однако этот расчет сразу же наталкивался на важнейшее возражение: а согласится ли Антанта признать нейтралитет новых государств, уважать его, вывести лояльные ей войска, возобновить торговые связи с правительствами явно прогерманской ориентации, но не пользоваться этим для засылки агентов и пропаганды? На некоторое время, возможно, и так, но только с одной целью: используя этот канал, добиться возвращения всех лимитрофов в Антанту, всех вместе, по очереди или по ходу сецессионных и гражданских войн. Это показывают примеры и Советской России, и Румынии, и в меньшей степени Украинской державы, Финляндии и Грузии. Для этой деятельности державы Согласия были готовы выделить большие средства и оказать прямую военную помощь⁸⁵. В рамках проводимой Великобританией (и отчасти Францией) периферийной стратегии⁸⁶ сокращение количества фронтов, выведение 1/6 части суши в «нейтральную зону» было

⁸⁵ Подробно о перспективах взаимопонимания между Антантой и Советской Россией, а также рядом других правительств с «постсоветской» точки зрения см.: Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб., 2016; Смолин А. В. У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русские дипломаты в 1919 г. СПб., 2017.

⁸⁶ См. классический взгляд: Лиддел-Гарт Б. Л. Стратегия непрямых действий. М., 1957.

Антанте совершенно невыгодно, ведь это позволяло Германии концентрировать ее иссякающие резервы или лучше ими маневрировать. Из-за этого даже с учетом возможных плюсов от ограниченного контакта между «нейтральными» лимитрофами и вражеской коалицией, под давлением Кайзеррейха последовательно высылали или арестовывали военные миссии, потом посольства и консульства, а под конец интернировали и любых подданных Антанты, позволивших себе задержаться в той или иной «нейтральной» стране.

При всем желании ленинского правительства оказаться в своего рода «блестящей изоляции» в ходе Великой войны, т. е. «схватки между двумя блоками империалистов», этого удалось бы добиться лишь временно и лишь с согласия обеих коалиций, чего вряд ли стоило ожидать. Характерна ошибка Иоффе, летом 1918 г. убеждавшего себя и Москву в том, что Кайзеррейх страстно желает прямого и открытого военного союза с Советской Россией⁸⁷. Это была лишь вызванная его просчетами и самоутверждением иллюзия, старательно ему внушаемая ради тактических уступок куда более умелыми дипломатами АА, изолировавшими его от строго противоположных воззрений в ОХЛ и ряде других инстанций. Чичерин и Ленин демонстрировали обратную склонность: учитывать в первую очередь военные возможности и факторы. Чисто географически России нечего было и думать выйти из глобального мирового конфликта с уважением воюющих сторон к ее нейтралитету на уровне, например, норвежского или испанского, не говоря о швейцарском. Тем более ценными были для большевистского руководства любые контакты с европейскими нейтралами, даже откровенно проантантовской ориентации. Их поддерживали, например, с помощью предоставления важной информации о развитии РККА. Ее несомненно сообщали потом державам Согласия, что курировавший такие контакты наркомвоенмор Троцкий учитывал по определению⁸⁸. Показательна в этом отношении позиция

⁸⁷ См. его письмо в НКВД в 20-х числах июля: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 3. S. 291-293.*

⁸⁸ Например, норвежский военный атташе В. Квислинг, пробывший в Петрограде с конца мая по конец декабря 1918 г., когда норвежская миссия приняла на себя представительство интересов Великобритании

Швейцарии, принявшей (пусть и без излишней огласки) в мае 1918 г. большевистскую миссию Берзина, прекратившую дипломатические контакты с бывшим российским послом и явно готовую не настаивать на жестком контроле за агитацией большевиков. Это особенно показательно потому, что именно в этой стране хорошо представляли себе лидера «максималистов», а сам Ленин придавал работе в бывшей стране пребывания огромное значение, имея в виду воздействие и на все страны Антанты. Уже в августе 1918 г. был назначен и новый посланник Швейцарии в России, отправившийся в Петроград при содействии Германии, то есть главные акторы Бреста явно готовились к расширению орбиты его влияния, что имело определенный эффект вплоть до явного поражения Кайзеррейха в Великой войне⁸⁹.

Логика Великой войны, как и вообще любой схватки за надрегиональную гегемонию⁹⁰, отводила нейтральному статусу буфера вокруг ядра воюющих держав ограниченный срок — около полугода, — что считалось германским командованием приемлемым. Ведь в ОХЛ были уверены, что этого времени хватит для достижения решительного результата на Западе (сил на более затяжные бои с напряжением всего потенциала все равно не хватило бы даже Германии, не говоря о ее союзниках). Однако и эти полгода оказывались крайне непростыми из-за угрозы потерять контроль над лимитрофами, которым с позволения Германии была оставлена возможность достаточно открыто контактировать с врагами, то есть с Антантой⁹¹, и, возможно, даже напрямую,

и Франции: *Баринов И. И., Стрелков И. П.* «Взгляд большевиков на военное дело и циничен, и логичен...»: неизвестный отчет капитана Квислинга // *Петербургский исторический журнал.* № 2 (14). 2017. С. 134–144.

⁸⁹ См. ряд донесений Берзина в НКВД в мае-ноябре 1918 г. (пока он не был выслан за подстрекательство к забастовкам) и письма его коллеги Жюно из Петрограда (начавшего добиваться права на отъезд из России в начале декабря 1918 г.): *Россия — Швейцария 1813–1955. Документы и материалы.* М., 1995. С. 190–244.

⁹⁰ См.: *Мюнклер Г.* Империи. Логика мирового господства / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014. С. 84–95.

⁹¹ В случае острой необходимости германские инстанции требовали высылки или жесткого контроля за дипломатами Антанты и проантантовских держав, как это было с консульствами этих стран в Ростове

как уже состоявшимся за годы Великой войны европейским нейтралам — Швейцарии, Испании, Нидерландам, Норвегии, Дании и Швеции. Для этого в Берлине уже в декабре 1917 г. были намерены содействовать скорейшему признанию готовых к миру с Германией государств-лимитрофов нейтральными странами, то есть в первую очередь Советской России⁹², Финляндии, впоследствии и УНР, что возымело определенный успех уже к середине 1918 г.⁹³ Во многом к восстановлению более удобного торгового сообщения были готовы и сами нейтралы, так что вероятность их участия в становлении выстраиваемой под германским надзором системы можно оценить как достаточно высокую. Это никак не отменяло ряд проблем с контактами между нейтральными государствами, где сохранили влияние царские дипломаты, и большевиками, приводившие к арестам эмиссаров из Москвы либо подчеркнутому бойкоту⁹⁴.

Германской Ostpolitik приходилось тяжелейшим образом лавировать и лишь надеяться на то, что контроль за контактами лимитрофов, а в особенности Советской России, будет достаточно действенным, что логика самосохранения не позволит режимам в Москве, Киеве, Хельсинки etc. поддаться искушению Антанты,

---

летом 1918 г., см. соответствующую переписку в июле 1918 г.: Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. С. 103–104.

⁹² См., напр., инструкции Кюльмана в посольство в Стокгольм от 9 декабря 1917 г.: Германия и революция в России. С. 192.

⁹³ Гетманская Украина имела целый ряд представительств и посольств в нейтральных странах, а также — в отличие от Советской России — успела наладить дипломатические отношения в полном объеме не только с Германией (Штейнгель), но и с Австро-Венгрией (Липинский), и Болгарией, а в меньшей степени и с Османской империей. См.: Украина на переломе. С. 935–936. Не менее высокие шансы на широкое и быстрое признание были и у Финляндии.

⁹⁴ Так, Иоффе в Берлине никак не мог наладить контакт с отправленным в Швейцарию Я. Берзиным (к немалому удивлению Ленина) и жаловался на obstruction со стороны испанских и шведских представителей. См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 2. S. 257–258.* При этом из-за проблем с визой в Швейцарию так и не смог въехать А. А. Борман, так что Иоффе был во многом прав. См.: *Борман А. А. Москва — 1918* (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. № 1 (1991). С. 135.

что их всегда можно будет «перекупить» (даже в прямом смысле этого слова), что эти режимы, кроме того, окажутся сравнительно дееспособными, чтобы с как можно меньшей германской помощью отражать натиск параллельных проантантовских проектов, переводя конфликт с ними из плоскости Великой войны в русло гражданских и сепаратистских войн. Последнее позволило бы отклонить обвинения в том, что действуют лимитрофы лишь как германские марионетки, держатся на германских штыках и т. д., что было заведомо неверно в отношении любого, сколь угодно дружественного Германии правительства лимитрофа, а тем более Советской России, исходя из по меньшей мере политических и (нередко) субъективных причин. Достаточно зеркальная ситуация (с поправкой на антантовские приоритеты в ведении Великой войны) наблюдается и в тех регионах бывшей Российской империи и ее соседей, которые Германия не имела шансов контролировать и даже наблюдать за ними — на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Персии, где регулярно ссылались на происки «немца», чтобы объяснить появление той или иной враждебной политической силы⁹⁵. Весьма вероятно, что именно такой опыт анализа плюсов и минусов нейтралитета и сроков его соблюдения, полученный Германией и Антантой в 1918 г., сыграл решающую роль в развитии концепции договоров о ненападении в межвоенной Европе, ставших едва ли не важнейшим механизмом подготовки Второй мировой войны и реконструкции расстановки сил в интересах той или иной державы⁹⁶.

Помимо прояснения отношений и установления прочного перемирия и разграничения между хотя бы первыми тремя или четырьмя категориями акторов, важнейшей проблемой Германии являлась борьба с попытками Антанты создать своего рода анти-Брестскую систему на тех же территориях и порой из того же набора элементов, включая большевиков. По меньшей мере до начала августа, в связи с тяжелыми боями на Западе, это было одной

⁹⁵ См., напр.: К истории интервенции в Сибири // Красный архив. 1929. № 3. С. 126–165.

⁹⁶ См. подр.: *Ahmann R. Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939*. Baden-Baden, 1988.

из важнейших целей держав Согласия⁹⁷. Соответственно успех германских усилий должен был сочетаться с последующим поглощением/подкупом проантантовских группировок (или считавшихся таковыми) и распространением действия Брестской системы на остальные территории бывшей Российской империи, Персию⁹⁸, Афганистан⁹⁹, скандинавские страны, Нидерланды¹⁰⁰, Швейцарию¹⁰¹

⁹⁷ В том числе так полагал лорд Сесил: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. С. 67.

⁹⁸ См. подр.: *Gehrke U.* Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges: 2 Bde. Stuttgart, 1960. К сожалению, в 1-м томе этой весьма фундированной работы период с конца 1917 по 1919 год рассмотрен лишь поверхностно (S. 311ff.). Многие впервые опубликованные во 2-м томе документы также касаются преимущественно иных периодов войны. В продолжающем эту работу труде В. Цюррера прямо указывается на стремление части персидской элиты (считавшейся в Германии «национальным движением») отстоять свои интересы в связи с Брестом и его последствиями. Но для этого следовало сначала возобновить официальные дипломатические контакты с Германией, которая работала над этим с момента их приостановки, на что в Тегеране не решились, отказавшись от такого предложения от 11 января 1918 г. См.: *Zürner W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. S. 36ff.; *Blücher W. von.* Zeitenwende in Iran. S. 122–123; Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversther? S. 22, 59–62, 71–73.

⁹⁹ Уже 25–28 февраля 1918 г. ОХЛ требовало включить в проект текста Брестского мира пункт о признании Россией независимости и территориальной целостности Персии и Афганистана, что и было сделано. См.: *Der Friede von Brest-Litowsk.* S. 608, 627.

¹⁰⁰ Весной 1918 г. на волне эйфории от успехов в операции «Михаэль» ОХЛ было близко к попытке силового давления на Нидерланды в вопросе о реквизиции их торгового флота, за чем последовало бы фактическое включение в экономическую систему Центральных держав. Этому сумел помешать, добившись от голландцев уступок, Кюльман. См. подр.: *Frey M.* Der Erste Weltkrieg und die Niederlande. Ein neutrales Land im politischen und wirtschaftlichen Kalkül der Kriegsgegner. B., 1998. S. 274–279.

¹⁰¹ О весьма специфическом швейцарском нейтралитете и роли Швейцарии, до войны сотрудничавшей с Тройственным союзом в военной сфере, см.: *Mittler M.* Der Weg zum Ersten Weltkrieg. Wie neutral war Schweiz? Kleinstaat und europäischer Imperialismus. Zürich, 2003. S. 824ff. В частности, летом 1917 г. австро-венгерский военный атташе, спекулируя на проблеме Тироля, прилагал все усилия, чтобы добиться военного союза

и других нейтралов¹⁰², особенно если в этих странах были влиятельные прогерманские или хотя бы антибританские (антифранцузские) круги. Учитывая, что Брестский порядок подразумевал Советскую Россию пусть и не единственным, но все же основным преемником державы Романовых, его устойчивое развитие означало превращение Бреста в будущий новый порядок евразийского масштаба. В Германии это отнюдь не считали фантаσμαгорией, тем более что к началу 1918 г. и даже после первых успехов решающего людендорфовского наступления некоторые аналитики предполагали своего рода ничью по итогам Великой войны, с дальнейшей многолетней блокадой господствующей в Европе Германии и ее сателлитов Великобританией и США, а в худшем случае еще и так и не разгромленной Францией. Учитывали и то, что такая «холодная война» как форма межвоенного периода несомненно продлится дольше, чем основная фаза первой тотальной войны, а значит, Германии понадобится устойчивая интеграция и освоение континентальных, то есть российских, ресурсов в противовес владыкам морей и хозяевам мировой торговли.

Готовясь к затяжному противостоянию, немалые суммы выделяли в иностранном ведомстве не только на *Ostpolitik*, но и на усиление активности в различных регионах Азии и Африки, а также на формирование прогерманских вооруженных сил или для освобождения военнопленных Центральных держав, их вооружения и использования в отдаленных регионах¹⁰³. Можно было надеяться и на встречную активность со стороны весьма выгодно использую-

и совместных военных акций с Швейцарией против Италии, сохранив и после этого немалые связи с местными элитами. См. подр.: *Schubert P. Die Tätigkeit des k.u.k. Militärattaches in Bern während des Ersten Weltkrieges. Osnaabrück, 1980. S. 83–89, 329–331, 427–442.*

¹⁰² Например, Швецию косвенно пытались втянуть в создание Брестской системы еще в январе 1918 г., что предлагалось Кюльманом в связи с ее признанием независимости Финляндии еще 4 января и вопросом об Аландских островах. См.: *Der Friede von Brest-Litowsk. S. 378–379; Новикова И. Н. «Финская карта». С. 198–212; Новикова И. Н. Между молотом и наковальней. С. 360–364.*

¹⁰³ Список расходов и еще не освоенные средства на цели от Ирландии до Судана, Индии и Марокко см.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 23, 39.*

щих свой нейтралитет стран, которые могли бы усмотреть в Брестской системе возможность крайне выгодного участия в переделе формирующихся рынков новых государств (или хотя бы спасения своих довоенных инвестиций), перспектив новых потоков сырья и продовольствия, особенно с учетом негативного воздействия антантовской блокады и на эти государства¹⁰⁴. Только приветствовали бы возможные варианты отхода от Антанты ее второ- и третьестепенных союзников, а в идеальном случае не только Китая¹⁰⁵, но и Японии¹⁰⁶ на основе взаимовыгодных соглашений¹⁰⁷. Высказывалась также версия, что именно усиление Германии в России и подтолкнуло лишний раз Японию к англосаксам¹⁰⁸, чтобы уравновесить рост мощи Кайзеррейха, ведь до того — в том числе в порядке самообмана — Японию зачастую пытались представить в Берлине чуть ли не нейтральной или по меньшей мере дистанцирующейся от Антанты, а то и попросту симпатизирующей Германии¹⁰⁹. В свою

¹⁰⁴ См., напр.: *Frey M. Der Erste Weltkrieg und die Niederlande. S. 308–311.* Статистику роста финансовых резервов (в 3,2–3,7 раза) нейтралов см.: *Ibid. S. 329.*

¹⁰⁵ Первую разведку смог провести добравшийся в Шанхай из Кабула через всю Азию сотоварищ О. Нидермайера молодой дипломат В. Хентиг, уже бывавший в Китае до начала Великой войны. См. подр.: *Hentig W. O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962. S. 185–199.*

¹⁰⁶ Учитывая заключенный в 1916 г. русско-японский договор, ставший одним из этапов отхода Японии от односторонней проанглийской политики, в Германии еще в 1915–1916 гг. активно рассматривали вариант сепаратного мира на Дальнем Востоке, а с весны 1918 г. оживились надежды на блок Берлин — Москва — Токио. См., напр.: *Hölzle E. Die Selbstentmachtung Europas. Das Experiment des Friedens vor und im Ersten Weltkrieg. Göttingen u.a., 1975. S. 502–530.*

¹⁰⁷ О таком варианте предупреждал французский эмиссар в России Ж. Садуль еще в мае 1918 г., опасаясь, что «японские войска на Урале как магнит притянут туда германские войска»: *Садуль Ж. Записки о большевистской революции. С. 261–263, 286.* Мираж раздела России между Германией и Японией, которые могли бы кивать друг на друга, оправдывая свою интервенцию, вообще крайне беспокоил Антанту.

¹⁰⁸ См., напр.: *Mann B. Die baltischen Länder in der deutschen Kriegszielpolitik, 1914–1918. Tübingen, 1965. S. 99–100.*

¹⁰⁹ Среди японской военной элиты, испытывавшей большое влияние германской военной школы, это было вполне естественно. Явное сочувствие

очередь в рядах держав Согласия весьма серьезно подозревали Японию в нелояльности, в готовности к широким сделкам с Центральными державами в связи с упорным сопротивлением Антанты и в основном США ее экспансии в Китае¹¹⁰, хотя все секретные контакты через Стокгольм (с 1915 г.) оставались без каких бы то ни было результатов. Впоследствии подозрения только усилились из-за случаев успешного бегства через Китай и Японию (!) германских военнопленных из Сибири, умудрявшихся без всякого контроля выехать в США, пока они еще не вступили в войну¹¹¹. Вмешательство японской армии, — ведь именно среди ее офицерства нередко встречались вполне прогерманские взгляды¹¹², — в судьбы военнопленных на Дальнем Востоке также вызывало спектр самых разных надежд и подозрений. В связи с вполне возможной и болезненной уступкой Японии германских колоний ради ее выхода из состава Антанты на особую посредническую роль в урегулировании прежней вражды могла претендовать Австро-Венгрия. В самой Стране восходящего солнца взгляды на экспедицию в Сибирь были существенно иные, нежели у Великобритании, а тем более у США¹¹³.

многих японских военных успехам Германии на Западном фронте с началом «Михазля» («...здешние немцефилы (их оказывается очень много)...») наблюдал отправленный в Японию генерал Будберг: Дневник барона Алексея Будберга. С. 289–290.

¹¹⁰ См. подр. уникальный сборник статей о политике сразу трех Центральных держав (кроме Болгарии) в отношении Японии: *Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren* / hrsg. von J. Kreiner. Bonn, 1986. S. 85ff., 175ff.

¹¹¹ См., напр., отчет бежавшего лейтенанта-цур-зее Киллингера, 11 марта 1916 г.: ВА-МА. N 200/1641.

¹¹² Это сказывалось даже на русско-японском взаимодействии в борьбе против шпионажа и диверсий Центральных держав на Дальнем Востоке. См. подр.: *Шулатов Я. А. Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество* // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.

¹¹³ См. подр.: *Seiji S. Policy Making and the Siberian Expedition* // *Russia's Great War and Revolution in the Far East. Re-Imagining the Northeast Asian Theater, 1914–1922* / ed. by D. Wolff, Y. Shiniji, W. Sunderland. Vol. 4. Bloomington, 2018. P. 63–96.

В рамках Брестской системы Германия успела столкнуться с чрезвычайно актуальной для международных отношений межвоенного периода проблемой становления и дипломатического признания новых национальных (или выдаваемых за таковые) государств. Те из них, что не имели возможности сослаться на неких исторических предшественников (например, Великое княжество Литовское или держава царицы Тамары), максимально резко отстаивали свое право на полное равенство со старыми державами, не имея для этого значимых ресурсов. Декларируемое равноправие слишком сильно контрастировало с условиями возникновения новых государственных проектов, порой буквально под диктовку великих держав и с определенными ими же границами, что придавало всей ситуации оттенок фарса. Еще более комично выглядели встречные заявления Германии и РСФСР о том, что очередной сателлит той или иной стороны, точнее, то или иное правительство нелегитимно или не «опирается на широкие народные массы», потом следовали упреки в самозванстве и т. д.

В интересах поступательного развития системы на просторах бывшей Российской империи постепенно складывалась поэтапная схема включения новых элементов в ее состав по инициативе одной из сторон. Порядок был таков: установление контактов с высшим руководством главного контрагента, официальное заявление об этих контактах, начало военной помощи, формирование правительства, его признание *de facto*, запрос к главному контрагенту о немедленном соблюдении интересов нового элемента, подписание необходимых для оформления статуса сателлита военных и экономических соглашений, признание *de jure*, урегулирование отношений нового государства с главным контрагентом, в том числе за счет симметричного признания его сателлитов. Масса аналогий во внешнем положении главных акторов системы, при, казалось бы, диаметрально противоположных по масштабу их возможностях, гарантировала не только схожесть приемов, но и выработку своего рода единой, «брестской» этики в отношении друг к другу, к партнерам и к оформляющимся сателлитам.

В этой последовательности действий были и крайне неприятные, хотя и совершенно логичные этапы, которые главные державы хотели бы оттянуть: все более активно требуемая сателлитами

декларация гегемона о невмешательстве во внутренние дела, о равноправии и паритете во взаимных правах и обязательствах, осуществление на практике (особенно демонстративное) стремления сателлитов к самостоятельной национальной политике. Вставал болезненный вопрос о праве собственности или аренды на движимое и недвижимое имущество бывшего российского правительства (включая земельные угодья, леса, здания и сооружения и т. д.), что требовало проведения первичного учета, вызывавшего — в свою очередь — резкое недовольство местного населения и попытки уклониться от норм контроля. Приходилось считаться с настояниями «освобожденных» насчет определения сроков и условий оккупации, с желанием новорожденных государств поскорее приобрести международное признание хотя бы среди нейтралов, а также с их намерением побыстрее сформировать национальные армии (причем желательно полного штата) с помощью метрополии, но без управления с ее стороны, что было, разумеется, чистой утопией. Почти одновременно (если позволяет географическое положение) сателлиты претендовали еще и на обретение флота, на тех же условиях. Последнее всегда вызывало требование проведения мобилизации, причем принудительной, а это означало для германских войск появление опасного противника, а также ставило вопрос о хотя бы частичном возвращении захваченного весной 1918 г. оружия и военного имущества. Поначалу правительства лимитрофов, наивно полагая себя собственниками захваченных трофеев, имели в виду передачу германским властям лишь части бывших запасов РИА, однако быстро оказалось, что только войска интервентов могут обеспечить хотя бы видимость контроля за складами и тем пресекать быстрое его расхищение и опасное всем властям вооружение местного населения, в связи с чем занявшие крупные военные базы державы попросту реквизируют все запасы¹¹⁴. Только на захваченных 4 марта складах в Дарнице под Киевом германским войскам достались тысячи тонн различного продовольствия, тысячи единиц продукции и обмундирования (в том числе десятки тысяч стальных

¹¹⁴ См., напр., воспоминания генерала гетманской армии Б. С. Стеллецкого: *Пученков А. С. Украина и Крым*. С. 250.

каска в основном французского образца), оборудование как военного, так и мирного назначения и т. д. Долгое время они даже стояли без охраны и тем более должного использования¹¹⁵. При формальной ответственности украинских властей за эти склады и за бывший русский лагерь военнопленных в Дарнице в действительности на них тут же была установлена охрана из германского ландвера¹¹⁶.

В рамках специфики понимания командованием на местах такой концепции, как «военные трофеи», быстро выяснилось, что ни о каком союзном взаимодействии в чисто материальных вопросах, вне зависимости от реального вклада местных партнеров (как это было в Ревеле, в Киеве, на Дону, в Финляндии), и речи быть не может. Установление жесткого контроля интервентов над запасами военного имущества и оружия шло пусть и не везде достаточно быстро, однако вполне неуклонно. Пресечь последовательный захват и реквизицию никто из «союзников» интервентов не мог. Это вызывало бесконечное выпрашивание у германских (или австро-венгерских) инстанций партий оружия и боеприпасов, а то и просьбы о кредитах, о поставках недостающих предметов оборудования, новейших средств связи и вооружения и т. д. Раздражало желание поскорее ввести и собирать свои налоги и таможенные сборы, в т. ч. с доминирующих в регионе держав.

Дополнительные сложности возникали по вопросам взаимного, а в германском случае одностороннего или выборочного обмена военнопленными, возвращения прав собственности, вплоть до компенсаций за реквизированное, вопросов гражданства и т. д. Характерно, что почти сразу под предлогом обмена гражданскими лицами и военнопленными младшие партнеры (а после убийства германского посла в Москве Мирбаха по именно такому поводу и большевики¹¹⁷) стремились наладить полноценные

¹¹⁵ См. приказ по 27-му резервному корпусу от 8 мая 1918 г. (то есть прошло более 2 месяцев после взятия Киева): SächsHStA. 11358. 167.

¹¹⁶ Вывоз запасов со складов вызывал понятное неудовольствие местного населения, см., напр.: Stockhausen H. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 39. S. 445.

¹¹⁷ Как известно, Блюмкин и Александрович явились к Мирбаху якобы в связи с тем, что среди пленных есть его дальний родственник некто

дипломатические отношения, даже на уровне консульских, а Германия пыталась тонко дотировать верность предполагаемых сателлитов за счет льгот при обмене военнопленными, ведь они для многих едва появившихся «государств» были важнейшим мобилизационным ресурсом¹¹⁸. Этот особый механизм балансировки сил был заложен сразу после заключения перемирия в Бресте, когда уже на стадии начала переговоров эmissаров Центральных держав с большевиками в Петрограде на рубеже 1917 и 1918 гг. выяснилось, что ни о какой единой позиции Австро-Венгрии и Германии нет и речи, ведь слишком различно было соотношение численности взятых державами пленных¹¹⁹. Дальнейшие спекуляции и затяжки могли бы дать интересные результаты в самых разных регионах, особенно же в располагавших мизерными военными

Мирбах. Хотя германский посол твердо знал, что речь идет об однофамильце, он все же дал себе труд вникнуть в детали этого «дела» (надеясь, что это предлог для более интересных сообщений), что и стоило ему жизни. Вряд ли Мирбах всерьез поверил в сочиненную убийцами легенду, хотя его дальние родственники среди офицеров и германской, и австро-венгерской армий действительно были. См. подр.: *Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве* / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 2010; *Матонин Е. Яков Блюмкин*. М., 2016.

¹¹⁸ Это хорошо видно на примере отношений Германии и Донской республики, которая добилась устного (!) соглашения об ускоренном обмене пленными с «капитаном германского Генштаба фон Л.» в соотношении «один к одному». Последовали многочисленные махинации с «казаками», схожие с предшествующей волной желавших отправиться домой «украинцев». Пленные подавали прошения не выдавать их в Великодержию, даже не определившись, хотят ли принять именно украинское или донское подданство. Характерно, что и сам эmissар Краснова был петербуржцем, приписанным к казачьему сословию и попавшим на Дон лишь в связи с Великой войной. См. подр.: *Сережников К. Г. Воспоминания донского офицера о служебной поездке в Германию осенью 1918 года* // *APP*. Т. 18, Берлин, 1926. С. 208–236. В конце сентября 1918 г. соответствующие указания о поиске и ускоренной отправке станичников (но не иногородних!) в лагерях были отданы, см.: *SächsHStA*. 11248. 7072. Bl. 138–139.

¹¹⁹ А Болгарию и Османскую империю привлекли к этим переговорам только через 2 недели. См.: *Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr*. S. 241ff.

средствами государствах-лимитрофах¹²⁰, будь время на отладку этого механизма, но конец этому положил хаос на железных дорогах в ноябре 1918 г.

Далее наступал тяжелейший и крайне неудобный для Германии этап выдвижения, согласования и удовлетворения взаимных материальных претензий¹²¹, неизбежный после любой европейской войны Нового времени. Первым же вопросом была реституция взаимно арестованных счетов, восстановление имущественных прав на собственность, бывшую до 1914 г., а также взаимозачеты по нанесенному ущербу, если обломок империи вообще позволял себе подобные претензии. Для германской стороны чрезвычайно принципиальным было требование скорейшего возмещения и желательно именно в финансовой форме стоимости оказанной «военной помощи». Характерно, что полученные по навязанным договорам огромные экономические льготы, взятые трофеи и попросту захваченные склады, особенно военные, из этих сумм по умолчанию исключались. Не собирались делать скидки и за согласие правительств лимитрофов стать германскими сателлитами, разделяя прямую материальную выгоду и политический престиж.

Клубок материальных претензий еще существующей империи и осколков державы распавшейся осложнялся тяжелой и во многом беспрецедентной задачей по распределению бывшего общего имущества частей бывшей Российской империи и уж тем более по раскладыванию на всех наследников ее внешних и внутренних долгов (декларативно отмененных большевиками 3 февраля 1918 г.) и обязательств. Решить этот вопрос без давления извне на окраинные государства было невозможно в любом случае, кроме возобновления бывшей метрополией боевых действий и «принуждения к миру» бывших соотечественников, что совершенно не удовлетворяло Германию, опасавшуюся реинтеграции Российской империи. Кроме того, в процесс передела вмешивались и иные «триумфаторы и кредиторы», то есть союзники Германии, в том

¹²⁰ См. статистику о возвращении военнопленных в Грузию и Азербайджан: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 24–31.*

¹²¹ См. оценку вопроса о возмещении военных убытков в рамках последствий мирных договоров на Востоке: *Helffferich K. Der Weltkrieg. Bd. 3. S. 318–319.*

числе потенциальные, жаждавшие уступок. Арбитраж Германии не прописывался в Брестском мире, то есть не был легитимирован. Об его нейтралитете или объективности не могло быть и речи, ведь процесс и итоги раздела существенно влияли на соотношение сил и лояльность к Брестской системе всех ее участников, что требовало не просто активного участия, а неприкрытого диктата ради достижения устраивавшего Кайзеррейх баланса сил. Неслучайно поэтому дополнительные, частно-правовые и финансовые соглашения между Германией и государствами-лимитрофами становились куда более масштабными, обширными и сложными в подготовке документами, нежели определяющие территориальные и военные договоренности. Особенно сложно было еще и потому, что, каков данный баланс и возможен ли он вообще, было совершенно неизвестно ни в Германии, ни ее представителям за переговорным столом. В такой ситуации победительница на Востоке нередко могла идти лишь на очередные широкие жесты, зачастую казавшиеся просто уступками или неоправданными подачками сателлитам.

ГЛАВА 2

ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПОСЛЕ БРЕСТА: ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА

В Берлине и в Spa не питали иллюзий относительно достаточно линейной зависимости между соотношением вооруженных сил победителей и проигравших на Востоке и прочностью благоприятных для Германии условий подписанных в феврале-марте (а затем и последующих за ними) договоров. Небоееспособность вооруженных сил РСФСР и уверенность в прочности Брестского мира привели к тому, что в марте 1918 г. вновь интенсифицировалась так и не остановившаяся полностью даже накануне «Фаустшлага»¹²² переброска сил на Запад, куда было отправлено за месяц 14 дивизий¹²³.

---

¹²² Так, 237-я пехотная дивизия начала отправку из Восточной Галиции 15 февраля. Приказ о погрузке для отправки на Запад в 280-й резервный полк полевой артиллерии, находившийся под Вилейкой, то есть совсем недалеко от фронта наступления, пришел 12 февраля, а 19 февраля он уже выгрузился в Мальмезоне. 369-й пехотный полк начал грузиться в Злочове 5–8 февраля, а 12 февраля стал прибывать на Запад, 2-й полк полевой артиллерии был выведен из подчинения 92-й пд, двинувшейся на Украину 24 февраля, а уехал на Запад 15 марта и т. д.

¹²³ В феврале-марте, в том числе в дни прямо накануне возобновления боевых действий на Востоке, отправили 237, 232, 109, 83, 87, 216, 96-ю пехотные, 6, 76, 23, 77-ю резервные дивизии, 10 и 21-ю ландверные дивизии, Баварскую эрзац-дивизию. В апреле — 115, 94 и 226-ю дивизии (последнюю частично в Румынию). Спешенными отправлялись на Запад и полки

Сразу же по окончании наступления в Прибалтике был отправлен на Запад штаб 58-го генерального командования. Вместо Северного корпуса было образовано (последнее в этой войне) 68-е генеральное командование, выделившее затем войска и для участия в боях в Финляндии, и для оккупации островов в Финском заливе, что постепенно ослабляло его силы в Эстляндии. Переброски на Запад войск из состава 8-й армии начались едва ли не раньше всего, затронув затем и другие участки Восточного фронта. Даже в день начала «Михаэля» прямо из Прибалтики стали отправлять на Запад 77-ю резервную дивизию, в апреле еще 3 и отдельные части 5 (почти всех) кавдивизий, а в мае еще 2 дивизии (в т. ч. 12-ю баварскую из Румынии).

Далеко не все из перебросенных войск немедленно отправились на передовую и тем более в атакующие армии. Например, только в марте стали занимать участки Западного фронта части 117-й пехотной дивизии, выведенной из Италии еще в январе 1918 г. Некоторые части отправляли сначала в корпусные округа и резерв, а потом с некоторой задержкой на Западный фронт. Бывало и так, что уже отправленных из полков на Запад лучших офицеров и молодой личный состав вдруг отзывали назад, ведь за время их переподготовки было принято решение об отправке на главный ТВД уже всей их прежней дивизии, так что раздробление спаянного в боях полка теперь оказалось излишним. Явная доля импровизации в маневре силами была уместна в ходе оборонительной (на Западе) кампании 1917 г., однако в ходе попыток развить решающее наступление такой ввод в действие войск по частям был очевидно ошибочным. За непредсказуемость своего продвижения на Востоке германская Ставка вынуждена была заплатить грубым нарушением принципов военного искусства, на которых воспитывали ее руководство: вводила в бой силы на главном участке по частям. В свою очередь, даже после того, как выяснился полный провал надежд на оперативный прорыв в Шампани и Фландрии, пополнения войск на Востоке хотя бы кавалерийскими частями с Запада не последовало. На такой

4-й, 8-й кавалерийских дивизий. См.: *Das deutsche Feldeisenbahnwesen*, Bd. 2. S. 309.

неочевидный маневр резервами сосредоточенное на рывке к победе на главном фронте ОХЛ не пошло.

После проведенной за полгода (с ноября 1917 г.) серии перебросок полагали, что все годное для наступления, и без того (как казалось в мае 1918 г.) достаточно успешного, с Востока уже выведено, а перспективы большинства оккупированных государств вполне заслуживают сохранения в них крупной воинской группировки. Особенно это касается Украины, а потому крупнейшим соединением на Востоке была и оставалась группа армий «Киев», которая по окончании основной фазы наступления включала в себя 5 корпусов и ряд отдельных дивизий. С учетом большого количества тыловых, технических и обозных частей, полевой жандармерии, сотен ландштурменных батальонов ее доля достигала до 50 % всех сил Восточного фронта. Выделение сил в Закавказье, а потом в Румынию в августе-сентябре 1918 г. постепенно снизило этот показатель, но по сравнению с другими подчиненными Обер Осту крупнейшими соединениями группа армий «Киев», не имевшая в своем составе ни одной армии, вполне оправдывала свой высокий статус и в дальнейшем¹²⁴.

В начале 1918 г. Германская империя прилагала последние отчаянные усилия по максимальному использованию оставшихся людских ресурсов, пользуясь тем, что в 1898–1901 гг. была сравнительно высокая рождаемость. Численность действующей армии, казалось, стабилизировалась осенью 1917 г., когда потери в тяжелых боях на различных фронтах все еще удавалось компенсировать поступающими новобранцами. В марте-апреле 1918 г. она вновь сократилась из-за новых высоких потерь в первых наступлениях реального главы германской Ставки Э. Людендорфа, но в мае 1918 г. был достигнут абсолютный рекорд за всю войну — 6132,5 тысячи человек штатного состава, благодаря очередному, последнему призыву, после чего армия стала неуклонно таять,

¹²⁴ В. Менджецкий оценивает среднюю ее численность за период оккупации в 250 тысяч человек (из них баварцев около 10 %), что может быть оправдано лишь с оговоркой об учете исключительно крупных и фронтовых соединений, но не мелких отдельных частей (вплоть до рот и батальонов), а также громадного тылового аппарата. См.: *Mędrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine im Jahr 1918. S. 442.*

к августу (то есть еще до массовых потерь пленными на Западе) сократившись до уровня февраля-марта 1917 г. — 5301 тысяча человек¹²⁵. Наличный состав (при некоторой относительности в точности данных) наводит на еще более безотрадные для военного потенциала Кайзеррейха выводы. Пик численности был достигнут в июне 1917 г. — 5380,6 тысячи человек, позднее, несмотря на все усилия, его не удалось превзойти ни в феврале 1918 г. (5233,9 тысячи), ни в мае 1918 г. (5032 тысячи). К августу же он сократился до 4227,2 тысячи, то есть до уровня января-февраля 1916 г.¹²⁶ Данные цифры доказывают, что к лету 1917 г. исчерпаны были резервы не только периферийных и второстепенных фронтов (в том числе Восточного), а также и гарнизонных частей (*Besatzungsheer*), сокращавшихся неуклонно еще с декабря 1915 г., но и в целом германского народа. Тем не менее признать этот статистический факт ОХЛ, а вслед за ним и политическое руководство империи не могли вплоть до октября 1918 г. Положение Австро-Венгрии, достигшей пика численности вооруженных сил еще в мае 1917 г., после чего началось неуклонное сокращение именно боевого состава войск, было еще хуже¹²⁷. Конечно, следует учитывать, что

¹²⁵ См.: *Sanitätsbericht über das deutsche Heer*. Bd. 3. S. 8, Tafel 2, 6. Так как убыль офицеров и унтер-офицеров проходила медленнее, становится очевидно, что уже к 31 июля 1918 г. именно германские солдаты стали все чаще сдаваться в плен, дезертировать, симулировать болезни и т. п. Состояние германского офицерского корпуса тоже внушало самые серьезные опасения, см. подр.: Ланник А. В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая, Версальская система и современность. Вып. 2. СПб., 2014. С. 274–284. См. статистику относительно укрывательства в тылу (к концу войны отозвано с военной службы 1320,6 тысячи германских солдат и офицеров) и симулянтов, а также официальные причины этого, включая ценные для промышленности кадры (за период ноябрь 1917 — ноябрь 1918 г.): *Volkmann E. O. Soziale Heeres-mißstände als Mitursache*. S. 66–70, 128–129.

¹²⁶ См.: *Sanitätsbericht über das deutsche Heer*. Bd. 3. Tafel 7.

¹²⁷ С 1 апреля по 31 декабря 1917 г. состав действующей армии сократился на 600 тысяч человек, требовались чрезвычайные меры по компенсации убыли за счет переосвидетельствования освобожденных от призыва, ускоренного восстановления раненых и т. д. См.: *Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Krieges*. S. 216–218; *Plaschka R. G.*,

в высшей степени тяжелым было положение с пополнениями во Франции и Италии, далеко не блестящим — в Великобритании, однако вступление в войну США и еще далеко не исчерпанные резервы колоний (а также Португалии, Греции, Китая и т. д., а в крайнем случае Японии) давали Антанте явное преимущество.

Контингент германской армии на Востоке вплоть до сентября 1918 г. структурно стабилизировался, составляя 38 дивизий. Приоритет Запада в кампании 1918 г. был столь очевиден, а концентрация сил на нем долгое время казалась столь оптимальной, что до отправки ресурсов Восточного фронта на другие, кроме него, ТВД и до возобновления переброски крупных командных структур дошло только в сентябре 1918 г., когда потребовалось срочно оттянуть выход Болгарии из войны¹²⁸ и подавить восстание против прогерманского правительства. Резервов для усиления находившихся там вместо бывших (в начале 1916 г.) девяноста около 33 тысяч германских военнослужащих, несмотря на усиленные просьбы болгар, Людендорф до сентября так и не нашел. С запозданием были отправлены 3 дивизии неполного состава, в том числе для замены выделенных с Западного фронта сил (например, переброшенная в первые дни октября 224-я пехотная дивизия). Явное крушение Салоникского фронта¹²⁹ и менее осознаваемое на Востоке поражение на Западе привело к отправке в целом 7 крайне неполного состава дивизий в сентябре (в т. ч. 91-й и 94-й пехотных и 3-й ландверной) и еще 4 в октябре (224-й пехотной с Украины, 2-й баварской ландверной из 8-й армии, 18-й ландверной из Белоруссии). Особенно оголен был центральный участок — 10-я армия, лишившаяся в начале июля, а затем в середине сентября — конце октября почти целого и лучшего своего корпуса — Ландверного, включая дивизионную кавалерию, из 3, 4 и 85-й ландверных дивизий, из которых на Востоке оставили лишь чисто символические

Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Bd. 1. S. 44–53.

¹²⁸ См. подп.: *Notz F.* v. Deutsche Anabasis 1918: ein Rückzug aus dem bulgarischen Zusammenbruche in Mazedonien. B., 1921. S. 31–35.

¹²⁹ А вот когда крушение уже началось, то необходимые 2–3 дивизии тут же были обнаружены на Востоке. См.: *Mühlmann C.* Oberste Heeresleitung und Balkan. S. 217–227, 230–237.

силы¹³⁰. Ликвидация польских частей и готовность уступить большевикам именно белорусские территории гарантировали, что 10-ю армию ослабляли особенно охотно. Оттуда же был полностью выведен и штаб 57-го генерального командования, оставшегося без своих кавалерийских (в прошлом) частей. Фалькенгайн попытался хоть немного компенсировать убыль за счет оптимизации использования трофейных русских бронепоездов и артиллерии. К ноябрю 1918 г. силы Восточного фронта, сократившиеся за 15 месяцев более чем в три раза, насчитывали (без учета сил в Финляндии) 27 дивизий, на Западный фронт за период с 1 января по 11 ноября 1918 г. было вместе с тыловыми рабочими и строительными батальонами (по некоторым оценкам) отправлено более миллиона человек¹³¹.

Постепенное оформление рубежей оккупированной Четверным союзом территории бывшей Российской империи и необходимость оптимизировать структуру оккупационных войск в интересах приоритетного Западного фронта привели к ожидаемому уменьшению численности и частичному расформированию имевшихся к тому моменту командных инстанций. С начала апреля 1918 г. последовал ряд характерных преобразований, находившихся, с одной стороны, в соответствии с требованиями концентрации сил на Западе, куда продолжались переброски, а с другой — в явном противоречии с желанием сохранить и даже упрочить контроль над громадными пространствами, да еще и при явном стремлении сократить зону влияния союзников.

Еще в середине марта (на Украине на месяц позже) 1918 г. началось распределение оккупационных и тыловых частей на занятой в ходе «Фаустшлага» громадной территории, что должно было закончиться исчезновением сколько-нибудь крупных группировок, готовых к возобновлению активных боевых действий на широком

---

¹³⁰ Приказ об отправке на Запад (в Бельгию) 3-й ландверной дивизии был получен 13 сентября, 4-ю ландверную дивизию отправили в 20-х числах октября. См. подр.: *Heye W. Die Geschichte des Landwehrkorps. Bd. 2. S. 421–425.*

¹³¹ Такие данные приводили на основе архивов восточногерманские ученые, заинтересованные в подчеркивании масштабов борьбы Кайзеррейха с большевистской Россией: *Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 17, 106.*

фронте. Германское командование полагало, что даже если некая опасность и будет исходить от большевиков по их инициативе, то к тому времени украинская армия и восстановленные железные дороги помогут сравнительно легко маневрировать даже сократившимися резервами. Кроме того, на Украину были переброшены и ставшие излишними на спокойных участках демаркационной линии кавалерийские части, например, в начале-середине мая из Нарвы через Гродно, Ковель и Киев (за 8 дней по железной дороге, а затем походным порядком) в Полтавскую губернию была переброшена 1-я кавалерийская дивизия, почти сразу оказавшаяся очень востребованной для быстрой реакции на крестьянские восстания¹³².

Довольно быстро выяснилось, что в образованных на территории Украины и Крыма на основе высших штабов 7 военных округах (Таврия и Крым (52-е генеральное командование)¹³³), Таганрог (корпус Кнёрцера), Харьков (1-й армейский корпус), Гомель (41-й резервный корпус¹³⁴), Киев (27-й резервный корпус), Волынь (22-й резервный корпус), Одесса (11-я ландверная дивизия)) при условии вполне развитой системы из десятков комендатур (размером от роты и до всего 10–12 человек), личного состава остается немного. Так, в подчинении командующего 27-м резервным корпусом генерал-лейтенанта Ватцдорфа¹³⁵ оставалось около 35–40 тысяч солдат и 12 комендатур на территорию Киевщины, Черниговщины (и частей Могилевской и Орловской губерний) почти в 100 тысяч кв. км. Занимавшая с конца мая округ Западная Волынь (около 35 тысяч кв. км) Баварская кавдивизия (вместе с приданными

¹³² См.: *Osterroth, Herrmann. Geschichte des 1. Dragoner-Regiments. S. 255ff.; Negenborn v. und Frh. v. Ketelhodt. Geschichte Kürassier-Regiment Graf Wrangel Ostpr. Nr. 3 (1952); BA-MA. Bibliothek. S. 26–27.*

¹³³ В конце мая — начале июня 1918 г. оно было усилено 212-й пехотной дивизией, прибывшей в Таврию из Румынии, а потом распределенной по западной Таврии на площади в 21 тысячу кв. км.

¹³⁴ Ему с 27 марта была подчинена ранее входившая в состав 10-й армии 47-я ландверная дивизия.

¹³⁵ Его дневник не слишком активно изучался исследователями, в том числе потому, что он крайне немногословен, событиям 1918–1919 гг. посвящено менее одной тетради записной книжки. См.: BA-MA. N 754/45.

частями не более 17 тысяч бойцов) была распределена между 9 комендатурами¹³⁶, состав которых был тем слабее, что ряд полков этого соединения был задействован на специальных антиповстанческих миссиях. 39-й ландверный полк оказался разбросан десятками мелких постов сразу по трем (а позднее и четырем) уездам Полтавской губернии¹³⁷. Другие примеры: 415-й саксонский полк слабого состава получил в Таврии под контроль территорию в половину Саксонии¹³⁸, батальон 103-го ландверного полка отвечал за Борисовский уезд в 10 тысяч кв. км, то есть в две трети Саксонии¹³⁹. К осени границы комендатур почти полностью совпадали с уездными, что имело свои преимущества, однако не могло компенсировать нехватку сил. Ситуация уже была такова, что на один уезд в 5–7 тысяч кв. км можно было выделить лишь батальон или эскадрон неполного состава¹⁴⁰. Бывало, что эскадрон (то есть не более 110 человек) оказывался разделен между 24 пунктами несения службы, включая постоянные гарнизоны и патрули¹⁴¹. Самая беглая инспекция вверенной территории отнимала у ответственного офицера минимум несколько дней. Прибытие из Германии различных тыловых подразделений тех или иных полков не слишком исправило ситуацию. В австро-венгерской зоне оккупации на одну дивизию приходилось около 2 уездов.

Явная нехватка сил особенно сказывалась на густонаселенных территориях Украины и Новороссии. Германский контроль все более ограничивался крупными городами, требовавшими — с учетом большого населения и огромного количества оружия¹⁴² — не менее

¹³⁶ Штаб находился в Ровно, затем в Луцке. См.: *Mędrzecki W.* Bayerische Truppenteile in der Ukraine. S. 446–447.

¹³⁷ См. подробнейшее боевое расписание: *Stockhausen H.* Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 39. S. 448–450.

¹³⁸ См.: *Schmaler M.* Das Infanterie-Regiment Nr. 415. S. 132.

¹³⁹ См.: *Kötzschke R.* Die Landwehr-Infanterie-Regimenter Nr. 101 und Nr. 103. S. 79.

¹⁴⁰ См.: *Mędrzecki W.* Niemiecka interwencija militarna. S. 71–74.

¹⁴¹ См., напр.: *Benary A.* Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 21. Bd. 2. B., 1941. S. 328.

¹⁴² Например, в Киевском военном округе к началу июня у населения было изъято: 38 орудий, 633 пулемета, 29 200 винтовок, 676 пистолетов и 11 тысяч единиц холодного оружия. Отмечалось, что самые упорные

половины всех сил, и полосой вдоль железных дорог — так же, как и в 1941–1944 гг. В стремлении охватить как можно большую территорию по меньшей мере номинальным присутствием нередко опасно ослабляли гарнизоны городов. Да и рассеянные по селам мелкие и мельчайшие посты только делали уязвимыми оккупантов, а потому высшие штабы тщетно стремились пресечь распыление сил. Командиры германских соединений корпусного уровня (1-го и 20-го армейских, 3, 22, 27 и 41-го резервных, Ландверного, 52, 60, 67 и 68-го генеральных командований) превратились в своего рода генерал-губернаторов примерно губернского масштаба, так что в дальнейшем вся основная работа с создаваемыми на местах военными и административными инстанциями выпала на их долю.

Территория Украины оказалась столь велика, что контролировать ее хотя бы номинально возможно было, лишь господствуя на основных транспортных магистралях, включая речные. В середине мая подошедшие с Дуная корабли австро-венгерской флотилии¹⁴³ положили конец попыткам еще не захваченных речных судов, участвовавших в сопротивлении вторжению интервентов в марте-апреле, отойти вверх по Днепру или по Бугу. После того как был открыт огонь, они сдались и были переданы командам императорского и королевского флота. Впоследствии мониторы использовались для поддержки австрийских гарнизонов по берегам рек и в портах (особенно в Херсоне и Одессе), а также как казармы и транспортные средства¹⁴⁴. Перебои с углем, так и не начавшим поступать из Донбасса, пресекли дальнейшие планы по

элементы еще продолжают укрывать оружие. См. отчет Ватцдорфа: *SächsHStA*. 11358. 283. Bl. 8. В Николаеве в начале мая было обнаружено 6 полностью исправных германских полевых гаубиц и еще 8 русских орудий (3- и 5-дюймовых), а также 50 тысяч снарядов к ним: *SächsHStA*. 11362. 997. Bl. 21; *Dragoni A. v. Die österreichisch-ungarische Operationen*. S. 277.

¹⁴³ Будущие речные силы австро-венгерского флота на Украине были сформированы еще 1 апреля в Сулине, однако добрались до Николаева лишь 21 апреля. В дальнейшем они участвовали в акциях по разоружению населения в крупных портах и помогали в переброске войск, в том числе германских, для борьбы с повстанцами. См.: *Wulff O. R. Die österreichisch-ungarische Donauflotille*. S. 153–169.

¹⁴⁴ См.: *Черников И. Гибель империи*. С. 533–540, 559–563.

установлению контроля над акваториями рек. 9–12 сентября флотилия была выведена в Браилу, что стало важным признаком будущего крушения оккупационного режима на Украине.

Специфические условия огромного ТВД и необходимость оперативных действий против «банд», где при подходе германских войск к любой деревне неожиданно оказывалась значительная часть мужского населения в возрасте от 20 до 40 лет¹⁴⁵, привели к тактическим и организационным импровизациям. Особенно успешно действовали на Востоке в ходе уличных боев отдельные взводы с пулеметами на 2 броневиках, а порой и с радиостанцией с выдвижной мачтой длиной до 7 м¹⁴⁶. Продолжавшийся процесс перевооружения, в ходе которого были списаны трофейные и устаревшие орудия, винтовки и т. п., а также приняты и освоены новые гаубицы, пулеметы и т. д., компенсировал количественное и качественное ухудшение состава германских оккупационных войск, но вряд ли в полной мере.

Крайне болезненно сказывался недостаток карт¹⁴⁷ и невозможность добиться внятного содействия от местных жителей при ориентации на местности, то есть исключительно умелая контрабанда и просачивание через демаркационную линию сменялись в случае карательных акций истинно сусанинскими подвигами. Нередко это было следствием бурного, но лишь недавнего освоения территорий (как в северной Таврии)¹⁴⁸. Лишь постепенно были подготовлены карты с немецкими легендами, так что высланные на борьбу с повстанцами отряды интервентов смогли ориентироваться более уверенно. Местное население, особенно

¹⁴⁵ См.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 239–240.

¹⁴⁶ См.: Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres. S. 132–133.

¹⁴⁷ Лишь до некоторой степени это было исправлено после захвата картографических запасов бывшего Румынского фронта в Одессе, так что вскоре австро-венгерские инстанции переиздали карты на немецком языке. См.: Dragoni A. v. Die österreichisch-ungarische Operationen. S. 274.

¹⁴⁸ В полковой истории жаловались: «Некоторые деревни простираются на 14–18 км и даже не нанесены на карты. Наши патрули с колумбовским увлечением повсюду „открывали“ населенные пункты, названий которых мы никогда не видели...» (Pache A. Das Infanterie-Regiment Nr. 182. Teil 2. An der Ostfront. Dresden, 1926. S. 211.)

на великорусской территории, вело себя крайне неприязненно, попытки установить конструктивные отношения часто вызывали пренебрежение¹⁴⁹. Фикция «защиты от большевистских банд грабителей» зачастую теряла всякое подобие реальности. Никакой беспощадной войны с оккупантами не было, крестьяне даже у демаркационной линии просили германское командование разрешить сев и сбор урожая в нейтральной полосе, на что последнее соглашалось в связи с очевидными материальными выгодами¹⁵⁰.

Нехватку сил для плотного контроля над огромными территориями можно было компенсировать только путем оптимизации транспорта, главным образом железнодорожного. Масштабы захваченной в ходе быстротечной кампании в феврале-марте 1918 г. в Прибалтике и Белоруссии в относительно работоспособном состоянии железнодорожной сети были таковы¹⁵¹, что она была передана в ведение 5-й военно-железнодорожной инспекции, а с 3 марта и вновь образованной 11-й инспекции в Риге. Вскоре они стали ответственными за все магистрали бывшей Российской империи от Балтийского моря до Полесья. Приходилось не только перебрасывать или расформировывать, но и зачастую, наоборот, создавать дополнительные хозяйственно-административные инстанции и части. Кроме того, стремились сохранить на Восточном фронте саперные части и их штабы, даже кадровые¹⁵², действительно незаменимые для попыток наладить транспортное сообщение после масштабных разрушений последних лет.

Большая часть из доставшихся немцам по итогам «Фаустшлага» 6,7 тысячи локомотивов и более 6 тысяч вагонов были приспособлены под перевозку леса и других видов сырья, а потому

¹⁴⁹ См., напр.: *Pittler A. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 24. S. 143–145.*

¹⁵⁰ Так, в августе интервенты еще и охраняли крестьян на нейтральной полосе во время сбора урожая, получив за счет этого дополнительно массу продовольствия. См., напр.: *Mock. Die Geschichte des L.I.R. 430. S. 516.*

¹⁵¹ Немцам досталось 1356 км двупутных и 654 км однопутных дорог. См.: *Das deutsche Feldeisenbahnwesen. Bd. 2. S. 314.*

¹⁵² Внушительный список остававшихся на Востоке к 25 октября 1918 г. саперных частей см.: *Das Ehrenbuch der Deutschen Pioniere / hrsg. P. Heinrici. B., 1932. S. 595–599.*

ни о каком восстановлении полноценного железнодорожного сообщения и даже о налаживании нормальных условий переброски войск поначалу нечего было и думать. Такое состояние дорог позволяло проводить лишь самые необходимые поставки угля, в том числе из Донбасса, а также постепенную репатриацию беженцев. Проблему с обслуживанием магистралей удалось, напротив, решить сравнительно быстро: местные железнодорожники, месяцами не получавшие жалованья, довольно охотно шли на службу к оккупационной администрации, предпочитавшей в отличие от большевиков платить за исправную работу¹⁵³. А ее было много, ведь германское командование тут же озаботилось восстановлением и достройкой объектов инфраструктуры, необходимых для воссоединения разделенной в течение более двух лет сети¹⁵⁴. Огромную роль в логистике сыграл возведенный саперами за 4,5 месяца огромный «Любекский мост» в Риге (550 м в длину, 6 м ширина проезжей части), надолго ставший главной переправой через Западную Двину. По-прежнему имели в виду и перешивку на европейскую колею хотя бы части железных дорог Прибалтики, хотя порой по соображениям эффективности перешивать приходилось, наоборот, на русскую колею (например, ветки в Ригу, ставшую крупнейшим перевалочным пунктом). Результаты не замедлили себя ждать: уже 4 апреля возобновилось сообщение с Псковом, были отремонтированы важнейшие рокадные дороги через Барановичи и Лунинец. Однако достичь грузооборота довоенных масштабов и номенклатуры было немыслимо без активного использования водных путей, что ставило проблему каналов и речного судоходства¹⁵⁵ и т. д.

Определенные успехи в сфере транспорта сочетались с «ползу-чей» оптимизацией состава и оснащения оккупационных войск.

¹⁵³ Следствием этого было то, что к возмущению Людендорфа, высказанному на совещании в Спа 13 мая 1918 г., на Украине приходится платить (железнодорожникам выдано уже 14 миллионов марок), а не получать с нее прибыль, ведь поставки пока далеко не столь велики, как ожидалось. PA AA. Großes Hauptquartier. Kriegsziele. Bd. 16a. Bl. 130–131.

¹⁵⁴ Ход работ описан в: Das deutsche Feldeisenbahnwesen. Bd. 2. S. 314–315.

¹⁵⁵ См.: Das deutsche Feldeisenbahnwesen. Bd. 2. S. 334ff.

Уверенность в неспособности большевиков к масштабным боям приводила к отказу от прежних норм вооружения полков и дивизий. Поначалу с Востока отправляли пулеметы и артиллерию, особенно тяжелую, чтобы добиться нужного насыщения огневыми средствами атакующих на Западе войск. Однако уже первые два людендорфовских удара (на Амьен и на р. Лис) показали, что не хватает в первую очередь младших командиров и солдат, а не вооружения. Немалые потери несли все принимавшие участие в боях рода войск, особенно авиация и артиллерия, но основная доля выпадала на пехоту. Уже 15 мая ОХЛ потребовало от Обер Оста жестко соблюдать максимальную численность батальонов (доведенную с 900 до 650¹⁵⁶, а в начале сентября и до 600 человек (пулеметных рот — до 110 человек)¹⁵⁷; в егерских батальонах традиционно было существенно больше). Как правило, полки несколько раз вынуждены были формировать партии по 100–120 солдат и офицеров, отправлявшихся на Запад в течение весны-осени 1918 г. Кроме того, периодически получали новые назначения и офицеры среднего звена, что создавало непривычное впечатление постоянной нестабильности состава. В итоге сокращения штатов на Востоке становились совершенно бессмысленными для нужд Западного фронта, ведь молодежь и кадровых офицеров к моменту очередной волны «подкреплений» туда уже давно отправили. Строгим соблюдением новой нормы воспользовались для того, чтобы перевести из ландвера в ландштурм и тыловые гарнизоны солдат старше 45 лет, многодетных (не менее 5 отпрысков) отцов, единственных сыновей и т. д. Устанавливался максимум рот и эскадронов (по 120–150 человек, в пулеметных

¹⁵⁶ Так, в середине июня 1918 г. в связи с этой мерой из 182-го пп должны были выделить 555 человек (то есть почти 1/5 прежнего его состава), хотя часть из них были переданы в соседние части на Восточном фронте: См.: *Pache A. Das Infanterie-Regiment Nr. 182. S. 159–160.*

¹⁵⁷ На местах уменьшение численности за счет отправок на Запад саботировали до последнего. Так, в 3-м батальоне 121-го ландверного полка (включая пулеметную роту) даже 21 октября оставалось на довольствии 38 офицеров и кандидатов в офицеры, а также 726 нижних чинов, боевой состав достигал 34 и 672 человек соответственно. См. подр.: *HStA Stuttgart. M 411. Bd. 3140.*

эскадронах — по 100)¹⁵⁸, а весь сверхштатный личный состав, особенно старших возрастов, отправляли в тыловые депо в распоряжение Ставки, что должно было быть подготовлено к 1 июня, а окончено к 1 июля. Чуть позже Людендорф решительно потребовал пресечь разбухание штабов за счет приданных сверх штата офицеров, особенно генштабистов, твердо вознамерившись отправить максимум кадрового офицерства на фронт¹⁵⁹. Уменьшение численности войск уже на Востоке также (как и на Западе) намеревались компенсировать насыщением пехоты огневыми средствами, в том числе легкими пулеметами.

Вскоре многие части не достигали даже штатов мирного времени. Отправляемая на Запад молодежь нередко погибала, так что надежды на восстановление боеспособности полков (особенно кавалерии, разбросанной поэскадронно между разными дивизиями, а то и фронтами) после возвращения откомандированных (тем более в свои кадровые или, наоборот, «дочерние» части) не оставалось. Хотя ранее германский Генштаб резко осуждал практику распыления полков и соединений для отправки подкреплений на другой ТВД, применяемую в России в ходе войны с Японией 1904–1905 гг., теперь он повторил ровно те же ошибки с аналогичными последствиями. С лета 1918 г. стали отправлять на Запад отдельные дивизионы и батареи из и без того немногочисленных артиллерийских полков на Востоке, забирали артиллерию и у кавдивизий. Вместо убывших во Францию опытных орудийных расчетов штабам подчиняли ландштурмистов и самокатчиков, так что артиллерия становилась почти небоеспособна. В ряде кавалерийских частей, столь важных для контроля над громадными территориями на Востоке, на Западе в итоге оказалось около половины офицеров¹⁶⁰. При перспективе обратных перебросок многие даже самые старые и потому устоявшиеся полки пришлось

¹⁵⁸ Текст распоряжения из Обер Оста вслед за приказом ОХЛ: SächsH-StA. 11362. 994.

¹⁵⁹ В распоряжении ОХЛ от 21 августа 1918 г. было детально прописано, сколько офицеров может быть вне штата в высших штабах: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 135. Л. 114–115.

¹⁶⁰ Например, в 17-м драгунском полку: *Troschke P. v. Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 17. Bd. 2. B., 1938. S. 319–320.*

бы сформировать заново, из столь «кадрированного» состояния вернуть им боеспособность было почти невозможно. Надежды на возвращение в строй тех офицеров, что прибыли из русского плена и прошли переподготовку в эрзац-частях, были небеспочвенны¹⁶¹, однако явно преувеличены. Пополнение в войска на Востоке прибывало порой даже в октябре, однако эффект от этого был в лучшем случае количественный.

Помимо молодежи из остающихся на Востоке полков изымались также отдельные нужные для Западного фронта предметы оснащения и оружия, например новейшие пулеметы, особенно ручные, пистолеты и бинокли. Весьма важным трофеем для Запада стали качественные русские противогазы, ведь в них был дефицитный в Германии каучук. Даже после начала «Фаустшлага», но еще задолго до окончания боевых действий на Востоке изымали излишки боезапаса у артиллерии, ручные и осветительные гранаты и даже винтовочные и пистолетные патроны у пехоты. Получив сведения о захвате большого количества лошадей в ходе наступления, стали забирать всех «годных к Западу» коней из кавалерии¹⁶², артиллерии и обозов. На этом, как считал тогда Людендорф, все возможное для использования ресурсов Восточного фронта в целях усиления армий на Западе уже сделано, хотя точных размеров полученного тем самым пополнения он не предполагал¹⁶³. Такое указание было тем более оправданно, что в ряде ландверных и резервных частей позволяли себе сохранять полный штат, не торопясь расставаться с «лишними» солдатами, тем более что за время затишья на Востоке в свои части сумели вернуться многие излечившиеся в госпиталях или командированные для переподготовки¹⁶⁴. Особенно полным был состав

¹⁶¹ Например, в 18-м драгунском полку прибывший из плена весной 1918 г. ротмистр даже успел (в сентябре) стать командиром эскадрона: *Larisch H. v. Das Mecklenburgische Dragoner-Regiment Nr. 18. S. 210.*

¹⁶² Так, «ко всеобщему удивлению» 22 февраля 1918 г. наступавшему в Белоруссии артполку пришел приказ отправить на Запад 309 лошадей. См.: *Otto K. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 246. S. 261.*

¹⁶³ См.: *Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 228–229.*

¹⁶⁴ Например, в 1-м батальоне 122-го резервного пехотного полка даже к концу марта 1918 г. на довольствии было 39 офицеров и 988 солдат,

в почти не несшей на Востоке потерь артиллерии¹⁶⁵, однако именно артиллерийские полки отправляли на Запад целиком, оставляя на Восточном ТВД в лучшем случае конные дивизионы. Схожая ситуация была и в минометных ротах, которые требовались во Франции и Фландрии едва ли не больше, чем батареи, а бурное развитие этого типа частей привело к формированию минометной роты в каждом пехотном полку, а уже имевшиеся отдельные подразделения со средними и тяжелыми минометами сводили в батальоны. Резервные и кадровые войска из-за более молодого в целом личного состава редели куда быстрее ландверных и тем более ландштурменных подразделений. Помимо отправки лучшего в физическом отношении людского материала в пехоту, из-за огромных потерь личного состава в авиации остро требовалась молодежь и для обучения ее на пилотов. Однако в сентябре 1918 г. новая волна перебросок и оптимизации состава привела к тому, что скрывать «таяние» даже списочного состава становилось все труднее¹⁶⁶. Чтобы пресечь уклонение от сокращения частей, требовали представлять точные списки планируемого к отправке на Запад пополнения.

боевой состав насчитывал 834 человека. В полку в целом к 31 марта было 113 офицеров и 2870 нижних чинов, то есть 2983 человека на довольствии. Это существенно превосходило укомплектованность даже отборных частей Западного фронта. См.: HStA Stuttgart. M 411/2626; M 411/2600. В 126-м ландверном полку было и того больше (21 марта 1918 г.): 3096 человек на довольствии, из них 118 офицеров! Потери за весь март (когда шло активное наступление по Украине) в этом полку составили 10 убитых (ни одного офицера) и 31 раненый (3 офицера). См.: HStA Stuttgart. M 411/3451.

¹⁶⁵ В 246-м полку полевой артиллерии численность офицеров к 1 июля (когда большая часть полка была направлена на Запад) достигла 77 офицеров, нижних чинов (перед последним пополнением и после всех прежних командировок во Францию) — 936, лошадей же было максимум за всю войну — 1063 головы. См.: *Otto K. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 246*. S. 384. Лишь с сентября составы батарей начали жестко сокращать.

¹⁶⁶ Так, штаб группы армий «Киев» 14 сентября 1918 г. отдал строго секретное распоряжение о том, что состав роты сокращается до 2 офицеров, 9 унтер-офицеров и 70 солдат (в 1914 г. было до 5–6 офицеров, а всего до 160–180 бойцов). Особенно резко рекомендовали сократить число писарей, ординарцев, денщиков и т. д. См.: *SächsHStA*. 11358.284. Bl. 20.

Тяжелейшее положение с боееспособными пополнениями, стремление упростить командные структуры и «разгрузить» тылы и штабы, взяв оттуда не только недостающий и желательный опытный личный состав, но и офицеров¹⁶⁷, привело в 1918 г. к масштабным расформированиям соединений германской армии. Сильнее всего они затронули войска на Востоке, где после переброски самых боееспособных частей и солдат оставались лишь организационные каркасы, не имевшие практической ценности без должного личного состава. Более того, в начале июля на волне оптимизма в ожидании результатов очередного удара под Реймсом Людендорф и вовсе полагал, что следует пока воздерживаться от наращивания германских войск на Востоке¹⁶⁸, но ни о каком их сокращении уже не было и речи. На смену бесконечному «прочесыванию» некогда сравнительно спаянных полков, батальонов и рот постепенно приходило расформирование их остовов. Некоторые полки (например, 9-й ландверный в конце апреля 1918 г.) отправлялись на Запад в составе своих дивизий, но по прибытии туда сразу расформировывались, отправляясь на пополнение кадровых частей¹⁶⁹. Эффективность переброски и состояние прибывших во Францию для подкрепления частей характеризует следующий факт: из 32 расформированных за всю кампанию 1918 г. дивизий 19 относились к тем из них, что были отправлены с Востока на Запад. Многие кавалерийские части расформировали даже до отправки, как, например, 9-ю кавалерийскую дивизию, переставшую существовать в день подписания Брестского мира, 3 марта 1918 г.

¹⁶⁷ Не считая крайне немногочисленных офицеров Генштаба, доля кадровых офицеров даже в высших штабах в зависимости от типа дивизии или корпуса колебалась от 24 % до 66 %, однако в целом к кампании 1918 г. их оставалось там около половины общего состава. В среднем же в германской армии в полку из 68 офицеров (к февралю 1918 г.) лишь 9 были кадровыми, зато в общих потерях командного состава доля кадровых офицеров (за предшествующие военные месяцы) достигала почти 30 %. См. статистику в документах военного кабинета кайзера: *Volkmann E. O. Soziale Heeresmißstände als Mitursache*. S. 111–112.

¹⁶⁸ Так он утверждал в беседе с новым главой германской дипломатии. См.: Paul von Hintze: *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär*. S. 442.

¹⁶⁹ См.: Zinzow. *Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 9*. S. 137.

Через месяц за ней последовала и 8-я кавалерийская дивизия, хотя для контроля над огромными оккупированными территориями именно конные части были особенно важны.

При всем нежелании ОХЛ отказываться от уже налаженных штабных структур назревшую оптимизацию пришлось проводить и на высшем уровне, хотя с этим тянули до последнего. В конце января 1918 г. на фронте в Румынии была расформирована переброшенная туда лишь за 3 месяца до этого 101-я пехотная дивизия. Если в апреле-мае были (лишь частично) расформированы 94-я, 226-я пехотные и 14-я ландверная дивизии, то в июне 1918 г. лишь 1 дивизия (9-я баварская резервная), а в августе-ноябре 1918 г. исчезли уже полностью 27 дивизий¹⁷⁰, причем заметно быстрее приходилось расформировывать части, действовавшие в полосе главных ударов весной 1918 г. Особенно ускорился процесс ликвидации пехотных частей после явного надлома боевого духа германских войск на Западном фронте, ведь раненые и отпускники возвращались в свои полки все реже и медленнее. Из-за недостатка личного состава в пехоте осенью 1918 г. стали расформировывать некоторые из сформированных всего годом ранее полков («четырёхсотых кадровых», а на самом деле ландштурменных в основном), соответствующего невысокого качества и офицерского, и солдатского состава. Истощение людских резервов Кайзеррейха привело к тому, что за 1918 г. не было образовано ни одного нового пехотного полка, лишь сводили в егерские полки прежние батальоны. В прошедшей волну расформирований еще в 1916-1917 гг. коннице наблюдались несколько иные тенденции. Если на Западе прибывшие туда кавалерийские дивизии продолжали спешивать и расформировывать, то на Востоке нуждались

¹⁷⁰ 109, 211, 235-я, 10-я баварская, 6, 33 и 46-я резервные и 10-я ландверная пехотные дивизии (август), 108, 183, 222, 223, 225, 233, 14-я баварская пехотные, 43, 53, 54, 77, 78-я резервные (сентябрь), 197, 201, 302-я, 25-я резервная пехотные дивизии, Баварская эрзац-дивизия (октябрь), 202-я пехотная дивизии (ноябрь). У Г. Крона данные несколько отличаются (нет сведений об апреле-мае), а количество расформированных за 1918 г. дивизий совпадает. Итого расформированы за 1918 г. 29 из 241 пехотной дивизии (12 % от общего числа). См.: *Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres*. S. 106-107; *Militarismus gegen Sowjetmacht*. S. 102-103.

и их мобильности, однако не имели возможности поддерживать штатную численность, так что в дивизиях оставалось вместо трех две, а то и одна бригада кавалерии, да и то далеко не полного состава¹⁷¹.

Вскоре выяснилось, что под предлогом отправки «излишних» командование войск на Востоке явно избавляется от неблагонадежных и небоеспособных элементов, предоставляя разбираться с ними другим инстанциям¹⁷². Многие из ветеранов Восточного фронта нуждались в переобучении с учетом иного уровня оснащенности войск на Западе¹⁷³, однако у тех солдат, кто перебрасывался на решающий фронт еще после начала германских наступлений, времени на это просто не было. Нет сомнения, что солдаты остро чувствовали свою неготовность к максимально технологизированным на тот момент условиям боевых действий во Фландрии и Шампани. В то же время военное министерство требовало как можно скорее отправить на фронт тех вернувшихся военнопленных, что ранее всего добрались до родных мест (из 5-го и 17-го корпусных округов)¹⁷⁴. Тысячи их массово отправляли в Германию и Австро-Венгрию сразу же после захвата крупных городов на Украине в марте-апреле 1918 г.¹⁷⁵ Часть бывших пленных германских солдат и офицеров отправили не на Западный фронт, а на Салоникский, в частности тех, кто воевал до пленения в составе турецких войск¹⁷⁶. В результате войска на фронте с весны 1918 г. получали едва ли не самую худшую из всех категорию пополнения¹⁷⁷, самым серьезным образом влиявшую на молодых рекрутов.

¹⁷¹ См.: *Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres*. S. 107–108.

¹⁷² На это, а также на неоправданные авансы на повышение по службе с возмущением указывалось в распоряжении ПВМ от 7 июня 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 135. Л. 86.

¹⁷³ Например, многие были незнакомы с ручными пулеметами, с мерами ПВО и т. д. См.: *Kabisch E. Streitfragen des Weltkrieges*. S. 389.

¹⁷⁴ См.: *Militarismus gegen Sowjetmacht*. S. 241.

¹⁷⁵ См., напр.: *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine*. Stuttgart, 1919. S. 95.

¹⁷⁶ Так, один офицер, успевший немного выучить на Кавказском фронте и в плену турецкий язык, уже в конце сентября 1918 г. отступал из Македонии. См., напр.: *Notz F. v. Deutsche Anabasis* 1918. S. 28.

¹⁷⁷ По оценке Ф. Альтрихтера: *Altrichter F. Die seelischen Kräfte des Deutschen Heeres*. S. 160–161.

Полной дискриминации побывавших в плену офицеров и фанен-юнкеров не предусматривалось, хотя производство их в следующие чины было оговорено особо¹⁷⁸.

Параллельно шел и очередной раунд внутригерманских партикуляристских склок. На Востоке присутствовали войска всех 4 германских королевств, причем особенно смешанным был состав группы армий «Киев», где был саксонский (27-й резервный), вюртембергский (Кнёрцера) корпуса, Баварская кавдивизия и несколько баварских бригад. Вряд ли можно документально доказать тщательное стремление каждого из государств Кайзеррейха обеспечить свое участие в оккупации Украины. Однако наличие в богатых ресурсами регионах войск из разных частей Германской империи без сомнения положительно сказалось на пропорциональном распределении поступающего разными путями, особенно посылками¹⁷⁹, продовольствия между ее регионами. Давало себя знать и болезненное нежелание непрусских контингентов поступиться хоть частью своей самостоятельности, более того — упорным стремлением добиться льгот, не уступающих особому положению баварских частей¹⁸⁰. Крайне остро воспринимались массовые расформирования соединений среднего звена летом-осенью 1918 г., ведь в этом германские государства видели нарушение баланса военных усилий в пределах единой кайзеровской армии. «Оптимизированные» еще на Восточном фронте части не просто отводились в тыл на переобучение, а уезжали на Запад, после чего начиналась следующая волна отбора лучших кадров. Боевой состав соединений на Востоке сокращался и за счет командирования офицеров в другие части (в том числе национальные), перетасовки личного состава за счет отбора по возрастному, национальному и льготному признакам (отцы семейств, ограниченно годные и т. д.)¹⁸¹.

¹⁷⁸ См. распоряжение ПВМ от 31 июля 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 135. Л. 107–109.

¹⁷⁹ Они должны были бы весить не более 10 кг, однако тщательность контроля вызывает вопросы.

¹⁸⁰ См., напр., о саксонской армии и рекрутах из Саксонии летом 1918 г.: Hoffmann J. Die sächsische Armee. S. 334–335.

¹⁸¹ Г. фон Куль на примере 83-й дивизии показывал, что в конце июля там уже не хватало 1700 человек и еще 600 рекрутов, при этом в ней

«Прореживание» оставшихся на Востоке частей, особенно (но не только!)¹⁸² пехотных, продолжалось вплоть до октября 1918 г.¹⁸³, так что последние партии даже не успели отправить на Западный фронт из-за развала коалиции Центральных держав. С самого начала в эффективности такого способа оптимизации людских ресурсов высказывались сомнения. Помимо тающих войсковых частей контроль над территорией должны были осуществлять и тыловые комендатуры, количество которых во всей оккупированной зоне достигало 45¹⁸⁴. Попытка усилить состав оккупационных войск на Востоке хотя бы за счет отпущенных из плена вражеских держав (то есть не из России, а из оставшихся в Антанте стран), предпринимаемая с апреля 1918 г., была сочтена нарушающей взятые на себя Германией обязательства, ведь и в Финляндии, и на Украине к ноябрю 1918 г. уже считались с перспективой боевых действий с антантовскими десантами, в которых освобожденные из плена под честное слово участвовать не должны были¹⁸⁵.

Диспропорция между штабными, тыловыми и хозяйственными инстанциями и собственно боеспособными частями постоянно возрастала, ведь в отличие от сокращения и расформирования полков, бригад и дивизий штабы корпусного уровня (именно на Востоке!) старались сохранить, так что их личный состав почти не сокращался. Во многом это было продиктовано не только удобной и привычной за годы войны моделью «привязанного

насчитывалось 3,4 тысячи солдат старше 35 лет, 1353 многодетных отца, 1055 эльзасцев и т. д. См.: *Куль Г., Дельбрюк Г. Крушение германских... С. 74.*

¹⁸² Так, в пехоту на Западный фронт отправляли офицеров из кавалерийских дивизий, так что в 1-м драгунском полку к началу ноября осталось 12 офицеров, включая командира. См.: *Osterroth, Herrmann. Geschichte des 1. Dragoner-Regiments. S. 256.*

¹⁸³ См., напр.: *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine. S. 205–206.*

¹⁸⁴ См.: *Lieb P. Aufstandsbekämpfung im strategischen Dilemma // Die Besatzung der Ukraine 1918. S. 117.*

¹⁸⁵ См. распоряжение, отданное в ПБМ 5 ноября 1918 г., то есть накануне начала переговоров в Компьене. Предлагалось в качестве выхода повысить кандидатов в офицеры в офицеры, то есть за счет перевода в новое качество (отличное от условий обмена) вывести их из-под ограничений: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 135. Л. 152–153.

к местности»¹⁸⁶ штаба, ответственного за данный участок фронта, но и опасением дать явным упрощением структуры оккупационных ведомств повод говорить о предстоящем сворачивании интервенции. Поэтому в пересчете на армии, корпуса и во многом даже дивизии (который так любили приводить (а ныне цитировать) в таблицах соотношения сил в классических военно-исторических трудах) группировка германских войск на Востоке выглядела и к концу кампании на Западе весьма внушительно: 2 группы армий¹⁸⁷, 2 отдельные армии и, кроме них, еще не менее 2 отдельных дивизий, 11 корпусов и генеральных командований¹⁸⁸, а также штабы германских военных миссий в Финляндии и Грузии. Более того, следует еще учесть, что в связи с новой волной перебросок в сентябре-октябре 1918 г. даже упомянутая выше неполная командная структура была очередной раз упрощена, пусть и на уровне дивизий и корпусов. Так, 3 октября был расформирован образованный накануне «Фаустшлага» (16 февраля) корпус генерала от кавалерии Кнёрцера, а его командующий вновь принял свою прежнюю 7-ю ландверную дивизию. Штаб корпуса (то есть штаб 20-й ландверной дивизии) был отправлен в распоряжение 22-го резервного корпуса. В самих дивизиях спешно готовили к отправке в тыл, на Запад или на пополнение других частей чуть ли не все технические приданные им части¹⁸⁹. Остающиеся на Востоке войска усиленно перемещали по оккупированной зоне, поддерживая за счет мобильности определенную видимость постоянного контроля.

Постепенно процесс смены частей дошел и до ландвера, на смену которому все чаще прибывали ландштурменные войска, еще

¹⁸⁶ Буквально: "bodenständige".

¹⁸⁷ Весьма примечательно с точки зрения логики развития событий на Восточном театре военных действий то, что к 1936 г. в Рейхсархиве перестали включать в понятие «вывода войск с Востока» события в Румынии и судьбу войск из группы армий Макензена, хотя это искусственно сокращает общую панораму событий и некорректно ограничивает анализ процесса ликвидации Восточного фронта в целом.

¹⁸⁸ См.: Вывод войск с Востока. С. 223–249.

¹⁸⁹ См. документы дивизии за период осень 1918 — лето 1919 г.: HStA Stuttgart. M 410. Bd. 793.

меньшей устойчивости и выучки. Они продвигались с запада на восток, договариваясь — по мере установления минимального порядка на только что занятых территориях — о взаимодействии с уже появившимся местным самоуправлением и (на Украине) с властями государств-лимитрофов. Иное по сравнению с фронтовыми качеством оккупационных частей быстро бросалось в глаза местному населению в связи с возрастом направленных в ландверные части призывников, ведь лучших рекрутов из ландвера 1-й категории с самого начала войны отправляли на укомплектование резервных дивизий, где они составляли 55 % личного состава. Возрастные солдаты ландвера (а тем более ландштурма) были совершенно уверены в том, что они по возрасту и военному законодательству (являясь ополченцами) никак не могут быть направлены на Западный фронт. Это убеждение, еще вполне понятное в 1914 г., когда имели в виду опыт войны 1870–1871 гг., сохранилось и к 1918 г., хотя и ландвер, и даже ландштурм давно уже участвовали в боевых действиях — и более чем активно. И все же к октябрю на Запад отправляли и ландштурмистов, особенно пулеметные части¹⁹⁰. При попытках отправки пехоты беспорядки вспыхивали уже на стадии погрузки в вагоны, даже когда окончание войны было явно близко, а потому длительных боев можно было не опасаться¹⁹¹. В ландвере же запланированное количество «годных для Запада» солдат и офицеров попросту разверстывалось по частям, а если они не имели предполагавшегося к отправке контингента, то вынуждены были меняться с другими соединениями на «негодных для Запада» в обмен на недостающих «годных». Перемешивание вступило в финальную стадию, что не могло не сказываться на общем уровне управляемости.

В марксистской историографии (СССР, ГДР, изредка ФРГ) стремились как можно чаще указывать примеры разложения кайзеровских войск на Востоке, хотя и не всегда имели возможность

¹⁹⁰ Так, в октябре 1918 г. на Западе уже были пулеметчики из 22-го ландштурменного полка, до того бывшие на Моонзундских островах, а затем вывезенные через Ригу. См.: *Rudolph K. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 3. S. 22–23.*

¹⁹¹ Например, в 1-м баварском ландштурменном полку в Ровно 25 октября. См.: *Mędrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine. S. 453. Anm. 28.*

ссылаться на документы, а не на слухи в газетах. С другой стороны, нет сомнений в том, что в солдатских газетах и под нажимом цензуры в местной прессе стремились и попросту умолчать о любой опасной для оккупационных властей информации, поэтому некоторое значение эти эпизоды вполне могли иметь. Уже 19 марта 1918 г. за распространение среди германских солдат листовок, не уступающих радикальностью большевистским¹⁹², в рижской тюрьме были расстреляны 2 спартакиста. Местные оккупационные власти запрещали любое употребление революционной символики, особенно красного флага, хотя добиться этого было трудно. Впоследствии неоднократно отдавались приказы о расстреле на месте бывших германских военнопленных, ведущих пропаганду на демаркационной линии или взятых в плен в ходе боестолкновений. Никаких прав парламентариев (хотя именно за этим и посылались на фронт отряды из владевших немецким языком пленных¹⁹³) за ними не признавалось, то есть следовал немедленный арест¹⁹⁴.

¹⁹² Там германских солдат прямо называют «солдатней, ведущей себя как в колониях», «палачами свободы» и т. д. После войны листовки не преминули опубликовать, причем под эгидой КППГ, а не ее противников. См.: *Spartakus im Kriege: die illegalen Flügblätter des Spartakusbundes im Kriege / gesamt von E. Meyer. B., 1927.*

¹⁹³ Об этом вспоминает А. Кольман, утверждая, что захваченных под Себежем в плен двух австрийских немцев в германских войсках «зверски замучили, а трупы повесили на обозрение на другом берегу». См.: *Kolman A. Die verirrte Generation. S. 89.*

¹⁹⁴ Хотя стрелять на поражение по любому бывшему солдату кайзеровской армии на посту РККА не разрешалось. См. приказ Леопольда Баварского от 30 июня 1918 г.: *Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 234–235.* В боях против кайзеровской армии на Украине якобы уже в марте 1918 г. приняли участие пленные немцы, работавшие на шахтах Донбасса, затем они использовались для подрывной пропаганды. См. воспоминания Ф. Шварца в: *Weltenwende... S. 59–60; Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918–1919 рр.). Київ, 1959. С. 34–37.* Об этом же сообщали и французские офицеры: *Садуть Ж. Записки о большевистской революции. С. 256.* Подтверждает и участие немецких пленных в боях против кайзеровских войск, и их пропагандистскую деятельность не только на Украине, но и в Германии участник интервенции Х. Тинтруп. См.: *Tintrup H. Krieg in der Ukraine. S. 94.*

Той же линии придерживались и австро-венгерские командные инстанции¹⁹⁵. Тех агитаторов, кто попадал в руки военных инстанций, перевербовывала контрразведка, чтобы вскрыть подполье на оккупированных территориях¹⁹⁶. Постоянные донесения из местных штабов в центральные инстанции привели к серьезным опасениям и директивным мерам по борьбе с «имеющей известный успех среди неустойчивых элементов большевистской пропагандой», в том числе о сборе информации о пошедших на службу большевикам бывших солдат кайзеровской армии¹⁹⁷.

В штабной документации (журналах военных действий и приказах) порой попадает информация о нежелательных явлениях в оккупационных войсках, однако и эти в основном неопубликованные архивные источники вряд ли могут претендовать на полноту картины событий. 22 августа 1918 г. (по сведениям газет) в Борисове взбунтовались солдаты одного из германских полков, в результате 2 офицера были убиты, а многие избиты. Поводом к недовольству стал протест из-за отправки на Западный фронт¹⁹⁸. Ответом на это стала отправка в специальные фильтрационные лагеря, не возымевшая должного действия¹⁹⁹, а затем дошло и до комплектования отказавшимися воевать на Западе рот военнопленных в тылу фронта, то есть у германского командования появ-

¹⁹⁵ Например, по сведениям «Правды», 19 мая в Екатеринославе было расстреляно 18 австрийцев-интернационалистов: Гражданская война на Екатеринославщине. С. 40.

¹⁹⁶ Так, якобы один бывший офицер германской армии, примкнувший к большевикам, был арестован на Украине германским командованием, до суда ему предложено было стать агентом контрразведки, но он «единственно о чем мечтает, это пробраться в Советскую Россию, для этого ему нужно получить паспорт на чужую фамилию». Хотя это было лишь легендой агента, но сам факт ее показывает на вероятность такого развития событий. См.: *Дашкевич Б. Н.* (Николаев С.) Железнодорожники в период австро-германской оккупации. С. 170–171.

¹⁹⁷ См., напр., распоряжения штаба 62-го генерального командования от 9 июня 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 40.

¹⁹⁸ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 190–191.

¹⁹⁹ См. распоряжение ОХЛ от 12 марта 1918 г.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 225; Armee und Revolution. S. 23.

вились пленные из германских же солдат²⁰⁰. Вскоре сопротивление транспортировке на Запад и дезертирство по пути следования привели к тому, что командирам воинских эшелонов был отдан приказ в случае препятствования дальнейшему следованию и/или упорного уклонения от погрузки (уже на территории Германии) открывать огонь на поражение²⁰¹. Последовали репрессии и на местах: еще в конце июля на «Гёбене» было арестовано множество матросов (якобы до 400 человек)²⁰², тогда же расстреляно 40 солдат в одной из армейских частей за отказ отправляться на фронт, а 16 августа расстреляли по той же причине и еще 80²⁰³. 14 сентября штаб группы армий «Киев» вынужден был констатировать, что германские солдаты на украинских станциях разгуливают в небрежном виде и даже без мундиров, а офицеры (и даже солдаты), несмотря на многократные указания, «забывают» приветствовать украинских коллег, новые погоны которых тщетно напоминали с июля²⁰⁴, а это вредит репутации Германской империи в целом²⁰⁵. 27 сентября было констатировано, что, несмотря на прежние приказы (от 11 июня и т. д.), солдаты кайзеровской армии пытаются продавать на киевских рынках оружие и патроны, что вызвало вполне понятное раздражение командования²⁰⁶. 29–30 сентября 1918 г. шли столкновения между ожидавшими погрузки германскими офицерами и солдатами на станции Киев-Товарная. Общее количество отказавшихся от переброски на Запад солдат Центральных держав оценивается в 40 тысяч чело-

²⁰⁰ См. распоряжение ОХЛ от 21 июля 1918 г.: *Militarismus gegen Sowjetmacht*. S. 240–242.

²⁰¹ См. распоряжение ПВМ от 15 августа 1918 г.: *Militarismus gegen Sowjetmacht*. S. 247.

²⁰² См. отчет об агитации среди германских солдат из Севастополя большевика Каланкевича: *Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland*. S. 114–115.

²⁰³ «Все эти сведения безусловно проверены». См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 645. Л. 3.

²⁰⁴ Хотя были и схемы, и приказы об этом: *SächsHStA*. 11362. 997. Bl. 166ff.

²⁰⁵ См.: *SächsHStA*. 11358. 284. Bl. 21–22; 11362. 994.

²⁰⁶ См.: *SächsHStA*. 11358. 53. Bl. 96.

ник²⁰⁷. До 10 % тех, кто сел в эшелоны, отправленные во Францию, сделали это, лишь чтобы дезертировать в Германии²⁰⁸. В ответ в каждом транспорте стали обустривать арестантские вагоны, а у перебрасываемых солдат отбирали боекомплекты²⁰⁹. Те же, кто доехали на Запад, искали случая оказаться под арестом, ведь из-за широкой практики откладывания или смягчения приговоров военных трибуналов²¹⁰ всякий страх перед жестким наказанием был потерян, против чего тщетно боролся даже Людендорф²¹¹. Подлежащих преданию военному трибуналу было так много, что до суда дело не доводили, а уже вынесенные приговоры под различными предложениями смягчали или откладывали, что только усиливало разложение германских войск.

Нет сомнения в том, что само столкновение с «русской» глубинкой, начавшееся лишь в конце февраля 1918 г., представляло собой, даже по сравнению с российскими территориями в Польше и Прибалтике, экзотический для германских солдат и офицеров опыт, который еще ждет своего исследователя в рамках модного сегодня направления в историографии о фронте и ТВД как

²⁰⁷ Погибло якобы не менее 12 офицеров и, после прибытия подкреплений из Луцка, некоторое количество солдат. См.: Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність. С. 42.

²⁰⁸ У Ф. Альтрихтера описан случай грабежа на одной из крупных станций солдатами из отправленного на Запад эшелона. Пристреливший за пьянство и мародерство одного унтер-офицера командир эшелона едва смог спастись от мести солдат в город. Сам Альтрихтер полагал изменения в практике взысканий одним из факторов разложения германской армии. См.: *Altrichter F. Die seelischen Kräfte des Deutschen Heeres*. S. 211, 220–225.

²⁰⁹ *Altrichter F. Die seelischen Kräfte des Deutschen Heeres*. S. 122.

²¹⁰ В германской армии было приведено в исполнение якобы лишь 48 из 150 вынесенных смертных приговоров, в то время как в британской (куда меньшей по размеру) — 346 из 3080. См. статистику и по иным видам наказаний по приговорам военных трибуналов: *Volkman E. O. Soziale Heeresmißstände als Mitursache*. S. 63–65, 122–126.

²¹¹ Он с возмущением писал о падении боеспособности целых дивизий летом 1918 г. из-за неоправданных поблажек и отказа от применения целого ряда норм уложения о наказаниях для военнослужащих. См.: *Volkman E. O. Der Marxismus und das deutsche Heer*. S. 313–315.

особом топосе²¹². Ощущение фронта смешивалось с возможностью быстро сменить напряженный военный ритм на будни гарнизонной жизни, поэтому даже офицеры в германских штабах вернулись к более свободному графику, отвыкая от военных привычек спать максимум по 4–6 часов в сутки. Внешне жесткий распорядок военной повседневности сохраняли: получали обширную секретную корреспонденцию из высших штабов, проводили четкую ротацию командных кадров разного уровня (от лейтенантов и капитанов вплоть до командиров дивизий и корпусов) и специализации (механистичность процесса, не учитывавшего реальную обстановку, затем больно ударила по управляемости войск в конце октября — середине ноября 1918 г.). К отправке опытных офицеров все сильнее подталкивали крупные потери на Западе, где жаждали себя проявить многие командиры среднего звена, видя в этом шанс миновать должность командира роты или батальона. Соблюдали, насколько это возможно было, вплоть до новостей о Компьенском перемирии график отпусков (причем даже повысили долю отпускников с 6 до 10 % состава)²¹³, вели масштабную документацию, проводили учения с личным составом, хотя актуальность их была все менее убедительна²¹⁴. В некоторые части (особенно ландверные и ландштурменные) прибывало даже пополнение из рекрутских депо (даже в Финляндию!), однако всегда самых старших (вплоть до 1869 г. рождения) возрастов, либо

²¹² Восприятие еще более экзотических пространств Ближнего Востока уже стало предметом специального исследования, см.: *Stein O. "Orientfahrten". Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // MGZ. 2016. 75(2). S. 327–358.*

²¹³ В обстановке эвакуации доходило до рекордов и «чудес». Так, отправившийся в отпуск командир 1-го шеволежерского полка майор фон Зеефрид выехал с Волыни в середине ноября, но вернулся к полку, ожидая его на очередной стадии эвакуации в Луцке, 21 декабря. То есть «отпускник» пожелал и смог вернуться из революционной Баварии через мятежную Польшу на Волынь в самый хаотический период событий! Есть и не частые, но все же не единичные аналогичные примеры.

²¹⁴ Например, даже солдаты, оккупировавшие Украину, тренировались в защите от новейших химических средств, в т. ч. «желтого креста», хотя вероятность встретиться с ним была нулевой, а годные на Западный фронт были к тому времени туда давно отправлены.

интересовидетельствованные бывшие «белобилетники», в том числе несовершеннолетняя молодежь и выпускники кадетских корпусов 17 лет от роду. Их прибытие лишь подрывало боевой дух, однако командиры намерены были использовать любой личный состав для номинальной демонстрации военной силы.

Стремилась также и оградить от разлагающе «мирной» оккупационной действительности мелочной регламентацией, из-за чего штабы погружались в бездну документооборота, а нижние чины привыкали к все большей индифферентности к любым, даже самым разумным, дисциплинарным мерам. Зачастую любые упущения по службе квалифицировались как следствие «вредных политических взглядов», а то и — без всяких к тому доказательств — как принадлежность того или иного нижнего чина к социал-демократам. Все более проницаемой была и повседневная работа германских оккупационных инстанций, так что фиксировали случаи быстрых информационных утечек из-за халатности офицеров²¹⁵. Этому способствовало и то, что, оказавшись в сравнительно богатой продовольствием стране на положении победителей, многие офицеры резко утратили интерес к совместному препровождению времени, не стремясь в казино, а предпочитая общество (тем более дамское) хозяев и обходительных местных симпатизантов германской оккупации. Более верные семье с удовольствием организовывали визиты супруг, отмечали семейные праздники и юбилеи²¹⁶.

К разгулу преступности, а еще более к заразной вседозволенности ни командование, ни нижние чины германской армии оказались совершенно не готовы. Особенно сложно было постичь

²¹⁵ Например, в конце апреля в Полоцке в кратчайшее время стал известен секретный приказ, так что офицерам напоминали о необходимости учитывать открытые окна, тонкие стены, а злостным нарушителям грозили крупными тюремными сроками согласно нормам военной юриспруденции и т. д. См.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 51-51об.

²¹⁶ Например, не менее недели в конце мая — начале июня 1918 г. (в разгар распада Закавказья и в ходе организации германской интервенции в Грузию) у Г. фон Секта в Константинополе гостила его супруга. По высшему разряду отметили серебряный юбилей свадьбы. См.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben. Bd. 2. S. 78-79.*

тактику налетов и систематического мелкого грабежа. Отмечался рост заболеваемости, в том числе гриппом²¹⁷, малярией и венерическими болезнями²¹⁸, так что приходилось давать солдатам хинин, пытаться внедрить индивидуальные средства защиты²¹⁹ и проводить серологические обследования. Чтобы пресечь добровольное попадание в лазарет с помощью передаваемых половым путем болезней, в конце июля 1918 г. дни, проведенные по данному поводу в санчастях, стали вычитать из отпуска²²⁰. Следовало опасаться и всплеск бытового насилия на почве контактов с местным женским населением, ведь в отличие от иных случаев оккупации в 1918 г. на занятой интервентами территории были демобилизованные солдаты бывшей вражеской армии, а потому можно было ожидать кровавых стычек между имевшими военный опыт мужчинами, акций возмездия за изнасилования, коллективных обструкций за «сотрудничество» с оккупантами и проч. Постоянная смена дислокации войск лишь частично лишала проблему

²¹⁷ Например, им болел в Таганроге в августе 1918 г. вернувшийся из отпуска (и, видимо, подхвативший его в Германии) командир роты Х. Тинтруп: *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine*. S. 196. В Киеве умер от гриппа в конце сентября адъютант В. Грёнера Девиц, 1-й эскадрон 11-го драгунского полка к концу октября из-за гриппа был совершенно небоеспособен: *Arnswald H. Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 11*. S. 244. В конной батарее на Волыни гриппом переболело 2/3 состава: *Kollmann W., Loch H. Das Bayerische 5. Feldartillerie-Regiment*. S. 158. Бывало, что из-за гриппа и отправки на Запад в эскадронах не оставалось ни одного офицера. См., напр.: *Benary A. Königliches Preußisches Husaren-Regiment Nr. 10 im Weltkriege 1914/18*. B., 1934. S. 220. Свиристествовал грипп и в Финляндии, в 1-м гвардейском уланском полку умерло 6 человек, а 20 вынуждены были отправить в госпитали в Германию: *Senftleben E. Das 1. Garde-Ulanen-Regiment im Weltkriege*. B., 1929. S. 333.

²¹⁸ Так, в батальоне 34-го ландверного полка за июль было 14, за сентябрь 1918 г. — 12 случаев венерических заболеваний. См.: *Wolff W. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 34*. S. 141.

²¹⁹ См., напр., приказ по 27-му резервному корпусу от 18 сентября 1918 г.: *SächsHStA*. 11358. 142. Bl. 93.

²²⁰ Таков был приказ, например, по 212-й пехотной дивизии от 27 июля 1918 г. См.: *SächsHStA*. 11362. 994. Там же сохранилось и немало других весьма показательных для оккупационной повседневности мер германского командования.

устойчивого сожительства с некоторыми из солдат, размещенных на постой. Нет сомнения, что по мере нарастания недовольства реквизициями и военно-полевыми судами отношение к подобным контактам с оккупантами становилось бы все менее терпимым. Были примеры восприятия местным населением (тем более немцами-колонистами) германских оккупационных властей как основных, а то и единственных органов управления, так что комендатуры погрузились в бесконечные местные споры, разбирая дела вплоть до бракоразводных процессов.

Неизбежным следствием бытовых контактов с местным населением становилась многообразная коррупция, маскируемая под товарообмен. Были и признаки явного систематического мародерства, группового перераспределения, а затем и распродажи военного имущества и продовольствия, главным образом трофейного²²¹. Следствием массовых закупок за валюты Центральных держав и ажиотажного спроса на продовольствие стало устойчивое, а под конец и обвальное (до 2–3 марок за рубль) падение установленного поначалу довольно льготного для интервентов курса марки и кроны к ходившим местным валютам²²², что с учетом полной финансовой несостоятельности правительств государств-лимитрофов выглядело абсурдом.

²²¹ «...все захваченное уже использовали не для своих естественных потребностей или же для нужд солдат, а начинали обменивать на деньги у весьма жадно накинувшегося на все это местного населения, тягу которого к грабежу мы сдерживали с трудом... Эту чрезвычайно тяжелую болезнь нашей морали мы называли „орубливание“, свыше ее последовательно запрещали и грозили строгими взысканиями, однако, несмотря на все увещания и бдительность, она распространялась как лихорадка, отравляя дух взаимовыручки даже в мелких и самых маленьких коллективах и сильно поспособствовал быстрому падению уровня уважения к нам у местных». *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine*. S. 66. Термин «vergubeln» встречается и в других воспоминаниях о германских войсках на Восточном фронте.

²²² Довоенный курс марки к рублю составлял 48 копеек за марку, в разгар германской оккупации в Киеве давали за марку 66–75 копеек, но затем курс упал до 50 и даже меньше копеек за марку. В Екатеринославе, например, с началом его оккупации был установлен курс в 1,5 марки за рубль, в Севастополе — 1,35 марки за рубль.

Разумеется, никакие общие директивные меры в конечном итоге не смогли продиктовать рынку твердые цены. Неготовность Германии и Австро-Венгрии к оккупации столь больших территорий, а тем более внезапность начала кампании 1918 г. на Востоке исключала планомерное проведение реформы денежного обращения на вновь захваченных землях. Отсутствие же функционирующей по правилам интервентов финансово-торговой модели с неизбежностью приводило к зависимости от иных, внеэкономических средств принуждения к товарообмену и поставкам. Именно поэтому ни бельгийский, ни румынский опыт, ни даже достаточно отлаженную финансовую модель Варшавского генерал-губернаторства и «земли Обер Ост» растянуть на все занятые в феврале-мае 1918 г. территории было невозможно, хотя частично это удалось сделать на территориях Остзейских провинций и Белоруссии. Следствием этого (а также из-за вынужденного ожидания финансовых действий «союзных независимых» правительств) было активное применение на Украине, в Финляндии, в Закавказье, в Крыму и на Дону валюты собственно Центральных держав²²³, что и привело к быстрому насыщению не доверявшего этим банкнотам рынка продовольствия. Ажиотажный спрос не мог не вести к вздорожанию, быстро ударившему и по местному населению, только озлобившемуся из-за этого еще более. В свою очередь, германские инстанции вынуждены были повышать (с середины мая) «украинскую надбавку», за дороговизну, выплачиваемую оккупационным частям, хотя они и без того по сравнению с германским населением и войсками на Западе жили в сравнительно благоприятных продовольственных условиях. Журналы военных действий германских частей впервые за многие месяцы отмечали, что довольствие личного состава «поистине хорошее». Личный состав пытался разнообразить довольствие за счет местных деликатесов, например в Прибалтике солдатам выдавали даже крабов. Осознав необходимость постоянного и локального регулирования, вскоре перешли к директивному установлению курса рубля и лея к марке (кроне) на уровне приказов по корпусу, а то и в дивизии. Тем не

²²³ См. подп.: *Zilch R. Okkupation und Währung im Ersten Weltkrieg*. S. 374–376.

мнее цены продолжали расти, а с некоторым опозданием приходилось повышать и надбавку за дороговизну, то есть стоимость оккупации неуклонно росла.

Общеизвестный призрак голода в германском и австро-венгерском тылу и даже в войсках (особенно в Австро-Венгрии: паек и 280 граммов хлеба, менее 100 граммов мяса в запасных частях, 2 кг фуража на лошадь в сутки и т. д.)²²⁴, обнищавшие семьи солдат составляли командование оккупационных войск на самых различных уровнях сквозь пальцы смотреть на откровенную охоту за теми товарами, что можно было бы отправить на родину в посылках (весом якобы только до 10 кг). Это все острее ставило вопрос о санитарном и ветеринарном контроле, а вследствие его неразвитости — и о карантине, на который не было должных средств и сил, особенно с учетом неизбежного недовольства любыми мерами досмотра и изъятия со стороны населения. Вскоре выяснилось, что угроза грабежа или отбора продовольствия оккупированными территориями не исчерпывается: очень часто нападениям и воровству по пути на родину подвергались германские отпускники уже на австро-венгерской территории²²⁵. Развал единой экономической системы и без того двойственной монархии привел к тому, что солдаты австро-венгерской армии голодали чаще, чем скот, который отказывались поставлять им богатые провинции габсбургской державы.

Если на Западном фронте к 1918 г. сложилась весьма стройная система удовлетворения неуставных нужд военнослужащих, на Востоке, особенно в крупных городах, оккупационные войска ощутили на себе полный масштаб социальных язв подорванного общественно-политического порядка и экономического хаоса. Примечательно, что в дальнейшем моральный кризис германских солдат на Западе неоднократно и часто анализировался²²⁶, в то

²²⁴ См. о наиболее острой ситуации, как раз накануне заключения «хлебного мира»: *Landwehr O. Hunger: Die Erschöpfungsjahre der Mittelmächte*. S. 155–171.

²²⁵ Этой проблемой озаботился даже кайзер Вильгельм. См.: *Theodor Ritter von Zeynek: ein Offizier im Generalstabskorps*. S. 299.

²²⁶ Этому посвятил немало внимания и один из основателей германской военной психологии майор Ф. Альтрихтер, о Востоке в 1918 г. почти не упоминая: *Altrichter F. Die seelischen Kräfte des Deutschen Heeres*.

время как соответствующих исследований во многом более глубокого разложения оккупационных войск на Востоке, не считая нескольких предварительных замечаний в отдельных работах, до сих пор не проведено, при готовности признать важность и перспективность этого направления исследований.

По мере нагнетания обстановки в тылу и с иссяканием победной эйфории, охватившей Германию после Бреста весной 1918 г., ОХЛ и военное министерство переходили к все более жестким мерам контроля, крайне рискованным после трех, а потом и четырех лет войны: например, к ограничению отпусков или усложнению порядка проезда на родину²²⁷. В условиях, когда до Берлина доезжали менее чем за трое суток, а отпуска были продлены с 14 до 21, а то и до 23 дней²²⁸, было невозможно предотвратить нежелательные следствия (для собственно Германии) оккупационной действительности войск на Востоке. В ходе специально введенных тайных обысков в личных вещах отправляемых на Западный фронт унтер-офицеров и нижних чинов находили громадные суммы денег в «острублях» и в «остмарках» (т. е. 50 копеек в «острублях»). Учитывая качество купюр, вполне логичным следствием востребованности этой валюты стало распространение фальшивомонетничества, с которым германское командование тщетно боролось вплоть до самой эвакуации. Опасаясь взрыва насилия, особенно тщательно обыскивали отпускников, не давая провезти в Германию оружие²²⁹, вскоре стали все чаще проверять

S. 123–183. Разложение войск интервентов упоминается лишь как следствие краха германской администрации в оккупированной Польше, хотя при этом оно называется «позорной» и «самой темной главой в истории Мировой войны»: *ibid.* S. 179–180. То, что это не могло произойти лишь за счет распространения революции извне, а готовилось месяцами, автор попросту не пожелал заметить.

²²⁷ См. распоряжения Людендорфа от 27 октября и 24 декабря 1917 г. и 17 августа 1918 г.: *Volkman E. O. Soziale Heeresmißstände als Mitursache.* S. 133–135.

²²⁸ Из Николаева до Берлина доезжали за 60–65 часов, из Мелитополя за 72–75 часов. См.: *Moesta G. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 279.* S. 140.

²²⁹ Людендорф распорядился об этом еще 12 марта 1918 г.: *Revolution und Heer. Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf das Heer.* S. 49.

и офицеров, чему они сопротивлялись, так что пришлось вмешаться ОХЛ²³⁰. С 12 апреля на демаркационной линии ввели конфискацию любой ввозимой литературы на немецком языке. Введенный по медицинским показаниям карантин использовался и для политической фильтрации, а также для изъятия уцелевших после красногвардейских проверок ценностей²³¹.

Коррупция затронула и офицерство, начавшее — особенно в крупных городах — возвращаться чуть ли не к довоенному уровню роскоши, а потому командование тщетно взывало к судам чести²³². Разлагающее влияние гарнизонной жизни привело к тому, что офицеры стали ходить на массовые мероприятия даже без оружия, хотя и подозревали, что среди местного населения остались враждебные элементы²³³. Еще менее склонен был к поддержанию традиционных представлений об этике кайзеровского офицера командный состав резервных, ландверных и ландштурменных частей, состоявший нередко из людей, вышедших в отставку или в запас задолго до войны, а потому зачастую не ощущавших урона чести мундира в виде занятий коммерцией, даже незаконной. Даже существенная региональная специфика, и даже потенциальное наличие (особенно в Прибалтике) местного немецкоязычного и привилегированного сообщества вовсе не останавливали офицерство от попыток немедленно воспользоваться открывшимися в ходе оккупации возможностями. Характерно, что при всем бытовом антисемитизме германского кадрового, да и резервного офицерства его представители оказались вполне способны на не-

²³⁰ См. распоряжение от 13 июля 1918 г. об обязательном подчинении всех классов чинов контролю на железной дороге: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 135. Л. 105.

²³¹ Распоряжение Обер Осту о политическом карантине для возвращающихся в Германию гражданских лиц было отдано в феврале: *Die Auswirkungen der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution*. Teil 3. S. 1209–1210.

Об этом знали и в Советской России. См.: РГА ВМФ. Р-342. Оп. 1. Д. 200. Л. 4–5.

²³² См., напр.: *Militarismus gegen Sowjetmacht*. S. 94, 248–249.

²³³ Так было в мае 1918 г. даже в Николаеве, лишь за 1,5 месяца до этого с таким трудом взятом интервентами у восставших рабочих. См. приказ германского губернатора Николаева от 1 июня об обязательном ношении оружия, в том числе при посещении театра. См.: *SächsHStA*. 11362. 994.

законные деловые контакты с местными спекулянтами²³⁴. Рука об руку с коррупцией шла халатность, подрывавшая остатки бое- способности и репутации, особенно быстро нараставшая в считав- шихся относительно спокойными оккупированных регионах (в Бе- лоруссии²³⁵, Литве, Курляндии, Эстляндии, Крыму).

Постепенное ослабление контингента оккупационных войск превращало их в «ландштурменную армию», да еще и все более формально контролирующую огромные территории. Высочайший профессионализм германских командных и административных структур позволял сравнительно быстро маневрировать силами, выделяя резервы по мере необходимости, однако качество войск снижалось хоть и незаметно, но неуклонно. Еще 14 июня 1918 г. штаб группы армий «Киев» распорядился отказаться от постоян- ных гарнизонов в ряде регионов Украины, предписывая постоян- но перемещать силы, чтобы «вводить в заблуждение противника, то есть подстрекаемые английскими агентами большевистские банды»²³⁶. Если ранее спешивали кавалерию, то теперь порой де- лали конными отдельные роты пехоты. Чтобы пресечь разлагаю- щий эффект от контактов с местным населением (хотя бы в при- вычке грызть семечки), все чаще предпринимали смену частей на местах дислокации. Однако «русский опыт» был усвоен, так что новые коррупционные цепочки и на новых местах формировались очень быстро. Особенно же легко это удавалось в случае, если сол- даты ландвера и ландштурма владели хотя бы польским языком и тем более если они находились в местностях с польским насе- лением (на Волыни, в Киеве и ряде других крупных городов). В свя- зи с нанесенным военным объектам в городах ущербом (особенно казармам и военным училищам в том же Киеве или в Одессе) было неизбежно расквартирование по меньшей мере части крупных гарнизонов не в казармах, а в жилом секторе, что гарантирова-

---

²³⁴ См., напр.: *Gelshorn K.* Mit den deutschen Truppen in der Ukraine. S. 12.

²³⁵ См. довольно откровенное признание разложения полка, оказав- шегося в Белостоке и его окрестностях еще с конца 1916 г.: *Obkircher H.* Jäger-Regiment zu Pferde Nr. 3 im Frieden und im Kriege. Oldenburg; B., 1923. S. 192–194.

²³⁶ См., напр.: *Schmaler M.* Das Infanterie-Regiment Nr. 415. S. 135.

ли не только и не столько бытовые стычки, сколько дальнейшее разложение оккупационных войск.

Становилось все более заметно, что маневрирование имеющимися силами на оккупированной территории призвано не только компенсировать их недостаток, хотя это было единственным выходом: увеличение масштабов и частоты перемещений должно было быть прямо пропорционально сокращению сил. Спокойствие на местах оказывалось слишком явно зависимым от регулярной демонстрации германского флага²³⁷. И все же тревожная для командования правда заключалась в том, что никакой действительно военной необходимости в затратных и раздражающих немолодых солдат ландвера и ландштурма переходах по широким просторам на Востоке (и это еще при благоприятной погоде (!), а к ноябрю ситуация стала куда хуже) не было. Фактически шла борьба последними оставшимися средствами против разложения, причем было очевидно, что эффективность ее снижается, а недовольство нижних чинов растет. Переброски шли даже 5–12 ноября, так что некоторые полки встретили известие о революции и перемирии в процессе передислокации или в совершенно незнакомой местности²³⁸. Со временем явная демонстративность, а потому слабость реального контроля должна была стать очевидна и широкой массе населения, так что поддерживать уважение к силе интервентов за счет «броуновского движения» кавалерии и мобильной пехоты вскоре стало бы уже невозможно.

Нараставшая всю войну ненависть фронтовиков к штабам наконец вылилась в откровенное участие в расхищении взятых трофеев и конфискованного имущества, ведь это сразу же оправдывалось пропастью между повседневностью строевых солдат

²³⁷ Так, в истории 24-го драгунского полка констатируется: «С помощью распределения небольших имевшихся сил по местным пространствам, частым их переводам с места на место и частых патрулей местному населению наглядно показывали присутствие германских войск, чем достигалось уважение их авторитета». *Guenther W. Die Geschichte des Leib-Dräger-Regiments Nr. 24. S. 465.*

²³⁸ Так, например, 18-й драгунский полк как раз в эти дни был перебросен из северной Лифляндии в западные уезды Витебской губернии. См.: *Larisch H. v. Das Dräger-Regiment Nr. 18. S. 214.*

и офицеров и комфортной действительностью штабных²³⁹, а уж тем более тыловых инстанций, оставшихся в сотнях километров от передовой. Сам контраст между легкостью захвата и объемами полученного почти без боя и потерь провоцировал новый виток разложения дисциплины и всякой мотивации. Более того, высказывалось мнение, что тяга к конкретным результатам кампании развилась у германских солдат как своего рода психологическая реакция на неясность общего ее смысла, на утрату всякой связи с прежним идеалом защиты Отечества²⁴⁰.

Особенно сложно оказалось блокировать контрабанду и взятки на демаркационной линии. Не считая случаев явной коррупции, командование вполне терпимо относилось к попыткам германских офицеров помочь своим коллегам, бегущим из большевистской России, полагая это актами исключительно альтруистическими²⁴¹. В действительности беженцев из «Совдепии» пропускали на постах в основном за деньги²⁴², причем в местной валюте, чтобы ее удобно было немедленно реализовать, скрыв следы подозрительного благополучия. Вскоре оккупационные посты и комендатуры перешли и на новый уровень коррупции, то есть ее централизовали и упорядочили именно те инстанции и офицеры, что

²³⁹ См., напр.: *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine*. S. 64–66.

²⁴⁰ «Все мы почти с ужасом ощущали на себе, что всякий боевой порыв, явно со времен Екатеринослава, постепенно исчезал. Только лишь еще один подарок, весьма желанный приз за успех и участие в завоевании теперь занял в этой погоне за трофеями место чуть ли не главной цели всех действий...» Доходило до того, что кадровый офицер и много лет спустя продолжал признаваться в том, что отдал приказ о тайном присвоении ротой военной кассы, что для армии образца 1914 г. было бы поступком немислимым! См.: *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine*. S. 108–109, 116.

²⁴¹ Не исключено, что зачастую так и было, примеров достаточно (см., напр.: *Глобачев К. И. Правда о русской революции*. С. 176–177), однако никто и никогда не доказал, что так было всегда.

²⁴² Сохранились и сведения о расценках: в сентябре 1918 г. между Унечей и Клинцами германские солдаты с ведома офицеров брали с беженцев из России по 15 рублей с телеги. Крестьяне с удовольствием фиксировали разложение интервентов. См.: *Трубецкой Е. Н. Из путевых заметок беженца* // *APP*. Т. 18. С. 139–140.

должны были оную пресечь²⁴³. Товарообмен между еще недавно входившими в единое экономическое пространство регионами воспринимался как должное, а его интенсивность превозмогала любые административные запреты. Выгодность торговли продовольствием после введения продовольственной диктатуры в Советской России возросла настолько, что контрабандисты перешли под покровительство повстанцев из нейтральной зоны и позволяли себе отстреливаться от германских патрулей²⁴⁴.

Отделение Генерального штаба в Берлине с тревогой фиксировало рост количества фальшивых воинских документов, что приводило к общему усложнению процедуры отпуска, контроля и документации²⁴⁵, незаконное ношение формы и знаков отличия, торговлю удостоверениями, а также коррупцию в частях, следящих за порядком на железных дорогах, что требовало особых мер, например изъятия у всех находящихся в вагонах солдат боевых патронов²⁴⁶. Если до этого германские солдаты не допускали грабежей со стороны украинцев на станциях, то в октябре-ноябре уже гетманская варта боролась с попытками немцев, австрийцев и венгров разграбить склады, а также пресекала распродажу оружия местному населению и беженцам²⁴⁷. Важной причиной, по которой активно развивалась незаконная торговля между германскими военными служащими и местным населением, была выплата специальных «восточных надбавок» — у офицеров до 600 марок

²⁴³ Например, 2-й эскадрон 7-го драгунского полка в октябре 1918 г. «боролся» с контрабандой на дороге Рига — Дерпт с помощью досмотра и изъятия 10 % в виде трофея для нужд своего же провиантского ведомства, причем брали натурой, например колбасой. См.: *Benary A. Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 7. S. 237.*

²⁴⁴ У оккупантов, и тем более варты, были раненые и убитые, см., напр.: *Fritsche M. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 180–181.*

²⁴⁵ Высшие инстанции, от ОХЛ до штабов корпусов, в середине 1918 г. достаточно долго обсуждали нюансы печатей на отпускные удостоверения, введение более единого их образца и т. п., см., напр., распоряжение ОХЛ от 20 июля 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 31–31об.

²⁴⁶ См.: *Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 237–238, 242–245.*

²⁴⁷ Например, в Конотопе, см.: *Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 356.* Другие примеры (в основном из газет): *Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 964–966, 969.*

ежемесячно. Именно это не только позволяло завязать широкую торговлю, но и дополнительно демотивировало солдат к отправке на Западный фронт, где никаких надежд на хорошее пропитание с местного рынка (даже за деньги) не было.

Накалялись и межэтнические отношения: оккупационный режим оказался не слишком комфортен, а потому в крестьянской среде, да и в среде горожан, начались обвинения в адрес тех, кто якобы извлек из него максимальную пользу, то есть евреев, составлявших зачастую большинство городского населения в Литве и Белоруссии и существенную долю такового на всех западных окраинах бывшей Российской империи. Господствовавшие в сфере торговли еврейские лавочники и купцы, не испытывавшие к тому же языковых затруднений, оказались владельцами большинства каналов информации и товаров, что определяло структуру контактов интервентов с местным населением. Характерно, что такое монопольное положение евреев совершенно не настораживало германские инстанции, особенно командные. Австрийские же ведомства и вовсе только приветствовали активные и взаимовыгодные сделки, не позволяя себе мешать любым этническим предрассудкам, так что крупная буржуазия еврейского происхождения переживала едва ли не расцвет бизнеса²⁴⁸, хотя и сталкивалась с откровенным пренебрежением офицеров-интервентов.

Одновременно именно евреев зачастую полагали огульно сочувствующими большевикам²⁴⁹, так что репрессии им угрожали и от оккупационной администрации²⁵⁰. Разумеется, еврейские

²⁴⁸ По свидетельству наблюдавшего порядок работы австрийцев в Одессе адъютанта Грёнера, также имевшего еврейское происхождение: *Merton R. Erinnernswertes aus meinem Leben*. S. 43.

²⁴⁹ См. один из редких вполне объективных отзывов: «Одни говорили: евреи чрезвычайно дружелюбно настроены к немцам, другие полагали, что именно евреи против немцев и натравливают. И то, и другое неверно, ведь это либо однобокая оценка, либо преувеличение. Евреи в России, как, собственно, и везде, прежде всего деловые люди и потому держатся тех, с кем можно проворачивать выгодные сделки. Поэтому русские евреи частью работали с немцами, частью против немцев, в зависимости от того, что было выгодно». *Gelshorn K. Mit den deutschen Truppen in der Ukraine*. S. 10.

²⁵⁰ См.: *Schuster F. M. Zwischen allen Fronten. Osteuropäische Juden während des Ersten Weltkrieges (1914–1919)*. Köln; Weimar; Wien, 2004.

общины вполне осознавали всю тяжесть испытываемых ими конфликтов лояльности и не могли не задумываться о последствиях любого резкого изменения обстановки, к которой они приспособлялись с завидной эффективностью, невзирая ни на какие административные меры и на реакцию славянских или германских соседей²⁵¹. Тем не менее приходится констатировать, что опыт предшествующих трагедий 1915-1917 гг. на территории Польши и Галиции²⁵² общей манеры действий восточноевропейских еврейских общин в условиях оккупации никак не поменял. Попытки извлечь максимальную пользу из любого посредничества при легко трансформирующейся позиции по всем вопросам, кроме этнорелигиозных, продолжались²⁵³. Первым и естественным следствием активного приспособления к созданному интервенцией и оккупацией дефициту продовольствия в Центральных державах был взрыв возмущения еврейскими спекуляциями на различных товарах, причем сначала среди нееврейского местного населения, а потом и в среде нижних чинов оккупационных войск. Одним из титанических последствий временного объединения большей части Восточной Европы под германской гегемонией была усиленная миграция восточноевропейских евреев на запад²⁵⁴, резко обострившая обстановку в крупных городах и Германии, и Австро-Венгрии. Это тем более показательно, учитывая отсутствие систематических антисемитских акций со стороны

²⁵¹ См. подр.: *Panzer S. Jüdische Erfahrungen und Loyalitätskonflikte im Ersten Weltkrieg*. Göttingen, 2014. S. 269ff., 280ff., 288ff.

²⁵² См. ряд статей (Ф. Шустера, М. Стиббе, А. Штемпина) в сборнике: *Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische, polnische und ukrainische Zivilbevölkerung*. S. 57-106, 153-171.

²⁵³ Именно такую оценку основанной в первую очередь на коммерческой выгоде позиции евреев, отрицая и их всеобщую пронемецкую, и столь же огульную антинемецкую ориентацию, приводит, например, пастор Гельсхорн. Он тут же порицает и грубые ошибки оккупационной администрации и офицеров, вызванные различными предубеждениями по отношению к евреям: *Gelshorn K. Mit den deutschen Truppen in der Ukraine*. S. 10-13.

²⁵⁴ См., напр., лишь краткий обзор: *Sammartino A. H. The impossible border*. P. 171-186.

командования армий Центральных держав²⁵⁵, что, конечно, не исключает многочисленных эксцессов «на местах». И все же вряд ли можно согласиться с тем, что с 1914 по 1920 г. велась Великая война именно против еврейства Восточной Европы²⁵⁶, хотя благодаря дисперсному его расселению именно этот этнос оказался среди жертв действительно всех конфликтов в регионе. Огромную роль в трагедии населения постимперских пространств сыграла масса факторов, а применительно к бедствиям еврейского народа и то специфическое посредническое положение, которое он принял задолго до Великой войны.

Усилия германских офицеров, ответственных за контроль над настроениями в войсках, имели эффект явно недостаточный, сказывалось не только отсутствие должной подготовки — ведь никакого довоенного опыта в этом отношении не было, но и схожая с русской армией картина неэффективного взаимодействия с военным духовенством, в котором видели едва ли не конкурента²⁵⁷. Количество дезертиров постоянно росло, что позднее было записано большевиками на счет их революционной пропаганды. В действительности же успех агитации, несмотря на ее мощное развитие²⁵⁸, определить довольно сложно: источники с обеих сторон приводят диаметрально противоположную картину²⁵⁹, однако очевидно, что быстрого развала германских (но не австро-венгерских) оккупационных войск до ноября 1918 г. не последовало. Сомневаясь в готовности немцев-интернационалистов воевать против земляков, командование РККА охотно использовало их в боях против бело-

²⁵⁵ См.: *Lieb P.* Der deutsche Krieg im Osten von 1914 bis 1919. S. 489, 504.

²⁵⁶ См.: *Motta G.* The Great War against Eastern European Jewry, 1914–1920. Cambridge, 2017.

²⁵⁷ Духовенство критиковалось командованием за потакание жалобам нижних чинов, а также опасные рассуждения в проповедях. См., напр.: *Gelshorn K.* Mit den deutschen Truppen in der Ukraine. S. 18–19.

²⁵⁸ Данные о количестве изданных газет, брошюр, листовок (с неуклонным ростом их числа) см.: *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrussland. S. 188–190.

²⁵⁹ От перехода на сторону Советов «целыми взводами» до предательских убийств верных присяге германских солдат «большевистскими бандами». См. образец листовки в: *Weltenwende...* S. 112–113.

гвардейских частей; естественно, бывшие военнопленные несли потери. О гибели в русском плену, даже в самых отдаленных местностях (например, в Баку или Скобелеве) в Германию сообщали²⁶⁰, однако насколько достоверны и тем более полны были эти сведения — неизвестно. Такая «смерть» могла быть лучшим вариантом для тех, кто вступил в РККА или по меньшей мере не желал быть выданным на родину в связи с будущей отправкой на фронт.

Все более сложный контроль над информационными потоками заставил германское командование способствовать появлению специальных солдатских газет на недавно оккупированных территориях на Востоке²⁶¹, с помощью которых была сделана попытка удержать германских военнослужащих в рамках официальной версии происходящего²⁶². Благодаря языковому барьеру между ними и коренным населением это дало бы существенный эффект, если бы не большевистская пропаганда на немецком языке, причем куда большими тиражами (более 10 тысяч против, как правило, 600–4000 экземпляров у авторов газет германских военных инстанций). Вряд ли могли с нею конкурировать и лекции отправленных на Украину германских публицистов и профессоров, например П. Рорбаха. Господа офицеры предпочитали читать до-

²⁶⁰ Эти данные включены в официальные полковые истории, издававшиеся в 1920-х — начале 1930-х гг. Даты смерти указаны там не только в 1918–1919 г., но и вплоть до ноября 1922 г. Считать ли все их датами смерти или датами сообщения о них или принятия соответствующего постановления, зачастую неизвестно. Место смерти обычно указывается как «Россия», лишь изредка (по 1918 г.) указаны города в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

²⁶¹ В Румынии газета выходила 1 июля — 7 ноября 1918 г., в Симферополе 1 сентября — 27 ноября, в Севастополе 12 июня — 6 октября, в Мелитополе 10 июня — по сентябрь (?), в Финляндии 27 апреля — 31 декабря 1918 г. Окончание выпуска довольно точно маркирует либо вывод германских войск, либо утрату контроля над ситуацией. См.: Kurth K. Die deutschen Feld- und Schützengrabenzeitungen. S. 190–194. Оцифрованные выпуски газеты 217-й пехотной дивизии в Севастополе «Deutsche Zeitung für Gouvernement Sewastopol und Umgegend» см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.staatsbibliothek-berlin.de> (дата обращения: 28.09.2019).

²⁶² О цензуре, задачах газет и общие выводы об их воздействии см.: Kurth K. Die deutschen Feld- und Schützengrabenzeitungen. S. 225–247.

ставляемые в крупные города (Киев, Екатеринослав, Харьков, тем более в Ригу) свежие германские газеты.

Не слишком оправдались и надежды на успех германских воззваний и среди местной публики, имевшей возможность читать по-немецки, в особенности среди немцев-колонистов. Если в начале октября официальная цензура еще пыталась скрыть явные признаки поражения Германии в Великой войне, то к началу ноября куда более опасными считали сведения о внутривосточных событиях. Из-за того, что командные инстанции пытались если не дезинформировать, то уж хотя бы оттянуть неизбежное (в т. ч. демонтируя радиостанции), в ходе Ноябрьской революции последовали взрыв возмущения и вполне естественное доверие к любого рода слухам, достоверность которых полагали прямо пропорциональной их неофициальности. В конце 1918 г. последовала (как правило, по постановлению захватывавших редакции и превращавших их в свои органы солдатских советов²⁶³) быстрая ликвидация прежней периодики не только на территории, занятой в 1918 г., но и там, где германская оккупация продолжалась 3–4 года. Последовавшая вполне революционная ликвидация филиалов спецслужб и разведывательных сетей дополнила быстрый крах прежней информационной системы за считанные недели конца 1918 г.

С тревогой ожидали оккупационные власти и эффекта от возвращения на оккупированные построссийские территории бывших солдат и военнопленных, вряд ли лояльных новым лимитрофам. Уже 13 апреля Обер Ост издал распоряжение о запрещении допуска на подведомственную ему территорию русских и поляков²⁶⁴. Зато 22 апреля 1918 г. последовал приказ об упрощении порядка освобождения для военнопленных, если они родом из земли Обер Ост, что мотивировалось недостатком рабочих рук в сельском хозяйстве²⁶⁵ и вступало в прямое противоречие

²⁶³ См., напр. постановления от 14 ноября Киевского совета германских солдатских депутатов: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 427.

²⁶⁴ См.: *Sammartino A. H. The impossible border*. P. 40.

²⁶⁵ А именно освобождались: «Все военнопленные немецко-русской, литовской, латышской и эстонской национальности на всю территорию Обер Оста, располагающуюся западнее установленной мирным

с потребностями в трудовых ресурсах других территорий, включая собственно германские. Решение, правда, оставлялось за военными министерствами в Германии, но это была лишь отговорка. Поскольку и это сошло Гофману с рук, далее Главнокомандование на Востоке — явно рискуя возмущением иных инстанций — издало особое распоряжение о порядке освобождения «русских» (т. е. чинов бывшей РИА) из лагерей военнопленных на вверенной ему территории (16 июля)²⁶⁶, хотя это совершенно не входило в его компетенцию. Огонь по вооруженным бывшим военнопленным следовало открывать без предупреждения, постоянно проверять документы у всех в военной форме русского образца и т. д.

Весьма характерно, что Обер Ост как инстанция продолжал существовать и после окончания наступления и резкого сокращения сил на Востоке, хотя в этом более не было ни военной, ни даже административной необходимости, несмотря на огромный объем работы, например, в связи с обменом возвращающимися военнопленными. Штабы армий и групп армий в Прибалтике и на Украине не нуждались в дополнительной координации их действий, зачастую сводившихся к полицейским миссиям. Людендорф все более ревностно стремился контролировать все происходящее на Востоке. Пусть и не имея к тому реальной возможности, он не доверял Гофману, а потому Обер Осту приходилось все более активно проявлять себя, пытаясь сохранить монополию на контроль над потенциальными германскими сателлитами на Востоке²⁶⁷, чтобы не превратиться в ненужную промежуточную инстанцию. С обострением кризиса на Западном фронте летом 1918 г. значимость и самостоятельность Обер Оста возросли вновь, однако незаменимости его это не доказывало. Еще менее оправданным было сохранение Главнокомандования на Востоке в связи с формальным или крайне медленным оформлением

договором русской западной границы, а также в Лифляндию и Эстляндию и на территорию тыловой инспекции «Буг». См.: SächsHstA. 11348.166. Bl. 574–574a.

²⁶⁶ Причем в отсутствие Гофмана его позволил себе подписать один майор из его штаба. Оно было разослано по военным министерствам государств Кайзеррейха, см., напр: SächsHStA. 11248.6995. Bl. 171–172.

²⁶⁷ Например, над Литвой. См. подр.: PA AA. R 21718, 21719.

будущих государств-сателлитов — Польши, Литвы, Курляндии и/или Балтийского герцогства. Управляемая собственно Обер-Остом территория должна была существенно сократиться в ближайшем (с конца июля 1918 г.) будущем, а размеры находившихся в его распоряжении войск делали очевидным необходимость преобразования в лучшем случае в группу армий, а то и в генерал-губернаторство по образцу Варшавского. Однако сворачивание некогда могущественной инстанции затянулось вплоть до поражения Германии по итогам кампании 1918 г. Постепенно стал вести себя как инстанция, едва ли не равная Главнокомандованию на Востоке, штаб группы армий «Киев», ведь стоявший во главе него генерал-лейтенант В. Грёнер пытался определять германскую политику не только на огромной территории гетманской Украины, но и в Крыму, контролировать связи с Доном и Грузией, а также с другими осколками Российской империи. Формировался своего рода «Обер Зюд-Ост», зона ответственности которого на севере совпадала с территориальными притязаниями Украинской державы, а на юг простиралась до Закавказья, сталкиваясь там с влиянием главы османского Генштаба генерала Г. фон Секта из Константинополя. Ни о каком единоначалии на этой территории во главе с Грёнером не было и речи, однако же и не согласовывать свои действия с ним германские эмиссары от Бреста до Севастополя и Тифлиса не могли.

Очевидная тенденция к сохранению Восточного фронта как структуры, господствующей на театре военных действий в целом, сочеталась с ликвидацией его в качестве развитой и дееспособной общевойсковой системы ведомств, восходящей к реалиям позиционной войны 1915–1917 гг. Так, например, уже в начале марта 1918 г. за ненадобностью прекратила свое существование саперная школа в Ковно²⁶⁸, открытая лишь за 9 месяцев до этого и бывшая единственной в своем роде на Востоке и 2-й в рамках германской действующей армии в целом. Саперные части, обеспечив в инженерном отношении начальную фазу наступления, с начала марта 1918 г. начали перебрасывать на Запад, где они были чрезвычайно необходимы. Шло переформирование и не только

²⁶⁸ См.: *Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres*. S. 175.

собственно фронтовых частей и штабов. Заключение мира с Советской Россией немедленно привело к реорганизации системы работы германской разведки на Востоке. Существовавшие до этого инстанции в Хапаранде, Стокгольме и Копенгагене были расформированы, а им на смену пришли секции в Ревеле, Минске и Киеве. Глава секции IIIb верно предполагал, что изменятся и направление основных усилий, и содержание получаемых сведений, однако не вполне учел прямые военные угрозы Кайзеррейху и на «мирном» Востоке, хотя заявил Людендорфу, что «Ленин — это Наполеон нашей эпохи»²⁶⁹.

Сохранение фронтового уровня в управлении германскими войсками на Востоке особенно бросается в глаза на фоне сведения 16 мая 1918 г. трех корпусов (12, 17 и 25-го, всего почти 9 пехотных дивизий (включая Украинский легион), 4 кавалерийские дивизии и вспомогательные части) австро-венгерских войск в одну Восточную (бывшую 2-ю) армию фельдмаршала (с 31 января 1918 г.) Бём-Эрмолли, хотя ранее на Русском фронте количество габсбургских армий доходило до 5. Еще перед заключением мира глава австро-венгерской Ставки Арц фон Штрауссенбург оптимистически полагал, что для охраны границ, оккупации и отражения возможного большевистского нашествия на Восточном фронте хватит вместо бывших там 120 примерно 40 дивизий, из них всего 12 австро-венгерских. Это — если принимать размер дивизии, сократившейся к началу 1918 г., в 6 тысяч бойцов — давало Центральным державам до 500 тысяч солдат для их отправки на другие фронты²⁷⁰. Реальность, однако, оказалась совсем иной: освободившихся сил не хватало ни на решение задач по оккупации, ни на достижение необходимого перевеса на других фронтах, в том числе (для Австро-Венгрии) на Итальянском, прошедшем (как и вся габсбургская армия) зимой 1917–1918 гг. основательную перестройку. Последние подкрепления (!) австро-венгерской Восточной армии направлялись даже в середине мая, а до сокращения ее сил дошло лишь в уже отчаянной для монархии ситуации после провала атак

²⁶⁹ См. записи Николаи в дневнике от 6 марта 1918 г.: *Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg*. S. 490–491.

²⁷⁰ См.: *Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Krieges*. S. 201.

на р. Пьяве в середине июня²⁷¹. Добиться хотя бы паритета сил с противником на Итальянском фронте так и не удалось, даже накануне июньского наступления.

Впоследствии командира Восточной армии, одного из лучших и востребованных полководцев двуединой монархии, не слишком отличившегося на поприще реквизиций, сменил на этом посту генерал от инфантерии А. Краусс (при начальнике штаба генерал-майоре Беличке), получавший инструкции о беспощадном выкачивании продовольствия из Украины лично от императора Карла I, хотя и без его подписи. По инициативе Краусса был образован даже особый украинский отдел при австрийской Ставке, однако возглавили его оппоненты генерала²⁷². От предоставления ему диктаторских полномочий на оккупированной территории Украины пришлось отказаться под германским давлением, да и поставленные командующему Восточной армией цели были изначально слишком амбициозными²⁷³. Дополнительных сил для их достижения не выделялось, а потому командующий Восточной армией был не слишком доволен требованиями обеспечить беспощадную диктатуру, да еще без шансов наладить взаимодействие с разветвленной бюрократией двуединой монархии, которая с отменой весной 1918 г. военного положения в Буковине и части Галиции стала возвращать себе довоенные полномочия. По мере ослабления из-за перебросок в Италию, а затем на румынскую границу для операции «Фангштосс» австро-венгерской группировки на Украине (к концу июня почти 300 тысяч, к концу августа 1918 г. уже лишь 130 тысяч бойцов²⁷⁴) положение Краусса в свете

²⁷¹ Хотя о крайне тяжелых последствиях весьма возможной неудачи (уже с оглядкой на потери наступающих германских войск во Франции) АОК в Бадене предупреждали. См.: *Fiala P. Die letzte Offensive Altösterreichs. S. 32ff.*

²⁷² См.: Theodor Ritter von Zeynek: ein Offizier im Generalstabskorps. S. 295.

²⁷³ Свою точку зрения он изложил: *Krauss A. v. Die Ursachen unserer Niederlage. München, 1923. S. 253–271; Krauss A. v., Klingenbrunner F. Die Besetzung der Ukraine 1918 // Die Militärverwaltung in den von den österreichischen Truppen besetzten Gebieten / hrsg. von H. Kerchnawe. Wien, 1928. S. 359–390.*

²⁷⁴ См. доклад Буриану о дислокации австро-венгерских войск на Украине от 20 августа: *Ereignisse in der Ukraine. Bd. 3. S. 216–218.*

поставленных ему задач становилось все более шатким. Восточная армия лишь по структуре выглядела внушительно²⁷⁵, значительно уступая германским войскам. После вывоза 4-й кавалерийской дивизии с Украины австро-венгерская оккупационная зона была сокращена, часть Донбасса перешла к германским войскам, шведским накануне с территории Области войска Донского.

В германской армии соотношение штабов и боеспособных частей до абсурда, конечно, не доходило. 25 января 1918 г. была ликвидирована Южная армия, созданная еще в ходе экстренных мер по поддержке фронта в Карпатах зимой 1915 г. 31 марта 1918 г. в связи с отъездом генерал-фельдмаршала Г. Эйхгорна в Киев была преобразована группа армий (теперь она стала группой армий «Рига») со штабом в Вильне, а уже 30 апреля 1918 г. она была расформирована вовсе, ведь для командования войсками в центре Восточного фронта было более чем достаточно штаба 10-й армии, включившей в себя все существовавшие ранее группы войск и участки обороны, и собственно Обер Оста, перебравшегося из Бреста в Ковно. Бывший начальник штаба группы армий «Рига» подполковник Г. Фротшер, получив на прощание *Pour le Merite*, принял командование бригадой в Шампани. Еще 31 марта 1918 г. исчезла и Бугская армия, давно уже управлявшаяся из штаба группы армий А. фон Линзингена.

12 июня 1918 г. штаб германской 10-й переехал из Вильны, ставшей теперь резиденцией гражданской германской администрации, в Минск, очевидно в преддверии будущих свершений на демаркационной линии с Советами. Это могло бы несколько неожиданно вновь сделать Фалькенгайна, уже смирившегося с административными в основном свершениями на этом посту²⁷⁶, героем

²⁷⁵ Она состояла из: 25-го корпуса (Жмеринка) — 155-я гонведная (Прокуров) и 54-я стрелковая (Вапнярка) дивизии, 2-й кавдивизии (Одесса), 30-й пехотной дивизии (Одесса), 17-го корпуса (Херсон) — 7-я кавдивизия (Елизаветград), 11-я пехотная дивизия (Херсон), 12-го корпуса (Екатеринослав) — 5-я гонведная кавдивизия (Екатеринослав), 15-я пехотная дивизия (Павлоград), 11-го корпуса (Екатеринослав) — 59-я пехотная дивизия (Александровск), 4-я кавдивизия (Юзовка).

²⁷⁶ Примечательно, что и Людендорф в 1915–1916 гг., и Фалькенгайн чрезвычайно гордились своей чуть ли не гуманистической деятельностью

дня, автоматически поставив его во главе войск, атакующих Смоленск и Москву, а это было совершенно недопустимо для Гофмана и Людендорфа. Поэтому в дальнейшем подготовка операций против Советской России находилась под жестким контролем и Обер Оста, и ОХЛ, хотя никаких дополнительных сил 10-й армии не выделялось. 18 июня 1918 г. была проведена реорганизация просуществовавшей с конца 1915 г. «земли Обер Оста», к тому времени считавшейся образцом германской цивилизаторской миссии на Востоке²⁷⁷. К тревоге Гофмана, за почти 2 года привыкшего быть почти всеильным властителем к востоку от границ Кайзеррейха, его «владения» по итогам «Фаустшлага» выросли незначительно, ведь Псковщину в них не включили вовсе, а статус Эстляндии и Лифляндии долгое время был неопределен. Дальнейшая оптимизация структуры управления оккупированными территориями грозила понижением статуса Обер Оста до штаба группы армий, что было затруднительно главным образом по династическим — с учетом принца Леопольда Баварского — причинам.

Лишь с большим опозданием (из-за борьбы между Обер Остом и попытками правительства передать власть над оккупированными территориями хотя бы формально гражданской администрации) последовало расформирование бывших при каждой германской армии тыловых инспекций: 12-й (в Белоруссии под Лидой) 6 августа и 10-й 25 августа 1918 г., функции которой приняла на себя военное губернаторство Литва, образованное еще 1 февраля 1918 г. в границах, включающих Гродно и Белосток²⁷⁸.

Заключение прелиминарного мира в Буфтеа позволило перебрасывать войска из Румынии, причем не только на Запад, но и на другие театры военных действий. Часть германских сил — усиленная 217-я пехотная дивизия — 6 марта отправилась в составе

по управлению оккупированной Белоруссией и Литвой, чем затем восхищались их биографы. См., напр.: *Frentz H. Der unbekannte Ludendorff*. Wiesbaden, 1972. S. 189–218 (а также ряд материалов в фонде этого автора: BA-MA. N 215); *Zwehl H. v. Falkenhayn*. S. 303–305.

²⁷⁷ См. подробное описание свершений на благо местного населения: *Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno*. Stuttgart; Berlin, 1917.

²⁷⁸ См. подр.: BA-MA. RH 18/1662.

образованного в группе армий Макензена корпуса генерала Коша для занятия Тирасполя и Одессы через румынскую территорию. В апреле-июне в Азию вернулась и последняя из задействованных в Европе турецких дивизий. Казалось, что главной заботой штаба оккупационной армии в Румынии теперь будет борьба с недопустимым ослаблением дисциплины германских солдат в связи с все более плотными контактами с местным населением. Сократившаяся уже к началу 1918 г. до примерно 260 тысяч человек (из далеко не первосортных войск) группировка сил Центральных держав в Румынии сохраняла достаточно возможностей для контроля над страной. Однако в ходе длительной оккупации и весьма комфортных (по сравнению с Германией) условий в отношении продовольствия²⁷⁹ неизбежны были крайне нежелательные контакты с местным населением. Воспрепятствовать упадку репутации германских солдат и офицеров в связи с ростом проституции и контрабанды пытались по-разному, но почти тем же набором средств, как и везде на Восточном фронте, в том числе стремясь пробудить безразличность «культуртрегеров» по отношению к антисанитарии «восточных народов», а также пугая риском эпидемии (и не без оснований). Тут же тиражировались мифы об особенной доступности женщин в данном регионе (как и в Бельгии, Польше, на Украине и т. д.), об общей фривольности нравов, об инициативе самого населения к более тесным контактам с «освободителями»²⁸⁰.

²⁷⁹ Хопман писал о Бухаресте января-марта 1918 г., в связи с его слабой «Парижа Востока»: «Формы и нравы напоминали о Золя и Мопассане, однако были лишь безвкусным отражением того, что принято считать французской культурой... При свете Бухарест был голой имитацией, без традиции и особого оттенка, без духа и грации. В войну это была Капуя. Довольствие даже в 1918 г. было блестящим... Австро-венгерские офицеры, как правило, брали с собой своих жен, включая тех, у кого не было свидетельства о браке. Румынское общество... и поначалу было настроено по отношению к победителям отнюдь не негативно, а уже вскоре все пошло так, как будто никакой войны и вовсе не было. И если солдаты называли расположенный в центре города парк „Поцелуй же меня“, то у них на то вполне были причины». См.: *Hopman A. Das Kriegstagebuch eines deutschen Seeoffiziers*. S. 268.

²⁸⁰ См., напр.: *Mayerhofer L. Zwischen Freund und Feind*. S. 303–307, 334–337.

В качестве жеста доброй воли и в убеждении, что крупные силы в недавно подписавшей не самый невыгодный (по сравнению с Брестом) мир стране будут излишни, планировали ограничить оккупационные войска 6 дивизиями (из них 4 германских, 2 австро-венгерских), однако потом из-за проволочек с ратификацией мира выполнять это не спешили. Тем не менее, нехватка сил сказывалась, так что еще в мае-июне 1918 г. группировка Макензена продолжила ослабляться. Выводили рекрутские депо, мелкие подразделения, обозные части и комендатуры. Многие из оставленных в оккупированной Валахии полков были ослаблены не только постоянными подкреплениями для Запада, но и еще чувствительными потерями в кровопролитной на Румынском фронте летней кампании 1917 г. Усиливали за счет оккупационных войск в Румынии оказавшуюся недостаточной (с учетом достигнутых рубежей) группировку на Украине, куда очень медленно (от приказа до прибытия на место около полутора месяцев) были отправлены Баварская кавдивизия и егеря. С 20-х чисел апреля и к 15 мая — по Дунаю, затем маршем, а в итоге морем из Констанцы через Одессу в Николаев и Херсон, мимо смещенных штормами минных полей добиралась 212-я пехотная дивизия. До этого из ее частей были переведены в оставляемые в Румынии ландштурменные батальоны негодные к маневренной войне на Украине²⁸¹, хотя к моменту прибытия из Румынии боевые действия окончились везде, кроме линии соприкосновения на Дону.

Явное сокращение сил Макензена, не набравшихся теперь и на армию (не то что на группу армий), было особенно заметно на фоне чрезвычайно раздутой еще с 1917 г. управленческой структуры, где были представители всех четырех Центральных держав и многочисленные контролирующие офицеры. Эта необходимая фикция равноправного управления оккупированными областями лишь отягощала административный процесс, но вряд ли могла быть оптимизирована без грандиозного межсоюзнического скандала. Вскоре в оккупационной армии и действительно

²⁸¹ То есть солдаты старших возрастов, а также многодетные отцы, последние сыновья и другие имевшие льготы категории, см., напр.: *Schmaler M. Das Infanterie-Regiment Nr. 415. S. 124.*

остались лишь 4 дивизии и один штаб корпуса (63-е генеральное командование), а также около 2 дивизий и один штаб корпуса австро-венгерских войск. Из более чем 110-тысячной группировки едва ли половина приходилась на боевой состав частей. Кроме этого Центральные державы располагали еще почти дивизией болгарских войск в Добрудже. 5 июля 1918 г. из Румынии на Западный фронт был переброшен штаб 9-й армии, после чего группа армий Макензена, давно уже ставшая просто оккупационными войсками, осталась без подчиненных ей штабов германских армий. Верный соратник престарелого фельдмаршала, начальник его штаба в течение многих лет, генерал-майор Хелль получил, наконец, возможность пройти цензовое командование дивизией на Западном фронте. Это стало большой потерей для Макензена, а самому Хеллю было своего рода мстью за слишком успешное сотрудничество с главой германской дипломатии Кюльманом во время переговоров в Бухаресте²⁸², хотя представителем ОХЛ на этих переговорах (7 февраля 1918 г.) его назначил лично официальный глава германского Генштаба П. фон Гинденбург. Наследником Хелля стал опытный военный администратор из генерал-квартирмейстерства полковник фон Шварцкоппен.

Тот факт, что до 31 октября 1918 г. действовавшие на Балканах германские войска не входили в подчинение группы армий Макензена в Румынии, дает основание считать последнюю в течение почти всего 1918 г. частью Восточного, а не Балканского, тем более в более узком смысле Салоникского фронта. Кроме того, из Румынии продолжали отправлять кавалерию и на другие участки Восточного ТВД, например в Белоруссию²⁸³. В целом соотношение сил между оккупантами и так и не демобилизованной до конца румынской армией²⁸⁴ стабилизировалось на минимально

²⁸² См.: *Kühlmann R. v. Erinnerungen*. S. 561.

²⁸³ 16 июня 1918 г. после полугодичного пребывания в гарнизоне в Чернавове в Минск отправился 15-й гусарский полк. См. воспоминания одного из его унтер-офицеров: [Электронный ресурс]. URL: http://www.stadt-land-oldenburg.de/i_weltkrieg.htm (дата обращения: 28.09.2019).

²⁸⁴ Она сократилась с максимальных 500 до 175 тысяч, но далеко не до предусмотренных договором 33 тысяч. В распоряжении ее оставались не только тяжелые вооружения, но и более 1800 русских орудий от бывшего

приемлемом для первых уровне. Структура стала меняться лишь в октябре 1918 г., когда оккупационная армия в Румынии, не меняя своего размещения, вновь превратилась в Балканский фронт. Накануне развала Салоникского фронта Румыния уже обладала минимум полуторным превосходством в силах, хотя и не решилась на мобилизацию и открытый разрыв вплоть до краха Четверного союза.

С середины сентября, а окончательно к 2 октября 1918 г. — после отступления по соглашению с большевиками в Белоруссии и в связи с явным сокращением количества войск на Востоке — была расформирована существовавшая с осени 1915 г. армейская группа «D», а ее командующий саксонский генерал-полковник Ганс фон Кирхбах просто отправлен в отставку по возрасту. Остатки ее войск были переданы в подчинение 8-й и 10-й армиям. 13 сентября 1918 г. перестала существовать сформированная 22 февраля 1918 г. из различных соединений (кроме прусского ландвера из 12-й ландверной дивизии, еще и саксонских и баварских) Балтийская дивизия, а оставшиеся в союзной стране ее войска теперь подчинялись напрямую «германскому генералу в Финляндии» Р. фон дер Гольцу.

Куда реже наблюдалось и формирование новых командных инстанций, хотя в связи с оптимизацией командной структуры оккупационных войск бывало и такое. На Украине 2 октября 1918 г. на основе бывшей армейской группы (когда-то в свою очередь заменившей 20-й АК) был вновь сформирован штаб 20-го армейского корпуса, прибывший в Полтаву 11 октября, чтобы принять там на себя военное администрирование губернией. 15 октября было передано управление двумя дивизиями — 1-й кавалерийской и 92-й пехотной. Ни о каком «увеличении» оккупационных войск на целый корпус (как это бывает при соответствующих подсчетах) говорить не приходится.

Предвестием новых чрезвычайных мер по укреплению Западного фронта стало распоряжение от 8 сентября 1918 г. о призыве в сентябре-октябре 1918 г. рекрутов 1901 г. рождения, однако их

Румынского фронта. См.: *Bornemann E. Der Frieden von Bukarest 1918. S. 66–68, 71–72.*

количество — 160 тысяч человек — было таково, что необходимо было решаться на более радикальные варианты, и в первую очередь на Восточном фронте. Призыв 18-летних, то есть 1900 г. рождения, начался еще 7 мая 1918 г., так что этот ресурс можно было к осени считать уже исчерпанным. Однако, сосредоточившись на чисто количественных проблемах пополнения германской армии, переживавшей самые кровавые месяцы со времен августа-сентября 1914 г.²⁸⁵, ОХЛ и военное министерство до октября старательно отодвигали на задний план тяжелые сомнения в качественном уровне отправляемых в обескровленные части солдат и рекрутов.

К началу выхода стран Четверного союза из Великой войны силы оккупантов на Востоке сократились настолько, что, не считая инерции представлений о грозной силе германской армии, единственной перспективой прочной оккупации могло быть взаимодействие с формирующимися армиями прогерманских государств-лимитрофов. Однако главной проблемой интервентов здесь было не только то, что развитие формально союзных им вооруженных сил требовало времени и немалых затрат, но и крайне различная степень предполагаемой их лояльности Германской империи. Даже если у германских генералов и генштабистов была некоторая уверенность в наличии у военно-политического руководства сателлитов искреннего желания сотрудничать, никаких гарантий такого же мнения в низах армейской иерархии, а также в управляемости новых войск и быть не могло. Поэтому даже в начале октября 1918 г. в деле сохранения Брестского порядка в Восточной Европе германским войскам рассчитывать приходилось только на себя, а в обстановке крушения армий союзников — даже более чем когда бы то ни было. Необходимо было решаться на более масштабное вооружение потенциальных союзников, на сокращение оккупированной территории или на передачу хотя бы части боевых задач сателлитам, то есть идти на риск, призванный компенсировать нестерпимую нехватку сил.

²⁸⁵ См. анализ статистики потерь, особенно офицерского корпуса: *Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung*. S. 222–223.

ГЛАВА 3

ФИНЛЯНДИЯ: САМЫЙ УДОБНЫЙ САТЕЛЛИТ НА ВОСТОКЕ

К 5 мая 1918 г. в ходе боев под Коткой армия красной Финляндии перестала существовать. Последние из не бежавших ее бойцов, 800 человек, были взяты в плен, что еще можно было полагать большой удачей для них. Попытки германских судов воспрепятствовать эвакуации красных оказались излишними, ведь к моменту их прибытия к Котке она либо уже закончилась, либо оставшиеся на берегу красногвардейцы сдались²⁸⁶. Новый союзник и важный плацдарм против Петрограда и Мурманска обошелся Германии сравнительно дешево²⁸⁷; потери германских армии и флота составили (включая пропавших без вести) около 1,1 тысячи человек, из них около 300 погибших²⁸⁸. Тем не менее «военной

---

²⁸⁶ См.: *Groß G. P.* Die Seekriegsführung. S. 153.

²⁸⁷ В боях погибло около 9 тысяч финляндцев, а общее число жертв достигло более 36 тысяч человек, что для слабонаселенной Финляндии — огромная цифра. См.: *Tikka M.* Kenttäoikkeudet. S. 452–460.

²⁸⁸ По первым данным и не считая флота — 974 человека, в том числе 8 убитых и 16 раненых офицеров. Матросы приняли участие в боях за Гельсингфорс, где только из команды «Позена» погибло 4 и было ранено 12 человек. С учетом потерь 27-го егерского батальона, бывшего (до 14 февраля) частью германской армии, хотя и из финских добровольцев, общий урон был еще больше. См. подр.: *Henke K., Liesner G.* Um Finnlands Freiheit. S. 173. Именной список германских потерь по подразделениям, сравнительно полный, хотя был составлен еще в 1918 г., см.: ВА-МА.

прогулкой» германскую интервенцию назвать сложно. За три недели (с учетом перерывов) боевых действий германские войска (особенно кавалерия) лишились порядка 10 % боевого состава (сопоставимо убитыми и ранеными), причем в частях Бранденштейна доля потерь была еще выше. С учетом понесенных утрат на Аландских и затраченных материальных ресурсов операция все равно явно окупилась, однако ничего сравнимого с железнодорожным наступлением в Прибалтике и на Украине в феврале-марте 1918 г. в Финляндии не наблюдалось.

Еще 16 апреля 54 убитых при взятии Гельсингфорса военнослужащих германской армии и флота были торжественно захоронены в Гельсингфорсе. Закладывался культ братской помощи, военного братства и благодарности «освободителям», осваивавшимся на впервые занятых ими территориях. Последним актом передачи контроля над Финляндией немцам было занятие ими — без какого бы то ни было учета протестов НКВД — Свеаборгской крепости 12 мая 1918 г., вскоре по патриотическим соображениям переименованной в Суоменлинну и переданной местным властям. Триумфатор — командующий Балтийской дивизией Р. фон дер Гольц — 15 мая 1918 г. получил *Pour le Merite*. 16 мая 1918 г. состоялась чрезвычайно торжественная церемония вступления в Гельсингфорс и финляндских белых, где чествовали отныне главного героя Финляндии генерала К. Г. Маннергейма. Символическим концом векового, а то и двухвекового русского военного присутствия в бывшем Великом княжестве стало отбытие 28–29 мая 1918 г. на корабле «Память Азова» в Кронштадт начальника морских сил Зеленого.

Возобновивший свою работу 15 мая сейм достаточно быстро сформировал правительство победителей в гражданской войне, ведь даже умеренно левая социал-демократия оказалась почти лишена представительства в парламенте. 27 мая было образовано новое правительство во главе с Паасикиви, военным министром

РН 8-VI/53. К настоящему моменту есть детальные сведения о похороненных в Финляндии 547 германских военнослужащих времен Великой войны, включая погибших на затонувших судах («Габсбург») и подлодках (UC-57). См. список мест захоронений: *Hentilä M., Hentilä S.* 1918 — das deutsche Finnland. S. 206.

же стал В. Теслев, что и было наглядным индикатором уровня прогерманской ориентации нового правительства. Протесты проантантовских кругов и недовольного оттеснением от власти Маннергейма были оставлены без внимания. Последний (а вместе с ним и ряд его соратников) 30 мая показательно ушел в отставку, однако Сенату было вполне достаточно одного генерала, Р. фон дер Гольца. Логичным следствием было то, что 13 июля 1918 г. были, наконец, ратифицированы договоры от 7 марта с Германией.

Финляндия вступала в новую стадию своего развития, так и не разрешив главную доставшуюся ей от прошлого проблему — урегулирование отношений с восточным соседом, теперь уже считавшимся явным врагом. Продвижение финляндских белогвардейцев по Карельскому перешейку на юг было встречено огнем с переданного Советской России по договору 1 марта форта Ино. После категорического требования Германии сдать финляндским войскам важный для обороны Петрограда и Кронштадта форт, 14 мая 1918 г. его гарнизон и значительная часть боеприпасов и имущества были эвакуированы, а укрепления взорваны местными комиссарами, едва согласовавшими свои действия с Балтфлотом²⁸⁹. 15 мая НКВД поставил Мирбаха перед фактом одностороннего решения вопроса о будущем форта²⁹⁰. Характерно, что в Берлине были убеждены в действенности дипломатического нажима, запретив Усслару рассматривать вариант похода сил флота к Ино²⁹¹. Для предотвращения эскалации боев между финляндскими и советскими войсками с 10 июня 1918 г. в Выборг была отправлена германская 95-я резервная пехотная бригада, то есть почти половина всех сил Балтийской дивизии. Ее присутствие на перешейке должно было стать определяющим фактором прочного перемирия. На пограничных постах и вдоль побережья действовали германские патрули.

Германия отчетливо заверила правительство Свинхувуда, что сделает все для достижения мира на севере. Вскоре через Мирбаха

²⁸⁹ Позднее проводилось специальное расследование данных событий, см.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 144; Интервенция на Северо-Западе России 1917-1920 гг. С. 175-179.

²⁹⁰ См. текст ноты: ДВП. Т. 1. С. 301.

²⁹¹ См.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 154-155.*

Чичерину был передан проект германского предложения условий будущего мира между Финляндией и Россией, где первая уступала Ино и Райволу в обмен на Печенгу и часть мурманского побережья. Чичерина в целом такая основа устраивала (нота от 25 мая), но в Хельсинки не торопились вступать во взаимовыгодные переговоры с большевиками, отговариваясь тем, что предложение передавалось через Берлин, а не напрямую²⁹², хотя в Москве ожидали строго обратного эффекта. Большевики, верные своей манере максимально гибкой дипломатии, вообще не желали признавать факта состояния войны между Советской Россией и Финляндией, на чем упорно настаивало правительство Свинхувуда. То есть с точки зрения Москвы необходимость требуемых Германией мирных переговоров, была вызвана лишь потребностью зафиксировать условия состоявшегося отделения Финляндии и определить параметры двусторонних отношений. Финляндская же сторона имела в виду чуть ли не победный мир по итогам отраженной российской агрессии²⁹³. Эта разница имела огромное значение для позиций двух стран, а вот германской дипломатии представлялась элементом торга и едва ли не казуистикой, препятствовавшей закреплению базовых параметров Бреста. Прекрасно осознавая принципиальные различия в позициях обоих лимитрофов²⁹⁴, надеявшихся (каждый) на то, что Германия в ходе своего «посредничества» заставит оппонента уступить, дипломаты из АА пошли на сознательный обман обеих сторон, уверяя их в наличии обговоренной некоей общей платформы для переговоров, в том числе и по территориальным вопросам.

Надежды большевиков на развертывание «национально-освободительной» войны против германских оккупантов, — при некотором успехе националистической пропаганды белых против оккупантов русских, — не оправдались. Идейные борцы среди красногвардейцев Финляндии воевали по «классовым» причинам,

²⁹² См. отчет представителя Советской России Кованько: Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 233–237.

²⁹³ См. специальный меморандум по этому вопросу финского социал-демократа В. Пукки от 17 августа 1918 г.: Россия и Финляндия. С. 265–268.

²⁹⁴ Это вызывало затем немалое негодование финляндской историографии, см.: *Jääskeläinen M. Die ostkarelistische Frage. S. 117–119.*

а неидейные не считали немцев угрозой независимости родины, по крайней мере столь же реальной, как и близкая Россия. Начавшиеся сразу же после высадки Балтийской дивизии и особенно отряда Бранденштейна реквизиции, заранее санкционированные Сенатом, были восприняты как неизбежное следствие вступившей в новую фазу войны, к тому же вскоре окончившейся. Последующая целенаправленная скупка большого количества крайне дефицитного в Германии сырья и продовольствия из ранее импортируемых ею товаров воспринималась и вовсе как взаимовыгодная сделка, особенно с учетом быстро приобретшей огромные масштабы и чрезвычайно выгодной контрабанды востребованных немцами товаров из России. Финляндия быстро воспользовалась своим новым положением буфера между разными экономическими системами, предугадывая свой экономический курс на десятилетия вперед. 23 июня 1918 г. было подписано специальное соглашение о номенклатуре германо-финляндского товарообмена.

Последовательная подготовка к формированию полноценной будущей финляндской армии как союзной Германии вооруженной силы на севере Европы началась еще в ходе операции войск фон дер Гольца. Более того, еще 8 марта 1918 г. прусское военное министерство распорядилось о поиске среди военнопленных офицеров и нижних чинов финляндского происхождения²⁹⁵. Уже 8 апреля 1918 г., то есть еще до взятия Гельсингфорса, командующий германскими ВВС, имея в виду опыт использования германской авиации в ходе боев высадившихся десантов, приказал выделить офицера — специалиста по развитию военно-воздушных сил Финляндии²⁹⁶. Некоторое время численность германских войск на

²⁹⁵ Причем в спешном порядке, уже к 1 апреля из лагерей должны были предоставить данные, ведь явно планировалось как можно скорее освободить финляндцев и отправить на родину для формирования армии и флота. Однако и в сентябре финляндское посольство продолжало добиваться скорейшего освобождения своих подданных. См.: SächsHStA. 11248. 7018.

²⁹⁶ См.: Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres. S. 198. Характерно, что это происходит в разгар ожесточенных боев на Западном фронте, что доказывает значимость формирования армии Финляндии для стратегических планов Германии.

территории нового союзника росла, что дало основания советской историографии утверждать, что размер сил интервентов достиг 55 тысяч человек²⁹⁷. В германской прессе позднее с оттенком гордости за такую «щедрость» в период ожесточенных боев на Западе признавали, что в военных действиях против красных финнов участвовали 20 тысяч германских солдат²⁹⁸. По окончании боевых действий против красных финнов Германия с согласия Финляндии сохранила свой гарнизон на стратегически важных Аландских островах, под предлогом дальнейшего обучения шюцкора, этим блокировав возможные шведско-финские столкновения²⁹⁹. 22 мая П. Свинхувуд официально запросил продление пребывания германских войск на территории Финляндии у «германского генерала в Финляндии» Р. фон дер Гольца. Возникшее было еще в марте 1918 г. возмущение финляндских политиков слишком крупными преференциями Германии по условиям ряда соглашений³⁰⁰ после вступления германских войск в Гельсингфорс стало неактуальным.

Сокращение германских войск в Финляндии после окончания активных боевых действий ограничилось поначалу лишь отправкой назад в Ревель и Нарву войск отряда Бранденштейна. Балтийская дивизия оставалась в стране, распределяясь вдоль южного

²⁹⁷ См.: *Петров В. И.* Отражение... С. 156. Это явное преувеличение, вызванное попытками считать штатную численность германских войск, а также включать в их состав всех присланных из Германии специалистов, а также бывших егерей 27-го батальона. См. полное боевое расписание Балтийской дивизии, достигшей согласно журналу военных действий максимума численности к 1 июля 1918 г. — 484 офицера, 10 871 нижний чин и 4026 лошадей (27 марта было 368 и 9077 человек соответственно, а также 3432 лошади): *Hubatsch W.* Das Kriegstagebuch der Ostseedivision 1918 // *Historian Laitos.* № 31. Turku, 1976. S. 327–329.

²⁹⁸ *Militär-Wochenblatt.* 1925. № 35. Sp. 1036. По данным финляндской историографии, численность германских сухопутных войск, участвовавших в гражданской войне в Финляндии, достигала к 21 апреля 13 тысяч человек (*Новикова И. Н.* «Финская карта». С. 227), однако, если прибавить еще и чины флота, а также военных специалистов и 27-й егерский батальон, и учесть потери, то, вероятно, удастся получить и цифру в 20 тысяч.

²⁹⁹ См.: *Menger M.* Die Finnlandpolitik. S. 137–140.

³⁰⁰ См. подр.: *Новикова И. Н.* «Финская карта». С. 213–219.

побережья на случай восстания или возобновления наступления из Советской России. Предстояла и активная работа по обучению дивизий финляндской армии и сохранявшего полувоенное положение местного ополчения. Некоторые германские отряды (якобы лишь для обучения шюцкора на местах) отправляли и на север, в том числе в Улеаборг. За счет этого поддерживалось на громадной территории и минимально необходимое для контроля германское военное присутствие, а также подготавливалось возможное участие в наступлении против Мурманска или к Кеми³⁰¹.

В июне 1918 г. в Гельсингфорс прибыла военная миссия (около 100 человек³⁰²) во главе с полковником К. фон Редерном, ставшим начальником Генерального штаба армии Финляндии и действовавшим примерно аналогично Лиману фон Сандерсу в Турции в 1913–1914 гг. Ставшего после отставки Маннергейма главнокомандующим К. Вилькмана (при начальнике штаба Прокопе) уже в августе 1918 г. сменил лидер прогерманского крыла в финляндском офицерстве командир шюцкора Теслев, а начальником его штаба через несколько дней открыто стал Редерн³⁰³. Подозреваемых в проантантовских симпатиях бывших офицеров РИА (если они не ушли ранее вместе с Маннергеймом) стали вынуждать к отставке (как Лёвстрема). Германская миссия неуклонно сокращала влияние и «шведской» партии, монополизировав симпатии младшего союзника.

Финляндская армия мирного времени должна была иметь численность до 25 тысяч человек, с дальнейшим развертыванием ее при необходимости из имеющихся трех дивизий и егерской бригады с помощью кадров шюцкора³⁰⁴. Ее формированием германские офицеры и созданные финляндские военные инстанции (военное

³⁰¹ См., напр.: *Senftleben E.* Das 1. Garde-Ulanen-Regiment im Weltkriege. S. 331.

³⁰² См.: *Новикова И. Н.* «Финская карта». С. 260–261.

³⁰³ См. подробные материалы и приказы по армии за июнь–декабрь 1918 г., демонстрирующие всю степень германского воздействия на процесс ее становления: ВА-МА. РН 8-VI/6, 11.

³⁰⁴ Это не мешало советской историографии тиражировать затем фантазмагорические тогдашние слухи о будущей армии Финляндии (население — 3,2 миллиона человек) в 250–300 тысяч бойцов (*Холодковский В. М.*

министерство и Генеральный штаб) занимались ревностно и сравнительно успешно. Под влиянием полученного в Великой войне опыта армию нового союзника с населением едва в 3,3 миллиона человек формировали весьма размашисто, готовя (на базе оставшихся в Финляндии частей из отряда Бранденштейна и Балтийской дивизии) не только артиллеристов, но и саперов, летчиков (с помощью авиаторов бывшей РИА), минометчиков, санитарные и ветеринарные части, организуя курсы и поездки на обучение в Германию кандидатов в офицеры и т. п.³⁰⁵ Выстраиваемая структура была столь масштабна, что ее хватило бы и на армию размеров, недоступных Финляндии вовсе. Недостаток опытных командиров возмещали любыми средствами, в том числе за счет офицеров РИА из числа уроженцев великого княжества, методично прибывавших с оккупированных Центральными державами территорий.

Имели в виду создание и флота Финляндии, что еще раз ставило вопрос о судьбе остатков Балтфлота и иных русских судов, находящихся в финских портах, а также требовало от Германии новых энергичных усилий как дипломатического, так и военнотехнического характера, ведь для флота подготовленных за годы войны кадров не было, из моряков аналога «27-го егерского» не формировали. После ожидавшегося по итогам захвата судов Балтфлота в разных портах³⁰⁶ появления у флота Финляндии крейсера «Карьяла» и нескольких миноносцев еще более необходимыми становились германские инструкторы, а также ряд оставшихся в Финляндии офицеров бывшего русского флота во главе с контр-адмиралом Индрениусом³⁰⁷. С 30 апреля 1918 г. командующим германскими ВМС в Финляндии вместо контр-адмирала фон Мойрера стал контр-адмирал Л. фон Усслар, которому немедленно были поставлены задачи по обеспечению прочного контроля над портами

Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 315), что даже теоретически едва ли возможно в среднесрочной перспективе.

³⁰⁵ Масса материалов, включая текущие данные о численности и размещении формируемых частей финляндской армии, поручения отдельным военным специалистам и списки германских офицеров в Финляндии см.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 35.

³⁰⁶ См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 631.

³⁰⁷ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 132. Л. 266, 297.

Финского залива³⁰⁸. Вскоре Адмиралштаб выделил для обучения финляндского флота персонал в 13 офицеров и 347 нижних чинов. Началась подготовка военной, а потом и отдельной военноморской конвенции с Финляндией³⁰⁹. Условием для нее, по мнению Свинхувуда, должны были быть твердые гарантии германского содействия в вопросе Восточной Карелии, что Р. фон дер Гольц обещать не мог, хотя и стремился провести оформление военного союза как можно скорее³¹⁰. 17 июля он, без всяких консультаций с центральными инстанциями, вручил Свинхувуду проект конвенции, полагая, что этим отрезает пути к отказу от соглашения.

29 июля 1918 г. были зафиксированы структура будущего германского военного присутствия и порядок взаимодействия с Финляндией³¹¹. Наскоро составленный Редерном еще один проект военной конвенции, представленный Теслеву, ОХЛ не устроил, а уж АА тем более, а потому подготовка новых вариантов и внесение поправок вступили в новую стадию к концу августа, будучи особенно актуальной темой по мере подготовки операции «Шлюсштайн». И вновь гегемон вынужден был с раздражением наблюдать, как его «союзники», а в действительности сателлиты, позволяют себе считать, что могут по меньшей мере участвовать в подготовке базовых положений конвенции, направленной лишь на то, чтобы подвести юридическую основу под германский над ними протекторат. Это ни в коей мере не являлось следствием иллюзий финляндских (в данном случае, как и в других — литовских, украинских, грузинских и т. д.) политиков, а единственным их средством получить хоть что-то после столь громогласных заявлений в Бресте о признании права на самоопределение наций. Обсуждались самые различные вопросы материального характера, сводившиеся к мысли об обязательствах Финляндии по оплате в той или иной форме германской военной помощи и последующе-

³⁰⁸ См.: Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 2. S. 315–316.

³⁰⁹ На финишную прямую она вышла только 2 ноября 1918 г. См.: Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 158–159.

³¹⁰ См.: Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. S. 107–113.

³¹¹ См. текст служебной инструкции: Гольц фон дер Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 291–295.

го ее участия в наращивании военного потенциала Суоми³¹². Уже после провала советско-финляндских переговоров и с учетом ожидаемой реакции на Добавочный договор тогдашний глава германской дипломатии Хинтце и распоряжавшийся в ОХЛ Людендорф переписывались по целому ряду аспектов будущих связей с северным союзником Кайзеррейха³¹³, хотя стоило бы задуматься о нарастающих негативных переменах.

Германское командование уже в мае стремилось поскорее сгладить следы жесткого разгрома и истребления красногвардейцев, позднее уклоняясь от какой бы то ни было к этому причастности. В командовании Балтийской дивизии понимали, что после быстрой фильтрации из тысяч пленных можно отобрать ценные кадры для формирования соединений армии и полиции. Особую роль в проведении германской точки зрения играли офицеры финляндской армии, имевшие опыт учебы или службы в германской армии или участия в совместных боевых операциях (Вилькман, вербовавший офицеров в Петрограде почти до мая 1918 г., К. Энкель и др.), что обеспечивало особые личные контакты с Р. фон дер Гольцем и его штабом. Можно было с уверенностью ожидать постепенного роста недовольства пребыванием германских войск в стране и серии германо-финских столкновений в рамках экономических споров³¹⁴, однако эти сложности не шли ни в какое сравнение с ситуацией, например, на Украине, где оказалось парализовано формирование союзной интервентам армии. Куда большую проблему для становления нужной Германии армии Финляндии представляли конфликты между жестко претендующими на гегемонию в вооруженных силах бывшими егерями и офицерами белой гвардии

³¹² См. документы 1-го офицера Генштаба Н. Фалькенхорста: ВА-МА. РН 8-VI/97.

³¹³ Помимо указанных выше требований и односторонних обязательств, вызывавших в Финляндии возмущение, имели в виду будущее воздушное сообщение, прокладку кабеля, электроэнергетику, см. послание Хинтце Людендорфу от 30 августа: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 543–545.

³¹⁴ Финские левые в меморандуме 22 июля 1918 г. утверждали: «Мы уверены, что нос финляндских капиталистов уже чувствует опасность германского покровительства». См.: Россия и Финляндия. С. 242.

Маннергейма, а также им самим и лидером прогерманского крыла полковником В. Теслевым, которые удалось преодолеть далеко не сразу³¹⁵. Хватало и межнациональных столкновений между шведами, финнами и «русскими» (то есть не шведами и не финнами, а, например, балтийскими немцами). Лишь далеко не сразу, к 1930-м гг. удалось сконструировать единый национально-освободительный миф, где смогли сочетать егерей и Маннергейма, но вычеркнуть большинство других русских офицеров и затушевать зависимость от Германии. После 1939-го и до осени 1944 г. тема германо-финляндского боевого братства вновь была более чем популярна³¹⁶, возвращаться к ней начали и сейчас³¹⁷.

После разгрома красных в Финляндии бои с бежавшими от Маннергейма и фон дер Гольца финнами (до 5 тысяч, затем их число возросло еще более) с новой силой разгорелись не столько на подступах к Петрограду и Кронштадту (Ино), сколько в Карелии. Еще в конце марта — начале апреля 1918 г. отряды финляндских белых стремились перерезать Мурманскую железную дорогу³¹⁸, что тут же обостряло вопрос об отношениях между прогерманской Финляндией и Великобританией. Маннергейм в своем приказе поставил вопрос о судьбе «Беломорской Карелии» еще в конце февраля, тем более что организовать очередную «просьбу о помощи» не составило труда³¹⁹. Вполне возможно, однако, что, не слишком симпатизируя германской ориентации и соглашаясь на нее лишь от безысходности, он имел в виду не столько аннексии, сколько возможность взаимодействия с антибольшевистскими силами³²⁰, а через них и с Антантой. Разногласия между Маннергеймом и Теслевым относительно желательности и объема германского вмеша-

³¹⁵ См.: Никитин В. Финская армия: русский след. С. 18–23.

³¹⁶ См. книгу с более чем характерным названием: Halter H. Finnlands Jugend bricht Rußlands Ketten. Die Geschichte des Preußischen Jäger-Bataillons 27. Leipzig, 1941 (2. Aufl.).

³¹⁷ См.: Kesselring A. Des Kaisers "finnische Legion". Die finnische Jägerbewegung im Ersten Weltkrieg im Kontext der deutschen Finnlandpolitik. B., 2005.

³¹⁸ См.: Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 25–27.

³¹⁹ См.: Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. S. 56–59.

³²⁰ О вполне «реакционных» и «русских планах» Маннергейма предупреждали специалисты из АА: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 386.

тельства и в эти проекты сказались немедленно, причем проантантовским силам в отличие от Теслева в защиту своих планов сказать было нечего. Командование английского десанта в Мурманске, высадившегося там после соглашения контр-адмирала Кемпа с местным Советом от 2 марта, не доверяло финляндскому правительству и даже Маннергейму, считая его (и напрасно) лишь верным союзником Германии, а также заявляло, что целью десанта является предотвращение появления в Мурманске базы германских субмарин. Антантовская эскадра в Баренцевом море стала быстро расти. Исходом гражданской войны в Финляндии в Великобритании были бы довольны только в том случае, если бы победа белых была достигнута без крупного германского десанта³²¹.

Лишившись шансов на победу над Финляндией, большевики вспомнили об аргументе насчет антантовской угрозы. Чичерин просил германскую дипломатию оказать давление на поддерживаемое Кайзеррейхом правительство, чтобы «избежать столкновения» на Севере. Поскольку в Брестском мире вопрос о Карелии не оговаривался никак, то «по умолчанию» предполагалось, что существенного пересмотра границ между Россией и Великим княжеством Финляндским с участием кайзеровских войск быть и не может. Германия готова была выступить посредником в территориальном обмене в связи с вопросом о Печенге, однако договориться с большевиками ни в апреле-мае 1918 г., после того как был отражен рейд финнов по направлению к Кеми (21 марта — 9 апреля³²²), ни в июле не удалось³²³. Не меньше трудностей вызывали

---

³²¹ Советская историография, доказывавшая международный антисоветский заговор империалистов, утверждала: «С классовой точки зрения подавление Германией финляндской революции не вызвало у Антанты возражений... Холсти встретил в Форин офис полное понимание того, что обращение к Германии было необходимым». И только после этой фразы следовало разъяснение, сколь опасным для Антанты было закрепление германского десанта в Финляндии и сколь острой была реакция Германии на высадку англичан в Мурманске. См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 237–238.

³²² Тут же последовал протест НКВД, но, разумеется, в АА, а не в адрес не признаваемого Москвой правительства в Вазе, см.: ДВП. Т. 1. С. 235.

³²³ См.: *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 28–29, 35–36.

и взаимные претензии материального и правового характера, категорические требования о возвращении брошенного или захваченного в финляндских городах и портах, включая суда различной степени готовности³²⁴, или, наоборот, о вывезенном и награбленном в ходе поспешной эвакуации. Продолжались взаимные обвинения в подрывной деятельности и вербовке под видом заботы о беженцах и военнопленных³²⁵, в депортациях, а также территориальные претензии, обвинения в нарушении границы на суше и на море (пока что отсутствующей), шли раздел сфер влияния на Ладожском, а то и Онежском озерах³²⁶, переговоры об обустройстве лоцманской службы и маяков и т. д.

Мурманск продолжал оставаться предметом сложнейших дипломатических маневров и военных приготовлений в рамках различных вариантов в течение еще полугода. Большевики, не желая идти на территориальные уступки любому правительству Финляндии, кроме СНУ во главе с Маннером, отказались от своих обязательств по договору от 1 марта. Окрыленное победой в гражданской войне и надеявшееся на дальнейшее военное содействие Германии правительство белых, вернувшееся из Вазы в Хельсинки, в начале мая требовало не только Печенги, но и Карелии и Колы. Уже с момента высадки германской Балтийской дивизии

³²⁴ Та же проблема возникала и относительно судов в черноморских портах. Германская сторона пыталась исходить из принципа принадлежности судов частным владельцам той или иной национальности, что было совершенно неприемлемо для большевиков и открывало возможности широких спекуляций на тему подданства бывших граждан единой империи. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 132; Д. 151. Л. 58–63; Д. 645. Л. 18.

³²⁵ Так, например, в Петрограде действовал финляндский полковник Хельсингус, вербовавший финнов и шведов в армию нового государства. Прикрытие для поставок оружия и отправки добровольцев осуществлял консул Финляндии Грёнроос. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 54. Л. 10; *Невалайнен П.* Исход. Финская эмиграция из России. С. 101–104.

³²⁶ При военном невмешательстве немцы охотно оказывали техническую помощь: в укреплении острова Валаам, прокладке кабеля, починке судов, а также передавали устаревшие аэропланы, не подлежащие эвакуации бронепоезда, орудия и т. д. В июле 1918 г. пошли даже слухи о том, что на Ладожском озере крейсирует под финским флагом германская подлодка. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 442; Р-342. Оп. 1. Д. 200. Л. 1, 19.

на Аландах, предчувствуя возможность финляндского наступления, в Москве соглашались на то, чтобы мурманские местные власти приняли помощь от англичан, подробно инструктируя председателя совета Юрьева³²⁷. Это, в свою очередь, могло лишь подстегнуть германскую тревогу из-за нового плацдарма Антанты на Крайнем Севере. Людендорф поначалу не выказывал должного интереса к операции финнов против Печенги, однако с 19 мая стал все чаще обращать внимание на необходимость решения проблемы выхода к Баренцеву морю, и не только в Печенге, но и в Кольской бухте³²⁸. На это его толкало и то, что живую заинтересованность в овладении мурманским побережьем — видя в нем проход в Мировой океан — сразу же высказал флот, тем более что ему не давали закрепить за собой Аландские острова³²⁹. Британцы же, не дождавшись по-настоящему активных действий Москвы против их высадки на Русском Севере, все более убеждались (и не без помощи Троцкого), что им предоставлена возможность косвенно поддерживать будущее восстановление Восточного фронта. Именно поэтому в начале апреля они дали понять через представителей в Стокгольме, что попытка захвата Финляндией Карелии повлечет за собой объявление ей войны, повторив это не раз, что было вполне учтено³³⁰. Завершение гражданской войны в Финляндии и явный триумф прогерманской ориентации поставили вопрос о будущем Мурманска еще более остро.

В разворачивающейся вокруг Карелии и выхода к Баренцеву морю «драме на четверых» все стороны использовали любые не прямые меры, чтобы не допустить несвоевременной эскалации, но и не уступали друг другу ни на йоту. К концу мая Советская Россия после жесткого германского ультиматума (в связи с фортом

³²⁷ Весьма неудобные для советской версии о борьбе с империалистами инструкции Ленина и Сталина по контактам с Антантой (26 марта и 9–10 апреля) смогли опубликовать только после распада СССР. См.: В. И. Ленин. Известные документы 1891–1922. С. 230–236; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 228–231.

³²⁸ См.: *Groß G. P.* Die Seekriegsführung. S. 164–166.

³²⁹ См. напр. совещание в ОХЛ 14 мая 1918 г.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg*. Bd. 1. S. 449–451.

³³⁰ См.: *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 75–84.

Ино) вынуждена была выбирать: изгонять ли англичан из Мурманска или вместе с ними отбиваться в полосе железной дороги от германо-финских войск. Первый вариант казался более безопасным, однако местные силы РККА не могли рассчитывать на быстрый успех в боях против англичан и их союзников на Мурмане. Большевикам не раз предлагали прямую военную помощь атташе германского посольства в Москве³³¹, но они не намерены были давать финляндским войскам возможность оккупировать территорию вдоль важнейшей и недавно достроенной Мурманской магистрали. В свою очередь в АА подозревали (и не без оснований) финляндцев в стремлении к широким аннексиям, а потому намерены были еще до совместных военных действий решить все территориальные вопросы с Советской Россией от имени сейма, но без его участия³³². Это совпадало с интересами все хуже подчинявшегося Совнаркому тамошнего Совета, причем полного разрыва с ним в Москве долго избегали. В НКВД опасались и прямого игнорирования интересов Советов германскими войсками в случае начала масштабной и открытой совместной операции против Антанты на Севере России. Оптимальным вариантом для Москвы было бы неучастие германских войск в наступлении финнов, а еще более предпочтительным — прямой военный конфликт между Антантой и Финляндией на Мурмане, но без активного вовлечения в него большевиков. К концу июня постепенное наращивание сил Антанты на севере уже не просто перестало устраивать, а стало категорически невыгодно Москве, испытывавшей все более серьезное давление со стороны Германии, а также усомнившейся в готовности Антанты помогать Совнаркому, а не свергать его. 26–27 июня Ленин категорически потребовал от Мурманского совета и от Архангельского губернского совета избавиться от присутствия Антанты, грозя расстрелом за измену³³³, на что 30 июня

³³¹ По крайней мере, по слухам, см.: *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. С. 309.

³³² См. подр.: *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 86–90.

³³³ Съезд рыбопромышленников сообщил в Москву, что если она не поможет в охране промыслов и пароходства, то через 7 дней он обратится за помощью к англо-французам. Ленин тут же ответил яростной телеграммой. См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. С. 240–241.

был дан столь же категорический отказ. В разговоре между Мурманском и Москвой обе стороны друг друга называли марионетками иностранных вооруженных сил³³⁴. Вскоре последовали и другие признаки сворачивания контактов большевиков с Антантой³³⁵, лавирование Москвы становилось все менее тонким, а иллюзия «интервенции по соглашению» неуклонно развеивалась, хотя полный ее крах последовал несколько позже. В ближайшее время последовала декларация Мурманского края об отделении от Советской России и соответствующее соглашение его властей с «союзниками»³³⁶.

Германия намерена была снять угрозу для своего сателлита Финляндии и так или иначе стабилизировать обстановку в северных морях, подозревая Советскую Россию в тайном сговоре с Антантой и выставляя ультиматумы, в том числе мурманским властям³³⁷. Финляндия стремилась к быстрой аннексии максимальной территории к востоку от нее, пользуясь бессилием советского правительства и его противников по гражданской войне, однако пока не имела средств сделать это без одобрения германской военной миссии и без участия германских войск. Готовности открыто вступить в противостояние с Антантой даже при масштабной поддержке Германии в Финляндии также не демонстрировали, особенно после демонстративной отставки Маннергейма, отправившегося осенью в турне по западным странам³³⁸, что

³³⁴ То есть Троцкому было сказано, что у него «за спиной стоят германские генералы». См.: *Курасов Н. Д.* К третьей годовщине освобождения Мурманского края // *Гражданская война на Мурмане*. С. 164.

³³⁵ Включая сворачивание проектов экономических связей, см.: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. С. 68–73, 85–88.

³³⁶ См. текст соглашения местных властей с Антантой: *Веселаго Г. М.* Документальная справка. С. 126–128.

³³⁷ 8 июня Германия потребовала эвакуации или интернирования всех военнослужащих Антанты в городе и крае, делая это условием будущей свободы мореплавания в Баренцевом море, где 17 мая германская подлодка атаковала русское судно. Ответом были высадка 1500 англичан и усиленные поставки оружия, их количество слухи тут же преувеличили до 35 тысяч. *Веселаго Г. М.* Документальная справка. С. 115–116.

³³⁸ Это вызвало некоторое беспокойство Германии, но Маннергейм сумел уклониться от резкого недовольства кайзеровского АА и дотянуть

в Финляндии очевидно полагали запасным вариантом на случай перемен в ходе Великой войны. Риск открытого военного вмешательства в противостояние между великими державами правительство в Хельсинки принимало на себя только в случае далеко идущих гарантий территориальных уступок в Карелии и на Кольском полуострове, что было почти несовместимо с необходимостью сохранения Брестской системы. Германия не имела ресурсов для быстрого наращивания своего контингента в Финляндии, предпочитая свести свою миссию к укреплению финляндской армии и не обладая логистическими возможностями для развития операций против Антанты в Мурманске, особенно без содействия большевиков. Следовало особо учитывать и крайне негативную реакцию Швеции (да и других скандинавских стран) на любую эскалацию конфликта между Финляндией и Антантой, да и даже между Финляндией и Советской Россией.

Сокрушительный разгром красных в Финляндии приравнивался к победе над иноземными захватчиками, то есть — вопреки очевидному братоубийственному характеру конфликта — считался доказательством безусловного превосходства над РККА. С середины мая 1918 г. финляндские военные демонстрировали готовность к военному конфликту с Советской Россией чуть ли не собственными силами, если возникнет такая необходимость и при условии дальнейшей экспансии. По сравнению с прочими лимитрофами Финляндия к маю 1918 г. действительно обладала сравнительно боеспособной и относительно многочисленной армией, едва ли не превосходившей украинскую (и это при в 10 раз меньшем населении!), а по боеспособности сравнимой с казачьими частями на юге России. Казалось бы, это только на руку гегемону Брестской системы и позволяет ему снять с себя изрядную долю ответственности за сдерживание большевизма на северном участке. Однако в этом же местном военном потенциале — как и на Украине — заключалась и угроза. Перспективы открытого конфликта с большевиками были далеко не однозначными. Начнись он в ближайшие

до финала Великой войны без разоблачений и скандалов. См. подр.: *Huldén A. Finnlands deutsches Königsabenteuer. Reinbek, 1997. S. 166-172, 223-224, 234-237.*

полгода, неокрепшая и недостаточно обученная армия Суоми, а тем более далеко уступающий Балтийскому ее флот могли рассчитывать лишь на первоначальные успехи. Любой конфликт под антироссийскими лозунгами тут же спровоцировал бы возобновление гражданской войны в самой Финляндии и ухудшение и без того тяжелой гуманитарной и демографической обстановки. Все это диктовало необходимость активного использования германской военной помощи в течение по меньшей мере полугода, что прекрасно понимали и в штабе Балтийской дивизии. По истечении этого срока амбиции и своеволие финляндских генералов и политиков должны были возрасти, а потому следовало ожидать более активных требований относительно Восточной Карелии (и не только), а также неизбежных стычек с покровителями, когда последние вновь покажут, что им совершенно невыгодна еще одна война Финляндии с большевиками на фоне антантовских десантов на Русском Севере. Желание контролировать развитие Брестской системы на самом северном участке диктовало Германии не только всемерное содействие развитию армии и флота Финляндии, но и обязывало сохранить возможность резко вмешаться в нежелательную активность нового союзника, заставив его отказаться от слишком несвоевременных проектов под угрозой конфликта с «прибывшими на помощь» интервентами. Данная логика действий вновь чрезвычайно напоминает положение гетманского правительства, а потому подталкивает и к куда более явной аналогии между положением Украины и Финляндии, оккупация первой из которых вроде бы очевидна³³⁹, а второй — упорно не признается.

Как и в других регионах Брестской системы, германская политика на Востоке была отмечена определенной противоречивостью и достаточно явными разногласиями между эмиссарами на местах и центральными ведомствами³⁴⁰. Чрезвычайно сдержанно относившийся к финляндской экспансии АА нередко был вынужден корректировать действия своего посланника в Хельсинки

³³⁹ В рамках текущей политической конъюнктуры в национальной историографии могут и полностью отказаться от признания этого факта, вернувшись — уже на «научном» уровне — к поддержанию фикции «привлечения союзных войск» на территории Украины.

³⁴⁰ См.: *Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. S. 104–105ff.*

Брюка, не всегда успевавшего подстраиваться под непоследовательную линию Берлина. Р. фон дер Гольц, хотя и изображал всего лишь неукоснительное выполнение поступающих из ОХЛ указаний, в действительности обладал полномочиями, далеко выходящими за рамки военной вертикали, даже официально называясь «политическим генералом в Финляндии». Он, с одной стороны, руководствовался как всегда резкими заявлениями Людендорфа, а с другой нередко выказывал куда большую готовность к прямому военному взаимодействию с подшефными ему вооруженными силами Финляндии, нежели это было действительно важно и своевременно для ОХЛ. Некоторое единство сохранялось лишь в вопросе об установлении в Финляндии конституционной монархии с германским династом на троне и в общем курсе на устранение РККФ как значимого фактора на Балтике, особенно после решения данной проблемы на Черном море к концу июня 1918 г.

Судьба ушедшего в Кронштадт Балтийского флота еще весной 1918 г. обсуждалась в советском Морском Генштабе в самых пессимистических тонах, ведь логика противостояния требовала от Германии захвата судов, с их частичной передачей Финляндии, как это удалось сделать с незначительными трофеями, оставшимися после Ледового похода. Для большевиков же, рассчитывавших даже в случае потери «колыбели революции» на скорое возвращение Петрограда в результате контрудара и масштабных мятежей в тылу оккупационных войск, возможное оставление флота немцам (даже временное, ведь из Кронштадта дальше отступать было некуда) было неприемлемо. Поэтому уже в апреле пошли один за другим рапорты с проектами затопления Балтфлота, минирования и заграждения корпусами до 40 судов устья Невы, а в мае — о взрыве укреплений Кронштадта, возможной эвакуации вглубь страны или по меньшей мере в Ладожское озеро как кораблей на плаву, так и строящихся судов и т. п.³⁴¹ В мае

³⁴¹ Уже в июне 1918 г. был готов конкретный проект блокирования многочисленных водных путей в Петрограде затопленными судами, причем так, чтобы их можно было впоследствии быстро поднять и отремонтировать. К середине августа 1918 г. оперативная директива № 1 была готова к раздаче на суда, в том числе и на строящиеся на петроградских верфях. В сентябре работы по подготовке эвакуации продолжались,

же было выяснено, что эсминцы невозможно ввести в Неву из-за разрухи в порту Петрограда, отсутствия буксиров, топлива и пр. Все чаще давала себя знать слабость большевистской организации в городе, резко сократившейся из-за командировок и в разгар катастрофической депопуляции³⁴², а потому неспособной помочь в реализации запланированного. Это привело к резонному отказу от планировавшейся эвакуации командных инстанций (некоторых частей Генмора), ведь в случае гибели флота руководить в глубине страны им будет нечем³⁴³. Зачастую это было вызвано поспешной раздачей имущества флота «для нужд народного хозяйства». Вскоре выход из затруднительной ситуации был найден в виде поиска виновного, которым с подачи Троцкого «назначили» фактического спасителя Балтфлота наморси Щастного³⁴⁴. Арест каперанга 27 мая успел отразиться не только на Балтийском, но и на Черноморском флоте, предопределив позицию и оказавшегося едва ли не в симметричной ситуации другого спасителя эскадры для Советской России — Саблина. Тут же в Минной дивизии, вообще настроенной не слишком большевистски, начались беспорядки, быстро подавленные делегацией революционных матросов из Кронштадта³⁴⁵. На смену расстрелянному 22 июня Щастному быстро пришел Зарубаев. Осенью 1918 г. против флотских офицеров прокатилась еще одна волна репрессий, связанная с «делом Генмора»³⁴⁶, раскрытием чекистами связей ряда специалистов штаба с английской разведкой.

насколько позволяли обстоятельства и дефицит топлива. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 114. Л. 201, Д. 122; Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 135. Л. 10–32.

³⁴² См.: Петербургский комитет РКП(б) в 1918 г. С. 27–30.

³⁴³ См.: РГА ВМФ. Р-342. Оп. 1. Д. 149. Л. 9–11; Д. 116. Л. 168.

³⁴⁴ Дискуссии о виновности Щастного в замысле установления «морской диктатуры», несмотря на его реабилитацию в 1995 г., и о факторах его ареста и предполагаемого мятежа продолжают. См.: Дело командующего Балтийского флота А. М. Щастного / под ред. В. Н. Буробина. М., 2013; Назаренко К. Б. Алексей Михайлович Щастный // ВИ. 2018. № 12. С. 23–41.

³⁴⁵ См., напр.: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 7. Л. 108.

³⁴⁶ Дополнительным импульсом к возможным контактам ряда офицеров Генмора, имевших секретные сведения, могла быть и последовавшая 29 июня 1918 г. ликвидация разведки этой инстанции.

После отъезда в начале августа германской миссии из Москвы предлагаемые на случай боев за Петроград меры стали постепенно готовить к реализации³⁴⁷. Командованию Балтфлотом из Москвы сообщали 9 августа, что «положение становится угрожающим», командование всеми вооруженными силами в Петрограде было поручено Свердлову³⁴⁸. К Ленину стали все настойчивее и успешнее обращаться эmissары Антанты, предлагая свои услуги в деле будущего сопротивления германскому вторжению. Франция выражала готовность и официально принять Россию в ряды Антанты обратно. Кроме того, можно было со всей уверенностью рассчитывать на быстрое и по возможности максимально мощное вмешательство Великобритании, ни в коем случае не допустившей бы резкого изменения баланса сил на Балтике, а тем более полного контроля над нею германского флота. Ведь следствием этого стала бы концентрация сил немцев в Северном море и перспектива еще одного Ютландского сражения со столь же неясными условиями и результатами, что и два года назад. Тем не менее, обольщаться спасением Антантой красного Петрограда не приходилось: у англичан при всем желании не было бы ни времени, ни условий для масштабной операции флота и сухопутных сил в восточной Балтике. Никаких шансов на оборону Петрограда с участием войск, имевшихся в Мурманске и Архангельске, так же не было — не позволяли огромные пространства и едва функционирующая инфраструктура — безальтернативная и местами однопутная и аварийная Мурманская магистраль³⁴⁹. После захвата Архангельска проантантовскими силами в качестве необходимого шага навстречу готовой (как казалось) к разрыву Германии именно в эти дни были проведены аресты французских офицеров в Москве,

³⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 68. Л. 36; РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 124. Л. 3 и далее.

³⁴⁸ См.: Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 628. Л. 58–60.

³⁴⁹ См. профессиональную оценку ее состояния вице-адмиралом К. Ф. Кетлинским к концу октября 1917 г.: Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев / Сб. док-тов под ред. А. А. Киселева. Мурманск, 2006. С. 21–27; *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога. СПб., 2011. С. 199–223.

включая сотрудничавшего с большевиками капитана Ж. Садуля³⁵⁰, что убеждает в демонстративности этих мер.

На основании нот Финляндии от 30 апреля и от 27 июля об отказе от захвата не принадлежавших ей территорий на Русском Севере в обмен на возможное ее признание и о выводе войск из Печенги, которую в начале мая она не сумела захватить³⁵¹, Великобритания и Франция посчитали, что германский диктат возобладал над самостоятельностью финнов. Антанта начала подготовку к открытому выступлению против правительства в Хельсинки, избежать которого удалось лишь при посредничестве Швеции³⁵². Решительности действиям держав Согласия придадо и то, что Советская Россия, подчеркивая свою лояльность антиантантовскому курсу, выслала в Кандалакшу дипломатический корпус бывших союзников, куда он прибыл 30 июля. Учитывая боевые действия в полосе Мурманской магистрали, большевики легко могли добиться эскалации конфликта до полномасштабного. К этому их толкала уверенность в том, что у союзников в разгар тяжелейшего противостояния на Западном фронте попросту не хватает сил, что было отчасти так, однако они недооценили решимость стран Согласия проводить периферийную стратегию на всех театрах военных действий. Поэтому долгие дебаты в Лондоне и в различных антантовских миссиях³⁵³ завершились постепенным наращиванием группировки, предназначенной для Русского Севера, в том числе за счет канадцев³⁵⁴. Грозные предчувствия активизировали лавирование кабинета Свинхувуда, с трудом нормализовавшего отношения с негласным лидером проантантовских сил Маннергеймом, о чем Германии было прекрасно известно. Однако никакого разрыва с образованием еще одного фронта для германских войск на Востоке в германских ведомствах и в мыслях не имели, поэтому закрывали на это глаза. На Вильгельмштрассе и в ОХЛ

³⁵⁰ См.: Садуль Ж. Записки о большевистской революции. С. 357–369.

³⁵¹ См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 3. Д. 4.

³⁵² См.: Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 38–40.

³⁵³ См. подр.: Kettle M. The road to intervention: March — November 1918. L., N. Y., 1988.

³⁵⁴ См.: Moffat I. C. D. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920. P. 102–107.

подозревали о возможности сговора финнов с Антантой, а потому стали щедрее в предложениях территориальных приобретений, а также согласились на прямое участие германских войск в наступлении против Мурманска.

К августу 1918 г. медленно, но верно одной из узловых проблем сохранения порядка, продиктованного в Бресте, становилась Финляндия. Наряду с Украиной³⁵⁵ (причем аналогия их положения осознавалась и самими лимитрофами)³⁵⁶ она становилась союзником, чрезмерно активная поддержка амбиций которого (особенно территориальных) могла обойтись утратой главного контрагента в системе. Это было недопустимо ни в коем случае, ведь при П. фон Хинтце (то есть с середины июля) в АА возобладало мнение, что альтернативы большевикам в России для Брестской системы все же нет. Германия вновь столкнулась с проблемой стабилизации системы с неустоявшейся иерархией элементов, да еще и враждебных друг другу. Пространство маневра сужало априорное убеждение, что устойчивость и баланс системы могут быть обеспечены только усилиями главных акторов, но никак не согласованными действиями элементов младших порядков, а последний вариант представлялся крайне маловероятным. Было очевидно, что целый ряд новых элементов в системе совершенно не заинтересован в фиксации текущего своего положения в рамках общего порядка, а потому будет подрывать любые меры по дальнейшему оформлению границ, обязательств и экономических контактов.

³⁵⁵ Уже 6 марта Людендорф из Ставки просил иностранное ведомство с особой осторожностью действовать на Украине и в Финляндии, то есть не упоминать о намерении оставаться там на постоянной основе, чтобы не утратить доверия местного населения. См.: *Der Friede von Brest-Litowsk*. S. 685–686.

³⁵⁶ См. мемуары первого посланника Финляндии на Украине Г. Гуммеруса, сыгравшего значительную роль в деятельности Лиги инородцев России и в становлении германо-финляндских официальных отношений еще с 1914 г.: *Гуммерус Г. Україна в переломні часи* / Пер. з фін. Київ, 1997; *Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Rußlands 1916–1918*. Helsinki, 1978. S. 243ff. Специальные компаративные исследования проводятся и сейчас, см., напр.: *Sološenko V. Souveränisierung der Völker Russlands und zwischenstaatliche Beziehungen zwischen der Ukrainischen Volksrepublik und Finnland // Loyalität, Legitimität und Legalität*. S. 86–94.

В начале августа стало явственно ощущаться нарастание объема прямых военных усилий Антанты на периферийных фронтах, в том числе на территории бывшей Российской империи. Сомнительно, чтобы англичане и французы уже начали использовать (за тысячи километров от Шампани) плоды своего успешного контрнаступления под Виллер-Коттре 18 июля; эффект от этого сказался несколько позже. Принявшая в те дни уже мировой масштаб флуктуация событий на различных фронтах Великой войны затрудняла сколько-нибудь корректные и адекватные действия в рамках общего баланса, а политика обеих воюющих коалиций на некоторое время развалилась на параллельные и некоординируемые усилия в различных регионах. Однако по времени активизация действий Антанты на Русском Севере и на Дальнем Востоке, а также в Баку стала грозным предвестием (внешне) резкого поворота в общем ходе кампании 1918 г., последовавшего (согласно восходящему к Э. Людендорфу традиционному представлению о «черном дне германской армии») 8 августа 1918 г. После оживления действий британцев и их союзников под Кемью в конце июля, а затем под Онегой, 2–3 августа 1918 г. по итогам удачного мятежа во главе с флотским офицером Чаплиным, поддерживаемого средствами и обещаниями союзников³⁵⁷, войска Антанты заняли Архангельск. Туда вскоре въехали и ее дипломаты, покинувшие Вологду еще за 10 дней до этого. Смирившийся было с их выездом за рубеж через Белое море Ленин предвидел возможность их задержки до перехода под защиту нового десанта, однако предотвратить такой вариант не сумел³⁵⁸.

Поначалу намерения Антанты на Севере и в Москве, и в Берлине сильно переоценивали, ожидая более масштабного десанта. Известия о формировании полноценного антибольшевистского фронта и о наступлении на Вологду резко изменили позицию Германии на переговорах о Добавочном договоре, где она до этого настаивала на устранении десантов держав Согласия из Мурманска силами самих большевиков, а Иоффе указывал на строгое соблюдение

³⁵⁷ См.: Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере // Белое Дело. Ч. 4. С. 16–22.

³⁵⁸ См. его телеграмму Кедрову от 25 июля, чтобы немедленно готовил пароход для отправки миссий Антанты из Архангельска: В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. С. 243–244.

нейтралитета в Великой войне³⁵⁹. Теперь же стало очевидно, что не только Мурманск и не столько из-за продолжающихся конфликтов с Финляндией из-за Карелии, но и Архангельск, связанный с Москвой куда более развитой магистралью, сами большевики отбить у Антанты не смогут. Последствия же и масштабы десанта были не ясны, но можно было предполагать самые неблагоприятные для Советской России последствия. В свою очередь, и Германия, и Финляндия должны были после этого совершенно иначе оценивать необходимые для ликвидации антантовского плацдарма силы, что и инициировало подготовку к операции «Шлюсштайн».

Архангельск — забитый военными грузами порт³⁶⁰ — куда более, чем иные северные гавани, подходил для организации антибольшевистского фронта за счет местных ресурсов и без дополнительных расходов при условии необходимого количества добровольцев³⁶¹. С учетом успехов чехословаков на Волге, а также в связи с переходом Антанты в общее наступление на Западном фронте актуальность действительно масштабных усилий по образованию фронта на Севере России против немцев и/или большевиков с середины августа серьезно померкла. 5–6 сентября тот же Чаплин арестовал излишних для военной диктатуры политических деятелей на Севере, но Антанта не допустила аналогичных германским (на Украине) ошибок. Вскоре видимость антибольшевистской демократии была восстановлена, но централизация при номинальном главенстве социалиста Чайковского все же состоялась. Накапливавшиеся годами проблемы военных поставок Антанты России, как правило оплаченных и осуществленных или далеко продвинувшихся на стадии реализации³⁶², теперь стали источником важнейшей стратегической опции антигерманской коалиции, представляя по меньшей мере часть необходимой для восстановления

³⁵⁹ См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 3. S. 289.*

³⁶⁰ См. подр.: *Бодров А. В. Доставка военных грузов через порты Севера России // Порох, золото и сталь. С. 431–477, 518–520, 524.*

³⁶¹ Подр. о специфике обстановки в Архангельске см.: *Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: попытки реформ. Революции. Международная интервенция, 1900 — лето 1918 г. Архангельск, 2018.*

³⁶² См. подр.: *Бодров А. В. Проблемы доставки из-за границы военных грузов для русской армии // Порох, золото и сталь. С. 393–430.*

Восточного фронта материальной базы. Отчаянные усилия большевиков по вывозу из зоны досягаемости интервентов военного имущества имели определенный успех, однако были осуществлены далеко не в полном объеме. На действиях англичан на Севере лежал отчетливый отпечаток операции спецслужб по достижению максимальной дестабилизации минимальными средствами³⁶³. Поэтому они противились, например, вывозу польских солдат к Халлеру во Францию, намереваясь превратить польские части на Севере России в полный аналог Чехословацкого корпуса в Поволжье: сделать ударной силой создаваемого антибольшевистского фронта. Перспективы этого были заметны еще в ходе эсеровского мятежа в Ярославле, однако вскоре ВЧК приняла жесткие меры³⁶⁴. Большевики в ответ начали срочно формировать Северный фронт, усиливая его за счет Западной завесы и тыловых частей³⁶⁵, что было только на руку Германии и ее сателлитам. На Севере России проводили суровые расправы Геккер и Кедров.

Последовавшие почти одновременно аналогичные акции Антанты во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре только усиливали ощущение, что наряду с кульминацией схватки на Западном фронте приближается и попытка ликвидировать Брестскую систему, причем едва ли не с обеих претендующих на мировое господство сторон одновременно — и с германской, и с антантовской. Ленин, стремясь использовать в своих целях союз с Германией, в начале августа попытался добиться прямого содействия кайзеровских войск, запросив 1 августа военной поддержки против антантовских десантов, что было тут же использовано в ОХЛ как предпосылка для быстрого развертывания операции против Мурманска и Петрограда³⁶⁶. По-видимому, в те же дни обсуждал

³⁶³ Проводят и небезынтересную аналогию с действиями полковника Лоуренса. См. подр.: Иванов А. А. Теория малых войн и деятельность британских спецслужб на Русском Севере в 1918 году // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 308–321.

³⁶⁴ См. отчет эmissара-чекиста Шиманского по деятельности в Ярославле и Вологде: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 443–445.

³⁶⁵ См.: Директивы командования. Т. 1. С. 225–243.

³⁶⁶ См.: Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 169–170.

возможное сотрудничество с германскими офицерами и Троцкий³⁶⁷. Чичерин, выполняя эту же установку, в первые дни августа обсуждал с Гельферихом не только опасное положение Вологды и Петрозаводска, намекая на неуместность вывода германского посольства из Москвы и будущую совместную акцию на севере, но и настаивал на «активном вмешательстве против Алексеева, и никакой более поддержки Краснову»³⁶⁸. Гельферих считал такие проекты следствием отчаянного положения большевиков, сильно недооценивая гибкость и авантюризм внешнеполитического курса Ленина. Иоффе, прилагавший в Берлине огромные усилия для придания большевикам имиджа вполне способного самостоятельно подавить мятежи правительства, был возмущен. Он полагал, что такой военный «союз» низводит Советскую Россию до положения Украинской державы, почти открыто отказываясь реализовывать данные ему из Москвы указания³⁶⁹. Пытаясь убедить Кайзеррейх в полном разрыве с Антантой, а потому в выгоде любой поддержки Совнаркома, а не свержения его, в начале августа 1918 г. лидеры большевиков стали заявлять об уже начавшейся войне с «англо-французским капиталом». Однако для укрепления большевистско-германского альянса, да еще вопреки отчаянным усилиям Гельфериха по переформатированию Ostpolitik, этого явно не хватило.

Длительные консультации между Людендорфом и Адмиралштабом привели к тому, что флот все же согласился оказать масштабное содействие в операции против Петрограда, не ограничиваясь захватом Кронштадта³⁷⁰. 7 августа 1918 г. ОХЛ отдал основополагающее распоряжение о подготовке операции «Шлюсштайн»³⁷¹. Авторами названия стали корветтен-капитан и офицер

³⁶⁷ Впрочем, мемуары Троцкого не слишком надежный источник, как и многие его исторические работы, а также многие биографии.

³⁶⁸ См.: *Helfferrich K. Der Weltkrieg*. Bd. 3. S. 467.

³⁶⁹ См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik*. Teil 3. S. 300–301.

³⁷⁰ См.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung*. S. 167–168.

³⁷¹ До сих пор основой историографии являются: *Baumgart W. Unternehmen "Schlußstein": zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges*. B., 1970; *Herwig H. H. German Policy in the Eastern Baltic Sea in 1918: Expansion or Anti-Bolshevik Crusade?* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. № 2. P. 339–357;

Адмиралштаба в Либаве Р. Фирле³⁷² и начальник этого ведомства Х. фон Хольцендорф, тут же определившие и требуемые для этого силы флота³⁷³. Учитывая уникальный для Первой мировой войны и в целом весьма успешный опыт совместных операций германских армии и флота на Балтике (Моонзунд и Финляндия), и теперь готовились со всей основательностью³⁷⁴. «Шлюссштайн» должен был стать куда масштабнее предшествующих германских действий подобного рода. Совещания шли постоянно, быстро началось и организационное оформление нужных структур. При Обер Осте в начале августа ввели должность особого офицера связи из Адмиралштаба, осуществлявшего координацию информационных потоков, хотя и лишь в течение около месяца³⁷⁵.

8 августа Р. фон дер Гольц получил приказ о подготовке к переброске части его сил к Мурманской железной дороге, на севере Финляндии формировались смешанные германо-финские отряды, им придавалась артиллерия³⁷⁶. В тот же день в штаб располагавше-

---

Чистиков А. Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюссштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132–151.

³⁷² Этот офицер, один из лучших в своей крайне немногочисленной касте «адмиралштабистов», был переведен в Либаву еще в августе 1916 г., до этого отличившись на Черном море и в Дарданеллах. Он занял исключительное положение в высших флотских штабах на Востоке. Впоследствии именно Фирле стал автором истории войны на Балтике версии Маринезархива. См. подр. его дневник, где отсутствует период за февраль–июль 1918 г.: BA-MA. N 155/21.

³⁷³ 5 августа в штаб Флота Открытого моря уже сообщили, что для операции против Мурманска необходим твердый контроль над Петроградом и Кронштадтом, соответствующая операция начнется не ранее 20 августа. Это сразу же породило дискуссию о необходимости выделения крупных сил, продолжавшуюся вплоть до внезапного отказа от операции. См.: Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 2. S. 317–318.

³⁷⁴ См. подр. детальную информацию по готовившейся операции: BA-MA. RM 42/63.

³⁷⁵ См. подр. далеко не полностью разработанные фонды: BA-MA. RM 3–4442; RM 42/1, 42/63; 42/64; 42/65.

³⁷⁶ См.: Das Ehrenbuch der Deutschen Feldartillerie. S. 556.

гося под Нарвой 407-го резервного полка пришло секретное известие из 205-й пд, что в кратчайшие сроки ожидается наступление за р. Луга, с взятием в рамках операции «Фесттаг» Ямбурга³⁷⁷. Советская разведка фиксировала оживление интервентов, концентрацию войск. На Нарову стали прибывать дополнительные силы из Ревеля³⁷⁸. В германских частях стали срочно отзывать отпускников, более интенсивными теперь были и учения. По меньшей мере дивизион артиллерии (3-й из 8-го арtpолка) был выдвинут на позиции к востоку от Нарвы.

Истинное направление главной операции, да и противник в ходе возможных боевых действий могли быть изменены в зависимости от обстановки³⁷⁹, а потому немцы выступили с инициативой о предоставлении германским войскам права проезда через Петроград, что могло стать основным этапом во внезапном захвате города. Параллельно для прикрытия продолжались инициированные членом ВСНХ Л. Б. Красиным и Иоффе переговоры о поставке германского угля для отопления Петрограда, за которые германский Генштаб намерен был получить дефицитное сырье (медь, каучук, асбест, алюминий, никель и т. д.)³⁸⁰. Более того, Хинтце 20 сентября даже убеждал ОХЛ, что 100 тысяч тонн угля смогут спасти большевистское правительство, в то время как на интересах германской военной промышленности такое количество топлива не скажется³⁸¹.

³⁷⁷ Планировалось участие и других родов войск. См.: *Richter K. Im Kampf ums Baltikum: Geschichte des Infanterie-Regiments Nr. 407 (Ersatz-Infanterie-Regiment Magdeburg)*. Zeulenroda, 1939. S. 85; *Sommerbrodt H. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 8*. S. 277–278.

³⁷⁸ Например, вернувшийся из Финляндии в начале июня самокатный батальон из бывшего отряда Бранденштейна. 8 августа он был отправлен в Нарву. См.: *Schenck zu Schweinsberg H. Frh. Das Jäger-Bataillon Nr. 14*. S. 284.

³⁷⁹ В советской историографии с возмущением писали о том, что Германия вела двойную игру и с Финляндией, и с Советской Россией, но тут же признавали, что Ленин стремился лавировать между двумя лагерями империалистических держав, что является замечательным примером двойных стандартов. См.: *Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия*. С. 43–44, 46.

³⁸⁰ См. подр.: *Соломон Г. А. Среди красных вождей*. С. 70–73.

³⁸¹ См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär*. S. 612.

Подготовка «Шлюсштайна» еще раз показала, что и на море Восточный фронт не только существует, но и продолжает требовать изрядных и все более дефицитных ресурсов (например, топлива). Операция против Петрограда мыслилась как расширенная версия Моонзундской и десантной в Финляндии, а потому в ней необходимо было и содействие крупных сил германского флота, особенно в будущих боях с находящимся в Кронштадте Балтфлотом³⁸². Для этого предусматривалось участие 3 дредноутов («Остфрисланд», «Тюринген», «Нассау»), 4 легких крейсеров, 5-й флотилии миноносцев, авиаматки «Ансвальд» под командованием вице-адмирала Бёдикера. 16 августа штаб особой эскадры отправился на крейсере «Штральзунд» из Киля в Либаву, где на борт поднялся Бёдiker. Для маскировки истинных намерений планировалось продемонстрировать уход части германских судов из Гельсингфорса в Либаву, где продолжалось сосредоточение сил флота. Адмиралштаб был недоволен тем, что операцией в целом будет руководить Обер Ост, который с 11 августа провел серию совещаний в Ковно и Дерпте.

12 августа началась подготовка к переходу в Ревель и Гельсингфорс, приступили к работе тральщики. Советская разведка заметила оживление на крупных станциях в Прибалтике и даже якобы прибытие новых частей уже 14 августа. Вскоре констатировали и попытки траления мин на подходах к Петрограду³⁸³. 20 августа якобы для координации работ по тралению, а в действительности для прикрытия скорой атаки германские крейсера прибыли в Гельсингфорс. В ночь с 19 на 20 августа мощный взрыв произошел на важнейшем форте Красная Горка, что вызвало небезосновательные подозрения в халатности и диверсии³⁸⁴. Зона траления

³⁸² См. подп.: Baumgart W. Unternehmen "Schlußstein": zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. B., 1970. Характерно, что в Адмиралштабе были не уверены в том, будет ли Балтфлот вообще оказывать сопротивление. См.: Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 2. S. 319.

³⁸³ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 54. Л. 27-28. По этому поводу в Германии предполагали происки британской разведки, а также предательство в рядах офицеров ЗКЛ (Морского Верховного Главнокомандования). См.: Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 172, 489-490.

³⁸⁴ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 123. Л. 8-10.

в Финском заливе была 25 августа расширена вплоть до Кронштадта, что вызвало в Москве новую волну опасений внезапной германской атаки³⁸⁵. 30 августа — 1 сентября германские и финские суда активизировались у имевшего германские орудия и радиостанцию форта Ино, однако до решительных действий не дошло³⁸⁶.

Уже проявившееся поражение германской армии в кампании на Западном фронте стало медленно сказываться и на Финляндии. Небольшие подкрепления теперь стали перебрасывать во Францию, сокращая состав Балтийской дивизии³⁸⁷, что неуклонно снижало вероятность «Шлюсштайна». Формируемая финляндская армия не выказывала (в основной массе) желания вести масштабные боевые действия на российской территории, а без ее содействия сухопутных сил у Р. фон дер Гольца для попытки взять Петроград с севера было бы явно недостаточно. Постепенно осознавали неактуальность операции в германском флоте. 31 августа глава Адмиралштаба сообщил, что начала операции «Шлюсштайн» в скором времени не предвидится. 1 сентября Бёдикер получил приказ из ЗКЛ возвращаться в Северное море, передав командование 5 сентября Усслару³⁸⁸. Легкий крейсер «Штральзунд» уже был в Бьёрке (то есть совсем близко к Кронштадту), однако по мере сворачивания операции 9 сентября 1918 г. он был отозван в Вильгельмсхафен, где штаб особого соединения флота для «Шлюсштайна» сошел на берег. Хотя вскоре «Штральзунд» вернулся в воды Финского залива, приход основных сил особого отряда германских кораблей так и не состоялся. Бодрые заявления ЗКЛ о готовности атаковать Кронштадт, так как траление мин окончится в течение недели³⁸⁹, стали лишь фоном к инерционной отмене операции. 23 сентября дредноуты после очередного вмешательства Людендорфа и резкого

³⁸⁵ См.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 176–177.*

³⁸⁶ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 54. Л. 39.

³⁸⁷ Общая численность германских войск в финляндской историографии оценивается так: апрель — 13003 (9482 — боевой состав), июнь — 10926 (7906), сентябрь — 11373 (8242), октябрь — 8447 (5689). См.: *Hentilä M., Hentilä S. 1918 — das deutsche Finnland. S. 428.*

³⁸⁸ См.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 2. S. 322.*

³⁸⁹ См.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 4. S. 130.*

межведомственного конфликта³⁹⁰ были отозваны в Северное море, где вскоре стали готовиться к эвакуации баз во Фландрии. Это делало операцию против Петрограда и Кронштадта с находившимися там крупными силами Балтфлота весьма сомнительным предприятием. 24 сентября в ЗКЛ подвели итог всем лихорадочным приготовлениям к «Шлюсштайну», подчеркнув ответственность Ставки за его отмену³⁹¹.

После провала советско-финляндских переговоров 26 августа в РККА, имея в виду высадку Антанты в Архангельске в качестве повода, готовились к широкомасштабной войне с Финляндией, тщательно собирая сведения об обстановке на французском фронте³⁹², что могло гарантировать невмешательство Германии. В том числе поэтому 11 сентября был образован Северный фронт, прикрывавший Петроград, а вот от Западного фронта пока воздержались. Еще одним ресурсом для возобновления противостояния большевиков и финляндской армии оставались бежавшие в Россию сторонники правительства Маннера (до 10 тысяч человек)³⁹³, пытавшиеся свести счеты после волны расправ по итогам Гражданской войны. 29 августа 1918 г. в накаляющейся обстановке во округ Карелии в Москве была сформирована Коммунистическая партия Финляндии во главе с Ю. Сиролой и К. Маннером, а позднее О. Куусиненом. Центром деятельности КПФ стала северная столица, вполне заслуженно воспринимавшаяся как штаб подготовки будущей повторной революции в Финляндии. Финские коммунисты принимали все новых беженцев из Великого княжества, а также захватывали имущество любых финляндских миссий в России. Это заставило правительство Финляндии поручить защиту своих интересов в Петрограде германскому консульству (с 6 ноября 1918 г. эту миссию приняло на себя шведское представительство). Большевики также стремились найти применение идейным

³⁹⁰ Флот был очередной раз возмущен попытками Людендорфа расползаться даже в этой сфере. См.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung*, S. 170–173.

³⁹¹ См.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg*, Bd. 4, S. 163.

³⁹² В начале сентября 1918 г. этим занимались особенно активно, сопоставляя германские и французские сводки. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 54. Л. 46–47, 54–58, 68; Д. 667. и т. д.

³⁹³ См.: *Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия*. С. 267–290.

борцам за мировую революцию. Летом 1918 г. началось быстрое пополнение красными финнами 480-го стрелкового полка в Карелии, ведь альтернативой этому была высылка скопившихся в Петрограде беженцев в Костромскую губернию. Побег из лагерей бывших красногвардейцев позволяли надеяться на крупные формирования по образцу латышских стрелков, однако события пошли иначе. Часть финских красногвардейцев после переговоров с меньшевистским по составу Мурманским краевым советом, а затем и с англичанами, благодаря уговорам Г. Чаплина и О. Токоя вошла в союзный Антанте финский легион³⁹⁴, который формировался для противодействия наступлению финляндской, а тем более германской армии к магистрали. Затем к ним присоединились и переправленные на север из глубины России финские офицеры, а также добровольцы из уже добившейся полной независимости Финляндии³⁹⁵. Попытки большевиков добиться перехода этой части на сторону РККА почти полностью провалились³⁹⁶. Более того, значительная часть солдат легиона была репатрирована в Финляндию, где прошла болезненную процедуру фильтрации, после которой часть финнов бежала в Россию повторно³⁹⁷.

Таким образом, летом 1918 г. финны оказались в ситуации трехсторонней гражданской войны: союзная немцам Финляндия, красные финны в составе РККА и финский легион, ориентирующийся на англичан и меньшевистские правительства севера России, а также и карельские формирования под английским командованием³⁹⁸. Здесь еще раз проявилось, что следствия

³⁹⁴ Невалайнен П. Исход. Финская эмиграция из России. С. 149–150.

³⁹⁵ Веселаго Г. М. Документальная справка // Гражданская война на Мурмане. С. 99–104, 115–116; Марушевский В. В. Год на Севере // Белая идея. Ч. 1. С. 27.

³⁹⁶ Этот «позорный» факт пришлось признать даже советским специалистам по истории интернационалистов, см.: Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 129–132.

³⁹⁷ О судьбе красных финнов в Советской России вплоть до массовых репрессий в конце 1930-х гг. см.: Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940) // Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 296–307.

³⁹⁸ См. подр.: Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. СПб., 2013.

Брестской системы для лимитрофов весьма схожи, причем вне зависимости от различного хода революционных событий. Прогитантовские финны даже перешли в наступление против еще прогерманских финляндских добровольческих сил, заняв в сентябре 1918 г. Ухту и тем сняв угрозу Мурманской магистрали. В Финляндии были всерьез обеспокоены возможностью возобновления гражданской войны, но теперь уже с помощью Антанты, что заставило иметь в виду поддержку Германии вплоть до конца октября 1918 г. Дальнейшая судьба желавших в очередной раз сменить место проживания без всяких политических причин, а лишь в связи с попыткой избежать войн и репрессий определялась степенью советско-финляндской конфронтации³⁹⁹. Последняя вновь обострилась в середине октября 1918 г., когда Финляндия ввела войска в Ребольскую и Поросозерскую волости, имея в виду воспользоваться бессилием большевиков на Северном фронте⁴⁰⁰. Экспансия тогда еще не отказавшейся однозначно от прогерманской ориентации Финляндии могла привести к новым столкновениям между ее армией и коалицией проантантовских сил на Русском Севере, но Германия к тому моменту была уже бессильна этому помешать. Потому в рамках подготавливаемой внешнеполитической переориентации Суоми в конце октября через представителей местного населения была запрошена и получена санкция Антанты на захват Восточной Карелии финляндскими войсками⁴⁰¹.

Впоследствии гражданская война между финнами (в том числе ингерманландскими, сформировавшими свой полк и свое правительство), продолжавшаяся в Карелии с 1918 по 1920 г., а то и до весны 1922 г.⁴⁰², распространилась на Эстонию и Петроградскую губернию, где воевали финские добровольцы, будучи лучшими в эстонской армии по боеспособности. В составе Северо-Западной

³⁹⁹ См. примеры судеб уроженцев Финляндии, застигнутых Гражданской войной в разных регионах России, а также статистику: *Невалайнен П.* Исход. Финская эмиграция из России 1917–1939 гг. СПб., 2005. С. 104–170.

⁴⁰⁰ См.: *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 143–145.

⁴⁰¹ См.: *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 147–149.

⁴⁰² См., напр.: *Рупасов А., Чистиков А.* Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. С. 32–115.

армии в 1919 г. хорошо показали себя бойцы из Ингрии из отряда полковника Эльвенгрена, пользовавшегося огромной поддержкой финляндских активистов, готовых на любые антироссийские акции, включая теракты. Большевистское командование, в свою очередь, стремилось бросить против солдат Эльвенгрена финнов-интернационалистов, то есть тех, кто бежал из Финляндии весной 1918 г.⁴⁰³ Гражданская война для финнов вовсе не окончилась после разгрома красных в начале мая.

Параллельно военным приготовлениям, 3–26 августа 1918 г. в Берлине проходили советско-финляндские переговоры⁴⁰⁴, состоявшиеся только благодаря значительному давлению немцев в Хельсинки. Германская дипломатия с весны надеялась спровоцировать дальнейшие вооруженные столкновения между Финляндией и Великобританией, уже имевшие место под Печенгой в мае 1918 г. Благодаря усилиям Швеции удалось не допустить эскалации конфликта, однако Германия попыталась перехватить попытки Стокгольма перенаправить экспансию Финляндии на Восточную Карелию⁴⁰⁵, предложив ей еще и мурманское побережье. Оптимальным для Германии было бы заочное согласие Москвы на будущее отвоение последнего у Антанты силами финляндской армии, направляемой германскими инструкторами. Для согласия на это большевиков в АА намерены были добиваться передачи Советской России хотя бы части приграничных с Петроградом территорий. Для этого вполне возможно было использовать и открыто заявленные территориальные амбиции Маннергейма, привлекая его к новому сотрудничеству с германской армией. Главным военным следствием германских чаяний должны были стать совместная германо-финская, а желательно и германо-финско-большевистская операция против Мурманска и изгнание оттуда всех проантантовских сил. Хинтце в конце июля никак не мог

⁴⁰³ Коронен М. М. Финские интернационалисты. С. 183–186.

⁴⁰⁴ О ходе переговоров см.: Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 47–53; Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 105–114.

⁴⁰⁵ Классическая позиция финляндской историографии см.: Jääskeläinen M. Die ostkarelistische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920. Helsinki, 1965.

дождаться согласия финского кабинета на начало переговоров, хотя и понимал, что подобные сделки сильно повредят германо-шведским и финско-шведским (и без того напряженным из-за Аландского вопроса) отношениям⁴⁰⁶. Здесь вновь ярко проявилось его стремление стабилизировать хотя бы ядро Брестской системы, разрешить противоречия между уже включенными в нее элементами, а не увлекаться туманными перспективами вовлечения в нее нейтральных государств, тем более успешно лавирующих уже 4 года скандинавских стран.

Испытывавшая значительные трудности Советская Россия еще 13 июля 1918 г. определилась со своим делегатом на переговоры с Финляндией. Им стал имевший стокгольмский опыт советский представитель в Швеции В. В. Воровский. Реалистичность позиции на будущих переговорах определялась ленинской констатацией (22 июля): «Финляндская социалистическая республика мертва»⁴⁰⁷. Тем не менее большевики продолжали надеяться на определенное содействие части финских социал-демократов в Сейме, а потому требовали их участия в переговорном процессе. В качестве возможной уступки готовы были отказаться и от претензий на Ино⁴⁰⁸. Подписанное 29 июля в Москве Чичериным и Рицлером (!) советско-финляндское соглашение об освобождении и обмене пленными и интернированными⁴⁰⁹ внушало надежды, что в крайнем случае германский диктат заставит финнов пойти на компромисс. Главой финляндской делегации в Берлине стал К. Энкель, до этого к 11 июля подготовивший финский вариант условий будущего мира. Резко антибольшевистская позиция бывшего эмиссара Финляндии в Петрограде не нуждалась в дополнительных комментариях. Переговоры шли тяжело, даже несмотря на значительное участие германской стороны (переговоры даже просили вести на немецком, но политические формальности

⁴⁰⁶ Шведы даже угрожали высадкой войск Антанты в Нарвике, для их дальнейших действий против Финляндии. См.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 449–450, 459–460.

⁴⁰⁷ См.: Россия и Финляндия. С. 18, 238–239.

⁴⁰⁸ С этим согласились даже в ведомстве Троцкого. См.: Россия и Финляндия. С. 240–243.

⁴⁰⁹ См.: ДВП. Т. 1. С. 412–414.

не позволили этого) в подготовке проекта договора⁴¹⁰. Уже 5 августа констатировали отсутствие перспектив соглашения по территориальному вопросу⁴¹¹. Иначе и быть не могло, ведь в Финляндии к началу августа решено было добиваться новой границы, шедшей от Ладожского к Онежскому озеру, а оттуда до Онежской губы, отсекая от РСФСР громадную территорию, считавшуюся Карелией⁴¹². Воровский в ответ предлагал Финляндии передать России Карельский перешеек до линии Выборг — Кексгольм в обмен на некоторые уступки на севере и востоке Карелии.

Уже на этом этапе выяснилось, что более всех остается заинтересованной в оживлении экономической деятельности и налаживании транспортного коридора с Востоком именно Германия, в то время как второй главный актер Бреста опасается устранения барьеров в связи с интересами обороны, а Финляндия в лице контр-адмирала Индрениуса и вовсе срывает заседания из-за сведения счетов с Россией. Это привело впоследствии к тому, что судьба не только балтийского, но и черноморского (и дунайского) судоходства вплоть до ноября 1918 г. определялась усилиями Германии при согласии на это ее сателлитов (не всегда безусловном) — Финляндии, Украины, Крыма — и некотором содействии союзников (Австро-Венгрии)⁴¹³, а также в условиях (как это представлялось немцам, зачастую ошибочно) плохо замаскированного саботажа со стороны большевиков⁴¹⁴.

⁴¹⁰ См.: Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 47. Воровский и вовсе был уверен, что все финляндские инициативы предварительно согласованы с немцами, но никаких доказательств этого не имел. См.: Россия и Финляндия. С. 259.

⁴¹¹ См.: Россия и Финляндия. С. 250–251, 255–257.

⁴¹² См.: Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. S. 120–121.

⁴¹³ Ее флотилия тральщиков расчищала проходы в германских минных полях под Одессой и понесла при этом (8 апреля) потери (14 погибших, 7 раненых). См.: Wulff O. R. Die österreichisch-ungarische Donauflotte. S. 146–148.

⁴¹⁴ В итоге 17 сентября было подписано германо-финское соглашение о тралении без участия Советской России силами финского персонала в 1200 человек, а конференция была прервана 25 сентября. См., напр.: Beyer H. Das deutsche Einschreiten in Finnland. S. 72–77.

В ходе августовских советско-финляндских переговоров⁴¹⁵ Германия устранилась от попыток разрешить весь спектр проблем между Финляндией и Россией, не раздражая обе стороны диктатом и сконцентрировавшись на решении насчет совместных действий против англичан и их союзников. Высадка дополнительных и куда более крупных сил Антанты в Архангельске и потеря Советской Россией всего Севера к середине августа заставила, с одной стороны, финнов куда осторожнее отнестись к возможным «легким» захватам на мурманском побережье, а с другой — резко добавила мотивации к активным действиям против Мурманска и Архангельска Совнаркому, который, не имея на это сил и находясь в тяжелейшем военном положении (особенно в середине августа), был согласен на активное участие в этом германских войск с самыми далеко идущими последствиями. Переговорам о возможном военном сотрудничестве на Севере⁴¹⁶ большевики придавали столь существенное значение, что не постеснялись отправить для этого в Берлин В. А. Антонова-Овсеенко, руководившего боями с немцами всего 4 месяца назад. Это стало возможным благодаря явному дистанцированию Германии от последствий инерции «горячей фазы» конфликтов весной 1918 г., что на практике означало как минимум гарантию невмешательства в случае скорого открытого военного конфликта в Карелии⁴¹⁷, а в перспективе и жесткое военное давление на Хельсинки ради соблюдения Финляндией условий, необходимых для достижения целей Германии на Востоке. Для будущей операции против

⁴¹⁵ См. подр. о ходе переговоров (с финской стороны): *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 130-137.

⁴¹⁶ Уже 19 августа 1918 г. Хинтце, продолжавший делать вид, что чувствует совместной германо-большевистской операции против Мурманска, запросил у большевиков отправку «компетентного офицера Генштаба». См.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 492.

⁴¹⁷ Советская разведка констатировала, что, несмотря на «сильное стремление к немедленному переходу в наступление... таковое, по-видимому, не входит в планы германцев и сдерживается последними пока». Тиражировались откровенно нелепые слухи о 200-тысячной финляндской армии, в которой 50 тысяч немцев. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 54. Л. 7-10, 17-18.

Петрограда и во избежание дальнейших потерь⁴¹⁸ следовало добиться-таки заключения соглашения о тралении мин с большевиками и не допустить дальнейшей их постановки, на что жестко указывали германские дипломаты⁴¹⁹. В конце августа работы несколько дней велись без участия советской стороны⁴²⁰. Они не помешали германским миноносцам участвовать в задержании или досмотре русских кораблей во время их рейсов в Финляндию в августе-сентябре 1918 г. под предлогом военного назначения их действий, хотя это были госпитальные суда. Это их не спасло так же, как и до того — гидрографические корабли⁴²¹.

Несмотря на сильное неудовольствие немцев, советско-финляндские переговоры в итоге окончились ничем, не считая согласия на проходившую параллельно эвакуацию русских беженцев и военнопленных из Финляндии⁴²². Капитан из политического отдела германского Генштаба фон Хюльзен и статс-секретарь П. фон Хинтце стремились побудить финнов к уступчивости, но тщетно. Высказанные различные компромиссные предложения и по территориальным, и по финансовым вопросам, более настойчивые с советской, нежели с финляндской стороны, оказались неприемлемы. 24–26 августа 1918 г., несмотря на почти челночную дипломатию неудавшегося крестного отца российско-финляндского

---

⁴¹⁸ Например, 28 марта и 18 апреля 1918 г. в ходе поддержки флотом операции в Финляндии были потеряны траулеры «Амрум Банк» и «Клаус Грот», погибло 8 германских моряков.

⁴¹⁹ См. ноты консула Хаушильда 14 и 24 августа: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 31.

⁴²⁰ Это встревожило Чичерина, требовавшего от Иоффе 28 августа не подвергать опасности только что подписанный Добавочный договор из-за проблемы с минами. 29 августа он также сообщил Иоффе, что немцы согласились приостановить траление мин в водах Советской России. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 44; Д. 131. Л. 24–25.

⁴²¹ Итоговый список захваченных Финляндией судов см.: РГА ВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 17. Л. 71–82.

⁴²² Этому в апреле препятствовали власти Финляндии, чтобы не допустить бегства из страны обвиняемых в военных преступлениях красногвардейцев, многие из которых пытались спастись через международный Красный Крест. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 132. Л. 311, 327, 344; Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 138. Л. 21.

мира германского дипломата и бывшего унтер-статс-секретаря⁴²³ В. фон Штумма, была констатирована бесперспективность переговоров, «отложенных», причем даже без согласования срока их возобновления⁴²⁴. Последовавшее на следующий день подписание Добавочного договора означало, что новый раунд советско-финляндских переговоров будет возможен только при условии принятия его условий финской стороной.

Эпилог германской гегемонии в Финляндии был достаточно инерционным. Необратимое охлаждение германо-финских отношений началось — как и в случае со всеми остальными младшими партнерами Германии — после известий об условиях Добавочного договора от 27 августа 1918 г., полученных в Хельсинки к 7 сентября, причем из газет, а не по дипломатическим каналам⁴²⁵. Как и у других германских сателлитов, сам факт германо-большевистской сделки, без должного осмысления ее искренности или соответствия реально проводимой политике, вызвал резкое негодование. Даже спустя десятилетия финляндские историки внушали согражданам: «Германия же вела за спиной доверчивых (! — Л. Л.) финнов двойную игру: в августе она заключила с советским правительством договор, согласно которому Германия и Финляндия совместно должны были изгнать англичан из северо-западной России, а затем проводившие эту операцию войска должны были быть выведены. О компенсации финнам за участие в этом не было и речи»⁴²⁶. При всей однобокости подобной версии, написанной невзирая на прекрасно сохранившиеся в Финляндии архивы, она, по-видимому, довольно точно отражает то, как воспринимался Добавочный договор в Хельсинки⁴²⁷. Его сочи

⁴²³ Он занимал этот пост около года, пока не был смещен Кюльманом, считавшим Штумма ответственным за эскалацию Июльского кризиса 1914 г. Некогда именно фон Штумм решал вопрос о поддержке АА проезда ленинского вагона через Германию. Это показывает, сколь крупное значение придавалось Хинтце достижению этого соглашения.

⁴²⁴ См.: Россия и Финляндия. С. 274–281.

⁴²⁵ См.: Новикова И. Н. «Финская карта». С. 272.

⁴²⁶ См.: Jutikkala E., Pirinen K. Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. S. 361.

⁴²⁷ В пользу этого говорит и то, что схожая позиция — возмущения отсутствием какой-либо компенсации Финляндии — выражена и в куда

крупным успехом большевиков в принципе, даже без оценки того, насколько оправданными были взаимные уступки и обязательства Германии и РСФСР. Резко негативная реакция вовсе не означала выхода Финляндии из Брестской системы, напротив, она явилась условием для более реалистичного этапа приспособления к ситуации сосуществования с по меньшей мере недружественной Советской Россией, а не только с покровительствующей ей Германией. У до того получившей слишком серьезное преимущество от прямого германского военного вмешательства и крупных трофеев Суоми такая необходимость вызвала вполне понятную болезненную реакцию. Смягчить ее, но без каких бы то ни было дополнительных уступок, попытался дипломатическим путем П. фон Хинтце, подробно объяснивший Финляндии границы обязательств Германии в отношении амбиций Суоми. Это было воспринято как необходимость впредь рассчитывать при возможной экспансии в Карелии и на Мурмане только на свои силы, к чему были почти готовы.

Быстрое ослабление памяти о германо-финляндском боевом братстве стало неизбежным, тем более что «Шлюссштайн», от которого в Финляндии ожидали в первую очередь завоевания Восточной Карелии, не состоялся. Более того, если к началу сентября в Суоми фиксировали сосредоточение германских войск в Выборге, то в конце месяца стали с неудовольствием наблюдать отправку через Финский залив, а то и сразу в Германию ряда частей германской армии (например, три егерских батальона, обучавшие все три дивизии армии Финляндии). Тогда полагали, что их планируют направить на смену других соединений на демаркационной линии с большевиками в Прибалтике, а то и даже на Балканы или на Западный фронт. Вскоре победы Антанты на различных фронтах пробудили у финляндских политиков даже желание добиваться вывода германских войск, однако резкого разрыва с Кайзеррейхом Паасикиви и даже его оппоненты вовсе не желали. До глубокой осени продолжалось согласование дополнительных соглашений к мирному договору от 7 марта. В частности,

---

более детальном исследовании тех же лет: *Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. S. 126-127.*

были подписаны 25 июня протокол о торговом судоходстве, а 8 октября частно-правовое соглашение. Помимо попыток обеих сторон жестко контролировать наиболее дефицитные ресурсы, крупные дискуссии должен был вызвать и вопрос о возмещении расходов на десант и пребывание германского контингента, как и все дискуссии подобного рода, чрезвычайно болезненный и чреватый осложнениями. Сам факт пребывания в стране все еще сравнительно многочисленного контингента «прибывших на помощь» войск (сравнимых по военной мощи с лишь формируемой местной армией) и действия германского флота с течением времени должны были вызывать эксцессы и рост недовольства. Факты падения дисциплины, контрабанды спиртного в Ревель, столкновений между моряками и солдатами союзных стран обсуждались в местной прессе и постепенно подрывали репутацию «освободителей»⁴²⁸.

Долго подготавливаемая процедура выбора короля в сейме⁴²⁹, проходившая в несколько этапов под германским давлением в пользу монархической формы правления⁴³⁰, увенчалась успехом лишь 9 октября 1918 г. Судя по тому, что в отличие от Литвы или Грузии в составе «присланных на помощь» войск интервентов были не только прусские, но и саксонские, и баварские части, то приоритет амбициям той или иной германской династии заранее было отдать сложно. Некоторое время при поддержке Людендорфа намеревались интронизировать пятого сына Вильгельма II 30-летнего Оскара Гогенцоллерна. Под давлением Хинтце, не желавшего излишних и твердых обязательств перед одним из лимитрофов

⁴²⁸ См. подр.: *Hentilä M., Hentilä S.* 1918 — das deutsche Finnland. S. 294–300.

⁴²⁹ Еще в конце 1916 — начале 1917 г. русская разведка получала слухи о подготовке провозглашения королем Финляндии кронпринца Вильгельма. См.: РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2. Л. 393. В сентябре 1918 г. попытался обозначить свои «финляндские» амбиции и младший сын короля Саксонии принц Генрих. См.: *Hoffmann J.* Die sächsische Armee. S. 359.

⁴³⁰ Рассматривался даже вариант «финского Бернадота», то есть передачи трона Гинденбургу, Макензену, а то и Людендорфу. См.: *Новикова И. Н.* «Финская карта». С. 245–255. Вполне возможно, видел себя Бернадотом и Маннергейм.

в разрезе широкого спектра вариантов будущей Ostpolitik⁴³¹, на это не согласился в начале июля сам кайзер. 26 августа он лично подтвердил Свинхувуду, что не отпустит в Финляндию ни одного из своих детей. После обсуждения различных кандидатур из германских протестантских династий трон — «в порядке компромисса» — был предложен свояку Вильгельма принцу Фридриху-Карлу Гессенскому, успевшему получить ранение еще на Марне в сентябре 1914 г., а также лишившемуся на фронтах двоих сыновей⁴³². Колеблющегося династа предварительно уговаривали отправленные к нему офицеры.

Германский генерал-лейтенант на троне был еще одним шагом в сторону от хрупкого нейтралитета, сколько бы ни заверяли в обратном и как бы ни предупреждал о негативном эффекте этой династической аферы на Скандинавию глава АА. Разумеется, последовали и разрыв Францией дипломатических отношений с Финляндией, а также подача протеста британским консулом, поставившим под сомнение дипломатическое признание Соединенным Королевством независимости подобного протектората Германии. Под заверения Хинтце 24 сентября, что Германия не намерена вмешиваться в детали государственного устройства Финляндии, хотя и симпатизирует установлению конституционной монархии, к кандидату на престол была отправлена для переговоров делегация во главе с Свинхувудом лично. Переговоры прошли успешно, однако времени для продавливания не слишком популярной в Суоми идеи о восстановлении модели государственного устройства образца 1772 г., да еще и в тесной связи с проигравшей войну

⁴³¹ См. его позицию от 21 августа на совещании с сотрудниками АА: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 514–516. 24 августа Хинтце не менее конкретно пояснил позицию Германии финляндскому министру иностранных дел Стенроту, прояснив сразу вопрос об отношениях со Швецией, династических вопросах и о связи германо-финляндского союза с поддержкой претензий Суоми на Карелию. См.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 519–520.

⁴³² Очень активно стремился к короне Финляндии и герцог Адольф Фридрих Мекленбургский. Подр. об истории неудавшейся династической аферы и полный набор кандидатов на трон Финляндии: *Huldén A. Finnlands deutsches Königsabenteuer*. S. 76f.

Германией, не осталось. Впрочем, даже публичный призыв на трон германского династа не слишком осложнил переориентацию на Антанту, ведь будущий король и сам предложил вернуться к вопросу лишь через 2 месяца, после стабилизации международной обстановки. К началу ноября 1918 г. о данном проекте можно было забыть. Паасикиви и Теслев стали главными кадровыми жертвами в преддверии окончательного отказа от прежнего сюзерена. 27 ноября в Финляндии было сформировано новое (и явно проантантовское) правительство Л. Ингмана с участием К. Энкеля, который смог быстро наладить контакты с ранее полуоппозиционными военными, обещая им достижение с помощью победителей тех территориальных целей, что не желала поддерживать Германия⁴³³. 12 декабря 1918 г. после «оплатившего» своей отставкой период союза с Германией Свинхувуда во главе государства на посту регента оказался К. Г. Маннергейм, тогда даже не успевший вернуться на родину из своего турне по странам Антанты и сохранивший репутацию верного державам Согласия русского генерала. 14 декабря 1918 г. в рамках простой формальности о своем отказе от короны заявил и гессенский кандидат. Публикация его письма 28 декабря⁴³⁴ стала символическим прологом к окончательному установлению в Финляндии республиканского строя.

⁴³³ См. подр.: *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 150f.

⁴³⁴ См.: *Huldén A.* Finnlands deutsches Königsabenteuer. S. 242–246.

ГЛАВА 4

ПРИБАЛТИКА В УСЛОВИЯХ ПОЛНОЙ ЕЕ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ

Долгое сосуществование в Прибалтике двух воюющих империй, Германской и Российской, имело предысторию, позволявшую накопить немалый опыт в борьбе за симпатии и антипатии местного нетитульного населения. Если до Великой войны именно Германия могла почти в одностороннем порядке списывать на Россию угнетение прибалтийских народов, то результаты операции «Фаустшлаг» сводились для Прибалтики к тому, что теперь оккупирована она была уже только немцами (местными и из рейха), а потому старый антироссийский ресурс привлечения их на сторону Кайзеррейха окончательно ослабел. С захватом Риги и Моонзундских островов, а уж тем более после «Фаустшлага» благоприятная ранее возможность лавировать между империями для прибалтийских националистов фактически исчезла. Завершение захвата Остзейских провинций сулило решительный поворот Кайзеррейха к инкорпорированию региона, причем возможно даже без минимальных попыток ретушировать реальные цели германской оккупационной политики.

Ценой подготовки к возобновлению боевых действий, когда оформлялись соответствующие воззвания и декларации, было осложнение взаимоотношений германских оккупантов с местным населением. Создаваемая с сентября 1917 г. литовская Тариба сильно переоценила заигрывание с ней элиты Кайзеррейха на волне антипольской политики во второй половине 1917 г.,

увенчавшееся декларацией от 11 декабря 1917 г.⁴³⁵ Резкий конфликт между нею и германскими политиками, а тем более военными вызвала декларация литовцев от 16 февраля 1918 г., текст которой дезавуировал предыдущие их обязательства по отношению к Германии, что там было воспринято как предательство и непозволительная вольность. Особенно остро это было воспринято в ОХЛ, где полагали, что и так пошли на огромную уступку литовцам, когда в январе 1918 г. достаточно резко сняли с поста главу военной администрации в Литве подполковника князя Изенбурга. Его политика вызвала многочисленные протесты не только литовцев, но и недовольство (пусть и скрытое) многих его сослуживцев⁴³⁶. Более того, вскоре выяснилось, что со стороны Людендорфа это действительно немалая жертва, ведь Изенбург со своей отставкой не смирился. Этот аристократ, родственник короля Баварии и бывший габсбургский офицер, вскоре задействовал все свои связи в высших политических и дипломатических кругах (начиная с саксонского двора, где возмутились последующим выбором Вильгельма фон Ураха на литовский престол), чтобы продолжить реализацию прежнего и весьма жесткого курса. Он упорно настаивал на ошибочности любых надежд на успешное сотрудничество с литовскими националистами, ссылаясь на свой действительно богатый опыт, напоминал об их своеволии и готовности к сотрудничеству с враждебными державами⁴³⁷. Изенбург быстро пополнил ряды сторонников максимально широкой колонизации Востока, причем уже не только Литвы и Курляндии, но и Крыма

⁴³⁵ Этот недолгий период «пролитовской» линии в германской политике на Востоке, подкрепленной территориальными уступками будущей Литве за счет окрестностей Гродно и Белостока, что сразу же обостряло проблемы национальных меньшинств, хорошо разобран в работах А. Стражаса и Г. Линде, см.: *Strazhas A. Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. S. 146–280; Linde G. Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg. Wiesbaden, 1965. S. 91–110*. См. также: *Вукс Т. Р. Вильнюс между империей и национальным государством // Города империи... С. 188–190*.

⁴³⁶ См. подр.: *Linde G. Die deutsche Politik in Litauen. S. 31–34, 49ff.*

⁴³⁷ См. подр. обширную перелиску Изенбурга с политическими деятелями, его меморандумы и проекты, ряд документов по истории взаимоотношений с Тарибой: ВА-МА. N 82/5, 6, 7, 8.

и Причерноморья, поддерживая оживленные связи с Каппом (и, вероятно, с фон Тирпицем) и пангерманцами⁴³⁸. Людендорф был в целом согласен с общими представлениями бывшего ответственного за Литву своего ставленника, а потому необходимость противодействовать его усилиям и обращениям воспринимал с раздражением, ведь куда проще ему было попросту вернуть Изенбурга в Литву. Это было невозможно по политическим причинам, а прекратить апелляции князя в различные инстанции оказалось крайне сложно.

Не менее раздражало и стремление Тарибы сразу же определить границы Литвы, ведь столицей ее провозглашалась Вильна, что обостряло распри с поляками⁴³⁹, а также давало большевикам еще один повод для дипломатических провокаций. Открытого скандала допускать было ни в коем случае нельзя, иначе еще менее обоснованными становились «законные» основания для вторжения германских войск в Прибалтику и Белоруссию, предстоявшего 18 февраля. Сомнительно, чтобы штаб Гофмана всерьез опасался начала широкомасштабной крестьянской войны в случае насильственного разгона и ареста лидеров Тарибы, однако даже дипломатический эффект от конфликта с литовцами заставлял как минимум затянуть его решение, отложив радикальные меры до прояснения обстановки в ходе наступления. Темп его и масштабы побед оценивались оптимистично, однако настолько полной беспомощности русской армии все же не ожидали. 4 марта 1918 г., учитывая эффект от блестящей победы над большевиками, Обер-Ост потребовал от Тарибы отозвать свое решение от 16 февраля, но безуспешно. Конфликт с прежде едва ли не самым удобным союзником среди малых народов накалялся⁴⁴⁰. Литовский лидер А. Сметона пытался вовлечь в него все более широкие круги германской оппозиции, пользуясь и связями католических прелатов. Затем по этой же линии к огромному неудовольствию ОХЛ стало чувствоваться и некоторое вмешательство

⁴³⁸ См.: BA-MA. N 82/10, 11.

⁴³⁹ См. подп.: *Maciulis D., Staliunas M. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question. Marburg, 2015. P. 53–60.*

⁴⁴⁰ См.: *Basler W. Deutschlands Annexionspolitik. S. 297–300; Linde G. Die deutsche Politik in Litauen. S. 142f.*

Австро-Венгрии, несколько парируемое симпатиями Вены к идее польско-литовской унии, которая бы автоматически расширила горизонты австро-польского проекта⁴⁴¹.

Быстрый крах надежд на признание Германией права на самостоятельную политику последовал и у эстонских политиков. Взявший Ревель генерал фон Зеккендорф, теперь уже во главе 68-го генерального командования, занялся распределением оккупационных войск по занятой территории. 7, 13 и 21 марта 1918 г. были отданы приказы о структуре оккупационной администрации, где об эстонских органах власти не было ни слова, точнее, все введенные предшествующими режимами ведомства должны были попросту «немедленно прекратить свою деятельность»⁴⁴². Конечно, в командовании 8-й армии поначалу имели в виду «заручиться доверием населения» и «привлечь благонадежные эстонские и латышские элементы к созданию местной полиции», но по мере налаживания оккупационной действительности эти реверансы в адрес коренного населения стали казаться майору Францу, возглавлявшему штаб при престарелом генерал-полковнике Кирхбахе, излишними. Последовало категорическое введение немецкого языка как единственного официального, даже в начальном образовании, запрет эстонских газет, детальное уточнение полномочий окружных комендантов и т. д. Генерал отказался иметь дело с эстонским (как полагали, «полубольшевистским») национальным Советом и 20 марта приказал расформировать объявившие о своем нейтралитете эстонские части. Декларация о независимости от 24 февраля 1918 г. была сочтена попыткой обмана германских властей и армии, до того призванных на помощь местным рыцарством. Будучи уверен в прочности контроля над Эстляндией, фон Зеккендорф отправил ландштурм обратно на Моонзундские острова, пока еще была возможность добраться туда по льду⁴⁴³. Вскоре из Галиции прибыл 3-й баварский ландштурменный полк,

⁴⁴¹ См. подр.: *Linde G. Die deutsche Politik in Litauen. S. 212–219.*

⁴⁴² См. тексты приказов: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 90. Л. 1–7.

⁴⁴³ Крайне рискованный переход по подтаявшему льду был предпринят 18 марта, то есть в последний момент. См.: *Rudolph K. Geschichte des Preußischen Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 3. Anhang. S. 22.*

пополнивший гарнизон Ревеля⁴⁴⁴. В целом же за счет перебросок на Запад и в связи с выделением сил в отряд Бранденштейна, воевавший в Финляндии, силы интервентов в Эстляндии заметно сократились, однако на восстание против них обманутые союзники не решились.

В апреле-мае 1918 г. в Эстляндии и Лифляндии было оформлено стандартное генерал-губернаторство, без соответствующего официального статуса, но с чисто военным управлением⁴⁴⁵. Ни восстания, ни сопротивления планомерному разоружению местных борцов за независимость не ожидали. Недавним союзникам продемонстрировали определенную признательность, согласившись уважать офицерские привилегии (право на ношение формы и оружия), а также в течение некоторого — необходимого для расформирования — времени оплачивать военнотружущих. Однако эстонские войска во главе с А. Ларкой надеялись на куда большее, ведь в марте они продолжали расширять свои ряды (видимо, и за счет бывших красногвардейцев), а также раздавать все новые воинские звания, чтобы получить от германского командования больше жалованья⁴⁴⁶. Все это в апреле-мае 1918 г. был положен конец. Глухое недовольство тем, что их содействие попросту использовали для облегчения оккупации, охватило даже офицеров. Опасаясь ареста, А. Ларка уехал за рубеж, где пытался добиться поддержки от скандинавских правительств. В октябре 1918 г. штаб германской администрации в Ревеле уже предписывал как можно чаще проверять документы у офицеров и солдат бывшей русской армии на улицах эстонских городов⁴⁴⁷, справедливо полагая, что они и станут самой серьезной угрозой дальнейшей оккупации. Еще в конце апреля 1918 г. в различных корпусных

⁴⁴⁴ 2-й баварский ландштурменный полк также из Галиции прибыл в Двинск. См.: Die Bayern im Großen Kriege 1914–1918 / hrsg. von Bayerischen Kriegsarchiv. München, 1923. S. 579.

⁴⁴⁵ См. дальнейшие указания штаба 8-й армии и 68-го генерального командования: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 90. Л. 8 и далее.

⁴⁴⁶ См. подр. документы эстонской дивизии в фонде 68-го генерального командования: ВА-МА. РН-VI/62.

⁴⁴⁷ См. текст приказа от 12 октября: ЦАМО. Ф. 500, Оп. 12519. Д. 90. Л. 74об — 75.

штабах распорядились о том, чтобы любые вооруженные местные жители или солдаты с оружием в руках, но без доказательств на право его ношения расстреливались на месте⁴⁴⁸. И это — в обстановке, куда более благополучной, нежели на Украине. Некоторым итогом недолгого расцвета Эстонской дивизии в феврале 1918 г. можно считать лишь то, что ее затянувшееся до конца апреля существование все же дало эстонским офицерам определенный опыт и представление о том, как следует разворачивать вооруженные силы. Это способствовало успехам новорожденной эстонской армии и ее лидеров, Ларки и Лайдонера, в конце декабря — начале января 1919 г.

Разочарование борцов за независимость после «освобождения» было таково, что в начале апреля 1918 г. из Ревеля в тогда еще красную Финляндию по льду стали уходить солдаты. Они рассказывали, что 6 эстонских белогвардейцев были повешены германскими властями за призыв к неповиновению оккупантам⁴⁴⁹. Заподозренных в связях с большевиками ждал расстрел, что и было продемонстрировано еще в начале марта 1918 г. Эстонцы зачастую не разделяли радикализма оккупантов по отношению к тем, кого посчитали революционерами, а потому обстановка накалялась. Первые крупные акции протеста из-за «свернутой» независимости последовали 1 мая. Вполне логичным было признание в мае 1918 г. эстонского Совета старейшин (на основе ландтага) *de facto* Англией, Францией и Италией, а также контакты его с США⁴⁵⁰. В дальнейшем серия призывов местных политиков во главе с К. Пятсом к германским оккупационным властям — предоставить самим эстонцам решать свою судьбу — кончилась арестом его вместе с соратниками в июне 1918 г. Подозрения в том, что эстонских

⁴⁴⁸ См. приказ штаба 67-го генерального командования от 26 апреля 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 54.

⁴⁴⁹ Об этом писали финляндские красные газеты: Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 21. Л. 21-22.

⁴⁵⁰ См. подп.: *Uustalu E. Die Staatgründung Estlands // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. S. 284-289. О позиции Антанты по балтийскому вопросу в целом см., напр.: Andersons E. Die baltische Frage und die Internationale Politik der Alliierten und Assoziierten Mächte bis zum November 1918 // Von den baltischen Provinzen... S. 255ff.*

националистов спонсирует Антанта⁴⁵¹ (небеспочвенные), помогли преодолеть и без того незначительные сомнения в уместности таких крутых мер. Вскоре 12 членов эстонского национального совета были приговорены к 15 годам тюрьмы за собрание вопреки категорическому запрету германских военных властей. Следствием этого стала серия засад и нападений на германские патрули, однако в целом обстановка в Эстонии оставалась едва ли не самой спокойной из всех оккупированных регионов. «Полицейская миссия» германских войск и действительно ограничивалась в основном прикрытием реквизиций и поддержанием общественного порядка. Не надеясь на прямую помощь Антанты, эстонские эмигранты из Стокгольма (Тыниссон, Мартна) в июне 1918 г. пытались наладить контакты и с Иоффе, а тот, не имея инструкций из Москвы, сомневался: не является ли это провокацией⁴⁵². Еще 13 мая 1918 г. он отказался принять ноту от делегации из Остзейских провинций в Берлине, но теперь явно надеялся на перемену настроений среди эстонских и латышских лидеров.

В это же время германское командование, — а его представители лично присутствовали при открытии ландтагов в Остзейских провинциях, — было уверено, что предоставило местным элитам вполне достаточный и привычный для них с орденских времен уровень самостоятельности, а факт развития местного национализма учитывало лишь на словах. Восприятие 9 месяцев германской оккупации в Эстонии оказалось чрезвычайно острым⁴⁵³. Уже в конце апреля 1918 г. первое воодушевление «установлением порядка» стало явно ослабевать, сменяясь определенным скепсисом в отношении некогда считавшихся всесильными немцев.

---

⁴⁵¹ В 18-м драгунском полку, который был распределен по уездам северной Лифляндии, получили соответствующие указания по борьбе с агентами англичан, см.: *Larisch H. v. Das Mecklenburgische Dragoner-Regiment Nr. 18. S. 209.*

⁴⁵² См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 2. S. 257.*

⁴⁵³ *Брюггеманн К. Города имперских и национальных утопий: транснациональный взгляд на Ригу и Таллинн, 1914–1924 // Города империи... С. 119–121.*

12 апреля 1918 г. объединенный ландесрат Лифляндии, Эстляндии, Риги⁴⁵⁴ и Эзеля (где из 58 делегатов было 34 немца⁴⁵⁵) принял (предварительно согласованное с начальником штаба 8-й армии майором Францем) решение о желательности постоянного военного присутствия Германии и будущей персональной унии с Кайзеррейхом⁴⁵⁶, что вызвало всплеск недовольства как в самой Прибалтике, так и внутри Германии, где в этом усматривали дальнейшее смещение баланса сил в империи в пользу Пруссии. Всякое возмущение дипломатов отсутствием должных этнических предпосылок к формированию нового немецкого государства в Прибалтике и предупреждения, что Россия именно от этих земель откажется в самую последнюю очередь⁴⁵⁷, услышаны не были. 21 апреля 1918 г. делегацию ландесрата принял кайзер, а затем еще почти месяц балтийские делегаты силились упрочить гарантии будущего германского протектората в различных берлинских инстанциях.

Закрепление достигнутых Германией военных успехов могло последовать только с помощью колонизации оккупированных уже почти 3 года земель. Со взятием в сентябре 1917 г. Риги, в октябре — Моонзундских островов, а затем (25 февраля 1918 г.)

⁴⁵⁴ Там с необычайной пышностью отметили день рождения кайзера 27 января 1918 г., а уже в сентябре 1918 г. поставили памятник германскому солдату, однако он простоял только до прихода большевиков. О Риге в период оккупации см. подр.: *Hatlie M. R. Riga at War 1914–1919. War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis.* Marburg, 2014. P. 71–98.

⁴⁵⁵ Состав ландесрата был таков, что возмущал даже либерально настроенную часть балтийских немцев см.: *Rosenberg E. v. Für Deutschtum und Fortschritt in Lettland.* S. 46. Волеизъявление народа на островах проходило так: кто голосовал за персональную унию с Пруссией или Германией, немедленно отпускался домой, тех, кто отвечал «нет», оставляли «поразмуслить» на три дня на хлебе и воде. См.: *Sommerbrodt H. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 8.* S. 259.

⁴⁵⁶ Нюансы позиции остзейского рыцарства, вынужденного (временно) предпочесть военную администрацию местному самоуправлению, см. в: *Taube A. Frh. von. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht...* Bd. 2. S. 71–93.

⁴⁵⁷ Им оставалось лишь сокрушаться, сколь легко может быть увлечен кайзер фразами о «его верных балтийцах». См.: *Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente.* S. 460–461.

Ревеля и Дерпта визиты представителей германских элит, в том числе политической, в Остзейские провинции участились. К достигавшей накануне войны полумиллионной отметки Риге все более присматривались как к одному из будущих германских региональных центров⁴⁵⁸. Уже 17 июня 1918 г. Ставка санкционировала создание общества для расселения «Курланд», а вскоре стала угрожать местным помещикам, недовольным перспективой потери трети земли и последующим введением жесткого экономического регулирования⁴⁵⁹. Только теперь они стали несколько прохладнее относиться к чрезвычайно популярным еще с довоенных времен проектам быстрого вывода за счет колонизации Курляндии и Лифляндии (с помощью 70–90 тысяч семей переселенцев из Германии) на восточнопрусский уровень развития⁴⁶⁰, хотя инвестициям были рады по-прежнему. Связям с Германией должно было способствовать и активное использование для работы там местной рабочей силы, для чего вывозили тысячи людей и из Польши⁴⁶¹, и с Украины, и из Прибалтики⁴⁶². Уже 29 июня в приказе Обер Оста подробно расписывались будущие перемены в устрой-

---

⁴⁵⁸ В Прибалтике у нее не было конкурентов. Конечно, население Риги, даже несмотря на многочисленных беженцев из Курляндии и Литвы, в 1915 г. существенно сократилось, а к весне 1919 г. насчитывало лишь около 220 тысяч человек. См. подр.: *Hatlie M. R. Riga at War*, P. 182–227.

⁴⁵⁹ См.: *Taube A. Frh. von. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/1919 // Von den baltischen Provinzen... Bd. 2. S. 121–137.*

⁴⁶⁰ Почти «образцовую» точку зрения местных «баронов» на перспективы и успехи интеграции Прибалтики в Кайзеррейх см.: *Volck A. Völkisches Erleben und Wollen*. S. 186–234.

⁴⁶¹ От 200 до 275 тысяч из Конгрессовой Польши, в 1918 г. на работах в Германской империи было 600 тысяч подданных бывшей Российской империи (не считая военнопленных). См: *Volkman H.-E. Die Polenpolitik des Kaiserreichs*. S. 405.

⁴⁶² За все время оккупации Обер Ост направил в Германию 34 тысячи работников, в Польше масштабы были куда больше. См.: *Элснер Л. Усилия германского империализма по набору рабочей силы из Прибалтики накануне 1918 г. // Германия и Прибалтика*. С. 95–98; *Westerhoff C. Deutsche Arbeitskräftepolitik in den besetzten Ostgebieten // Nordost-Archiv*. Bd. XVII (2008). S. 83–107.

стве восточных провинций и решение вопроса с наделением земель за счет трети земельных владений курляндского рыцарства⁴⁶³. Одновременно последовали попытки побудить к таким же уступкам и помещиков Лифляндии, Эзеля и Эстляндии, которых считали также обязанными «расплатиться» за их призыв о помощи. Сразу же выяснилось, что так далеко благодарность освобожденных от большевиков в феврале 1918 г. балтийских немцев не простирается, да и по климатическим причинам колонизация более северных земель будет успешной только на иных условиях землеустройства.

В самых пламенных фантазиях Людендорф и его последователи уже видели подкрепления из представителей этой (насчитывавшей около 200 тысяч человек) этнической общности в дивизиях на Западном фронте. Окончательный отказ большевиков от всех прав на прибалтийские провинции (уже обсуждавшийся при подготовке Добавочного договора) для ОХЛ означал еще и возможность начать призыв в германскую армию остзейской молодежи⁴⁶⁴. Но общий результат оказался примерно тем же, что и относительно немецких колонистов на юге России и на Украине — требовались время, деньги, оружие, но готовы добровольцы были лишь к локальным стычкам и за собственные интересы. Даже обещание немедленного предоставления германского гражданства семьям, отправившим бойцов на Западный фронт⁴⁶⁵, не возымело эффекта — по довоенному опыту балтийские немцы были убеждены в том, что при необходимости получают оное и без дополнительных жертв. При всей симпатии к местным немцам в отношениях даже с этой частью населения Прибалтики сказывалось и то, что — как лапидарно сформулировано в одном из дипломатических отчетов — «в основание прежней политики военной администрации,

⁴⁶³ См.: SächsHStA. 11358. 141. Bl. 310–311.

⁴⁶⁴ Уже 1 сентября 1918 г. лидеры балтийских немцев выпустили соответствующий призыв к молодежи: *Dellingshausen E. Im Dienste der Heimat!* S. 339–340.

⁴⁶⁵ Около 120 тысяч немцев из России, включая балтийских, въехали в Германию за период 1917–1922 гг. См.: *Sammartino A. H. The impossible border.* P. 42–43, 107.

определяемой генералом Людендорфом, была положена победа германского оружия»⁴⁶⁶.

Для последующей германизации считавшегося малочисленным местного населения с июня 1918 г. преподавание в средней и высшей школе (и чуть ли не в младшей) было «окончательно» переведено на немецкий язык. Венцом этой образовательной системы и ее миссии по германизации стало открытие, точнее, возобновление немецкого университета в Дерпте (уже 7 марта, торжественное открытие — в сентябре), во главе которого встал его бывший выпускник, широко известный своими русофобскими и националистическими (но не пангерманскими!) воззрениями и пользовавшийся большой симпатией кайзера профессор Т. Шиман (1847–1921). Только теперь как нельзя кстати оказались те антироссийские интеллектуалы из балтийских немцев, столько сделавшие для стравливания Кайзеррейха и империи Романовых за несколько десятилетий⁴⁶⁷. Не согласившиеся с подобной германизацией университета русские (а точнее, считавшие себя таковыми) преподаватели и студенты эвакуировались в июне 1918 г. в Воронеж. Восстановление высшего немецкого образования в Прибалтике продолжалось до октября 1918 г., когда была открыта Высшая балтийская техническая школа в Риге, недавно эвакуировавшаяся из Москвы⁴⁶⁸. Еще один Шиман, Оскар, находясь в Москве, занимался ускоренным возвращением в Прибалтику беженцев, интернированных и эвакуированных, отдавая предпочтение балтийским немцам⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ Со всеми вытекающими последствиями, в этом был и приговор ей. См.: *Bienhold M. Die Entstehung des litauischen Staates...* S. 409.

⁴⁶⁷ Этот спектр тем долгое время оставался предметом внимания лишь немногих отечественных специалистов, см., напр.: *Андреева Н. С. Остзейская политическая эмиграция и МИД Германии в Первой мировой войне // ЖРВЕИИ. № 3. 2018. С. 8–24; Баринев И. И. Трансформация имперской идентичности: Остзейский край и революция 1917 г. // История и современность. № 2 (2017). С. 191–210.*

⁴⁶⁸ Вернулся целый ряд и других учреждений: *Брюггеманн К. Города имперских и национальных утопий. С. 121.*

⁴⁶⁹ См.: *Hatlie M. R. Riga at War 1914–1919. P 88–89; Dellingshausen E. Im Dienste der Heimat! S. 265–272.*

Ориентируясь в своей политике только на немецкий слой населения Остзейских провинций и предлагая примкнуть к их политическому курсу национальным элитам под угрозой большевизма, и благодарность за освобождение и просто в силу безальтернативности их положения, Германская империя шла по якобы удобному, но в действительности крайне опасному осложнением пути⁴⁷⁰. Определенное отрезвление и осознание важности симпатий и равноправия эстонцев и латышей пришло лишь к сентябрю 1918 г.⁴⁷¹ Добавляло сложности и отсутствие какого бы то ни было единства во взглядах военных, дипломатов, политиков и, last but not least, придворных и публицистов (Рорбах, Халлер, Хётч, Ленш и др.) на будущее Прибалтики⁴⁷², а потому на протяжении всего 1918 г. курс колебался вместе с каждой отставкой в правительстве и параллельно общему положению Германии.

Желание привлечь остатки симпатий литовцев и ненемецкого населения Прибалтики, так же так и неподавленное до конца сопротивление рейхстага, дипломатов и правительства в целом устремлениям людендорфовской Ставки привели к тому, что после визита в Берлин делегации Тарибы 23 марта Германией была признана независимость королевства Литва, то есть за нее сразу предопределили форму государственности⁴⁷³. Тут же было торжественно провозглашено, что кайзер Вильгельм II уже долгое время неизменно стремился решить литовский вопрос, что было действительно так, ведь он опасался, что его в роли благодетеля упредит Антанта. Этот акт в среде германских элит был встречен с удивлением и сомнениями в будущем литовского государства, ведь к этому моменту (не без помощи диаспор) стали все

⁴⁷⁰ См.: *Taube A. Frh. von. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Loslösung Livlands und Estlands von Russland 1916-1918 // Von den baltischen Provinzen. Bd. 1. S. 97-216.*

⁴⁷¹ *Volkmann H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik. S. 195-196.*

⁴⁷² См. одно из немногих специальных исследований на эту тему: *Mann B. Die baltischen Länder in der deutschen Kriegszielpublizistik, 1914-1918. Tübingen, 1965.*

⁴⁷³ Ныне общая история германо-литовских отношений подается порой в существенно сглаженном виде: *Dornfeldt M., Seewald E. Hundert Jahre deutsch-litauische Beziehungen. Husum, 2017. S. 51ff.*

больше узнавать о далеко не доминирующем положении этнических литовцев на оспариваемой Тарибой территории⁴⁷⁴. Дипломаты и особенно военные были недовольны этим явно запоздавшим в связи с завершением переговоров в Бресте актом⁴⁷⁵, в котором они, учитывая резко изменившуюся после триумфального наступления германских войск на восток обстановку, были совершенно не заинтересованы. Новую волну возмущения это вызвало и в польской элите, встревоженной еще предшествовавшим зачетом на вербовку в польские легионы на территории Виленской губернии, а также стремившейся явочным порядком добиться расширения юрисдикции Регентского совета еще и на Литву, в чем ей было отказано, как и в попытках получить иные территориальные компенсации⁴⁷⁶. В выпускавшейся Обер Остом прессе в статьях авторов-литовцев подчеркивалось, что поляки составляют в населении Литвы лишь незначительную (около 8 %) долю, а потому не могут претендовать на данные территории. Особо выделялось и значение Вильны для будущего всего литовского народа⁴⁷⁷. Косвенным доказательством согласия на будущие широкие границы Литвы германских инстанций считали объединение 1 февраля 1918 г. военных администраций Литвы и округа Белосток-Гродно во главе с ротмистром Т. фон Хеппе⁴⁷⁸. Все эти упрощения структуры администрации были никак не связаны с амбициями национальных элит, а вызывались борьбой германских ведомств и интригами отдельных чиновников.

⁴⁷⁴ См., напр.: *Rosenberg L.* Die Juden in Litauen. Berlin; München, 1918. S. 35–37; *Tauber J.* "Keine Verbündeten". Die litauische Taryba und die nationalen Minderheiten 1916–1918 // *Loyalität, Legitimität und Legalität*. S. 230–239.

⁴⁷⁵ Да и в ходе переговоров дипломаты опасались явно негативных последствий активной поддержки независимости Литвы, сомневаясь в необходимости такого шага и считая его эффект «иллюзорным». Людендорф и Обер Ост и вовсе приложили огромные усилия, чтобы не дать Гертлингу признать Литву, отложить этот акт или хотя бы выторговать более жесткие его условия. См.: PA AA. R 21712. Bl. 173ff.; R 21716.

⁴⁷⁶ См.: *Linde G.* Die deutsche Politik in Litauen. S. 208–219.

⁴⁷⁷ См., напр.: *Das Litauen-Buch, eine Auslese aus der Zeitung der 10. Armee*. Kowno, 1918. S. 9, 137–139.

⁴⁷⁸ См. его неопубликованные мемуары: BA-MA. N 196/1.

В марте-апреле 1918 г. был образован новый «Комиссариат по литовским, курляндским и прочим делам на Востоке, за исключением Польши», подчинявшийся уже не Обер Осту и не ОХЛ. Во главе нового ведомства был поставлен граф Р. фон Кайзерлингк, ответственный перед рейхсканцлером⁴⁷⁹. Прусские ведомства были недовольны таким вмешательством имперских властей в дела уже записанного ими в свою сферу влияния Северо-Востока, а жесткое сопротивление ОХЛ любым попыткам лишить себя решающего голоса в абсолютно всех вопросах Ostpolitik привело к тому, что уже 6 недель спустя после назначения Кайзерлингк ушел в отставку⁴⁸⁰. Однако такое неподотчетное сложной прусско-германской административной системе учреждение пригодились и самой Ставке, а потому 5–8 июля новым рейхскомиссаром стал начальник гражданской администрации при Обер Осте барон фон Фалькенхаузен, сын главы генерал-губернаторства Бельгия, который не подчинялся командующим групп армий на Западе, что должно было бы косвенно подтвердить ощущение «гражданского» характера его полномочий. Он совмещал руководство обоими ведомствами, что вернуло германскую зону оккупации в Прибалтике под контроль ОХЛ, хотя и через посредство Обер Оста⁴⁸¹, фактического главы которого — генерал-майора М. Гофмана — Людендорф долгое время (и напрасно⁴⁸²) считал в целом верным себе и своей политике. Идеальным вариантом для ОХЛ было бы полное копирование в рамках имеющихся возможностей введенного в Германии еще 31 июля 1914 г. осадного положения, превращавшего

⁴⁷⁹ См. подр.: PA AA. R 21717. Bl. 227–234.

⁴⁸⁰ См.: *Volkmann H.-E.* Die deutsche Baltikumpolitik. S. 143–144.

⁴⁸¹ Свое выступление в Тарибе «гражданский» администратор Фалькенхаузен начал так: «По поручению... господина Главнокомандующего на Востоке...» См.: *Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. S. 273–274.

⁴⁸² То, что Гофман находился в оппозиции Людендорфу и позволял себе подчеркивать свой вклад в былые победы, заметили даже присутствовавшие на переговорах в Брест-Литовске австрийские офицеры. См.: *Ein General im Zwielficht. Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau* / hrsg. von P. Broucek; 3 Bde. Wien, 1980–1988. Bd. 1. S. 445.

федеративный Кайзеррейх в набор военных округов, где по всем вопросам распоряжаются командные инстанции⁴⁸³.

Созданная еще в 1915–1917 г. «земля Обер Ост»⁴⁸⁴, с ее постепенно оформившимся особым правовым статусом⁴⁸⁵, должна была сохраниться и после Бреста, то есть несмотря на любые декларации об освобождении народов, праве на самоопределение и о признании независимости. В мае-июне 1918 г. это было еще раз подтверждено дополнительными распоряжениями штабов корпусов и дивизий, сохранявших на территории оккупированной Белоруссии и Литвы прямую военную диктатуру с распределением уездов между частями и гарнизонами и неременный германский контроль над функционированием «русской администрации», избранные органы тут же замещались магистратами⁴⁸⁶. Помогал Фалькенхаузену в Ковно в качестве «генерала при штабе» граф фон Вальдерзее, весьма далекий от какого бы то ни было либерализма⁴⁸⁷. Тем не менее определенные демонстративные шаги в сторону

⁴⁸³ Необходимого исследования по этому аспекту пока нет, однако можно указать на аналоги его на материале германских тыловых округов (7-го в Вестфалии), см.: *Schrumpf W.-R. Territoriale Kommandogewalt und zivile Verwaltungskompetenz im 1. Weltkrieg. Konsens, Kooperation, Konflikt.* Münster, 1995.

⁴⁸⁴ *Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno.* Stuttgart; Berlin, 1917. Обзор развития германской администрации, сравнительно объективный, так как был сделан *post factum* ликвидационной комиссией, но «только для служебного пользования», см.: *Die deutsche Verwaltung in Litauen 1915 bis 1918.* B., 1921. Современный анализ с фокусировкой на Литве: *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I.* Cambridge, 2000.

⁴⁸⁵ См. о постепенном развитии правовых норм осуществления оккупационного господства и последствиях этого в годы Второй мировой войны: *Toppe A. Militär und Kriegsvölkerrecht. Rechtsnorm, Fachdiskurs und Kriegspraxis in Deutschland 1899–1940.* München, 2008. S. 142–154.

⁴⁸⁶ Текст документа (с ошибками и характерными попытками создать видимость участия местных жителей в управлении): Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 200–204, 209.

⁴⁸⁷ См.: *Linde G. Die deutsche Politik in Litauen.* S. 151f. Гофман сокрушался 3 апреля 1918 г.: «У меня сегодня опять очень много работы, ибо Вальдерзее прибыл сюда для длительных разговоров. Особенной

сотрудничества с местным населением предпринимались, 28 июня 1918 г. последовал приказ о формировании уездных консультативных советов, 15 сентября еще и дополненный в сторону большей их самостоятельности, что возымело определенный эффект.

Пополнившаяся в середине июля репатриированными из России литовскими политиками (например, М. Ичасом) Тариба все чаще обращалась к болезненному, но не слишком принципиальному для Обер Оста вопросу о границах с нелитовскими губерниями, требуя передать часть Курляндии, Сувалки и т. д.⁴⁸⁸ Большевики, в свою очередь, только приветствовали возвращение литовцев на оккупированную немцами территорию, допустив представителя Тарибы по репатриации в Москву и освободив ряд литовских деятелей из лагерей и тюрем ради их будущей оппозиции режиму интервентов. Для германской администрации уже сам факт самовольного изменения состава Тарибы означал вызов, особенно вопиющий из-за своеволия в вопросах трона нового королевства. Для литовского политикума, напротив, причастность к любому шагу в сторону обретения государственности означала обеспеченную карьеру на много лет вперед, ведь в жесткие репрессии со стороны оккупационных властей не верили. Впоследствии состав Тарибы составил основу литовской правящей верхушки на оба межвоенных десятилетия.

11–13 июля 1918 г. Тариба провела выборы будущего монарха Литвы, добавив поводов для династических склок в Германии, так как совершенно не учитывала саксонские притязания, где в свою очередь полагали, что выбор очевиден⁴⁸⁹. Хотя слухи о саксонском принце на литовском троне, почерпнутые из местных газет, ходили среди русских военнопленных еще в марте 1918 г.⁴⁹⁰, а саксонский двор с лета 1915 г. не без успеха добивался оккупации

пользы я от этих разговоров не вижу...» Гофман М. Записки и дневники. С. 244.

⁴⁸⁸ См.: *Linde G. Die deutsche Politik in Litauen. S. 159f.*

⁴⁸⁹ Об этом аспекте борьбы за литовскую корону Саксонии, опиравшейся на память о правлении в Речи Посполитой курфюрстов в XVIII в., см.: *Linde G. Die deutsche Politik in Litauen. S. 171–207, 253ff.*

⁴⁹⁰ См., напр., донесение о реакции пленных русских офицеров на заключение Брестского мира: *SächsHStA. 11348.642. Bl. 70.*

будущих «своих» территорий именно саксонскими частями⁴⁹¹, чему только посодествовали в ПВМ, видя в этом возможность переложить часть военных тягот с прусского на саксонский ландвер и ландштурм. Однако теперь своеволие Тарибы вновь ударило по германскому партикуляризму: будущим Миндовгом II должен был стать вюртембергский принц католического вероисповедания Вильгельм фон Урах, что поначалу вызвало недовольство Берлина таким маневром литовских представителей⁴⁹². Сам кандидат еще весной 1918 г. никакого желания занять трон вдали от Вюртемберга не выказывал, однако впоследствии его амбиции возобладали⁴⁹³. В истории германской политики на Востоке миссия Миндовга II так и осталась лишь очень коротким эпизодом, однако для тяжести маневрирования и сложности компромиссов даже внутри Германской империи эпизод с несостоявшимся литовским королем крайне показателен⁴⁹⁴. Куда более реальной по сравнению с различными проектами интеграции оставалась оккупация, ведь Ковно последние германские солдаты покинули ровно через год после избрания несостоявшегося короля, в июле 1919 г.

На высшем уровне с мерой самостоятельности «независимой» Литвы определиться по-прежнему не могли. Следующий раунд совещаний о судьбе Литвы состоялся 24 июля 1918 г. и привел к новому, куда более прочному компромиссу военных, дипломатов и штатских инстанций⁴⁹⁵. Была выпущена новая инструкция об образовании «военного губернаторства Литва» и о распределении полномочий с Обер-Остом⁴⁹⁶. Постоянные взаимные обвинения в неуважении, своеволии и неинформировании о важнейших шагах продолжались. Разочарование в связи с реорганизацией, а не отменой оккупационного диктата литовских политиков, накануне

⁴⁹¹ См.: *Hoffmann J.* Die sächsische Armee. S. 327–330.

⁴⁹² См.: *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik. S. 304–308.

⁴⁹³ Помимо кандидатов из Вюртемберга, Саксонии и Пруссии были предложения и о негерманских принцах на трон Литвы. См. подр.: *Linde G.* Die deutsche Politik in Litauen. S. 171–206, 253–259.

⁴⁹⁴ См.: *Bienhold M.* Die Entstehung des litauischen Staates... S. 101–110.

⁴⁹⁵ Текст совещания под председательством вице-канцлера фон Пайера см.: *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik. S. 416–418.

⁴⁹⁶ См.: PA AA. R 21722. Bl. 49–54.

поспешно избравших короля для по-прежнему не состоявшегося государства, было огромным. В ответ на попытки реформировать состав Тарибы и тут же явочным порядком зафиксировать основы будущего государственного устройства, германская администрация немедленно продемонстрировала масштабы своей власти, резко отказав в дополнительных средствах и произвольно поменяв границы округов. Тогда же, 24 июля 1918 г., военным губернатором Литвы был назначен считавшийся человеком Людендорфа генерал-лейтенант фон Харбоу, проводивший существенную централизацию сил на вверенной ему и выведенной теперь во многих отношениях из-под контроля Обер Оста территории⁴⁹⁷.

Даже на пике уверенности в победе Германии в Великой войне все более заметными становились противоречия между балтийскими немцами и оккупационной администрацией, хотя последняя небезуспешно привлекала местное рыцарство к сотрудничеству в управлении. Желаемый эффект это давало далеко не всегда, ведь в своих пожеланиях остзейское рыцарство исходило из широчайшей автономии, а то и всевластия на местах, по образцу предоставленных еще Петром I привилегий, о чем с точки зрения германской оккупационной администрации не могло быть и речи. Разная трактовка взаимных прав и обязанностей, ощущение дискриминации балтийских немцев, особенно тех из них, кто 3 года воевал в рядах российской армии, считавшаяся местными помещиками крайне опасной политика германизации общественной жизни (особенно после опыта 1905 г.) — все это приводило к эффекту, которого центральные ведомства в Германии, идеализировавшие перспективы интеграции всей Прибалтики, никак не ожидали. О разной степени «орусения» и вообще местной специфике, существенно отличавшей Курляндию от Эстляндии, в Берлине и тем более в Спа не слишком задумывались. Одновременно, имея в виду вооруженные силы будущих германских сателлитов, а то и государств рейха на Востоке, в лагерях военнопленных отпускали на родину тех балтийских немцев, кто за это время проявил

⁴⁹⁷ Подробнейший обзор структуры генерал-губернаторства и внесенных в нее за вторую половину 1918 г. изменений, а также масштабов германского военного присутствия в глубоком тылу Восточного фронта см.: BA-MA. RH 18/2366.

прогерманские или хотя бы не резко пророссийские позиции⁴⁹⁸. Последовали долгие и сложные перипетии разработки будущих соглашений между Германской империей и Литвой и Курляндией, вместе или по отдельности, быстро приведшие к соревнованию различных ведомств рейха в смелости притязаний и статистических выкладок⁴⁹⁹. Особое место занимали идеи о морских конвенциях, например, с Курляндией⁵⁰⁰. Из Берлина не уставали напоминать, что многие принципиальные уступки в вопросах возвращения военнопленных, кредитов, состава и порядка работы местной администрации прямо пропорциональны готовности национальных элит принять условия навязываемых соглашений. Уже летом 1918 г. политическая ситуация вокруг германских проектов в Прибалтике осложнилась еще и тем, что до того поддерживавшие балтийских немцев в их апелляциях к имперским ведомствам⁵⁰¹ германские либералы встали в оппозицию к этим явным союзникам как пангерманцев, так и военной диктатуры⁵⁰². Не без тревоги относились к разгулу аннексионистских страстей и те консерваторы из балтийских немцев, которые полагали возможным сговор с Россией за счет перерасдела Польши и, возможно, ценной уступок ей в вопросе о Проливах, а прожектерство на Востоке, в том числе проукраинское, полагали иллюзиями⁵⁰³.

1 августа 1918 г. главой администрации трех Остзейских провинций был назначен прусский ландрат и майор, имевший большой опыт налаживания армейского тыла в Курляндии в 1915–1918 гг. А. фон Госслер⁵⁰⁴. В Литве его коллегой остался, теперь

⁴⁹⁸ См., напр.: SächsHStA. 11248. 7071. Bl. 347ff.

⁴⁹⁹ См.: Basler W. Deutschlands Annexionspolitik. S. 255–262, 301–303.

⁵⁰⁰ См. проект Адмиралштаба от 12 июля 1918 г.: Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 1. S. 452–454.

⁵⁰¹ Одним из главных деятелей был А. Фольк, после Ноябрьской революции твердо уверовавший в «мировой еврейский заговор», что сочеталось у него с нескрываемым пренебрежением к русским и откровенным презрением к латышам. См.: Volck A. Völkisches Erleben und Wollen. Lübeck, 1924.

⁵⁰² Barth B. Dolchstoßlegenden... S. 256–259.

⁵⁰³ См.: Volck A. Völkisches Erleben und Wollen. S. 173–179, 218–222.

⁵⁰⁴ См. подр. его неопубликованные воспоминания и многочисленные документы за 1917–1918 гг.: BA-MA. N 98/2; 98/5.

уже в качестве военного губернатора, Ф. фон Фалькенхаузен. Этот депутат рейхстага от консерваторов еще весной опубликовал брошюру о будущем балтийских провинций в связи с миром с Россией⁵⁰⁵, так что мог считаться специалистом в данном вопросе. Новые назначения сопровождались и существенным упрощением структуры управления, постепенно избавлявшейся от дублирования тыловых органов действующей армии и военных и гражданских администраций. Все прежние оккупационные власти на уровне штабов корпусного уровня теперь были объединены в единую структуру военной администрации во всем Остзейском крае, подчинявшуюся штабу 8-й армии. Такое реформирование лишний раз подтверждало, что имеют в виду не скорую передачу дел гражданской администрации и уж тем более не окончание оккупации, последовавшей в феврале-марте с 1918 г. якобы лишь с «полицейскими целями», а готовятся к долгосрочной и удобной интеграции и эксплуатации захваченного на основе военно-управленческого аппарата и по опробованному в «земле Обер Ост» методу. Структура и характер управления на местах существенных изменений не претерпели⁵⁰⁶.

Казалось, что конструирование дееспособной и устраивающей и гражданские, и военные германские инстанции управленческой структуры успешно окончено⁵⁰⁷. Между прибывшим лишь спустя несколько дней Госслером и балтийскими немцами, а также Обер Остом установилось, наконец, необходимое взаимопонимание⁵⁰⁸, что только насторожило еще сохранявших надежды на получение некоей свободы из рук Германии местных политиков. Весьма характерной и роковой для судьбы зимней кампании 1918–1919 гг. чертой оккупационной политики Германии в землях «старой немецкой культуры» был отказ в формировании частей самооборо-

⁵⁰⁵ См.: *Gossler A. v. Der Frieden mit Russland und die baltischen Provinzen.* Mitau, 1918.

⁵⁰⁶ См. приказы новой администрации, начиная с 21 августа 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 89. Л. 63 и далее.

⁵⁰⁷ См.: *Dellingshausen E. Im Dienste der Heimat!* S. 277–283.

⁵⁰⁸ См.: *Janßen K.-H. Die Baltische Okkupationspolitik des Deutschen Reiches // Von den baltischen Provinzen...* Bd. 1. S. 244–247.

ны из балтийских немцев, последовавший в конце июля 1918 г.⁵⁰⁹ Тревога лидеров местных помещиков из-за будущей незащищенности перед аграрными беспорядками была вполне обоснованна. Пока в штабе 8-й армии не желали рисковать вооруженными межнациональными конфликтами, силы полиции все более охотно соглашались на формирование местных сил правопорядка, ведь они острее чувствовали потенциальную нестабильность. Общее неприятие военными идеи о раздаче оружия населению оккупированных территорий, даже заведомо лояльному, подрывало все надежды на быструю интеграцию Остзейских провинций.

Уверенность балтийских немцев в том, что «немцы из рейха» не дают им и шагу ступить, была во многом преувеличена⁵¹⁰, а градус борьбы с потенциальной латышской и эстонской националистической оппозицией оставлял желать много лучшего. А. Винниг в октябре 1918 г. оценивал работу германских жандармов так: «...осведомительная служба тайной полевой полиции работала так плохо, что, как правило, ей не были известны даже фамилии столь активно действовавших персон, в то время как сами они полагали, что следят за каждым их шагом, и порой бродили по городу целых полчаса, прежде чем направиться к месту очередного совещания, до которого могли бы при желании дойти за три минуты»⁵¹¹. Хотя Винниг не беспристрастен, у предпринятых позднее попыток выстроить версию бескомпромиссной и полной опасностей борьбы латышского подполья против германской оккупации оснований немного. Определенную тревогу у германской администрации вызывала перспектива большевистского (или считавшегося таковым) мятежа рабочих. Но только к середине октября проекты постепенного создания военизированных формирований на основе

⁵⁰⁹ См.: *Grimm C. Vor den Toren Europas 1918-1920: Geschichte der baltischen Landeswehr. Hamburg, 1963. S. 26-27.*

⁵¹⁰ Чрезвычайно критическое описание деятельности германских властей и военных в Прибалтике с точки зрения опасавшихся за судьбы всех балтийских немцев представителей местных либеральных кругов см., напр.: *Rosenberg E. Baron von. Für Deutschtum und Fortschritt in Lettland. Erinnerungen und Betrachtungen. Riga, 1928.*

⁵¹¹ См.: *Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. S. 13.*

добровольцев разных национальностей стали, наконец, предметно обсуждаться.

В связи со слабым развитием железнодорожной сети в Прибалтике быстрая интеграция Остзейских провинций с Германией требовала скорейшего восстановления судоходства на Балтике. Первым шагом к этому должны были стать меры по борьбе с минной опасностью. Вернуться к этому вопросу, поставленному еще на рубеже 1917/18 гг., можно было бы лишь после подписания Брестского мира и окончания гражданской войны в Финляндии. О налаживании судоходства на Балтике должны были совещаться под председательством вице-адмирала Усслара и его заместителя капитана-цур-зее фон Клитцинга то в Ревеле, то в Либаве. За несколько месяцев, до конца сентября 1918 г., стратегическая обстановка изменилась радикально, так что большевики все более успешно уклонялись от соответствующих требований, ссылаясь и на техническое состояние судов⁵¹², требуя гарантий свободного прохода в прибрежной зоне Ботнического залива и выдвигая прочие инициативы по налаживанию судоходства, например для вывоза пленных на родину морским путем⁵¹³. Отрезанная от самых удобных гаваней на Балтике⁵¹⁴, Советская Россия оказалась куда менее Германии заинтересована в активном восстановлении судоходства и торговли в этой акватории, то есть плоды Бреста оказались вновь неоднозначными. В предоставляемые согласно Добавочному договору от 27 августа России особые привилегии в прибалтийских портах по всей видимости не слишком верили. Позиция германской делегации была вполне конструктивна, она была готова на

---

⁵¹² Ремонт тральщиков был крайне необходим еще к началу кампании 1918 г., но из-за демобилизации он не состоялся, а потому к сентябрю 1918 г. можно было достаточно достоверно отговариваться техническими трудностями. См., напр.: РГА ВМФ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 20.

⁵¹³ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 79. Отчет в ЗКЛ о постоянных препонах большевиков переговорному процессу в Либаве см.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg*. Bd. 4. S. 233–236.

⁵¹⁴ О том, что Россия никогда не смирится с потерей важнейших портов на Балтике, предупреждали многие, от Кюльмана до известных публицистов. См.: *Mann B. Die baltischen Länder in der deutschen Kriegszielpublizistik*. S. 115–119.

встречные жесты доброй воли, особенно если вопрос стоял о снабжении военнопленных обеих сторон⁵¹⁵. На переговорах в обмен на предоставление в пользование до 20 судов, в том числе бывших германских кораблей, от Германии требовали обеспечить средствами и личным составом будущее траление мин, а также принять на себя обучение финских экипажей тральщиков (до 700 человек). Тем самым именно там, где возможен был прямой военный конфликт с германо-финляндской коалицией, большевики стремились добиться сотрудничества. Специалисты Балтфлота указывали, что передача планов заграждений возможна, если «в дальнейшем не предполагается вести боевых действий на Балтийском море», то есть что это попросту недопустимо. Финны и немцы отказывались точно фиксировать демаркационную линию до решения вопроса о тралении мин⁵¹⁶. Произшедшая 15 октября 1918 г. трагедия с налетевшим во время очередного рейса из Финляндии на мину у о. Даго германским военным транспортом «Габсбург», стоившая жизни 123 человекам⁵¹⁷, могла убедить в искренности приоритетов немцев, но общая обстановка к тому времени уже изменилась.

Добавочный договор, по которому РСФСР в обмен на предоставление ей особых прав в портах Ревеля, Риги и Виндавы отказалась от каких бы то ни было прав на Эстляндию и Лифляндию, поставил ребром вопрос о переходе от демаркационной линии к установлению государственной границы. Еще одним следствием должно было стать и дистанцирование Страны Советов от судьбы судоходства за пределами восточной части Финского залива⁵¹⁸, однако времени на решение этого еще более сложного вопроса не оставалось. Большевистские делегаты после заключения Добавочного договора всерьез рассчитывали добиться очищения

⁵¹⁵ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 120. См. германскую точку зрения: *Groß G. P.* Die Seekriegsführung. S. 160–162.

⁵¹⁶ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 13–14, 62–64, 85–101, 108–118 и т. д.; Д. 649. Л. 1–2.

⁵¹⁷ На судне, полном отправленных в отпуск солдат и офицеров, вспыхнула паника. Большую часть находившихся на борту (всего 570 человек) спасли на судно «Лорелея», а сам «Габсбург» смогли даже дотащить до Ревеля, потери, в том числе имущества, были огромны.

⁵¹⁸ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 628. Л. 64–66; Д. 633. Л. 77–78.

немцами в ближайшее время Пскова и Двинска до конца 1918 г. Поскольку территории Псковской и Витебской губерний (Инфлянты) с 7 мая 1918 г. находились в ведении «Псковского областного управления»⁵¹⁹, в Советской России рассчитывали, что в отличие от Остзейских провинций от оккупации этих земель Германская империя откажется легко. Ведь интегрировать их в будущий прибалтийский сателлит (как бы он ни был оформлен) Кайзеррейх явно не планировал.

Немедленно возник тяжелейший вопрос о прохождении государственной границы по Чудскому озеру⁵²⁰ и далее до р. Западная Двина, которая до того полагалась сравнительно очевидным рубежом между новой Россией и ее лимитрофами, хотя и здесь возникала проблема раздела Чудской озерной флотилии, усиленно вооружавшейся большевиками весной-осенью 1918 г.⁵²¹ Последняя, как и многие другие части и флоты Советской России, была раздираема подозрениями, шпиономанией, репрессиями и саботажем⁵²². Никаких конкретных факторов, четко определявших эту линию, стороны определить не могли, не было и военных соображений, кроме вопроса о принадлежности Двинска, который был поставлен на совещании в Спа 2–3 июля. Без этого железнодорожного узла вся германская зона влияния в Прибалтике оказывалась бы

⁵¹⁹ Некоторые подробности режима оккупации в этих районах по материалам советской и местной прессы см.: Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. С. 103–112.

⁵²⁰ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 266. См. также пожелания Людендорфа относительно этого участка от 20 мая 1918 г.: *Die Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution*. Teil 3. S. 1357.

⁵²¹ Все время надеялись на вывод в ближайшее время германских войск из Пскова и только в октябре 1918 г. стали готовиться к иному варианту развития событий, включая боевые действия против немцев. См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 4.

⁵²² Так, муссировались слухи о шпионаже в пользу немцев офицеров флота (в частности, Нелидова), о подготовке сдачи им части флотилии и т. д. После перехода кораблей на сторону антибольшевистских сил встал вопрос о ликвидации флотилии (в конце октября), но быстрое изменение обстановки уже в январе 1919 г. побудило к ее реорганизации, а в феврале возобновились боевые действия. РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 96. Л. 27–46.

завязана только на Ригу, что было логично сочтено недопустимым⁵²³. С другой стороны, было очевидно, что не менее упорно отстаивать свое право на этот уездный город Витебской губернии будет и большевистская Россия. Кроме того, возникала болезненная проблема Латгалии, с ее католическим и во многом орусевшим или ославянившимся населением, ведь на ее объединение с Лифляндией и Курляндией претендовали латыши. Резко возражал против решения судьбы Прибалтики без всякого участия местного населения и эстонский Национальный совет⁵²⁴.

Тем временем Хинтце настойчиво и успешно искоренял из межведомственной переписки всякие намеки на иной, нежели «свободные и независимые государства», статус Литвы и Курляндии в их будущих соглашениях с Германской империей⁵²⁵. Тогда же в лагерях военнопленных начали искать и литовцев, латышей и эстонцев из числа офицеров бывшей РИА⁵²⁶, то есть готовиться к тому, что будущие вооруженные силы балтийских сателлитов будут иметь не только немецкий оттенок. 22 сентября 1918 г. Вильгельм II подписал акт о признании Балтийского герцогства самостоятельным государством, хотя вопрос о кандидатуре его правителя и способе ассоциации с Германской империей оставался предметом ожесточенных дискуссий. Хинтце постепенно сумел похоронить наиболее аннексионистские проекты⁵²⁷, последовательно доказав рейхсканцлеру огромные минусы персональной унии новых окраинных государств и с Пруссией, и с Германией⁵²⁸.

⁵²³ С этим требованием военных никто на совещании спорить не стал: Советско-германские отношения. Т. 1. С. 569.

⁵²⁴ К ноябрю 1918 г. она была намечена, чуть ли не росчерком пера Людендорфа, весьма приблизительно, протест эстонцев был оставлен без внимания. См.: *Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik. S. 157–161, 196–198, Karte.*

⁵²⁵ См. его письмо от 28 июля 1918 г.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 453–454.

⁵²⁶ См. распоряжение ПВМ от 26 июля 1918 г.: SächsHStA. 11248. 7071. Bl. 393.

⁵²⁷ См. подр.: *Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik. S. 146–177, 199–207, 235–246.*

⁵²⁸ См., напр., его записку Гертлингу от 18 сентября, где он раскритиковал все проекты унии: PA AA. R 21723. Bl. 58–65.

По-настоящему новый этап в германской политике в Прибалтике мог начаться только с приходом Макса Баденского, заинтересованного в привлечении всех антибольшевистских сил в Прибалтику, даже если им не доверяет верхушка балтийских немцев⁵²⁹. Это должно было быть еще одной демонстрацией «полного разрыва» и дистанцирования от прежней определяемой ОХЛ политики на Востоке, а потому выглядело несколько поспешно и формализованно. Новый курс привел к оживлению активности местной немецкой элиты, до этого зажатой диктатом военных⁵³⁰. М. Гофман делал вид, что всегда был против того, чтобы «плясать под дудку балтийских баронов», ведь с этим не согласны эстонцы и латыши⁵³¹. Госслера сменил профессор Шульце-Гевеверниц, вынужденный поначалу дожидаться результата пертурбаций в первом парламентском кабинете в Берлине. Тем временем, ободренная все новыми признаками готовности Антанты работать с новым правительством Литвы, Тариба стала выдвигать все более жесткие требования к германскому правительству и пыталась «разговаривать на равных»⁵³².

Желая положить конец тянувшемуся уже год германо-литовскому конфликту⁵³³ и одновременно переложить часть ответственности на местные элиты, попутно стравив их друг с другом и заставив просить сохранения германского протектората, 20 октября 1918 г. рейхсканцлер Макс Баденский заявил о признании Германской империей Тарибы как государственного совета

⁵²⁹ Проводником этого курса стал бывший офицер РИА племянник русофоба Т. Шимана Пауль Шиман, который сумел повлиять в соответствующем направлении на нового рейхсканцлера, убедив его в том, что остзейские ландесраты не репрезентативны. Он и в дальнейшем являлся важным связующим звеном между балтийскими немцами и латвийским государством. См.: *Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik. S. 213–214; Hatlie M. R. Riga at War. P. 218–221.*

⁵³⁰ См.: *Taube A. Frh. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht... S. 143–166.*

⁵³¹ Так он писал 23 октября: *Гофман М. Записки и дневники. С. 258.*

⁵³² См. различные документы середины октября 1918 г. германского ведомства иностранных дел: PA AA. R 21724.

⁵³³ См. подп.: *Bienhold M. Die Entstehung des litauischen Staates in den Jahren 1918–1919 im Spiegel deutschen Akten. Bochum, 1976. S. 67–123.*

Литвы, что было воспринято едва ли не как торжественное прекращение состояния оккупации. Было особо оговорено невмешательство Берлина в вопросы не только ее государственного устройства, но и в территориальные споры. Это была последняя и недвусмысленная угроза Литве и попытка намека полякам о возможности выгодного компромисса с Германией за счет передела территорий в бывшей области Обер-Ост. Одновременно интенсифицировались отбор и подготовка к освобождению немногочисленных (139 человек) русских пленных офицеров литовского происхождения, которым отдавалось предпочтение⁵³⁴ по сравнению с эстонцами, латышами и даже балтийскими немцами, если только последние не были уже отпущены на родину⁵³⁵. Германские оккупационные инстанции, пусть и предчувствуя постепенное осложнение работы, продолжали методичную деятельность по налаживанию инфраструктуры связи и системы сбора налогов и пошлин вплоть до первых дней ноября, то есть совершенно не рассчитывая на скорый крах текущего режима.

В доказательство весомости сделанных заявлений, Макс Баденский распорядился о полной передаче к 15 ноября власти в Прибалтике от военной администрации к гражданской. 3 ноября кайзер по представлению Макса Баденского успел санкционировать полную замену военной администрации на гражданскую и в Литве, а его рейхсканцлер дополнил это распоряжением в тот же день. 8 ноября чуть ли не одним из последних его действий на посту главы германского правительства стало расформирование рейхс-комиссариата по делам Остзейских провинций и Литвы⁵³⁶. Это посвоему ироничное совпадение наглядно демонстрирует, какое роковое значение для адекватности реакций германских элит имела огромная инерция прежних представлений и затяжных бюрократических согласований. Применительно к Литве это осложнялось непростой попыткой учесть мнение местной раздробленной

⁵³⁴ См.: SächsHStA. 11248.7072. Bl. 50–51.

⁵³⁵ Уже 10 марта 1918 г. Обер-Ост сообщил в ПБМ, что пленных русских немцев можно отпускать на территорию всей Прибалтики, включая недавно занятые территории Лифляндии и Эстляндии. См.: SächsHStA. 165. Bl. 263.

⁵³⁶ См.: Volkmann H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik. S. 219–222.

литы, а в Прибалтике важнейшую роль для провала германской политики сыграло наличие местной немецкой элиты, ведь она не усилила позиции Германии, а ослабила их, чрезмерно подчеркивая свою значимость, во что в Берлине и Спа слишком охотно верили.

Официального провозглашения Балтийского герцогства в назначенный срок 17 октября 1918 г. не состоялось, уже 5 ноября на смену ему ландесраты Эстляндии и Лифляндии попробовали ввести Регентский совет будущего единого государства, всерьез полагая, что создают кабинет министров, теперь уже вполне учитывающий интересы всех этнических групп (ведь помимо 4 немцев туда предлагали включить аж 3 латышей и 3 эстонцев)⁵³⁷. Консервативные лидеры остзейских помещиков полагали, что только теперь у них появилась возможность привлечь на свою сторону местное население, якобы довольное широкими уступками. Через несколько дней этим надеждам был положен конец, ведь 11–12 ноября в Ревеле генерал фон Зеккендорф согласился на созыв отдельного эстонского ландтага (Маапаэв). Уже 28 ноября прекратил свою деятельность (вряд ли ее начав) и этот орган «власти», не сумев добиться своего участия в формирующихся правительствах и временных парламентах Эстонии и Латвии.

Начавшая было формироваться германская гражданская администрация Литвы осуществляла режим своего рода кондоминиума вплоть до завершения вывода германских войск из Ковно 11 июля 1919 г.⁵³⁸, то есть более полугода после формальной денонсации всех юридических основ германской гегемонии на Востоке. Несмотря на громкие фразы рейхсканцлера на аудиенции, данной А. Сметоне, немедленно выставленные литовской стороной требования прекращения реквизиций, а также выделения средств и скорейшего освобождения всех военнопленных литовцев (до 30 тысяч) для формирования ополчения, а затем армии были чуть ли не отвергнуты: менялась риторика, но и наращивать расходы или расставаться с приобретенными ресурсами в Берлине были не

⁵³⁷ См. подр.: *Rosenberg E. v. Für Deutschum und Fortschritt in Lettland*. S. 48–53; *Dellingshausen E. Im Dienste der Heimat!* S. 291–292.

⁵³⁸ См. подр.: *Bienhold M. Die Entstehung des litauischen Staates...* S. 129–232. Последние германские солдаты (из фрайкоров) покинули Литву в ноябре-декабре 1919 г.

намерены⁵³⁹. Все последующие попытки германской дипломатии сделать вид, что лишь революционные события помешали долгожданным благотворным переменам в германской политике на Востоке, являлись лишь попыткой прикрыть вынужденность многих шагов навстречу, хотя, с другой стороны, не следует воспринимать смену курса (и то — в рамках преемственности) лишь как попытку купить благосклонность младших партнеров.

Литва с удовольствием воспользовалась возможностью избавиться от ранее взятых на себя обязательств по превращению в монархию во главе с германским принцем, отозвав 2 ноября свое решение о приглашении герцога Урахского, начавшего было учить литовский язык, в качестве короля Миндовга II. Однако положения сформированного 5–11 ноября первого кабинета независимой Литвы во главе с заручившимся поддержкой Антанты еще к концу октября профессором А. Вольдемарасом⁵⁴⁰ это не упростило. Сравнительно заметного прогресса в переговорах об упорядоченной передаче вооружения и оснащения литовским властям германскими оккупантами удалось достичь лишь к середине декабря 1918 г., когда войска РККА были уже не так далеко от Вильны, а внутри самого города назревало восстание.

Расцвет германской оккупации сопровождался — как и в других постимперских регионах — ширококомасштабной подрывной работой главных контрагентов Кайзеррейха. Еще с июля 1918 г. большевистское руководство стало аккумулировать национальные кадры среди новообращенных коммунистов для их последующей отправки в Прибалтику в целях координации подрывной работы. Особую проблему представляли Литва и Курляндия, которым под германской оккупацией не довелось испытать на себе «медового месяца» русской революции весной 1917 г., а потому революционного оживления среди пролетариата не наблюдалось⁵⁴¹.

⁵³⁹ См. подр.: *Bienhold M. Die Entstehung des litauischen Staates...* S. 118–120; *Linde G. Die deutsche Politik in Litauen.* S. 170.

⁵⁴⁰ Бывшего члена делегации Украинской Рады (!) на мирных переговорах в Бресте.

⁵⁴¹ Хотя определенные надежды в апреле-мае 1917 г. вызывали слухи о том, что образуются литовские комитеты в России, а потому оживились действия партизан. См.: РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 167. Л. 43–44.

Вполне естественно, что условия оккупации, особенно там, где с революционной эпохой были еще не знакомы, приводили к росту симпатий к России, ассоциировавшейся с «прекрасной довоенной эпохой», а не к Германии⁵⁴². Даже жесткий оккупационный режим⁵⁴³ не гарантировал готовности литовских крестьян быстро влиться в повстанческие отряды. 19 августа 1918 г. различные национальные группы коммунистов, включая опасавшуюся любых националистических лидеров еврейскую, договорились о координации работы на оккупированной территории⁵⁴⁴. 15 сентября и 1–3 октября 1918 г. соответственно состоялись конференция, а затем и съезд компартии Литвы и Белоруссии, причем если первая проходила в одной из деревень под Мариамполем, то съезд — уже в Вильне.

К осени 1918 г. германская оккупационная администрация в Прибалтике была вынуждена самым серьезным образом заняться регулированием потока мигрантов, ужесточая контроль на демаркационной линии, но вскоре констатировали, что куда более серьезной проблемой является идущая вовсю нелегальная торговля оружием, в том числе обрезам⁵⁴⁵. За 2–3 месяца ослабление контроля над нелегальными потоками людей и средств, разложение оккупационных войск и целенаправленная нелегальная работа (в чем большевики имели огромный опыт) дали желаемые результаты. Именно поэтому в нужный момент очень быстро, то есть уже в середине ноября 1918 г., в крупных городах оккупированной территории смогли сформировать подпольные большевистские ВРК, готовившие восстания, даже не имея вооружения, кроме винтовок, револьверов и гранат. Они поначалу взаимодействовали даже с националистическими организациями, получая

⁵⁴² См., напр.: РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 633. Л. 115.

⁵⁴³ Его описаний в литовской версии достаточно, см., напр.: Борьба за советскую власть в Литве 1918–1920 гг. Вильнюс, 1967. С. 19–28, 30–31; *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front*. Крайнее недовольство литовцев постоянно фиксировали германские ведомства, запрашивая изменение политики с весны 1917 г., см.: РА АА. R 21700–21703.

⁵⁴⁴ Борьба за советскую власть в Литве. С. 18–19.

⁵⁴⁵ См. приказ штаба в Ревеле от 2 октября 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 90. Л. 72.

от них оружие и деньги Обер Оста для операций на черном рынке с военным имуществом⁵⁴⁶.

С начала октября 1918 г. большевики использовали уже почти сорванные (их требованием сначала определиться с демаркационной линией в Финском заливе) переговоры в Либаве для прояснения обстановки, указывая своим делегатам использовать тяжелое положение Германии; немцы, напротив, стремились прервать переговоры до выяснения стратегического положения в новых условиях⁵⁴⁷. Для этого они были готовы ограничиться работами по тралению у Моонзундских островов, не провоцируя новый виток подозрений продвижением тральщиков к Кронштадту. 6 октября 1918 г., когда фон Усслару стало известно об обращении Германии к Вильсону, большевистская делегация, не окончив переговоры, уехала для консультаций на две недели. Чувствуя неуклонное ослабление позиций Германии, теперь уже НКВД упорно настаивал на активной работе конференции⁵⁴⁸, видя в ней инструмент медленной ревизии Брестского мира. В конце октября конференция, назначенная ранее на 21 октября, была отложена до 4 ноября, а потом до 2 декабря. Делегация Балтфлота об этом была не извещена, а потому уже 2 ноября выехала в сторону Ревеля, доехала до Либавы и узнала о срыве только там, будучи задержана в связи с разрывом отношений между Берлином и Москвой 5–6 ноября и наблюдая интересные картины развала оккупационного режима после начала восстания 8 тысяч германских матросов 5 ноября⁵⁴⁹. Члены комиссий были отозваны 9 ноября «в связи с изменившимися обстоятельствами», а отложенные переговоры затем не возобновились вовсе.

⁵⁴⁶ См., напр.: *Мирам Я.* Вооруженное восстание в Риге. С. 62–63.

⁵⁴⁷ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 135–138.

⁵⁴⁸ См. ноту Иоффе в АА: ДВП. Т. 1. С. 520–521.

⁵⁴⁹ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 156–159.

ГЛАВА 5

РАЗМЕННАЯ МОНЕТА: БЕЛОРУССИЯ

Участь Белоруссии в рамках Брестской системы определялась тем, что как особый регион (не то что страна) она в базовых ее договорах не упоминалась вовсе, хотя проведенные и 9 февраля, и 3 марта границы, а также линии разграничения продлили расчленение на две части белорусского народа. В Прибалтике пределы продвижения германских войск и своего рода основания их пребывания за пределами брестских границ хотя бы оговаривались отдельно. Оккупацию Полесья интервентами можно было при желании «объяснить» ссылками на передачу всей этой области УНР (хотя III и IV Универсалами это не оговаривалось). Но наступление на Минск и далее на восток попросту фиксировало удобные для германского командования рубежи. Помимо захвата важных в транспортном отношении железнодорожных узлов, предотвращения дальнейших активных боевых действий (или, наоборот, возобновления союза на проантантовской платформе?) между поляками и большевиками выход на примерные рубежи Западной Двины и Днепра придавал германской зоне оккупации на Востоке должную стройность, связывал Прибалтику и Поднепровье, создавал необходимый буфер между Польшей и Советской Россией. Поэтому при всей готовности торговаться этими территориями (они названы попросту «лежащими восточнее линии, указанной в абзаце 1 статьи 3»), их возвращение большевикам откладывалось

текстом статьи 4 Брестского мира на неопределенный, но безусловно устраивающий Кайзеррейх срок — «до заключения всеобщего мира и полного проведения русской демобилизации»⁵⁵⁰. Куда менее яркие — особенно по сравнению с событиями на Украине — перипетии Первой германской оккупации Белоруссии, а также мучительный процесс выделения белорусской истории из истории сразу всех сопредельных стран обеспечили отсутствие сколь-нибудь масштабной монографии по данной проблеме. Ее до сих пор нет ни в польской, ни в (пост)советской, ни в германской и западноевропейской историографии. Некоторым эрзацем являются лишь вступления (и ссылки на них) к достаточно массивным трудам по истории Второй оккупации 1941–1944 г., которая затмевает события Первой даже более, чем применительно к остальным оккупированным в обе мировые войны регионам бывшей Российской империи.

С самого начала оккупации западнобелорусских земель поздним летом 1915 г. Главнокомандование на Востоке полагало себя едва ли не благодетелем занятых территорий, хотя наводимый «порядок» выражался в первую очередь в росте полученных и отправленных в Германию ресурсов. Полагая себя обязанным обеспечить максимум сырья для Германии ценой наименьших потерь, командующий 10-й армией Фалькенгайн сосредоточился на оформлении на оккупированной в феврале-марте территории системы сбора и вывоза сырья, не уступающей таковой в «старых» областях Обер Оста. В чем-то это носило оттенок соревнования со старым недругом Гофманом (а у того, в свою очередь, с обидевшим его начальником и предшественником Э. Людендорфом). Вследствие этого психологического подтекста результатами — поставками (тканей, льна, шерсти, кожи, масел и пр.) как минимум на 22 миллиона марок⁵⁵¹ — Фалькенгайн особенно гордился. В полосе долговременных позиций к сбору военного имущества привлекали местное население, за сдачу на сборные пункты свинца, проволоки (особенно медной), остатков кабеля, гильз и снарядов выплачивались небольшие премии.

⁵⁵⁰ См.: Советско-германские отношения. Т. 1. С. 367.

⁵⁵¹ См.: *Zwehl H. v. Falkenhayn*. S. 304.

Командиры кавалерийских частей были переведены на должность инспекторов по конскому составу, то есть объезжали оккупированные территории, подсчитывая и отбирая лошадей (в том числе из бывших частей русской армии, а также принятых в ходе расформирования 1-го польского корпуса), превратившись тем самым в эмиссаров скорее экономического, нежели военного рода. Порой отправлялись и на увлекательную охоту на расплодившихся и нападавших на крестьянский скот волков. Штабы, лишившиеся командиров, не расформировывали, имея в виду возможное их применение в будущем, что впоследствии осложнило эвакуацию массы инстанций, бесполезных для организации обороны. По мере распределения постепенно тающих сил 10-й армии по оккупированной территории командиров рот, эскадронов и батальонов постепенно превращали в администраторов уездного уровня, подталкивая к все более активному вмешательству в повседневную жизнь местного населения и к решению незнакомых ранее проблем, требовавших изрядного опыта и сведений о локальной специфике Белоруссии.

Уже зимой 1915–1916 гг. Людендорф, поглощенный переустройством завоеванной в предшествующей кампании территории, составил себе резко отрицательное мнение насчет перспектив белорусского национального движения. Хотя после 29 августа 1916 г. на Восточном фронте он больше ни разу не был, но и в дальнейшем руководствовался уже сложившимися впечатлениями. Именно это обстоятельство, а также вообще крайне неразвитые представления именно о Белоруссии и белорусах в немецкоязычной интеллектуальной среде⁵⁵² и обусловили характерную черту оккупационной политики в этом регионе, где интервенты не желали иметь даже ограниченных контактов с местными националистами⁵⁵³. Зачастую усматривая в белорусском национализме лишь замаскированную форму польского, германские оккупационные власти с подозрением относились к любым попыткам сорганизоваться, а уж

⁵⁵² См.: *Баринов И. И.* «Земля будущего» и «неосвоенная целина».

⁵⁵³ Например, 10 мая 1918 г. штабу 27-го рк, оккупировавшего Черниговщину и Киевщину, сообщали особо: «По указанию штаба группы армий Эйхгорна белорусское движение не поддерживать». См.: *SächsHStA*, 11358. 53. Bl. 19.

тем более хотя бы зарегистрировать офицеров соответствующей национальной идентичности⁵⁵⁴.

Следствием же этого в рамках территориально неустойчивых брестских границ стала «торговля» белорусскими территориями, превращенными в залог лояльности того или иного сателлита Германии или в премию большевикам за уступки по другим вопросам. В рамках Бреста избежать участи механического приращения территорий соседей смогла бы — в сравнении с последующими советскими и современными границами Беларуси — лишь небольшая центральная ее часть вместе с Минском. Широкая полоса территории от Западной Двины до Гродно (и далее к Белостоку) включалась в рамках большинства германских планов в Литву. Те же Белосток и Гродно, а также Брест, а то и более восточные территории могли быть предоставлены раздраженной аннексией «приграничной полосы» на западе будущей Польше. Порой в Варшаве для разобщения будущих восточнославянских государств имели в виду и попытку изобрести отдельный народ — полешуков. На все Полесье, включая Брест, Пинск и Гомель, претендовала, без каких бы то ни было существенных аргументов, Украина, причем как при Центральной раде, так и в еще большей степени при гетмане. Весьма специфически относились к перспективе даже формально независимой Белоруссии большевики. В ответ на территориальные притязания новой союзной республики на востоке, включавшие Смоленщину (чуть не до Ржева), Великие Луки, Стародуб и Брянск, из границ будущей БССР надолго были исключены Полоцк, Витебск, Могилев и Гомель⁵⁵⁵. Образование 1 января 1919 г. Советской Белоруссии и ее последующее недолгое существование (до формирования Литбела) продемонстрировало весь спектр проблем, связанных с нежеланием

⁵⁵⁴ Например, подозрения вызвали попытки провести подобную акцию в пользу раненых солдат-белорусов в Киеве 1 сентября 1918 г.: SächsHStA. 11358. 57. Bl. 130.

⁵⁵⁵ Протесты большевистских лидеров Западной области и БССР, а также отправленного в Вильну Иоффе были отклонены указанием на опасность сепаратизма и важность объединения Беларуси с Литвой в противовес польским амбициям, см. подр.: Боровская О. Н. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. С. 35–51.

Москвы всерьез учитывать белорусское стремление хотя бы к частичной самостоятельности⁵⁵⁶. На западе амбиции БНР простирались на Двинск, Вильну, Августов (с получением границы с Германией), Белосток и Бельск.

Белорусские националисты оказались без союзников, тщетно взывая к германскому гегемону⁵⁵⁷. Именно в рамках Брестской системы была предreshена судьба попыток образования не только действительно независимого, то есть сравнительно нейтрального украинского национального государства, но и в еще большей степени белорусского. Отсутствие БНР в брестском варианте переустройства Восточной Европы в 1918 г., несмотря на все последующие резкие флуктуации и широкий спектр вариантов российско-польских отношений в 1919–1921 гг., было еще раз закреплено и в Рижском мирном договоре 1921 г. Весьма ценное стремление современных специалистов «привести в единую систему» ход переговоров между РСФСР и Польшей в эти крайне нестабильные годы не может, однако, привести к корректному анализу действительно системных закономерностей данного процесса без учета глубокой преемственности процессов в брестском и постбрестском переустройстве Восточной Европы. Это особенно заметно, если игнорируется германский фактор, что при рассмотрении истории становления Второй Речи Посполитой кажется абсурдным, однако встречается достаточно часто⁵⁵⁸. Попытка написать историю постимперского

⁵⁵⁶ См. подборку документов: 1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 107–156.

⁵⁵⁷ См., напр., издание миссии БНР в Берлине: *Цвикевич А.* Беларусь. Политический очерк. Берлин, 1919.

⁵⁵⁸ См., напр.: *Боровская О. Н.* Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. С. 5–6, 21–24, 29–30. При огромном внимании к фактологии советско-польского конфликта в монографии А. Грицкевича «Фаустшлаг» уделено (в совокупности) около 3 страниц, эвакуации германских войск (тоже оговорками при обсуждении других тем) еще около 2. Несмотря на националистический пафос и яростные нападки на страны, захватывавшие исконно белорусские территории (включая Вильну), автор сохранил советскую традицию рассмотрения наступления РККА на запад в 1918–1919 гг., т. е. фактически без противника. См.: *Грицкевич А. П.* Западный фронт РСФСР 1918–1920. С. 33–34, 63–64, 117–118, 124–125.

пространства через призму отношений лимитрофов с каждой из бывших метрополий по отдельности приводит к совершенно искусственной фрагментации и искажению общей логики событий и решений.

После подписания Брестского мира, а особенно в связи с переносом столицы в Москву, центральное направление (на Смоленск) долгое время было наиболее чувствительным для командования советских войск, особенно в период максимального влияния Бонч-Бруевича. По мнению партийного руководства, он несколько инерционно полагал важнейшей задачей подготовку к будущему столкновению с Германией, а не победу в схватках с антибольшевистскими силами на окраинах. А вот Ленин, напротив, готов был торговаться отдельными территориями именно в Белоруссии (как, впрочем, впоследствии и немцы) ради достижения прочного перемирия или получения гарантий безопасности более важных стратегически районов. Так, в мае 1918 г. он поручил своему делегату на переговорах с Украиной П. П. Сытину в случае необходимости уступить немцам до 4 уездов в Могилевской (или Черниговской) губернии ради заключения прочного перемирия на всей демаркационной линии⁵⁵⁹. Судя по спокойной реакции германского командования на восстания на левом берегу Днепра (Быховский уезд) против отправленных туда на реквизиции польских частей⁵⁶⁰, ни в каком расширении своей зоны оно не было заинтересовано, что вряд ли можно сказать об украинских войсках.

Отсутствие даже формального прикрытия прямой военной оккупации (тем более там, где она установилась лишь недавно) гарантировало быстрый рост недовольства даже пассивных поначалу слоев населения. В белорусских уездах в прифронтовой зоне быстро нарастало партизанское движение, особенно до того, как начались принудительные наборы в РККА. Уже 15 марта в Гомеле попытались взорвать ужинавший в кафе германский штаб, а также местную гостиницу «Савой» и городской театр, где были раз-

---

⁵⁵⁹ См.: *Войтиков С. С.* Советско-германские отношения после Брестского мира: военный аспект // Проблемы социальной и политической истории России. М., 2009. С. 294–296.

⁵⁶⁰ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 193–194.

мещены части оккупантов⁵⁶¹. С мест в Москву гордо сообщали об убитых в многочисленных стычках немцах⁵⁶², хотя в действительности через парламентариев пытались согласовать отвод войск за те границы Украины, которые имеют в виду оккупанты⁵⁶³. 28–29 марта германский гарнизон (около 2 рот) едва не выбили из деревни Марьино в 20 км к востоку от Гомеля⁵⁶⁴, так что понадобилась серьезная акция возмездия в деревнях Дубовый Луг и Ветка. С обеих сторон в бою участвовали многочисленные пулеметы и артиллерия. Все чаще отмечалось, что большевики не просто хорошо вооружены, но и достаточно обучены и дисциплинированы, хотя выдержать атаку германской пехоты не могут. Лишь сравнительно регулярная демонстрация силы в апреле и явная стабилизация демаркационной линии (с отказом от продвижения

⁵⁶¹ О действиях подпольщиков против интервентов на Гомельщине, но зачастую без цифр и дат, см.: Глушаков Ю. Э. Повстанческое движение на Гомельщине в 1918 — начале 1919 г. // «Атаманщина» и «партизанщина». С. 778–782. В истории прибывшего в Гомель 17 марта 1918 г. 106-го лпп ничего о терактах накануне не говорится, хотя упоминаются обыски, которые дали несколько сотен единиц оружия, но никаких попыток сопротивления оказано не было. См.: *Fritsche M. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 150.*

⁵⁶² Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 48–49. Вероятно, большую часть имевших все же место потерь следует отнести на счет союзников немцев (или причисленных к таковым), а не на собственно германские войска. Примерно такая же ситуация с учетом уничтоженного партизанами количества сил противника повторится и в годы ВОВ.

⁵⁶³ 27 марта от красных прибыли 5 парламентариев, но детали их переговоров в штабе 100-го ландверного полка не описываются. См.: *Fritsche M. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 152.*

⁵⁶⁴ Любопытно сравнить с крайне немногословным описанием этих событий в полковой истории, где утверждается, что в деревнях Препрост (?) и Корма были лишь уничтожены пара патрулей, над телами убитых надругались, но в ходе карательных экспедиций к 1 апреля большевики были рассеяны: *Sauer W. Das Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100. S. 85–87.* В истории 106-го лпп бои за Марьино описаны более подробно, заявлено о по меньшей мере 4 убитых и 7 раненых. Оккупанты были вынуждены обороняться, но красные 30 марта отказались от дальнейших атак: *Fritsche M. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 153–154.*

далее взятых с боями 9 апреля Новозыбкова⁵⁶⁵ и 14 апреля Клинцов⁵⁶⁶ и подрыв германской кавалерией ведущих на север и восток железных дорог) смогли несколько успокоить обстановку. Новым рубежом на этом направлении должна была стать р. Унеча. Марш некоторых германских войск от Новозыбкова на юго-восток в сторону Новгород-Северского попутно обозначил окончательную линию разграничения. Некоторый эффект возымело и хотя бы формальное включение Полесья и части Брянщины в Украинскую державу, что поначалу вызывало надежду на смягчение оккупационного режима и пребывание под «местной» властью. Продолжались в апреле регулярные стычки и под Полоцком, причем с отрядами («бандами») численностью в сотни человек, с привлечением артиллерии и пулеметов⁵⁶⁷. Весь май и первую половину июня интервентам и их украинским союзникам удавалось поддерживать неопределенность на курском и брянском направлениях, где продолжали явочным порядком передвигать демаркационную линию, что провоцировало дополнительные ноты Чичерина Кюльману и обратно. Большевики отвечали рейдами бронепоездов и артиллерийскими обстрелами некоторых спорных станций и деревень⁵⁶⁸. Далее к северу после многочисленных стычек в апреле — начале мая командование обеих сторон сравнительно конструктивно согласовало демаркационную линию под Полоцком⁵⁶⁹.

С конца марта 1918 г. командование 10-й армии стало неуклонно наращивать механизм контроля над ресурсами оккупированных

⁵⁶⁵ См.: *Sauer W.* Das Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100. S. 87–88; *Fritzsche M.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 159–160. В Новозыбкове 16 апреля 1918 г. разместился штаб 47-й ландверной дивизии; *Pfaff F.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 104. S. 43.

⁵⁶⁶ См. подп.: *Fritzsche M.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 162–164.

⁵⁶⁷ См., напр.: *Griepentrog E.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 27 im Weltkrieg. S. 187ff.

⁵⁶⁸ Под Робчиком якобы выпускали до 250 снарядов в день, только вечером 8 мая было заключено хрупкое перемирие, 10 мая его продлили на 10 дней, а затем на неопределенный срок. См.: *Fritzsche M.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 168–170, 177.

⁵⁶⁹ Установили даже специальные указатели. См. подп.: *Griepentrog E.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 27 im Weltkrieg. S. 191–192.

территорий, в том числе с помощью регламентации любых контактов между кайзеровскими войсками и местным населением, включая торговые. Закупки пытались централизовать, что могло повлечь только установление более жестких, а потому невыгодных для крестьян цен на продовольствие. Пунктуально брали под контроль сколько-нибудь ценные промышленные предприятия. Постоянно ужесточался (по меньшей мере на бумаге) режим на демаркационной линии, что должно было покончить не столько с миграциями, сколько с сохранением активной связи между разделенными между большевиками и интервентами территориями. Карательные экспедиции против отдельных деревень, штрафы, реквизиции и постоянные аресты «зачинщиков» постепенно накаляли обстановку, хотя поначалу позиция местного населения была выжидательной и неагрессивной. Куда больше тревожили оккупантов постоянные слухи о росте сил красной гвардии за Днпром и о назначенных на разные круглые даты восстаниях. Не менее тревожно настроенные командиры Западной завесы РККА в начале мая 1918 г. постарались согласовать — во избежание недоразумений — общий порядок пропуска людей через демаркационную линию⁵⁷⁰, в чем встретили должное понимание у интервентов.

Волну протестов белорусского населения вызвали попытки германских властей использовать местных жителей на масштабных строительных работах, в том числе по восстановлению инфраструктуры. К изрядному удивлению оккупационных властей никакой благодарности местных жителей за налаживание транспорта не было, скорее наоборот. К 10 мая 1918 г. в оставшихся под властью большевиков уездах Витебской и Могилевской губерний в РККА и партизанских отрядах числилось (по советским данным) около 7,8 тысячи бойцов⁵⁷¹. Значительную часть «партизан», особенно в глубоком тылу, составляли бежавшие военнопленные, либо сопротивлявшиеся германским реквизициям местные жители, не столько нападавшие на оккупантов, сколько уклонявшиеся от контактов с ними, не считая случаев захвата остро необходимого продовольствия. Подозревали в организации диверсий и «банд»

⁵⁷⁰ См., напр.: *Bartel R. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 57. S. 278.*

⁵⁷¹ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 90.

и местных помещиков-поляков, возможно, укрывавших дезертиров из корпуса Довбор-Мусницкого. Сильнейшее возмущение вызывали попытки германских властей продать крестьянам излишки реквизированного у них же (или по соседству) продовольствия. Даже оставив многодетным семьям скот, оккупанты требовали регулярных поставок, особенно молока и масла, хотя признавали, что положение с продовольствием в белорусском селе очень тяжелое. Массовый вывоз зерна и фуража грозил падежом скота и домашней птицы, так что оставалось рассчитывать только на хороший урожай. На оккупированных территориях оставалось немало беженцев, дезертиров, а также совершенно дезориентированных сезонных рабочих, в том числе китайцев и корейцев⁵⁷², с которыми новые власти не знали, что делать, добиваясь их вывоза в Советскую Россию, чтобы сберечь и без того тающие продовольственные ресурсы.

При все более тяжелом оккупационном климате серьезной угрозы германское командование не ощущало, постоянно ослабляя и без того небольшую 10-ю армию, ведь огромные захваченные на юге территории требовали все больше оккупационных войск. Помимо выведенных на другие ТВД еще в конце марта крупных сил ландвера в начале апреля 1918 г. из округа Молодечно в окрестности только что взятого Харькова стали отправлять войска 16-й ландверной дивизии, оттуда отправившейся в Донбасс, где кампания еще только приближалась к концу. Белорусская группировка оккупационных войск постепенно редела, что было на руку не столько большевикам, сколько полякам. Предупреждения местных помещиков о сохранившемся подполье, о наличии у крестьян оружия и их готовности восстать по сигналу, о так и не осознанном (что неудивительно) извести о заключении мира хотя и принимались, но практических последствий, не считая призывов сохранять бдительность, не имели⁵⁷³. Батальоны ланд-

⁵⁷² У магистрали Барановичи — Минск оказалось около 400 корейцев, в том числе жен и детей рабочих, отчаянно голодавших и с трудом отправленных интервентами на восток. См.: *Grün E., Hechler P. Das preußische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 6 im Weltkrieg 1914–18*. Berlin; Glogau; Breslau, 1927. S. 169–170.

⁵⁷³ Некий помещик предупреждал 17 апреля штаб 85-й ландверной дивизии, что стоит ожидать даже попытки захвата Полоцка, о натрав-

вера и ландштурма, немногочисленные эскадроны постоянно проходили передел зон ответственности, осуществляя все более номинальный контроль над разраставшимися округами. Роспуск и вывоз 1-го Польского корпуса только добавили задач тающим силам оккупантов, вынужденных принять на себя контроль над еще 5 уездами, включая Бобруйск, где были крупные артиллерийские склады⁵⁷⁴. Некоторым плюсом было лишь то, что местное население было явно благодарно германскому командованию за прекращение реквизиций со стороны поляков, но только до тех пор, пока оборот не набрали реквизиции уже германские.

Все более частые слухи о возможном возобновлении боевых действий привели к усиленной разведке переправ на Днепре и планам по внезапному его форсированию или отражению большевистских рейдов, хотя раз за разом командование красных демонстрировало волю к улаживанию любых инцидентов. Попытки левых эсеров 7–9 июля 1918 г. и после этого⁵⁷⁵ спровоцировать разрыв перемирия на демаркационной линии вызвали усиленную концентрацию германских войск⁵⁷⁶ и в том числе поэтому быстро окончились неудачей. Однако на волне резонанса от убийства Эйхгорна там же, под Оршей и южнее ее, 6–12 августа последовали более решительные провокации⁵⁷⁷, которые быстро окончились подтверждением прежней демаркационной линии (хотя и было

ливании местных жителей на оккупантов, о раздаче оружия. В приказе по 67-му генеральному командованию тут же были отданы распоряжения о более строгом обращении с населением, о поисках оружия, об оживлении агентурной работы и проч., однако, по-видимому, без особенного результата. См.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 53–53об.

⁵⁷⁴ Правда, они сильно пострадали от взрывов в марте 1918 г.

⁵⁷⁵ См. о региональных проявлениях левозэсеровского мятежа разной степени кровопролития, в т. ч. в Орше: *Леонтьев Я. В.* 6 июля: региональный аспект // *Гражданская война в России. События, мнения, оценки.* М., 2002. С. 362–388.

⁵⁷⁶ Такая же реакция последовала и через месяц. См.: *Bartel R.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 57. S. 297–298.

⁵⁷⁷ ЧК уже через две недели покончила с отголосками и зачинщиками мятежей. См.: *Карасев А. Д., Глушаков Ю. Э.* Мятеж, которого не было // *Гражданская война в России. События, мнения, оценки.* С. 389–397.

убито 37 германских солдат)⁵⁷⁸. Собранный кулак из двух полков (57-го и 72-го ландверных) не понадобился. Зато встревоженные и озлобленные германские солдаты из 14-й ландверной дивизии и лейб-гусарских полков тут же провели ряд превентивных карательных акций против потенциальных партизан (у Сенно и др.), почти невооруженных⁵⁷⁹, были столкновения и на линии соприкосновения⁵⁸⁰. В некоторых боях с повстанцами оккупанты понесли потери пленными, иногда вынуждены были задействовать артиллерию⁵⁸¹. Начавшие было эвакуацию⁵⁸² советские власти тут же дали германскому командованию разъяснения, и оно их нашло вполне удовлетворительными. Хотя после удаления левых эсеров или их приема в РКП(б) — глобальной акции на всех фронтах РККА — управляемость войск повысилась, напряжение на демаркационной линии росло. Носителями идей о возобновлении хотя бы малой войны с немцами или более активного ее ведения вновь оказались те, кто уже имел опыт боев с ними весной 1918 г. 15 августа 1918 г. из Орши просили Ленина срочно сменить все части, находившиеся на демаркационной линии, «так как только этим мы можем быть гарантированы от войны с Германией... мы здесь как в омуте между здешними работниками... каждый день на фронте выступления происходят против немцев и против Советов... Вчера ночью немцы предъявили ультиматум частям, которые шли в наступление; если не прекратят, то 14 числа в 10 часов ночи дадут бой, но ночь прошла тихо»⁵⁸³. На демаркационной линии наблюдали зарево от пожаров восставших деревень, на станциях возвели проволочные (и порой электрифицированные)

⁵⁷⁸ См.: *Otto K. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 246. S. 304–305*. Был убит 1 и тяжело ранен еще 1 гусар из 20-го гусарского: *Planitz K. v. Das Husaren-Regiment Nr. 20. S. 131–132*.

⁵⁷⁹ См.: Германские оккупанты в Полесье // Красный архив. 1938. № 6. С. 96–97.

⁵⁸⁰ Донесение от 9 июля: РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 3. Д. 4. Л. 337.

⁵⁸¹ См.: *Kötzschke R. Die Landwehr-Infanterie-Regimenter Nr. 101 und Nr. 103. S. 80*.

⁵⁸² См. инструкцию псковским советам: Крах германской оккупации на Псковщине. С. 172–173.

⁵⁸³ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 142–143.

граждения, чтобы пресечь диверсии на железных дорогах. Сменявшие друг друга части германской армии каждый раз начинали акции устрашения с нуля, ведь после определенного времени пребывания на одной территории лояльность солдат по отношению к населению усиливалась вплоть до отказа участвовать в акциях поэмездия.

Иллюзий об общих настроениях в германских штабах не питали, постоянно предупреждая войска о важности профилактики несъема вероятного восстания⁵⁸⁴. Кратковременные слухи о будущем походе против чехословаков на Волгу, ведь Москва якобы запросила германской помощи, сопровождалась активными мерами и начале августа по приведению 3 германских дивизий в Белоруссии в боеготовность, однако на местах более конкретных сведений о будущем наступлении на восток, по-видимому, не получили, а затем обстановка вновь успокоилась⁵⁸⁵. Левые эсеры продолжили попытки использовать недовольство Брестом в частях РККА, приготовленных для отправки на Восточный фронт, и в конце августа подняли в Орше мятеж⁵⁸⁶, однако он был быстро подавлен. В свою очередь жесткие — не менее чем на Украине — действия рыскавшей по деревням германской кавалерии заставили крестьян воздержаться от попыток действительно широкого восстания, хотя попытка поднять его была предпринята 14–19 августа в Гомельском уезде. Оно было подавлено с довольно чувствительными потерями для незначительных сил интервентов⁵⁸⁷. Вскоре некоторые германские войска были сменены на передовой в Полесье гайдамаками.

В связи с началом реализации условий Добавочного договора (а конкретно — о поставках золота в счет 1,5 миллиарда из общей

⁵⁸⁴ См. приказ по 3-му резервному корпусу об обстановке в Борисовском уезде: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 26.

⁵⁸⁵ См.: *Planitz K. v. Das Husaren-Regiment Nr. 20. S. 131.*

⁵⁸⁶ См.: Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 199–201.

⁵⁸⁷ 14 августа под Воробьевкой красные партизаны (?) внезапно атаковали роту 104-го лпп, которая вынуждена была бросить 15 убитых, потеряв еще 9 человек ранеными. В тот же день деревня была сожжена дотла. См.: *Pfaff F. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 104. S. 46–47; Planitz K. v. Das Husaren-Regiment Nr. 20. S. 133–134.*

суммы «компенсаций» в 6 миллиардов⁵⁸⁸) 12–15 сентября 1918 г. в Вильне русско-германской комиссией было заключено соглашение о порядке вывода германских войск из большей части Сенненского и Лепельского уездов 20–22 сентября, а затем еще и 5 участков в последующие месяцы параллельно поступающим траншам советских платежей⁵⁸⁹. Попытки советской стороны включить в состав получаемых территорий полосы вдоль железных дорог, имевшие хоть какое-то военное значение, были тут же отклонены⁵⁹⁰. В оккупационные войска тут же последовал приказ максимально экономически «использовать» оставляемые территории, то есть успеть заставить крестьян сдать только что обмолоченный урожай. Вскоре из-за якобы допущенного большевиками грубого нарушения линии фронта под Льговом отвод германских войск был отложен с 20–22 на 26–28 сентября, но отменить его вовсе было уже невозможно. Откладывать далее было также нельзя, ведь все новых подкреплений, и уже целыми соединениями, требовал Западный фронт. Тем самым вывод войск с Востока на деле начался почти за 2 месяца до Компьенского перемирия. Тогда еще имели в виду завершение этого процесса к 28 февраля 1919 г. Это оставляло интервентам все возможности для выставления новых требований, затяжек и для тщательной подготовки к будущему более прочному разграничению с большевистской Россией. По другую же сторону демаркационной линии, наоборот, испытывали преувеличенные надежды на ревизию Бреста, начиная с Белоруссии, со скорейшей передачей немцами после этого (в течение недель) чуть ли не Пскова и Двинска. Эти

⁵⁸⁸ Первый транш золота (из бывшего румынского запаса) и рублей стоимостью в 250 миллионов марок прибыл в Оршу под охраной бронепоезда 10 сентября 1918 г. Там эти 4 вагона с золотом, замаскированные под продовольственные, встречали солдаты 101-го лпп, затем сопровождавшие груз в Берлин. См.: *Kötzschke R. Die Landwehr-Infanterie-Regimenter Nr. 101 und Nr. 103. S. 85–86*. Последующие 4 транша должны были быть почти на 20 % больше первого каждый. Описание сопровождения этого эшелона см. также: *Bartel R. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 57. S. 302–303*.

⁵⁸⁹ См. текст соглашения, подписанного с германской стороны подполковником Генштаба Брюггеманном, а с советской — Суховым и Куком: ДВП. Т. 1. С. 478–482.

⁵⁹⁰ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 232–236, 241.

глухи были столь упорны, что ими вынужден был заниматься даже Чичерин и НКВД, хотя именно там должны были прекрасно знать, что возвращение немцами оккупированных территорий предельно дорого обойдется Советской России.

На протяжении всего периода развития Брестской системы, несмотря на провозглашенную еще 25 марта независимость, все усилия находящейся на положении фантома БНР добиться постепенного повышения ее статуса до уровня государства-сателлита оставались тщетными⁵⁹¹. Большевики еще в апреле 1918 г. декларировали отказ от каких бы то ни было переговоров с белорусскими националистами⁵⁹², так что вынудить их сесть за стол переговоров могло бы лишь прямое давление Германии, а ей, в свою очередь, тогда надо было бы заключать с оформляющейся в еще одно государство-лимитроф БНР еще один, уже «белорусский Брест», в чем ни Обер-Ост, ни АА, ни ОХЛ были не заинтересованы. Более того, быстро поставленная и успешно решенная «польская проблема» на территории Белоруссии, а именно разоружение корпуса Довбора-Мусницкого, еще раз убедило германские инстанции в отсутствии необходимости делиться властью над Белоруссией с кем бы то ни было.

Апелляции к более успешным лимитрофам, особенно к Украине, были невозможны из-за территориальных споров, попытки заявить о себе, завязав контакты не только с непосредственными соседями, встречали недоверие из-за опасений недовольства германского командования⁵⁹³, а проантантовские группировки полагали деятелей Белорусской рады едва ли не германскими агентами⁵⁹⁴. БНР очевидно должна была искать новых покровителей,

⁵⁹¹ Это не мешает современной их мифологизации в национальной белорусской историографии, упорно отыскивающей внешнеполитические успехи БНР на протяжении 1918 г. См., напр.: *Грицкевич А. П.* Западный фронт РСФСР 1918–1920. С. 45–51.

⁵⁹² Оформлено оно было в традициях народного волеизъявления, через съезд Советов, см.: ДВП. Т. 1. С. 243–244.

⁵⁹³ Например, в июне 1918 г. представитель БНР пытался завязать контакты с донским правительством, но оттуда сразу запросили о позиции германских штабов, см.: ГАРФ. Ф. Р-1261. Оп. 1. Д. 36.

⁵⁹⁴ В сентябре последовал меморандум БНР генералу Алексееву, однако контакты завязать не удалось, см.: ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 48.

а ее прогерманская ориентация становилась все более условной. К началу октября 1918 г. на первый план стала выдвигаться идея срочного присоединения Минской и Могилевской губерний к Украинской державе, чтобы та защитила от большевистского вторжения после предстоящего вскоре отвода оккупационных войск. Особенно одиозные из-за сотрудничества с оккупантами помещики, зачастую поляки, начали срочно выезжать на запад, хотя бы в Вильну, оккупацию которой полагали обеспеченной еще на долгое время.

Германские войска в это же время опасались нелояльности формируемых (лишь с середины осени 1918 г.) вооруженных сил Белорусской рады, их союза с польскими войсками⁵⁹⁵, а также негативно относились к перспективе призыва жителей Полесья в гетманскую армию, запретив проведение там мобилизации⁵⁹⁶. Кроме того, сказывались на общем уровне отношений и результаты контактов местных помещиков с германскими солдатами, которые в обмен на дополнительный продовольственный паек, ведь в 10-й армии зачастую не получали специальную «украинскую прибавку», охотно исполняли роль наемной охраны в схватках с крестьянами, но не теряли убеждения, что воюют с «большевиками» и спасают порядочных людей от бандитов⁵⁹⁷, причем представления о последних были едва ли не мифические⁵⁹⁸. Офицерство шло на подобные кондотьерские сделки с помещиками еще охотнее, ведь они, по-видимому, щедро делились «возвращенным законным владельцам». Постоянные рейды по изъятию оружия, продовольствия, сена и лошадей наложились на плохой урожай

---

⁵⁹⁵ Тем более что во главе местного «правительства» 11 июля встал Скирмунт из полонизированной шляхты.

⁵⁹⁶ См. подр.: Германские оккупанты в Полесье // Красный архив. 1938. № 6. С. 89–106.

⁵⁹⁷ См. воспоминания одного из солдат: [Электронный ресурс]. URL: http://www.stadt-land-oldenburg.de/i_weltkrieg.htm (дата обращения: 28.09.2019).

⁵⁹⁸ Например, даже в послевоенной полковой истории всерьез (и без всяких комментариев) утверждалось, что в августе 1918 г. демаркационную линию в Курской губернии пересекли две банды, а именно чехов и японцев! См.: *Arnswald H. Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 11. S. 242.*

1918 г. и постоянное сокращение норм потребления для местного населения, которому оставляли по нормам меньше, чем было в измученной недоеданием Германии.

Покидая в октябре белорусские территории, германские войска постарались оставить противнику минимум. Местное население, «подозрительно хорошо осведомленное о добавке к мирному договору», с нетерпением ожидало эвакуации оккупантов⁵⁹⁹, однако оказалось быстро и глубоко разочаровано. Из-за угона скота и конфискации урожая на солдат бросались с топорами, в ответ стреляли на поражение. Тактика выжженной земли теперь обернулась и против большевиков, ведь «освободители» встречались с уже до предела озлобленным населением, так что продолжить изъятие съестного было не так-то просто. По мере реализации соглашения к 29 сентября как у Советов, так и у немцев возникла проблема недостатка сил для жесткого контроля над расширяющейся территорией⁶⁰⁰. К октябрю 1918 г. не было никаких оснований полагать, что крестьяне Белоруссии окажут меньшее сопротивление продразверстке, нежели реквизициям со стороны оккупантов. Последовали пламенные воззвания о сдаче хлеба к тем, кого еще вчера обещали освободить от грабежа немцами⁶⁰¹. Масштабной эвакуации сырья и ценностей интервентами большевики пока не могли воспрепятствовать никак (не считая протестов Иоффе⁶⁰²), хотя темпы германских реквизиций и грабежей напоследок существенно возросли, вызвав новую волну стычек и крестьянских мятежей⁶⁰³. В результате неоднократных протестов из Москвы 9–10 октября 1918 г. был согласован более детальный порядок эва-

⁵⁹⁹ В полковой истории утверждается, что особенно нужен был уход германских войск, чтобы местное крестьянство тут же вернулось к грабежам поместий, а то и к еврейским погромам: *Bartel R. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 57. S. 304.*

⁶⁰⁰ Поэтому тут же попросили не отправлять на восток Латышский кавалерийский полк. См.: *Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 241, 244.*

⁶⁰¹ *Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 252–257.*

⁶⁰² См. текст ноты от 4 октября: ДВП. Т. 1. С. 510–511.

⁶⁰³ См., напр.: *Griepentrog E. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 27 im Weltkrieg. S. 196, 198.*

куации германских войск с территории к востоку от р. Березина, предусматривавший самые разные имущественные нюансы⁶⁰⁴.

Вскоре в связи со слухами о прорыве Антанты в Черное море возобновилась переброска войск и на Украину, что впоследствии сказалось на ходе вывода войск с Востока. В начале октября, в связи с быстрым сокращением сил 10-й армии и несмотря на явный рост напряженности в советско-германских отношениях, вывод войск из ряда белорусских уездов ускорился. Тогда в ОХЛ еще полагали, что смогут за счет этих немногочисленных резервов Восточного фронта стабилизировать обстановку на Балканах и в Румынии. 3 октября был отдан приказ об отводе германских частей до линии Лунинец — Барановичи — Молодечно — Двинск — Ливенхоф. С 4 октября стали уезжать оккупационные войска из Могилева, отправляемые через Вильну на Запад. Большевики, осмелев, все более активно требовали не только передачи следующих уездов, но и оговаривали возвращение на получаемые участки железных дорог подвижного состава, а также не упускали случая опротестовать ускорившуюся вербовку в антибольшевистские формирования на оккупированной территории. К концу октября протесты подавались уже и по поводу тех действий германских властей, что производились на территориях, передача которых большевикам в ближайшее время не планировалась (Минска и т. д.)⁶⁰⁵.

25 октября войска Смоленского района РККА начинали занимать оставляемые и в прямом смысле очищенные немцами Сенненский, Оршанский и Могилевский уезды⁶⁰⁶. В полдень 31 октября 1918 г. красноармейцы вступили в Могилев, что стало первым крупным результатом расширения Советской России на запад. Однако до триумфального шествия здесь было очень далеко: вскоре весь регион был охвачен восстаниями, но теперь уже против большевистских реквизиций и попыток мобилизовать население в РККА. Зачастую возглавляли повстанцев те, кого большевики еще недавно вооружали, считая местным «активом»⁶⁰⁷. Готовясь

⁶⁰⁴ См. текст дополнительного протокола: ДВП. Т. 1. С. 517–520.

⁶⁰⁵ См. ноту НКВД от 23 октября: ДВП. Т. 1. С. 530–531.

⁶⁰⁶ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 281.

⁶⁰⁷ См., напр.: *Стужинская Н. И.* Лесная война глазами писателя и прокурора: повстанчество на Витебщине и Смоленщине // «Атаманщина» и «партизанщина». С. 792–803.

к быстрому установлению своей власти на новых территориях, большевики имели в виду и кратковременный союз с местными элитами. Верные уже опробованной и частично успешной тактике раскола национально-ориентированных социалистов, эмиссары Москвы вступили в переговоры с представителями БНР. В середине октября в Киеве Раковский имел беседу с Луцкевичем, которому обещал формирование белорусского просоветского правительства на основе Рады, что выглядело куда более привлекательным, нежели простая аннексия белорусских губерний Украинской державой. Однако сделка не состоялась: вполне возможно, белорусские активисты учли опыт существования первого правительства УССР, да и к началу декабря полагали участь Совнаркома предпрешенной, связывая свои надежды с Антантой. Вместе с оккупационными германскими войсками города оставляли и местные ячейки БНР, рассчитывая вскоре, то есть после свержения большевиков, вернуться⁶⁰⁸.

Когда в конце октября в войсках интервентов в Полоцке вспыхнул солдатский мятеж, за унижаемых германских командиров вступились белогвардейские офицеры из формируемых частей Северной армии, после чего сотоварищей по несчастью революционная солдатня побросала в Двину⁶⁰⁹. Росло число потерявшихся и отставших от своих частей, как намеренно, так и (куда чаще) случайно, при возвращении из отпусков и лазаретов. Они пытались отыскать свои части, отступая на запад пешком⁶¹⁰. Под влиянием слухов о скором уходе немцев и при явных приготовлениях к тотальным реквизициям оставшихся ресурсов

⁶⁰⁸ Провал надежд на быстрое формирование пробольшевистского правительства на основе БНР привело к тому, что о сделках между Лениным и белорусскими националистами в советской историографии предпочитали не вспоминать. Не слишком интересует (пока) эта тема и современную белорусскую историографию.

⁶⁰⁹ Борьба за советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 311–312.

⁶¹⁰ См., напр. в одном из мемуарных описаний: Abschrift handschriftlicher Aufzeichnungen der Kriegserlebnisse aus dem 1. Weltkrieg von Gustav Ostendorf aus Brake im Oldenburger Land. S. 38–41. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stadt-land-oldenburg.de/i_weltkrieg.htm. (дата обращения: 28.09.2019).

сторонники Белорусской рады и (в южной Белоруссии) Украинской державы стали готовиться к эвакуации за пределы территории, на власть над которой претендовали. Несостоявшемуся в фазе развития Брестской системы потенциальному германскому сателлиту теперь оставалось рассчитывать лишь на союз (и федерацию) с другими, тоже пока не слишком преуспевшими лимитрофами, то есть с Литвой и Польшей, что было белорусским лидерам не слишком приятно, однако по мере ухода войск интервентов иных шансов на государственность Беларуси (кроме советской) попросту не было.

ГЛАВА 6

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ: ПОЛЬША В КАМПАНИИ 1918 Г.

Еще одним регионом, где результаты «Фаустшлага» наложились на последствия многолетней (не менее 2,5 года), но здесь еще и многосторонней (всеми тремя империями) оккупации стали Конгрессова Польша и тяготевшая к ней не только культурно, но и логикой боевых действий на Восточном фронте Галиция. Обе эти территории с первого же месяца войны превратились из имперского пространства в межимперское, а значит, и в постимперское. Положение Польши в рамках Брестской системы можно было бы свести к определению «несостоявшаяся независимость», а собственно договоры от 9 февраля и 3 марта, где так много говорилось об освобождении наций, были восприняты поляками как катастрофа⁶¹¹. С учетом общего хода польской политики в Кайзеррейхе⁶¹² и едва скрываемого векового стремления всех трех «разделивших» держав устранить польский фактор из принятия каких бы

---

⁶¹¹ По крайней мере так вслед за оценками в польской прессе того времени иногда утверждается и до сих пор, см.: *Mędrzecki W.* Niemiecka interwencja militarna. S. 46; *Thakur-Smolarek T.* Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage. S. 541.

⁶¹² См. подр.: *Volkmann H.-E.* Die Polenpolitik des Kaiserreichs. Prolog zum Zeitalter des Kaiserreichs. Paderborn, 2016.

то ни было решений на Востоке⁶¹³, это было вполне логично, однако парадоксальным образом не все польские политики осознавали это вплоть до 1918 г. Трагическое рассеяние польского народа и особенно солдат и офицеров-поляков достигло своего апогея как раз в канун «Фаустшлага». Вызванные им последствия, в том числе миграции разной степени вынужденности, превратили участь Польши в рычаг воздействия на судьбы едва ли не всех бывших западных окраин Российской империи. Это во многом понимали и в Центральных державах, однако явно недооценивали негативных последствий устранения одной из бывших метрополий именно в польском вопросе.

Сместившееся равновесие сильнее всего било по Австро-Венгрии, причем чем ближе Габсбурги были к очередной короне в своей коллекции, тем сильнее. Уже аннексия Боснии необратимо сместила баланс между двумя половинами монархии, а потому последнее приобретение Австро-Венгрии так и осталось невстроенным в ее дуальную структуру. С потенциальным получением Конгрессовой Польши (или хотя бы основной ее части) триализм оказывался неизбежен. При всем недовольстве этим в Будапеште, территориальные потери в пользу нового члена (кон)федерации пришлось бы понести исключительно Цислейтании, ведь поляков не устроили бы никакие компенсации, кроме воссоединения бывших российских территорий с Галицией, а это, в свою очередь, означало резкое обострение отношений с украинцами и русинами, желание компенсировать себе потери в Вене и целую цепь иных конфликтов. Было немало причин полагать, что наименьшим злом для единства монархии была бы передача России хотя бы приграничной Восточной Галиции, что резко уменьшило бы долю украинцев в оставшейся части королевства Галиции и Лодомерии, а потому облегчило бы польскую гегемонию, способствуя укреплению польской лояльности Вене. Однако после осени 1917 г. такой передел польско-украинского пограничья оказался невозможен, а Берестейский мир обострил недовольство поляков плодами

⁶¹³ См. подп.: Mitter A. Das "Phantom" Polen — die "polnische Frage" in den Beziehungen zwischen den Teilungsmächten vom Ende der 1880er Jahre bis 1914 // *Fragmentierte Republik?* S. 223–254.

победы Центральных держав до предела. Австро-Венгрия от приобретения Польши только проигрывала, но признать это в политических кругах дунайской монархии не желали. Аналогичные тяжелые последствия ждали и упорно стремившееся к получению «приграничной полосы» в Польше ОХЛ, где — несмотря на любые увещевания дипломатов и даже генштабистов (Гофмана, например⁶¹⁴) — продолжали считать, что передел Привислинского края не хоронит перспективы становления лояльной к Кайзеррейху вассальной Польши. Не смели (до поры до времени) переубеждать их в этом и представители прогерманских кругов польской элиты, чтобы не спровоцировать репрессивных мер и лишения хотя бы начатков автономии.

Весьма показателен для взаимных иллюзий поляков и немцев тот факт, что германские инстанции никак не могли признаться себе в очевидном крахе попыток создать польскую армию, наметившемся уже к весне 1917 г., когда за прошедшие с 5 ноября 1916 г. месяцы поток добровольцев, желающих воевать за Центральные державы, так и не стал массовым. Повторный призыв к вступлению в польскую армию под германским руководством от 21 мая 1917 г. дал еще меньшие результаты. Под влиянием конфликта из-за присяги и ареста Пилсудского большинство офицеров будущей армии Польши пришлось и вовсе уволить из-за их нелояльности⁶¹⁵. Не пользовался должным влиянием и репутацией настоящего польского правительства и начавший свою деятельность 27 октября 1917 г. Регентский совет, затем сильно дискредитированный бессилием помешать переделу Польши на конференции в Брест-Литовске.

Незначительным достижением сторонников германо-польского примирения стало и неохотное согласие Германии на отправку польских миссий в Берлин, Вену, Софию и Петроград в февра-

---

⁶¹⁴ Гофман 18 августа 1918 г. сокрушался: «По-видимому, Людендорф победил в польском вопросе. Если нам посчастливится, мы получим еще полтора миллиона польских подданных и бешеную вражду со стороны нового Польского королевства». См.: *Гофман М. Записки и дневники*. С. 252.

⁶¹⁵ Это с удовольствием констатировала осенью 1917 г. русская разведка: РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 173. Л. 13.

ле 1918 г.⁶¹⁶ Куда большим ударом по польским интересам стало и вырванное Германией еще на стадии мирных переговоров фактическое (но не слишком искреннее) согласие Совнаркома предоставить Центральным державам решать польскую проблему во всей ее полноте без всяких консультаций с большевиками⁶¹⁷, о чем долгое время не знали польские лидеры, встревоженные заявлениями в Бресте польского социалиста С. Бобинского и К. Радека из большевистской делегации. Последний вел себя откровенно провокационно⁶¹⁸. Обострение «польской проблемы» достаточно сильно задевало и партии большинства в рейхстаге⁶¹⁹, получившие еще один повод к резкой критике всевластия военных и промахов дипломатии, а также возможности для дальнейших торгов о своем более активном вмешательстве в вопросы внешней политики. В австрийском же парламенте проблема стояла еще острее, ведь там был поставлен вопрос о самоопределении для всех поляков вне зависимости от бывших границ. Генерал-губернатор в Люблине граф Шептицкий немедленно ушел в отставку, причем на его место был назначен уже не поляк, что не могло не иметь последствий для устойчивости оккупационного режима.

Тем временем, хотя польские государственные деятели знали об этом лишь частично, ОХЛ заявило, что даже в случае проведения плебисцитов по принципу самоопределения из зоны их действия полностью исключаются польская приграничная полоса, а также Белосток, Гродно, Сувалки и Августов, в том числе потому, что для этого «не созрело» белорусское население, то есть Польше

⁶¹⁶ Поляки рассчитывали на представительства и в нейтральных странах, и в Османской империи, а затем и в Киеве и Двинске, однако разрешение последовало еще позже. См.: *Basler W. Deutschlands Annexionspolitik*. S. 215–216. Anm. 272.

⁶¹⁷ Текст соответствующего соглашения, достигнутого точно до 15 января 1918 г., опубликован в: *Strazhas A. Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg*. S. 264–265.

⁶¹⁸ См.: *Фокке Д. Г. Брестский мир*. С. 348–350, 354–356; *Gutjahr W.-D. Revolution muss sein*. S. 262–263.

⁶¹⁹ См. подр.: *Behrens G. Der Mythos der deutschen Überlegenheit*. S. 366–413.

досталось бы слишком многое⁶²⁰. При переговорах с делегатами Центральной рады Гофман и вовсе сослался на то, что надо определяться без результатов плебисцита в Холмской губернии, ведь она в прифронтовой зоне, а значит, голосование (пока) по военным соображениям организовать не удастся⁶²¹. Украинская же делегация в ответ немедленно принялась определять границы своих притязаний в адрес Австро-Венгрии, вспомнив о Буковине и Угорской или Карпатской Руси, а затем и о Бессарабии⁶²². Этнографические аргументы в дискуссии, быстро ставшей едва ли не главной темой польской прессы⁶²³, как и всегда⁶²⁴ представляли собой жонглирование статистикой и демонстрацию различных карт на основе «точных данных» при невозможности определиться с их достоверностью. Население спорных территорий, как это часто бывает, тем более в Восточной Европе⁶²⁵, имело смешанную национальную (в отличие от более выраженной религиозной) идентичность⁶²⁶. В еще меньшей степени достоверными оказывались предъявляе-

⁶²⁰ Der Friede von Brest-Litowsk. S. 170–171.

⁶²¹ См.: Der Friede von Brest-Litowsk. S. 317–325.

⁶²² См.: Der Friede von Brest-Litowsk. S. 391. Итогом стало тайное обещание Чернина украинской делегации об образовании особой коронной земли в Восточной Галиции и Буковине. См. текст: Українська Центральна рада. Київ, 1997. Т. 2. С. 150–151.

⁶²³ *Thakur-Smolarek T.* Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage. S. 536ff.

⁶²⁴ Политизация статистики была хорошо известна еще по результатам Балканских войн, см.: *Hacisalihoglu M.* Borders, Maps and Censuses — the Politization of Geography and Statistics in the Multi-Ethnic Ottoman Empire // *Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century* / ed. by J. Leonhard, U. von Hirschhausen. Göttingen, 2011. P. 171–210.

⁶²⁵ Лишь недавно вышло исследование, посвященное картографической традиции и ее использованию в спорах насчет принадлежности Вильны за период в 150 лет, до Второй мировой войны, см.: *Nenartović T.* Kaiserlich-russische, deutsche, polnische, litauische, belarussische und sowjetische kartographische Vorstellungen und territoriale Projekte zur Kontaktregion von Wilna 1795–1939. Diss. ... Gießen, 2014 (München, 2016).

⁶²⁶ Это особенно хорошо видно на картах с результатами исследований лингвистов и этнографов. См. подр.: *Савченко В. Н.* Восточно-славянско-польское пограничье 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995. С. 95–118, 185–194. Относительно белорусско-польско-галицийского пограничья

мые карты. Некоторым облегчением для габсбургских дипломатов было лишь то, что по мере укрепления власти Рады, а уж тем более после прихода к власти П. Скоропадского постепенно начал разгораться конфликт между Украиной и Румынией из-за встречных претензий на Бессарабию, что давало Вене определенную возможность маневра и торго с обеими сторонами⁶²⁷.

Следя за ходом мирных переговоров, польские инстанции с негодованием обнаружили готовность Германии подкупить делегацию УНР уступками в Холмском вопросе (имея в виду даже расширение бывшей Холмской губернии)⁶²⁸, тем более с согласия тогдашнего габсбургского министра иностранных дел Чернина и вопреки полонофильской в целом линии Австро-Венгрии⁶²⁹. Отражением такой позиции стало то, что украинский экземпляр секретного соглашения с двуединой монархией об образовании к 20 июля новой единой коронной земли с преобладанием украинского населения был передан дипломатами Рады на хранение в Берлин. Австро-Венгрия сумела добиться этого после обращения свергнутой Рады за помощью к Центральным державам, когда ее делегаты в Вене 18 февраля согласились хранить в секрете соглашения о Холмщине, о передаче документа на хранение третьей стороне (протокол от 4 марта) и оговорили возможность изменения в дальнейшем границы «по этнографическим признакам»⁶³⁰, однако от возмущения поляков это габсбургскую

см.: *Białoruś w XX stuleciu: w kręgu kultury i polityki* / Pod red. D. Michaluk. Toruń, 2007. S. 225–280.

⁶²⁷ См. подр.: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 561–597.

⁶²⁸ 27 декабря 1917 г. полковник фон Винтерфельдт из ОХЛ сообщал рейхсканцлеру, что «ради Польши не следует откладывать подписание мира с Украиной ни дня». См.: *Der Friede von Brest-Litowsk*. S. 157. См. о Холмском вопросе в ходе переговоров в Брест-Литовске подр.: *Kindler K. Die Cholmer Frage 1905–1918*. Frankfurt/M., 1990. S. 295ff.

⁶²⁹ Торговаться приходилось именно за счет двуединой монархии, что и привело к обсуждению Холмского вопроса и заключению 8 февраля тайного договора о Галиции, Холмщине и Буковине, см. в т. ч. тексты соглашений: *Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litovsk*. Wien; Köln; Graz, 1970. S. 72–75, 137–145.

⁶³⁰ См.: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 2. S. 276–290; *Михутин И. В.* Украинский Брестский мир. С. 248–250.

монархию не спасло. Наметившийся было еще с августа 1914 г. польско-украинский диалог под управлением митрополита Шептицкого на проавстрийской и русофобской основе немедленно стал жертвой прежних и теперь вновь разгоревшихся конфликтов. Лишь с огромным трудом в июле 1918 г. министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Буриану удалось выйти победителем из сложной польско-украинской интриги, однако явно до следующего обострения кризиса. Ради союза с Австро-Венгрией и при очевидном отказе выполнять эти обещания германские дипломаты дали согласие на уничтожение копии договора 16 июля 1918 г. в Берлине, в присутствии посла Австро-Венгрии, когда в Вене решились публично отказаться от этих обязательств ради примирения с поляками⁶³¹.

Особую проверку на прочность в связи с Берестейским миром должно было пройти и прогерманское крыло польского политикума, а также образованные в Варшавском генерал-губернаторстве польские административные инстанции. Правительство Я. Кухаржевского было образовано лишь 21 ноября 1917 г. и вызывало особое доверие Центральных держав, ведь его лидер некогда был оппонентом лидера пророссийского крыла польских политиков Р. Дмовского⁶³². После публикации условий Берестейского мира оно тут же ушло в отставку, дав сигнал мощным акциям сопротивления. В Варшаве крайне болезненно ощутили, что внезапно, всего одним документом, Украина — даже сократившаяся до предела — вдруг стала куда более состоявшимся в международном отношении государственным проектом, нежели ожидающая решительных шагов к предоставлению самостоятельности Польша. Уже 12 февраля 1918 г. кабинет Кухаржевского направил протест правительству УНР, как раз скитавшемуся где-то в окрестностях Житомира, в связи с его стремлением к аннексиям, которого вовсе не наблюдается (якобы) у возрождающегося польского государства. Под аккомпанемент кампании в германских и местных газетах, указывающей на скорые военные действия против боль-

⁶³¹ См.: Kindler K. Die Cholmer Frage. S. 341–342.

⁶³² Conze W. Polnische Nation und Deutsche Politik. Köln; Graz, 1958. S. 314–317.

шевиков, правительство Кухаржевского в манифесте к полякам от 14 февраля заявило о случившемся очередном разделе Польши. Рассерженный генерал-губернатор Г. фон Безелер тут же наложил на бастующую Варшаву штраф в 250 тысяч марок, однако в ответ последовали стычки с оккупационными войсками⁶³³.

Готовились к массовым выступлениям и в Галиции, то есть в ближнем тылу австро-германских войск⁶³⁴. Ответом на уступку Холмщины Раде стали отставки польских министров и воззвания ко всем полякам-солдатам, забастовки и попытка перехода линии фронта в полосе 7-й австро-венгерской армии для соединения с Довбор-Мусницким частью польских легионов под командованием Халлера. Большевики, до этого серьезно опасавшиеся союза I Польского корпуса с Радой и наступления его частей на помощь Киеву, не замедлили воспользоваться Брестским миром УНР с Центральными державами для подстрекательства польских солдат на национальной почве⁶³⁵. Не без воздействия агитаторов, зачисленных в корпус под видом добровольцев⁶³⁶, 1600 бойцов (до этого считавшихся надежными, т. к. в отличие от сторонников Пилсудского они с лета 1917 г. все же находились под присягой⁶³⁷) — в ночь с 15 на 16 февраля 1918 г. перешли ли-

---

⁶³³ Безелер был чрезвычайно уязвлен нелояльностью поляков, во всем винил австрийцев и их уступки украинцам, см. его переписку: ВА-МА, N 30/56.

⁶³⁴ Например, во избежание столкновений были приняты особые меры в германских войсках во Львове, см. приказ по 27-му резервному корпусу: SächsHStA. 11358. 38.

⁶³⁵ См. воззвания к легионерам от 8–12 февраля: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 308–309, 314–315.

⁶³⁶ Среди них были и солдаты-поляки из бывшей РИА. 31 января 1918 г. генерал Зелинский категорически запретил принимать в корпус солдат иностранных армий, особенно русской. См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 264–265.

⁶³⁷ Из 275 офицеров POW отказались присягать 164, из 6500 нижних чинов — 4019, их интернировали, не рискуя распустить по домам. А вот 610 офицеров и 10,5 тысячи солдат польского вспомогательного корпуса в австро-венгерской армии (во главе с Халлером) уже 27 августа 1917 г. были направлены на фронт. См.: *Conze W. Polnische Nation*. S. 296–297.

нию фронта⁶³⁸, что лишний раз могло указывать на скорое начало наступления германских войск. Многим другим, намеренным поступить так же, сделать этого не дали, в ходе боев с австро-венгерскими войсками были многочисленные убитые⁶³⁹. Скепсис австро-венгерского командования насчет срочно возжелавших (в конце декабря 1917 г. после соответствующего решения руководства) вернуться в Польский вспомогательный корпус сторонников Пилсудского, отказавшихся присягать вместе с ним летом 1917 г.⁶⁴⁰, вполне оправдался.

Последовали репрессии: вмешательство австро-венгерских генштабистов предотвратило расстрел майора Загорского, который должен был руководить выступлением авангарда бывшего Польского легиона⁶⁴¹. Более того, вплоть до 23 февраля 1918 г. продолжались аресты и стычки с польскими солдатами, в результате которых погибли и были ранены десятки человек⁶⁴². 19 февраля 1918 г. Польский вспомогательный корпус был расформирован. Разоруженные польские легионы были лишены командования, вскоре представшего перед судом в Мармарош-Сигете. Скопившиеся у демаркационной линии солдаты-поляки

---

⁶³⁸ См.: *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918. В., 1962. S. 215–218. По другим данным, удалось уйти лишь около 500 поляков, в том числе Халлеру и двум командирам полков. Арестовано было 160 офицеров и 1700 человек. Потери в стычках верных габсбургской монархии войск составили 11 убитых и 38 раненых. См.: *Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz. Bd. 1. S. 93–94.

⁶³⁹ Есть версия, что брошенные против взбунтовавшихся поляков войска (укомплектованные хорватами) обманули, заявляя, что они будут мешать прорыву через фронт русских военнопленных, а не легионеров. См.: *Borodziej W., Górny M.* Der vergessene Weltkrieg. Bd. 2. S. 74–75.

⁶⁴⁰ На основе воззвания полковника Рыдз-Смиглого и из-за слухов о возвращении Пилсудского в связи со скорым заключением мира последовали сотни прошений о зачислении обратно в австро-венгерскую армию. См. письмо главы Генштаба Арца фон Штрауссенбурга от 30 января 1918 г.: *Gaul J., Josef Pilsudski.* Quellen von 1914–1918. S. 314–317.

⁶⁴¹ См.: *Theodor Ritter von Zeynek: ein Offizier im Generalstabskorps erinnert sich* / hrsg. von P. Broucek. Wien u.a., 2009. S. 288–289.

⁶⁴² См. подпр.: *Kindler K.* Die Cholmer Frage. S. 307.

бывшей РИА теперь потеряли надежду быть пропущенными через линию фронта и стали отступать на восток, что совпало с началом операции «Фаустшлаг». Кровопролитные протесты прокатились по всем крупным польским городам, а возмущение «хлебным миром», заключенным, как полагали, за счет польских интересов, стало мощным катализатором объединения польских националистов самого широкого спектра⁶⁴³. Встревоженный Гертлинг 1 марта 1918 г. был вынужден срочно ознакомиться с проблемой будущих польских границ, о чем ему доложил чиновник Варшавского генерал-губернаторства, предсказуемо не прибавив этим приемлемости данной ситуации в глазах германских инстанций⁶⁴⁴.

Поляки были потрясены фактом военного союза войск УНР и Центральных держав, опасаясь, что захваченные громадные запасы вооружения бывшей РИА будут оставлены или переданы украинским войскам, что сразу же сделает невозможным для ослабленных польских военизированных группировок будущий силовой вариант решения вопроса о Холме и Галиции. О планировавшемся на 20 февраля 1918 г. провозглашении в Варшаве императора Карла I королем Польши теперь не было и речи⁶⁴⁵. Тем не менее отчаянное положение австро-венгерской армии с пополнениями привело к тому, что подданные двуединой монархии из распущенных польских легионов были вскоре вновь зачислены в австрийские войска. Еще в марте-апреле 1918 г. части, где было много поляков, постарались вывезти с Восточного фронта. 45-ю стрелковую дивизию отправили в Боснию, а 46-ю в Италию, за ними последовала в июле 1918 г. 2-я пехотная дивизия. Долго длившийся братоубийственный для поляков характер участия в противостоянии разделивших Польшу империй лишь теперь постарались свести к минимуму⁶⁴⁶. Следствие про-

⁶⁴³ См. подр.: *Thakur-Smolarek T.* Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage. В., 2014. S. 525–533.

⁶⁴⁴ См.: BA-MA. N 30/25. Bl. 47–52.

⁶⁴⁵ См.: *Höbelt L.* “Stehen oder Fallen?” S. 222–224.

⁶⁴⁶ См.: *Szlanta P.* Unter dem sinkenden Stern der Habsburger, Die Ostfront erfahrung polnischer k.u.k. Soldaten // *Jenseits des Schützengrabens*. S. 139–156.

тив арестованных польских офицеров из легионов так и не было доведено до конца.

Правительственный кризис после ухода Кухаржевского (громкие отставки были и в центре австрийской зоны в Конгрессонной Польше Люблине⁶⁴⁷) затянулся до 4 апреля 1918 г. Огромную тревогу поляков вызывало и продемонстрированное 28 марта намерение Обер Оста передать гражданскую администрацию в Холмской губернии назначенному Радой комиссару, хотя это и не имело практических последствий⁶⁴⁸. Планируя выторговать у Германии реальные уступки, новый кабинет и Регентский совет направили 29 апреля 1918 г. секретное предложение о вступлении Польши в самый тесный союз с Германией в обмен на реальную самостоятельность во внутренней политике, однако ответа на него не получили⁶⁴⁹, так как у германских инстанций в очередной раз не оказалось согласованного и приемлемого на данный конкретный момент варианта решения польского вопроса. Одной из причин этого был так и не оконченный торг за Польшу между Берлином и Веной. «Предательство» польских интересов в Бресте вовсе не положило конец австро-польскому варианту решения вопроса о будущем Польши, хотя разногласия Германии и Австро-Венгрии и здесь казались бесконечными⁶⁵⁰. В середине июня 1918 г. Австро-Венгрия, а конкретно особенно дороживший этим проектом Ш. фон Буриан⁶⁵¹, вернулась к своему излюблен-

⁶⁴⁷ См. подпр.: *Kindler K. Die Cholmer Frage. S. 305–313; Hausner A. Die Polenpolitik der Mittelmächte und die österreichisch-ungarische Militärverwaltungen. S. 233–252.*

⁶⁴⁸ См.: *Kindler K. Die Cholmer Frage. S. 322–325.*

⁶⁴⁹ Публикация этого предложения осенью 1918 г., когда позиции Центральных держав были уже сильно подорваны, вызвала бурю негодования в Польше. Стецковский вынужден был уйти в отставку. См.: *Hausner A. Die Polenpolitik der Mittelmächte. S. 276–280.*

⁶⁵⁰ См., напр.: *Meckling I. Die Aussenpolitik des Grafen Czernin. S. 165–221; Hecher M. J. Die austropolnische Lösung. Die österreichisch-ungarische Kriegszielpolitik in Bezug auf Polen während des Ersten Weltkriegs. Phil. Diss. Wien, 2001; Höbelt L. Die austro-polnische Lösung — eine unendliche Geschichte // Der Erste Weltkrieg und der Vielvölkerstaat. Wien, 2012. S. 46–54.*

⁶⁵¹ См.: *Burian S. Graf. Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. S. 235–236, 254–264.*

ному проекту, апеллируя к «пожеланиям поляков», что вызывало у Хинтце здравый скепсис⁶⁵².

Закономерным следствием возмущения Брестским миром с УНР стала кристаллизация во всех частях Польши, включая Позен, ячеек подпольной POW (точнее POWZP⁶⁵³), а также достаточно твердая ориентация бывших политических противников (включая резко оппозиционную ППС) на Антанту, 3 июня 1918 г. еще раз заявившую о намерении создать единую Польшу из всех трех частей с обязательным предоставлением выхода к морю. Всех тех политиков, кто еще надеялся купить уступки у оккупантов ценой лояльности Центральным державам, презирали за «угодничество»⁶⁵⁴. И если до 1914 г., а также в 1915–1917 гг. польский политикум по-прежнему находился в состоянии «холодной гражданской войны»⁶⁵⁵, то теперь настроения стали меняться в пользу единения с ярко выраженной негативной интонацией.

После заключения Брестского мира и с Советской Россией «польская карта», разыгрывавшаяся обеими коалициями, стала быстро терять привлекательность, особенно для Центральных держав. Причин тому было много: от слабой управляемости польского командования всех ориентаций — и арестованного уже после скандалов весной-летом 1917 г. Пилсудского⁶⁵⁶, и Халлера,

---

⁶⁵² См. подр.: Фишер Ф. Рывок к мировому господству. С. 551–556. Хинтце и вовсе считал «дружественную» Германии Польшу утопией, но верил в возможность общих интересов: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 455–456, 475–477.

⁶⁵³ См. подр.: Boysen J. Militärischer Verrat und "nationale Tat" // Geheime Netzwerke im Militär 1700–1945 / hrsg. von G. Gahlen, D. Segesser, C. Winkel. Paderborn, 2016. S. 154–166.

⁶⁵⁴ Thakur-Smolarek T. Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage. S. 568, 580.

⁶⁵⁵ См., напр.: Krzywiec G. Von der Massenpolitik zum (kalten) Bürgerkrieg. Die Nationaldemokratie im Königreich Polen 1905–1914 // Fragmentierte Republik? Das politische Erbe der Teilungszeit in Polen, 1918–1939 / hrsg. von Müller M. G., Struve K. Göttingen, 2017. S. 107–130.

⁶⁵⁶ Арестованного в конце июля 1917 г. за призыв к солдатам польских частей отказаться от принесения присяги оккупационным властям. См.: Hausner A. Die Polenpolitik der Mittelmächte und die österreichisch ungarische Militärverwaltungen in Polen während des

и Довбор-Мусницкого — до крайне болезненных территориальных вопросов. Компромисса по данной проблеме не удалось достичь не то что между Центральными державами и «независимой» Польшей, но даже между «Нибелунгами»⁶⁵⁷.

Стремившийся успокоить польскую общественность уступками в сфере образования и культуры, активно способствовавший грамотной прогерманской пропаганде генерал-губернатор Безелер⁶⁵⁸ в германской элите имел репутацию полонофила⁶⁵⁹, и не без оснований. Ведь он не только задавался вопросом, почему немцы не могут идти «рука об руку» с поляками, как это делают австрийцы с венграми, но и чрезвычайно ответственно отнесся к своим задачам в борьбе за польские симпатии. В германской военной элите он, наряду с бывшим генштабистом и соратником Шлиффена графом Б. фон Гуттен-Чапски, оставался в меньшинстве⁶⁶⁰. Безелер, имея весьма высокий авторитет в военных кругах как покоритель Антверпена и Новогеоргиевска, не стеснялся апеллировать к кайзеру, рейхсканцлеру и Гинденбургу (а до того к Фалькенгайну) в своем стремлении придать гармонии

Weltkriege. Wien, 1935. S. 173–178; Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008. С. 231–234.

⁶⁵⁷ Сложнейшие перипетии передела Польши см.: Conze W. *Polnische Nation und Deutsche Politik*; Lemke H. *Allianz und Rivalität: die Mittelmächte und Polen im 1. Weltkrieg (bis zur Februarrevolution)*. В., 1977; Volkmann H.-E. *Die Polenpolitik des Kaiserreichs*. S. 295–377.

⁶⁵⁸ Фактически Безелер прилагал усилия к взаимопониманию обоих народов, хотя и при безусловном доминировании Германии в возможном альянсе. Этим он немало способствовал развитию германской науки о странах Восточной Европы. См., напр.: Laba A. *Im Dienst der Expansion. Polenforschung im Ersten Weltkrieg // Osteuropa*. 2017. 1–2. S. 97–105; Spät R. *Die "polnische Frage" in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918*. Marburg, 2014; Бомбьяк Г. П. Варшава в годы Большой войны // Города империи... С. 165–168.

⁶⁵⁹ См., напр.: Cleinow G. *Der Verlust der Ostmark. Die Deutschen Volksräte des Bromberger Systems im Kampf um die Erhaltung der Ostmark beim Reich 1918/19*. В., 1934. S. 60–74.

⁶⁶⁰ См. подр.: Conze W. *Polnische Nation*. S. 113, 279ff.; Basler W. *Deutschlands Annexionspolitik*. S. 231–235; Hutten-Czapowski B. *Graf von. 60 Jahre Politik und Gesellschaft*: 2 Bde. В., 1936. Bd. 2. S. 249ff.

немецко-польским отношениям, но факты были против него. Его разочарование в польской лояльности, в благодарности за «освобождение и экономическое развитие», в эффективном сотрудничестве с поляками набирало обороты лишь постепенно⁶⁶¹. Неоднозначная (в течение нескольких лет, а не только в рамках уступок накануне крушения) оккупационная политика Безелера не только вызывала недовольство центральных германских инстанций, но так никогда и не была по достоинству оценена и собственно поляками⁶⁶². Давала себя знать и конкуренция между Центральными державами в борьбе за симпатии поляков и евреев, в которой германская сторона была изначально в невыгодном положении, считая, что австро-венгерскую сторону выбирают лишь из-за ее слабости, и совершенно забывая о насильственной политике опруссачивания поляков. Безелер прилагал огромные усилия, чтобы доказать германским центральным инстанциям неприемлемость австро-польского решения⁶⁶³, совершенно не понимая, что данный вопрос будет решаться вне зависимости от конкретных цифр или аргументов в пользу или против данного варианта.

Между двумя Брестскими договорами, да и после них, польские войска оказались вовлечены в водоворот австро-германского вторжения на Украину и быстро выяснили, что единственным выходом для них является самостоятельное, без подчинения советскому командованию отступление. В случае противодействия этому поляки переходили к боевым действиям против местного населения, тем более что на Волыни и в Подолии значительная часть помещиков была польского происхождения или

⁶⁶¹ См.: *Lehnstaedt S.* Imperiale Polenpolitik in den Weltkriegen. Eine vergleichende Studie zu den Mittelmächten und zu NS-Deutschland. Osnabrück, 2017. S. 145ff., 208ff.; *Spät R.* Für eine gemeinsame deutsch-polnische Zukunft? Hans Hartwig von Beseler als Generalgouverneur in Polen 1915–1918 // *ZfOF*. 2009. 58/4. S. 469–500.

⁶⁶² Возможно, первым шагом к этому станет недавно опубликованная работа: *Stempin A.* Das vergessene Generalgouvernement: die deutsche Besatzungspolitik in Kongresspolen 1914–1918. Paderborn, 2019.

⁶⁶³ См. подр.: BA-MA. N 30/14; 30/15; 30/16.

идентифицировала себя как поляки⁶⁶⁴. Надежды на помощь Центральной рады, на стороне которой они были готовы действовать, не оправдались, а потому поляки вступили в переговоры с советским командованием об их пропуске далее на восток⁶⁶⁵. Те польские части 2-го корпуса, что надеялись на союз с Румынией, после подписания предварительного мира в Буфтеа, 8 марта двинулись на восток. Лишь 28 марта части из них удалось выйти с уже занятой войсками Центральных держав территории, но ненадолго. Попытка основных сил отправиться из Умани в Киев была пресечена германским командованием, отправившим польские войска на территорию австро-венгерской зоны оккупации.

12 апреля 1918 г. отход польских частей бывшей РИА по Украине был окончен. Генеральный штаб УНР пытался не допустить их переправы через Днепр, надеясь на поддержку интервентов. Выбор варианта дальнейших действий проходил в рамках сложнейшей дилеммы их командования относительно внешнеполитической ориентации. Халлера и сменившего Хеннинг де Михаэлиса генерала А. Осинского не устраивали ни перспектива дальнейшего сотрудничества с Центральными державами, ни очевидно неспособные добиться освобождения Польши большевики. Халлер, успевший принять участие в боях со всеми тремя империями, поделившими Польшу, теперь оказался живым символом польской независимости, хотя что делать дальше, весной 1918 г., после провала надежд на союз с Центральной радой, он не знал. Последующая его героизация в польской историографии⁶⁶⁶ исключила упоминания о сомнительных проектах и рассматриваемых сделках, но это не означает, что их не было вовсе. Халлер переписывался с презируемым за сотрудничество с оккупантами Регентским советом. Готов он был даже к новому компромиссу с Центральными

---

⁶⁶⁴ См., напр., сообщение из Подолии от 19 марта 1918 г.: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 59. Когда крестьянам удавалось захватывать пленных, их казнили, как, например, в апреле 1918 г. под Немировым были убиты 143 польских солдата и 9 офицеров. См.: *Schmitz M.* "Als ob die Welt aus den Fugen dinge". S. 337.

⁶⁶⁵ См.: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 78–79.

⁶⁶⁶ См., напр.: *Aksamitek S.* General Józef Haller. Zarys biografii politycznej. Katowice, 1989. S. 78–99.

державами — в случае гарантий дальнейшего развития польских вооруженных сил. Сомнительными долгое время оставались и перспективы помощи со стороны Антанты, хотя таковая в начале марта была обещана. Продвижение войск Центральных держав имело лишь тот плюс, что началось быстрое оживление деятельности POW, до того бывшей на полулегальном положении на Украине и отделенной от легионеров линией фронта⁶⁶⁷. Польские разведчики еще надеялись на быструю реорганизацию вооруженных польских сил и активистов из всех трех армий ради борьбы за независимость, на координацию их действий и последующий решительный рывок к свободе, в том числе при содействии Антанты или большевиков, если таковое будет желательно.

Уже через месяц (максимум два) те из польских частей, что надеялись на постепенное становление хотя и зависимой от Германии и Австро-Венгрии, но все же достаточно автономной Польши с собственной армией, постигла незавидная судьба. Вспышки боевых действий между польскими частями 3-го корпуса и украинскими казачьими войсками (в Немирове 14–18 апреля) и австрийцами (под Винницей и т. д.), завершились оттеснением из занимаемых районов⁶⁶⁸, а затем интернированием и расформированием 9–10 июня остатков польских войск.

Предчувствуя будущее разоружение, делегаты и от 2-го корпуса попробовали добиться содействия большевиков в получении права отхода на советскую территорию⁶⁶⁹, что было заведомо утопической идеей. Из отдельных добровольцев-поляков, намеренных продолжать войну с Центральными державами, хотели сформировать польские части в армиях Советской Украины

⁶⁶⁷ См. подр.: Черенин О. В. Разведывательные структуры Польской военной организации 1914–1917 гг. // Русский сборник. Вып. 22. С. 278–285.

⁶⁶⁸ Так, 19 апреля под Уманью поляки вынуждены были сдать германским войскам 2 своих аэроплана и 7 пулеметов, а также 3 автомобиля, за что им позволили отступить в австрийскую зону. См.: *Sander P. Das Landwehr-Kavallerie-Schützen-Regiment Nr. 11 u.a. Zeulenroda, 1931. S. 216.*

⁶⁶⁹ 8 мая 1918 г. последовало обращение к Свердлову, основанное на революционной патетике бывшего участия в борьбе с гнетом самодержавия. См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 355–357.

и апреле 1918 г. Они были разгромлены еще до сколько-нибудь определенного результата этих усилий, а личный состав был отправлен на доукомплектование польских частей РККА. Командующий корпусом генерал Осинский долго уклонялся от конфликта с австро-венгерскими войсками, имея в виду помощь Регентского совета, а также предоставление его корпусу примерно такого же полуавтономного размещения, как солдатам Довбор-Мусницкого в Белоруссии. Уже 17 апреля срочно образованная под Звенигородкой группировка германского ландштурма продемонстрировала, что отступить на юг 2-му польскому корпусу не позволят. После этого корпус двинулся на северо-восток к Днепру, видимо, имея в виду выход в восточную Белоруссию, но вскоре был блокирован стянутыми со всех сторон кайзеровскими войсками (28-й ландверной бригады 92-й пд) под Каневом⁶⁷⁰. Отряд Зальцманна после ряда стычек в начале мая заставил поляков сложить по меньшей мере часть оружия⁶⁷¹.

Ситуация обострилась после конфликта командования польских частей со штабами Ober Osta и группы армий Эйхгорна, раздраженных длительными переговорами с явно не желавшими терять обороноспособность поляками. К началу мая польским частям было отчетливо продемонстрировано, что любая попытка выхода из района их блокирования будет пресекаться с применением оружия. Констатируя провал иных средств, а также дождавшись готовности стянутых для операции сил атаковать, в штабе Эйхгорна решили провести насильственное разоружение поляков, приведшее к крупным боям под Каневом 11 мая⁶⁷².

⁶⁷⁰ См. подр. (в т. ч. карту): HStA Stuttgart. M 411/3524.

⁶⁷¹ Батарея 219-го артполка, полубатарея 12-го ландверного артполка и 7 рот ландштурменной пехоты. См.: *Groß F. Das 1. Württembergische Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 13 im Weltkrieg 1915-1918*. Stuttgart, 1920. S. 56-57.

⁶⁷² Польские данные заявляли поначалу о потерях немцев в 1500 человек, при собственных потерях в 1000 из около 7 тысяч солдат 2-го корпуса. Хотя боеспособность поляков оценивалась высоко, а на первом этапе боев они обороняли выгодные позиции, такое соотношение потерь с трудом коррелирует с их быстрой бесславной капитуляцией. По более взвешенным оценкам, потери поляков составили несколько десятков убитых,

с частями генералов Осинского и Халлера (до 9 тысяч человек, включая нестроевых). После непродолжительного сопротивления германский ландвер⁶⁷³ заставил 2-й корпус сложить оружие. Победителям достались существенные трофеи, включая множество лошадей и повозок, орудия и пулеметы. Интернированных солдат и офицеров вывезли в Польшу, многим из них удалось бежать, так что после этого пробирались на незанятые интервентами территории мелкими группами. Сам Осинский попытался 28 мая 1918 г. добиться у коменданта Киева разрешения выехать в 3-й польский корпус, но ему сообщили, что и тот разоружен, а сам он может остаться в столице только как частное лицо, но не во главе штаба⁶⁷⁴. Халлер, которому посчастливилось не быть выданным австро-венгерским военным судам (что показательно, ведь оснований было достаточно, а приговор не вызывает сомнений), через Киев выехал из Украинской державы, продолжив свою одиссею.

Решительные действия Центральных держав по установлению контроля над польскими войсками привели и к быстрому разложению корпуса Довбор-Мусницкого, где солдаты посчитали себя обманутыми командирами и уж тем более немцами. Довбор-Мусницкий по результатам переговоров с Регентским советом быстро убедился, что его корпус целиком в Польшу не поутят, так что порой рассматривал вариант отступления на Дон⁶⁷⁵,

150 раненых, 4,5 тысячи было взято в плен. 1,5–2 тысячи сумели бежать на Кубань и в РСФСР, пробираясь в Мурманск. См. подр.: *Wrzosek M. Polski czyn zbrojny*. S. 429–434.

⁶⁷³ Главным образом части 34, 39 и 327-го ландверных пехотных полков, см. подр.: *Wolff W. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 34 im Weltkriege 1914–1918*. Hamburg, 1930. S. 137; *Stockhausen H. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 39*. S. 447–448. Ландверная кавалерия сумела заставить часть поляков спящими, быстро их разоружив. См.: *Sander P. Das Landwehr-Kavallerie-Schützen-Regiment Nr. 11*. S. 218. Кроме того, действовал и 1-й батальон 2-го ландверного полка, заставивший сдать и те части поляков, что сначала прорвались из окружения. См.: *Herrfahrdt H., Geißler E. Königlich Preußisches Landwehr-Infanterie-Regiment König Wilhelm II von Preußen Nr. 2*. Oldenburg; B., 1924. S. 106.

⁶⁷⁴ См.: *SächsHStA*. 11358. 56. Bl. 119.

⁶⁷⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 329–330.

но не желал тратить силы в чужой гражданской войне⁶⁷⁶. Уже 21–27 марта 1918 г. командующий I Польским корпусом согласился на его демобилизацию, подписав соответствующее соглашение с майором фон Вульфеном, так что с 24 апреля стали отправлять в Мазовию эшелонами по 1000 солдат⁶⁷⁷. Сам Довбор-Мусницкий еще в начале мая 1918 г. рассмотрел вариант внезапного ухода за Днепр, на большевистскую территорию, а также дальнейшего соединения с чехословаками, но счел его неверным⁶⁷⁸. По-видимому, отклонены были и замыслы затяжного анабасиса из Могилева на Дон⁶⁷⁹. 13 мая 1918 г. на параде в Минске перед Леопольдом Баварским еще присутствовали польские офицеры, но это был финал прежнего «союза». Тем же вечером германские войска в Белоруссии получили приказы о подготовке к операции «Пфлингстрайзе», то есть к разоружению поляков, в том числе вооруженным путем, силами 18-й лд, получившей для этого подкрепления⁶⁸⁰. 15–16 мая началось выдвижение на исходные позиции пехоты, кавалерии и артиллерии, в том числе и той, что уже готовилась отправиться на Запад⁶⁸¹.

⁶⁷⁶ После определенного распада к концу марта корпус вновь стал расти. В нем к 10 мая 1918 г. было 23 661 человек, причем доля офицеров возросла до 1/7 всего состава из-за постоянного дезертирства рядовых. См.: *Wrzosek M. Polski czyn zbrojny*. S. 409–418.

⁶⁷⁷ См. подр.: *Агапеев В. П.* Корпус генерала Довбор-Мусницкого. С. 191–192.

⁶⁷⁸ Начальник его штаба генерал Агапеев многие решения Довбор-Мусницкого оправдывает. См.: *Агапеев В. П.* Корпус генерала Довбор-Мусницкого. С. 192–193. М. Гофман с удовлетворением писал 22 мая, что Довбор «оказался достаточно благоразумным и согласился на все наши предложения»: См.: *Гофман М.* Записки и дневники. С. 247.

⁶⁷⁹ Отправленный в Москву генерал Казанович утверждал, что лишь отсутствие сведений о Добровольческой армии помешало польским офицерам избрать вариант присоединения к Деникину, но эта альтернатива была учтена ими в дальнейшем. См.: *Казанович Б.* Поездка из Добровольческой армии в «красную Москву». С. 188.

⁶⁸⁰ См., напр.: *Otto K. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 246*. S. 267–269. Перебросили часть 16-го драгунского полка и т. д.

⁶⁸¹ См., напр. о батареях 3-го ландверного полка полевой артиллерии, двинутой к Слуцку и Бобруйску, то есть на 100 км к востоку с мест, где

Поводом к разоружению бывших союзников стали и жалобы на их жесткие реквизиции, хотя они поступали и задолго до этого. Блокированный силами специально сформированной дивизии Будденброка⁶⁸², стянутой 15–19 мая по периметру размещения, I Польский корпус не стал искушать судьбу, как его коллеги под Каневом. Шансов у него было немного, ведь в бои под Бобруйском были бы готовы вмешаться части 3-й, 4-й ландверных и 95-й пехотной дивизий. Польские войска, памятуя о действиях Халлера по прорыву к большевикам, отрезали от Днепра (в Рогачеве и других пунктах), старательно не вступая на большевистскую территорию, даже в тех пунктах, что оказались поделены демаркационной линией (в т. ч. и в Могилеве⁶⁸³). Затем блокировали пути отхода в северном и восточном направлении. Линию блокады потом неуклонно стягивали со всех сторон, пока в 2 часа дня 22 мая в Минске не было достигнуто соглашение (с генералом Каминским) о полном подчинении польских войск штабу 10-й армии⁶⁸⁴. В течение 20–21 мая различные германские инстанции — Варшавское генерал-губернаторство, Обер Ост — согласовали дополнительные условия ликвидации I Польского корпуса, к 8 июля 1918 г. полностью распущенного⁶⁸⁵. Бурное возмущение таким бесславным подчинением немцам выказали ряд офицеров из окружения Довбора, а также эмиссары POW (Лис-Куля и др.). Однако поднять солдат на восстание против временно арестованного командующего корпусом и тем более против немцев (события 21–22 мая

они ожидали погрузки и отправки во Францию: *Schröer L. Das Landwehr-Feldartillerie-Regiment Nr. 3. im Weltkrieg. Oldenburg; B., 1928. S. 100–101.*

⁶⁸² То есть командира 18-й ландверной дивизии. Ее силы: штаб 19-й лбр, части 33, 57, 72, 103-го ландверных пехотных полков, 5-го ландверного полка полевой артиллерии, а также 3 эскадрона кавалерии, 3 батареи тяжелой артиллерии и еще 3 батареи легкой, ряд вспомогательных частей (саперы, связисты и т. д.).

⁶⁸³ См.: *Bartel R. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 57. S. 279–281.*

⁶⁸⁴ О судьбе взятого у поляков вооружения и оснащения см.: *Otto K. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 246. S. 270–271.*

⁶⁸⁵ Текст договора о расформировании, подписанного с германской стороны фон Бредовым и фон Вуссовым, см.: *Grosfeld L. Polskie reakcyjne formacje wojskowe. S. 105–106; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 370–371.*

1918 г. в Бобруйске, провокация с арестом германских офицеров из 10-й армии⁶⁸⁶) не удалось. Причины тому были в крайне неоднородном составе корпуса, разном уровне его «русифицированности и большевизации» и низкой мотивации, несмотря на всю антигерманскую агитацию⁶⁸⁷. Сказалось и явное недоверие к большевикам, ведь любой ценой прорываться к демаркационной линии не стали, хотя разоружение проходило в непосредственной близости от нее. Даже случайно примкнувшие к Польскому корпусу осколки бывших частей РИА, например черкесский эскадрон, отказались от немедленной отправки их интервентами в Советскую Россию, предпочтя разоружение. Самой заметной жертвой событий стал скончавшийся 19 мая 1918 г. в Молодечно генерал-майор и командующий ландверной бригадой Виктор фон Лепель, пополнивший не слишком длинный список германских потерь высшего командного состава на Востоке.

Интриги Регентского совета, понадеявшегося было на быстрый переход под свой контроль уже готовых и опытных боевых частей, последствий не имели⁶⁸⁸. Вскоре он вынужден был уступить давлению Безелера, потребовавшего, чтобы Регентский совет не вмешивался в урегулирование вопросов между польскими корпу-

---

⁶⁸⁶ Описание мятежа с резкими обвинениями в адрес Довбора, якобы расцеловавшего при освобождении его офицерами германского майора (Вульффена?): Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 507-508.

⁶⁸⁷ См. письмо Халлеру капитана I Польского корпуса от 18 мая 1918 г.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 367-369.

⁶⁸⁸ Тот же фон Вульффен быстро убедил Регентский совет, отправивший на встречу с Довбором князя Радзивилла и министра Стецкого, в бесперспективности корпуса. См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 339-342. Гофман 8-9 апреля 1918 г. писал: «Командир первого польского корпуса генерал Довбор-Мусницкий приезжает сюда, чтобы договориться с представителями Варшавского генерал-губернаторства и членом Регентского совета... Переговоры с поляками были очень интересны. Эти люди совершенно переоценивают себя. Фантазеры, которые способны только мечтать, но не могут и не хотят понять реальных отношений». См.: *Гофман М. Записки и дневники.* С. 244-245.

сами и германским командованием⁶⁸⁹. Это означало капитуляцию в ближайшем будущем. Ничего хорошего тем, кто надеялся на обретение Польшей дееспособной военной силы, не сулила и активно обсуждавшаяся в штабе Варшавского генерал-губернаторства будущая германо-польская военная конвенция, закреплявшая статус бессильного перед сюзереном сателлита, лишенного даже формальной неподконтрольности германскому командованию⁶⁹⁰. 26 мая 1918 г. состоялось очередное и весьма представительное совещание австро-венгерских и германских оккупационных инстанций и польских прогерманских политиков, посвященное передаче последним осязаемых административных функций и ресурсов. Итоги его, не считая очередных мелочных выяснений отношений, можно было свести к фразе «договорились договариваться дальше»⁶⁹¹.

Но такой вариант не устраивал тех, кто еще недавно воевал с немцами, а не союзничал с ними против большевиков. Судьба их была незавидна: внезапный ультиматум германского (или австрийского) командования⁶⁹², бои, окружение и разоружение после чувствительных потерь и из-за отсутствия боеприпасов⁶⁹³. От всякой присяги Регентскому совету, и без того не пользовавшемуся особой популярностью⁶⁹⁴, расформированные части освободили⁶⁹⁵. Иметь оружие офицерам бывшего I Польского корпуса теперь разрешалось лишь в особых случаях⁶⁹⁶. Хотя польских солдат из числа сторонников Пилсудского постепенно освобождали из

⁶⁸⁹ 14 мая было сделано соответствующее заявление: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 364–365.

⁶⁹⁰ См. проект текста конвенции: ВА-МА. N 30/25. Bl. 82ff.

⁶⁹¹ См. протокол заседания: ВА-МА. N 30/25. Bl. 118–128.

⁶⁹² Например, выдвинутые условия 2-му корпусу: *Grosfeld L. Polskie reakcyjne formacje wojskowe*. S. 211–214.

⁶⁹³ Переправиться через Днепр и впоследствии через Мурманск добраться до Франции удалось лишь Халлеру и небольшой группе его сторонников. См. подр.: *Wrzosek M. Polski czyn zbrojny*. S. 457ff.

⁶⁹⁴ О настроениях в польском обществе и падении в течение всего 1917 г. популярности созданных оккупантами органов власти см.: *Thakur-Smolarek T. Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage*. S. 483ff.

⁶⁹⁵ См.: *Conze W. Polnische Nation*. S. 361–363.

⁶⁹⁶ См. приказ Обер Оста от 25 мая 1918 г.: *SächsHStA*. 11248.6995. Bl. 171.

лагерей для интернированных, отношения с Центральными державами это не наладило. В польских городах постоянно шли различного рода акции в пользу сидящего в германской тюрьме лидера национально-освободительного движения.

Оказавшиеся во многом предоставленными самим себе тысячи солдат бывших польских частей, зачастую в военной форме русского образца, пополнили ряды безработных, а к осени составили разросшуюся вновь до 20 тысяч человек POW. Многие из них вступили в части РККА у демаркационной линии (в Орле, Смоленске, Воронеже и т. д.), полагая этот вариант более приемлемым, чем попытки устроиться в далеком Варшавском генерал-губернаторстве. Еще при разоружении корпусов многие солдаты и унтер-офицеры договаривались и на родине поддерживать связь, чтобы при случае принять участие в борьбе с немцами. Определенную роль в наращивании польского военного потенциала еще до крушения Центральных держав сыграли эмиссары POW на местах, получившие существенную финансовую поддержку от Антанты в обмен на ценные разведывательные данные об армиях Центральных держав⁶⁹⁷. Схожую деятельность с офицерами-поляками австро-венгерской армии развивали в Галиции и офицеры украинских частей⁶⁹⁸. Хотя оккупационные власти знали о тайной деятельности польских военных, в Люблинском генерал-губернаторстве воздержались от активного противодействия⁶⁹⁹, имея в виду выгодный контраст с жесткими мерами германских властей. Формирование с апреля 1917 г. польских войск под надзором германских специалистов (саксонский генерал от инфантерии почти 67-летний Ф. Барт, бывший до

⁶⁹⁷ См.: *Conze W. Polnische Nation. S. 387; Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 гг. // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 197–211.*

⁶⁹⁸ Что и сказалось позднее в начальной фазе польско-украинской войны в Галиции. См.: *Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz. Bd. 2. S. 123–128, 302–313.*

⁶⁹⁹ См. письмо из информационного отдела Люблинского генерал-губернаторства в австро-венгерскую Ставку: *Gaul J. Josef Pilsudski. Quellen von 1914–1918. Bd. 1. S. 260–261.*

этого в течение года военным губернатором в Лодзи) продвигалось не слишком успешно⁷⁰⁰, чему, казалось, многие в германской администрации и командовании были только рады. Занявшие летом 1917 г. большинство командных постов в польских формированиях бывшие офицеры легионов Пилсудского с большим трудом могли претендовать на доверие к ним германской военной администрации. Должной лояльности и готовности служить оккупантам не испытывали даже специально отобранные в германских лагерях, получавшие различные послабления в режиме и освобожденные в ускоренном порядке в 1917 — начале 1918 г. польские солдаты и офицеры бывшей РИА⁷⁰¹. Массового их вступления в ряды частей «польских вооруженных сил» генерала Ф. фон Барта так и не состоялось. Борьба за польских рекрутов была Центральными державами окончательно проиграна еще в связи со свержением монархии в России, однако признания этого факта так и не последовало⁷⁰².

Такой исход польского вопроса не мог устраивать командование армий Центральных держав, однако он являлся лишь паллиативом. Следовало либо отказаться от всяких заигрываний с польским стремлением к самостоятельности, резко мотивировав поляков к переходу к партизанской войне и массовому вступлению в любые антигерманские армии, в первую очередь антантов-

---

⁷⁰⁰ Осенью 1916 г. в оккупированной Центральными державами Конгрессовой Польше насчитали более 1,4 миллиона мужчин в возрасте 16–45 лет, однако к 1 мая 1918 г. были частично сформированы лишь 2 бригады, эскадрон и 6-орудийная батарея. Общее же количество поляков на службе в этих войсках составило к октябрю 1918 г. 4461 человек. См.: *Militär-Wochenblatt*. 1931. № 5. Sp. 178–180.

⁷⁰¹ Подробности «польской акции» в германских лагерях военнопленных достаточно хорошо видны по сохранившимся документам хотя бы саксонских военных инстанций. См., напр.: *SächsHSta.* 11248. 6913; 6996. Bl. 356; 11348. 142. Bl. 72ff., 11348.165. Bl. 81.

⁷⁰² Первое и достаточно высокого уровня исследование о динамике использования людских резервов в Первой мировой войне с особым фокусом на значении польских призывников для армий Центральных держав последовало уже в 1922 г.: *Dąbrowski S.* *Walka o rekruta polskiego pod okupacją*. Warszawa, 1922.

ские⁷⁰³, либо искать новый компромисс с формированием польских вооруженных сил, но так, чтобы они не стали угрозой в первую очередь самим Центральным державам. Этот вариант уже провалился относительно легионов Ю. Пилсудского, так что поистине приемлемого решения польской проблемы пока не нашли. Разоружившихся польских солдат и офицеров из корпуса Довбор-Мусницкого (например, будущего генерала Андерса) в мае-июле перевезли в Варшаву, а это было в лучшем случае рискованно, что и подтвердилось в ноябре 1918 г. Более того, по инициативе Безелера летом 1918 г. стали готовиться к освобождению пленных офицеров из корпуса Довбор-Мусницкого, за лояльность которых Варшавское генерал-губернаторство ручалось, рассчитывая на благоразумие первым пошедшего на разоружение польского генерала⁷⁰⁴. Можно расценивать это как крайние меры в упорных попытках создать прогермански настроенные польские войска, ведь вступать в них не спешили даже в солдатских лагерях военнопленных, где жизнь к 1918 г. была и вовсе тяжелой⁷⁰⁵.

С крайним недоверием относились германские военные и политики и к стремлению Регентского совета объявить о всеобщей воинской повинности в Польше в рамках создания польской армии⁷⁰⁶. Новые попытки сговора между польскими германофилами и германскими дипломатами и политиками по территориальным вопросам в мае-июне 1918 г. привели к серии уличных выступлений, что угрожало перспективой масштабной карательной акции против протестующих поляков. Лавирование нового лидера польского кабинета Стецковского оказалось бесплодным, проблему

---

⁷⁰³ Что и имело место при формировании польских частей в Поволжье, Сибири и на Севере России летом-осенью 1918 г., подчинявшихся командованию Польской армии во Франции. Только на Севере к 1919 г., несмотря на противодействие большевиков, оказалось до 22,5 тысячи польских солдат.

⁷⁰⁴ См. Распоряжение ПВМ от 6 июля 1918 г.: SächsHStA.11348.166. Bl. 612.

⁷⁰⁵ Так, в крупном солдатском лагере Баутцен за три последних месяца 1917 г. о желании вступить в польскую армию заявили 6 человек. См.: 11348.165. Bl. 81.

⁷⁰⁶ См.: Conze W. *Polnische Nation*. S. 360–361.

приемлемо для обеих сторон решить не удавалось⁷⁰⁷. Официальные польские органы власти с тревогой фиксировали все большее игнорирование самого существования их поляками⁷⁰⁸, явно искавшими новые центры концентрации усилий по достижению независимости. 25 мая 1918 г. державы-оккупанты вновь договорились о передаче «в самых широких объемах» местного управления польской администрации, однако постоянные оговорки и ссылки на «военные нужды» парализовали всякий эффект. Правительство Стецковского постигла судьба его предшественника, как и образованный 23 июня 1918 г. Государственный совет.

Попытки с помощью пропаганды перенаправить агрессию поляков в сторону большевизма и дальнейшего осуждения свергнутого «русского ига»⁷⁰⁹ слишком сильно контрастировали с ощущением взаимного обмана в рамках антироссийского союза Центральных держав и части польского общества. До прекращения австро-германской оккупации главным врагом и ужасом «большевики» и вообще «русские» для польских националистов стать не могли, хотя пропагандистские усилия не прошли даром. Создаваемая мифологизированная картина Советской России не вызывала должного доверия, тем более что позиция германского официоза быстро менялась в зависимости от текущих перспектив отношений с большевиками. Так, при описании боев с чехословаками в Поволжье и с казаками прогерманская пресса была целиком на стороне РККА⁷¹⁰. Масла в огонь польского возмущения и недоверия подливали и быстрые действия Антанты по мобилизации польского ресурса: 3 июня 1918 г. последовала очередная деклара-

⁷⁰⁷ См.: *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik. S. 228–237.

⁷⁰⁸ См.: *Thakur-Smolarek T.* Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage. S. 561ff.

⁷⁰⁹ См. подп.: *Brudek P.* Rosja w propagandzie niemieckiej podczas I wojny światowej w swietle "Deutsche Warschauer Zeitung". Warszawa, 2010. S. 224f.

⁷¹⁰ См. и другие примеры: *Brudek P.* Rosja w propagandzie niemieckiej podczas I wojny światowej. S. 243–244, 275–276. Иоффе сообщал об этом же, пусть и в более осторожных формулировках, — что в германских газетах неудачи большевиков в боях с чехословаками не считают поражениями регулярных частей РККА: *Wulff D.* Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 2. S. 255.

ция о содействии восстановлению Польши. Десятки тысяч солдат и офицеров бывшей русской армии⁷¹¹ были вполне готовы присоединиться к возобновлению военных действий против недавнего врага, то есть Центральных держав.

Если отношения между Польшей (или теми, кто претендовал на выступление от ее имени) и Австро-Венгрией после Брестских договоров определялись спорами о судьбе Лодомерии и Холмской губернии, с перспективой полюбовного решения в рамках династических альянсов, то с Германией диалога быть не могло. Ставка, кайзер, иностранное ведомство и политики (от консерваторов до пангерманцев) сосредоточились на определении размеров «приграничной полосы»⁷¹², то есть той компенсации, что получит Германия за помощь в обретении Польшей «независимости». Еще в финале переговоров в Бресте состоялся взрыв аннексионистских устремлений, а потому проект даже иллюзорного достижения союзных отношений между Германией и Польшей (29 апреля 1918 г.) был неубедителен, ведь условием поляков была территориальная целостность хотя бы Конгрессовой Польши, что сами они полагали уже весьма большой уступкой немцам. ОХЛ по мере роста надежд на скорую победу над Антантой, наоборот, только ужесточало свои требования, пик которых приходится на июль-август 1918 г., когда только от бывшей русской Польши Германия должна была получить более 20 тысяч кв. км с последующим расселением там немцев на конфискованных у бывших русских владельцев землях⁷¹³. Ставка не желала учитывать ни этнические, ни политические соображения, исходя лишь из военно-экономической географии и видя в польских землях исключительно кратчайший

⁷¹¹ См. статистику по полякам в армиях трех империй в 1914–1918 гг.: *Wrobel P. J. The Revival of Poland and Paramilitary Violence, 1918–1920* // *Spieß-ßer, Patrioten, Revolutionäre*. S. 284–296.

⁷¹² См. подп.: *Geiss I. Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg*. Lübeck; Hamburg, 1960. S. 130ff.

⁷¹³ Что привело бы к тому, что Германия получила бы до 2 миллионов новых подданных, но долю немцев в населении новых провинций не удалось бы поднять выше 7–7,5 %. *Geiss I. Der polnische Grenzstreifen 1914–1918*. S. 132, 143–144.

путь между индустриальным Силезским районом и будущим районом развертывания в Литве⁷¹⁴. Параллельно гнев польских националистов нарастал из-за продолжающегося заигрывания Обер Оста с правительством Скоропадского, назначившего своего губернатора на Холмщину и в Подлясье и готовившегося «принимать дела» в зоне германской тыловой инспекции «Буг»⁷¹⁵. Им стал бывший глава «Союза вызволения Украины» на территории Германии А. Скоропись-Йолтуховский, имевший опыт взаимодействия с германскими военными инстанциями в ходе налаживания украинской пропаганды в лагерях военнопленных, а потому воспринимался как действующий германский агент. На Украину он попал лишь к концу января 1918 г., получив разрешение Ленина проехать через большевистскую территорию⁷¹⁶.

К перспективам успешного и благоприятного для германских территориальных притязаний размежевания на польских землях куда более скептично относился М. Гофман, вполне ощутивший сложность этнической обстановки на Востоке. Он требовал ограничить территориальные приобретения Германии так, чтобы прирост польского населения ограничивался бы «100 тысячами человек и ни одним больше»⁷¹⁷. Попытки Гофмана воспрепятствовать включению в состав Кайзеррейха большого количества населенных поляками территорий были заблокированы ОХЛ. Резкое недовольство поляков вызвало желание Германии и на востоке положить предел польским амбициям за счет установления литовско-украинской границы (в Белоруссии), которая бы отрезала Польшу от территорий, в скором будущем возвращаемых большевикам, да и от России (Советской или нет) в целом. Еще одним полем для дискуссий стал вопрос о кандидате на польский престол, болезненно затрагивавший и без того сложный клубок внутригерманских распрей, вызванный справедливыми опасениями

---

⁷¹⁴ Мнение ОХЛ от 5 июля 1918 г. см.: *Geiss I. Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. S. 170–177.*

⁷¹⁵ См.: *Kindler K. Die Cholmer Frage. S. 326–328.*

⁷¹⁶ Сказались какие-то его связи с В. Воровским. См.: *Михутина И. В. Украинский Брестский мир. С. 114.*

⁷¹⁷ *Volkman H.-E. Die Polenpolitik des Kaiserreichs. S. 360.*

нарушения довоенного баланса⁷¹⁸. Так, особо задевались амбиции саксонской короны, летом 1918 г. требовавшей перевода на должности в Литву саксонских офицеров и чиновников, что потом привело к большому количеству саксонских добровольцев в Литве весной-летом 1919 г.⁷¹⁹ Они были уверены в возможности поселения в этой стране, якобы связанной с их родиной историческими узами, едва ли не больше, чем позднее их сотоварищи в Латвии надеялись на договор А. Виннига с К. Ульманисом. Династические факторы влияли и на другие вопросы *Ostpolitik*. Так, высказывались в Дрездене и особые пожелания при разделе (или компенсации) отторгнутой у Польши «приграничной полосы»⁷²⁰.

14–15 августа в высших кругах Центральных держав продолжилось обсуждение передела территорий на Востоке⁷²¹: Польше теперь были готовы компенсировать ее «потери» на западе и юге за счет границы по Припяти и Бугу, но не хотели предоставить коридор через территорию Белоруссии к будущей России, а потому намерены были оставить Гродно и даже Белосток Литве⁷²². Судьба Вильны решилась бы «самоопределением»⁷²³, хотя карту с будущи-

⁷¹⁸ Пестрый набор различных притязаний и династических проектов в рамках будущих аннексий см.: *Janßen K.-H. Macht und Verblendung: Kriegszielpolitik der deutschen Bundesstaaten 1914/1918.* Göttingen; Berlin; Frankfurt; Zürich, 1963.

⁷¹⁹ См. подр.: *Schröder O., Heygendorff R. Die Sächsischen Freiwilligen-Truppen in Litauen 1919.* Dresden, 1933.

⁷²⁰ См.: *Hoffmann J. Die sächsische Armee im Deutschen Reich.* S. 329, 334–335, 353ff.

⁷²¹ См.: *Burian S. Graf. Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege.* S. 281–283.

⁷²² Весьма показательно для сохранявшегося долгое время уровня анализа, что крупнейший германский историк Г. Риттер, комментируя это решение, заявляет, что Литве передавались «такие районы с чисто польским населением как Белосток и Гродно». О белорусах в этой связи ни слова. Никаких пояснений или доказательств (даже статистики) такого радикального заявления не приводится. См.: *Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk.* Bd. 4. S. 304.

⁷²³ Учитывая, что еще при взятии Вильны саксонским ландвером из бригады Пфайля в сентябре 1915 г. в прокламации германского генерала прямо говорилось о том, что Вильна — польский город, результаты

ми границами предлагали, не дожидаясь плебисцита⁷²⁴. Регентский совет явно склонился к австро-польскому варианту, имея в виду неизбежные территориальные потери в пользу Германии⁷²⁵. Последовавшее в те дни решающее поражение германской армии на Западе уже через 2 недели сместило вопрос о переделе Польши в плоскость сохранения коалиции Центральных держав, то есть торги о судьбе польского государства (между Хинтце и Бурианом) продолжились в контексте куда более глобальных проблем.

Не следовало забывать дипломатам Центральных держав и о большевистских попытках привлечь поляков к возможному антигерманскому союзу: Регентский совет, дорожа любым внешним проявлением будущей государственности, все же согласился назначить в Москву своего представителя. Им стал некогда богатый адвокат, имевший прочные связи с элитами Российской империи А. Ледницкий⁷²⁶, быстро (и при содействии АА⁷²⁷) признанный большевиками как эмиссар по делам реэмиграции беженцев. Началось непростое становление будущих официальных советско-польских отношений, проходившее под знаком нежелания Москвы признавать даже формальную самостоятельность германского са-

---

«самоопределения» сомнения не вызывают. Очевидно, что рассчитывавшие на польский трон саксонские династы всеми силами добивались бы полонофильской линии. См.: Вукс Т. Р. Вильнюс между империей и национальным государством // Города империи... С. 177; Hoffmann J. Die sächsische Armee. S. 330–331.

⁷²⁴ См.: Ludendorff E. Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit, В., 1920. S. 511–513.

⁷²⁵ Так было решено 19 августа на польском Коронном совете: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 413–415.

⁷²⁶ См. подр. о его русско-польской постимперской биографии: Müller-Butz M. Von Russland nach Polen. Zum Potential imperialer Erfahrung nach dem Zerfall der Imperien am Beispiel der Biographie von A. Lednicki // Eliten im Vielvölkerreich. S. 199–219.

⁷²⁷ Примечательно, что Мирбах 19 июня просил Чичерина принять Ледницкого, а уже 22 июня Чичерин заявил ему, что согласен установить контакт, хотя и не признает Регентский совет представителем воли польского народа. См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 395–396.

теллита⁷²⁸. В ответ германская сторона еще более подтверждала полную зависимость от нее Регентского совета, оказывая дипломатическое давление на НКВД.

Ленин был верен своей идее трансформации империалистической (да и межнациональной) войны в гражданскую и на польском материале. На западном направлении перспективы для этого казались ему особенно благоприятными, однако тяжелые поражения большевиков в Поволжье заставили отложить многие проекты. 27 июля 1918 г. был подан проект формирования на основе Варшавского красного революционного полка (польского, как альтернативы выезду поляков в Мурманск⁷²⁹) Западной стрелковой дивизии, за ним зимой 1918–19 гг. последовал 2-й Люблинский полк⁷³⁰. Лишь явный провал плана опередить националистов в захвате власти как минимум в Польше (но не в Белоруссии и Прибалтике) привел к постепенному (но только до весны 1920 г.) сворачиванию польского проекта с февраля 1919 г.⁷³¹, в чем большую роль сыграло остановленное германскими частями наступление большевиков в Курляндии и Литве.

Новый виток схватки между Берлином и Москвой за польские симпатии стал закручиваться сразу же после подписания Добавочного договора. Кремль торжественно аннулировал 29 августа 1918 г. (наряду с рядом иных) и все договоры с Пруссией

---

⁷²⁸ См. письмо Ледницкого Чичерину из-за непризнания статуса польского представительства от 23 июня, письмо К. Рицлера, поддержавшего претензии Регентского совета (19 июля), а также записку Ледницкого Радеку о задачах его миссии: Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сб. док-тов: В 4 т. / сост. С. А. Скляров; под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М., 2017. Т. 1. С. 20–24.

⁷²⁹ Лишь с начала июля 1918 г. большевики приняли серьезные меры для срыва выезда поляков в Мурманск и для их вербовки в различных городах России. См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 410–412.

⁷³⁰ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 382–383, 393–394, 407–408; Реввоенсовет Республики. С. 163.

⁷³¹ См. подр.: Михутина И. В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 г.? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос. С. 260–281.

и Австрией о разделе Польши⁷³², что было болезненным ударом по германофильскому крылу польской элиты и вызовом и самой Германии, ведь достойной ответной меры в адрес поляков сделано быть не могло. Большевики могли постоянно давить на поляков, указывая на отказ германских властей в массовой репатриации польских беженцев, так как последних не желали пропускать без наличия у них запасов продовольствия.

Даже после поражения германских войск на Западе и начала генерального контрнаступления Антанты готовности к широким уступкам полякам ни Ставка, ни даже политическое руководство Германии не проявили. Ни о каком сохранении границ 1914 г. не было и речи вплоть до ноября 1918 г. Зато к будущему решению польского вопроса готовилась Антанта: 28 сентября все польские части на Западном фронте были подчинены генералу Халлеру⁷³³. Очередные перестановки в кабинете министров и новое воззвание Регентского совета о вступлении в польскую армию (тоже 28 сентября) и даже провозглашение им 7 октября независимости Польши успеха не имели⁷³⁴. Занимавшая критически важное положение между Германией и ее амбициозными проектами на Востоке Польша была обречена на нелояльность и полную незаинтересованность в Брестской системе, какой бы редакции она ни подвергалась, какие бы маневры между главными акторами не оставались бы ее элитам. Польское население откровенно выжидало победы Антанты. Предложение Ф. Наумана от 17 октября — вывести германские войска из Польши и Прибалтики и тем заставить Польшу под угрозой большевистского нашествия добровольно вступить в тесный союз с Германией — услышано не было.

---

⁷³² Статья 3 соответствующего декрета: Советско-германские отношения. Т. 1. С. 637.

⁷³³ Халлер выехал из Мурманска 3 июля, предварительно добившись некоторого единства среди различных польских деятелей, занятых переправкой солдат-поляков в войска Антанты. См. подр.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 403–405; *Jarno W. 1 Dywizja strzelcow armii generala Hallera w latach 1918–1919*. Lodz, 2006.

⁷³⁴ См.: *Hausner A. Die Polenpolitik der Mittelmächte und die österreichisch-ungarische Militärverwaltungen*. S. 280–285.

ГЛАВА 7

БУХАРЕСТСКАЯ ПОДСИСТЕМА: ЭПИЦЕНТР КОНФЛИКТОВ В ЧЕТВЕРНОМ СОЮЗЕ

Стремясь выстроить целостную картину «рывка Кайзеррейха к мировому господству» по всем направлениям, Ф. Фишер в 1960-х гг. совершенно верно подметил глубинную аналогию между положением Польши и Румынии в рамках восточной экспансии Центральных держав⁷³⁵, однако она вовсе не сводилась лишь к статусу обеих как наиболее привлекательных объектов для дележа по итогам Великой войны. Хотя Румыния к началу XX в. не ощущала себя разделенной между тремя империями, определенные следы примерно такого ее положения еще в конце XVIII — середине XIX в. сохранялись. Следствием этого были, например, попытки формирования проантантовских частей из военнопленных трансильванских румын, а также вопросы о долго русифицируемой Бессарабии и о лишь недавно полученной Добрудже, в которые оказалась вовлечена и, казалось бы, давно уже лишившаяся всякого влияния на бывших вассалов прежняя метрополия, то есть Османская империя. Бывшие Дунайские княжества справедливо ощущали себя и воспринимались извне как краеугольный камень эвентуальной стабилизации на Балканах, что не мешало румынскому двору упорно искать возможностей для смещения с трудом каждый раз находимого равновесия в свою пользу. Вступление в Вели-

⁷³⁵ См.: Фишер Ф. Рывок к мировому господству. С. 534–556.

кую войну, несмотря на оптимальные для Румынии среди любых возможных итоги 2-й Балканской войны, только доказывает это.

На первый взгляд, положение Румынии в рамках Бреста отличается от такового у Польши радикально и в лучшую сторону. Румыния обладала действительно международно признанной независимостью и уже состоявшейся государственностью (по меньшей мере за почти 50 лет), она так и не была полностью оккупирована Центральными державами, сохранила сравнительно боеспособную армию и даже не могла считаться разгромленной или однозначно униженной, с учетом полученной ею Бессарабии. С другой стороны, давление на нее возрастало, а перспективы дальнейших уступок были более чем туманными. Румыния с трудом уклонилась от грозившего ей проекта австро-румынской личной унии (весьма сходного с австро-польским решением), а главное она — как и Польша — стала важнейшим связующим звеном между Центральными державами и периферией бывшей Российской империи, недостающим звеном в выстраиваемой Срединной Европе и обладала (чуть в меньшей степени, чем Польша) критической массой, которая гарантировала: любые перемены в ее отношениях с державами Четверного союза необратимо нарушат и так весьма сомнительный баланс в этой коалиции. Точно так же как и разделенные между странами группы польской элиты, румынский политикум все смелее попытался на этом «играть», сохранив некоторые каналы связи с Антантой, отчаянно затягивая важнейшие шаги по интеграции в зону гегемонии Германии и ее союзников и откровенно выжидая определения исхода кампании 1918 г. на Западе. Несмотря на определенные прозрения в Вене и Берлине, вопреки отчаянному возмущению Софии и амбициям Константинополя, в полной мере отрефлексировать логику румынских действий в условиях Бухарестской подсистемы Бреста политики и дипломаты лидера Центральных держав, не говоря уже о военных, не смогли.

Мирные переговоры вели весьма представительные делегации всех стран Четверного союза, и фарса, как в Бресте, 5 министров иностранных дел более не допустили, хотя и подвергались критике со стороны нетерпеливых военных. Примечательно, что именно озабоченный наступлением на Западе Людендорф оказал

решающее давление на венгерских политиков ради скорейшего заключения мира, выступив сторонником умеренной линии⁷³⁶. Слабым утешением для проигравшей стороны оставался тот факт, что продиктованный Румынии мир (и дополнительные экономические соглашения) был Бухарестским, как и столь выгодный для нее договор августа 1913 г. Этот эпитет так и остался географическим, но не качественным определением установленного им порядка, что и предопределило его недолговечность, несмотря на все попытки Германии и Австро-Венгрии загладить последствия выбора, сделанного румынами в августе 1916 г. в пользу Антанты. Была предпринята своеобразная и крайне иллюзорная попытка постепенно вернуться к восприятию Румынии еще довоенного образца, как весьма возможного союзника против России. Вслед за «хлебным миром» с Украиной под противоречивые отзывы германских магнатов⁷³⁷ последовал и «нефтяной мир» с Румынией, сохранившей лицо, то есть — в данном случае — общий размер территории, однако — благодаря тщательной проработке условий специалистом по правовым вопросам из АА доктором Криге — попавшей в полную финансовую зависимость от Центральных держав⁷³⁸.

Затяжек и встречных обвинений в ходе согласования Бухарестского мира также было немало, однако блеф обеих сторон⁷³⁹, игра на нервах (формирование кабинета и принятие ультиматумов в последний момент и т. д.) и эффектные жесты все же никогда не вызывали ощущения непредсказуемости конечного исхода.

⁷³⁶ В этом ему существенно помог австрийский двор и лично император Карл I. См.: *Нотович Ф. И.* Бухарестский мир. С. 168–176.

⁷³⁷ См., напр.: *Feldman G. D.* Hugo Stinnes. Biographie eines Industriellen 1870–1924. München, 1998. S. 471–478.

⁷³⁸ Сокрушительная критика «грабительских» материальных условий мира: *Нотович Ф. И.* Бухарестский мир. С. 210–222. Куда более сдержанный, но подробный разбор и условий, и их согласования: *Bornemann E.* Der Frieden von Bukarest 1918, S. 110ff., 195ff.

⁷³⁹ Например, уже после ультиматума накануне мира в Буфтеа Чернин сообщил Кюльману, а тот Хеллю, что австро-венгерские войска возобновлять боевые действия против румынской армии не будут, но германский штаб был к этому варианту якобы (и возможно) готов. См.: *Kühlmann R. v.* Erinnerungen. S. 555–556.

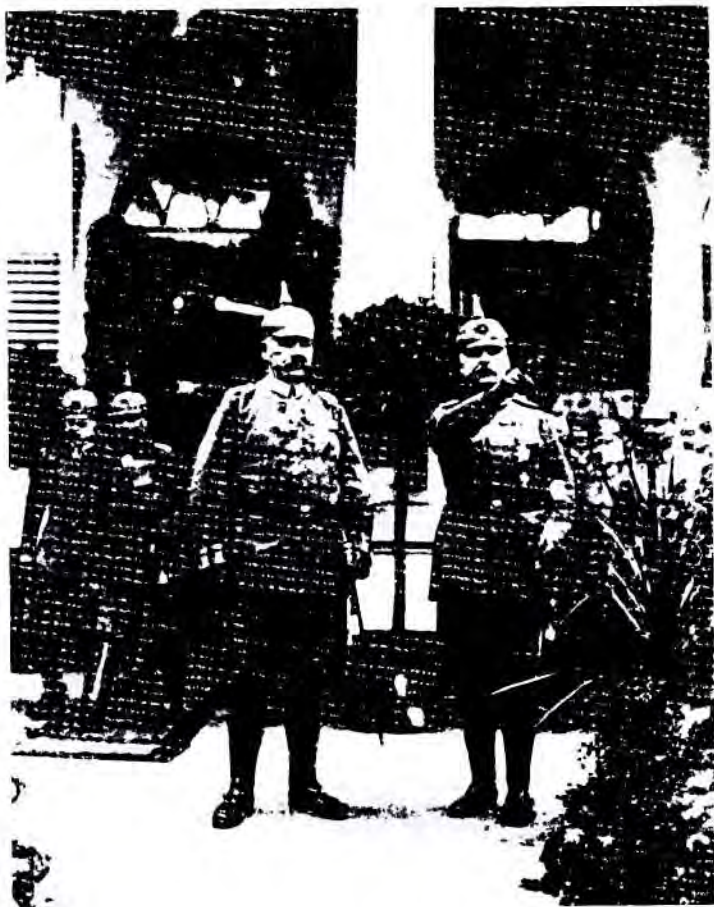
Искусство возможного здесь привело к достижению формально приемлемых компромиссов. Уже 4–5 февраля 1918 г., когда Рандов вел беседы в Яссах о сохранении трона за Фердинандом, в Берлине Людендорф согласовал с дипломатами Австро-Венгрии и Германии более конкретные очертания будущего мира, вскоре смягченные с учетом недавних событий (смены румынского кабинета и мира с УНР)⁷⁴⁰. 24 марта 1918 г. Чернин наконец отказался от ряда территориальных притязаний (в итоге Австро-Венгрия получила лишь 6 тысяч кв. км), что оказало решающее влияние на успех переговоров. Условия были парафированы к 4 утра 26 марта. В ближайшие дни смогли достичь и болгарско-австро-венгерского компромисса, а также вывести вопрос о Добрудже из обсуждения с Румынией, предоставив его решение только членам Четверного союза⁷⁴¹. В конечном итоге мирный договор от 7 мая, ставший «любимым детищем Кюльмана»⁷⁴², в отличие от Бреста⁷⁴³ все же оставался в рамках возможностей традиционной дипломатии, что и ослабляло его связь с Брестской системой, насколько это вообще было возможно. Для определенной уверенности Центральных держав — несмотря на нервотрепку со срывами сроков ультиматумов — весьма показателен факт ослабления оккупационной группировки в Румынии даже в разгар очередного кризиса в переговорах. Так, ставшая крайне необходимой для контроля за огромными захваченными на Украине пространствами кавалерия была взята из группы армий Макензена прямо в середине марта 1918 г., то есть сразу после пика военной тревоги 2–5 марта перед Буффеа. Баварская кавалерийская дивизия 16–25 марта перебрасалась

⁷⁴⁰ См.: *Bornemann E.* Der Frieden von Bukarest 1918. S. 28–36.

⁷⁴¹ См.: *Нотович Ф. И.* Бухарестский мир. С. 199–204.

⁷⁴² Это не помешало Р. Надольны утверждать, что о переговорах в Бухаресте Кюльман якобы не слишком заботился, зато ночи напролет проводил в местных увеселительных заведениях. См.: *Nadolny R.* Mein Beitrag. S. 113.

⁷⁴³ Ради разоблачения империализма советский историк приходил к выводу, что Бухарестский мир являлся «родным братом Брест-Литовского договора по форме, принципиально и по духу». См.: *Нотович Ф. И.* Бухарестский мир. С. 241.

П. фон Гинденбург и Э. Людендорф (слева направо)

Генерал от инфантерии
Э. Людендорф

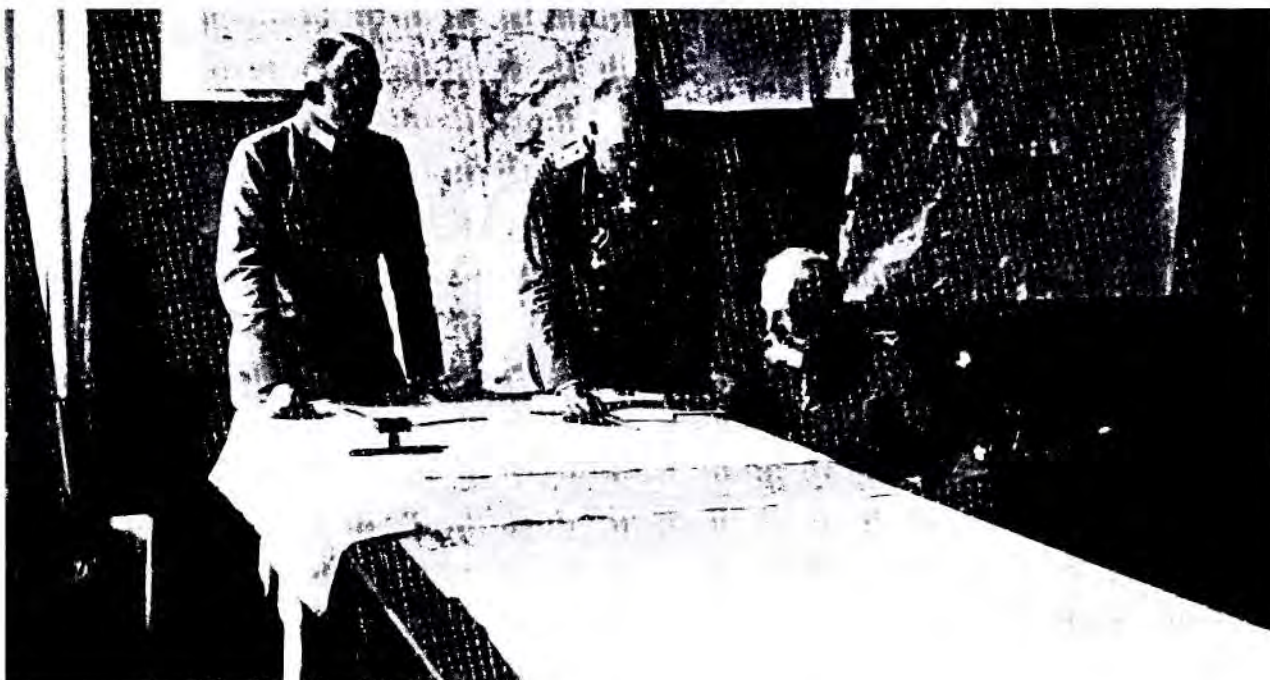
Генерал-майор М. Гофман

Генерал-майор фон Айзенхарт-
Роте (обер-квартирмейстер
Обер Оста до января 1917 г.)

Полковник фон Бранденштейн
(обер-квартирмейстер Обер Оста
с января 1917 г.)

Штаб Обер Оста за работой

Генерал граф Р. фон дер Гольц (слева) (Хельсинки, май 1918 г.)

Командующий группой армий «Киев» генерал граф Г. фон Кирхбах
и гетман Украины П. П. Скоропадский (август 1918 г.)

Командующий австро-венгерскими оккупационными войсками на Украине (до середины мая 1918 г.) генерал-фельдмаршал барон Э. фон Бём-Эрмолли (Одесса, апрель 1918 г.)

Командующий оккупационными войсками в Румынии
генерал-фельдмаршал А. фон Макензен

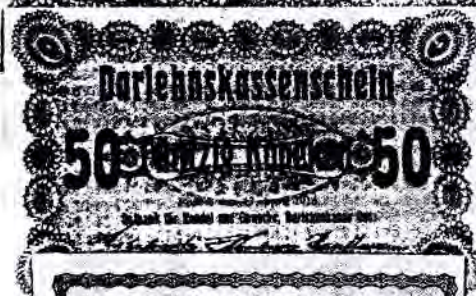

Финские красногвардейки в плену
после окончания гражданской войны

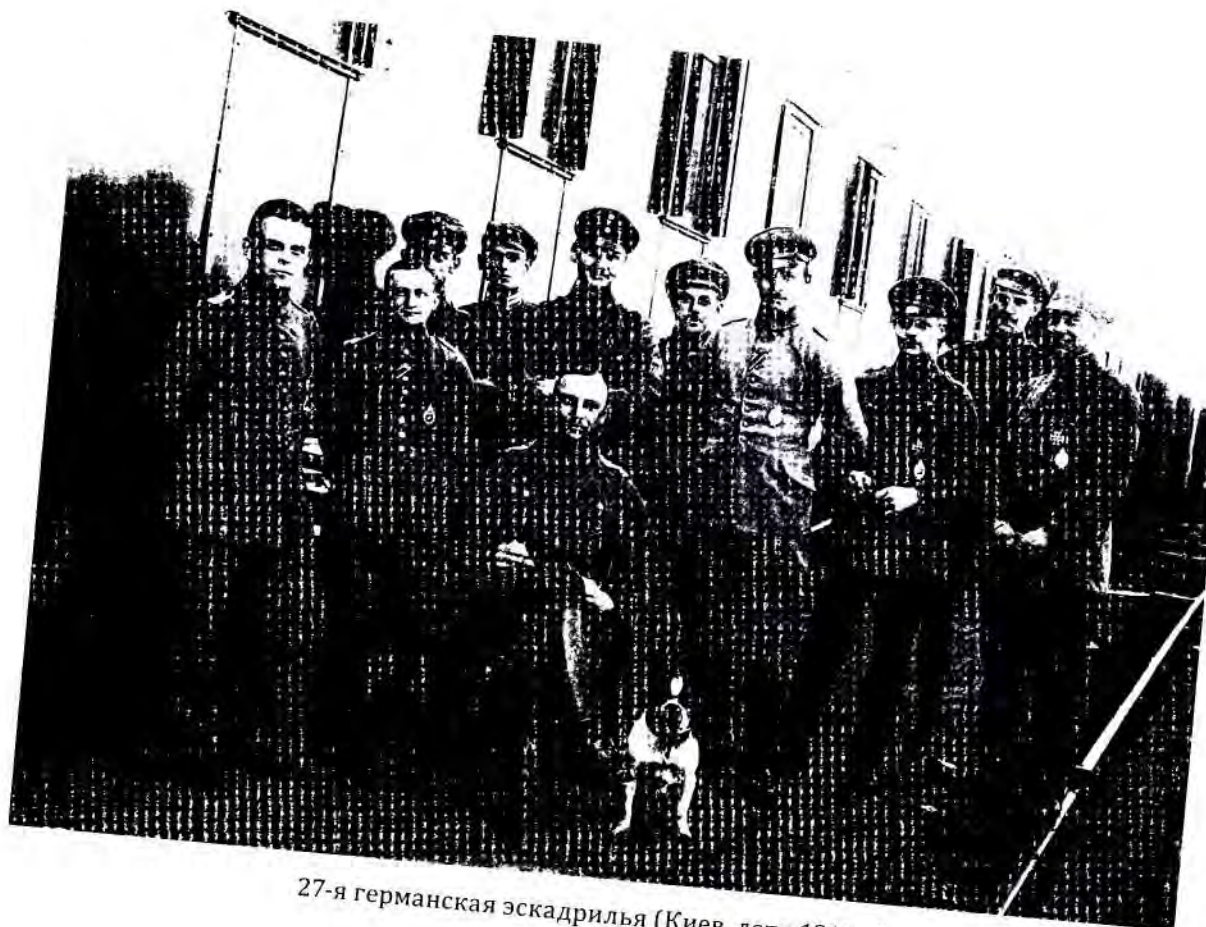

Памятник германскому солдату-«освободителю» в Риге

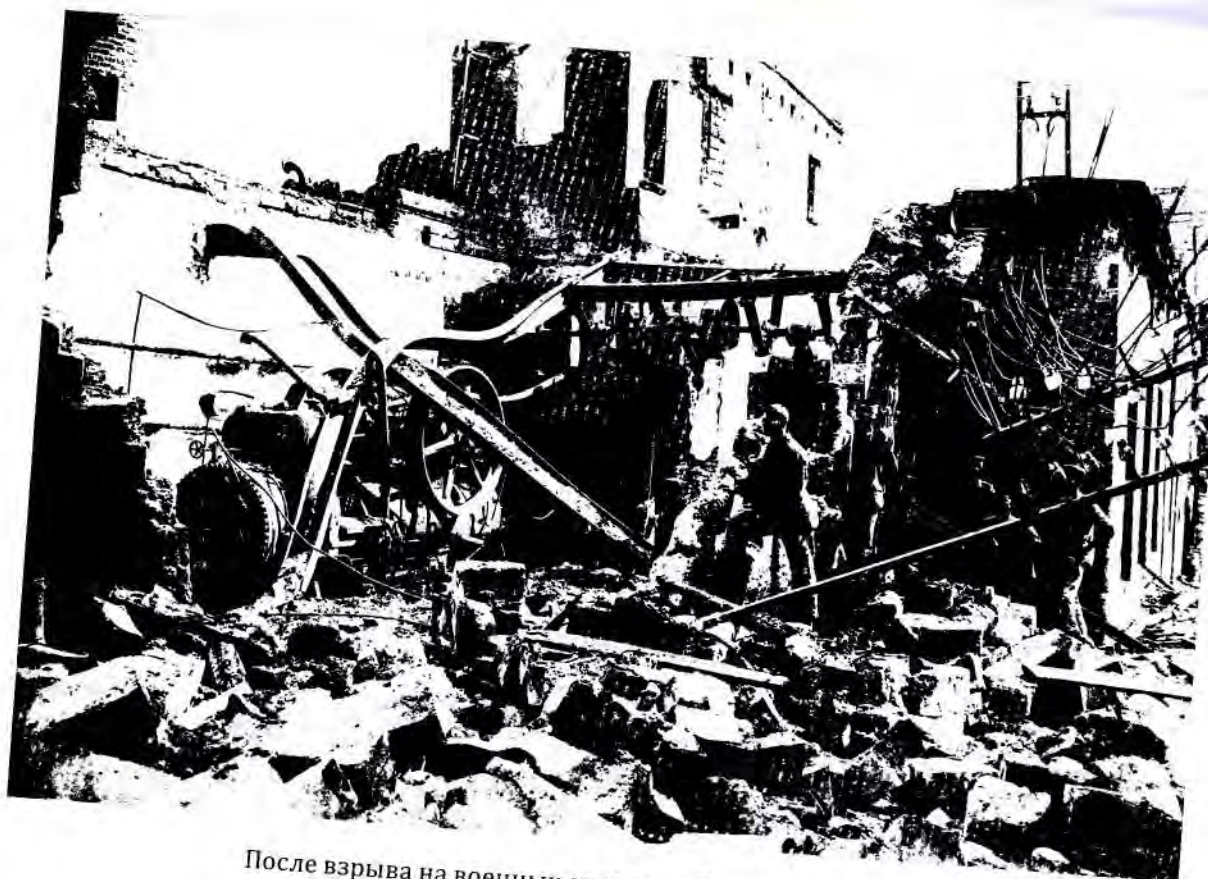

Деньги Овер Оста, «острубли»

27-я германская эскадрилья (Киев, лето 1918 г.)

После взрыва на военных складах в Киеве (июнь 1918 г.)

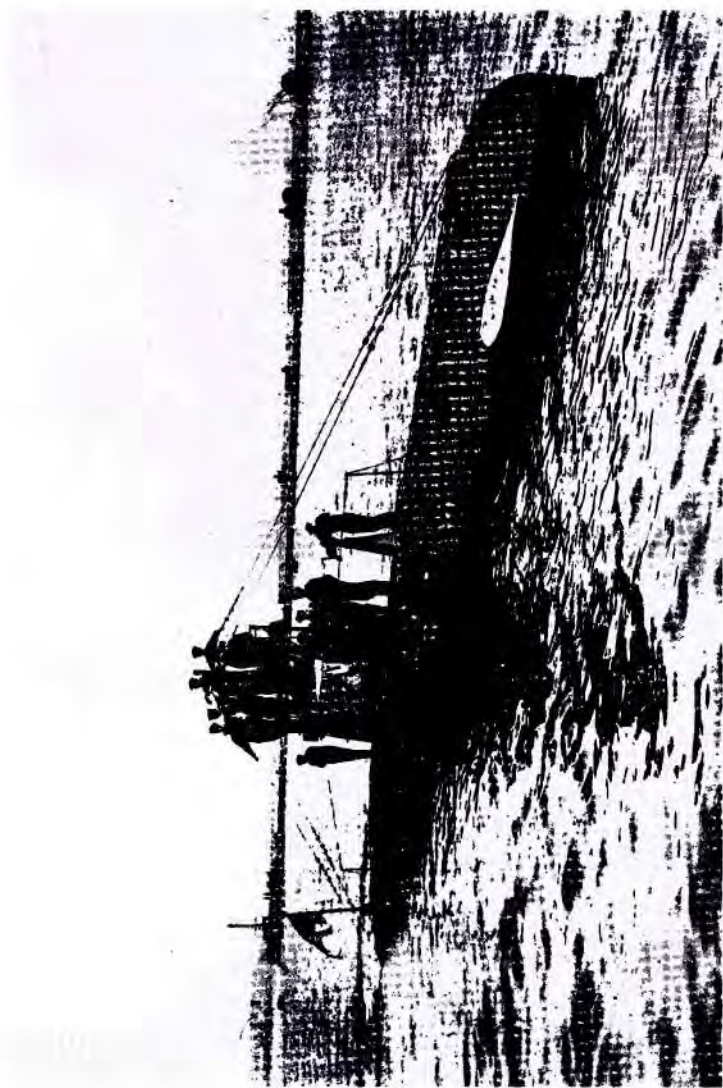

Руины завода боеприпасов в Одессе после взрыва (август 1918 г.)

Германские гидросамолеты в Керчи

Германская подлодка UB-14 у побережья Крыма (лето 1918 г.)

и просторов Валахии в Браилу⁷⁴⁴, откуда по уже проверенному полковником Фогелем маршруту двинулась в Одессу через Бессарабию. Этот рейд начинался как раз в последние сутки, а то и часы правительственного кризиса вокруг принятия условий Бухарестского мира и был даже не отложен. Видимость уважения к румынским властям сохранялась, а за проездом по Молдове и территории Бессарабии германских войск следили румынские офицеры. Германские войска размещались по пути в румынских казармах, по возможности их обслуживали румынские железнодорожники, то есть были все признаки военного сотрудничества. Последнее не мешало германским оккупационным войскам продолжать «надзор» за посевной кампанией в Румынии, принуждая «ленивых» крестьян к полевым работам ради последующего присвоения урожая⁷⁴⁵ вне зависимости от нюансов и сроков заключения мира.

Любой мирный договор с образовавшейся из Дунайских княжеств Румынией был неизбежно связан с урегулированием ситуации на главной центральноевропейской реке, а будущий новый порядок дунайского судоходства должен был стать важным звеном в выстраиваемой Срединной Европе, выходя, таким образом, за рамки Брестской системы даже в самом широком ее понимании. При пока еще не улаженном вопросе о вступлении полуоккупированной Румынии в ряды Центральных держав Бухарестский мир должен был повлечь за собой демобилизацию не только румынской армии, но и флота. При всей незначительности размеров последнего (2,7 тысячи человек личного состава) все же эти ресурсы были далеко не лишними для стабилизации обстановки в устье Дуная и в северной части черноморской акватории. Отдельной проблемой была и крайне высокая — из-за прямых контактов с русскими моряками — степень революционного разложения личного состава румынского флота. Судьба румынских судов была важным предметом торга Берлина и Вены и с Яссами, и с Софией. Альтернатива же была чрезвычайно проста: либо румынский флот (и то в урезанном виде) будет союзным (даже не нейтральным)

⁷⁴⁴ См., напр.: *Hutschenreuther R.* Das K.B. 1. Chevaulegers-Regiment im Weltkrieg 1914–19. München, 1922. S. 106.

⁷⁴⁵ См., напр.: *Huth A.* Entwurf der Geschichte des IR 375. B., 1935 (unveröff.). W. 8.

Центральным державам, либо его суда (на тех или иных условиях) будут переданы во флоты соседних стран.

Надежды, возлагавшиеся в Центральных державах на эффективное и стабильное использование румынских сырьевых ресурсов, если и уступали своей оптимистичностью таковым насчет Украины, то лишь по объемам предполагаемых поставок. Это было тем менее оправданно, что положение Румынии в рамках Брестской системы было значительно менее определенным, чем той же Украины, а связанные с ней притязания и застарелые конфликты касались всех членов коалиции Центральных держав. Еще весной между подписанием прелиминарного мира и мирного договора румынам стало ясно, что предоставляется возможность успешно играть на противоречиях между членами Четверного союза, особенно в споре из-за Добруджи⁷⁴⁶. Вопрос этот обострился сразу же после ее захвата осенью 1916 г., когда в качестве временной меры она была оставлена под управлением германской администрации, однако в дальнейшем болгары и турки все настойчивее делили добычу⁷⁴⁷. Во избежание масштабных эксцессов почти вся территория Румынии осталась под управлением германских и австро-венгерских, но ни в коем случае не болгарских комендатур. Априорная уверенность в Берлине и Спа в том, что болгары потребуют лишь южную часть Добруджи, которой они лишились в ходе 2-й Балканской войны, и некоторых «исправлений границы», себя не оправдала. Этого славянским союзникам, уверенным, что на общей антирумынской платформе, как и в 1913 г., их будет прочно поддерживать Будапешт, а то и Вена, было мало. Тут же последовали апелляции Софии к глубокому историческому прошлому, вплоть до Болгарского ханства включительно.

Уже в конце февраля 1918 г. вопрос о Добрудже стал едва ли не самым сложным в создаваемой на Балканах системе гегемонии Центральных держав. Османская империя требовала компенсировать ей любое усиление Болгарии путем возвращения территории во Фракии, особенно с учетом перспективы (в случае победы) получения болгарами Салоник. Ссылались и на участие турецких

⁷⁴⁶ См.: *Helfferrich K. Der Weltkrieg. Bd. 3. S. 305–306.*

⁷⁴⁷ См.: *Mühlmann C. Oberste Heeresleitung und Balkan. S. 197–201.*

нойск (15-го и 6-го армейских корпусов) в боях в Галиции и против румын в составе союзной Дунайской армии в 1916–1917 гг.⁷⁴⁸, хотя и начале 1918 г. их и начали выводить для укрепления собственно турецких фронтов. В крайнем случае Порты готова была вернуть северную Добруджу Румынии, лишь бы не допустить чрезмерного усиления болгар без действительно заметных компенсаций во Фракии. В свою очередь в Софии, где воспринимали приобретение Добруджи как идею-фикс, вспоминали и щедрые обещания Болгарии в 1915 г., и дополнительные попытки подкупить турок для парирования угрозы со стороны вступающей в августе 1916 г. в войну Румынии⁷⁴⁹. В крайнем случае Болгария была согласна на укрепление Османской империи на Кавказе, но только за счет отказа турецкой стороны от любых претензий на возвращение территории на берегу Марицы, а также ее согласия на максимальное расширение болгарских владений в Добрудже. Уже 13 апреля 1918 г. ОХЛ сделало Порте предложение выступить посредником в спорах с Болгарией, отчего в Софии тут же отказались, ведь ничего, кроме возвращения полученных в 1915 г. территорий (пусть и частичного), от этого посредничества не ждали. Австро-Венгрия также желала не упустить возможности более удобного для нее передела оккупированной сербской территории, особенно на берегах Дуная, опасаясь чрезмерного усиления Болгарии и превращения ее в новый центр панславизма. Кайзер Вильгельм II, известный своими широкими жестами, средством сбалансировать турецко-болгарский конфликт без вреда для магистрального направления германской экспансии Берлин — Багдад уже полагал Грецию, считая, что ее еще можно перекупить на сторону

⁷⁴⁸ И не только под общим германским командованием, но и с приданными в состав турецких дивизий германскими и австро-венгерскими подразделениями и под руководством (порой даже официально) германских офицеров. См., напр.: ВА-МА. N 754/9.

⁷⁴⁹ Всю остроту турецко-болгарского конфликта описывал выехавший из Бреста уже 4 марта и прибывший в Бухарест 6 марта Розенберг: Frederic von Rosenberg. *Korrespondenzen und Akten*. S. 55–69. Уже в начале марта начались затяжные турецко-болгарские консультации, в которые вскоре вмешались германские военные и дипломаты. См.: *Нотович Ф. И. Бухарестский мир*. С. 180–192.

Центральных держав⁷⁵⁰. В Константинополе крайне резко выступил против самой мысли об уступках Болгарии второй человек в правительстве после великого визира Талаата Энвер-паша. Как и для всех младотурок, для него Болгария была в первую очередь мятежным и жестоким государством-лимитрофом Османской империи, независимость которого вообще вызвана лишь диктатом враждебных держав.

Из всех 4 держав склонность к компромиссному решению этой проблемы, причем не без учета и собственных интересов, выказала только Германия, однако заставить своих младших партнеров принять свой вариант (кондоминиума) она долгое время не могла⁷⁵¹. Зато оказывалась обвиняемой сразу всеми сторонами, полагавшими, что лидер Центральных держав, как обычно, отождествляет свои интересы с «всеобщими». Сказывались интриги между Веной, Будапештом, где были настроены максимально жестко по отношению к румынам, и Бухарестом, а также упорное противодействие болгарской экспансии турок и наоборот. Людендорф намерен был попросту заставлять смириться с разработанным в ОХЛ компромиссом одного союзника за другим в ходе визитов на высшем уровне в Спа, хотя и не доверял многим их лидерам (Талаату, например). Болгарское общественное мнение было чрезвычайно взбудоражено, что угрожало падением правительства (действительно последовавшим в июне 1918 г.). Предлагаемые и Веной, и Берлином компромиссы постоянно меняли условия, без существенного продвижения к консенсусу. Весьма сложным согласование делали и психологические аспекты, например тот факт, что лидер младотурок Талаат-паша был по происхождению помак, проводший детство в Болгарии, занятой в ходе войны 1877–1878 гг. русскими войсками, а потому крайне болезненно воспринимавший любое ослабление позиций Турции на Балканах. Для болгар же любое возвращение территории в Европе Турции было едва ли не поворотом вспять в сторону прошлого ее порабощения османами, а также горьким напоминанием о поражении

⁷⁵⁰ Его едва удержал от более откровенных высказываний в том же ключе Р. фон Кюльман. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 21.*

⁷⁵¹ См. подп.: *Bornemann E. Der Frieden von Bukarest 1918. S. 96–109.*

по 2-й Балканской войне. В конечном счете к середине сентября 1918 г.⁷⁵² болгары согласились вернуть Порте⁷⁵³ часть полученной в 1915 г. в качестве платы за вступление в войну территории на восточном берегу Марицы, а куда более озабоченная кризисом на Кавказе Турция 25 сентября одобрила передачу Болгарии и дополнительной полосы в Добрудже к северу от Констанцы. Спорили лишь о сроках аннексии территорий, ведь болгары требовали Добруджи немедленно, а во Фракии хотели бы вывести войска «после заключения всеобщего мира», но минимум через 15 дней. Урегулирование вопроса совпало с выходом Болгарии из войны⁷⁵⁴, что было не столько иронией судьбы, сколько базовой чертой создаваемой с февраля 1918 г. системы — спорные вопросы разрешались только тогда, когда становилось не до них вовсе.

Сложностей добавляли и как всегда поспешные проекты ОХЛ по обретению новых опорных пунктов на Востоке, в данном случае важного порта Констанца и железной дороги к нему⁷⁵⁵. Обострившееся желание установить полный германский контроль над ним тут же вызвало ряд неприятных последствий, а также подало еще один пример того, что происходит, когда «каждое ведомство проводит собственную политическую линию»⁷⁵⁶. С огромным трудом найденный к маю 1918 г. благодаря усилиями генштабистов из группы армий Макензена (во главе с Хеллем⁷⁵⁷) компромисс был временным и не слишком искренним, только для подписания Бухарестского мира. Поэтому дальнейшие проблемы с его ратифика-

⁷⁵² В самом конце августа к вопросу об апрельском предложении германского посредничества вернулись. См.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 537–538, 540–541.

⁷⁵³ См.: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 271–273.

⁷⁵⁴ См. подр.: Radoslawoff V. Bulgarien und die Weltkrise. B., 1923. S. 292–313.

⁷⁵⁵ См., напр.: Нотович Ф. И. Бухарестский мир. С. 192–195.

⁷⁵⁶ Так полагал занимавшийся этой проблемой по поручению не слишком подробно обдумавшего проблему Людендорфа генштабист фон Фельзен: Velsen S. v. Deutsche Generalstabsoffiziere. S. 284–285.

⁷⁵⁷ Характерно, что лестно не только о Макензене (явно в пику Гинденбургу), но и о Хелле отзывался и так много конфликтовавший с военными Р. фон Кюльман, которого Добруджа впечатлила главным образом икрой: Kühlmann R. v. Erinnerungen. S. 554, 560–561.

цией быстро заставили вернуться к прежним проектам, включая утопические мечты о формировании особого германского протектората на юге Бессарабии, где уже было немало немецких колонистов⁷⁵⁸. Последние, опасаясь земельного передела даже в случае перехода их под власть румынского короля, быстро стали проявлять активность в вопросе перехода под особое покровительство германских военных инстанций. Характерно, что Адмиралштаб во главе с Хольцендорфом алчности Людендорфа насчет Констанцы (а уж тем более иных портов в этом регионе) не разделял⁷⁵⁹, раздражаясь тем, что сухопутная Ставка вовсе не желает учитывать мнение флота и произвольно распыляет его немногочисленные резервы⁷⁶⁰. Это не могло не привести к тяжелейшему и вполне личному конфликту между этими важнейшими фигурами в германских армии и флоте уже с конца мая, пик которого пришелся на июль-август 1918 г. и окончился громкими отставками⁷⁶¹.

Германских офицеров раздражало очевидное франкофильство (и вполне естественная франкофония — несмотря на Гогенцоллернов на троне!) румынской элиты, в действительности вполне объяснимое лингвистически и исторически. Нервозность в штабах войск Макензена нарастала и из-за постоянно откладываемой королем Фердинандом Румынским ратификации Бухарестского мира, хотя первоначально она должна была состояться в 6-недельный срок⁷⁶². Последним успехом в этом направлении было его

⁷⁵⁸ Такие проекты якобы высказывали немецкие колонисты еще в конце марта 1918 г., когда через их поселения проходили войска Баварской кавалерийской дивизии. См.: *Hutschenreuther R. Das K. B. 1. Chevaulegers-Regiment im Weltkrieg 1914–19. S. 107.*

⁷⁵⁹ Важности Добруджи в Адмиралштабе не оспаривали, однако сравнивали ее обретение с «даром данайцев». См.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 1. S. 441–442.*

⁷⁶⁰ См.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 62–63.*

⁷⁶¹ См.: *Baumgart W. Neue Quellen zur Beurteilung Ludendorffs: der Konflikt mit dem Admiralstabschef über die deutsche Schwarzmeerpoltik im Sommer 1918 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd. 6. H. 2. S. 161–177.*

⁷⁶² Людендорф даже 23 (!) октября 1918 г. еще надеялся добиться ратификации и тем предотвратить возвращение Румынии в Антанту. См.: *Kronprinz Rupprecht von Bayern. Mein Kriegstagebuch / hrsg. von E. von Frauenholz: 3 Bde. München, 1929. Bd. 3. S. 362–363.*

одобрение 28 июня и 4 июля обеими палатами румынского парламента⁷⁶³, после чего еще более очевидна стала негативная роль двора в Яссах, при котором по-прежнему находились посланники Антанты. Уклонение от имплементации мирного договора стоило Румынии продолжения оккупации большей части ее территории. Неубедительны были и попытки судебного процесса над проантантовскими политиками за втягивание страны в неудачную для нее войну. Тем временем все творцы Бухарестского мира в разных странах лишились своих постов, так что в случае его пересмотра с учетом изменившейся к концу лета ситуации потребовалось бы немало времени для вхождения в курс дела новых акторов. Усилия германских дипломатов добиться-таки ратификации продолжались вплоть до 4 ноября 1918 г.⁷⁶⁴

Недоумение в Германии от авантюризма ясского кабинета было тем более велико, что даже оппозиция в рейхстаге⁷⁶⁵ полагала мир с Румынией вполне компромиссным, удачным и подготовленным — в отличие от Бреста — действительно компетентным специалистом, то есть лично главой внешнеполитического ведомства⁷⁶⁶. Сам же Кюльман понимал позицию ОХЛ так, что возобновление боевых действий против Румынии совершенно исключено, а потому о возможном разрыве не может быть и речи⁷⁶⁷. Выстроенная блестящими германскими специалистами из Генштаба полковником Хенчем (сыгравшим роковую роль на Марне в 1914 г., но получившим *Pour le Merite* именно за свои успехи в администрировании Румынии⁷⁶⁸) и майором фон Кесслером⁷⁶⁹

⁷⁶³ Последовали громкие демарши проантантовских сил, но голосование прошло без особенных трудностей. См.: *Виноградов В. Н.* Румыния в первой мировой войне. С. 293.

⁷⁶⁴ См.: *Grupp P.* Deutsche Außenpolitik. S. 232.

⁷⁶⁵ Недовольны были правые и националисты, полагавшие, что Кюльман за чужие интересы в Бухаресте боролся куда лучше, чем за германские в Бресте. См.: *Kühlmann R. v.* Erinnerungen. S. 562–564.

⁷⁶⁶ *Seils E.-A.* Weltmachtstreben und Kampf für die Frieden. S. 583–585.

⁷⁶⁷ См.: *Kronprinz Rupprecht.* Mein Kriegstagebuch. Bd. 2. S. 405–406.

⁷⁶⁸ Хенч скончался в Бухаресте 13 февраля 1918 г. после неудачно проведенной операции по удалению камней из желчного пузыря.

⁷⁶⁹ Ранее бывший при штабе группы армий Макензена Кесслер стал потом одной из важных фигур в Киеве, сыграв большую роль в эвакуации

система оптимального использования экономического потенциала страны, особенно Валахии, имела свои пределы, а потому надеяться на дальнейший эффект от оккупации вместо налаживания отношений с новым вассалом не было смысла. В лагерях военнопленных даже начали готовить отбор для последующего ускоренного освобождения пленных офицеров и солдат румынской армии, причем отдельно из Валахии и Добруджи, а отдельно из неоккупированной Молдовы (а может, и Бессарабии), имея в виду и их вступление в румынские войска⁷⁷⁰. В свою очередь румынские власти не слишком торопились с освобождением военнопленных из Центральных держав, продолжая привлекать их к работам⁷⁷¹.

С началом новой зимы положение с продовольствием в Румынии быстро стало бы катастрофическим, так что эту считавшуюся столь богатой страну пришлось бы вскоре подкармливать, а не опустошать. Ожесточенная борьба за румынские продовольственные ресурсы между голодающими Центральными державами еще в феврале 1918 г. перешла в новую фазу, причем переговоры помогали все меньше⁷⁷². Уже в мае 1918 г. конфликт вызвала частичная конфискация румынских поставок продовольствия в Германию австро-венгерскими чиновниками⁷⁷³, на

германских войск из Причерноморья и в переговорах с атаманом Григорьевым и с д'Ансельмом.

⁷⁷⁰ См. распоряжение ПБМ от 3 июня 1918 г.: SächsHStA. 11248. 7018.

⁷⁷¹ Тем, что их товарищи по-прежнему работают в плену под румынским конвоем, были возмущены наблюдавшие это лично солдаты отправленных на Украину частей 212-й пехотной дивизии, попытавшиеся тут же подобрать пленных в свои эшелоны (22 мая, то есть через полмесяца после подписания мира). См.: Moesta G. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 279. S. 128, 135.

⁷⁷² См. подр.: Landwehr O. Hunger: Die Erschöpfungsjahre der Mittelmächte. S. 159–163, 184–188.

⁷⁷³ 29 апреля 1918 г. глава ведомства военного снабжения генерал Ландвер захватил до 23 тысяч тонн кукурузы (2455 вагонов). Позднее генерал-квартирмейстер австрийской Ставки признал, что это было «грабежом»: См.: Theodor Ritter von Zeynek: ein Offizier im Generalstabskorps. S. 291–295. Сам О. Ландвер придерживался мнения, что грабежом занималось как раз германское ОХЛ, приступившее к жесткой блокаде поставок

которую Людендорф был готов ответить блокированием любого сообщения силами оккупационных войск Макензена⁷⁷⁴. Переговоры представителей обеих союзных Ставок привели к новому витку недовольства и унижений, причем важным условием соглашения стало согласие австро-венгерской стороны предоставить германским коллегам общее руководство поставками продовольствия с Украины.

Все лето 1918 г. прошло в тревожном ожидании конца переходного периода и возможного ужесточения сравнительно мягкого оккупационного режима, изображавшего в побежденной стране «дружественную армию», которой весьма боялись. Воздерживаясь («по возможности») от реквизиций, оккупационные власти настаивали на том, что мирное население должно быть обеспечено продовольствием за счет поставок через бывшую линию фронта, от правительства в Яссах. На демаркационной линии поддерживался строгий контроль, так что число задержанных за «недозволенное пересечение» составляло десятки тысяч человек. Поток румынских солдат, отпускаемых из плена «домой» по мере известий о демобилизации (по первоначальному плану до 3 тысяч в день!), иссяк вместе с верой в то, что последняя будет завершена. Фактически прекратились и встречные транспорты. Нервозность обеих заключивших мир сторон увеличивали и слухи о росте большевистской опасности. В Румынию стали возвращаться из Одессы и вообще с бывшей российской территории рабочие с верфей, а также бывшие раненые и оказавшиеся за пределами родной страны солдаты королевской армии. По-видимому, часть из них успела побывать и «интернационалистами», а потому лояльность их не только к оккупантам, но и к правительству Маргиломана была более чем сомнительной. Очевидно, что следующая волна голода в двуединой монархии (не позднее октября-ноября) вызвала бы еще более резкие инциденты. Все более тесная связь с прогермански настроенной частью румынских военных и политиков через прикомандированных к штабам офицеров никак не отменяла

для Австро-Венгрии административными мерами. *Landwehr O. Hunger: Die Erschöpfungsjahre der Mittelmächte*. S. 189–196.

⁷⁷⁴ См. его телеграмму в АА от 9 мая 1918 г.: *Die Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution*. Teil 3. S. 1338.

очевидную цель Румынии как можно скорее добиться ревизии Бухарестского мира, так толком и не вступившего в силу. В связи с этим, как и в случае с обоими Брестами, были неизбежны добавочные договоры.

С получением известий о переломе на Западном фронте угроза со стороны так и не завершившей демобилизацию румынской армии⁷⁷⁵, находившейся в Бессарабии и Молдове⁷⁷⁶, возросла настолько, что 12 августа в ОХЛ уже сочли необходимым концентрическое австро-германское наступление для оккупации остатков подконтрольной румынскому двору территории⁷⁷⁷. Тем временем в австро-венгерском иностранном ведомстве всего недель позже рассматривали возможность вывода войск (около 10 дивизий) с Украины, что имело бы самые серьезные последствия для прочности оккупационного режима на границах с незанятой Центральными державами Молдовой, хотя и признали пока эвакуацию войск двуединой монархии и их полную смену германскими нецелесообразной⁷⁷⁸. 13 сентября штаб оккупационной группы армий Макензена, предупреждавший о возможности возобновления боевых действий еще 17 августа⁷⁷⁹, получил из Ставки указание ускорить подготовку внезапного превентивного удара дивизий Центральных держав (операция «Фангштосс») по румынским войскам для предотвращения их перехода на сторону Антанты.

---

⁷⁷⁵ По условиям Бухарестского мира 1918 г. Румыния имела право сохранить 8 дивизий сокращенного состава, а общий размер вооруженных сил составил бы около 33 тысяч человек. Относительно оккупационных сил в Бессарабии ограничений не налагалось.

⁷⁷⁶ Этому способствовало еще и то, что помимо прочего возникали проблемы с продовольствием и размещением огромных масс людей. Забота о тысячах отпускаемых из плена (21 тысяча за 3 месяца с марта по июнь 1918 г.) ложилась не только на Красный Крест, но и на германские инстанции, что не только затягивало процесс демобилизации, но и заставляло некоторых германских чиновников даже желать того, чтобы этот процесс был максимально плавным. См.: *Mayerhofer L. Zwischen Freund und Feind. S. 352–354.*

⁷⁷⁷ См.: *Reichsarchiv. Bd. 13. S. 392; ÖULK. Bd. 7. S. 414–418.*

⁷⁷⁸ См. переписку Форгача и Буриана 17–20 августа 1918 г.: Документы о разгроме германских оккупантов. С. 176–177.

⁷⁷⁹ См.: *Mühlmann C. Oberste Heeresleitung und Balkan. S. 244–247.*

Для этого были готовы пожертвовать целым рядом других проектов на Востоке, даже захватом Петрограда. Австро-венгерские войска на Украине были ослаблены до предела, чтобы сформировать из 3 дивизий во главе с штабом 12-го корпуса для удара через Днестр под Тирасполем и Могилевом⁷⁸⁰. Обстановка накалялась и вокруг австро-венгерской флотилии на Дунае, так что с трудом удавалось избежать возобновления боевых действий. Хинтце лихорадочно стремился не допустить необдуманных действий военных, убеждая Людендорфа, что значительно выгоднее заставить румынский двор и правительство переехать в Бухарест, переформировать его на еще более прогерманской основе и добиться-таки твердых гарантий завершения демобилизации и прекращения всех контактов с Антантой. Он предупреждал, что новая силовая акция только добавит популярности проантантовски настроенной королевской чете (ослабленной скандалом вокруг имевшего ту же внешнеполитическую ориентацию наследника престола Кароля⁷⁸¹) и сильно ударит по остаткам репутации Германии среди нейтралов⁷⁸². 11 сентября в Ставке Хинтце согласовал условия будущего ультиматума в Яссы: к 1 октября завершить демобилизацию, подписать дополнительные соглашения, ратифицировать Бухарестский мир. Причем предполагалось, что Румыния немедленно уступит, ведь рисковать династией на троне не будут⁷⁸³. Вернувшийся из Спа Хинтце уверился было, что с Людендорфом разногласий нет, а тот, в свою очередь, полагал, что может продолжать готовиться и к отказу ясского двора.

⁷⁸⁰ Краусс выделил для дивизий лишь по 3 полка пехоты, зато постарался усилить их артиллерией и другими огневыми средствами. После отмены операции часть сил сразу же была отправлена на Балканы, а остальные вернулись на Екатеринославщину: *Dragoni A. v. Die österreichisch-ungarische Operationen*. S. 286.

⁷⁸¹ Кароль попытался с позволения австро-венгерского штаба в Одессе срочно проехать с некоей мадемуазель в Крым, получив отказ, он обвенчался тут же. См., напр.: *Гофман М. Записки и дневники*. С. 255.

⁷⁸² См. его телеграмму Людендорфу и начальнику штаба Макензена полковнику Шварцкоппену от 2 сентября: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär*. S. 559–561.

⁷⁸³ См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär*. S. 584.

Такое развитие событий было достаточно вероятным и прежде (свеж был в памяти военный блеф весны 1918 г.), поэтому германские генштабисты рьяно взялись за дело, однако уже 16 сентября австро-венгерские власти официально отказались от участия в возможной операции в связи с мирным предложением от 14 сентября⁷⁸⁴. Это было тем более показательным, что в случае освобождения Румынии от оккупации ее войска немедленно атаковали бы именно Австро-Венгрию. С учетом такой капитулянтской позиции АОК в Бадене⁷⁸⁵ распоряжение германского ОХЛ о подготовке операции было отменено. Теперь речь шла лишь о затягивании процесса восстановления румынской армии, о балансировании на грани открытого разрыва с нежелающим преждевременно рисковать румынским правительством. Косвенным образом эти намерения германского командования пошли на пользу русскому Белому движению, ведь его эмиссары при явном содействии оккупационной администрации сумели восстановить контроль и вывезти немалую часть оставшихся в Бессарабии и Молдове запасов бывшего Румынского фронта⁷⁸⁶. В самой Румынии нарастала нервозность, в ожидании нападений и диверсий оккупационные войска стали стягивать в крупные пункты, создавая отряды размером не менее роты. Это было верным признаком скорого краха оккупационного режима⁷⁸⁷. Восстановлению активного взаимодействия Антанты с яским двором германские власти мешали как могли. Так, в сентябре 1918 г. они категорически запретили пропуск выехавших из Киева дипломатов враждебных Центральным державам государств в сторону Бессарабии⁷⁸⁸. К концу сентября 1918 г. стали поступать сведения,

⁷⁸⁴ См.: Reichsarchiv. Bd. 13. S. 393–395; ÖULK. Bd. 7. S. 497–500.

⁷⁸⁵ Арц фон Штрауссенбург описывает события иначе, подчеркивая, что намерен был добиваться немедленной ратификации Румынией мира и 25 сентября, то есть уже в ходе развала Салоникского фронта, в том числе за счет отвода сил из Албании для их дополнительной концентрации. См.: *Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Krieges*. S. 300–302.

⁷⁸⁶ *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны. С. 304–305.

⁷⁸⁷ См.: *Mayerhofer L. Zwischen Freund und Feind*. S. 361–370.

⁷⁸⁸ Такое распоряжение ОХЛ отдало штабу Макензена: *SächsHStA*. 11358. 53. Bl. 92–93.

что мелкими группами через Украину проезжают к белым (а то и на курсы переподготовки во Францию, куда готовятся выехать и другие) румынские офицеры, получившие деньги от Антанты. Активная вербовка ведется на французские деньги и в Одессе и т. д. В ответ в штабе группы армий «Киев» приготовились к массовым арестам⁷⁸⁹. После 20 сентября сведения о тяжелом поражении болгарской армии, об угрозе трону и мятежах заставили резко изменить отношение к происходящему в Румынии. Пространство Бухарестской подсистемы рисковало первым из всех элементов Бреста вернуться в статус ближайшего тыла прямого противостояния с Антантой. В развитии ситуации логику стали все больше диктовать процессы на Балканах, а не инерция прежнего Восточного фронта.

В последнюю декаду сентября успешно провели активные перевозки морем германских и австро-венгерских войск из Николаева и Одессы в Константинополь и Варну⁷⁹⁰, ведь уже шло крушение Болгарии, которое пытались предотвратить. Надо отдать должное громадным усилиям и качеству работы Натеко и различных флотских инстанций, не допустивших полного хаоса в транспортировке и раздробления частей⁷⁹¹ из-за внезапного разворота в обратную сторону потока солдат, а также сумевших не допустить затяжек именно тогда, когда они были совершенно недопустимы с учетом отчаянной попытки стабилизировать ситуацию в Болгарии. Характерно, что этот логистический подвиг был совершен в условиях ведомственных трений (в ответ на пожелания армейских инстанций вице-адмирал А. Хопман позволял себе напоминать, что на данный пост он был назначен вовсе не ОХЛ, а Адмиралштабом), в целом не лучшей эффективности рабо-

⁷⁸⁹ Причем узнали об этом поначалу из румынских газет. См.: SächsH-StA. 11358. 57. Bl. 216–218, 244–246.

⁷⁹⁰ Отправили 217-ю пехотную дивизию из Потти и Севастополя в Браилу, 16-ю ландверную дивизию из Донбасса через Николаев в Константинополь и Варну, 30-ю австро-венгерскую пехотную дивизию из Одессы в Констанцу. См.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung*. S. 107. Позднее ряд других частей прибыли с других фронтов, в том числе с Итальянского и даже с Западного, например элитный Альпийский корпус.

⁷⁹¹ См. подр.: BA-MA. RM 41/41.

ты портов и по-прежнему далеко не идеальной радиосвязи. Срочность перебросок требовала привлечения всего тоннажа, а потому были пресечены все прочие рейсы, включая даже перевозки зерна и репатрируемых пленных, не говоря уже о и до того не слишком желательном для оккупационных инстанций вывозе беженцев и т. д.

Для парирования угрозы были сильно сокращены силы корпуса Кнёрцера⁷⁹², что означало, что германское командование уже готово предоставить союзный Дон в борьбе с большевиками его собственной судьбе. Одновременно это ослабление группировки интервентов было для Краснова и ряда других атаманов намеком на возможную передачу под их полный контроль и Ростова, и Таганрога, куда начали все активнее допускать донские инстанции еще с середины августа. Сначала отправились с Донбасса резервные части, потом 27–29 сентября уехали в Николаев подразделения ландверной пехоты, но сколько-нибудь существенно повлиять на события большинство перебросок не имело шансов⁷⁹³. И все же, в результате блестящего (с учетом общей обстановки и качества инфраструктуры) «последнего развертывания Центральных держав»⁷⁹⁴ германские и австро-венгерские войска на Балканах сумели оттянуть выход Болгарии из войны на 2 недели и почти сорвать в ней революцию. Масштабы перебросок однозначно доказывали, сколь упорно верили в ОХЛ и АОК в то, что прорыв на Балканах удастся купировать без стратегических последствий. Прибывшие из Италии (101 эшелон), с Западного фронта (141 эше-

⁷⁹² В Одессу были отправлены 52-я ландверная бригада и 1-й ландверный полк полевой артиллерии, а в начале октября и большая часть остального вюртембергского ландвера. «Прославившийся» под Таганрогом в июне 1918 г. полковник Бопп стал комендантом Одессы. См.: *Nachtigal R. Krasnyj Desant. S. 239–240.*

⁷⁹³ Например, 3-й ландверный полк прибыл в Николаев 2–3 октября (то есть затратил на переброску 5–6 суток), а с 8 октября через Одессу его начали отправлять в Констанцу, куда он прибыл лишь 14–15 октября. См.: *Rudolph K. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 3. S. 58.*

⁷⁹⁴ Всего в ходе операции прибыло 436 воинских эшелонов, в основном австро-венгерских войск. Германских частей было лишь 4 дивизии. См.: *Militär-Wochenblatt. 1930. № 11. Sp. 393–398, № 12. Sp. 439–443.*

лон, и это в разгар натиска Антанты!), из тыловых округов (32 эшелона) войска были дополнены весьма существенной частью оккупационных войск из Румынии и Украины и Причерноморья (161 эшелон⁷⁹⁵, то есть именно с Востока было взято войск более всего).

Стратегический потенциал этого маневра резервами был чрезвычайно высок: на кону стояло спасение Салоникского фронта, а значит, и всех азиатских ТВД. Для и без того резко сократившихся резервов Центральных держав эта отчаянная акция стала классическим примером «тришкиного кафтана». Даже сравнительно успешная работа транспортной инфраструктуры, очередной подвиг в сфере организационного устройства железных дорог, изношенных за годы войны, уже не смогли компенсировать физическую нехватку сил. Более того, если фаза вывоза войск и их доставки на узловые станции Дунайской монархии была проведена полностью, то вот задействовать выделенные войска по изначально планировавшемуся назначению уже успели далеко не всегда, то есть масштабы оказались излишними, а занервничавшие Ставки допустили одну из классических ошибок в распределении средств. Окончательно подорвав возможность и далее контролировать огромные оккупированные территории, переброска этих немалых сил оказалась бессильна остановить прорыв Салоникского фронта из-за разложения болгарских войск, слишком долгое время недооцениваемого⁷⁹⁶. Хотя разведка и отдел иностранных армий в ОХЛ исправно сообщали с весны 1918 г. о явном усилении войск Антанты (итальянцев в Албании, все новых греческих дивизий на фронте, ведь Греция еще только приступала к активному участию в войне и т. д.)⁷⁹⁷, хотя болгары постоянно требовали

⁷⁹⁵ 217-я германская, 30, 4, 59, 15-я австро-венгерские дивизии и 155-я пехотная бригада.

⁷⁹⁶ Первые 10 дней болгарский кронпринц и генералы предлагали чуть ли не контрнаступление, «новый Танненберг». См.: *Notz F. v. General v. Scholtz. B., 1937. S. 151-156.*

⁷⁹⁷ Копии этих донесений, отправлявшиеся в Адмиралштаб, сохранились в его фондах. Они демонстрируют постоянное привлечение внимания к периферийным фронтам и весьма качественную работу германской разведки: BA-MA. RM 5/2485.

и грозили крупными неприятностями. Занятые проблемами со всем других ТВД Ставки — и в Спа, и в Бадене — были не способны в должной мере оценить масштабы угрозы. Информация о кризисе в Болгарии и все более походившие на шантаж жалобы оттуда поступали и в АА⁷⁹⁸, однако предоставить без согласия ОХЛ действительно необходимую помощь там не могли (прибытие как раз накануне прорыва фронта 12-го ландверного полка вряд ли что-либо могло изменить)⁷⁹⁹. Отставка правительства Радославова в конце июня 1918 г. (якобы из-за слухов о территориальных уступках Турции) и приход кабинета Малинова должного впечатления также не произвели.

В середине сентября 1918 г. произошло неизбежное. Как и на Западном фронте, надлом имел скорее психологические причины, а не материальные, а потому предсказать его в рамках военных расчетов и сводок в ОХЛ и АОК оказались бессильны⁸⁰⁰. Зато вполне эффективно приняли меры к купированию уже состоявшейся катастрофы за счет масштабного маневра. В конечном счете, несмотря на достигнутый в ходе такой крупной импровизации успех, переброски серьезно ускорили крах оккупационного австро-венгерского режима на Украине, способствовали быстрому развалу Итальянского фронта и ускорению дезорганизации на транспорте. Попытка прикрыть прорыв одного из периферийных фронтов за счет других гарантировала повсеместный негативный результат. Еще более заметный эффект этого же рода дало

⁷⁹⁸ Например, 20 августа 1918 г. Хинтце попытался донести только что полученные тревожные сведения о Болгарии в Ставку, но эффекта не добился. См.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 493–494.

⁷⁹⁹ Полк прибыл морем из Керчи и затем по Дунаю в Сербию, добрался до тыла Салоникского фронта 10–12 сентября и тут же был брошен на передовую, куда смог добраться и вступить в бой уже 20 сентября, но только для того, чтобы тут же оказаться посреди развала болгарской армии и начать тяжелейший отход на север. См.: *Wagenführ H. Mit dem Landwehr-Infanterie-Regiment 12. im Felde.* S. 102–106.

⁸⁰⁰ Так, служивший в ОХЛ А. фон Тэр писал в дневнике 20 сентября, что внезапный крах Болгарии всех ошеломил. См.: *Thaer A. v. Generalstabsdienst.* S. 230.

неуклонное сокращение внутренних войск в двуединой монархии, в результате чего справиться с новой волной мятежей осенью 1918 г. (в отличие от ситуации весной 1918 г.) австро-венгерское командование не смогло⁸⁰¹. Переброски на Балканы еще более интенсифицировались в октябре, так что в итоге морем — несмотря на считавшуюся реальной угрозой французских подлодок — было переброшено более 3,5 германской дивизии вместе с материальной частью.

---

⁸⁰¹ См. подп.: *Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz. Bd. 2. S. 106-122.*

ГЛАВА 8

НЕПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ ЗВЕНО: УКРАИНСКАЯ ДЕРЖАВА

Территориальные итоги завершавшегося к концу апреля расширения территории УНР выглядели впечатляюще. «Союзник» Центральных держав мог претендовать на земли площадью около 660 тысяч кв. км, причем это был еще не предел геополитических мечтаний Киева. Но еще до окончания кампании против южных советских республик куда более актуальными стали внутривнутриполитические проблемы, вызванные стремительной интервенцией. Окончание наступления всякий раз означает, что начинаются непростые будни оккупационного режима: восстановление инфраструктуры, оформление местной администрации и разграничение полномочий, а также весь круг проблем, связанных с поддержанием фикции мирного времени и равного партнерства⁸⁰². Градус неприятия манеры действий интервентов в украинских военных и политических кругах разнился в зависимости от спектра убеждений, но он ни в коем случае не был столь незначителен, чтобы никогда не проявляться открыто или чтобы оккупанты могли им пренебречь. Даже после смены режима в Киеве тенденция к взаимному разочарованию и возмущению сохранилась⁸⁰³. Не было

⁸⁰² Фраза об «отказе от фикции дружественной страны» была в отчете штаба группы армий «Киев»: Документы о разгроме германских оккупантов. С. 82.

⁸⁰³ См. обзор украинской межвоенной литературы и мемуаристики: Skrukwa G. "Masters of Situation": German- and Austro-Hungarian Intervention in

никаких оснований полагать, что со временем ситуация будет разряжаться, а контакты — налаживаться. Весьма показательную характеристику (в чем-то сравнимую с булгаковской) дал один из германских офицеров: «...обманывать себя относительно того, что наше пребывание на Украине основывается как и прежде лишь на страхе, мог лишь человек легкомысленный или слепой. Простой народ — крестьянство и рабочие, — но также и широкие слои мелкой буржуазии, хотя отдельные ее представители и были настроены на хорошие и даже вполне дружеские взаимоотношения, почти сплошь был нам враждебен; даже партия помещиков во главе со своим знаменосцем Скоропадским видела в нас, о чем часто говорили вполне открыто, лишь необходимое зло, средство излечения и подавления большевизма, хотя обе беды готовы были в любой момент обменять друг на друга. Все показательные выступления в пользу украинской независимости, неважно под германским или любым другим покровительством, были чистой воды политическими однодневками; ни один из представителей этого класса, мнение и высказывания которого обладали определенным весом, всерьез об отделении от России не думал»⁸⁰⁴.

Видя стойкую недееспособность Рады⁸⁰⁵, а вернее ее нежелание расставаться со своей популярностью ради реализации германских экономических планов, германское командование, преодолевая сомнения и даже сопротивление дипломатов, а также интриги австрийцев, приступило к проведению жесткой оккупационной политики, направленной на выполнение Украиной обещанных ранее Радой поставок сырья и продовольствия. Заключенные после решительного вмешательства Грёнера первые конкретные соглашения о порядке и объеме поставок зерна (от 9 апреля), картофеля, овощей и др. продовольственных товаров (от 11–13 апреля)⁸⁰⁶

Ukraine in 1918 in the Light of Ukrainian Memoirs // *Acta Poloniae Historica*. Vol. 113. Occupation Experiences, 1914–18. Warszawa, 2016. P 37–64.

⁸⁰⁴ Tintrup H. Krieg in der Ukraine. S. 192.

⁸⁰⁵ 23 марта о «полном провале» местного правительства в ОХЛ доложил штаб группы армий Линзингена, 15 апреля и представитель ОХЛ на Украине полковник барон фон Штольценберг. См.: *Reichsarchiv*. Bd. 13. S. 382.

⁸⁰⁶ См. подр.: *SächsHStA*. 11362. 1011; *Milow C*. Die ukrainische Frage 1917–1923. S. 120–136.

стали началом конца украинно-германского формального равноправия⁸⁰⁷. За валом трофеев и первых впечатлений от хлебобродной Украины будущего полного краха расчетов на поставки совершенно не предвидели, хотя и предполагали необходимость дополнитель-

⁸⁰⁷ Эти объемы неоднократно становились предметом ожесточенных дискуссий как современников, превративших их в аргумент в личных и политических конфликтах, так и историков. Так, например, Чернин считал эти поставки своим достижением, его противники, в том числе из военных кругов, — резко критиковали за иллюзии. См., напр.: *Das politische Tagebuch Josef Redlichs 1908–1919* / hrsg. von F. Fellner. Bd. 2. 1915–1919. Graz; Köln, 1954. S. 260, 263ff. Оправданность «хлебного мира» не только для Украины, но и для Центральных держав многократно доказывалась или опровергалась, однако в чисто материальном отношении результаты его (к 26 октября 1918 г.) были таковы: 14 162 вагона с грузами в Германию, 19 898 вагонов в Австро-Венгрию (продовольствия вдвое больше, сырья в 2,5 раза меньше, чем в Германию), 130 вагонов в Болгарию, 195 вагонов в Турцию. Таким образом, Германия получила 41,2 % поставок. Взамен она поставила весь уголь на Украину (22 272 вагона), а Австро-Венгрия всю нефть, но из 25 822 вагонов 90,5 % поставок на Украину приходилось на Германию. См.: *Das deutsche Feldeisenbahnwesen*. Bd. 2. S. 348–349. В австрийском труде по проблемам оккупации подчеркивалось, что количество вывезенного с Украины продовольствия (46 225 т муки и зерна, 11 157 т фуража, семян и др.) не слишком впечатляет даже по сравнению с результатами эксплуатации оккупированной Сербии в 1916 г.: *Krauss A. v., Klingenbrunner F. Die Besetzung der Ukraine 1918*. S. 389–390. В германской официальной версии также однозначно констатировали разочарование результатами украинских поставок. См.: *Reichsarchiv*. Bd. 13. S. 398–400. Это не мешало военным экспертам (Г. Кулю и др.) опровергать не всегда корректные арифметические выкладки, напоминать об отчаянном положении с пайками в австро-венгерской армии уже к февралю 1918 г. и оценивать эффект от вывоза продовольствия в 1,5 месяца, на которые была отложена, а то и перенесена до окончания сельскохозяйственного сезона, катастрофа снабжения. См., напр.: *Kabisch E. Streitfragen des Weltkrieges*. S. 376–377. Глава австро-венгерского продовольственного ведомства признавал явное невыполнение исходных планов, особенно по зерну и муке (4622 вагона, не считая контрабанды), но не отрицал и возможности более серьезных успехов в получении продовольствия по мере продолжения работы: *Landwehr O. Hunger: Die Erschöpfungsjahre der Mittelmächte*. S. 201–203.

ных полномочий для контроля над ресурсами и администрацией страны. Этой цели послужили приказы о принудительном использовании посевных площадей (главный из них от 6 апреля), распространение юрисдикции германских военно-полевых судов и на украинских граждан (25 апреля), создание летучих отрядов из поддержанной пехотой кавалерии для оперативных карательных экспедиций⁸⁰⁸, дополнительные соглашения с УНР от 23 апреля⁸⁰⁹, уточнявшие количество сырья и сроки его поставки, а также постоянная, с 24 апреля 1918 г., оккупация центральной части Киева германскими войсками⁸¹⁰.

В преддверии будущего столкновения с «неблагодарными» за освобождение от большевиков социалистами (особенно эсерами) из Рады оживились контакты германского командования с образовавшейся из правоконсервативных кругов Украинской громадой. Своего рода связным выступал вернувшийся на Украину весной 1918 г. давний агент австро-венгерских спецслужб А. Скоропись-Йолтуховский, сыгравший большую роль в формировании жупанных дивизий, но теперь активно выступивший против социалистического курса Рады, однако отказавшийся стать лидером переворота⁸¹¹. Позднее заслугу составления коалиции политиков, поддержавшей выдвижение Скоропадского,

⁸⁰⁸ В распоряжениях германских штабов утверждалось, что «лишь 10–12 % крестьян терроризируют всю страну». См.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 229–230. При этом войск было так мало, что отряд для демонстрации германской власти насчитывал (по оценке советского эксперта) «человек 30, переходя из села в село». Поодиночке германские солдаты опасались уходить, ведь их часто потом находили убитыми. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 64об.

⁸⁰⁹ Срок его истекал 1 августа. Процесс его согласования по отдельным видам продовольствия и все сложности межгосударственного взаимодействия см.: Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 92–107. Тексты соглашений с Австро-Венгрией см.: Friedensverträge mit der Ukraine, Russland und Finnland. Wien, 1918. S. 23–92.

⁸¹⁰ См.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 225–226.

⁸¹¹ Позднее его хотели включить в состав 2-го министерства Лизогуба, однако резкий протест умеренных министров, не желавших сотрудничать с агентом австро-германских спецслужб, помешал этому якобы в последний момент. См.: Украина на переломе. С. 93–94.

приписывали себе многие⁸¹², хотя лидером организационной работы единодушно признается Н. Сахно-Устимович. Командование группы армий «Киев» имело все основания заинтересоваться украинскими инициативами, ведь свою историческую миссию «опирающегося на поддержку народа» правительства социалистическая Рада уже выполнила, обеспечив вооруженное вмешательство Центральных держав. Для устойчивого оккупационного режима и стабилизации внутривойсковой обстановки без дополнительных инвестиций и тем более занятых во Франции германских войск нужен был иной режим, который бы сочетал в себе плюсы ширмы для прямой оккупации и верного проводника методов военной диктатуры. Поводы к эскалации конфликта между «союзниками» не заставили себя ждать.

26–27 апреля набирал обороты скандал в Раде вокруг отставки Зелинского с поста командующего Синьжупанной дивизией, а ее расформирование взяли под контроль (явно на всякий случай) германские войска⁸¹³. К этому времени стал очевиден крах попыток германских военных и дипломатов навязать УНР военную конвенцию, подписание которой сорвал глава военного ведомства Украины Жуковский. 27 апреля Рада дала понять, что иллюзию взаимовыгодного союза она более поддерживать, тем более любой ценой, не будет. В знак протеста из-за введения германских военно-полевых судов не кто иной, как инициатор интервенции Любинский, заявил с трибуны, что Эйхгорн и германский посол А. Мумм фон Шварценштейн, а в перспективе и все германские войска должны быть отозваны с Украины. Звучали и более воинственные заявления, вызвавшие слухи об организации украинского аналога «Сицилийской вечерни»⁸¹⁴. Собираемые в высших штабах оккупационных войск сведения все чаще создавали впечатление скорой попытки всеукраинского восстания⁸¹⁵. Впол-

⁸¹² Особенно те, кто получил крупные посты по итогам переворота, см.: Украина на переломе. С. 458–464.

⁸¹³ См.: *Зелінський В.* Синьжупанники. С. 72–73.

⁸¹⁴ См., напр.: *Gelshorn K.* Mit den deutschen Truppen in der Ukraine. S. 31–32.

⁸¹⁵ См., напр., подборку из штаба 27-го резервного корпуса, оккупировавшего Киев: *SächsHStA.* 11358. 58.

не натуральное возмущение Эйхгорна вызвал полукриминальный инцидент с похищением чуть ли не официальными властями Украины банкира Доброго, ведь это давало слишком подходящую иллюстрацию к общим впечатлениям генерал-фельдмаршала о деятелях УНР. Жесткая реакция последовала уже на следующий день.

28 апреля, ввиду беспокойной обстановки и недостаточного (то есть не моментального) эффекта от распространения юрисдикции германских военно-полевых судов на жителей Украины⁸¹⁶, комендант Киева командующий 27-м резервным корпусом генерал-лейтенант фон Ватцдорф жестко потребовал от населения сдать оружие, а затем отправил батальон солдат на броневиках к зданию Рады, где разогнал заседание и попытался арестовать пятерых членов правительства, в первую очередь военного министра Жуковского⁸¹⁷. Одновременно части германского гарнизона Киева⁸¹⁸ провели ряд обысков (якобы было изъято много оружия), разгоняли попытки митингов и блокировали украинские воинские подразделения, кое-где вступив в перестрелки и принудив к быстрой сдаче⁸¹⁹. Одним из последних актов собравшейся после арестов ее министров еще раз Рады стало принятие «Статута о государственном устройстве, правах и вольностях УНР», который мог быть направлен только против всевластия оккупантов. Немцы не-

⁸¹⁶ В том числе и потому, что они — даже без базовых принципов гражданского судопроизводства — работали достаточно добросовестно, пример их действий: *Гольденвейзер А. А.* Из киевских воспоминаний // АРР. Т. 5. С. 220–223.

⁸¹⁷ См. описание заседания: *Гольденвейзер А. А.* Из киевских воспоминаний. С. 214–216. Жуковского арестовывал лично Альвенслебен, см.: *Зелінський В.* Синьожупанники. С. 62. Из 5 министров было задержано сразу же двое, затем еще двое. Арестовали даже жену министра внутренних дел Ткаченко, как подстрекательницу, зато сам он успешно скрывался до самого финала гетманского режима.

⁸¹⁸ Например, 2-й батальон 32-го ландверного полка: *Wächter A.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 32 im Weltkrieg 1914–1919. Oldenburg; B., 1924. S. 68.

⁸¹⁹ См. отчет Ватцдорфа о событиях 28–29 апреля: *SächsHStA.* 11358. 283. Bl. 13–13a. В ряде полковых историй отмечается, что события в Киеве 27–30 апреля и разоружение украинских войск прошли «без инцидентов». См., напр.: *Fritsche M.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. S. 172.

медленно ухватились за версию о подготовке антигерманских выступлений и членами Рады, причем лишь ее радикального меньшинства⁸²⁰, и правительства, что легитимировало их дальнейшие действия, по меньшей мере в их собственных глазах. Арестован 29 апреля был и С. Петлюра, однако уже через сутки, после разговора с гетманом, его отпустили и даже позволили и дальше работать в киевской управе, ведь расклад сторонников и противников переворота оставался пока неясным. Утром 30 апреля все основные киевские газеты не вышли, а работа большей части из них наладилась лишь через несколько дней и с разрешения оккупантов. Многие основные пункты Киева были заняты противниками Рады из состава хлебобобов без всякого участия немцев⁸²¹. Учитывая, что участников их съезда было от 6,5 до 8 тысяч человек, а большая часть населения оставалась пассивной или просто недоумевала, в массивном применении германских войск против гражданских объектов попросту не было нужды. Из всех хлебобобов лишь незначительная часть (около 450 человек во главе с Шеметом) отказалась признать квазимонархический переворот и покинула цирк. Пользовавшийся немалым авторитетом Грушевский попытался получить паспорт для выезда через Австро-Венгрию в Швейцарию, однако после некоторых колебаний ему в этом было отказано; Вена должна была определиться с позицией насчет необратимого теперь переворота.

В истории прихода гетмана к власти очевиден явный отказ от учета позиции австро-венгерского командования и дипломатии, который был бы попросту невозможен в случае, если это происходило по прямым указаниям из Берлина (и даже Спа). При самостоятельных решениях штаба армий группы армий «Киев» такая продуманная провокация в отношениях двух империй Четверного

⁸²⁰ Пример такой версии, оправдывающей участие германских инстанций в государственном перевороте едва ли не государственными интересами Украины, см.: *Velsen S.von. Deutsche Generalstabsoffiziere. S. 287–288.*

⁸²¹ Якобы для этого хватило «стрельбы тринадцати вооруженных смельчаков», из которых трое было убито. Позднее все эти сведения оказались недостоверными. *Маляревский (Сумской) А.* На переекзаменовке. П. П. Скоропадский и его время // Архив Гражданской войны. Вып. 2. Берлин, 1922 (?). С. 109, 117.

союза также представлялась слишком рискованной. Подчеркнуто параллельная германской австро-венгерская интервенция на Украине (с отдельной легитимацией ее — особой просьбой о помощи из Подолии) была к концу апреля фактом, который казался вполне оформленным соглашением о разделе оккупационных зон от 28 марта. До сих пор оно выполнялось достаточно пунктуально, а лихорадочную конкуренцию к концу кампании в Донбассе сменило нормальное коалиционное взаимодействие. Осложнять отношения с главным союзником при недавно найденном компромиссе относительно раздела сфер влияния на занятых территориях было попросту излишне. Теперь же габсбургскую монархию ставили перед фактом резкого смещения баланса подчинения Украины в пользу Германии (а значит, и в сфере руководства продовольственными поставками). Резко отрицательная реакция Австро-Венгрии, имевшей разветвленное представительство и агентуру в Киеве (в том числе среди членов Рады), была легко прогнозируема, и она последовала, насколько вообще ее успели организовать до оформления гетманата и выхода действий германского командования в стадию *fait accompli*. Неохотное признание Веней переворота было вызвано опасениями введения прямого оккупационного управления, то есть таким же шантажом, что и был применен в адрес колеблющихся правых и умеренных украинских политиков.

Неслучайно, последней опорой националистического режима Рады стали согласившиеся разоружиться 1 мая⁸²² сечевые стрельцы Е. Коновальца, среди которых большинство было подданными Дунайской монархии. Затем последовали слухи и о непризнании Веней гетманского режима, а также активизация опереточных действий «украинского Габсбурга» — Василя Вышиваного⁸²³. 23-летний сын несостоявшегося короля Польши Карла-Стефана Габсбурга Вильгельм подроспел на театр военных действий лишь 31 марта и тут же был назначен командовать отрядом на основе Украинского легиона, то есть тех же сечевых стрельцов в составе

⁸²² Они согласились добровольно сдать оружие батальону германского ландштурма: *Scheerer H. Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 20, S. 129.*

⁸²³ См.: *Beyer H. Die Mittelmächte und die Ukraine 1918 // JfGO. Bh. 2. München, 1956. S. 40–43.*

австро-венгерской армии, в будущем наступлении в Поднепровье. Он попытался сделать из себя освободителя в совместных с Болбочаном боях против большевиков за Александровск, занятый с подходом германской 15-й ландверной дивизии 16 апреля 1918 г.⁸²⁴ Вскоре подчиненные Василя-Вильгельма стали тяготеть к объединению с другими, уже не столь проавстрийски настроенными, украинскими и казачьими войсками, что сделало позиции претендента, сделавшего Александровск своего рода личного ставкой, сомнительными. Сыграли роль и подозрения гетманских и германских инстанций в желании сместить Скоропадского в пользу более проавстрийского лидера Украины, опиравшегося бы на поддержку галичан. Пришедший к власти Скоропадский неоднократно и официально требовал от Вены отозвать с Украины этого претендента, еще сильнее выказывая свою прогерманскую ориентацию, что вполне устраивало Берлин. Несмотря на поддержку всех националистических деятелей из созданного еще в 1915 г. австрийской разведкой Национального совета, шансы Вышиваного так и не окрепли. На попытку сформировать проавстрийское второе правительство Украины при поддержке высланных германским командованием из Мелитополя войск генерала Натиева Австро-Венгрия в 20-х числах мая не решилась, смирившись с диктатом гегемона в обмен на дальнейшее соблюдение им договоренностей о поставках сырья и продовольствия. До 3500 украинских солдат и большое количество награбленных ими в Таврии и в Донбассе трофеев оставались в вагонах, ожидая разрешения местного коменданта на выгрузку. Подтянутая 145-я австро-венгерская пехотная бригада блокировала их, а самому генералу рекомендовали ехать к гетману и прояснить вопрос с подчинением правительству Скоропадского⁸²⁵. Недавние бои с поляками под Каневом не оставляли никаких сомнений в исходе столкновений с немцами, а предпринятые еще в начале мая 1918 г. (в связи со свержением Рады)

⁸²⁴ К взятию Александровска он не успел, подъехав лишь 17 апреля, но приняв город у германского командования, ведь он входил в австро-венгерскую зону оккупации, а 15-я ландверная дивизия поехала на юг, для участия в оккупации Таврии и Крыма. См. подр.: *Dragoni A. v. Die österreichisch-ungarische Operationen*. S. 278, 280.

⁸²⁵ См.: *Dragoni A. v. Die österreichisch-ungarische Operationen*. S. 283.

попытки договориться с Дроздовским не вызывали сомнений и том, что от войск УНР ждут безоговорочного подчинения борцам за единую и неделимую. Дипломатическое признание гетманского режима в начале июня покончило с призраком двух — по числу держав-оккупантов — параллельных правительств. Не видя иных вариантов и ненавидя недавно союзных ему интервентов, Натив уехал, чтобы затем отправиться со своим Отдельным Запорожским корпусом на Харьковщину. Василь Вышиваный отправился к царственным родственникам ходатайствовать о поддержке, чтобы вернуться на Украину. Крайне неудачно сказалась и попытка Вильгельма Габсбурга воспользоваться убийством Эйхгорна, чтобы вынудить Скоропадского уйти в отставку⁸²⁶. В конце августа 1918 г. в Вене окончательно пришли к выводу о том, что «украинский эрцгерцог» будет излишним элементом в сплетении интересов на востоке⁸²⁷.

Нет смысла отрицать и участие германских эмиссаров и командования в подготовке будущей смены правительства (поиски кандидатур, встреча со Скоропадским, долгое обсуждение состава правительства, а также стоимости организации переворота⁸²⁸ и т. д.), однако столь резких перемен немцы попросту не ожидали, а темп событий в очередной раз перечеркнул их расчеты. Будучи совершенно не заинтересованы в новом витке внутриукраинского кризиса, германские оккупационные власти впоследствии постоянно оказывали давление на гетманский режим, требуя по меньшей мере формально сотрудничать с националистической интеллигенцией и поддерживать должный «градус» самостийничества, за что отвечал соратник гетмана Полтавец-Остряница. Это еще

⁸²⁶ См. подборку документов о политической борьбе вокруг эрцгерцога: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 333–359.

⁸²⁷ Василь Вышиваный с Украинским легионом с согласия императора Карла и по настоянию генерала Краусса выехал в начале октября 1918 г. «за пределы Украины», то есть в Буковину, а затем в Восточную Галицию. После бурной карьеры на украинско-польском пограничье в 1918–1920 гг. он закончил свою жизнь в застенках МГБ в 1948 г. См.: *Bihl W. Die Ukraine-Politik Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg*. S. 67–70.

⁸²⁸ Он должен был обойтись в 13,5–23 миллиона рублей. См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918*. S. 107–116.

раз доказывает, что в принципиальной замене УНР на Украинскую державу, а республики (даже социалистической!) на квазимонархическое гетманство ни в Берлине, ни в штабе Эйхгорна были не заинтересованы, хотя плюсы от этого в виде более эффективного взаимодействия и большей предсказуемости и последовательности действий украинских властей были очевидны.

На основании этого следует полагать, что германская *Ostpolitik* явно имела в виду грядущее переформирование киевского правительства, возможно — с помощью «верхушечного, дворцового переворота», причем в сторону большего влияния в нем военных и/или правых, но лишь в определенных пределах, достаточных (как казалось) для более надежного выполнения взятых на себя обязательств перед Центральными державами. К варианту с возможным сопротивлением левых радикалов из Рады и ее секретариата готовились, однако полагали, что демонстрации силы и, возможно, временного ареста некоторых деятелей будет достаточно для того, что убедить сотрудничать в рамках широкой «самостийной» коалиции всех, кого вообще можно убедить в необходимости дальнейшего развития украинского проекта под патронажем Центральных держав. Можно предполагать, что имей германское командование более подробное представление о С. Петлюре и не подозревай оно (зачастую оправданно) все украинское националистическое движение в исключительно проавстрийских симпатиях, гетман, ориентация на которого могла оттолкнуть многих на Украине и вызвать нежелательные протесты социал-демократов в рейхстаге⁸²⁹, мог и вовсе не понадобиться. Спровоцировать на разрыв с радикальными украинскими националистами могли и сведения о связях некоторых из них с Антантой, хотя то же можно было констатировать и насчет самого Скоропадского. Позднее высказывалась и версия о «двуличной» политике штаба группы армий «Киев» (считавшего автором германского плана свержения Рады майора Хассе), параллельно поддерживавшего связи

---

⁸²⁹ Детали политической борьбы в рейхстаге, в особенности в 1917–1918 гг. и отдельно по вопросам территориального передела на Востоке, см.: Seils E.-A. *Weltmachtstreben und Kampf für die Frieden. Der deutsche Reichstag im Ersten Weltkrieg*. Frankfurt/M., 2011. S. 503ff.

и с Петлюрой⁸³⁰. Прямых доказательств такой версии нет. Кроме того, вполне вероятной кажется версия о том, что германское командование попросту плохо представляло себе всю неоднозначность политического спектра Украины, хотя и знало, что он подвержен резким колебаниям и неожиданным коалициям.

Против версии о полностью подготовленном Германией (и на высшем уровне) государственном перевороте говорит многое, но в первую очередь явная неготовность к столь радикальным переменам в официальной риторике и к острому расколу сторонников украинской самостоятельности. Безусловная⁸³¹ поддержка немцами переворота 29 апреля 1918 г., их стремление не допустить распространения информации противниками его по телеграфу⁸³² не является исчерпывающим доказательством того, что он был проведен исключительно по их инициативе, а уж тем более при неотступном руководстве этими действиями из Берлина и Spa (к чему едва ли были даже технические условия). Разумеется, в советских источниках приводилось множество достаточно красноречивых свидетельств и документов, однако они доказывают лишь и без того очевидный факт: организаторы переворота рассчитывали на полное сотрудничество с немцами, понимая, что германские войска — силовой фактор, который следует учитывать в первую очередь. Нет недостатка и в свидетельствах мемуаристов о неприкрытом участии немцев в событиях, однако следует иметь в виду явную эмоциональность их версий. Кроме того, ни одно из описаний не доходит до утверждения, будто переворот был инспирирован и проведен только немцами. Достаточно указаний и на често-

⁸³⁰ Так, бывший при гетмане главой Одесской губернии генерал Мустафин писал: «Немцы через майора Гассе явно заигрывали с петлюровцами и созданным ими Национальным советом, ведя, как всегда, крайне двуличную политику». См.: Украина на переломе. С. 460.

⁸³¹ Это отнюдь не исключает колебаний в штабе группы армий, бывших до этого. Сомнения были вызваны спорами о перспективах украинского национализма. См.: *Маларевский (Сумской) А.* На переэкзаменовке. С. 109.

⁸³² Киевский телеграф и телефон 29 апреля были захвачены немцами, возобновившими их работу только 2 мая. См.: Гражданская война на Украине. Кн. 1. Т. 1. С. 133–134.

любие и активность различных местных политиков⁸³³. Мотивации у тех же хлеборобов, обозленных попытками Рады решить земельный вопрос за их счет, было предостаточно, хотя прикладывались дополнительные усилия по их привлечению на сторону гетмана⁸³⁴. Примечательно однако, что и этот съезд — как и прочие в 1917–1918 гг. — не отличался единством, а потому и в нем сформировалось националистическое крыло, отказавшееся поддержать переворот и за это впоследствии разогнанное. Уже очень скоро выяснилось, что гетман не намерен в полной мере отстаивать интересы хлеборобов⁸³⁵, а последние явно переоценивают свою силу и значимость⁸³⁶. То же в несколько меньшей степени касалось и образовавшегося тогда же Протофиса, который должен был символизировать поддержку нового режима буржуазией.

Хотя усилия по «украинизации» свершившегося переворота и тогда, и сейчас вызывают немало вопросов, благодаря пассивности значительной массы населения, в том числе в городах, до немедленной вспышки гражданской войны не дошло. Скоропадский даже пытался доказывать, что акции в Раде и оцепление объектов гарнизона в Киеве войсками оккупантов и провозглашение гетманства и вовсе попросту совпали во времени. Можно согласиться

⁸³³ См. подр.: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 40–48, 51–53. Там же опубликованы мемуары В. М. Левитского «Борьба на юге» (1923 г.) и воспоминания Б. С. Стеллецкого, где эти события описаны на стр. 239–240 и 254–256. Советская подборка документов о диктовке немцами будущего состава правительства Скоропадского: Документы о разгроме германских оккупантов. С. 69–79.

⁸³⁴ Это подчеркивал А. С. Лукомский, координировавший в это время работу офицерских организаций на Украине, см.: Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / сост., комм. С. В. Волкова. М., 2012. С. 467–472.

⁸³⁵ Проект аграрной реформы был в итоге согласован лишь 11 декабря 1918 г., то есть за 2,5 дня до падения гетманского режима. См. подр. очерк аграрной политики при гетмане, упоминания об активном вмешательстве в его согласование Мумма и сам законопроект: Украина на переломе. С. 203–208, 412–413, 911–912.

⁸³⁶ См. воспоминания управляющего Государственным Земельным Банком при гетмане Р. Ю. Будберга: Пученков А. С. Украина и Крым. С. 264–279.

с тем, что украинский и германский сценарий ликвидации прежнего режима на Украине реализовывались в известной степени параллельно, стороны нередко ставили друг друга перед фактом. И все же вряд ли возможно полагать, что в случае иного хода событий вокруг банкира Доброго (отказа от провокации, менее резкой реакции Эйхгорна) многолюдный съезд хлеборобов, а также общая реализация отданных накануне штабом группы армий «Киев» важнейших распоряжений прошли бы без существенных последствий для Рады и ее министров. Несомненные последствия для дальнейших взаимоотношений между оккупантами и Радой возымело бы и завершение основной фазы боевых действий против Советской Украины, ведь 29 апреля было очевидно, что судьба Донбасса (а также Крыма) определена. Разрушение иллюзии «братства по оружию» только ускорило бы вооруженный конфликт в случае подстрекательства со стороны Рады или дальнейших жестких действий оккупационных властей, причем в ближайшие недели.

Крайне далекие от реальности расчеты германского командования могли быть вызваны и весьма сложной задачей по определению истинной политической ориентации и национальной идентичности предполагаемого главы Украины. Эта задача остается чрезвычайно сложной и по сей день, ведь спектр отзывов современников о нем весьма широк: от утверждения, что Скоропадский был лишь плохо скрывающимся великорусским и имперским генералом-монархистом, до попыток представить его самым искренним украинским националистом. Мемуары же самого Скоропадского, написанные много лет спустя после его звездного часа и в рамках сложившейся к моменту их создания политической конъюнктуры, несмотря на большой объем содержащейся в них информации, для позиции и настроений гетмана в 1918 г. не показательны⁸³⁷. Нет сомнения, что в 1918 г. оснований для колебаний

⁸³⁷ Украинская национальная историография пытается представить их максимально аутентичными, однако с учетом срока первой публикации «Спогад», записываемых изначально на русском языке, все последующие правки в сторону большей «свидомости» достаточно очевидны. Характерно, что стараниями потомков гетмана, связанных с украинской националистической эмиграцией, опубликована была, естественно, правленая, но так и не ставшая украиноязычной вторая (или последняя?)

и выжидательной позиции применительно к данной кандидатуре у Грёнера и Мумма было достаточно, однако более реального претендента не нашлось. По меньшей мере подозрение у немцев могли вызвать и сведения о прежних попытках Скоропадского получить содействие французов для свержения Центральной рады еще в начале 1918 г.⁸³⁸ Вероятно, на согласии штаба группы армий «Киев» на этот не самый бесспорный вариант (с гетманом и со Скоропадским на этом посту) сказались и психологическая усталость от эскапад Рады, и военная манера принятия и реализации решений, и убеждение в действенности принципа «семь бед — один ответ», и попросту темп событий, заставлявший подстраиваться под уже необратимое...

Вряд ли корректно отрицать причастность германских инстанций к перевороту или полагать, что он стал для них совершенной неожиданностью, однако это во многом было вызвано предупредительностью (если не сказать более — мастерством провокации)

версия. Частично ее воспроизводили и в эмигрантском альманахе «Минувшее» в середине 1980-х гг. Она же и была переведена на немецкий язык, без какого бы то ни было дополнительного (и неукраинского) источниковедческого комментария и сравнения с версией исходной, информации о которой, однако, немного. Зато было достаточно комментариев и пояснений родственников гетмана, пытавшихся как можно сильнее подчеркнуть национальные украинские чувства П. П. Скоропадского. Следует заметить, что на фоне огромного спроса на мемуары в межвоенное время и с учетом большого количества опубликованных воспоминаний и куда менее крупных фигур из истории революции и распада Российской империи версия о невозможности (материальной?) опубликовать записанные якобы сразу же после событий «Спогади» еще в 1920-х гг. не выдерживает никакой критики. Вернувшийся в эмиграции еще в 1920 г. при содействии определенных германских политических кругов к активной общественной деятельности бывший гетман попросту продолжал править и украинизировать мемуары, однако в должной мере приспособить их к текущей ситуации, чтобы опубликовать «окончательную версию» в Третьей рейхе, так и не успел. См.: *Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918* / гол. редактор Я. Пеленський. Київ, Філадельфія, 1995; *Skoropads'kyj P. Erinnerungen 1917 bis 1918* / hrsg. von G. Rosenfeld. Stuttgart, 1999.

⁸³⁸ *Маляревский (Сумской) А.* На переэкзаменовке. С. 108. О взаимоотношениях Рады и миссий Антанты до прихода в Киев германских войск см. подпр.: *Niessel. Le triomphe des bolcheviks et la paix de Brest-Litovsk*. P 236–243.

правых украинских политиков и не может быть целиком отнесено к «режиссуре» германским командованием событий конца апреля 1918 г. Более того, в собственно германских источниках отражена версия, основанная на том, что германские инстанции лишь исполнили свой долг по поддержанию порядка, но вовсе не были организаторами или дирижерами свержения Центральной рады. Конечно, не слишком убедительны и предпринимавшиеся в 2010-х гг. попытки радикально затушевать германский след, представив приход к власти гетмана как исключительно внутриукраинский инцидент⁸³⁹. Военные подозревали в скрытой подготовке переворота германских (но не австро-венгерских) дипломатов, дипломаты, в свою очередь, возмущались бесцеремонностью военных. И те, и другие были шокированы тем, насколько неверно оценивали обстановку в Ставке и Берлине, т. е. и в иностранном ведомстве, и в ОХЛ, а потому стремились максимально подробно ориентировать их в ситуации, но без особого успеха. В свою очередь центральные инстанции оказались захвачены врасплох, ведь переворот переречкивал ряд планируемых акций⁸⁴⁰.

Срывали попытки оккупантов уклониться от статуса истинных и единственных организаторов переворота достаточно грубые про-

⁸³⁹ Так, бывший министр образования Украины, доктор исторических наук Д. Табачник подчеркивал массовую поддержку свержения Рады и утверждал, что «два германских броневика... и была та единственная военная поддержка немцев, которой воспользовался Скоропадский». См.: Украина на переломе. С. 13.

⁸⁴⁰ Например, поездку П. Рорбаха в Киев. Самый известный германский украинофил (а точнее, русофоб из балтийских немцев) ехал, чтобы наладить отношения Германии с Центральной радой, однако прибыл лишь 8 мая, когда эта миссия была уже неактуальна. Пытался он установить контакты и с грузинской миссией в Берлине (см.: *Авалов З. Независимость Грузии*. С. 85), сетуя на полное невежество германских политиков относительно Закавказья. Впоследствии, уже в 1919 г. Рорбах жестко критиковал отход германской политики от опоры на украинских социалистов, а также не устал публично заявлять о возможности более успешной политики Германии в деле отделения от России ее национальных окраин. См.: *Borowsky P. Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts / hrsg. von I. Geiss, B.-J. Wendt. Düsseldorf, 1974. S. 449–454.*

счета в публичной сфере, ведь поначалу даже караул у гетмана состоял из полуроты германских солдат⁸⁴¹, что лишало всякой надежды на видимость партнерства, а не вассальной зависимости. Во время провозглашения гетманата в цирке, — что тоже было осмелено, — на крыше здания (по слухам) сидел германский солдат с пулеметом⁸⁴². Поговаривали и о том, что гетман подумывает перебраться в императорский дворец в Киеве, но ему не разрешают немцы. Такое явное покровительство было вызвано опасениями Грёнера из-за непредсказуемой расстановки сил в Киеве, однако вреда от этого было значительно больше, чем пользы от полученной уверенности в неприкосновенности украинского лидера. Официальное «признание» правительства гетмана дипломатическим ведомством и правительством Кайзеррейха, приличия ради, несколько затянулось — до начала июня. Но и до него, с самого начала мая, всерьез иллюзии на тему возможного резкого поворота в германской политике, категорического отказа признать свершившийся путч и устранения штаба группы армий «Киев» от дальнейшего укрепления власти гетмана ни на Украине, ни в других государствах-элементах Брестской системы не питали. Соблюдение дипломатических приличий — то есть некоторой паузы между признанием прежнего «союзного» правительства и нового, куда более союзного (последовавшее лишь 2 июня),⁸⁴³ — было большинством не замечено либо быстро забыто. Дополнительным унижением для всех сторонников независимости Украины стал последовавший в августе 1918 г. процесс по делу о похищении Доброго, где обвиняемым проходил бывший глава правительства В. Голубович, просидевший в тюрьме до падения гетманского режима. Там же в порядке легитимации агрессивных действий германского командования было заявлено о сговоре между Жуковским и командованием польских

⁸⁴¹ *Маляревский (Сумской) А.* На переэкзаменовке. С. 122. См. также версию событий и оценку, более симпатизирующую гетману, но весьма сдержанную в отношении интервентов: *Могилянский Н.* Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 году) // 1918 год на Украине. С. 48–61.

⁸⁴² Так или иначе, но патруль из 29 германских солдат здание цирка действительно охранял: *Scheerer H.* Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 20. Oldenburg; B., 1928. S. 128.

⁸⁴³ Об этом официально заявили в Киеве послы Мумм и Форгач.

корпусов — что было чрезвычайно удобно для немцев, — а также о связях членов Рады и кабинета с членами французской военной миссии во главе с генералом Табуи, которые охотно пользовались своими контактами с поляками⁸⁴⁴. Несмотря на постоянные попытки австро-венгерской дипломатии смягчить участь сторонников Рады (добивались амнистии и Голубовичу, и сечевым стрельцам, и Петлюре, и даже Жуковскому⁸⁴⁵), бывший премьер и военный министр (заочно) были осуждены.

Явная грубость и политическая неподготовленность некоторых действий оккупационных властей лишний раз демонстрировали то, что немцы включились в события, полной предыстории и фона которых не знали, однако сделали именно то и именно так, как от них и ожидали. За две предшествовавшие перевороту недели, а также в течение нескольких дней после него было собрано большое количество информации о позиции различных украинских партий и отдельных политиков, что и подтверждается архивными данными. Однако и этот факт не доказывает действительно всеобъемлющей подготовки переворота именно штабом группы армий «Киев» и в политическом отношении. Сомнительно, чтобы данные сведения успели в должной мере обработать и проанализировать, да еще на фоне продолжающихся боев в Крыму и в Донбассе. Определенную тревогу, отвлекая внимание, вызывало у германского командования и надвигающееся 1 мая. В этот день ожидали большевистских беспорядков во всех крупных городах на оккупированных территориях, даже там, где была относительно стабильная обстановка (например, в Риге и Ревеле⁸⁴⁶),

⁸⁴⁴ См.: *Smart T. L. The French intervention in the Ukraine, 1918–1919. P. 33–37.* Оставшиеся затем в Киеве французские эмиссары якобы расхаживали по Киеву в период германской его оккупации в польской военной форме. См.: *Gelshorn K. Mit den deutschen Truppen in der Ukraine. S. 32.*

⁸⁴⁵ В конечном итоге помешало убийство Эйхгорна, после которого германские оккупационные власти и гетман получили возможность действовать более радикально. См.: *Ereignisse in der Ukraine. Bd. 3. S. 113–115, 176, 185–186.*

⁸⁴⁶ Так, в Ревеле 1 мая поставили орудия на позицию на улицах в центре города. Демонстрация произвела впечатление. См.: *Sommerbrodt H. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 8. S. 275.*

опасались и провокаций с агитаторами на демаркационной линии. Однако даже допущенные демонстрации с красными флагами прошли мирно.

Поначалу результат переворота был строго обратный желаемому: государственный переворот на Украине вызвал в высших германских инстанциях едва ли не больше возмущения, чем в Киеве. Объясняться В. Грёнеру пришлось даже перед штабом Обер Оста, где подозрительный не менее Людендорфа М. Гофман был всегда готов обвинить опасного конкурента в Киеве в своеволии и слишком самостоятельной политике. Поначалу он опасался большого шума, но потом пришел к выводу, что «ничего особенного», а волнуются только у рейхсканцлера и в АА, и то из-за рейхстага. В течение мая проницательный глава Обер Оста пришел к выводу, что линия Эйхгорна (т. е. Грёнера) и ОХЛ, да и сам гетман приведут к воссоединению Украины и с Россией, так что «созданная с таким большим трудом Украина не пошла бы опять насмарку»⁸⁴⁷.

Грёнер вынужден был опровергать свою инициативу в событиях сразу перед несколькими инстанциями⁸⁴⁸. Проводники германской политики на Востоке «на местах» явно не желали добавлять себе врагов и увеличивать хаос из-за упорного противодействия радикальным последствиям произошедшего 29 апреля 1918 г. Принятие свершившегося факта проводниками германской политики из разных ведомств на местах и их контрагентами последовало быстро. Немало этому согласию содействовало и то, что Грёнер и даже Эйхгорн куда лучше того же Людендорфа умели добиваться компромисса с представителями других ведомств. Кайзер также не захотел усложнять ситуацию, хотя рейхсканцлер поначалу был крайне возмущен произволом Ватцдорфа и требовал его отзыва, а также подчинения его преемника германскому послу в Киеве⁸⁴⁹. Вице-канцлеру Пайеру (ведь Кюльман все еще был в Бухаресте) пришлось 4–7 мая объясняться перед оппозицией в рейхстаге, возмущенной

⁸⁴⁷ См. его записи за 29 апреля — 23 мая 1918 г.: *Гофман М. Записки и дневники*. С. 245–247.

⁸⁴⁸ См. подр.: ВА-МА. N 46/172. Bl. 4ff.

⁸⁴⁹ Конфликт вскоре был отложен, а затем его и вовсе «забыли» обсудить на ближайшем совещании в Сна. См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918*. S. 113–114.

новым доказательством всесилия «милитаристов»⁸⁵⁰. Главным аргументом в пользу активного вмешательства в украинские дела стала версия о якобы готовившейся «Сицилийской вечерне», то есть резне германского командования в Киеве, что выглядело крайне сомнительно для любого, кто представлял себе уровень военного всесилия Украины. Ему пришлось заверить, что никаких разногласий между военным и политическим руководством империи в политике на Востоке нет, что было только на руку и ОХЛ, и Эйхгорну, но добавило проблем правительству. Впоследствии многочисленные мемуаристы и публицисты сделали ответственным за произошедшее именно германское командование, то есть его соучастие в событиях. Степень «вины» интервентов варьировалась в зависимости от субъективных потребностей того или иного политика на момент создания очередной версии.

Посол в Киеве Мумм, придерживавшийся сравнительно левых взглядов⁸⁵¹, также в очередной раз смирился со своеволием военных. Его записку Гертлингу, где посол последовательно дистанцировался от любых замыслов государственного переворота и от информированности о нем (что ставит вопрос о его компетентности), украинская историография взяла на вооружение в качестве доказательства преимущественно внутриукраинского генезиса событий 26–29 апреля⁸⁵², ведь в современном украинском государстве куда большими симпатиями пользуется не УНР, а именно более амбициозная (пусть и еще более покорная оккупантам) Украинская держава. По этим же соображениям в состав нынешней официальной украинской версии включены и большинство последующих оправданий Скоропадского, заявлявшего, что своим согласием легитимировать свержение интервентами Центральной

⁸⁵⁰ См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 121–123.*

⁸⁵¹ К большому сожалению, в недавней биографии Мумма, опытнейшего дипломата, внимание уделено главным образом его деятельности на Дальнем Востоке, причем скорее как фотографа, нежели как дипломата. 8-месячный (до 4 ноября 1918 г.) «украинский опыт» в книге не рассматривается. См.: *Hahn P. Mumm: Alfons Mumm von Schwarzenstein — Diplomat, Photograph & anders als die Anderen. Badenweiler, 2012.*

⁸⁵² См., напр.: *Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. С. 101–109.*

рады, он предотвратил введение на территории Украины уже при-
мого управления оккупантов через новое генерал-губернаторство.
Даже если такие намеки и делались будущему гетману, реали-
стичность этого варианта событий с учетом дипломатического
декора германо-австрийского военного присутствия на Украине
представляется крайне сомнительной. Хотя вопрос о введении
«прямой оккупации» не раз ставился, однако далее поспешного
признания, что такой вариант был бы возможен лишь от безмы-
сленности, дело никогда не шло. Уже опыт Варшавского генерал-
губернаторства убеждал, что контроль над оккупированной
территорией — весьма сложная задача, даже если и нет непосред-
ственной угрозы его устойчивости. Среди офицерства и генера-
литета оккупационных войск вполне предсказуемо преобладало
мнение об эффективности прямого генерал-губернаторства по об-
разцу польских⁸⁵³, с истинной обстановкой в которых (в Люблине
и Варшаве) они были вовсе не знакомы.

На местах реакция на переворот была в целом спокойной, од-
нако были и попытки своеволия, быстро пресеченные⁸⁵⁴. Пытаясь
легитимизировать гетмана как общенационального лидера, гер-
манское командование запретило планируемый на 12 мая кре-
стьянский съезд, хотя утверждалось, что за спиной гетмана сто-
ит партия из крепких хозяев. В конце апреля — начале мая было
проведено частичное разоружение двух синежупанных дивизий⁸⁵⁵,

⁸⁵³ Причем это мнение продолжали высказывать и *post factum*, считая, что для наведения порядка на Украине достаточно было бы завершить ремобилизацию кавалерийских дивизий, чему якобы мешали лишь центральные инстанции. См., напр.: *Dragoni A. v. Die österreichisch-ungarische Operationen*. S. 275, 288.

⁸⁵⁴ Например, 6 мая городская дума Екатеринослава осудила гетманский переворот, за что 8 мая была распущена австро-венгерскими оккупационными властями. См.: *Булдаков В. П. Хаос и этнос*. С. 756–757.

⁸⁵⁵ 1-я с начала апреля оставалась фактически без командующего, ведь Зелинский был переведен на другую должность и сразу ушел «в отпуск», так что последовали разбирательства с участием премьера Голубовича. 25 апреля 1918 г. был отдан приказ о расформировании дивизии, но добиться его выполнения не успели. Зелинский писал, что о намерениях Жуковского премьер Голубович даже не знал. См.: *Зелінський В. Синьо-жупанники*. С. 63–71. 2-я дивизия из-за противодействия Жуковского так

что намеревался сделать накануне своего ареста Жуковский, а теперь осуществили за него оккупанты. Лояльность некогда сформированных в Германии частей новому режиму была лишь демонстративной (что и проявилось через полгода). Скоропадский попытался опереться на создаваемую с 3 июня гвардию особого рода — дивизию сердюков, личный состав которых был подобран из высшего слоя хлеборобов (желательно из бывших офицеров гвардии РИА), однако этого было явно недостаточно для быстрого прекращения брожения в националистических кругах. Сечевые стрельцы, где было до 60 % галичан, в том числе из бывших взятых в плен солдат габсбургской армии, рассматривались как проавстрийская националистическая сила, а потому были фактически расформированы. Вскоре уже сообщалось об их участии в крестьянских восстаниях (в Золотоноше и др.). Последовавшее в апреле-мае 1918 г. разоружение польских частей стало грозным предупреждением всем бывшим союзникам Центральных держав в антибольшевистской кампании. Опыт польских корпусов учли и куда менее боеспособные, нежели они, сечевые стрельцы, и бывшие бойцы различных отрядов УНР, осознавшие, что время для потенциального всеукраинского восстания против интервентов еще далеко не пришло. О судьбе эстонских соратников триумфаторов «Фаустшлага» на Украине задумывались вряд ли, но в лучшем случае могли — как и в Финляндии — рассчитывать лишь на постепенное развитие (пока что под эгидой Германии) вооруженных сил, пока они, наконец, не выйдут на требуемый для освобождения из-под опеки уровень.

Прямые внешнеполитические последствия резкого поворота официальной украинской политики вправо оказались существенно меньше тех, что так опасались дипломаты. И все же тем, кто осуществлял германскую *Ostpolitik* в других столицах бывшей Российской империи, переворот казался тяжелой ошибкой, явно

и не была отправлена в Киев, оставаясь в округе Ковеля. Документы 1-й и 2-й Украинских дивизий (до начала мая 1918 г. включительно) были некогда — на правах частей кайзеровской армии! — переданы в германские архивы, однако до настоящего времени не сохранились. См. упоминание о них в общей описи сданных на хранение документов дивизий германской армии: BA-MA. RH 18/2383.

осложнившей их работу с другими наследниками царской державы⁸⁵⁶. Крайне встревожены были большевики, которых натравливали эмиссары Антанты в Москве, заявлявшие (Чичерину и Троцкому), что в дальнейшем судьба Рады ждет и их, ведь германские войска произведут схожий переворот в пользу монархистов и в Москве. Стремительное потепление советско-антантовских отношений вследствие этого было остановлено лишь быстро развивавшимся кризисом вокруг Чехословацкого корпуса.

Свергнутая и распущенная Рада не рассматривалась германским командованием как опасный соперник даже после того, как она 10 мая призвала население к борьбе с оккупационным режимом и заявила о повторном вступлении в Великую войну в союз с державами Антанты. 11 мая германские войска разогнали альтернативный крестьянский съезд в Киеве, арестовав лидеров⁸⁵⁷. Тут же появились проекты тайного сговора между полуподпольной отныне Радой и большевиками на общей антигетманской (а тайно и антигерманской) платформе⁸⁵⁸. Но дальнейшее развитие событий заставило Совнарком быстро отказаться от такой рискованной авантюры, так что альянса с оппозицией гетману не получилось. На попытку организации украинскими ультралевыми немедленного мощного антигетманского восстания по меньшей мере до августа не давала санкций, а главное — реальных средств, Москва. Прекрасно информированные германские командные инстанции действительно серьезной координации между большеви-

⁸⁵⁶ Рицлер (находившийся тогда в Берлине) еще накануне отъезда в Москву предвидел «реставрацию на Украине» в пользу монархистов, что считал приговором всем германским усилиям по ее отделению от Великобритании. При этом мнению он остался и после выезда посольства из советской столицы, предрекая крах всей Ostpolitik из-за «контрреволюционных альянсов на Юге», в пользу «людей, которые с трудом говорят по-украински, хотя учат этот язык в поте лица». См.: Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. S. 464, 466, 472–473.

⁸⁵⁷ Позднее разогнали еще и собрание Бунда, тоже с арестами. См.: Scheerer H. Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 20. S. 129.

⁸⁵⁸ Иоффе из Берлина в начале мая даже рекомендовал Москве заключить поскорее мирный договор, но именно с Радой, а не с гетманом. См.: Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 1. S. 227.

ками и украинскими националистами летом 1918 г. так и не зафиксировали⁸⁵⁹.

Министры нового правительства Украины⁸⁶⁰ вызывали раздражение националистов своей недостаточной «свидомостью». Полной взаимностью им отвечал глава департамента полиции Аккерман, бывший принципиальным противником «украинства» вообще. О созыве ранее анонсированного на 12 мая Всеукраинского учредительного собрания теперь не могло быть и речи, хотя открыто об отказе нового квазимонархического режима от этого проекта, конечно, не заявлялось. Компромисс сторонников Рады с гетманом стал еще более невозможным после ультиматума ему от имени Земского съезда 16 июня⁸⁶¹, на который он после колебаний ответил арестами Винниченко, Порша и Петлюры (и еще десятков политиков левого спектра, 27 июля), последнего из которых продержали в Лукьяновской тюрьме до 10 ноября⁸⁶². Причем, пытаясь подстраховать гетмана от новой волны возмущения сторонников Рады, аресты весьма популярных лидеров проводили именно германские власти⁸⁶³. На этом попытки удержаться в рамках легальной националистической оппозиции формально националистического же гетманского режима были окончены. Все попытки организовать что-то вроде «охвостья» украинского парламента, пусть и на региональном уровне, аналогичные появившимся вскоре Комучу и Уфимской Директории, были легко пре-

⁸⁵⁹ Большое количество донесений различной достоверности, порой весьма ценных своими сведениями, см. в документах штаба 27-го резервного корпуса: SächsHStA. 11358. 56, 57.

⁸⁶⁰ Одним из очень немногих энтузиастов украинской идеи среди них был министр путей сообщения Бутенко. См.: *Чемакин А. А.* «Украинизатор железных дорог»: гетманский министр путей сообщения Б. А. Бутенко // *Русский сборник*. Вып. 22. С. 301–311.

⁸⁶¹ Скоропадскому было указано на недопустимость его «реакционной политики».

⁸⁶² См. подр.: Украина на переломе. С. 741–744, 746–747. Бывшего премьера УНР Голубовича (вместе с оказавшимся там же 9 ноября атаманом Тютюнником) и вовсе освободили оттуда лишь в ходе взятия Киева петлюровцами 16 декабря 1918 г.

⁸⁶³ Это подчеркивал министр внутренних дел гетманского правительства В. Рейнбот: Украина на переломе. С. 68–69.

сечены. Очень быстро (но малозэффективно) была произведена чистка местных администраций и штабов так и не созданной Петлюрой армии УНР, некоторые офицеры которой позволили себе открыто сожалеть о его аресте, а также призывать к свержению гетмана⁸⁶⁴.

В начале июля 1918 г. в штаб Эйхгорна в Киев стали приходить сведения, что офицеры из бывших сечевых стрельцов собираются на Харьковщине вокруг авторитетного борца с большевизмом генерала Натиева, причем настроены они резко антигермански, а вместо Скоропадского намерены поставить у власти еще одного обладателя гетманской фамилии — министра иностранных дел Дорошенко. Между гайдамаками и интервентами не раз вспыхивали конфликты, так что германские войска поднимали по тревоге. Формально же Натиев считался союзником германских войск и даже занял (с конца июня) часть демаркационной линии на воронежском направлении, наращивая главным образом штабы и демонстрируя блестящее будущее вооруженных сил Украины⁸⁶⁵. Это лишь обострило ситуацию, ведь большевики, узнав о том, что теперь здесь действуют гайдамаки, стали активнее стягивать партизан и красную гвардию, а также более активно задействовать интернационалистов, в том числе из германской армии. Натиев пытался убедить повстанцев перейти на свою сторону и демонстрировал крайне натянутые отношения с интервентами, особенно к концу августа. Опасаясь его «братания» с большевиками, германское командование в августе потребовало вывода украинских войск с фронта против большевиков⁸⁶⁶. Необходимость стягивания сил против Натиева заставила интервентов временно отказаться от охраны железнодорожного перегона Кременная — Сватово и ряда других участков магистралей. Около

⁸⁶⁴ Этот инцидент имел место в ходе грандиозного отмечания Пасхи в военном министерстве, а закончился следствием и массовыми увольнениями. См.: *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне... С. 287–289.

⁸⁶⁵ В штабе его корпуса было 24 отдела и 36 штаб-офицеров, авиацию «изображал» привезенный единственный аэроплан. См.: *Denke K., Erb K.-H.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 19. S. 274.

⁸⁶⁶ См., напр., о ситуации между Богучаром и Старобельском: *Ulrich C. v.* Das Husaren-Regiment Nr. 14. S. 264–265.

недели вокруг потенциальных мятежников стягивали войска по уже опробованному против польских войск образцу. Не зная, исходит ли неповиновение прямо из украинского штаба, его поставили под германский конвой, ходили слухи о попытке гайдамаков перейти в нейтральную зону, а потом к большевикам. К 12 сентября 1918 г. было принято решение разоружить «дивизию» Натиева в случае неповиновения, а в действительности лишь наблюдать за ней, оставив на случай будущих переворотов⁸⁶⁷. Почти одновременно произошла серия нападения «союзных» украинских отрядов на приданные им для реквизиций германские патрули, были жертвы⁸⁶⁸. Мятеж был сорван лишь в последний момент нерешительностью украинских офицеров либо отложен в ожидании ослабления войск интервентов, которое вскоре и последовало. Сентябрьские инциденты стали грозными признаками мятежа части эвентуальной украинской армии, так что гетману пришлось озаботиться проверкой лояльности многих служивших ранее Раде чиновников и командиров. В связи с антиправительственной пропагандой в конце августа прошла серия арестов и умеренных социалистов, меньшевиков, правых эсеров и бундовцев, призванная блокировать их критику «буржуазно-помещичьего» режима. Несмотря на бурное их обсуждение, общей стабильности, не считая губернских городов, это не прибавило. Неоднократные совместные парады гетманских и германских войск, показательные акции дружбы и уважения взаимного доверия не добавляли. «Украинизация» продолжающегося конфликта шла скорее неудачно, обремененные доверием интервентов новые местные чиновники и офицеры лояльность оккупационному режиму демонстрировали все менее убедительно.

⁸⁶⁷ См.: SächsHStA. 11358. 56. Bl. 98; 58. Bl. 248; 59. Bl. 206; 57. 122; Ulrich C. v. Das Husaren-Regiment Nr. 14. S. 266–268; Denke K., Erb K.-H. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 19. S. 277.

⁸⁶⁸ Так, 12 сентября отрядом под руководством какого-то украинского «фенриха» был перебит патруль из 7 человек (уцелел только один человек) — патруль 24-го драгунского полка в Тиманово. В тот же день состоялись нападения и на другие патрули в том же районе на валуйском направлении. См.: Guenther W. Die Geschichte des Leib-Drägoner-Regiments Nr. 24. S. 466–467.

Для германского командования, быстро воспользовавшегося возможностью как можно активнее контролировать действия сформированного с его согласия правительства⁸⁶⁹, гетманат имел массу преимуществ, однако для военных главным из них представлялась бóльшая предсказуемость нового правительства, возможность совместной работы на основе взаимопонимания, а не демагогии и вызванных ею взаимных разочарований. Во многом надежды на лучшую координацию действий основывались на том, что гетман был профессиональным военным, а значит, его логика и манера действовать были куда ближе германскому генералитету, Эйхгорну и Грёнеру, нежели социалистическая фразеология лидеров Рады. Более того, явная германская покровительственность тем легче воспринималась гетманом, что 45-летний Скоропадский годился Эйхгорну в сыновья, а с Грёнером был одного звания (генерал-лейтенант), а по возрасту начальник штаба группы армий был и вовсе старше правителя Украины (почти на 6 лет). Уверенность немцев в том, что гетман — искренний германофил, выглядит несколько наивно, ссылки же на его заявления в этом же духе лишь демонстрируют, насколько он был зависим от поддержки Германии и склонен к широким жестам, но не более того. По-видимому, схожими выводами об оптимальности военного в качестве координатора оккупационной политики даже в «союзной» стране руководствовались и в Вене, назначив (по образцу германских политических генералов, вроде Р. фон дер Гольца в Финляндии) своим представителем на Украине генерал-майора графа Л. Спанноччи (с середины июня 1918 г.)⁸⁷⁰.

Поначалу большие надежды были связаны и с эффективностью двойной — военной и гражданской — администрации на Украине. Высшим арбитром и одновременно опорой гетманского режима должны были стать оккупационные войска и их коман-

⁸⁶⁹ По крайней мере, на заседаниях правительства присутствовал периодически майор Хассе. См.: *Маляревский (Сумской) А.* На переэкзаменовке. С. 107.

⁸⁷⁰ Позднее именно он возглавил эвакуацию оставшихся верными правительству в Вене бывших габсбургских войск с Украины. Его неопубликованные записи и документы сохранились в венском архиве: ÖStA. Kriegsarchiv Wien. MS-WK.R/1918. Nr. 3.

дование. Вскоре, однако, выяснилось, что дублирование полномочий ведет лишь к распылению немногочисленных лояльных местных кадров, склокам и постоянным апелляциям к германским комендантам (вплоть до капитанов и лейтенантов), мнение которых считалось решающим аргументом. Последние, в раздражении от этих бесконечных забот, зачастую принимали решения вполне солдатского характера, либо отказываясь что-либо предпринимать, либо ликвидируя споры из-за имущества путем его конфискации. Неэффективные, коррумпированные или импровизированные местные власти предоставляли интервентам принимать на себя всю ответственность (и озлобление населения) либо решать все вопросы за них. Все попытки немцев минимизировать свое вмешательство в неинтересующие их конфликты, а также подтолкнуть украинскую администрацию к в полной мере самостоятельной, но не самовольной работе, оказались безрезультатными. Гетманское правительство нередко осознавало истинные причины неэффективности управления и недовольства австро-германских инстанций, однако все попытки рационализировать систему наталкивались на отсутствие главного условия для действенной бюрократии: чиновников, ставящих интересы системы выше личных. Все это приводило германских дипломатов и генштабистов к выводу о бесперспективности усилий и к плохо скрываемым «туземным» аналогиям. Раздражала и явная (и удивительная для некоторых деятелей германской политики) неспособность реализовать на Украине заимствованные в Пруссии образцы решения земельного вопроса⁸⁷¹.

Уже очень скоро германским эмиссарам пришлось понять, что Скоропадский при всех его многочисленных положительных качествах — «приятный человек, блестяще выглядит, умен, верен долгу, явно не без политических дарований» — одной характеристикой не обладает точно: он не украинец⁸⁷². Проконтролировать все его действия и контакты с эмиссарами от различных партий

⁸⁷¹ Подпр. см.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik* 1918. S. 155–166.

⁸⁷² Фон Фельзен (дословно): «Aber eines war er bestimmt nicht: ein Ukrainer». *Velsen S. v. Deutsche Generalstabsoffiziere*. S. 288. Многие соратники гетмана вспоминали, что на их памяти он не сказал по-украински ни слова, см., напр.: Украина на переломе. С. 161.

и правительств приставленный к нему адъютант фон Эйхгорна капитан граф Вернер фон Альвенслебен⁸⁷³ так и не смог. Все последующие попытки германского командования представить себя нейтральной, хоть и готовой вмешаться, стороной, всякая его готовность не заметить какое-либо сопротивление перевороту, чтобы он стал «бескровным», слишком выдают желание интервентов скрыть свою прямую заинтересованность и пристрастность. Конфликт с Радой из-за ее левосоциалистической ориентации сопровождался и явным предпочтением интервентов в пользу консерваторов (хотя ряд из них был против даже формального украинофильства), а не националистов, что и демонстрировал кадетский состав нового правительства Лизогуба. Грозным предупреждением о будущих проблемах сравнительно легко пришедшего к власти гетмана была явная неспособность его соратников составить кабинет министров. Требовалась коалиция с по меньшей мере либеральными силами, в перевороте прямо не участвовавшими. После некоторых колебаний правительство было к 10–12 мая 1918 г. сформировано, но его база оказалась куда уже, чем рассчитывали.

Весьма импонировала оккупантам готовность гетмана лично и его режима (незвизрая на попытки премьера Лизогуба уклониться от ответственности) принять на себя ответственность и даже инициативу в проведении жестких репрессий против местного населения. Торопясь проявить усердие и лояльность киевскому режиму, местные старосты постоянно рапортовали о «приподнятом настроении», однако на деле это были отписки, напоминающие действия австро-венгерских чиновников, увековеченных Я. Гашеком. Порядок украинские власти наводили вполне настойчиво,

---

⁸⁷³ Альвенслебен был знаком со Скоропадским еще по Петербургу 1900-х гг., когда первый состоял при германском военном уполномоченном в России, а второй был молодым кавалергардом. Позднее этот офицер стал одним из лидеров консервативных сил и играл важнейшую роль в закулисных интригах в 1932–1934 гг., направленных на недопущение к власти нацистов, а в годы Второй мировой войны был тесно связан с консервативным крылом Сопротивления, см.: *Malinowski S. Vom König zum Führer: sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat*. B., 2003. S. 427ff.

результатом чего стало то, что упражнявшуюся в массовых телесных наказаниях гетманскую варту ненавидели нередко больше, чем оккупантов, поначалу воздерживавшихся от крайних средств насилия. Впоследствии обе стороны делали вид, что вынуждены были участвовать в карательных акциях, спровоцированных другой властью⁸⁷⁴. В желании взвалить на кого-то неблагодарную и опасную с внутривойсковой точки зрения миссию выкачивания продовольствия и разоружения доходили даже до проектов формирования добровольческих конных дивизий из горцев⁸⁷⁵.

Довольно часто поводом к действительно мощному возмущению становилась вовсе не строптивость жителей, а как раз «превентивные» действия присланных карателей, особенно если поступили запросы об оказании помощи от местных помещиков и нередко комплектовавшихся из них уездных старост. Лишь некоторые из оказавшихся во главе местной гетманской администрации военных по соображениям престижа Украинской державы не желали увеличивать нагрузку на оккупационные власти, а обходились без их поддержки или делали вид, что интервенты действуют по приказу украинских чиновников. Бывший гвардейский офицер С. Я. Гребенчиков, ставший сумским уездным старостой, писал: «Я просил коменданта, немецкого майора Х., все распоряжения, какие он сочтет нужным отдавать по нашему району, препро-

⁸⁷⁴ См., например, воспоминания министра внутренних дел В. Рейнбота, утверждавшего: «...во всех случаях предпринимавшихся чужеземными отрядами карательных экспедиций Ф. А. Лизогуб „умывал руки“, выражая словесные соболезнования пострадавшим крестьянам и одновременно разделяя и убеждая, что ответственность всецело и исключительно лежит на немецких командирах отрядов... Лейтенанты и ротмистры... несли в селения грубейшую расправу... Прямым следствием... было чрезвычайное озлобление и против прямых карателей, и против гетманской власти... Немногим карателям удавалось противостоять рьяным лейтенантам, нужна была поддержка центра, а ее-то и не было». См.: Украина на переломе. С. 66–67.

⁸⁷⁵ 6 таких дивизий (из ингушей, чеченцев и т. д.), в основном для следующих действий против большевиков, предлагал — по свидетельству Рейнбота — сформировать генерал Бискупский, что выглядит откровенной фантазмагорией, но весьма показательно для отношения к украинскому крестьянству. См.: Украина на переломе. С. 94.

вождать мне, дабы все исходило от меня, тогда население будет знать, что немцами ничего не предпринимается без ведома гетманской власти... Комендант вполне согласился со мной, обещая все так и делать, так как и немцам было удобнее сноситься по всем вопросам со мной». Гребенщиков затем утверждал, что «никогда не обращался за помощью к немцам, вполне понимая нежелание людей отдавать оружие в руки наших внешних врагов... рассчитывал обезоружить население собственными средствами после окончательного формирования стражи»⁸⁷⁶.

Сил формируемой с трудом, несмотря на изрядное жалование, варты не хватало, да и ответственность за расправы брать на себя пережившие месть окрестных крестьян помещики не желали. С удивлением наблюдали офицеры и солдаты Централь-ных держав активное сведение местных счетов, маскируемое под политические мотивы и сопровождающееся волной доносов на трех, а то и четырех языках⁸⁷⁷. Накал ненависти между согражданами разных сословий оказывался для них необъяснимым⁸⁷⁸. Вспыхивавшие стихийные линчевания и погромы интервентам поначалу удавалось разгонять выстрелами в воздух. На таком фоне ненависть к оккупантам оказывалась на втором плане даже спустя полгода активных «закупок» (то есть отбора под разными предложениями и чуть ли не наперегонки сменявшимися друг друга оккупационными частями) продовольствия. Вовсе не стремились и к арестам, предпочитая штрафы и экзекуции на месте, но никак не длительные процедуры восстановления законности. Видя, что

⁸⁷⁶ Не обошлось и без пикировок бывших врагов: на вопрос о ношении мундира Гребенщиков ответил: «...не могу носить гвардейского мундира, поскольку русской настоящей гвардии теперь нет, а если бы она существовала, то я бы, наверное, не имел случая беседовать с майором так далеко от бывшего русского фронта в тылу страны». См.: Воспоминания генерала С. Я. Гребенщикова. С. 140, 144.

⁸⁷⁷ Многочисленные их примеры (с переводом на немецкий язык): SächsHStA. 11358. 56; 59.

⁸⁷⁸ Командир германской бригады из 1-го армейского корпуса много рассказывал Гребенщикову «о непонятной для него непримиримости к крестьянам большинства русских помещиков того уезда... и отсутствии у них патриотизма». См.: Воспоминания генерала С. Я. Гребенщикова. С. 153.

к штрафам деньгами (в десятки тысяч рублей!) крестьяне относятся подозрительно легко, с конца мая перешли к наложению наказаний исключительно продовольствием, что возымело действие как в германской, так и в австро-венгерской зоне оккупации.

Стандартным ответом местных общин на реальную угрозу репрессий были попытки подкупить исполнителей, а то и сторговаться с ответственными за реквизицию продовольствия командными инстанциями. Следствием этого были все более частые случаи изъятия продовольствия без соблюдения установленного порядка, то есть без всяких квитанций и формальностей⁸⁷⁹. Согласие германских офицеров взять продукты без выдачи нередко непонятных старостам (но сельского, а не уездного уровня) бумаг и печатей воспринималось последними как удачно проведенная взятка, а потому после нее масштабы укрывательства и вообще противозаконных действий сразу же возрастали, ведь господствовала уверенность, что после взяток наказания не последует. Уровень лояльности населения, поначалу достаточно высокий из-за беспощадной борьбы интервентов с криминалитетом и сравнительно аккуратных платежей за реквизиции из военных касс, быстро снижался по мере прояснения цены постоянного местонахождения того или иного германского подразделения в данном населенном пункте. Никакие пропагандистские объявления и листовки не помогали. Оживленный в первые недели товарообмен замирал, ведь крестьяне быстро сделали вывод, что активная торговля воспринимается оккупантами как доказательство наличия продовольственных излишков, а значит, ведет только к усилению реквизиций. Теперь предпочтение в сбыте товаров отдавалось исключительно контрабанде, пресечь которую были бессильны, либо хлеб перегоняли в спирт⁸⁸⁰. Логичным, но роковым следующим шагом стали попытки германских властей внезапно конфисковать на местных рынках привезенное на продажу зерно и хлеб, что тут же парализовало и остатки легальной торговли, а окку-

⁸⁷⁹ См. различные документы о ситуации в Таврической губернии: SächsHStA. 11362. 1011.

⁸⁸⁰ См., напр., описание оккупационной действительности в округе Купянска в июле-августе 1918 г.: *Guenther W. Die Geschichte des Leib-Drägoner-Regiments Nr. 24. S. 462-466.*

пантов все чаще полагали попросту грабителями. Изобретение новых форм контроля (особенно на перемещение лиц и товаров) раздражало местное население, но главное: их осуществление заведомо превышало возможности личного состава оккупационных войск. Озлобление постоянным изъятием продовольствия в итоге довело до попыток крестьян отравить интервентов⁸⁸¹. Более того, доходили и до уничтожения уже «закупленного» зерна и фуража (для крестьян — очевидно крайнее средство), организуя налеты на пункты сбора и транспортировки⁸⁸². Возмущение вызывал и жесткий контроль за станциями и перронами железных дорог военными патрулями, что несколько стабилизировало режим работы и продлило срок службы подвижного состава, однако сильно ударило по товарным потокам.

Гетманская администрация, даже сочувствуя согражданам и постоянно выдерживая мелкие стычки с германским командованием, утрачивала симпатии к надежному германскому протекторату значительно медленнее, ведь она (как и помещики, часть еврейских общин и колонисты) значительно лучше крестьян представляла последствия его возможного прекращения. Все попытки чиновников Скоропадского добиться взаимопонимания с массой населения были заведомо обречены, а потому, кроме националистических и демонстративных ходов (в том числе в сфере культуры и образования), в распоряжении гетманата почти сразу ничего не осталось. Медленно назревающее недовольство вылилось в почти повсеместное пассивное сопротивление оккупантам, хотя «активного» в целом ряде регионов Украины не наблюдалось довольно долго. Однако и в самых благополучных уездах конфликты между вартой и крестьянами шли непрерывно, так что самой спокойной оставалась обстановка в городах⁸⁸³. Тем не менее и город-

⁸⁸¹ Так, только за несколько дней ноября 1918 г. в группе армий «Киев» насчитали 65 случаев отравлений, 2 солдата погибли. См.: *Mędrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine*. S. 453.

⁸⁸² Например, 27 июля при налете в западной Таврии (возможно, с участием немцев-колонистов) были сожжены 12 тысяч пудов зерна. См.: *Schmalzer M. Das Infanterie-Regiment Nr. 415*. S. 138.

⁸⁸³ На Волыни, например, что и отмечалось в отчетах, см.: *Wolff W. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 34*. S. 128-130.

ское население вынуждено было терпеть вполне очевидную оккупационную действительность даже на уездном уровне, включая комендантский час и особый порядок судопроизводства.

С наступлением жатвы аппетиты интервентов и связанных договоров о поставках Центральным державам (со сроком «закупки излишков» к 15 июля) гетманских чиновников возросли, а крестьяне были готовы куда более ожесточенно защищать только что собранный урожай. Отправлять в рейды роты или эскадроны уже опасались, оккупанты стали действовать более крупными отрядами. Разоружение деревень, начатое еще в конце февраля, было далеко не окончено даже к сентябрю, что позволяло подозревать приток оружия взамен изъятого, а возможно и прямой выкуп его обратно у коррумпированных солдат интервентов. Чем больше таяли гарнизоны интервентов, а тем более комплектуемой местными уроженцами варты, тем более настойчивыми становились поиски и изъятие оружия у любых местных жителей (кроме немцев-колонистов и большинства помещиков). Кроме того, сплошное разоружение — против чего тщетно предостерегали украинские инстанции — привело к тому, что без оружия оказались как раз потенциально прогерманские элементы, в то время как повстанцы подпитывались постоянно по нелегальным каналам. То есть даже первоначально лояльные местные власти были бессильны помешать нарастанию партизанской войны, в том числе полукриминального типа. Попытки административных реформ, предпринимаемых гетманскими министрами, были при нелояльности местного населения заведомо неэффективны.

Интервенты принимали участие в карательных акциях в тех случаях, когда украинские власти оказывались бессильны обеспечить выполнение изданных гетманом распоряжений. Постепенно это превратилось для них в сравнительно безопасную, но утомительную повседневную работу по прочесыванию окрестностей⁸⁸⁴. Германские войска (в отличие от большинства австро-венгерских частей) действовали с заметной эффективностью (то есть жестоко-

⁸⁸⁴ Пример хроники подобных действий германского ландвера на Волыни, под Житомиром: *Wolff W. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 34. S. 132–134.*

стью), хотя и стремились избежать насилия путем пространных воззваний: «...Также накажу я те сельские общества, которые допустят уничтожение хлеба бессознательной чернью. Преступники, которые подожгут хлеб, будут расстреляны!.. В деревнях должно быть спокойствие и порядок, иначе я пошлю карательные отряды немецких войск! Хватайте агитаторов и подстрекателей, если это под силу сельским властям, или укажите их мне — они будут обезврежены навсегда!»⁸⁸⁵ В течение нескольких месяцев германские инстанции демонстрировали стремление отучить свои войска от массовых акций возмездия, но не слишком успешно⁸⁸⁶. На обстановке в городах сильно сказывалось отсутствие прежней полиции. Попытки наладить массовую, особенно визуальную пропаганду — через открытки, киносеансы⁸⁸⁷ и официальную хронику были сравнительно масштабными, но малоуспешными, воспринимаясь как развлечение, не всегда стоящее внимания взыскательной городской публики.

Ситуация месяцами оставалась для германского командования неприемлемо напряженной. Еще 26 марта в приказе штаба 9-й армии обстановка на Украине сравнивалась с действиями франтиреров в Бельгии в августе 1914 г.⁸⁸⁸, однако о «всего лишь» таком уровне насилия⁸⁸⁹ в дальнейшем немцам приходилось только мечтать. Вскоре были отданы распоряжения о недопустимости нахождения германских военнослужащих на улицах без оружия и введен (для них) комендантский час с 7 вечера⁸⁹⁰. Обстановка

⁸⁸⁵ Воззвание германского уездного коменданта обер-лейтенанта фон Энкефора. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644, Л. 30.

⁸⁸⁶ См.: Lieb P. Aufstandsbekämpfung im strategischen Dilemma // Die Besatzung der Ukraine 1918. S. 133–136. Относительно роли систематических карательных акций в оккупационном режиме Центральных держав идут дискуссии см., напр.: Schnell F. Räume des Schreckens. S. 180. Anm. 74.

⁸⁸⁷ Некоторые материалы (до сих пор не вполне атрибутированные) по Украине 1918 г. хранятся в РГА КФД.

⁸⁸⁸ См.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 81.

⁸⁸⁹ Подробный разбор действий франтиреров в Бельгии и созданных впоследствии вокруг этого мифов, а также статистику жертв с обеих сторон см.: Spraul G. Der Franktireurkrieg 1914. Untersuchungen zum Verfall einer Wissenschaft und zum Umgang mit nationalen Mythen. B., 2016. S. 531ff.

⁸⁹⁰ См.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 81.

постоянного опасения за жизнь, разочарование солдат реакцией населения на «приход на помощь» приводили к резким вспышкам насилия с обеих сторон, о чем командование оккупационных войск могло только пожалеть, но никак не предотвратить. Некоторое время питали надежды на постепенное налаживание отношений с украинским крестьянством за счет беспощадного истребления подстрекателей и развития умеренно-националистической пропаганды, на что германское командование не только давало деньги, но даже занялось этим само⁸⁹¹. Австро-венгерская оккупационная армия, сократившаяся к концу августа с 250 до 130 тысяч человек⁸⁹², на восстания отвечала «юстификацией» целых сел, соревнуясь в жестокости приказов с германскими коллегами, особенно из кавалерии⁸⁹³. Окончание жатвы и появление к началу сентября нового урожая в амбарах резко подстегнули небезопасные попытки тут же поучаствовать в освоении появившихся запасов продовольствия. Из хуже всего контролируемых районов (как правило, в австро-венгерской зоне) беспорядки быстро перекидывались в соседние уезды. Волна необъяснимой жестокости и насилия в отношении ближайших соседей захлестывала оккупированные территории, а причины эскалации конфликтов внутри локальных социумов ни украинские, ни тем более германские власти объяснить, а потому и пресечь оказывались не в силах⁸⁹⁴.

Эмиссары Кайзеррейха прекрасно понимали, что базовым условием существования независимой Украины, а тем более ее ориентации на Германию, является прочный мир с большевистской

⁸⁹¹ В Германии печатали портреты гетмана и открытки, выделялись деньги на листовки и т. д. *Маляревский (Сумской) А.* На переэкзаменовке. С. 120–121.

⁸⁹² Это признают и классики австрийской историографии, см., напр.: *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. Graz; Wien; Köln, 1993. S. 543.

⁸⁹³ См.: *Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K.* Habsburgs schmutziger Krieg. S. 166–170; *Lieb P.* Aufstandsbekämpfung im strategischen Dilemma // Die Besatzung der Ukraine 1918. S. 123–126.

⁸⁹⁴ Степень жестокости и динамика насилия на самом низовом уровне охваченных гражданской войной сообществ до сих пор являются предметом не только интереса, но и недоумения, а то и методологического бессилия специалистов, см. подр.: *Каливас С.* Логика насилия в гражданской войне. С. 70–102.

Россией, препятствий к которому было так много, что более всех заинтересованы в российско-украинских переговорах оказывались все те же немцы. Первый раз побуждаемая ими Центральная Рада обратилась к Совнаркому с предложением о прекращении войны и установлении границы 30 марта, но на тот момент большевики еще не были готовы смириться с утратой 8–9 южных губерний. В лучшем случае в Москве соглашались временно признать независимость Украины в пределах бывшего Киевского генерал-губернаторства, а потому не замедлили выступить с протестом против взятия германскими войсками Одессы, тут же вступив в перепалку с АА⁸⁹⁵. Переговоры же, с учетом давления Германии, намерены были вести долго, причем предлагали открыть их только через германское ведомство и то в Москве, то в Смоленске и в Курске, но не в Киеве⁸⁹⁶. Только достигнутые германскими войсками к началу мая рубежи заставили существенно изменить риторику, временно отказавшись от пикировки с Радой (или теперь уже с гетманом) и сосредоточившись на устранении прямой военной угрозы.

4 мая Совнарком известил о достижении в Коренево соглашения о демаркационной линии с представителями германских (майор фон Розенберг) и украинских войск⁸⁹⁷. На ряде соседних участков дополнительные соглашения о демаркационной линии были заключены в течение следующих 2 недель (например, под Клинцами 10 мая). После указания ОХЛ от 8 мая о прекращении какого бы то ни было продвижения на восток, к 20 мая командованию удалось прекратить участие германских войск в попытках украинских вооруженных сил расширить границы державы на север и северо-восток, хотя понадобилось и дополнительное распоряжение кайзера от 28 мая⁸⁹⁸. Понимая сомнительные перспективы

⁸⁹⁵ 18 марта, сразу же с извещением о ратификации Брестского мира, далее последовали ноты от 24 и 26 марта, см.: ДВП. Т. 1. С. 213–214.

⁸⁹⁶ См. ноты НКВД от 7, 11, 16, 22, 26 апреля 1918 г.: ДВП. Т. 1. С. 232–233, 239, 245–246, 257, 269–271. Причем на Курск как место переговоров Рада якобы даже была согласна (нота НКВД от 4 мая), но произошедший 29 апреля переворот положил конец наметившемуся сближению позиций. См.: ДВП. Т. 1. С. 281.

⁸⁹⁷ Текст см.: Гражданская война на Украине. Кн. 1. Т. 1. С. 136–137.

⁸⁹⁸ См.: Reichsarchiv. Bd. 13. S. 388.

военного противостояния с большевиками не только без поддержки германской армии, но и вопреки воле оккупационных властей, украинское правительство было вынуждено согласиться на переговоры. Инициировав переговорный процесс 22–23 мая 1918 г., германское командование некоторое время надеялось на то, что главные трудности позади, и было полно решимости точно согласовать демаркационную линию на воронежском направлении. Там продолжались бои, сменявшиеся кратковременными перемириями и демонстрациями силы в оспариваемых деревнях. Лишь серия боев 5–12 июня 1918 г. под Кантемировкой и Калитвой⁸⁹⁹ смогла приостановить дальнейшую эскалацию конфликта из-за нежелания обеих сторон рисковать крупными потерями. Дождавшись согласования перемирия и нейтральной зоны, противники отвели войска от линии соприкосновения.

Казалось, что надежды германских ведомств на стабилизацию главного участка «брестского фронта» оправдываются. 13 июня было официально заявлено об установлении подписанного 12 июня предварительного перемирия между Украинской державой и РСФСР, которое уточнялось командирами на местах, в том числе, вероятно, германскими офицерами. С этого момента в Киеве стали полагать, что будущая граница будет проведена на основе текущей линии фронта. 24 июня гетманское правительство санкционировало открытие таможенных пунктов на демаркационной линии, хотя шедшие с начала мая дискуссии об установлении нейтральной зоны в 10 км продолжались беспрерывно. Вскоре станции Желебовка и Коренево, под контролем большевиков и немцев соответственно, превратились в один из главных пропускных пунктов для многочисленных беженцев из Советской России. Это не исключало постоянных инцидентов, взаимных обвинений и крайне неупорядоченного режима пропуска в обе стороны, включая контрабандистов и повстанцев. По мере ужесточения протравки объемы контрабанды и уровень мобильности населения возрастали. Масштабы миграций в 1918 г., особенно из

⁸⁹⁹ Масштабы боев в итоге потребовали участия с обеих сторон смешанных группировок более чем в 1000 человек, потери интервентов были невелики, однако все равно считались излишними. См. подр.: *Ulrich C. v. Das Husaren-Regiment Nr. 14. S. 260–264.*

Совдепии на Украину и на юг России, потрясали воображение даже тех, кто пережил исход населения в ходе отступлений русской армии в 1914–1916 гг. Наличное население Киева, еще несколько лет назад достигавшее полумиллиона, теперь перевалило за 1 миллион человек.

Демонстративный прогресс в украино-российском размежевании более рельефно поставил вопрос об уточнении прав украинского подданства, что тут же обострило ситуацию на гетманской Украине, где вопрос о выборе между украинской и великороссийской (причем и красной, и белой) ориентацией был тем самым поставлен ребром. Популярности гетману новая серия украинизаторских мер в связи с продолжающимся оформлением украинской национальной государственности не прибавила даже среди сторонников ушедшей в подполье Рады. 4 июля 1918 г. было согласовано восстановление железнодорожного сообщения Москва — Киев для эвакуации украинских граждан из РСФСР, имели в виду и возобновление почтово-телеграфного сообщения. Это вызвало серьезные опасения интервентов, указывавших на опасность распространения холеры и оспы из Советской России, однако пресечь оживление пассажиропотока немцы не смогли. В июле стали обсуждать и поставки товаров первоочередной для обеих сторон необходимости: чугуна, угля, топлива, бумаги, леса и т. д. Это казалось возможным, так как немцы с помощью украинских рабочих сумели к июлю устранить последствия большинства диверсий. Грёнеру даже стоило бы опасаться попыток большевиков договориться о приобретении украинского зерна и угля из Донбасса, которых так не хватало Центральным державам да и самой Украине. Цель добиться поставок с недавно утраченных и не полностью опустошенных перед отходом территорий ставили еще перед отправкой Иоффе в Берлин в апреле 1918 г.⁹⁰⁰

Однако оптимизм насчет компромисса Москвы и Киева был преждевременным. На деле «потепление» в июле 1918 г. так и осталось возможным максимумом переговоров. Далее должны были перейти к обсуждению действительно болезненных вопросов

---

⁹⁰⁰ В середине мая Иоффе уже отчитывался о неудаче подобных проектов. См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 1. S. 225–226.*

и территории (спорными оказывались регионы площадью в сотни тысяч кв. км, и далеко не только Крым), кораблях, взаимных компенсациях и т. д.⁹⁰¹ Состав делегаций постепенно расширялся за счет экспертов, готовились к затяжным дебатам сомнительной конструктивности, напоминая брестские, а то и превосходящие их в склонности к фарсу, рассчитанному на публичность⁹⁰². Как и всегда в таких случаях, дипломаты обеих сторон все более занимались не поиском компромисса, а разведкой и подготовкой диверсий⁹⁰³, особенно большевистские, ведь с Раковским прибыло более сотни человек⁹⁰⁴. Переговоры постоянно грозили сорваться из-за очевидного использования Украины как не только одного из центров консолидации антибольшевистских сил, но и как канала для беженцев, многие из которых пополняли ряды белых армий, и не только прогерманской направленности. В ответ на протесты большевиков украинские делегаты указывали на их подрывную работу и агитацию против гетманского правительства. Предваряя будущий сценарий разрыва дипломатических отношений с Советской Россией 4–5 ноября 1918 г. в Берлине, украинская полиция

⁹⁰¹ См. несколько пристрастное описание: История Новороссии. С. 468–472.

⁹⁰² Например, в связи с изображаемой необходимостью в переводе с русского на украинский и обратно, из-за споров о том, с какого момента следует считать Украину независимым государством и т. д. Это вполне очевидно даже при прочтении официальной публикации подборки документов, где эти уловки расцениваются со всей серьезностью. См.: Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р. / Збірник документів і матеріалів, упор. О. І. Лупандін и др. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999.

⁹⁰³ См., напр., донесения из Киева Чичерину от Раковского о взаимоотношениях немцев и белогвардейских вербовочных бюро, сообщения Беренсу от 15 октября с довольно точными сведениями о составе германских войск в Крыму, о положении на судах Черноморского флота с германскими экипажами и т. д. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 52–53.

⁹⁰⁴ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 39–39об. Австрийские дипломаты докладывали, что большевики занимаются координацией повстанческого движения, что они стоят за взрывом в Одессе (через одного из австрийских солдат), за актами саботажа. См.: Ereignisse in der Ukraine. Bd. 3. S. 198, 201, 261.

организовала «случайное» вскрытие дипломатического багажа советского военного эксперта А. И. Егорова, где были большие суммы денег на подпольную работу. Последовали обыски и аресты, явно не совместимые с иллюзией дипломатического статуса делегатов⁹⁰⁵.

Надежды на всеобъемлющий компромисс даже из страха перед германским давлением было мало, хотя бы из-за взаимоисключающей позиции обеих сторон по принадлежности Черноморского флота⁹⁰⁶. Оставалась совершенно неясной судьба участка границы между Украиной и Доном, германской стороне было бы оптимально превратить переговоры в трехсторонние, советско-украинско-донские, на что большевики никогда бы не пошли. Украина же ради налаживания отношений с Доном согласилась не обсуждать границу в Донбассе с большевиками вообще (8 сентября). На сообщение об этом большевики ответили затягиванием дальнейших переговоров, тем более что глава украинской делегации Шелухин охотно отвечал на провокации⁹⁰⁷. Вскоре дали о себе знать не только масштабные противоречия между сторонами по ряду экономических вопросов, но и конфликты внутри делегаций, особенно большевистской, где важнейшую роль играл многое позаимствовавший из брестской манеры Троцкого Х. Раковский⁹⁰⁸.

---

⁹⁰⁵ Было изъято до 2 миллионов царских рублей. Егоров был срочно отправлен на Восточный фронт, а большевистская делегация поначалу даже не нашлась, что возразить. См.: Украина на переломе. С. 81, 870.

⁹⁰⁶ Троцкий еще 24 апреля 1918 г. зафиксировал категорический отказ Украине в каких-либо правах на корабли эскадры, в том числе на строящиеся суда, подчеркивал исключительное право Советской России на Керченский пролив, особые полномочия в Одессе, Николаеве и Херсоне и т. д. См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 4–6. 2 июля в связи с изменением обстановки на Черном море инструкции были изменены: См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 645. Л. 10–11.

⁹⁰⁷ Один из экспертов гетманской делегации Ауэрбах писал: «Раковский затягивал переговоры на месяцы, без всякого намерения прийти к соглашению, а Шелухин с достойным лучшей участи восторгом кидался, как петух, в словесный бой»: Украина на переломе. С. 159. Австро-венгерская точка зрения: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 511–548.

⁹⁰⁸ См., напр., доклад Раковского насчет поездки военных экспертов: «...относительно возвращения Холодовского и Кожина из Харькова, когда

Он стремился превратить киевские переговоры в не менее важное для Советской России событие, чем конференцию в Бресте, именно там пытаясь решить судьбу Черноморского флота и ряд других вопросов и пререкаясь со Сталиным⁹⁰⁹. На адекватности высказываемых предложений сказывалась и скорость связи — через курьеров три раза в неделю, а также паузы и официальные перерывы⁹¹⁰. Раковский позволял себе направлять протесты, причем исключительно Мумму (но не гетманскому министру иностранных дел Дорошенко) и подчеркнуто на французском языке. В результате Мумм раз за разом не давал украинской делегации прервать переговоры⁹¹¹.

Активные контакты делегации Раковского с Москвой привели к массовой утечке информации из перехваченных радиোগрамм, которую тут же разослали по различным германским инстанциям. Но и большевистские эмиссары воспользовались пребыванием

они должны были ехать в Батайск, я упомянул, что эта история темная. Теперь ясно, что эти господа раздували нарочно историю с плохим обращением немцев лишь для того, чтобы уклониться от исполнения своего долга». Эксперты заявляли, что их не пропустили в Харьков местные германские коменданты, причем в грубой форме. Холодовский 2–4 сентября покинул свой пост в Киеве, сдав дела Терентьеву: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 201. Л. 217; Д. 644. Л. 34–35, 54, 59–60.

⁹⁰⁹ См. опубликованные, к сожалению, в сильном сокращении (некоторые дополнительные фрагменты были процитированы затем А. С. Пученковым) мемуары белогвардейского агента в составе делегации: *Борман А. А.* Москва — 1918. С. 125–127. Иногда достоверность сведений Бормана подвергается аргументированному сомнению.

⁹¹⁰ См. подр.: *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 151–155.

⁹¹¹ Стеллецкий: «В эту решительную минуту дипломатического разрыва выступала тучная фигура Мумма, который настоятельно рекомендовал не делать этого рискованного шага, ведь он может повести к открытию военных действий между Украиной и советской Россией, а к войне Украина не подготовлена, а германские войска находятся на Украине не для того, чтобы вести с Россией войну из-за самостоятельности Украины. Мумм напоминал, что в Москве находится германский посол, следовательно, Германия почитает Советскую Россию в числе своих друзей, а не врагов». Если Стеллецкий верно передает аргументацию германского посла, то с учетом позиции дипломатов в Москве и Грёнера это — явная сенсация. См.: Украина на переломе. С. 751–752.

в Киеве для активной разведки, тут же получив массу сведений о вербовке офицеров в различные армии. Поэтому уже 17 августа 1918 г. был подан протест в германское посольство⁹¹², ведь украинское правительство в этом вопросе самостоятельным субъектом политики не считали. О договоре на хотя бы частично учтенных условиях украинской стороны при таком ее восприятии не могло быть и речи. Не надеясь на дальнейшие уступки большевиков, украинские дипломаты 20 сентября потребовали от германского иностранного ведомства добиваться таких же прав для украинцев в России, какими обладают германские подданные. Напоследок, 3 октября делегации обменялись заявлениями о стремлении приступить к конкретным мерам реализации договоренностей и 8 октября расстались. Выехавший в РСФСР Раковский по дороге имел стычки с украинскими офицерами, чуть ли не инсценировавшими бандитский налет на багаж миссии⁹¹³, ведь они полагали его отъезд предвестием возобновления советско-украинской войны⁹¹⁴. В Киеве прошли аресты около 200 лиц, подозреваемых в связях с большевистским подпольем. Параллельно разрыв с большевиками был в середине октября проведен и в столице австро-венгерской оккупационной зоны, куда едва успел прибыть в сентябре советский консул Михаил Бек. Он был арестован гетманскими властями с согласия оккупантов и выслан к демаркационной линии за пропаганду и едва ли не контрабанду оружия для организации красной гвардии⁹¹⁵. Кратковременные попытки Дорошенко завязать переговоры с большевиками через Берлин

⁹¹² Раковский отправил письмо заместителю Мумма Берхему с конкретными (и легко обнаруживаемыми) примерами открытой вербовки: ДВП. Т. 1. С. 425–427.

⁹¹³ Стоявший, по-видимому, за организацией этого недипломатического инцидента В. Е. Рейнбот утверждал, что изъятие некоторых документов позволило вскрыть часть большевистской агентуры в оккупационных войсках, что смягчило резкое недовольство этой провокацией германского командования. См.: Украина на переломе. С. 105–106.

⁹¹⁴ Характерно, что протест насчет досмотров и арестов в Киеве и по пути в Москву был подан в Берлине и Иоффе. Статуса Украины как субъекта международной политики попросту не признавали. См. текст ноты от 14 октября: ДВП. Т. 1. С. 521–523.

⁹¹⁵ См.: Ereignisse in der Ukraine. Bd. 3. S. 238–245.

и конце октября были восприняты в Москве как уловка, чтобы выиграть время, а потому отвергнуты. Последним из влиятельных советских представителей из Киева в Москву 3 ноября уехал заместитель Раковского, не стеснявшийся в пренебрежительных заявлениях Мануильский. К этому моменту любые компромиссы между гетманом и большевиками были не нужны уже никому, кроме Германии. Аналогия между ходом и стилем ведения украинско-российских переговоров как в начале XX в., так и в конце его отмечалась исследователями не раз⁹¹⁶, что заставляет сделать выводы о системном характере их неконструктивности.

Германская дипломатия и ОХЛ сочли, что теперь можно было перейти к урегулированию отношений между Украиной и второстепенными элементами Брестской системы, в частности важен был прочный мир, а то и альянс между всеми прогерманскими правительствами на территории бывшей Российской империи. Важнейшей и наиболее перспективной была эта цель применительно к Всевеликому войску Донскому, ведь его атаман П. Н. Краснов, публично призвав всех казаков воздержаться от любых действий против немцев, чуть ли не первым делом после избрания (16 мая) направил официальное письмо кайзеру⁹¹⁷ и резко интенсифицировал усилия по военному сотрудничеству, хотя бы в форме поставок вооружения и военных материалов (в кредит или в рамках натурального обмена). Это стало для германского командования весьма приятной неожиданностью, хотя поначалу к Краснову отнеслись с недоверием. Широкое военное сотрудничество было возможно только с вовлечением Украинской державы, что требовало прояснения отношений между лимитрофами, не выясненных еще со времен Каледина и 1-го периода правления Рады в Киеве.

Под управлением германского командования был взят курс на становление своего рода коалиционного сотрудничества, вполне

⁹¹⁶ См., напр.: Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р. С. 28–30.

⁹¹⁷ Целый месяц эмиссары Дона в Киеве добивались отправки письма Краснова кайзеру, но тщетно. Последовало и второе письмо, от 28 июня, так и не переданное даже в августе. См. подр.: *Gehrmann U. Turbulenzen am Stillen Don*. S. 403–405, 409–410.

приемлемого для штаба группы армий «Киев» при условии гарантий прогерманской линии донского атамана и прочного дружественного нейтралитета между войсками Украинской державы и Дона. Весьма очевидное сходство гетманского и атаманского режимов (вплоть до того, что эти титулы путали германские офицеры⁹¹⁸) в вопросах от политической ориентации их лидеров до нюансов отношения к великорусской агитации гарантировали проекту возможного союза неплохие перспективы, особенно при активной поддержке этого германским командованием. Штаб группы армий «Киев», невзирая на дипломатические препонки к прямым контактам между Германией и Доном, сделал все от него зависящее для налаживания украино-донских отношений. Украина сравнительно быстро (приняв делегацию уже 13 мая и подписав договор от 8 (14) августа) признала независимость Дона⁹¹⁹, хотя поначалу казалось, что ни о каком согласии в вопросах границы не было и речи. В отличие от бесконечных переговоров с большевиками, дипломаты гетмана понимали: ради них немцы от поддержки Дона совсем не откажутся, а надежд на помощь в случае вооруженного конфликта нет ни малейших, наоборот, вполне возможны санкции, а то и новый государственный переворот в Киеве. Более того, гетман был крайне заинтересован в жизнеспособном и успешно теснившем большевиков казачьем государстве на Дону во главе с атаманом близкой к нему политической ориентации, нуждавшемся в зримых политических успехах для укрепления своей власти в борьбе с проантантовскими элементами Круга. Форсируя этот украино-донской договор, германские военные и дипломаты (то есть главным образом Грёнер) перекладывали на Украину ответственность за поддержку Дона, хотя и не вполне избавлялись от опасного раздражителя, угрожавшего имплементации Добавочного договора.

⁹¹⁸ Например, Х. Тинтруп, который побывал и на Украине, и на Дону и резкого отличия не ощутил. См.: *Tintrup H. Der Krieg in der Ukraine*. S. 128.

⁹¹⁹ Уже 31 августа 1918 г. против этого в Киеве протестовали большевистские делегаты, надеявшиеся, что после Добавочного договора вопрос о принадлежности Дона к РСФСР закрыт, а гетман не осмелится перечить Германии, хотя о деталях сделки от 27 августа гетман был не слишком осведомлен. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 41, 43.

Германские экономисты и военные были полны решимости обеспечить более эффективное использование потенциала Украины. Ключом к функционированию богатой ресурсами, но разбалансированной и плохо управляемой хозяйственной системы для них являлась работа железных дорог, налаживаемая при максимально возможном взаимодействии с австро-венгерскими специалистами. Уже отправляясь на Украину, В. Грёнер забрал и адъютанты своего соратника и сына крупного магната Р. Мертона, получившего большой опыт при генерал-губернаторе Бельгии и приложившего затем (вплоть до отъезда в Спа в конце октября) немало усилий к эффективному использованию потенциала новых оккупированных территорий, но без желаемого результата⁹²⁰. С 10 июля 1918 г. в Харькове появился специальный уполномоченный начальника германских военных железных дорог⁹²¹, причем весьма высокого ранга — такие специалисты до того направлялись только в штабы групп армий. Вплоть до января 1919 г. работу железнодорожной сети на Украине координировал один из ближайших соратников Грёнера еще по профильному довоенному отделу в Генштабе — Ш. фон Фельзен⁹²². Имея большой опыт совместной работы с союзниками еще с 1915 г., он согласовывал свои действия с майором австро-венгерского Генштаба Бухаром. Центральное железнодорожное управление в Киеве стало уникальным примером по-настоящему совместной австро-германской инстанции. Оно было укомплектовано специалистами-офицерами из обеих империй Центральной Европы, среди которых выделялся капитан О. Майсснер, ставший впоследствии руководителем канцелярии рейхспрезидента⁹²³. Также оккупантам удалось догово-

⁹²⁰ См. подр.: *Merton R. Erinnerenswertes aus meinem Leben, das über Persönliche hinausgeht.* Frankfurt/M., 1955. S. 42–46.

⁹²¹ См.: *Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres.* S. 18. Anm. 50.

⁹²² См. подр.: *Velsen S. v. Deutsche Generalstabsoffiziere im 1. Weltkrieg 1914–1918 // Die Welt als Geschichte.* 1956. Heft 3–4. S. 288–293.

⁹²³ Именно Майсснер, владевший русским языком и имевший опыт работы в администрации железных дорог, остался в Киеве, когда его покинули германские дипломаты (Мумм фон Шварценштейн, Берхем и Дирксен), выехав из Киева в Винницу только в конце января 1919 г., а оттуда 8 февраля Майсснер сумел вывезти с Украины несколько сотен

риться и о разделе сообщения по рекам. Это было тем более важно, что в украинском министерстве железных дорог профессионалом можно было назвать лишь самого министра, инженера Бутенко, выделявшегося своими националистическими симпатиями, а потому не всегда лояльного к работе с интервентами, а также конфликтовавшего с местными железнодорожниками, среди которых было много русских и поляков, но заменить их представителями титульной нации он не мог⁹²⁴.

Большие надежды в стабилизации оккупационного режима возлагались на самую надежную, как считалось, опору оккупационных властей — многочисленных (не менее 2 миллионов человек в Европейской России к 1917 г., из них около 450 тысяч (даже с учетом миграций военного времени) на территории будущей УНР), и особенно в Новороссии⁹²⁵, немцев-колонистов. Последние, если этому не мешали религиозные убеждения, принимали активное участие в карательных акциях против замешанного в хаотическом переделе собственности в конце 1917 — начале 1918 г. местного населения. Те из них, что были депортированы в 1915–1916 гг. из прифронтовой зоны на восток⁹²⁶, теперь желали обосноваться на прежних местах расселения на западе. С по-

---

германских солдат, а также огромную сумму денег (3,4 миллиона марок) и долговых украинских расписок (имевших в виду общие объемы платежей в 453 миллиона марок (См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik* 1918. S. 292)), принадлежавших германскому посольству в Киеве, которые и сдал после путешествия через Венгрию 24 февраля правительству. За это Эберт назначил его главой президентской канцелярии, которым он оставался до своего ареста в конце мая 1945 г. Его отчет частично опубликован: *Milow C. Die ukrainische Frage 1917–1923 im Spannungsfeld der europäischen Diplomatie*. Wiesbaden, 2002. S. 53–54.

⁹²⁴ См. подр.: *Velsen S. v. Deutsche Generalstabsoffiziere*. S. 288.

⁹²⁵ См. подр.: *Neutatz D. Die "deutsche Frage" im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856–1914)*. Stuttgart, 1993. Неслучайно одним из центров изучения истории немцев в СССР был Днепропетровск, где десятки лет выпускались «Вопросы германской истории».

⁹²⁶ См. подр.: *Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische, polnische und ukrainische Zivilbevölkerung im östlichen Europa* / hrsg. von A. Eisfeld, G. Hausmann, D. Neutatz. Essen, 2013.

мощью германских частей намеревались вернуть хотя бы часть бывших владений, оформив это решениями германо-украинских комиссий на местах, что только обострило отношения с местным населением⁹²⁷. Колонисты, с огромной радостью принимавшие на постой германских и австро-венгерских солдат (ведь отправляли специально укомплектованные немцами части⁹²⁸) в ходе наступления весной и тут же проворачивавшие взаимовыгодные сделки и реквизиции⁹²⁹, охотно получали оружие, проходили военное обучение и выполняли полицейские функции⁹³⁰, а также давали показания против укрывавшихся большевиков⁹³¹, но вот расставаться с основной частью урожая или уж тем более отправляться в ряды кайзеровских войск для последующей службы на Западном фронте⁹³² не спешили. Попытки поставить их на первичный учет ради возможного призыва вызвали недовольство. Даже тех из них, кто имел германское подданство (нередко старательно скрываемое), или тех, кто успел отслужить в кайзеровской армии и числился в ее запасе с довоенного времени. Еще менее реально

⁹²⁷ См., напр.: *Gelshorn K.* Mit den deutschen Truppen in der Ukraine: Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Zusammenbruchs. Königsberg, 1919. S. 8.

⁹²⁸ Австро-венгерская Ставка даже специально взяла соответствующее обязательство в рамках соглашения о разделе Украины с ОХЛ от 25–29 марта 1918 г., однако к июню 1918 г. вынуждена была признать, что немецких подразделений для многочисленных немецких колоний не хватает. См. подр.: *Dornik W.* "Die deutschen Kolonien... bringen mit großer Bereitwilligkeit Vorräte" // *Besetzt, interniert, deportiert.* S. 121.

⁹²⁹ Скажем, отдавая лошадей в обмен на защиту, а то и в оплату за отбор ранее у них якобы похищенного крестьянами. См., напр.: *Tintrup H.* Der Krieg in der Ukraine. S. 88–92; См.: *Moesta G.* Das Feldartillerie-Regiment Nr. 279. S. 137–139.

⁹³⁰ См., напр.: Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918–1920 гг.). Документы и материалы / под ред. А. Я. Пащенко. Днепропетровск, 1968. С. 31.

⁹³¹ Так, в ходе двух рейдов кайзеровских войск при содействии немецких колонистов к югу от Екатеринослава в середине апреля были расстреляны на месте две группы по 11 «большевиков». См.: *Die Württemberger...* S. 675.

⁹³² Одно из описаний этих «мечтаний о германском протекторате в Таврии и Крыму», с призывом 100 тысяч колонистов в германскую армию см.: *Pache A.* Das Infanterie-Regiment Nr. 182. S. 217–219.

было массовое поступление колонистов в гетманскую армию или в варту, тем более что принимать именно украинское гражданство (к 11 августа и даже к 29 октября 1918 г., как того требовали распоряжения из Киева) они не спешили. Упивавшийся фантазиями о массе будущих репатриантов на вновь приобретенных на Востоке германских марках Людендорф уже весной 1918 г. намерен был позволить возвращаться в Германию меннонитам только при условии их военной службы⁹³³, что было совершенным абсурдом. Согласны были бы принять на себя заботы по духовному окормлению германских солдат некоторые категории священников из колонистов, но и в этом случае — не выезжая с Украины. Некоторым результатом активной пропаганды среди соплеменников была лишь покупка ими 8-го и 9-го выпусков германского военного займа или «подписки Людендорфа», рассматривавшиеся поначалу как форма сбережений на будущее, а затем в основном как взятка оккупационным властям, обязанным заниматься распространением облигаций.

В еще меньшей степени колонисты были склонны выходить за рамки взаимовыгодного локального сотрудничества и товарообмена в отношениях с габсбургской монархией, оказавшейся (во главе с генералом фон Зендлером, действовавшим в Одессе) куда более настойчивой и изобретательной в выкачивании продовольствия⁹³⁴ и не делавшей скидок соплеменникам⁹³⁵. Сказывалось и то, что большинство причерноморских немцев-колонистов были протестантами, а потому особого покровительства «апостолического» монарха из Вены снискать не могли. Тем не менее, австро-венгерское командование выдавало колонистам оружие, да еще

⁹³³ См., напр.: *Groener W. Lebenserinnerungen*. S. 401–402. Впрочем, единичные депутации от юных меннонитов (с неясной мотивацией) о их готовности вступить в германские войска порой имели место (10 июля, например): *Pache A. Das Infanterie-Regiment Nr. 182*. S. 161.

⁹³⁴ Конкретные меры см.: *Milow C. Die ukrainische Frage 1917–1923*. S. 150–158.

⁹³⁵ См. подп.: *Dornik W. "Die deutschen Kolonien... bringen mit großer Bereitwilligkeit Vorräte"*. Die Politik Österreich-Ungarns gegenüber der Ukraine und den Schwarzmeerdeutschen im Ersten Weltkrieg // *Besetzt, interniert, deportiert*. S. 119–126.

и препятствовало гетманской варте в установлении контроля над немецкими поселениями⁹³⁶.

Колонисты проводили съезды (особенно в Таврии и в Крыму) и налаживали взаимосвязь, но не для того, чтобы общими усилиями помочь германской армии или ее союзникам за пределами своей округи. К командующим в Киеве, Севастополе и в Бухаресте, к консулу в Москве, к эmissару в Тифлисе они обращались за помощью, не скупясь на дифирамбы в адрес кайзера, но брать на себя обязательства перед исторической родиной, в том числе срочно переехав в указанное им Людендорфом место, будь оно в Трансильвании, в Таврии и Крыму (с подачи бывшего министра колоний Линдеквиста)⁹³⁷ или на Дунае, не желали⁹³⁸. Не слишком настаивали на этом и знакомые с местными условиями германские оккупационные инстанции. Не оправдались надежды и на укрепление германского влияния за счет ускоренного освождения военнопленных русских немцев, особенно из Закавказья, с Украины и Поволжья, производившееся «в интересах всего германства»⁹³⁹. Выражать свою благодарность Кайзеррейху побывавшие на исторической родине — и даже на сравнительно льготных условиях — повоевавшие за Россию колонисты не спешили. В лучшем случае и скорее демонстративно начали покупать германские военные облигации. Из откровенных высказываний солдат армий интервентов именно колонисты (наряду со

⁹³⁶ См. массу примеров: Малиновский Ю. В. Некоторые аспекты взаимоотношений немцев-колонистов юга Украины и войск Центральных держав в оценке представителей государственной администрации Украинской державы гетьмана П. П. Скоропадского // Вопросы германской истории. 1998. Т. 1. С. 79–87; Безносков А. Колонистское население и вооруженная борьба на Юге Украины (конец 1918 — осень 1920 гг.) // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2005. С. 74.

⁹³⁷ См.: Baumgart W. Ludendorff und das Auswärtige Amt zur Besetzung der Krim 1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 14. Hf. 4. S. 529–538; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 366–368.

⁹³⁸ См. подр.: Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985. S. 88–107.

⁹³⁹ См. циркуляр ПВМ от 10 августа 1918 г.: SächsHStA. 11248. 7072. Bl. 33–33a.

спекулянтами, как правило, еврейского происхождения, объяснявшимися на идиш) владели наиболее объективной картиной истинной мощи и несокрушимости германской армии и положения дел в Кайзеррейхе.

К концу 1918 г. разочарованные германские эмиссары писали о том, что немецкие колонисты «приобрели слишком уж русский характер»⁹⁴⁰. 29 июня 1918 г. штаб в Киеве известил, что охотно примет добровольцев немецкого происхождения на службу в армию кайзера⁹⁴¹, однако формировать новые части оказалось не из кого. Более того, вскоре стали наблюдаться случаи, когда военнослужащие германской и австро-венгерской армии (которая стремилась отправить в эти районы укомплектованные немцами части) принимали участие в вооруженных конфликтах местного населения с колонистами по различным причинам, порой и по собственной инициативе. Вполне естественный союз интервентов и до сих еще считавшихся «чужаками» колонистов привел не только к крайне болезненной для крестьян расправе за грабежи и насилие «революционной поры» 1917 — начала 1918 г., но и к ответной волне мести в конце 1918 — начале 1919 г., да такой, что даже отступающие и деморализованные германские войска вынуждены были вступиться за колонистов, передавая им отбитое у крестьян оружие, а некоторые солдаты бросали свои части, намереваясь остаться в гостеприимных немецких семействах или после войны вернуться домой с найденными на Украине женами из местных немок⁹⁴². Разумеется, нельзя утверждать, что отношения между колонистами и оккупационными властями были партнерскими всегда. В ряде случаев первые из них, не желая делиться урожаем с весьма эффективной машиной по выкачиванию продовольствия, предпочитали союз (тайный, а то и явный) с местным повстанческим движением (например, с отрядами Махно⁹⁴³). К концу австро-

⁹⁴⁰ Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 34–36.

⁹⁴¹ Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 88.

⁹⁴² См., напр.: *Gelshorn K.* Mit den deutschen Truppen in der Ukraine. S. 58.

⁹⁴³ Махно успел получить оружие в конце марта 1918 г. от Беленкевича, но большая часть его была потеряна после бегства Махно в Таганрог. В июле Махно уже вернулся на Екатеринославщину. См. дневник его адъютанта А. Чубенко: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине

германской оккупации и колонисты, и центральные инстанции в Берлине (особенно требовавшее призыва зарубежных немцев вооруженное министерство⁹⁴⁴) в целом остались недовольны друг другом, взаимно обвиняя в желании лишь получать, но не брать на себя никаких дополнительных обязательств.

Подливали масла в огонь междемецких недоразумений успешные крестьянские мятежи против австро-венгерских войск, где восставшим удавалось пленить, а порой и перебить целые роты⁹⁴⁵, что придавало им смелости для боев с имевшими куда более brutальную репутацию кайзеровскими частями. Эскалация глухого брожения и недовольства началась 3 июня. Уже 6–7 июня в бои с повстанцами вступала вызванная штабом 22-го резервного корпуса германская артиллерия. В бой бросали первые попавшиеся резервы, даже роту моряков, проезжавшую мимо района восстания в Севастополь. Австро-венгерское командование срочно распорядилось о как можно более тесном взаимодействии против партизан с германскими войсками, хотя до этого относилось к подконтрольной его войскам зоне очень ревниво⁹⁴⁶. Вскоре уже сформировались необходимые для таких миссий смешанные отряды, достаточно высокой численности и мобильности. Неожиданно возникла и давно забытая германскими войсками на Востоке проблема нехватки боеприпасов, а без артиллерийской поддержки атаковать опорные пункты восставших не решались. Под Гусаково 6 и 9 июня германской коннице и ландверу пришлось даже отступить!⁹⁴⁷ Особенно яростными, «поистине кровопролитными

1918–1921. Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2006. С. 732–733.

⁹⁴⁴ См., напр., письмо из министерства рейхсканцлеру от 6 августа 1918 г.: *Die Auswirkungen der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution*. Teil 3. S. 1488–1489.

⁹⁴⁵ См., напр.: *Schmitz M.* "Als ob die Welt aus den Fugen dinge". S. 334. В советских газетах количество погибших солдат интервентов безмерно преувеличивалось, например, в одной только деревне Соленое убито 500 немцев и т. д. См.: *Гражданская война на Екатеринославщине*. С. 40.

⁹⁴⁶ См.: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 84, 106, 109–110, 118–122, 134–135.

⁹⁴⁷ 4-м гусарским полком брошены были 2 орудия, полевая кухня и обозы.

для нашей пехоты⁹⁴⁸» были бои за Тальное и Звенигородку, где некоторое время был окружен германский гарнизон, 12–13 июня⁹⁴⁹. В разгар сражения повстанцы пригрозили перебить всех уже взятых ими пленных, до 500 (по другим данным 200) человек в основном из ландштурменного батальона Готы, если с ними не заключат мир как с отдельной воюющей страной. В ответ немцы расстреливали на месте всех, кого застали «с оружием в руках». После взятия Звенигородки пленные (и, видимо, все) были обнаружены невредимыми под арестом в здании местной школы⁹⁵⁰.

Началась «хотя и малая, но весьма напряженная маневренная война», проходившая порой при сложных погодных условиях⁹⁵¹. Пытаясь поспеть за крайне мобильными и хорошо ориентирующимися восставшими, интервенты вынуждены были нередко рассаживаться по тачанкам. Командующий повстанческими войсками (по сведениям немцев — бывший прапорщик/штабс-капитан/полковник) Ф. П. Гребенко⁹⁵² отдавал жесткие приказы, предусматривавшие действия командиров на их усмотрение, а также ответственность старост за их призывного возраста односельчан. В ответ интервенты охотно ссылались на данные распоряжения в качестве обоснования ответных расстрелов взятых в заложники (тех же старост, арестовывали и священников). Сам факт оче-

⁹⁴⁸ Потери несли и кавалерия, и артиллерия. Так, за лето-осень 1918 г. в конных батареях при 1-й кавалерийской дивизии 6 погибших. См., напр.: *Laeger A. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 1. S. 453–455, 492–493.* Это особенно показательно с учетом упоминавшихся выше ограниченных данных о потерях «Санитарного отчета».

⁹⁴⁹ Там, впервые за период оккупации, фактически отказался участвовать в боевых действиях ландштурменный батальон из Готы, на митинге заставив согласиться с этим офицеров и передав повстанцам часть оружия, что вызвало резкую реакцию штаба группы армий Эйхгорна. См.: *Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 99–100, 231; Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність. С. 41.* Вместе с ландштурмистами в плену оказались также и эскадрон гусар, и батарея полевой артиллерии.

⁹⁵⁰ См.: *Sauer W. Das Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100. S. 91.*

⁹⁵¹ См.: *Wolff W. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 34. S. 138–139.*

⁹⁵² См. донесения в штаб 27-го резервного корпуса: *SächsHStA. 11358. 57. Bl. 92, 105ff.* Был ли Гребенко прапорщиком или поручиком РИА, не выяснено до сих пор.

нидных попыток координированных действий, да еще во главе с офицерами, вышедшими в отставку при самых разных обстоятельствах, вызвал серьезное беспокойство интервентов, а в организации восстания стали подозревать и Петлюру⁹⁵³, вскоре арестованного. Многочисленные поступавшие в штабы донесения создавали безотрадную картину почти непрерывного мятежа, распространяющегося стихийно и успешно, вне зависимости от тяжелых поражений отдельных отрядов повстанцев.

В июне-июле 1918 г. германским войскам (в итоге был выделен отряд размером до 5 батальонов, 3 батарей и полка кавалерии из частей 27-го резервного корпуса) пришлось принять активное участие в подавлении мощных крестьянских восстаний в Киевской, а затем Черниговской и Полтавской губерниях, частично координируемых отставными офицерами русской армии⁹⁵⁴, перешедшими к партизанской войне со всеми ее особенностями⁹⁵⁵. Среди них особенно выделялся будущий петлюровский атаман Ю. Тютюнник, отказавшийся служить и Раде, и гетману, хотя последний ему был многим обязан. Восстав еще против войск Муравьева, этот офицер военного времени, бывший уполномоченным Рады по демобилизации, сумел сохранить немалые запасы оружия, которые и обеспечили размах восстания в его родной губернии. Кроме того, вооружение к повстанцам поступало и из других источников, включая и формально пошедших на службу гетману офицеров из бывших петлюровских отрядов. Численность повстанцев затем оценивалась порой в 20–30 тысяч человек⁹⁵⁶, что, безусловно,

⁹⁵³ Мнение о том, что за восстанием стоят Петлюра и Грушевский, высказал командир 85-го кавалерийского стрелкового полка ротмистр Дункель: SächsHStA. 11358. 56. Bl. 223.

⁹⁵⁴ См. описание действий отряда Радченко из Красноставки на основе сохранившихся документов: Schnell F. Räume des Schreckens. S. 213–215, 221–223.

⁹⁵⁵ В первую очередь различного рода диверсиями, в том числе на транспорте. См., напр.: Gelshorn K. Mit den deutschen Truppen in der Ukraine. S. 40–41.

⁹⁵⁶ Заявляли, что у восставших есть даже аэропланы. См.: Militarismus gegen Sowjetmacht. S. 91; Sander P. Das Landwehr-Kavallerie-Schützen-Regiment Nr. 11. S. 221–222; Белан Ю. Я. Указ. соч. С. 229–232.

преувеличение, однако масштабы мятежей были таковы, что против крестьян, располагавших иногда даже артиллерией, были двинуты действительно крупные силы оккупационных войск. Лишь под конец существования Украинской державы Тютюнник все-таки оказался в тюрьме, но очень ненадолго.

После взятия Звенигородки последовали стычки и бои за Богуслав 14–18 июня⁹⁵⁷, Тарашу, где повстанцы смогли избежать окружения 30 июня, Поташ 10 июля, Мотылевку 19 июля⁹⁵⁸, Сквиру 11 августа. Основная фаза восстания продолжалась около 3 недель, хотя самой сложной из них для интервентов была первая. Осмелевшие повстанцы позволяли себе атаковать на марше даже целую кавалерийскую бригаду (4-ю баварскую, 28 июня)⁹⁵⁹. Жесткой, по признанию даже лояльной к гетману прессы, была и расправа, десятки казненных на месте, хотя потери восставших в боях были и без того чрезвычайно тяжелыми⁹⁶⁰. Рассеяв основные силы повстанцев (отряды до 2000 человек с пулеметами), германские войска перешли к разоружению десятков деревень, изъяв большое количество стрелкового оружия, наложив контрибуции и реквизировав остатки продовольствия, а скот угнав в качестве залога будущей лояльности.

---

⁹⁵⁷ На помощь кавалерии двинулся даже батальон ландвера, охранявший склады с оружием, оставшимся от польского корпуса. Пришлось поручать сторожить их найденным в округе бывшим военнопленным, возвращавшимся в Германию. См.: *Wächter A. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 32 im Weltkriege. S. 71.*

⁹⁵⁸ В упорном бою интервенты (в основном пехота 422-го полка) потеряли не менее 40 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести: *Gebtsattel L. Frh. v. Das K.B. 1. Ulanen-Regiment. S. 225.*

⁹⁵⁹ Атака стоила германской коннице 6 убитых, 21 раненого и 9 пропавших без вести, см.: *Mędrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine. S. 451–452.* При отходе баварским уланам пришлось временно бросить 3 пулемета: *Gebtsattel L. Frh. v. Das K.B. 1. Ulanen-Regiment. S. 224.*

⁹⁶⁰ См. выдержки из газет: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 207. Каховская называет цифру в 8500 погибших и казненных крестьян и повстанцев, чем и обосновывает решение убить одобrivшего эту расправу Эйхгорна. См.: *Kachovskaja I. K. Attentate auf Eichhorn und Denikin. S. 18.*

Чем ближе к демаркационной линии действовали повстанцы, тем активнее снабжали их оружием большевистские эмиссары. К началу сентября почти в тех же районах, что уже были эпицентром восстания, опять появились крупные вооруженные группировки, действовавшие, однако, куда осторожнее, чем в июне. Остатки разбитых повстанческих отрядов во главе с тем же Гребенко — до нескольких тысяч человек — после непростой переправы через Днепр и затяжного анабасиса по Полтавской⁹⁶¹ и Харьковской губерниям, потеряв большую часть вооружения, 15 сентября под Коренево ушли в «нейтральную зону»⁹⁶². Несмотря на показательное их разоружение войсками РККА (в рамках соглашений с германским командованием на демаркационной линии), в действительности из них сразу стали формировать регулярные части будущей армии Советской Украины (Тарашанский полк).

Подавление восстаний наряду с очередной волной разоружения местного населения порой считается относительным успехом попыток «пацификации» Украины войсками Центральных держав, достигнутым в конце августа — начале сентября⁹⁶³, то есть накануне быстрого развала австро-венгерской армии. Явное уменьше-

⁹⁶¹ Подробное описание попыток быстро стянуть силы разрозненных комендатур, попыток их вырезать (до 20 человек убитых германских солдат за раз) со стороны крупных сил повстанцев и лихорадочной активности оккупантов в регионе в начале августа 1918 г. см.: *Stockhausen H. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 39. S. 451–455.*

⁹⁶² Более того, выдвигались версии, что выход повстанцев (отряда с Полтавщины размером до 1000 человек) происходил с позволения немцев: «...я проехал в германский штаб узнать, нет ли там каких-либо сведений о проходе большевиков. Оказалось, что начальник штаба знал о приближении банды еще накануне, но никаких мер для поимки не предпринимал. По-видимому, штаб имел указание не препятствовать прохождению банды в Советию». См.: Воспоминания генерала С. Я. Гребенщикова. С. 184.

⁹⁶³ См.: *Lieb P. Der deutsche Krieg im Osten von 1914 bis 1919. S. 488–490.* Впрочем, автор статьи вообще достаточно намеренно стремится доказать отсутствие преемственности между двумя германскими оккупациями Украины, хотя и признает крайне жестокий характер военных действий на Восточном фронте Великой войны.

ние волны повстанческого движения было вызвано, скорее всего, циклом сельскохозяйственных работ после жатвы, а потому умиротворение должно было оказаться обманчивым, особенно при продолжении прежней оккупационной политики. Вероятно, постепенно придя к именно таким выводам, 7 сентября 1918 г. штаб группы армий «Киев» вынужден был выступить против необоснованно жестоких мер и за соблюдение процедуры военно-полевых судов, а то и за отказ от нее, если есть для этого возможность⁹⁶⁴. Период наращивания террора был явно окончен, причем именно из-за недостаточного эффекта от него. Восстания с очевидным участием бывших гетманских офицеров продолжались. На Херсонщине (в окрестностях захваченной интервентами еще 4 апреля Александрии) в августе перешел к партизанским действиям против варты и интервентов атаман Григорьев. Многие недовольные германской оккупацией и имевшие опыт боев фронтовики стекались и к Н. Махно, одержавшему первые победы (например, взявшему в плен 83 австрийских солдата) и уверенно громившему варту⁹⁶⁵. Против особенно осмелевших повстанцев начали высылать германские войска⁹⁶⁶, действовавшие более жестко. Под Черкассы, в Таврию, затем под Луганск постоянно перебрасывали кавалерийские части и меняли их дислокацию, в попытке справиться с нарастающими мятежами все более скромными, хотя и пока что мобильными силами. С началом масштабной переброски в сентябре 1918 г. пехотных частей в Румынию роль кавалерии возросла еще более.

В охваченной волнениями и так и не разоруженной украинской глубинке важным фактором дестабилизации или, наоборот,

⁹⁶⁴ См.: SächsHStA. 11358. 53. Bl. 89–89a; Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf das Heer. S. 65–66.

⁹⁶⁵ См. также: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921. Документы и материалы. С. 48–51, 735–737.

⁹⁶⁶ Особенно часто имели дело с махновцами солдаты 182-го пехотного полка, однако большая часть его документов за сентябрь–декабрь 1918 г. была утрачена вместе с военной кассой 3-го батальона еще в ходе эвакуации. Известно лишь, что в боях повстанцы несли крупные потери, но это никак не снизило частоту нападений. См.: Pache A. Das Infanterie-Regiment Nr. 182. S. 163–172; Moesta G. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 279. S. 147–149.

поддержки лояльного к гетману и оккупантам порядка могли стать взятые различными армиями и находящиеся на разных стадиях репатриации солдаты имперских армий. Многие военнопленные из бывшей РИА, как и в 1917 г., рассматривали заявление о своем украинстве как способ обеспечить себе быстрое возвращение домой, что подрывало доверие к дееспособности украинских инстанций у немцев и австрийцев, предоставлявших определенный приоритет репатриации украинцев⁹⁶⁷ и начавших подозревать широкомасштабный обман⁹⁶⁸. Формирование с февраля-марта 1918 г. Сине- (из военнопленных, взятых германской армией) и Серожупанной (из военнопленных, взятых армией Австро-Венгрии) дивизий, переброшенных в Киев и рассматриваемых как главная опора гетманского режима, не слишком оправдало ожидания интервентов. Лишь 28 июня Серожупанная дивизия была передана под командование гетманских властей, насчитывая к тому времени лишь 213 офицеров, 3291 нижний чин и 12 орудий⁹⁶⁹, то есть будучи по меркам Великой войны усиленным полком. Ядром новой армии они (даже после фильтрации и частичных арестов в дни переворота) не стали, а их лояльность гетману, а тем более Центральным державам быстро оказалась сомнительной, о чем германские инстанции подозревали и ранее⁹⁷⁰. Постоянные разговоры об ускоренном возвращении из Австро-Венгрии и Герма-

⁹⁶⁷ Подр. см.: Косован Е. А. Украинская эмиграция в Германии (XIX — начало XXI в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

⁹⁶⁸ Клочковский в ответ требовал не допускать проезда под видом украинцев великороссов, сибиряков, поляков и др. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

⁹⁶⁹ См.: Dornik W. "Die deutschen Kolonien... bringen mit großer Bereitwilligkeit Vorräte". S. 115.

⁹⁷⁰ Еще 4 марта 1918 г. ПБМ распорядилось о тщательной и предварительной проверке на «украинство», т. е. на лояльность Центральной раде, заявивших о своем украинском происхождении пленных офицеров. Проверка производилась силами наиболее националистически настроенных офицеров во главе с генералом Зелинским. Это вызывало оживленную переписку относительно многочисленных сомнительных «украинцев» среди желавших побыстрее освободиться русских офицеров. См.: SächsH-StA. 11248. 7071. Bl. 110, 141ff.

нии военнопленных украинцев (особенно офицеров⁹⁷¹) — а только в Дунайской монархии их насчитали 238 тысяч⁹⁷² — разбились о недостаток рабочей силы в истощенных войной империях. Тем не менее в Германии готовы были отпускать в ускоренном — по сравнению с жителями России — порядке уроженцев не только 8 украинских губерний, но и включали в «украинскую категорию» также и тех, кто был из Холмской, Минской, Бессарабской, части Курской губерний, а также из Крыма⁹⁷³, тем самым признавая едва ли не все территориальные претензии гетманского правительства и добавляя ему возможности опереться на десятки тысяч военнопленных дополнительно.

13 августа после неоднократных настояний гетмана и долгой волокиты венской бюрократии графом Спаноччи был подписан договор о передаче 1-й Украинской стрелковой дивизии для принятия ею присяги Скоропадскому⁹⁷⁴. Получив такую сравнительно боеспособную и националистически настроенную силу, украинские власти немедленно отправили ее на «русско-украинский фронт», где она должна была частично сменить германские оккупационные войска. Командующий дивизией генерал-майор Сокира-Яхонтов тут же подал протест из-за нежелания «действовать против своих братьев» и был снят Скоропадским с поста⁹⁷⁵. Последствия «жупанного» проекта Центральных держав

⁹⁷¹ Хотя большая часть прусских архивов погибла, даже по материалам только саксонского военного министра и всего 2 германских корпусных округов вполне можно составить представление о последовательности и масштабности этой «украинской акции», бывшей далеко не первой, но и не последней в своем роде. См.: SächsHStA. 11248.6996. Bl. 346. Характерно, что летом 1919 г. эта же акция насчет пленных украинцев в лагерях Центральных держав была с еще меньшим успехом продолжена уже державами Антанты.

⁹⁷² См.: Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. S. 460–462.

⁹⁷³ См. распоряжение ПБМ о порядке освобождения бывших военнопленных РИА от 10 мая 1918 г.: SächsHStA. 11248.6995. Bl. 80.

⁹⁷⁴ См. подборку документов и сам текст договора: Ereignisse in der Ukraine. Bd. 3. S. 370–397.

⁹⁷⁵ См.: Ereignisse in der Ukraine. Bd. 3. S. 396–397. Позднее Сокира-Яхонтов не поддержал Директорию, бежал на Дон, недолгое время

оставались негативными и для них самих. Видя тенденцию к дезертирству своих военнослужащих родом из Галиции в ряды украинской армии, особенно при попытках отправить какие-либо части на Итальянский фронт, австро-венгерское командование решительно воспротивилось дальнейшему развитию формирования войск Украинской державы за счет бывших военнопленных⁹⁷⁶. В это же время, опасаясь различных косвенных препон возвращению немецких военнопленных и беженцев, германские офицеры и уполномоченные сделали все, чтобы максимально быстро вывезти австро-венгерских подданных по основным магистралям на родину. Гетманские чиновники также были только рады «разгрузить» подведомственную территорию от лишней социальной напряженности, отправляя «по домам» вслед за немцами и поляков, и западных украинцев⁹⁷⁷.

Формирование вооруженных сил Украины, как сухопутных войск, так и флота, и без учета сложной проблемы военнопленных сопровождалось серьезными трудностями⁹⁷⁸. С одной стороны,

командовал перешедшей на сторону Деникина УГА, затем вместе с нею перешел на сторону РККА. В 1933, 1937–1938 гг. репрессирован.

⁹⁷⁶ Численность дивизии вплоть до окончания Великой войны не могла превышать 600 офицеров и 15 тысяч казаков. Любые другие формирования могли формироваться Украинской державой только с разрешения Центральных держав. В случае ее нелояльности гетман обязывался немедленно разоружить и расформировать дивизию. См. также: *Moritz V. Österreich-Ungarn und die Ukraine unter dem Gesichtspunkt der Kriegsgefangenen- und Heimkehrproblematik im Jahr 1918 // Die Besatzung Ukraine...* S. 104–108.

⁹⁷⁷ К маю 1918 г. на Украине было до 830 тысяч беженцев. См. подр.: *Zvanko L. Der ukrainische Staat von Hetman Pavlo Skoropads'kyj: Soziale Absicherung für die Opfer des Ersten Weltkrieges (April bis Dezember 1918) // JfGO. 2014. 62(4). S. 543–550, 554–559.*

⁹⁷⁸ Этот процесс во главе с действовавшим по поручению товарища морского министра Н. Л. Максимова контр-адмиралом Ключковским, получившим на нужды флота 1 миллион рублей, вступил в активную фазу лишь в августе 1918 г. По оценке эксперта из Советской России Холодовского все морское министерство Украины придерживается «чисто русской ориентации и смотрит на самостоятельность Украины как на переходную болезнь». См.: РГА ВМФ. Р-335. Оп. 1. Д. 7; Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 63. Такое мнение подтверждал по итогам переговоров с начальником

в распоряжении гетмана оказалось по меньшей мере достаточное количество опытных командных кадров, готовых с разной степенью убедительности служить независимой Украинской державе. Отбор их производился под руководством сменившего арестованного Жуковского на посту военного министра генерала Рагозы. Он постарался сохранить прежний состав военного ведомства, в том числе ближайших соратников националистически настроенного полковника Сливинского, ранее причислявшего себя к эсерам и возглавившего Генштаб еще 10 марта 1918 г.⁹⁷⁹, и генерала Лигнау, бывшего до октября заместителем Рагозы. Они и должны были обеспечить формирование из большого количества офицеров прочного костяка будущей внушительной армии⁹⁸⁰. Однако если количественно ситуация с кадрами обстояла прекрасно, то качественный уровень, а тем более лояльность правительству, оставляли желать много лучшего. Даже в тяжелой для офицерства обстановке краха старой армии и при большом количестве различного рода авантюристов кадровая проблема стояла достаточно остро, а в решающий момент присяги доходило до явного саботажа⁹⁸¹. Авторитет центральных украинских инстанций был столь низок, что начальник Генштаба Украины вынужден было особо просить штаб группы армий «Киев» и другие высшие германские штабы хотя бы уведомлять его о том, куда откомандированы приданные данным штабам украинские офицеры⁹⁸². Тот же Сливинский пользовался своим положением (и отпускаемыми военным кредитами) для постоянных попыток поддержать

украинского Генштаба Протасовым и советский флотский эксперт Терентьев. См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 645. Л. 2.

⁹⁷⁹ Сам Сливинский был лидером антигетманской группировки офицеров, причем был не слишком умен в конспирации, так что о его настроениях немцам стало известно еще в июле 1918 г. См. донесения о нем: SächsHStA. 11358. 56. Bl. 274.

⁹⁸⁰ См. подр. воспоминания генерала Посторонкина о создании гетманской армии и ее основных деятелях: Украина на переломе. С. 536–565.

⁹⁸¹ См., напр., про присягу офицеров создаваемого флота: Пученков А. С. Украина и Крым. С. 72.

⁹⁸² И это — 18 сентября 1918 г., то есть спустя минимум полгода «союза»: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 135. Л. 141.

украинских националистов, а то и спровоцировать смену курса правительства в сторону соглашения с ними. Впоследствии его обвиняли в саботаже формирования гетманской армии, намеренном срыве нормального оснащения и размещения войск, а также и ослаблении киевского гарнизона ради ускорения будущего восстания против гетмана, лишённого опоры даже в столице⁹⁸³.

Армейских офицеров (но далеко не всех) удерживало от вступления в украинскую армию принципиальное нежелание служить сепаратистам, а также неготовность хотя бы номинально изображать (а то и доказывать) свою «украинскость», однако тех, у кого это сопротивление не вызывало, было куда больше, хотя принести присягу на «верность Украине до последней капли крови» они долго отказывались⁹⁸⁴, при том что желающих на их места было много. Поэтому в июне 1918 г. гетманское военное министерство даже могло себе позволить увольнять со службы офицеров военного времени, оставляя только кадровых. Это имело тяжелейшие последствия, ведь наибольшей активностью отличались именно выслужившиеся и желавшие быстрой карьеры бывшие прапорщики и подпоручики, среди них было довольно много украинцев не только по происхождению, но и (особенно после веяний «украинизации» в 1917 г.) по идентичности. Их вытеснение из армии Украинской державы гарантировало быстрое и ценное пополнение за их счет повстанческих отрядов и будущей армии С. Петлюры. Высшее офицерство, не успевшее послужить Петлюре и уклонившееся от первого раунда войны с большевиками, при гетмане почти не скрывало своей иронии в адрес независимой Украины: на совещаниях в военном министерстве открыто говорилось о «восстановлении единства России», а также предупреждалось,

⁹⁸³ В. Е. Рейнбот даже полагал, что Сливинский пал жертвой стремления стать «украинским Наполеоном». См.: Украина на переломе. С. 85–87, 96–97. Еще более портретные и нелестные характеристики основных чинов гетманского военного ведомства дал начальник штаба гетмана Стеллецкий, см.: Украина на переломе. С. 676–678, 686.

⁹⁸⁴ Гетмана в августе даже просили (в записке «на всем понятном языке») не настаивать на этом, чтобы не поставить в будущем в тяжелое положение офицеров. См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1, Д. 645. Л. 206, 14–14об.

что следует соблюдать осторожность из-за присутствия на заседаниях офицера германского Генштаба. Обе стороны продолжали разыгрывать фикцию идиллического союза, раздражаясь и подозревая друг друга⁹⁸⁵.

Ситуация вокруг кадровой политики гетманского правительства накалялась и в связи с неиссякающим потоком беженцев из большевистской России, среди которых было немало офицеров и военных чиновников. Они норовили осесть в Киеве, Одессе или Харькове, а также пополняли (хотя бы потенциально) ряды желающих занять определенное положение в гетманской армии и администрации. В середине июля 1918 г. численность русских офицеров (то есть офицеров РИА, не служащих гетманскому режиму) оценивалась в 30 тысяч в германской и еще 12 тысяч в австро-венгерской оккупационной зоне на Украине⁹⁸⁶. Массовый их прием на службу грозил обрушением национально-украинского фасада, ведь откровенно «великорусских» кадров набралась бы критическая масса⁹⁸⁷. Полностью отклонить их попытки устроиться при гетманском режиме означало усилить оппозицию гетману справа, придав ей военизированный характер, а обострять отношения с многочисленными и разнообразными кружками монархистов не желал и сам Скоропадский⁹⁸⁸. Кроме того, корпоративная этика и привычка к кумовству были таковы, что разбухание штатов за счет прибывших из России продолжалось бы в любом случае. В этой ситуации едва ли не оптимальным для умеренно-националистического курса первого гетманского правительства

⁹⁸⁵ Немцы стремились проконтролировать действия создателей украинской армии, а ее командование добиться полной свободы в действиях, и все это под «сладкие слова о дружбе и общности мировых культурных задач». См.: *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне... С. 297–302.

⁹⁸⁶ См. доклад посла Форгача Буриану от 17 июля 1918 г. и приказ генерала Краусса от 8 июля: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 166–168.

⁹⁸⁷ См. размышления считавшегося лидером русофильской партии при гетмане его начальника штаба Стеллецкого: *Украина на переломе*. С. 682–684.

⁹⁸⁸ См. краткий мемуарный обзор взаимоотношений правоконсервативных сил и гетманского правительства: *Украина на переломе*. С. 27–32. Более полный анализ: *Цветков В. Ж.* Белое Дело в России. Ч. 1. С. 245–255.

было бы поддержание негласного, но достаточно мощного потока офицеров-добровольцев на Дон и впредь. Это позволило бы удерживать на приемлемом уровне массу бывших фронтовых командиров, потенциально готовую поддержать правомонархический и великорусской ориентации переворот в Киеве. В официальных приказах высшего оккупационного командования подчеркивалось, что никаких препятствий вербовке офицеров в украинскую армию и их отправке к атаману Краснову чинить не следует, а вот «агентов генералов Алексеева, Деникина и Романовского» предписывалось арестовывать за их проантантовскую позицию. О том, что многие выезжающие на Дон офицеры и солдаты окажутся вскоре в Добровольческой армии, в оккупационных инстанциях стали подозревать несколько позже, к концу августа.

У гетманских чиновников не было уверенности в том, какую позицию займет германское командование в отношении монархической «эмиграции» на Украине. По-видимому, они по меньшей мере подозревали о том, что еще в конце апреля представители консервативного крыла беженцев из Совдепии вступили в контакт с Муммом, а Людендорф выступил в их поддержку, в чем опять-таки разошелся с Кюльманом⁹⁸⁹. Грёнеру же оставалось выбирать свою линию, балансируя между противоречивыми указаниями и необходимостью нащупывать хотя бы видимость консолидированной позиции. Опираясь на авторитет Эйхгорна, ему долгое время это удавалось. Так, 17 июня Мумму был передан меморандум (подготовленный Грёнером, прочитавшим накануне записку из ведомства Кюльмана⁹⁹⁰), где для сведения АА излагалась позиция германского командования относительно украинского проекта в целом⁹⁹¹. В своей основной идее — *divide et impera* — она была вполне приемлема для Кюльмана, а также почти точно совпадала с линией будущего главы внешнеполитического ведомства П. фон Хинтце. После принятых в Спа базовых решений о дальнейшем

⁹⁸⁹ См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 124–128.*

⁹⁹⁰ Грёнер высказывался крайне резко — «единственное, что доставляет мне хлопот» — о позиции АА относительно курса на Украине: *Gröner W. Lebenserinnerungen. S. 402–404, 570.*

⁹⁹¹ Ее подробности см.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 128–129.*

курсе Ostpolitik 2–3 июля Мумм и Грёнер могли полагать линию согласованной, а также перейти к более последовательным действиям в поддержку русских монархистов при одновременном жестком подавлении националистического сопротивления гетману на Украине⁹⁹². 16 июля 1918 г. Грёнер, вполне симпатизировавший гетману лично и его кабинету, констатировал: «Что касается будущего самостоятельной и независимой украинской государственности, то любой, кто смог ознакомиться с ситуацией на месте, относится к этой мысли крайне скептически». Из этого он делал вывод о неизбежности сговора с прогерманским крылом монархистов, которые — по его мнению — согласны были бы признать часть брестских территориальных потерь, то есть Польшу, Финляндию, Курляндию, часть Литвы, но не более того, тем более никаких уступок в Закавказье⁹⁹³. Однако до определения судьбы кампании на Западе ни о каком повторном государственном перевороте не могло быть и речи, а потому вставала проблема поддержки самостийной Украины без резкого ухудшения отношений со сторонниками «единой и неделимой».

Вовсе не способствовало укреплению взаимного доверия между украинскими и германскими военными и громкое убийство 30 июля 1918 г. 70-летнего генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна и его адъютанта капитана В. фон Дресслера в Киеве левым эсером Б. Донским. Незадолго до этого вернувшийся из продолжительной поездки командующий был убит накануне нового этапа оккупационной политики, вызванного впечатлениями от всеукраинской железнодорожной стачки. Хотя некоторые обстоятельства теракта были довольно быстро выяснены, а террорист публично повешен, некоторое время обсуждались версии о причастности к этому эффектному акту протеста не только миссий Антанты в Москве⁹⁹⁴ и большевиков, к которым кронштадтский матрос Донской был до весны 1918 г. весьма близок, но и украинских нацио-

⁹⁹² См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 134–135.*

⁹⁹³ См.: *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 392.*

⁹⁹⁴ Николаи был (на основании признаний на допросах Донского?) уверен, что за убийством Эйхгорна стоит англо-французская разведка, оставшись при этом мнения и после войны. См.: *Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. S. 532; Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. С. 91.*

налистов (а то и австро-венгерской разведки). Петлюра был арестован всего за 3 дня до этого события, а многие украинские эсеры отличались сильными националистическими настроениями. Австро-венгерская дипломатия оказалась сильно встревожена тем, что убийство Эйхгорна будет использовано кайзеровской Ставкой и штабом Обер Оста для давно желаемого введения прямой военной диктатуры во главе с гетманом, а то и без него⁹⁹⁵.

Разумеется, в том важном нюансе, что группа террористов действовала по указаниям московского центра, а местные эсеры были ей едва ли не «конкуренты»⁹⁹⁶, германские следователи не слишком разбирались. Вскоре выяснилось, что на похоронах Эйхгорна эсеры собирались убить и гетмана, а несостоявшаяся его убийца И. Каховская провела в киевской тюрьме следующие 5 месяцев⁹⁹⁷. Отныне в штабе группы армий «Киев» склонны были верить в преданность Германии и союзу с ней лишь самого гетмана и его ближайшего окружения⁹⁹⁸, но никак не украинского офицерства в массе его. Справедливо опасавшийся покушений гетман уже 1 августа позаботился о подписании закона о порядке управления страной в случае его смерти или временного отсутствия, что произвело крайне невыгодное впечатление. Перепуганы были и немцы: режим работы штаба группы армий, которую теперь возглавил вызванный из отставки бывший командующий 8-й армией генерал-полковник Гюнтер фон Кирхбах⁹⁹⁹, резко изменился. Вновь пошли слухи о заговоре с целью внезапно истребить все командование оккупантов. Усиленные меры охраны, введенное осадное положение не оставили и следа от фикции присутствия «союзных войск для защиты мирной державы». Принцип старшинства при

⁹⁹⁵ См. подборку документов об обстановке накануне и сразу после теракта: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 173, 178–185.

⁹⁹⁶ См.: *Kachovskaja I. K. Attentate auf Eichhorn und Denikin*. S. 30–35.

⁹⁹⁷ После следствия, которое вел полковник Хюбнер, было рекомендовано ее казнить как соучастницу теракта, однако отправленный на утверждение в Берлин приговор утвердить не успели. См. подр.: *Kachovskaja I. K. Attentate auf Eichhorn und Denikin*. S. 36–49.

⁹⁹⁸ О реакции и действиях Скоропадского в момент убийства Эйхгорна см.: Украина на переломе. С. 701–703.

⁹⁹⁹ Ему как раз накануне, 9 августа, исполнилось 68 лет.

чинопроизводстве в имперских армиях вновь сработал безотказно, зато В. Грёнеру теперь еще менее приходилось считаться с мнением своего прямого командира. А из германского посольства в Москве, возможно лишь подогревая панику, в начале августа сообщали Мумму, что в Киев выехали еще 10 самых опасных левых эсеров (или анархистов?) во главе с неким Фишманном, причастным к убийству Мирбаха. Вскоре последовали активные поиски и лихорадочные меры защиты¹⁰⁰⁰. Победители чувствовали себя все менее безопасно, а уверенность в наличии союзников в этой «союзной» стране пропала.

Выходов для сохранения самостийной прогерманской Украины виделось немного. Вполне реален был упорядоченный транзит излишних «великорусских»¹⁰⁰¹ или недостаточно лояльных к украинской идее кадров в создаваемые антибольшевистские формирования, причем желательно только прогерманской ориентации — то есть в Южную¹⁰⁰², Астраханскую¹⁰⁰³ и Саратовскую армии¹⁰⁰⁴, а также в войска Донской республики, а в крайнем случае и в Добро-

¹⁰⁰⁰ См.: SächsHStA. 11358. 57. Bl. 9, 19–29.

¹⁰⁰¹ Даже 1 октября 1918 г. в штабе 27-го рк констатировали: «В общих интересах, чтобы как можно больше великороссов было бы отправлено в Великороссию. Так что подобные прошения о въезде и выезде в Великороссию следует принимать в штабе корпуса». См.: SächsHStA. 11358. 53. Bl. 97.

¹⁰⁰² Один из ее организаторов герцог Лейхтенбергский попытался задействовать свои династические связи с Виттельсбахами на самом высоком уровне, надеясь германскими руками заставить гетмана открыто выступить с заявлением о воссоединении России. Впоследствии свои надежды на свержение большевиков именно немецкими руками он отрицал. См.: Герцог Лейхтенбергский. Как началась Южная армия? // АРР. Т. 8. С. 166–182; Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 135–136.

¹⁰⁰³ Документы о попытках ее формирования, а также общие указания, как относиться к вербовке германским инстанциям (с учетом отношений с Россией), остались в фонде оккупировавшего Черниговщину и Киевщину 27-го резервного корпуса. Лишь 22 августа было приказано пресечь публичную вербовку. См.: SächsHStA. 11358. 54. Bl. 4–5.

¹⁰⁰⁴ Последняя имела еще и прогетманскую ориентацию, поэтому и формирование ее продвинулось особенно мало. См. подр.: Посадский А. В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус. С. 98–111.

польческую армию¹⁰⁰⁵. Этот процесс зачастую прямо вредил официальным усилиям по формированию украинской армии, вызывал подозрение у националистов и конфликты с теми инстанциями, что полагали возможным сформировать максимальную по размеру вооруженную силу для гетманского правительства. Открытые заявления вербовщиков офицерам о том, что «гетман все равно долго не продержится», апелляции к данной присяге и долгим годам нерной службы России вызывали попытки ареста офицеров белогвардейских организаций, обращения украинских ведомств к германским инстанциям, также раздраженным открытым обсуждением недолговечности текущего положения дел на Украине¹⁰⁰⁶. С другой стороны, к перевербовке в новые монархические антибольшевистские армии были при явном содействии интервентов привлечены авторитетные, хотя и не слишком дееспособные генералы (Н. И. Иванов¹⁰⁰⁷), считавшиеся (и порой зря) влиятельными представители местных элит (князь Тундутов)¹⁰⁰⁸, представители аристократии (герцог Лейхтенбергский), а также не без содействия именно германских ведомств выделены средства, которые должны были попросту перекупить колеблющихся офицеров. Новые «армии» были быстро пронизаны сетью едва ли не добровольных германских агентов (в Южной армии им был к тому времени уже «полковник» Бермондт-Авалов)¹⁰⁰⁹. Двойственная политика поддержки

¹⁰⁰⁵ Например, туда в августе 1918 г. выехал П. Н. Врангель, до этого побывавший в Белоруссии в имении под Бобруйском, а по прибытии в Киев встретившийся и лично с гетманом Скоропадским и с А. М. Драгомировым.

¹⁰⁰⁶ Первым предупреждением была высылка «подрывавших репутацию германских войск» вербовщиков из того или иного уезда, см., напр.: *Scheerer H. Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 20. S. 136.*

¹⁰⁰⁷ Лишь 3 июня 1918 г. комендант Киева по запросу членов Союза георгиевских кавалеров и с согласия гетмана разрешил привезти Иванова из Новочеркасска, где он находился как частное лицо. Прибыл он в Киев только в конце июня. См.: *SächsHStA. 11358. 56. Bl. 128–130.*

¹⁰⁰⁸ По инициативе Лоссова он прибыл в Берлин вместе с представителями Грузии и Армении 3 июня, а уже 9 июня 1918 г. их принял Кюльман, что для фактически самозванного представителя астраханского казачества было огромным успехом.

¹⁰⁰⁹ Еще в середине октября 1918 г. он распространял провокационные слухи о скором захвате Киева большевиками, ссылаясь на то, что имеет

сразу нескольких параллельных и разного масштаба антибольшевистских проектов по аккумулярованию военных ресурсов вынуждала вмешиваться в местные конфликты, а потому в конечном счете подрывала доверие к интервентам со стороны всех их и без того не слишком искренних союзников¹⁰¹⁰.

Даже в Ковно, где эти тенденции были не слишком заметны, генерал Гофман испытывал самые серьезные сомнения в прогерманской ориентации вдруг согласившихся сотрудничать с интервентами русских офицеров. Еще в конце августа 1918 г. Обер-Ост призывал к осторожности в поддержке заявивших о себе как о монархистах, даже если они сами предлагают свои услуги германским инстанциям, и запрещал контакты с ними без ведома высшего командования¹⁰¹¹. В штабе группы армий «Киев», не дождавшись определенных шагов в сторону установления неофициальных контактов от Алексеева и дополнительных гарантий от Хопмана, вынуждены были руководствоваться имеющейся информацией и распоряжениями из АА и ОХЛ. Добавочный договор предоставил некую определенность в вопросе дальнейших отношений с большевиками, а потому судьба едва вышедших из стадии проектов Южной и Астраханской армий оказалась незавидной. 22 августа штаб группы армий «Киев» распорядился о прекращении открытой (через газеты и воззвания) вербовки в антибольшевистские (и неукраинские) армии, так как ответственные офицеры

связи в германском командовании. После этого начались попытки срочно взять деньги из киевских отделений банков. См.: SächsHStA. 11358. 57. Bl. 260.

¹⁰¹⁰ В. Е. Рейнбот утверждал впоследствии, что гетманские власти не только выделяли деньги этим явно «неукраинским» проектам, но и саботировали вывоз ресурсов из Харьковской губернии (якобы до 60 миллионов пудов хлеба), имея в виду содействие формированию русских Южной и Астраханской армий, а также необходимость обеспечить базу для будущего наступления на Москву. Его коллега по кабинету В. В. Зеньковский тоже подтверждал, что корпус особого назначения создавался лишь под предлогом отстаивания нужных границ в Черниговской губернии. См.: Украина на переломе. С. 74–75, 323.

¹⁰¹¹ См. распоряжение Обер-Оста от 22 августа 1918 г., распространенное в штабы (в данном случае 67-го генерального командования): ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 312. Л. 17.

сами привлекают внимание Москвы¹⁰¹². Когда подписание Добавочного договора уже состоялось, 29 августа Грёнер вернулся к вопросу о судьбе находящихся на Украине русских офицеров, полагая, что их ни в коем случае нельзя подталкивать в руки Антанты (недь позиция Алексеева еще не определилась), а следует внушать им прогерманскую ориентацию, а потому к полицейским мерам против них прибегать лишь в крайнем случае.

В начале октября с фикцией отдельных от Дона монархических армий было покончено: они были объединены в Особую Южную армию, продолжали действовать на воронежском направлении, но теперь открыто подчинялись Краснову через полуопального генерала Семенова. Усилившаяся вербовка на территории Украины в антибольшевистские армии вызвала резкий протест Иоффе, поданный Хинтце 23 сентября, где перечислялись очевидные факты активных действий по формированию Южной армии, причем «даже молчаливое терпимое отношение к ней» было логично охарактеризовано как прямое нарушение германских обязательств по Добавочному договору. Хинтце не стал вступать в издевательскую дискуссию о юрисдикции гетманского режима и его ответственности за происходящее на Украине, а 26 сентября просто пообещал расследовать данные происшествия, ведь о вербовке ему было будто бы ничего не известно¹⁰¹³. Это была очевидная затяжка времени и явное приглашение к дальнейшим торгам с Москвой по сохраняющимся спорным вопросам, например, о Закавказье или о судьбе Дона. К середине октября 1918 г. из штаба группы армий «Киев» начали указывать, что если вербовка в антибольшевистские армии не ведется демонстративно, то препятствий ей чинить не следует¹⁰¹⁴.

Помимо этого опасного и утомительного маневрирования оставался еще вариант подготовки к будущему пророссийскому перевороту с открытым заявлением о восстановлении единой России под эгидой гетмана, но не исключая союза с другими антибольшевистскими силами. Этого опасались в Германии, а потому проект

¹⁰¹² См.: SächsHStA. 11358. 54. Bl. 5–6.

¹⁰¹³ Тексты обеих нот: Советско-германские отношения. Т. 1. С. 650–653.

¹⁰¹⁴ См.: SächsHStA. 11358. 54. Bl. 25, 27.

Юго-Восточного союза реализовывался крайне непоследовательно. При необходимости на него ссылались и в Новочеркасске, и в Киеве, и в Спа, однако, как справедливо полагали германские дипломаты, он оставался «фантомом антиславянского блока»¹⁰¹⁵. В штабе группы армий «Киев» были совершенно не заинтересованы в появлении еще одной державы, требующей постоянной германской оккупации — Дона. Однако опасались, что формирование на основе Всевеликого войска Донского действительно прочной федерации на Юго-Востоке, способной обойтись без прямой военной помощи интервентов¹⁰¹⁶, подтолкнет и Украину к требованиям большей самостоятельности, а также облегчит будущую консолидацию лимитрофов. Осложняли обстановку и провокации разного рода авантюристов. Так, если главе Войска Донского не позволяли даже передать письмо кайзеру, представлявший атаманом астраханских казаков Тундутов был быстро (уже в начале июня) удостоен едва ли не официальной аудиенции, хотя сколько-нибудь серьезной военной силы он не представлял, зато тут же уехал, окрыленный надеждами и якобы данными обещаниями в Новочеркасске, формировать прогерманскую армию. 28 июня командование в Киеве (капитан Фибан) сообщало в штаб Кнёрцера, что в случае быстрого провозглашения Тундутовым независимости Юго-Восточного союза кредит ему будет выделен немедленно¹⁰¹⁷.

Попытку открытого реванша пророссийского окружения Скоропадского вплоть до скрытого военного переворота можно было прогнозировать с большой уверенностью. Взамен неизбежно утрачиваемых в таком случае формально лояльных гетману «умеренно-украинских» частей — то есть сердюков и остатков сечевых стрельцов и «жупанных» дивизий — опорой гетмана должны были бы стать дружины, формируемые из до того остававшегося за рамками гетманской армии русского офицерства, на что

¹⁰¹⁵ См.: *Gehrman U. Turbulenzen am Stillen Don. S. 405–406.*

¹⁰¹⁶ Открывавшиеся перспективы казались головокружительными и донскому эмиссару в Киеве генералу Черячукину, призывавшему поскорее прервать всякие отношения с проантантовскими силами и объявить о создании Юго-Восточного союза как суверенного государства: Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. С. 121–122.

¹⁰¹⁷ См.: *HStA Stuttgart. M 410. Bd. 792. Bl. 55a.*

последнее надеялось в Киеве, и далеко не только беженцы¹⁰¹⁸. Этот вариант также был испробован, но слишком поздно, когда ядром антибольшевистской России должны были стать те, кто считался партнерами Антанты, а не надеявшийся на гладкую смену внешнеполитической ориентации гетман. Формирование Особого корпуса во главе с генералом А. П. Ревизиным несколько сдвинулось с мертвой точки лишь в конце октября 1918 г., что и предопределило его судьбу в боях с петлюровцами. В итоге большинство офицеров, прибывших на Украину позже июня-июля 1918 г., места себе в Украинской державе не нашли, а в Добровольческую армию пробрались существенно позже и были встречены там почти как перебежчики. Исключением были те, чье желание служить Белому делу было сопряжено с такими опасностями, что им простили и временную службу в украинской армии, что рассматривалось как подготовительный этап к побегу и способ обзаведения материальной частью. Ярким примером может служить перелет авиатряда полковника Руднева из-под Одессы в Екатеринодар, не слишком удачный, но по-своему героический¹⁰¹⁹.

С закатом Украинской державы офицеры гетманской армии оказались, можно сказать, в трагическом положении: в армии УНР их считали предателями, так как на ее сторону следовало бы перейти до очевидного краха Украинской державы, в ВСЮР полагали так же, имея в виду лишь один достойный русского офицера вариант: пробираться на Дон, а лучше в Екатеринодар, или вербоваться в Киеве, Севастополе и Одессе, не позоря себя службой под желто-блакитным прапором, а уж службу Петлюре и вовсе приравнивали к согласию работать на большевиков. Выбор в пользу вступления в РККА оставался крайне маловероятным, ведь многие офицеры бежали в Киев именно от большевиков, причем успев послужить красным, что в первую половину 1918 г. считалось вариантом

¹⁰¹⁸ Этот вариант предпочитали киевляне — герои романа М. А. Булгакова «Белая гвардия».

¹⁰¹⁹ Попытку воспрепятствовать этому немцы предприняли с явной небрежностью, а частичная неудача была вызвана скорее страхом перед их действиями, а не оперативностью реакции. См.: *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны. С. 306–308.

приемлемым или прощительным¹⁰²⁰. Некоторым исключением являлась рискованная агентурная работа офицеров в учреждениях и армиях всех режимов в Киеве уже по поручению местного центра Добровольческой армии, функционировавшего в целом достаточно успешно¹⁰²¹.

В роли спасителей от расправы петлюровцев и/или большевиков офицеров, поверивших в очередной политический разворот гетмана, могли выступить только не вызывавшие у большинства из них особых симпатий недавние (?) враги — немцы. Интервенты и действительно сумели добиться вывоза из Киева и других городов Украины нескольких сотен офицеров и солдат (всего до 3 тысяч) так и не состоявшейся Южной армии и тех, кто согласился служить в армии гетмана, уверовав в его пророссийскую ориентацию после воззвания в ноябре 1918 г., а затем оказался в тюрьме или вынужден был скрываться от петлюровцев. Именно германские офицеры не допустили еще большего разгула террора, не дав забросать гранатами собранных под арестом в Педагогическом музее защитников Киева (до 1500 человек), а затем вывезя их крупными партиями в Германию. Уезжали с ними и те, кто до этого ценил в гетманском режиме как раз его германскую ориентацию (то есть те, у кого была позиция как у булгаковско-го С. Тальберга). Именно так в Германии оказались Бермондт-Авалов¹⁰²², генерал Кислицын¹⁰²³ и др. Тем не менее далеко не всем

¹⁰²⁰ Это отразилось на статистике офицерства в контексте споров о доле его раздела между красными и белыми. См. об офицерах гетманской армии, перешедших на службу в РККА, многие из которых затем в сентябре 1919 г. явились на регистрацию в ВСЮР: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов. С. 286.

¹⁰²¹ Отчет о его деятельности (пусть и далеко не исчерпывающий) за период декабрь 1918 г. — август 1919 г. см.: Белый архив. Ч. 2. С. 119–132.

¹⁰²² Целостную современную версию мифологизированной биографии Бермондта см.: *Баринков И., Стрелков И.* «Кто Вы, князь Авалов?» Портрет политического авантюриста времен Гражданской войны в России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. № 2 (28). 2017. С. 136–156.

¹⁰²³ Он утверждал, что в Берлин было вывезено чуть ли не 10 тысяч человек. См.: *Кислицын В. А.* В огне Гражданской войны. С. 27–31. Минут

было позволено явочным порядком присоединиться к германским военным эшелонам, ведь из-за опасений петлюровских обысков такое сострадание к спасающимся от властей УНР расценивалось как предательство собственных товарищей¹⁰²⁴. И все же с немцами смогли уехать многие. Кроме того, именно германское командование охотно содействовало офицерам гетманской армии, решившим выехать на Дон, несмотря на риск пленения петлюровцами. В итоге «одиссея» нескольких сотен прошедших через армии УНР и гетмана офицеров Генштаба оказалась весьма извилистой даже на общем хаотическом фоне данного этапа в истории офицерского корпуса¹⁰²⁵.

Даже в период расцвета гетманского режима дисциплина и комплектование армии Украинской державы (начавшееся еще 17 апреля, то есть до прихода к власти Скоропадского) налаживались куда медленнее, чем в Советской России. Мобилизовать человеческие ресурсы, несмотря на принятый 24 июля закон о всеобщей воинской повинности, никак не получалось, потоки вооружения и финансов перехватывались другими организациями или расхищались чиновниками украинских ведомств. Впоследствии украинские (и не только¹⁰²⁶) авторы часто обвиняли в срыве формирования украинской армии именно немцев, которые действительно не имели четкой позиции по данному вопросу. С одной стороны, они безусловно содействовали развертыванию крупных вооруженных

пишет, что эшелонов было всего 4. См.: *Минут В. Н.* Под большевистским игом. С. 248.

¹⁰²⁴ См. приказ штаба 27-го рк от 16 декабря 1918 г.: SächsHStA. 11358. 53. Bl. 127.

¹⁰²⁵ Исчерпывающий обзор и статистику см.: *Ганин А. В.* Кадры украинского Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 // «Мозг армии» в период «Русской смуты». М., 2013. С. 139–152.

¹⁰²⁶ Так, совершенно не сочувствовавший формированию гетманской армии Д. В. Ненюков писал: «Немцы не позволяли украинцам заводить собственного войска, опасаясь измены». Такова была позиция и в целом сторонников Добровольческой армии, которые этим подчеркивали неприемлемость любых иных вариантов для русских офицеров, кроме как вступления в войска Деникина. См.: *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны. С. 308; *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. С. 467–471.

сил, а планы были грандиозные¹⁰²⁷, с другой, проявляли явную сдержанность, если не враждебность по отношению к украинским войскам, подозревая их в возможном переходе на сторону Антанты или просто в антиоккупационных настроениях и соответствующих симпатиях¹⁰²⁸. Командующий одним из 8 корпусов Слюсаренко прямо обвинял Германию в намеренном срыве формирования, чтобы не допустить возможного вооруженного сопротивления выкачиванию с Украины сырья и продовольствия при поддержке армии, а также из-за нежелания делиться быстро захваченными громадными запасами военного имущества бывшей РИА, ведь ко всем ее складам были приставлены германские посты¹⁰²⁹.

При всей логичности этого предположения¹⁰³⁰ вряд ли уместно упрекать группу армий «Киев» в нежелании собственными руками создавать войска, заведомо нелояльные не только к интервентам, но даже к прооккупантскому режиму. В обстановке крайней самоуверенности весны-лета 1918 г. в ОХЛ формирование украинской армии полагали излишним риском, ведь зачем рисковать, вооружая местное население, если нет потребности в массовом участии в боевых действиях? Созданная украинская армия в условиях Бреста с точки зрения Центральных держав оказывалась инструментом, который мог только вредить германским интересам. Плохая управляемость национальных частей, их ангажированность

¹⁰²⁷ 8 корпусов полного состава (по одному на губернию), 64 пехотных и 18 кавалерийских полков, несколько бригад артиллерии. См.: Украина на переломе. С. 541–546.

¹⁰²⁸ Получался, как метко сформулировал Лукомский, «заколдованный круг» из желания облегчить непосильные задачи оккупационных войск и одновременно опасений не добавить им врагов. См.: Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. С. 472–473.

¹⁰²⁹ См.: Слюсаренко В. А. На Мировой войне... С. 289–290.

¹⁰³⁰ Примечательно, что в создание Германией ни украинской, ни польской армий в связи с их опасностью не верил еще в марте 1918 г. находившийся в плену русский капитан польской национальности Бискупский, предсказывавший — задолго до провала германских проектов осенью 1918 г. — и то, что получить желаемые ресурсы с Украины не удастся. Учитывая, что он находился в лагере и имел лишь ограниченные источники информации, такая прозорливость на фоне иллюзий германских властей очень показательна. См.: SächsHStA. 11348. 642. Bl. 71–72.

и застарелые конфликты (с поляками, например), стремление к легкой наживе и почти полное отсутствие стойкости в обороне не обещали ничего хорошего. Разрыв с большевиками делал бы гетманскую армию ценным союзником, однако это грозило освобождением Москвы силами Киева, то есть воссоединением распавшейся империи.

Кроме того, слишком сильная украинская армия могла вполне «самостоятельно» возобновить широкомасштабные действия с большевиками или с другими осколками империи в связи с огромными территориальными амбициями, что гарантировало немцам лишнюю трату сил, ресурсов и времени. Отсюда возникал странный баланс между согласием на формирование гетманской армии и сдерживанием ее, контролем над этим процессом и параллельным одобрением выдачи военного имущества и вербовки многочисленного в крупных городах офицерства (в Одессе Ненюковым, в Харькове Штейфоном¹⁰³¹ и Келлером, в Екатеринославе Перфильевым и Васильченко¹⁰³², в Киеве Кирпичевым, а также попытавшимся еще при гетмане открыто провозгласить офицерские дружины частью Добровольческой армии эмиссаром Деникина Ломновским и т. д.) в различные белые армии. Сохранялся паллиатив между поддержкой гетманского режима и готовностью штаба группы армий «Киев» возобновить контакты с лидерами Рады.

Штабы оккупационных войск на местах вынуждены были стать своего рода арбитрами в жестких столкновениях между оставшимися служить гетману, но украински-националистически настроенными (Болбочан) или старательно это имитировавшими кадрами из бывших вооруженных сил УНР (Натиев, Лигнау и др.) и откровенно имперски-великорусски настроенными генералами РИА, назначенными Скоропадским своими заместителями на периферии. Симпатии консервативного германского генералитета

¹⁰³¹ См. фрагмент воспоминаний генерала Б. А. Штейфона: Ганин А. В. Семь «почему» российской гражданской войны. М., 2018. С. 451–457.

¹⁰³² Екатеринославский центр ВСЮР действовал при покровительстве губернского старосты, а потом и командующего 8-м корпусом гетманской армии, зато страдал от разрозненного руководства. См. подр.: Ганин А. В. История екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // ЖРВЕИИ. 2018. № 4 (15). С. 8–31.

оказывались на стороне столь же консервативных бывших царских генералов (как это было в Харькове, где 1-м армейским корпусом командовал сражавшийся против России с августа 1914 г. генерал Менгельбир)¹⁰³³, хотя политические соображения диктовали им поддержку антироссийски настроенных украинских офицеров среднего звена. В случае острых конфликтов командование интервентов настойчиво напоминало о действующем военном положении либо прибегало к демонстрации силы. Впоследствии очередной популистский жест гетмана в адрес украинских националистов — грамота о восстановлении казачества в 3 губерниях от 16 октября 1918 г. — был справедливо расценен в германском командовании как опасная попытка создать иррегулярные вооруженные силы без всякого контроля над ними интервентов, то есть готовую, но более опасную, чем крестьянские повстанцы, силу будущего национально-освободительного восстания¹⁰³⁴. Зато было быстро поддержано генералом Грёнером, считавшим возможным идти на показательные уступки при протестах насчет чрезмерно жестоких действий оккупантов, формирование действительно необходимой для полицейских функций варты. Однако германское командование на местах не спешило выдавать оружие, не доверяя даже своим союзникам по реквизициям у крестьян. Именно это промедление с вооружением варты позднее обеспечило быстрый крах гетманского режима на селе¹⁰³⁵.

В свою очередь гетман также лавировал, особенно активно с начала октября 1918 г., встречаясь то с Винниченко и другими левыми националистами, то с эмиссарами Добровольческой ар-

¹⁰³³ См. воспоминания харьковского губернатора П. Залесского о его борьбе с местными украинскими националистами, который в итоге апеллировал к Киеву, а не дождавшись эффекта и к графу Альвенслебену, казавшемуся ему более перспективным вариантом. В результате слишком «великорусский» изюмский помещик Залесский был смещен в августе 1918 г.: Пученков А. С. Украина и Крым. С. 281–291.

¹⁰³⁴ В действительности же казаки немедленно вступили в конфликты из-за земли с крестьянами. См.: Украина на переломе. С. 82–83.

¹⁰³⁵ См. хвалебные отзывы о Грёнере (и пренебрежительные об остальных германских офицерах) министра внутренних дел Украинской державы В. Рейнбота: Украина на переломе. С. 72–73, 91.

мии, а также готовясь укрепить союз с Доном и Кубанью, если Деникин не пойдет на контакт с ним как с сепаратистом. Колебания Скоропадского отразились и на крайне нестабильном составе его правительства. Гетман все более явно мирился с формированием из ранее существовавших различных «организаций взаимопомощи» русских офицерских дружин, в том числе в Киеве под командованием генерала Кирпичева, что не могли не санкционировать и оккупационные власти. Офицеры достаточно открыто мотивировали свое вступление в эти дружины стремлением избежать мобилизации в украинскую армию. Был снят запрет на формирование национальной самообороны, которой мелкими партиями стали выдавать оружие¹⁰³⁶, что не мешало ее лидерам почти открыто скупать недостающее военное имущество у солдат германской армии на черном рынке, а также посылать эмиссаров в нейтральные страны и даже к Антанте для закупок вооружения в кредит. Только 13 ноября под влиянием событий в Варшаве и Львове была запрещена какая-либо вербовка в Киеве в польские части¹⁰³⁷.

Много вопросов вызывал и контроль над трофейным военным имуществом и боеприпасами бывшей Русской императорской армии, а также расквартирование германских войск в условиях создания крупных украинских частей. Очевидные пробелы в намерениях еще по мере наступления по Украине сразу же систематически использовать огромные материальные выгоды от внезапного нападения на крупные города и склады проявились еще весной. На Востоке повторилось то же, что и в первые же дни великого германского наступления на Западе в конце марта 1918 г.: целые роты, забыв об уставах, грабили склады, срочно «поправляя» ситуацию со снабжением продовольствием, обмундированием, сигаретами и т. д. Конечно, чуть позже по-настоящему произвольное расхищение прекращалось, устанавливалась видимость охраны (часто также коррумпированной), а потом начинался и вывоз в голодающие Центральные державы, но общий учет и распределение оставляли желать лучшего. Неучтенный поток материальных ценностей

¹⁰³⁶ См., напр., относительно Эстонии: *Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002. S. 71.*

¹⁰³⁷ См.: *SächsHStA. 11358. 54. Bl. 30.*

и оружия уходил на «черный рынок», хотя до истощения запасов, взятых весной на Украине, и через полгода было еще очень далеко.

Острейших проблем было вполне достаточно и в имевшей за видные шансы на создание армии, но весь проект формирования флота с самого начала носил отпечаток фарса — с поднятием штандартов генерал-адмирала флота Украины и т. д. Не задерживались на должностях у гетмана и ценные специалисты: получая адмиральские звания, сменяли друг друга в качестве инициаторов реформирования флота Клочковский, Остроградский, Максимов, Покровский... Подняв в свое время украинские флаги на кораблях по инициативе Остроградского, офицеры флота руководствовались главным образом надеждой на защиту судов от захвата немцами, а не национальными чувствами¹⁰³⁸, однако быстро выяснилось, что и союзная Германии Украина отнюдь не гарантирована от такого варианта развития событий. Это было наглядно продемонстрировано поднятием германских флагов на кораблях в Севастополе 12–13 мая 1918 г., а уж тем более последующей постановкой их в строй осенью 1918 г., пусть и со всеми оговорками о временности и «заимообразном» характере этого. Позиция германского командования была столь недвусмысленна, что на открытое своеволие в определении судьбы кораблей, если они вернутся в Севастополь, гетманское правительство не решилось. Причем в этом ничего не изменило даже прямое обращение офицеров ушедшего в Новороссийск флота, не желавших ни его затопления красными, ни сдачи его большевиками немцам, с просьбой о принятии их судов под украинскую юрисдикцию¹⁰³⁹.

Важнейшим условием сколько-нибудь убедительного процесса возникновения нового флота было соглашение о военно-морской конвенции с Германией, разрабатываемое летом-осенью 1918 г.¹⁰⁴⁰

¹⁰³⁸ Для национальной историографии Остроградский остается убежденным украинским националистом, но в Морискоме в 1920-х гг. очевидцы событий описывали ситуацию совершенно иначе. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-29, Оп. 2. Д. 169. Л. 2–3.

¹⁰³⁹ Описание бессилия Лизогуба и других министров дать сколько-нибудь определенный ответ на это обращение 3 офицеров-делегатов (видимо, в начале июня 1918 г.) см.: Украина на переломе. С. 162–163.

¹⁰⁴⁰ См. материалы к ней: ВА-МА. RM 5/2729.

а также конструктивное взаимодействие украинских адмиралов с офицером германского Адмиралштаба в Киеве. Им в конце мая 1918 г. стал корветтен-капитан Вюльфинг, быстро ставший своего рода военно-морским атташе при Мумме и сыгравший важнейшую роль в судьбе высших военно-морских инстанций Украинской державы, а также в деятельности штаба группы армий «Киев»¹⁰⁴¹. Именно он передавал полученную в Киеве из перехватов большевистских радиogramм (даже самые секретные часто шли открытым текстом) информацию в Севастополь Хопману¹⁰⁴² и в высшие германские командные инстанции.

Единственным шансом на будущее для флота Украины оставались только захваченные корабли Черноморского флота, а также производственный потенциал верфей в Николаеве, где оставались и строящиеся суда¹⁰⁴³. Однако контроль над частью (и то ненужной самой Германии) судов бывшего императорского флота немцы были готовы передать в лучшем случае после окончания Великой войны (Хопман и приступил к этой процедуре 8 ноября 1918 г.¹⁰⁴⁴), если к тому моменту Украина еще будет интересоваться Германию как военный союзник. Николаевские же верфи нуждались в основательной реорганизации, выплате долгов и прекращении хозяйственного произвола, кроме того, очевидно необходимы были и ассигнования на закладку новых, хотя бы малых, судов. Уже в мае 1918 г. начались затяжные споры о принадлежности судов и грузов на них, приводившие и украинских адмиралов, и Хопмана в постоянное взаимное раздражение¹⁰⁴⁵. В августе 1918 г. среди

¹⁰⁴¹ Это видно из его обширных, интересных и никогда не публиковавшихся отчетов из Киева за полгода 1918 г., см.: ВА-МА. RM 5/2727.

¹⁰⁴² См., напр., ряд его телеграмм: См.: ВА-МА. RM 41/68. Bl. 84ff.; 41/69. Bl. 2ff.

¹⁰⁴³ Уже 11 апреля НКВД заявил о том, что все эти суда и прочее имущество должны быть переданы РСФСР: ДВП. Т. 1. С. 240.

¹⁰⁴⁴ Имели в виду в первую очередь канонерскую лодку «Кубанец» и не имевшие боевой ценности по сравнению с германскими субмаринами русские подлодки.

¹⁰⁴⁵ См., напр., дневник находившегося в Севастополе В. Лукина: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 5–8. Германская точка зрения: *Hopman A. Tagebücher*, 10. Mai// Vom Brest-Litovsk... S. 489ff.

русских флотских офицеров пошли слухи, что германское командование «ради выгоды... ищет сближения с РСФСР за счет Украины и приглашает ее представителя в Севастополь», а потому разрешает судам ходить под красным флагом¹⁰⁴⁶.

Обреченная своим географическим положением на создание не только сухопутных войск, Украина, естественно, полагала себя едва ли не главным претендентом на получение основной части судов Черноморского флота, в мае 1918 г. предложив А. Хопману ввести на суда хотя бы минимальную охрану из украинских экипажей¹⁰⁴⁷. Германская сторона, так и не сумевшая навести желаемый порядок в портах и добиться эффективного использования имущества флота¹⁰⁴⁸, полагала, что последнее, что могло бы этому содействовать, это передача контроля над ним представителям Украины, Крыма или любой другой державы. Началась затяжная переписка о штатах, деньгах, ключах, личных конфликтах и т. п. с минимальным результатом¹⁰⁴⁹. Учитывая огромные запасы оружия, снарядов и взрывчатых веществ на базе в Сухарной балке, такая неопределенность могла вести только к тяжелейшим диверсиям. Советские дипломаты с удовлетворением констатировали, что, несмотря на широкие планы по штатам, работа морского ведомства Украины сводится к переписке¹⁰⁵⁰.

Грозные (к сентябрю 1918 г.) признаки будущего системного краха оккупационного режима не препятствовали дальнейшей эволюции Брестской системы (точнее, системы украинского Бреста, Берестейского мира). Не желая рисковать последующим дезавуированием любых соглашений, достигнутых с Украинской державой не на высшем уровне, даже если их завизирует премьер-министр этой страны, в Германии инициировали приезд самого

¹⁰⁴⁶ Дневник Лукина от 13 августа 1918 г. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 24.

¹⁰⁴⁷ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 81–81об.

¹⁰⁴⁸ Например, германские караулы были сняты с места стоянки воздушного дивизиона, поэтому морская авиация была попросту растащена. См. рапорт об этом от 8 октября 1918 г.: РГА ВМФ. Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 224–225.

¹⁰⁴⁹ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 82–86, 92–117.

¹⁰⁵⁰ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 645. Л. 13–15.

гетмана в сопровождении главы МИД Дорошенко. Характерно, что маршрут поездки (4–10 сентября) целиком отражал степень влияния на принимаемые решения различных германских инстанций: сначала в Берлине общие консультации с рейхсканцлером и членами кабинета, затем показательная встреча «двух монархов» в Вильгельмсхёе, призванная подчеркнуть важность визита для принимающей стороны, и наконец наиболее существенные материальные и военные вопросы решены в ОХЛ в Спа, причем так, чтобы бывший генерал-лейтенант, а ныне глава государства не смог бы почувствовать признаки германского поражения на Западе. Прочая программа затянувшегося визита — поездки к Крупну и в Киль — была явно светской, что на фоне сложной политической обстановки на Украине весьма показательно. Через 5 дней кайзер наконец определился с титулованием своего неавгустейшего союзника: 15 сентября было решено, что отныне гетмана следует именовать «его светлостью»¹⁰⁵¹. Данная поездка была с крайней ревностью воспринята в Вене, хотя она являлась частью якобы достигнутого к началу сентября очередного компромисса между Центральными державами по переделу сфер влияния в Восточной Европе.

10 сентября 1918 г. в качестве главного итога многодневного и полностью организованного (вплоть до охраны и транспорта) германской стороной визита Скоропадского в Германию украинским министром торговли и промышленности Гутником и послами Муммом и Форгачем было подписано соглашение¹⁰⁵²

¹⁰⁵¹ Нюансы поездки с точки зрения ближайшего окружения гетмана, которое подметило быстрый рост самоуверенности Скоропадского, начинавшего ощущать себя царствующей особой, см.: Украина на переломе. С. 703–705.

¹⁰⁵² Подробно об его разработке с учетом продления действия предыдущего истекавшего 31 июля 1918 г. см.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918*. S. 248–262. Тексты соглашений между Австро-Венгрией и Германией от 21 февраля, 18 мая и 27 июля 1918 г., а также договоренностей с участием Турции и Болгарии (об их доле в поставках с Украины). Важной частью соглашений был продиктованный Болгарии и Турции отказ от закупок некоторых дефицитных видов сырья, чтобы они не задевали интересы германской и австро-венгерской промышленности. См.: *Friedensverträge mit der Ukraine, Russland und Finnland*. S. 171–276.

о продолжении поставок Украиной Центральным державам продовольствия разного рода и сырья, сопровождавшееся подробным планом заготовок и закупок, а также компенсаций на случай недопоставок отдельных видов продовольствия¹⁰⁵³. Вполне детально оговорили и набор мер оккупантов для более эффективных поставок с Украины, то есть следовало ожидать роста прямого военного давления на крестьян и купцов, а также дальнейших жестких конфискаций и обысков. Для сохранения остатков престижа нового союзника Нибелунгов имели в виду и встречные, особенно угольные поставки, однако и они оставались куда ниже обсуждавшегося уровня¹⁰⁵⁴. Однако решения топливной проблемы куда более ожидали от урегулирования вопроса об эксплуатации шахт Донбасса, последовавшего в соглашении между Украиной и Доном 18 сентября¹⁰⁵⁵, заключению которого явно поспособствовали эмиссары Центральных держав.

Тяжелейшее разочарование и раздоры между Веной и Берлином относительно украинских продовольственных ресурсов, особенно драматически проходившие в июне-июле 1918 г., то есть перед уборкой урожая¹⁰⁵⁶, вылились в куда менее иллюзорные, нежели прежние, расчеты по поставкам¹⁰⁵⁷. Уже через неделю, то

¹⁰⁵³ См. текст: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 333–336. Поставки должны были производиться до 30 июня 1919 г., в том числе 350 миллионов яиц, 11–12 миллионов пудов скота, до 300 тысяч овец, до 2 миллионов голов птицы, 200 тысяч пудов мясных изделий, 2,5 миллионов пудов сахара, а также дополнительно излишки сахара в случае увеличения его производства на Украине. Изначальные требования Центральных держав были несколько смягчены, но в целом они смогли добиться своего. См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 258–259*. Позицию украинского министерства торговли и промышленности см.: Украина на переломе. С. 899–900.

¹⁰⁵⁴ См. подр.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 195–200*.

¹⁰⁵⁵ См. подр.: Украина на переломе. С. 151.

¹⁰⁵⁶ Каждое сокращение хлебного рациона на 50 г означало взрыв негодования в столицах Центральных держав, приближая революцию. См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918. S. 176–194*.

¹⁰⁵⁷ До этого полагали, что уже к декабрю будет поставлено до 40 миллионов пудов хлеба, хотя к 1 сентября официальные поставки составили менее 1 миллиона пудов.

гость 17 сентября, Грёнер вместе с Муммом — важный признак координации работы военных и дипломатов — выехали в Берлин, а затем и в Спа, чтобы обсудить дальнейшую политику на Украине. Сам Грёнер никаких специальных указаний в связи с надвигающимися радикальными шагами по заключению перемирия не получил, даже от Людендорфа¹⁰⁵⁸, а потому пытался действовать в рамках прежнего курса на прочный контроль над Украиной. Впрочем, уже к концу октября 1918 г. в ОХЛ опять констатировали, что по итогам сентября план поставок выполнен лишь на 21 %, хотя ситуация в последний месяц в связи со сбором урожая как раз улучшилась, пусть и временно¹⁰⁵⁹, ведь 1918 г. оказался довольно засушливым. Корнем же болезненного несоответствия надежд и реальности были еще и крайне завышенные подсчеты имевшихся на Украине запасов съестного¹⁰⁶⁰, а также недоучет реальных возможностей украинских железных дорог¹⁰⁶¹.

¹⁰⁵⁸ См.: *Groener W. Lebenserinnerungen*. S. 412–413. В. Грёнер лукавил, когда пытался сделать вид, что не вынес из посещения Спа впечатления о предстоящем признании состоявшегося поражения на Западе, ведь он получил достаточно много и неофициальной информации. В частности, якобы случайно его адъютант Р. Мертон, когда они были в Берлине, оказался у телетайпа и якобы чуть ли не первым узнал о прорыве Салоникского фронта, о чем сразу доложил и Грёнеру, так что оба они поняли, что война проиграна. См.: *Merton R. Erinnerungswertes aus meinem Leben*. S. 46.

¹⁰⁵⁹ См. письмо из Ставки в иностранное ведомство от 23 октября 1918 г.: *Die Auswirkungen der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution*. Teil 4. S. 1665–1666.

¹⁰⁶⁰ К финалу поставок 17 декабря 1918 г. было отправлено около 180 тысяч тонн продовольствия (из требуемого 1 миллиона), по зерну поставки были выполнены на 13 %. Характерно, что и новый, 1918 г. урожай не слишком исправил в целом неудовлетворительную для Центральных держав ситуацию. См.: *Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918*. S. 191–193.

¹⁰⁶¹ Так, в ОХЛ всерьез полагали, что из неэкспортированных за годы Великой войны запасов хлеба на Украине можно иметь в виду 7–8 миллионов тонн, в то время как местные магистрали могли вывезти едва треть такого количества. Возражения с мест, то есть из германских инстанций на Украине, продолжали не учитывать, вину постоянно возлагали на недостаточно энергичные действия местных властей. См.: *Velsen S. v. Deutsche Generalstabsoffiziere*, S. 289–290.

Визит в Германию прошел для гетмана тем успешнее, что придал его персоне совершенно иной вес в глазах германских военных, после возвращения Скоропадского в Киев уже не имевших возможности рисковать несоблюдением норм дипломатического этикета в отношении правителя, принятого всей военно-политической элитой Германии и удостоенного соответствующего титула. Однако сколько бы украинская историография ни пыталась представить результаты поездки гетмана к кайзеру как дальнейшее укрепление союза и выгодных взаимоотношений, в действительности она стала еще одним шагом к оформлению германского протектората над Украиной, а все дипломатические бонусы Скоропадскому лично искупались встречными его обязательствами от лица всей державы. Учитывая, что наиболее важные для Германии территориальные вопросы на Востоке были частично решены в рамках Добавочного договора с Советской Россией, то это — уже чисто экономическое — соглашение можно считать его украинским аналогом, причем важнейшим плюсом этого «добавочного к Берестейскому» договору можно считать то, что оно не нуждалось в согласовании с другими участниками Брестской системы, не считая Австро-Венгрии, не успевшей как-либо воспротивиться этому очередному поражению в схватке за влияние на украинском направлении.

Известие о начале обмена нотами с Вильсоном и о начавшихся политических переменах в Кайзеррейхе привели к быстрому избавлению гетманского режима от наиболее неудобных для него, но не самых важных обязательств перед оккупантами. 7 октября 1918 г. по инициативе украинской стороны были приостановлены переговоры в Киеве с большевиками. Гетман, чувствуя возможность разрыва с большевиками со стороны правительства Макса Баденского, санкционировал аресты большевистских дипломатов и консулов 12 октября¹⁰⁶², но он несколько опережал события. Полностью позиция Германии еще не определилась, надежда на снисхождение Антанты в обмен на совместные действия против большевистской опасности пока была ничем не подкреплена, а добавлять себе вра-

¹⁰⁶² При этом в Одессе были вскрыты каналы связи с подпольем, обнаружена масса подрывной литературы и т. д.: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 382–384.

гов немцы не желали. Поэтому германское командование фактически спасло большевистских делегатов в Киеве¹⁰⁶³, оттягивая разрыв и крах несущих конструкций Брестской системы. Продавливать ее укрепление или ликвидировать имевшиеся в ней изъяны штаб группы армий «Киев» или Обер Ост уже были не в силах: для этого не хватало ни военных средств, ни ресурсов имперской дипломатии и бюрократии. Резко оживившиеся в конце октября 1918 г. меры по борьбе не только с большевистским, но и с националистическим подпольем на Украине были встречены германским командованием, опасавшимся быстрой эскалации насилия, с неудовольствием, хотя украинское МВД вскрыло целую сеть складов с оружием, агитационной литературой и т. д. Тут же был поставлен вопрос о введении военного положения на всей территории державы, заблокированный (якобы) именно заместителем Мумма Берхемом¹⁰⁶⁴.

На оценках перспектив сотрудничества со Скоропадским или прежним его правительством сказывалась и подготовка к свержению гетманского режима слева. С помощью открытых на оккупированной территории сети консульств (не только на Украине, но, например, в Риге с лета 1918 г.) шли нелегальные поставки оружия большевикам, вернувшимся в германскую зону на различных условиях (от нелегального перехода до репатриации беженцев и военнопленных) в течение всего 1918 г. Они проходили в т. ч. с помощью уничтожения и подкупа германских постов, а порой и вербовки немецких солдат и даже унтер-офицеров¹⁰⁶⁵, это создавало условия для организации вооруженного восстания против оккупантов, хотя и не всегда предсказуемой (большевистской или националистической) ориентации.

Необратимая к середине сентября деградация оккупационной австро-венгерской администрации делала основным «партнером»

¹⁰⁶³ См.: *Пученков А. С. Украина и Крым. С. 65–67.*

¹⁰⁶⁴ Рейнбот вообще приписывает Берхему роковую роль в искажении германской политики на Украине (почти не упоминая Мумма), а в срыве мер по предотвращению свержения гетмана видит его последовательные усилия по устранению Скоропадского, даже через подкуп германских солдатских советов. См.: *Украина на переломе. С. 105–108, 111–113.*

¹⁰⁶⁵ См., напр., относительно Латвии: *Миран Я. Вооруженное восстание в Риге 3 января 1919 г. Рига, 1959. С. 37–45.*

германских войск на Украине уже будущие местные вооруженные силы, однако и к октябрю 1918 г. вопрос об их отношении к «союзной» Германии в случае боеспособности оставался как минимум открытым. Уверенность в том, что вступление в армию Украинской державы способно по меньшей мере надолго решить вопрос с личным устройством и пропитанием, разделяло главным образом офицерство, не имевшее иных источников заработка. Относительно местных уроженцев, бывших солдат и унтер-офицеров, ассоциировавших гетмана с реквизициями продовольствия, этого сказать было нельзя. Логичным следствием этого было то, что к концу октября, когда формирование гетманской армии достигло высшей точки (ведь далее начался ее распад и переход на сторону Петлюры), в ней по германским оценкам было до 3 тысяч офицеров и лишь 12 тысяч нижних чинов¹⁰⁶⁶. Причиной тому был почти полный провал попыток завербовать в армию бывших солдат-сверхсрочников, а тем более унтер-офицеров. Сказывалась и бессистемность работы наскоро созданных штабов: за полгода не смогли даже постепенно добиться от немцев выдачи нужного количества оружия и оснащения со складов¹⁰⁶⁷, а также собрать то, что в громадном количестве было рассеяно по округе¹⁰⁶⁸.

¹⁰⁶⁶ См.: *Fischer K. Deutsche Truppen und Entente-Intervention im Südrussland 1918/19. Boppard/R., 1973. S. 18.*

¹⁰⁶⁷ И это при том, что одновременно поставки вооружения в Добровольческую армию, на Дон, в другие белогвардейские образования шли почти непрерывно и в значительных масштабах. Этому содействовала как коррупция украинских чиновников, так и намеренное и плохо замаскированное содействие чинов гетманской армии и администрации эmissарам Алексеева. См., напр.: *Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны. С. 285–288.*

¹⁰⁶⁸ Слюсаренко: «...если поискать, можно набрать много ружей у населения. Пушки и мортиры в Кременчугском артиллерийском складе и разбросаны по всей губернии, куда их дотаскивали уходящие с фронта батареи, распрягали лошадей, а амуницию продавали, пушки бросали... в Золотоноше я видел 20 (!) вполне исправных пушек... четыре 6-дюймовые мортиры с ящиками... В Полтаве на дворе валялись две 10-дюймовых тракторных пушки и тракторы к ним... Повозки обоза и походные кухни, тысячи экземпляров... вполне обеспечивали формируемый корпус и даже всю украинскую армию... Инженерного имущества — имелось на складах

Штабы корпусов и дивизий с большим трудом изображали формирование армии, хотя для начала следовало бы сконцентрировать под надежной охраной имеющееся вооружение, и это — при явной заинтересованности в том, чтобы положить конец крестьянским восстаниям! Опираясь на такую базу, Скоропадский не смог бы контролировать ничего, кроме крупных городов, поэтому он искал внешнего врага для консолидации Украины вокруг себя¹⁰⁶⁹. Только при этом условии были надежды на успех первого призыва в украинскую армию, отложенного (что показательно) до 15 ноября и имевшего в виду до 85 тысяч рекрутов¹⁰⁷⁰.

Усилия немцев по ускорению формирования хотя бы кадров украинской армии фиксировали и австро-венгерские военные и дипломаты, мнения которых насчет желательности этого процесса расходились. Буриан был против, Арц фон Штрауссенбург готов был координировать содействие с Гинденбургом (Людендорфом). После существенных колебаний к концу октября 1918 г. в обеих Центральных державах все же пришли к выводу о желательности ускорения создания качественной, но немногочисленной гетманской армии, не раз это декларировав и отдав соответствующие приказы¹⁰⁷¹. Характерна уверенность многих очевидцев событий 1918 г. на Украине в том, что именно немцы организовали и вооружили петлюровские войска осенью 1918 г.¹⁰⁷², попросту

громадное количество... громаднейшие бунты колючей проволоки, сильно... поржавевшей (неоцинкованной)». См.: *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне... С. 295–297.

¹⁰⁶⁹ Антонов-Овсеенко в докладной записке 14 ноября оценивал все антибольшевистские силы на Украине в 60 тысяч человек (из них 20–30 тысяч в гетманской армии) и полагал, что эта цифра вряд ли сможет возрасти. См.: *Гражданская война на Украине*. Т. 1. Кн. 1. С. 422–424.

¹⁰⁷⁰ В начале осени, когда развал австро-венгерской армии стал очевиден, куда больше был заинтересован в ускорении формирования украинской армии в Вене и командующий Восточной армией двуединой монархии генерал от инфантерии Краусс. См.: *Beyer H.* Die Mittelmächte und die Ukraine. S. 56–58.

¹⁰⁷¹ См. подборку документов: *Ereignisse in der Ukraine*. Bd. 3. S. 398–411.

¹⁰⁷² Например, об этом писал В. В. Шульгин, степень информированности которого не позволяет игнорировать его версию при всей ее политической ангажированности. Обвинения в сторону Германии

сделав их своим орудием мести гетману за его попытки постепенно переориентироваться на Антанту, выразившиеся в активном стремлении нормализовать отношения с Добровольческой армией. Начало переговоров гетмана не только с проантантовскими силами, но и с эмиссарами Антанты немцам понравиться не могло, однако поддержка повстанцев Петлюры могла быть вызвана куда более серьезными причинами, нежели ревнивая месть «обманувшему» их ставленнику. По-прежнему плохо разбираясь в расстановке сил на Украине, германское командование искало силу, стремившуюся к сохранению отдельной от России (в том числе от белой) и по меньшей мере нейтрально относящейся к Антанте Украины¹⁰⁷³, что было важнейшим из условий дальнейшего существования Брестской системы, начало которому положил именно «хлебный мир». После неудачного опыта взаимодействия с украинскими социалистами весной 1918 г. никаких симпатий к Петлюре или иллюзий относительно дееспособности Директории германские офицеры тоже испытывать не могли, однако, так же как и до этого в Великороссии с большевиками, на Украине, кроме «самостийников», иного варианта, удовлетворяющего условиям функционирования Брестской системы, не просматривалось. Поэтому под давлением Центральных держав было согласовано образование коалиционного и куда более социалистического правительства с участием сторонников Рады 24 октября 1918 г. Эта новая политическая сделка была явной инерцией убеждения в прочности военного доминирования германской коалиции.

¹⁰⁷³ Наблюдавший гетманский режим из своего имения под Сумами Н. В. Савич писал: «Только по приезде в Яссы мы узнали, что немцы в последний момент перед эвакуацией (автор ошибается — Л. Л.) выпустили против гетмана и его правительства петлюровские и галицийские банды, желая тем подложить свинью союзникам. Сверх того, они поняли, что и Гербель, и сам Скоропадский такие же самостийники, как и любой русский человек подмосковного района. Видя, что они ошиблись в этих людях, они свели с ними счеты в последний момент, выпустили против них силы анархии и разложения». См.: *Савич Н. В.* Из Красного Петрограда на Белый Юг (воспоминания бывшего депутата Государственной Думы) // Русское прошлое. № 3 (1992). С. 119.

ции, а потому она развалилась параллельно Четверному блоку всего за 3 недели. Все последующие теории заговора о германо-петлюровском сговоре были построены без учета этой системной логики.

Нет ничего странного в том, что первым кандидатом на роль послушного, но не скомпрометировавшего себя и не окрепшего еще правительства Украины стали лидеры бывшей Центральной рады, а впоследствии Директории. Еще в ходе визита в конце октября в Киев Леопольда Баварского в частных беседах был поставлен вопрос о том, почему не был привлечен к формированию националистического кабинета Лизогуба Петлюра, хотя некоторые авансы делались куда более левому и менее авторитетному Винниченко. Из украинского правительства сообщили, что вскоре закончат рассмотрение дела и соратников Петлюры освободят¹⁰⁷⁴. В том, что теперь украинских националистов можно будет сравнительно легко держать под контролем, немцы не сомневались. Попыткам С. Петлюры, — выпущенного министром внутренних дел (затем — юстиции) В. Е. Рейнботом из-под ареста лишь по их протекции (едва ли не угрозой насильственного освобождения)¹⁰⁷⁵) и только 10 ноября, — завязать отношения с Антантой они значения не придавали, полагая это естественной реакцией на предшествующий конфликт. Ожидая, по-видимому, быстрого свержения гетмана украинскими националистами и захвата ими военно-административного аппарата управления без какой бы то ни было борьбы, германское командование заранее готовилось к продолжению партнерства с правительством Украины, каким бы цветом сверху оно ни вывешивало жовто-блакитный прапор.

¹⁰⁷⁴ По словам Рейнбота такой вопрос прямо задал ему тогда «один германский генерал» (очевидно, из Овер Оста, явно не Грёнер, но и не Гофман, а возможно, один из генштабистов и не генеральского звания). См.: Украина на переломе. С. 100–101.

¹⁰⁷⁵ Так пытался представить события в воспоминаниях Скоропадский, хотя не исключен вариант его неоправдавшегося расчета на очередной компромисс с украинскими националистами в преддверии краха интервенции Центральных держав. См.: Лученков А. С. Украина и Крым. С. 163–164. Версию самого Рейнбота см.: Украина на переломе. С. 101–104, 848–850.

Закулисные, а то и заочные сделки гетмана с дистанцировавшейся от контактов с Германией Добровольческой армией к началу ноября 1918 г. грозили выйти на новый уровень. Это могло добавить решимости в требования немцев освободить Петлюру, призванного стать противовесом проантантовским «великоросам» на Украине, которую Германия еще надеялась оставить за собой. Вплоть до последнего момента немцы не исключали возможности возобновления прочного союза с гетманом, если он одумается или если по достижении желаемого прочного союза с Добровольческой армией он сумеет изменить после смерти Алексеева (7 октября) ее категорически проантантовскую позицию. Петлюра в этом случае должен был остаться лишь инструментом шантажа, избавиться от которого немцы вплоть до ноября планировали столь же легко, как и от частей, поддерживавших Центральную раду в апреле 1918 г. В противном случае Директория представлялась немцам даже более удобным, чем гетман, проектом по сохранению «самостийной» Украины, так как последний и стоявшие за ним вооруженные отряды слишком быстро вызвали жгучую ненависть украинского крестьянства. Хотя это было вызвано в первую очередь действиями по сбору продовольствия в интересах Центральных держав, гетман мог быть сделан главным виновным, в то время как у оккупационного режима появилась бы новая, пока еще не скомпрометировавшая себя ширма — Директория. При условии конструктивного сотрудничества и учитывая все более сложную обстановку на фронтах, немцы даже пошли бы на постепенные уступки правительству возрожденной УНР, сделав его более самостоятельным и переложив на него же значительную часть работы по поддержанию порядка на территории Украины. Поэтому вполне вероятной представляется версия о том, что, как только появились слухи о подчинении гетмана и его армии формирующимся во главе с Деникиным ВСЮР, «кнопки были нажаты», и немцы добились освобождения Петлюры, одновременно противодействуя набору и формированию офицерских дружин¹⁰⁷⁶.

¹⁰⁷⁶ См. воспоминания Левитского: Пученков А. С. Украина и Крым. С. 244.

Все это дает основания В. Баумгарту и спустя несколько десятилетий после публикации его основных исследований о германской политике на Востоке в 1918 г. придерживаться мнения, что не будь Грёнер отозван 26 октября 1918 г. из Киева, то довольно быстро на Украине сформировался бы своеобразный триумvirат Грёнер — Винниченко — Скоропадский, ведь останься первый из них в Киеве, он бы смог не допустить очередного быстрого разворота внешнеполитического курса Украинской державы¹⁰⁷⁷. В пользу этой версии говорит и то, что, несмотря на серьезные протесты части своего окружения и демарш 10 членов правительства в прямо противоположном духе¹⁰⁷⁸, гетман как раз накануне, 24 октября, пошел на существенное переформирование кабинета министров в более националистическом духе. Во главе кабинета остался Лизогуб, хотя все больше власти получал проявивший себя как жесткий борец с аграрными беспорядками и инициатор массовых арестов социалистов (в середине сентября) министр внутренних дел Кистяковский, что вряд ли способствовало популярности перемен. Для убедительности более украинской ориентации гетмана был снят со своего поста лидер прорусской партии в его окружении Стеллецкий. Насколько успешной могла бы быть подобная очередная попытка Украины занять нейтральное положение, останется, разумеется, неизвестным. В окружении гетмана рассматривался, но был не реализован¹⁰⁷⁹ вариант компромисса вовсе не с Винниченко, искавшим тайных контактов с Раковским (и затем встретившегося с его заместителем Мануильским), а с Петлюрой. Ведь эти два лидера восстанавливаемой УНР смогли быть друг другу союзниками только в деле подготовки и начала восстания, но не далее. Почти сразу после так давно желаемого штабом группы армий «Киев» переформирования правительства гетман был потрясен отзывом 26–27 октября вполне устраивавше-

¹⁰⁷⁷ См.: *Baumgart W. General Groener und die deutsche Besatzungspolitik in der Ukraine 1918. (Vortrag, Mainz, 2011). S. 338.*

¹⁰⁷⁸ «Записка десяти» о необходимости курса на единение с небольшевистской Россией была подана Лизогубу 18 октября, что и спровоцировало правительственный кризис. См. подр.: Украина на переломе. С. 190–192, 897–898.

¹⁰⁷⁹ *Маляревский (Сумской) А. На переэкзаменовке. С. 135.*

го его Грёнера¹⁰⁸⁰, посчитав, что это начало свертывания германской поддержки вообще, а значит теперь оправданны почти любые политические маневры. Единственным выходом для гетмана в начале ноября оставалось введение военного положения в одной губернии за другой.

Как только первоначальная растерянность из-за быстрого развала Центральных держав гетманских властей была преодолена, передать Киев (или хотя бы ряд крупных городов в Донбассе) под контроль Деникина простыми и откровенными распоряжениями прямо из Екатеринодара¹⁰⁸¹ оказалось невозможно. Давно назревавший офицерский переворот в пользу объединения с проантантовской Добровольческой армией постиг явный фальстарт. Командование группы армий «Киев» осознало, что гетман еще может сыграть роль приемлемого и не слишком проантантовского режима, согласного на длительное пребывание оккупационных войск и дальнейшее сотрудничество, что гетман не собирается передавать власть Деникину, а готов на укрепление союза лишь с Доном,

¹⁰⁸⁰ Весьма характерно для скорости действий и реализации решений германскими эмиссарами то, что, получив из Спа приказ выехать в Ставку вечером 26 октября, В. Грёнер отправился из Киева вечером 27 октября, а по дороге в Берлине (29 октября) еще и задержался на пару часов, чтобы посетить семью. Так что в Спа он прибыл утром 30 (!) октября, то есть почти на 2 дня позже возможного срока. *Groener W. Lebenserinnerungen. S. 417–418, 440.* Грёнер не мог не понимать, что буквально каждый час приближает Германию к необратимым переменам и поражению в Великой войне. Своеобразной расплатой за это стало то, что отправленный позже багаж Грёнера и его адъютанта, его лошади и бумаги были потеряны денщиками в Варшаве в ходе начавшихся там уже через 10 дней беспорядков. Ряд важнейших документов был при этом утрачен. См.: *Merton R. Erinnerungswertes aus meinem Leben. S. 46.*

¹⁰⁸¹ 13 ноября 1918 г. «Голос Киева» опубликовал приказ Деникина о принятии им командования всеми ВСЮР. Тут же к военному министру явился генштабист Барцевич из окружения лишь незадолго до этого прибывшего в Киев генерала Ломновского, чтобы добиться от него соответствующих распоряжений. (см.: *Пученков А. С. Украина и Крым. С. 243–245; Украина на переломе. С. 944–946*). Эта поспешная выходка вызвала изрядное раздражение гетманского правительства, опасавшегося лишиться остатков офицерских кадров. См.: *Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // АРР. Т. 15. С. 46–47.*

но было уже поздно. Украинская действительность, а еще более быстрый и порой неуправляемый процесс разложения оккупационных, особенно австро-венгерских войск положили этим надеждам конец. Более того, гетманские войска наряду с германскими частями вынуждены были отвлекаться на подавление погромов и мятежей австро-венгерских войск, не дождавшихся отправки на родину¹⁰⁸². Уже 1 ноября имевшаяся в виду для усиления группировки в Румынии и перебрасываемая через Одессу 7-я ландверная дивизия была задержана, а затем подчинена группе армий «Киев». Теперь именно прибывшему в город 6 ноября штабу дивизии и 52-й бригады приходилось поддерживать порядок в этом огромном городе, хотя силы были невелики¹⁰⁸³. Тем временем еще лишь ожидавший освобождения Петлюра смог аккумулировать почти всю силу народного возмущения гетманом и оккупацией, что при предоставлении германского вооружения, а также захвате и покупке австрийского у отправляющихся на родину войск бывшей двуединой монархии¹⁰⁸⁴ и при условии снабжения сделало его войска самостоятельной и на некоторое время едва ли не главной силой на Украине.

¹⁰⁸² Например, 2–5 ноября в Жмеринке, где дошло до масштабного разоружения бывших оккупантов. В Одессе они продавали винтовки по 5 рублей (!) штука, пока не пришли германские части. 6 ноября гарнизон Ольгополя освободил арестованных, вооружил их, напал на варту и устроил погром, причем все это под руководством офицера. Со станции Слободка «крестьяне подводами вывозят из оставленного австрийцами склада оружие и снаряды». В Херсонской губернии австрийские солдаты грабили квартиры и украинские склады: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 401–403, 405, 412–414, 443.

¹⁰⁸³ Так, в самой Одессе были части 122-го резервного, 121-го и 126-го ландверного полков (ни один из них не был в полном составе), эскадрон кавалерии, 1-й полк полевой артиллерии (2 дивизиона), рота саперов, связисты. Общую численность, включая штабы, следует оценить в 3,5–4 тысячи бойцов плюс некоторое количество нестроевых. См.: HStA Stuttgart. M 410. Bd. 793. Bl. 5.

¹⁰⁸⁴ Так, командир варты на станции Балты (впоследствии явно перешедший на сторону УНР) отобрал у отряда австрийцев 6 орудий, 4 пулемета, 2000 снарядов, 100 винтовок и т. д. См.: Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 419.

ГЛАВА 9

ОККУПАЦИОННАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: КРЫМ В 1918 г.

По окончании «Фаустшлага» в рамках Ostpolitik Крым оставался буферной зоной, где интересы Кайзеррейха были прикованы к Севастополю и бывшему Черноморскому флоту¹⁰⁸⁵, в то время как остальная территория полуострова не доставляла оккупантам особенных проблем. Поэтому возглавлявший Навигационно-техническую комиссию (Натеко) А. Хопман в мае 1918 г. быстро переехал из Одессы в Севастополь, где и продолжал заниматься налаживанием судоходства в акватории Черного моря. Ту же задачу относительно западного побережья и Дуная решала особая инстанция в румынской Браиле. Филиалы в Одессе, Николаеве и Херсоне обеспечивали контроль над основными портами и судостроительными мощностями. Положительно на устойчивости оккупационного режима сказывалось и то, что Крым не пришлось делить с амбициозным австро-венгерским командованием, хотя дополнительные сложности доставляли специфические османские притязания на контроль над бывшими вас-

---

¹⁰⁸⁵ В июне 1918 г. в рамках этого подхода германское командование давило на флотские инстанции Украины, чтобы побудить ее к большей уступчивости под гарантию того, что ни Крым, ни Черноморский флот большевикам не достанутся. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 644. Л. 62–64.

сильными территориями. Уже не раз возымевшая негативные последствия брестская игра в самоопределение наций теперь проявилась и в участи Крыма.

В контактах с татарскими политиками из собравшегося вновь (после декабря-января 1917–1918 гг.) 10 мая 1918 г. курултая интервенты разочаровались быстро. Кратковременное укрепление в Крыму власти большевиков в марте-апреле 1918 г. заставило татарских активистов бежать за море, где уже 14 апреля началась кампания в поддержку братьев по вере и потенциальных вассалов. Уже 19 апреля Сект сообщил в Ставку из Константинополя, что Порты желает образования самостоятельного мусульманского государства в Крыму¹⁰⁸⁶. Захват полуострова германскими интервентами поначалу не был воспринят как финал пантюркистских мечтаний. С подачи вернувшегося из Константинополя уже 11 мая Д. Сейдамета¹⁰⁸⁷ в курултае по-прежнему ориентировались в основном на Османскую империю, в чем быстро убедились и германские военные. Однако Людендорф не собирался позволять туркам закрепляться на северном берегу Черного моря, да и сами крымские татары не желали безусловного восстановления исторического вассалитета. Категорически воспротивился идее об отправке хотя бы символического османского контингента в Крым и германский посол в Константинополе Бернсторф, поэтому демонстрация флага ограничилась прибытием в порты судов под турецким флагом, да и то с явно германскими членами экипажа. Татары представляли недостаточно крупную часть населения Крыма, чтобы Германия сделала на них ставку, да еще и претендовали на демократическое государственное устройство. Раздражать именно эту силу, настроенную резко антибольшевистски, германское командование не хотело. Однако и серия показательных экзекуций над увлекшимися акциями возмездия татарами в первой половине мая показала, что особое покровительство оккупантов на них не распространяется.

¹⁰⁸⁶ См.: *Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Bündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940. S. 191, 193.

¹⁰⁸⁷ См.: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. С. 373–377.

ОХЛ на совещании 13 мая пребывало в некоторой растерянности насчет того, «кому принадлежит Крым, ведь Украина на это до сих пор никаких претензий не высказывала»¹⁰⁸⁸, что доказывает весьма условную информированность Людендорфа об истинном положении дел. Высказывались получившие широкую известность проекты перехода Крыма под власть в Германии в той или иной форме. Даже супруга кайзера была увлечена проектом превращения полуострова в плотно заселенную немцами из рейха или из других российских регионов колонию. Первая же (поспешная и поверхностная) попытка Людендорфа действовать в этом направлении открыто вызвала бурю возмущения и в Киеве, и в Константинополе, а потому Грёнер быстро устроил этому проекту «похороны по первому разряду», даже не опасаясь гнева главы ОХЛ¹⁰⁸⁹. Крым был удобен и для более открытой по сравнению с Украиной деятельности монархических организаций, сотрудничества с которыми требовали многие представители германских военных и дипломатических кругов, хотя оценки эффективности сильно разнились.

Избранный было главой правительства Сейдамет уже к концу мая вынужден был смириться с будущим переформированием кабинета на прогерманской основе. Совершенно не устраивало германскую оккупационную администрацию и местное земское движение, преимущественно кадетское, а значит, и проантантовское, поэтому попытки его съездов были пресечены. Все это привело к установлению в течение июня (к 25-му) в Крыму — аналогичного гетманскому — правительства во главе с генералом М. Сулькевичем формально националистической ориентации, достаточной для того, чтобы исключать воссоединение с Россией¹⁰⁹⁰. Несмотря

¹⁰⁸⁸ См.: PA AA. Großes Hauptquartier. Kriegsziele. Bd. 16a. Bl. 137.

¹⁰⁸⁹ См. подр.: *Velsen S. v. Deutsche Generalstabsoffiziere*. S. 290–291.

¹⁰⁹⁰ Перипетии становления правительства Сулькевича с участием генерала Коша и германских офицеров фон Бринкмана (из Обер Оста) и Энгелина (начальника штаба у Коша) в записках нескольких участников событий (в т. ч. В. С. Налбандова) см.: Крымское краевое правительство в 1918/1919 гг. // Красный архив. 1927. № 3. С. 97–111. К сожалению, личные фонды этих германских офицеров, проводивших на Востоке почти всю Великую войну, в германских архивах не сохранились.

на то, что переворота или конфликта с татарскими националистами не было, а сам Сулькевич казался фигурой более чем компромиссной, образование краевого правительства (с большим участием местных либеральных деятелей и при последовательном контроле германских генштабистов — начальника штаба 52-го генерального командования полковника Энгелина и эмиссара из штаба группы армий «Киев» майора Бринкмана) настолько напоминало «по построению» киевский образец, что поневоле заставляло задуматься о судьбе будущего преобразования всех прогерманских режимов. Литовский татарин Сулькевич, как и Скоропадский, подходил интервентам как бывший командующий соответствующих национальных частей бывшей российской армии. Он был кадровым генералом, крайне мало связанным с действительно националистическими и тем более социалистическими кругами. Германское влияние и на состав, и на действия бессильного без интервентов кабинета министров было очевидно вплоть до абсурдности попыток хоть как-то его маскировать.

Перебравшаяся в Севастополь Натеко 9–10 мая под руководством вице-адмирала А. Хопмана медленно — из-за тщетных попыток Австро-Венгрии лишить Германию роли единоличного лидера¹⁰⁹¹, — но верно продвигалось к установлению определенного *modus vivendi* на Черном море. Полномочия командующего сильно ослабленной Средиземноморской дивизией, базировавшейся на Константинополь, то есть вице-адмирала Х. фон Ребейра-Пашвица, и шефа германской военно-морской миссии на Черном море, то есть Хопмана, были разграничены 19 июня 1918 г. не без труда. Тем самым *de facto* Хопман (до конца октября) оказался во главе собственно «брестской» политики в Причерноморье, а Ребейр-Пашвиц сосредоточился на продолжающейся войне с Антантой.

В вопросы, не связанные с Черноморским флотом и судоходством в акватории, ни Хопман, ни даже глава оккупировавшего полуостров 52-го генерального командования генерал Кош почти

¹⁰⁹¹ Так, на первое же заседание 26 декабря 1917 г. явилось аж 15 габсбургских офицеров во главе с генерал-майором. См. версию событий в конце 1917 — весной 1919 г.: *Hopman A. Das Kriegstagebuch eines deutschen Seeoffiziers. B., 1925. S. 262ff.* Подп. см.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 68–71.*

не вмешивались, не ощущая в этом должной необходимости. Это казалось логичным в связи с быстрым установлением сравнительно устойчивого оккупационного режима, сопротивления которому — по сравнению с Украиной — почти не было. Весь полуостров был поделен на три оккупационных округа, каждый из которых контролировался в лучшем случае бригадой смешанного состава. В первые недели мая 1918 г. командир Баварской кавалерийской дивизии, поднаторевшей в оккупационной миссии еще в Румынии в 1917 г., генерал-майор барон фон унд цу Эглофштейн оповестил о введении ответственности за саботаж, восстановлении судопроизводства и о жесткой цензуре в печати¹⁰⁹². Поспешные аресты матросов не слишком помогли наведению порядка на судах, хотя задержанных не отпускали несколько месяцев¹⁰⁹³. Немалую тревогу интервентов уже в мае-июне 1918 г. вызывало скопление русских офицеров в Севастополе, а также радиопереговоры¹⁰⁹⁴, в которых видели попытки сговориться о совместных действиях с кораблями, ушедшими в Новороссийск. Жесткий контроль над судоходством в первую очередь приостановил активные перевозки и бесконтрольную эвакуацию, в том числе граждан Украины и военнопленных армий Центральных держав из Закавказья.

Очень скоро Хопман — к явному удовольствию его шефа Хольцендорфа — попытался занять максимально независимую от ОХЛ позицию в проведении германской политики и стратегии во всем Причерноморье. Отчеты свои он направлял в Адмиралштаб, а уж там решали, делиться ли полученной информацией. Это не могло не спровоцировать между властолюбивым Людендорфом и ревностно оберегающим свое старшинство (и дослужившимся-таки 31 июля 1918 г. до чина гросс-адмирала) Хольцендорфом не первый, но решающий конфликт, который закончился отставкой

¹⁰⁹² См.: РГА ВМФ, Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–16.

¹⁰⁹³ В сентябре уже украинское морское министерство просило командующего группой армий «Киев» отпустить арестованных еще 3 мая матросов (21 человек). См.: РГА ВМФ, Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 161.

¹⁰⁹⁴ Характерно, что столь же жесткую информационную монополию в Севастополе в феврале 1919 г. установят и захватившие местную радиостанцию французы. См.: РГА ВМФ, Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 71.

последнего в начале августа¹⁰⁹⁵. Очередные разногласия между армией и флотом негативно сказались на общем планировании дальнейших локальных операций на Востоке — в Финляндии и под Петроградом, а также в Закавказье. Давно назревавший — несмотря на сделавшего нужные выводы из некогда громкой отставки Тирпица Хольцендорфа — конфликт в предельно обостренной атмосфере рокового кризиса на Западе не мог закончиться без существенных результатов. Формально не столь уж приоритетные проблемы далекого Крыма позволили Людендорфу преодолеть старое «флотское лобби» (например, со стороны главы военно-морского ведомства адмирала Э. фон Капелле), избавиться (к 10 августа 1918 г.) от получившего максимально почетную отставку Хольцендорфа и заменить его схожим с самим главой ОХЛ темпераментом и амбициями Р. Шеером¹⁰⁹⁶. Флот от этого только выиграл, ведь был сделан решающий шаг к формированию к 12 августа ЗКЛ. Поддержку в этой кадровой битве ОХЛ против строптивого флота оказал недавно назначенный тогда бывший контр-адмирал, а теперь глава германской дипломатии, опасавшийся тяжелых последствий отчаянных усилий Хольцендорфа привлечь на свою сторону симпатии кайзера¹⁰⁹⁷. Чтобы положить конец любым попыткам флотских офицеров мешать его проектам в Закавказье, Людендорф 24 августа зафиксировал, что Кресс в Тифлисе Хопману ни в какой степени не подчинен, что прибавило разногласий между ними, хотя такая схема подчинения явилась бы вполне логичным оформлением целостной стратегии в последовательно устанавливавшемся германском присутствии в Причерноморье в целом и в отдаленном даже от Севастополя Закавказье в частности.

¹⁰⁹⁵ См. подр.: *Baumgart W.* Neue Quellen zur Beurteilung Ludendorffs: der Konflikt mit dem Admiralstabschef über die deutsche Schwarzmeerpolitik im Sommer 1918 // *MGM. Bd. 6. H. 2. S. 161–177.*

¹⁰⁹⁶ См. подр.: *Fischer J.-U.* Admiral des Kaisers. S. 250–254.

¹⁰⁹⁷ Например, Хольцендорф — в обстановке явной деградации неограниченной подводной войны — вплоть до начала августа 1918 г. настаивал на активных действиях подлодок у побережья США. Хинтце не без труда парировал эти красивые фантазии угрозой о вступлении в войну еще и Испании. См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 457–459.*

Адмиралштаб твердо был намерен добиться максимально эффективного использования полученного от императорского Черноморского флота «наследства». Для этого германское командование было готово пойти на определенные уступки рабочим судостроителям, вполне осознавая, сколь важно предоставить им способ заработка, чтобы противодействовать популярности большевизма¹⁰⁹⁸. Общий уровень жизни рабочих, даже сохранивших благодаря немцам заработок на военных заводах и в мастерских, был крайне низок на всей оккупированной территории, однако из-за разной продолжительности оккупации и материал для сравнения был повсюду различный. То, что считалось крайне низким жалованьем в Либаве¹⁰⁹⁹, оккупированной задолго до установления в России революционных порядков, могло сойти за счастливую возможность хоть как-то свести концы с концами в Севастополе. Рассчитывать в своих усилиях в противовес интервентам и лично Хопману на местные власти населению полуострова не приходилось. Даже рыбные ресурсы акватории полуострова намеревались использовать с помощью завоза в Крым германских солдат, бывших по профессии рыбаками¹¹⁰⁰, что подчеркивало, что полагаться на местные кадры оккупанты не собирались.

Правительство Крыма в полной мере так и не состоялось, заявления Сулькевича вызывали либо крайне пассивную реакцию крымских татар, либо недовольство ориентировавшейся на земцев-кадетов местной русской общественности. Крайнюю настороженность всех коренных наций вызывали попытки обеспечить представительство в правительстве и немцев-колонистов, получавших наиболее твердые гарантии защиты их владений, как далеко в степи они бы ни находились, невзирая ни на какие инфраструктурные трудности. Репутацию местного кабинета министров подрывало отсутствие местной валюты, так что Крым превратился в зону самых причудливых махинаций и очень вы-

¹⁰⁹⁸ Готовность Хопмана к компромиссам с рабочими, пусть и не всегда действенным, признавали даже советские историки. См.: Крейзель Ю. Профессиональное движение. С. 137–139.

¹⁰⁹⁹ Недоволен был жалованьем рабочих в Либаве и Митаве осенью 1918 г. член СДПГ А. Винниг. См.: Winnig A. Am Ausgang. S. 7.

¹¹⁰⁰ См.: Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. С. 476.

кого курса марки (1 рубль за марку). Крымские кадеты упорно дистанцировались от слишком очевидно марионеточного про-германского правительства, а потому последнее никак не могло нащупать почву под ногами. Высшие германские командные инстанции (группа армий «Киев») и вовсе игнорировали всякие формальности в отношении крымского правительства, порой его не замечая¹¹⁰¹, что предвещало ликвидацию проекта, как только назреет в этом необходимость. Так, проводились демонстрации силы и облавы в Севастополе (в июле-августе) в поисках оружия в рабочих кварталах без всякого согласования с правительством Крыма. Быстро разгоревшийся показательный конфликт в форме подчеркнутого взаимного игнорирования затруднял работу оккупационных инстанций, не собиравшихся как-то считаться с этой враждой и мешавших установлению четкой границы. В ходе визита в Крым Эйхгорна и Мумма в начале июля никаких формальностей в отношении «независимого» Крыма высокопоставленные эмиссары не соблюдали. Резкие протесты крымского правительства по этому поводу 11–12 июля 1918 г. были сравнительно легко преодолены, хотя и демонстративной отставки Сулькевича генерал Кош не допустил¹¹⁰². Параллельно продолжали торговаться о судьбе Крыма на большевистско-украинских переговорах в Киеве. Все более очевидным истинным лидером местной власти становился вместо и Д. Сейдамета, и М. Сулькевича граф Татищев, отвечавший и за переговоры с германскими ведомствами, а также к их удовлетворению очистивший кабинет от явно протурецких элементов¹¹⁰³.

Так как Причерноморье довольно далеко от эпицентра принятия стратегических решений, то процесс редактирования, а затем деградации Брестской системы сказывался там с запозданием. Важным признаком этого было то, что уже в августе 1918 г. приступили к сворачиванию (излишних) отдельных военных струк-

¹¹⁰¹ Так было при визите Эйхгорна и Мумма в Крым: Крымское краевое правительство в 1918/19 гг. С. 111.

¹¹⁰² Крымское краевое правительство в 1918/19 гг. С. 124–126.

¹¹⁰³ В сентябре 1918 г. последовал кризис и попытка переформирования правительства без Татищева и ряда других местных аристократов. Тогда же распустился и курултай. См.: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. С. 386–390.

тур Крыма, в том числе морских (еще менее украинских имевших шансы состояться)¹¹⁰⁴. Все конфликты между двумя лимитрофами германское командование улаживало указанием на границы их полномочий, попросту диктуя, кто из них и за что отвечает. Временный и разменный статус Крыма только усиливался неопределенностью германских планов, простиравшихся от идиллических проектов сплошной его немецкой колонизации до присоединения к одному из наиболее нужных и послушных сателлитов (Османская империя, Украинская держава, Юго-Восточный союз во главе с Доном). На этом фоне показательные попытки изобразить подготовку созыва крымского парламента, меры по разработке местной конституции долгое время не выдерживали никакой критики. С выходом на финишную прямую подписания Добавочного договора настал момент для прояснения официальной германской позиции по судьбе самостоятельного Крыма. Хинтце, выслушав прибывшего в Германию Татищева, согласился помочь в устранении чинимых Украиной экономических препон и приветствовал налаживание дальнейших торговых связей, однако дал понять, что ни о каких официальных политических связях речи быть не может¹¹⁰⁵. В итоге едва ли не первой жертвой стабилизации курса Ostpolitik из государственных проектов стал «независимый» Крым.

В рамках попыток стабилизировать и упростить систему немцы к осени 1918 г. пришли к выводу о том, что существование даже послушного, но самостоятельного Крыма себя не оправдывает. Правительство Сулькевича обречено было стать разменной монетой в попытках наладить относительно прочное взаимодействие с более крупными участниками брестского порядка. Варианты

¹¹⁰⁴ Например, была согласована передача в ведение флота Украины архива бывшего Черноморского флота и его перевозка из Севастополя в Николаев и Киев. Требовали и возвращения материалов, отобранных германским командованием. Русские офицеры жаловались на воровство немцами имущества крепости и порта. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 5; Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 34. Л. 15.

¹¹⁰⁵ Об этом он тут же (24 августа) сообщил Мумму, чтобы тот немедленно воздействовал на гетмана и на Лизогуба: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 516–517.

были различны: от предоставления возможности развернуть в Крыму связанные с Добровольческой армией воинские формирования, если последняя твердо заявит об отсутствии всякой ориентации на Антанту, до согласия на возвращение полуострова большевистской России, если той удастся возобладать в боях на Северном Кавказе, а также, вероятно, в обмен на встречные принципиальные уступки дипломатического и территориального характера. Поскольку единства в вопросах поддержки красных или белых среди германских военных и дипломатов по-прежнему не наблюдалось, то к октябрю был выбран менее масштабный, но чрезвычайно ценный для сохранения поставок сырья с Востока вариант — постепенное вхождение Крыма в состав гетманской Украины на неких федеративных началах. Однако допускать на полуостров украинские войска, поделить с ними оккупационные задачи в Крыму в связи с необходимостью выделить силы в Грузию германское командование не собиралось. Напротив, в середине августа часть сил 212-й пехотной дивизии была даже перебросена из богатых зерном колониистских районов под Одессой и Николаевом в Севастополь, где угроза беспорядков считалась более острой. Германское командование шло на риск снижения эффективности поставок зерна ради более прочной монополии в контроле над Крымом. Отправку из Севастополя все новых войск в Грузию (вплоть до середины сентября) местные политики воспринимали как доказательство дальнейшей успешной экспансии Германии, а потому внезапного поворота в судьбе «суверенного» Крыма не ожидали.

Наладившееся было взаимопонимание между Хопманом и Кошем было осложнено появлением как раз накануне финала оккупации новой командной инстанции — губернатора в Севастополе генерал-лейтенанта фон Вальдерзее. Погубивший свою карьеру еще в первый месяц войны бывший начальник штаба 8-й армии потратил 4 года на то, чтобы оправдаться (частично аргументированно¹¹⁰⁶) и задействовать все свои связи ради получения хотя бы

¹¹⁰⁶ См. подр.: ВА-МА. RH 61/735. Судьбоносное решение Приттвица и Вальдерзее об отступлении вечером 20 августа 1914 г. возымело едва ли не больше стратегических последствий, нежели знаменитый отход на Марне 8–9 сентября, прямо связанный с последствиями исхода сражения

какого-нибудь поста. Теперь он готов был рьяно взяться за дело и попытаться срочно проявить себя, что привело к ряду конфликтов, ведь к концу 1918 г. этика ведения дел, да еще и в специфических условиях оккупированных российских территорий сильно контрастировала с устаревшими подходами и амбициями графа фон Вальдерзее.

19 сентября 1918 г. стало известно, что германские офицеры, предназначенные для экипажей вводимых в состав германского флота бывших российских судов, в том числе линкора «Воля», начали уезжать из Севастополя¹¹⁰⁷. Период наращивания мощи Центральных держав на Черном море и отчаянных усилий Хопмана по восстановлению минимально необходимого судоходства, в т. ч. в сфере траления мин и деятельности маяков, сменился быстрым сворачиванием активности, за которым могло последовать только одно: смена хозяина черноморской акватории. Однако вновь сказалась инерция прежних проектов, к тому же расставаться с оккупированными землями на Востоке Германия не собиралась даже в случае крушения Болгарии и сговора Турции с Антантой, в чем ее подозревали давно. С конца сентября главные акторы Брестской системы пытались согласовать проведение в Одессе аналогичной Либавской конференции о судьбах торгового флота на Черном море и процессе траления мин¹¹⁰⁸. Кроме того, германское командование было крайне заинтересовано в приобретении

при Гумбинене. Данный вопрос стал одной из важнейших тем специальных служебных расследований еще в ходе Великой войны и тем более в межвоенный период.

¹¹⁰⁷ См.: *Hopman A. Tagebuchaufzeichnung, 19. September // Von Brest-Litovsk... S. 602.*

¹¹⁰⁸ Однако часто оказывалось, что инстанции в Москве, Киеве и Берлине не информируют друг друга о целях и даже самом факте планируемых переговоров, а также перекладывают инициативу друг на друга. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 645. Л. 22, 31, 34. В это же время (август-сентябрь 1918 г.) местные органы власти и военные вели активную переписку о выделении необходимого военного имущества для бригады траления мин, его перевозке и т. д. В случае затяжек необходимое имущество вывозилось германскими и австро-венгерскими солдатами явочным порядком, не обращая внимания ни на какое опечатывание. См., напр.: РГА ВМФ. Ф. Р-403. Оп. 3. Д. 12.

(включая строящиеся в Николаеве) или хотя бы в аренде у России (какой — не важно) ряда транспортных и нефтеналивных судов, от чего большевики отговаривались указанием на то, что это было бы нарушением с их стороны нейтралитета в войне с Антантой (!), что было явным издевательством. 6 октября морской эксперт Советской России на переговорах в Киеве Терентьев, добивавшийся разрешения с августа, выехал в Севастополь для участия в переговорах о судьбе флота, не исключая и захваченных еще в апреле судов в Одессе и Николаеве¹¹⁰⁹.

В конце сентября нарастающая противоречивость в распоряжениях о перегруппировке между Донбассом, Грузией, Одессой и Румынией и переброске германских войск была увеличена еще и лихорадочной подготовкой грядущей обороны Крыма и, в первую очередь, Севастополя от антантовского десанта¹¹¹⁰. 1 октября 1918 г. линкор «Воля» и ряд иных судов официально были приняты на германскую службу с согласия Советской России, с условием, что после окончания мировой войны он будет возвращен России или Украине¹¹¹¹. Их команды должны были быть эвакуированы в Мелитополь, о чем им объявил Хопман¹¹¹², однако вскоре события приняли иной оборот. Явно проигрывая кампанию 1918 г., немцы использовали любые ресурсы, оставшиеся от распавшейся Российской империи, чтобы не потерять свою гегемонию в Восточной Европе и в Причерноморье. Личный состав береговых батарей и «взятых в пользование» судов ЧФ вернули с квартир в Севастополе на казарменное положение, что не могло не вызвать серьезную тревогу у обывателей. Переписка с ОХЛ по оборонительным мерам¹¹¹³ продолжалась до 1 ноября, возымев некоторый практи-

¹¹⁰⁹ См. подр.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 645. Л. 2-2об. Список судов, включая почти готовые подлодки и оборудование к ним, на 28 октября 1918 г.: См.: РГА ВМФ. Р-342. Оп. 1. Д. 798. Л. 31-32, 35-36.

¹¹¹⁰ Имели в виду постановку мин и береговые батареи в Балаклаве. См. РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 34, 36; *Hopman A. Tagebuchaufzeichnung, 29. September // Von Brest-Litovsk... S. 609.*

¹¹¹¹ На судно заступил германский экипаж, см.: *Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 102-105.*

¹¹¹² См.: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 31.

¹¹¹³ См. подр.: ВА-МА. RM 41/50.

ческий эффект. Высказывавшееся вплоть до Мудросского перемирия намерение оборонять Крым¹¹¹⁴ продлило его оккупацию как минимум на два месяца, хотя слухи о скорой эвакуации оккупационных войск ходили там еще в конце сентября¹¹¹⁵. Симптоматично, что намерение воспрепятствовать десанту Антанты было выражено большевиками, что делало их прямыми союзниками германского командования. В свою очередь, остававшееся в Крыму офицерство во главе с адмиралом Клочковским уже в начале октября 1918 г. запросило у оккупационных властей разрешение на формирование самообороны на случай поспешной эвакуации германских войск. Вальдерзее соглашался, Хопман возможность скорого ухода интервентов без предоставления иной защиты от большевиков отвергал¹¹¹⁶.

Определение судьбы уже непосильного для Кайзеррейха в своем фантомном состоянии крымского проекта было форсировано. Переговоры о возможном объединении Крыма с Украинской державой, начавшиеся, наконец, в Киеве 5 октября 1918 г., нужны были в первую очередь Германии¹¹¹⁷. Даже сам гетман уже вынужден был заниматься более насущными вопросами, а у представителей Крыма попросту не оставалось иного выбора, хотя энтузиазма эмиссары Сулькевича, разумеется, не испытывали¹¹¹⁸. Лучшее, чего можно было ожидать от протектората Киева, — улаживание полуискусственных приграничных споров, восстановление нормального почтового сообщения и телеграфной связи, вос-

¹¹¹⁴ Уже с 25 сентября 1918 г. в ЗКЛ обсуждали меры по обороне Севастополя, включая концентрацию войск в портах Крыма, выставление двойных минных заграждений и т. д.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg*. Bd. 4. S. 164–166, 210.

¹¹¹⁵ *Hopman A. Tagebuchaufzeichnung*, 23. September // *Von Brest-Litovsk...* S. 605.

¹¹¹⁶ См. его отчет в Адмиралштаб от 15 октября: *Hopman A. Bericht*, 15. Oktober // *Von Brest-Litovsk...* S. 621–622.

¹¹¹⁷ В Севастополе их активно поддерживал и направлял Хопман, добившийся существенных уступок в вопросе о допуске чинов украинского флота к восстановлению судов, но лишь 27 октября 1918 г. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 7. Л. 137–138, 204.

¹¹¹⁸ См.: *Пученков А. С. Украина и Крым*. С. 148–151.

соединение Таврической губернии, прекращение торговых войн и блокады (особенно подвоза хлеба)¹¹¹⁹, введение более прочной украинской валюты и возможное, но не гарантированное укрепление рубежей Крыма на случай большевистского вторжения. Лизогуб в Киеве требовал сначала политического объединения, а лишь потом дальнейшей реинтеграции единого экономического пространства¹¹²⁰. В качестве знака доброй воли поток почты и некоторых товаров был восстановлен почти немедленно, так что в Крыму стали готовиться к решительному изменению его статуса, который связывали с оформлением итогов кампании 1918 г. на различных фронтах Великой войны¹¹²¹. Кроме того, наконец отпали и более экзотические варианты трансформации крымской государственности: от вхождения в состав Османской империи, доживающей последние дни, до присоединения едва ли не к все еще контролируемой германскими войсками Грузии. Рассчитывавшие поначалу на легкий внутрикадетский компромисс, обе стороны быстро устали от переговоров, не считая позиции друг друга по-настоящему конструктивными¹¹²². К 16 октября вступившая в полосу заката гетманского режима Украина также утратила интерес к возможному присоединению Крыма, переговоры о котором окончились лишь прекращением бессмысленных помех двух лимитрофов друг другу. Ощувив реальную перспективу определения судьбы Крыма без всякого учета мнения местных элит и наблюдая готовность Сулькевича отказаться от эфемерных властных полномочий, 20 октября 1918 г. крымские кадеты все же согласились на свое активное участие в переформированном правительстве, которое сразу посвятило себя подготовке будущего объединения с белыми на Кубани, а также неуклонно торпедиро-

¹¹¹⁹ См.: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. С. 390–391.

¹¹²⁰ См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 908–909.

¹¹²¹ Об атмосфере в Крыму среди русской общественности, в т. ч. о едва ли не злорадном ожидании триумфа Антанты, см.: А. В. Дневник обывателя // АРР. Т. 4. С. 254–257.

¹¹²² См. описание кадета В. В. Зеньковского из гетманского кабинета, проведенного предварительное зондирование в конце августа 1918 г.: Украина на переломе. С. 340–344, 939–941.

вало попытки Украинской державы явочным порядком сменить германские инстанции в качестве протектора Крыма¹¹²³. Убедившись в непопулярности всех своих усилий отстоять региональные интересы, Сулькевич самоустранился от дел, готовясь покончить со своим участием в изначально не слишком симпатичном ему государственном проекте.

---

¹¹²³ См. подр.: *Винавер М.* Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 15.

ГЛАВА 10

БАТУМСКАЯ ПОДСИСТЕМА: КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ МЕЖДУ ТРЕМЯ ИМПЕРИЯМИ

Батумская мирная конференция началась 11 мая¹¹²⁴. Грозными признаками ее аналогичности последней фазе переговоров в Бресте стал категорический отказ османской стороны от своей предшествующей позиции, базировавшейся на брестских условиях для Закавказья, столь же категорический отказ подписывать новый договор с Сеймом от лица всех Центральных держав, а не только от Османской империи, что было грубым вызовом гегемонии Германии, тем более в присутствии ее делегата генерала О. фон Лоссова. Такая манера действий гарантировала дальнейшие трения, а также возобновление боевых действий османскими войсками, особенно против армянских дружин по любому поводу и даже без него. На все возражения германских генштабистов младотурецкие лидеры заявляли, что занять важнейшие железные дороги в Закавказье они намерены не только для захвата Тебриза, но и ради давно обещанного отвоевания Багдада, то есть занимались якобы исключительно обеспечением фланга будущего наступления в Месопотамии. Но истинные намерения Порты демонстрирует то, что

---

¹¹²⁴ См. грузинскую версию событий от члена огромной (45 человек) закавказской многонациональной делегации: *Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки.* Р., 1924. С. 35–53.

еще 22 марта брат Энвера Нури-паша выехал из штаба османской армии в Мосуле через Персию на север, а 25 мая уже был в Гяндже, где и возглавил будущую Исламскую армию, формировавшуюся на основе 5-й турецкой дивизии.

Курировать будущий победный мир прибыла (на яхте) самая высокопоставленная делегация из Константинополя, включая Джемал-пашу. В качестве жеста великодушия османы 15 мая согласились на обмен пленными, хотя договоренности долгое время не вступали в силу. Предъявленные в Батуме турецкой делегацией во главе с Халил-беем новые территориальные условия отличались от границ 1877 г. даже в большей степени, нежели та граница, что была продиктована в Бресте 3 марта, и та, которой требовал М. Гофман за полтора месяца до этого. Это стало решающим импульсом к стремлению закавказских лидеров поскорее добиться встраивания результатов батумских переговоров в контролируемую Германией систему. 14 мая Национальный совет Грузии, более не заботясь о судьбе других членов федерации, решил обратиться к германскому правительству с официальным запросом с просьбой об активном участии германского представителя (то есть фон Лоссова) в урегулировании турецко-грузинских споров¹¹²⁵. Это был первый шаг к протекторату Кайзеррейха над Грузией, ведь согласие сюзерена не заставило себя ждать.

Отправленный в Батум военный атташе в Константинополе фон Лоссов, находившийся теперь на положении связного между ОХЛ и ведомством иностранных дел, 15 мая 1918 г. известил Берлин о своих первых и неудачных посреднических усилиях у турецких представителей. 19 мая он предложил и грузинской делегации взять на себя труд по установлению компромисса с турками¹¹²⁶. Он считал, что может рассчитывать на успех своих усилий, ведь пользовался у младотурок большим кредитом доверия как герой сражения при Люлебургазе 29 октября — 2 ноября 1912 г., где он

¹¹²⁵ См. текст этого решения: Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / сост. С. Д. Беридзе и др. Тбилиси, 1958. С. 264.

¹¹²⁶ См.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 302–307; Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 116–117, 124–125.

Батумская подсистема: Кавказ и Закавказье между тремя империями

(сильно выйдя за рамки своих полномочий как военного инструктора) спас османскую армию от полного разгрома.

Большевики, в свою очередь, были вовсе не намерены позволить Османской империи в одностороннем порядке оформить свою гегемонию в закавказской подсистеме Брестского порядка. Быстро выяснилось, что и в Германии вовсе не собираются молчаливо на это соглашаться. В Батуме, как и в Трапезунде, пошли по «брестскому сценарию», ведь и там — после блокирования возможности одностороннего турецкого вторжения в Грузию — переговоры быстро зашли в тупик, который мог быть преодолен лишь апелляцией к силе и репутации германской армии, то есть лично к Лоссову. Это стало катализатором распада Закавказской федерации, теперь искавшей покровителей порознь. Не вполне осведомленное об истинном положении дел на Кавказе Советское правительство в дни конца мая еще готово было обсуждать начало переговоров о границе с отделившимся от нее регионом, но уже во Владикавказе. Однако договариваться вскоре стало уже не с кем, а все три новые государства балансировали на грани (и даже за гранью) реального существования.

Начало Батумских переговоров 11 мая 1918 г. поставило ребром вопрос о распространении сложившейся на востоке Европы первой версии Брестского порядка на Закавказье. К этому моменту как раз завершалось оформление демаркационной линии на Дону и уже стало очевидно, что в процессе придания Брестской системе устойчивости Германия вышла далеко за границы первоначальных планов и представлений о пределах возможного. Это серьезно тревожило не только дипломатов, но и генштабистов, хотя с военной точки зрения реальной угрозы доминированию кайзеровских войск на западных окраинах Российской империи по-прежнему не было. Причина такого поворота событий не сводится лишь к неумеренному аннексионизму Людендорфа или мечтательности кайзера. Логика развития неформировавшегося брестского порядка на Восточном ТВД диктовала новые цели порой еще до того, как они осознавались германскими элитами.

Продолжение попыток государствообразования в крайне дифференцированном этнически и религиозно регионе могло иметь лишь одно следствие: потребность в верховном арбитраже

располагающей для этого реальной военной силой великой державы. Советская Россия по ходу кампании 1918 г. становилась к этому все менее способна, Османская империя не могла сохранять даже видимость объективности в отношении неисламских и нетюркских народов и также испытывала явный недостаток сил для участия во всех конфликтах Закавказья сразу, оставалась лишь Германия, которая вскоре вынуждена была взять на себя — даже не успев нарастить военный контингент в Грузии — наиболее сложные конфликты. Так, например, в конце августа — начале сентября 1918 г. глава германской миссии в Тифлисе Кресс вынужден был сопровождать османского генерала Халила-пашу в Эривань, чтобы присутствовать там при лицемерных попытках установить партнерские отношения между армянами и турками¹¹²⁷. Однако вплоть до укрепления германских позиций в Грузии об остановке турецкого натиска в Армении нечего было и думать. 15–16 мая 1918 г. после жесткого ультиматума османские войска заняли Александрополь¹¹²⁸, сделав его базой для будущего продвижения к Баку и Тебризу, а при необходимости и на Эривань, что означало бы новую катастрофу для армянского населения и беженцев.

При всем внимании в международной историографии к теме геноцида армян, в том числе к начинавшейся в 1918 г. новой его волне, действия германских дипломатов и военных в Закавказье в контексте этой проблемы, даже при опоре — в ряде сюжетов — на отдельные германские архивные документы¹¹²⁹, оказываются в фокусе внимания достаточно редко, что несомненно обусловлено текущей политической повесткой, а не реалиями столетней давности. Весьма показательно, что со временем едва ли не главным контраргументом тюркоязычных стран стали встречные обвинения, то есть в геноциде по меньшей мере азербайджанцев¹¹³⁰, что весьма показательно не только для уровня дискус-

¹¹²⁷ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 32–33.

¹¹²⁸ См. подр.: *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны. С. 184–185.

¹¹²⁹ См., напр.: *Кеворкян Р. А.* Геноцид армян. Полная история. М., 2015.

¹¹³⁰ Это вполне официальная позиция историков из АН Азербайджана, начиная с обретения им независимости. См.: *Балаев А.* Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. Баку, 1998; Азербайджанская

сии, но и для восприятия событий в период межэтнического конфликта, действия в ходе которых в самом деле отличаются зеркальностью методов и даже намеренным применением принципа талиона. Турецкая историография до сих пор предпочитает не признавать факта геноцида (кого бы и кем бы то ни было вообще), концентрируясь на источниковедческих разоблачениях¹¹³¹ и на тяжелых для всех, включая турецкий народ, гуманитарных последствиях вовлечения Османской империи в Великую войну. Немногочисленные попытки постепенного сближения позиций сторон в научном мире¹¹³² пока не возымели должного общественного резонанса. Эта проблема безусловно останется вне исторического анализа до тех пор, пока представление о процессах в Закавказье в 1918–1919 гг. будет учитывать мотивацию лишь региональных сил, не имея системного характера.

Сознавая невозможность остановить натиск турок, закавказское правительство с 11 мая приступило к расширению зоны своей власти на север и северо-запад, начав бои в Абхазии. Тем самым оно пыталось компенсировать (причем в пользу грузин) уже понесенные потери и оформить себе контроль над более крупной долей постимперского наследства. Начало боев, позднее подаваемых в советской историографии как конфликт между истинными революционерами и меньшевиками-оппортунистами из Тифлиса, стало важным актом в борьбе за симпатии коренных народов Северного Кавказа, единство которых пока только намечалось.

демократическая республика (1918–1920) / под ред. Н. Агамалиевой. Баку, 1998. С. 52–62.

¹¹³¹ Такая традиция сложилась еще в 1970–1980-х гг. См. обзор тогдашнего уровня дискуссии: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 65–66.* Наиболее убедительные контраргументы основаны на статистике населения, а также на доказательстве тенденциозности подборки публикуемых документов, однако полного опровержения это не дает, а сам автор признается, что «лучшая ложь — полуправда», т. е. косвенно подтверждает по меньшей мере масштабность резни. См., напр.: *Özgönül C. Der Mythos eines Völkermordes: eine kritische Betrachtung der Lepsiusdokumente sowie der deutschen Rolle in Geschichte und Gegenwart der "Armenischen Frage" / Mit einem Vorw. von U. Witzens. Köln, 2006.*

¹¹³² См., напр.: *A Question of Genocide. Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire / ed. by R.G. Suny, F.M. Göçek, Naimark N.M. Oxf., 2011.*

В грузино-абхазской войне Совнарком (как и в феврале 1921 г.) усматривал важный повод к быстрому вторжению в только что отделившееся Закавказье, а затем в Грузию, а потому был намерен занять Сухум десантом Черноморского флота и как можно скорее оказать помощь контролируемой с середины апреля местными большевиками Абхазии за счет армий Кубано-Черноморской республики¹¹³³. Однако резкая перемена обстановки на Дону, а потом на Кубани привела к тому, что воспрепятствовать наступлению грузин не смогли. После переговоров и боев¹¹³⁴ 18 мая 1918 г. Сухум уже был под их контролем (вскоре там уже была и рота германских войск¹¹³⁵), и продвижение на этом не остановилось. Через месяц была занята Гудаута, затем Гагры. Вплотную встал вопрос о судьбе Сочинского округа. Конфликт на этом был далеко не исчерпан, однако вскоре меньшевистское правительство в Тифлисе оказалось поглощено совершенно иными проблемами, вернувшись к защите своих южных границ. Последующие попытки большевиков мобилизовать на отпор «турецким империалистам»¹¹³⁶ (то есть грузинской (!) армии) кубанских казаков успеха не имели.

Отчаянные усилия Сейма поднять все население Закавказья на борьбу с турецким вторжением в условиях межнациональной розни результата дать не могли. Вполне рациональным решением виделся раздел федерации в соответствии с зонами влияния империй, что и было форсировано усилиями не только отчаявшихся договориться националистов, но и действиями германского эmissара в Батуми Лоссова. 24 мая его помощник Везендонк согласовал с Аваловым текст обращения Чхенкели к Национальному совету Грузии¹¹³⁷, которое должно было привести к образованию

¹¹³³ См.: Борьба за Октябрь в Абхазии. С. 74–82. О действиях местных властей Туапсе и Сочи: *Воронович Н. Меж двух огней* (Записки зеленого) // АРР. Т. 7. С. 81–84.

¹¹³⁴ См. тенденциозную подборку документов за 11–17 мая, где о взятии Сухума грузинскими войсками ни слова: *Борьба за победу советской власти в Грузии*. С. 262–267.

¹¹³⁵ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 21.

¹¹³⁶ См. донесение казачьего хорунжего Орехова: *Борьба за Октябрь в Абхазии*. С. 89–91.

¹¹³⁷ См. текст телеграммы: *Авалов З. Независимость Грузии*. С. 59.

независимой Грузии под германской опекой. Базой для становления будущего германского сателлита должен был стать батальон из немцев «для охраны железных дорог», а также наскоро переброшенные из Крыма первые 2 батальона интервентов¹¹³⁸. Они должны были составить «учебную команду» всех родов войск.

Констатировав притязания турок на весь регион до Каспия и Владикавказа включительно, выход Грузии из единого Закавказья и необходимость новых инструкций в изменившейся ситуации, Лоссов 25 мая покинул Батум. Сев на торговое судно под кайзеровским флагом, он сформулировал программу необходимых для защиты германских интересов действий¹¹³⁹. Отправился он, однако, не в Константинополь, а в Потти, где довел дело оформления германского протектората над Грузией до конца. Лоссов сумел не допустить очередного раунда затяжек. 28 мая в Потти, точнее на судне «Минна Хорн», словно демонстрируя готовность в любой момент уехать в случае проволочек, он подписал двусторонние соглашения об условиях вхождения Грузии в сферу интересов Гер-

¹¹³⁸ По утверждениям советской историографии (но на основе и германских сведений) до 3 тысяч германских солдат прибыли в Потти из Крыма уже 25 мая (*Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны. С. 200), то есть их подготовка к прибытию должна была начаться по меньшей мере за неделю до этого, хотя к тому моменту никакой определенности насчет планов германского протектората над Грузией (и насчет распада ЗДФР) и быть не могло. Скорее всего, имела место путаница в датах и под «первой партией» имелись в виду те 3 тысячи солдат, которые прибыли в Потти как раз 8 июня, которые Лудшувейт полагал уже 2-й партией интервентов. Была ли это ошибка или намеренная подмена, чтобы доказать заблаговременный характер и молниеносные действия «германских империалистов» по интервенции в Грузии, теперь уже сказать сложно. В истории баварских егерей отмечается, что внезапное известие о скорой отправке из Крыма (без указания цели) было получено лишь вечером 23 мая, а дополнительный приказ от 28 мая призывал егерей поторопиться, ведь к отправке они были еще и близко не готовы, хотя уже узнали, что отправляются на Кавказ. На запрос из ОХЛ 3 июня баварский батальон доложил, что готов выехать 6 июня. В этот день он и отправился на «Корковадо». См.: *Das K.B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1*. S. 414–417.

¹¹³⁹ Он запросил присылку германских военных судов и дивизии хотя бы слабого состава, что впоследствии и было сделано. См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 56.

мании (включая займы, пользование железными дорогами и правила хождения германской валюты)¹¹⁴⁰. Примечательно, что статья 1-я договора обязывала Грузию рассматривать условия Брест-Литовского договора от 3 марта 1918 г. как основу и ее взаимоотношений с Германской империей, то есть на этот раз системность была обеспечена с самого начала. Германия же брала на себя труд добиться признания независимости Грузии большевиками. Вскоре выяснилось, что АА вовсе не разделяет мнения Лоссона о легкости и даже желательности полного признания Грузии Германией¹¹⁴¹, а уж тем более активной борьбы за ее независимость с НКВД. В дальнейшем сторонники более тесного сотрудничества с Грузией пытались юридически обосновать неизбежность и полезность скорейшего полного дипломатического признания тифлисского правительства, но далее меморандумов¹¹⁴² дело не пошло и не могло пойти с учетом сложности закавказского постимперского пространства.

Продолжение упорных боев между армянами и турками под Караклисом и Сардарapatом 25–28 мая¹¹⁴³ вынуждало к срочному решению территориальных вопросов, для чего армяне экстренно апеллировали к берлинским инстанциям. Надежды на прочный союз с грузинами, хотя интересы двух христианских наций пока совпадали, уже не было. Германские офицеры, находившиеся в Грузии, сталкивались с картинами неприкрытой резни местных армян. Участились обращения духовенства Армении по церковной линии, особенно к католикам¹¹⁴⁴, а также

¹¹⁴⁰ См. их тексты: Борьба за победу советской власти в Грузии. С. 275–279.

¹¹⁴¹ Весь июнь, вплоть до речи Кюльмана в рейхстаге 24 июня, пришлось торговаться. См.: *Авалов З.* Независимость Грузии. С. 85–89.

¹¹⁴² Например, 8 августа 1918 г. записку, где доказывалась правомерность признания Грузии, подал профессор Лист: *Liszt. Die völkerrechtliche Stellung der Republik Georgien.* (o.J., o.O.).

¹¹⁴³ Позднее они героизированы в советской и национальной армянской историографиях, хотя уже 13 июня турки заняли Сардарapat, см., напр.: *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны. С. 187–190.

¹¹⁴⁴ Это было тем более действенно, что уполномоченные Германии в Закавказье были из Баварии, рейхсканцлер Гертлинг тоже, а в рейхстаге набирала вес католическая партия Центра, содействовавшая

к болгарским инстанциям¹¹⁴⁵, что провоцировало конфликты между союзниками Германии. Дружба с Энвером пруссаков стала явно противоречить симпатиям к армянам и грузинам баварцев и австрийцев, не упустивших случая попытаться перехватить инициативу в решении судьбы государств-лимитрофов¹¹⁴⁶. Кроме того, в Вене были крайне не заинтересованы в распространении информации о массовых карательных акциях против местного населения, так как это немедленно дало бы пищу для сравнения с действиями войск двуединой монархии в Сербии и Черногории, а также положении на оккупированных в конце 1917 г. территориях Италии и даже в Восточной Галиции¹¹⁴⁷. В ОХЛ постепенно также приходили к выводу о крайней невыгодности дальнейшей волны насилия, потоков беженцев, подрыва всех основ местной экономики и сомнительных перспективах полного умалчивания об этом.

Развал в конце мая Закавказского сейма и распад федерации¹¹⁴⁸, державшихся на союзе грузинских меньшевиков и армянской партии «Дашнакцутюн»¹¹⁴⁹, проходил столь синхронно, что объяснить это можно было лишь тем, что решение об образовании отдельных национальных государств слишком давно назрело. Уже в ходе переговоров с турками в Батуме последние диктовали грузинам и армянам не столько границу с Османской империей, сколько

инициативам Святейшего Престола о защите христианского населения на Ближнем Востоке. Координировали давление на младотурок Г. фон Сект и посол в Константинополе Бернсторф. См.: *Lepsius J. Deutschland und Armenien* (1914–1918). S. 367ff. Dok. 376, 404, 405, 419, 424, 426.

¹¹⁴⁵ См.: Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 208–209.

¹¹⁴⁶ Австро-венгерский эмиссар уже 29 мая выехал в Батум, а в Константинополе добивались более умеренных турецких требований к Закавказью на самом высоком уровне (Буриан заявлял об этом Талаату и пр.) См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 156–160.*

¹¹⁴⁷ См. подр.: *Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K. Habsburgs schmutziger Krieg. S. 203–210.*

¹¹⁴⁸ См. детали событий этих дней: *Ставровский А. Закавказье после Октября. С. 77–89.*

¹¹⁴⁹ Советский анализ этой партийной коалиции см.: *Саркисян А. З. Антисоветский союз и внутренние противоречия непролетарских партий Закавказья в 1917–1918 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1987.*

с Азербайджаном, видя в нем свой будущий пашалык. Различная степень развития национального самосознания, а также специфика расселения в Закавказье крупнейших этносов делали сколько-нибудь компактное территориальное разграничение фактически невозможным. Грузины составляли в главном своем городе Тифлисе меньшинство населения, в Баку на роль главной доли местных жителей претендовали армяне, Эривань азербайджанцы по-прежнему считали центром своего прежнего ханства, то есть спорными территориями оказывались даже столицы. Германская и Османская империи с двух сторон деформировали этот процесс, пытаясь внести ясность в пользу своих сателлитов. По секретным протоколам к договорам в Потти Германия соглашалась признать за Грузией право на Сухумский округ, если только в дальнейшем не будет образована конфедерация с горцами Северного Кавказа, в которой Абхазия должна была бы войти в собственно кавказскую ее часть, а не грузинскую¹¹⁵⁰.

26 мая 1918 г. турецкая делегация (за 4 часа до получения известий о самороспуске Закавказского Сейма)¹¹⁵¹ предъявила ультиматум в 72 часа принять территориальные условия, обеспечивающие устойчивую связь между собственно турецкой и азербайджанской территориями за счет Грузии и Армении. Теперь уже отдельные делегации срочно выехали к новым правительствам. Германские ведомства были твердо уверены, что решающий раунд в определении судьбы Закавказья последует на конференции под их управлением в Константинополе, где они готовились поставить османские амбиции под контроль жесткими угрозами прекращения военно-финансовой помощи (с отзывом Секта и всех офицеров, отказом от защиты территориальной целостности Османской империи и т. д.). В ОХЛ уже подумывали о будущем разделе Северного Кавказа между Украиной (западная часть, то есть Кубань) и Закавказьем (восточная часть, то есть собственно горские регионы). Пришедшие 28–29 мая новости — об окончательном распаде Закавказья, о подписании блока германо-грузинских соглашений Лоссовым (с точки зрения Кюльмана — с превышением

¹¹⁵⁰ См.: *Авалов З. Независимость Грузии. С. 68–69.*

¹¹⁵¹ См.: *Авалов З. Независимость Грузии. С. 61–62.*

первым своих полномочий)¹¹⁵² и о готовности турок продолжать навязывать свою волю в регионе даже при явном неудовольствии Кайзеррейха — обесценили все запоздалые попытки германских центральных ведомств взять ситуацию под контроль. Тем не менее германский консул в Тифлисе Шуленбург успел 1 июня довести до сведения Халил-бея, что османские требования о передаче под турецкий контроль грузинских железных дорог уже упредила Германия, а пересмотреть ее соглашения с Грузией не получится¹¹⁵³. Вскоре о том же заявили и грузинские дипломаты, проводившие двойную игру в ожидании массивного вмешательства Кайзеррейха и неизбежной ревизии османского диктата. В результате германские и османские войска немедленно получили приказы о том, как себя вести в случае стычек на станциях грузинских железных дорог, что гарантировало перестрелки и жертвы в конфликте союзников.

Предотвратить оформление долгожданного османского триумфа было уже невозможно. 4 июня 1918 г. были подписаны Батумские договоры о мире и о дружбе (даже между Портой и Арменией!), а также дополнительные соглашения¹¹⁵⁴, сформировавшие отдельный «закавказский Брест» или по меньшей мере «закавказскую редакцию» договора от 3 марта. Помимо получения якобы уже уступленных Турции в Бресте трех санджаков Османская империя приобретала полосу территории в 12,5 тысячи кв. км от Ахалциха до Нахичевани с населением (до войны) около 650 тысяч человек. Более того, такой результат был получен еще и после отказа турок от приобретения и еще нескольких округов, «уступленных» Грузии и будущему Азербайджану¹¹⁵⁵. В этот же день османы заодно подписали договоры о дружбе (то есть о военной помощи)

¹¹⁵² См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 59–63.*

¹¹⁵³ См. его телеграмму: *Пипия Г. В. Политика Германии в Закавказье в 1918 году. С. 42.*

¹¹⁵⁴ См.: Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 154–167, 169–174.

¹¹⁵⁵ См. подп.: *Bihl W. Die Kaukasuspolitik der Mittelmächte. Teil II. S. 239–240.* Текст договора с Грузией и всех дополнительных договоров и приложений: *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 343–365.*

и с эмиссарами Горской республики, и с азербайджанской делегацией, особо оговорив, что никаких претензий на персидскую часть Азербайджана поддерживать не будут, ведь Тебриз Порты уже облюбовала для себя.

Османская империя считала себя достаточно умеренной в официальных требованиях, а потому продолжила наращивать оккупированные территории неофициально. Порты присвоила себе право в одностороннем порядке диктовать границы и между частями бывшей Закавказской федерации, то есть действовала не просто как победитель, но как гегемон в оформленной сфере влияния, пытаясь поставить своих союзников перед фактом. Тем временем дипломаты из других Центральных держав, готовясь к будущим спорам о границах закавказских стран, пытались разобраться в статистике народонаселения. При использовании различных данных территория Армении могла бы составить (по «реалистичным» требованиям — то есть при учете хотя бы минимальных территориальных приобретений Порты) до 55,5 тысячи кв. км, при грузинском варианте передела с теми же оговорками Грузия была бы в 67,2 тысячи кв. км (а Армения куда меньше), «татарская» же республика, то есть Азербайджан, в лучшем для себя случае достигла бы 89,8 тысячи кв. км¹¹⁵⁶. При таких масштабах оказывалось, что спорных территорий больше, чем бесспорных, а каждый из вариантов приводит к сохранению огромных национальных меньшинств (до 30 % мусульман в Большой Армении, до 28 % армян в Большом Азербайджане, до 18 % армян и более 5 % мусульман в Большой Грузии, а при присоединении к ней Абхазии и еще больше) при острейшем конфликте с каждой из титульных наций. И это — при статистике по меньшей мере сомнительной точности.

Правительство Армении еще только готовилось после прекращения боевых действий с турками выехать из Тифлиса в свою столицу Эривань. Помимо поистине тяжелых территориальных условий (общая площадь ее должна была составить лишь около 9 тысяч кв. км) и обязательства иметь после демобилизации лишь одну дивизию вооруженных сил, в Батумском договоре

¹¹⁵⁶ См. статистику в донесениях в Вену в конце июня 1918 г.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 308–309.*

фиксирувался контроль османских офицеров за железными дорогами, право провоза войск и военных грузов для будущей оккупации Азербайджана с помощью полученного от Армении поднижного состава¹¹⁵⁷. Особо оговаривались отказ Армении от любых дипломатических контактов с враждебными Османской империи державами и высылка всех их представителей, что должно было исключить поступление помощи по антантовским (некий французский лейтенант (затем капитан) Пуадебар одно время действовал в Эривани)¹¹⁵⁸ каналам. Стремление «замкнуть» созданную в Закавказье систему от угрозы воздействия извне было предсказуемо, хотя с учетом реальных возможностей турецкой армии это было почти невозможно. Порта демонстрировала стремление вообще исключить из повестки дня проблему Турецкой Армении, на которую периодически ссылались и большевики, торгуясь за Батум и Карс, и Антанта.

Почти одновременно с началом Батумской конференции в Кайзеррейхе приняли решение об отправке в Грузию еще одного германского эмиссара, который бы сменил в Закавказье Лоссова на постоянной основе. Это было вполне логичным выводом из того факта, что ни по политическим, ни по военно-экономическим, ни по дипломатическим причинам предоставить все Закавказье османской гегемонии Германия не могла, а потому необходим был имеющий восточный опыт и готовый к активному взаимодействию с христианскими народами Закавказья генштабист. Им стал полковник Ф. Кресс фон Крессенштейн. Миссия этого баварского офицера в Закавказье началась при обстоятельствах, весьма характеризующих качество и стилистику принимаемых в разгар кампании 1918 г. кадровых решений. Едва назначенный в ОХЛ (4 мая) бывший командующий в неудачной попытке германо-турецких войск прорваться к Суэцкому каналу Кресс оказался в Спа очень кстати. Всего через 6 дней по прибытии к новому месту службы его вызвал к себе глава политического отдела Ставки генерал П. фон Бартенверфер и быстро обрисовал крайне

¹¹⁵⁷ См.: Бадалян А. Х. Германо-турецкие оккупанты. Ереван, 1962. С. 206–207.

¹¹⁵⁸ Потом он прибыл к Данстревиллю. См.: Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны. С. 192, 233.

неожиданную задачу. Баварский офицер, имевший опыт действий на Ближнем Востоке, согласился, запросив координации этой миссии с иностранным ведомством. Это крайне не понравилось Людендорфу, также проинструктировавшему Кресса 12 мая, а уже 13 мая эмиссару в Грузию разъяснил свою позицию Кюльман, хотя он не скрывал своего недовольства этой миссией в целом¹¹⁵⁹. Состав миссии (в том числе профессор-эксперт из АА, флотский офицер и врач) обсуждался в Спа тогда же 13 мая, хотя Гертлинг призывал подождать с ее отправкой до определения позиции Москвы в отношении принадлежности Закавказья. Зато Кюльман был как раз за немедленный выезд Кресса, желая взять под контроль судьбу «независимости» не только Прибалтики, но и Закавказья.

Затем целых 12 дней в Берлине Кресс комплектовал делегацию¹¹⁶⁰ и согласовывал детали своих будущих действий с различными инстанциями, но иностранное ведомство (а также Адмиралштаб!) почти не принимало в этом участия, а затем выяснилось, что другие германские штабы на Востоке должным образом не оповещены о будущих задачах Кресса¹¹⁶¹. Получив (во избежание конфликтов субординации) звание генерал-майора без патента и еще одну санкцию Людендорфа 24 мая, баварский офицер был принят рейхсканцлером (29 мая) и выехал на юг. Навестив по пути свою малую родину, он отправился на Балканы только 7 июня, а 10 июня прибыл в Константинополь. Но деньги на текущие расходы глава миссии не успел получить, а подбор делегатов все равно оказался неоптимальным. Выбранный для этого в АА эксперт (ранее бывший в посольстве в Тегеране) в итоге не поехал с Крессом вовсе. Поэтому важнейшую роль при последнем, подчинявшемся формально иностранному ведомству, стал играть германский консул в Тифлисе, вернувшийся туда (после выезда в 1914 г.) еще 21 мая 1918 г. граф Шуленбург.

Для оценки этой затяжной процедуры следует учесть, что весь июнь 1918 г. прошел под знаком беспрецедентного по

¹¹⁵⁹ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 2–7.

¹¹⁶⁰ В итоге в ней было 113 офицеров и нижних чинов. Начальником штаба стал майор граф Вольфскеель.

¹¹⁶¹ См. подр. синхронное описание сборов миссии с событиями в Закавказье: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*. Teil II. S. 51–63ff.

остроте германо-османского кризиса, с шантажом вплоть до разрыва альянса. По мере поступления информации не только от Секта, но и от О. фон Лоссова, а также в связи с возникновением новых головокружительных проектов, в том числе плацдарма в Грузии, на фоне уже начавшихся, но пока не признаваемых разочарований по ходу кампании на Западе в ОХЛ несколько «поостыли», внезапно взяв совсем иной тон и полагая, что давления старшего партнера вполне достаточно, чтобы в Константинополе послушно следовали указаниям из Spa и Берлина. Некоторой корректировке германской политики в Закавказье способствовало совещание в Берлине 3–4 июня, где присутствовал только что (утром 3 июня) вернувшийся в Германию и привезший вместе с собой грузинскую делегацию во главе с Чхенкели, князя Тундутова, а также вывезший из Поти партию военнопленных (в основном австрийцев)¹¹⁶² фон Лоссов. Ему удалось стать связующим звеном между амбициями ОХЛ и твердой позицией Кюльмана, не желавшего ценой Грузии рисковать разрывом с младотурками или возобновлением конфронтации с большевиками. Вполне типичный, по мнению В. Цюррера¹¹⁶³, для германской политики на Востоке конфликт между разными концепциями расширения сферы влияния теперь концентрировался на столь удаленном регионе, что никаких шансов на контроль над ситуацией, кроме уступок или компромиссных кандидатур в эмиссары, не было. Очередного соглашения удалось достигнуть не без труда и лишь благодаря тому, что Ставку на совещании представлял не сам Людендорф, а генерал Бартенверфер. К этому моменту в Поти уже были суда под германским флагом (миноносец «Зоркий»), шла высадка германских войск, о которой уже к середине июня прекрасно знали даже в Москве. Лоссов почти сразу увез Тундутова к Людендорфу, а грузинская делегация осталась в Берлине согласовывать условия и цену германского протектората над Грузией с Кюльманом, а также его ближайшими соратниками Розенбергом и Криге¹¹⁶⁴.

¹¹⁶² См.: Авалов З. Независимость Грузии. С. 70–72.

¹¹⁶³ См.: Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 79–86.

¹¹⁶⁴ См.: Авалов З. Независимость Грузии. С. 77–91.

Как это всегда бывало с Людендорфом-политиком, ни на какие успехи, сравнимые с победами Людендорфа-полководца, рассчитывать не приходилось, тем более что диктаторская манера действий по отношению к союзнику особенно не годилась в случае с отличавшимися ущемленным одновременно национальным и имперским самолюбием младотурками. Как и следовало ожидать, авантюрист Тундутов встретил у главы ОХЛ полное понимание, так что вскоре уже ехал назад через Киев, окрыленный обещаниями Людендорфа. Сопровождавший его офицер вез и новые инструкции из ОХЛ Грёнеру о дальнейшей поддержке химерического Юго-Восточного Союза, то есть о передаче оружия Дону под предлогом необходимости защиты военнопленных из Центральных держав¹¹⁶⁵. Требования Людендорфа немедленно вернуться — в связи с распадом Закавказской федерации — к территориальным условиям Бреста выдвигались именно в тот момент, когда турки подписывали Батумский договор, а уж ожидание официальной амнистии армянам от правительства Энвера, требуемой после категорических указаний Кресса на недопустимость вмешательства¹¹⁶⁶, и вовсе казалось абсурдным. В течение следующих дней ОХЛ пробовало различные способы давления на младотурок, отозвав обещанные германские подкрепления в Сирию и выставляя все новые условия. Энвер в ответ с помощью Секта и Кресса представил план взаимных уступок¹¹⁶⁷, что следовало полагать с его стороны условиями *pes plus ultra*. Но для Людендорфа они означали важное психологическое признание в готовности слушаться окриков из Спa вне зависимости от деталей предложения. С подачи Лоссова и к полному разочарованию Секта давление на турок из ОХЛ еще некоторое время продолжалось, в то время как война в Закавказье шла своим чередом, хотя и не слишком успешно для османских войск и их союзников. Более того, 10 июня от турецких представителей поступила жалоба на то, что германские офицеры якобы участвуют в вооруженных стычках между

¹¹⁶⁵ Письмо было передано Грёнеру в Киеве уже 12 июня, см. текст: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. S. 388–390.

¹¹⁶⁶ См.: Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 84–86, 147–148.

¹¹⁶⁷ См.: Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 88.

турками и армянами на стороне последних¹¹⁶⁸. Начавшийся процесс активного освоения германской миссией открывшихся ей в Грузии сырьевых потоков привел к попыткам Измаила Хакки-паши заблокировать быстрый вывоз топлива через Батум, что было крайне чувствительно для потребностей германских войск. Османский командующий в Батуме еще и постоянно конфликтовал с Эссадом-пашой, а нити интриг тянулись к Энверу¹¹⁶⁹. Германская дипломатия надеялась положить конец чрезмерно острым стычкам военных, угрожавшим почти 4-летнему альянсу, за счет ожидаемой в скором времени Константинопольской конференции. Кроме того, общие интересы в борьбе с нараставшим британским стремлением к Баку должны были заставить турок быть сговорчивее.

Подталкиваемые грузинскими эмиссарами сотрудники АА добивались ревизии Батумского договора, приблизив его территориальные условия к брестским, однако были готовы смириться с закреплением Батума за Османской империей¹¹⁷⁰. Порты же, а еще более отдельные и честолюбивые генералы османской армии как раз наоборот стремились лишь формально базироваться на условиях от 4 июня, со временем добившись их существенного исправления, пусть и в основном не за счет Грузии. Кресс вникал в происходившие на его глазах решающие перемены, уже прибыв в Константинополь. Необходимость согласовать коалиционные действия в Закавказье потребовала еще 10 дней, так что германская миссия вместе с австро-венгерской и болгарской отправилась на судне «Генерал» в Потти только вечером 20 июня, прибыв туда 23-го, а в Тифлис вечером 24 июня! Принят главой грузинского правительства Н. Жорданией Кресс был 25 июня, спустя ровно 1,5 месяца после первых инструкций в Спа. Вскоре он принял дела у распорядившегося до него капитана Генштаба Эган-Кригера (прибыл в Потти 8 июня).

Почти сразу же Кресс вынужден был выехать в Батум на встречу с Вехибом-пашой, чтобы разрешить кризис вокруг десанта

¹¹⁶⁸ См.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. S. 192.

¹¹⁶⁹ См. записи германского эмиссара в Батуме от 6 июля 1918 г.: Пипия Г. В. Политика Германии в Закавказье. С. 60–61.

¹¹⁷⁰ См.: Авалов З. Независимость Грузии. С. 112–113.

в Абхазии, а также вопрос о блокировании турецких военных эшелонов и перестрелках¹¹⁷¹ и — в ответ — поставок товаров через Грузию в отошедший Османской империи Батум. Первые германские войска (1-й баварский резервный егерский батальон¹¹⁷² и 10-й прусский штурмовой батальон, всего почти 1600 человек) погрузились в Севастополе 6-го. Они прибыли в Поти еще днем 8 июня, а в Тифлис днем 10 июня, существенно опередив военную миссию. Это были очевидно элитные части, действовавшие несмотря на свою немногочисленность чрезвычайно активно и менее прочих подверженные всеобщей усталости от войны. 11 июня правительством Грузии во главе с нуждавшимся в подтверждении своего курса Жорданием прибывшим интервентам был устроен торжественный прием в столице. В ту же ночь союзные германо-грузинские войска (и вооруженные немцы-колонисты) двинулись против вторгшихся на юг страны азербайджанцев и их покровителей. Вскоре были получены доказательства присутствия кадровых османских войск. Это не остановило дальнейшее германское продвижение, хотя к командиру егерей прибыл с протестом офицер из армии Порты. После серии боев протурецкие силы были оттеснены. Об этом в Спa узнали из переданных Сектом в ОХЛ претензий Вехиба-паши, отреагировавшего на германское вмешательство крайне остро¹¹⁷³. Лишь 19–20 июня договорились о демаркационной линии между Караклисом и Санаином, известие об этом Кресс отправил еще из Константинополя. Таким образом,

¹¹⁷¹ Причем блокирование осуществлялось по наущению грузин именно германской охраной железнодорожных станций. См.: *Квинтадзе Г. Н.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. С. 40–41.

¹¹⁷² Уже имевший немалый опыт интервенции, ведь прошел с боями по Причерноморью и принимал участие во взятии Севастополя. См.: *Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1*. S. 353–416.

¹¹⁷³ Каждая из сторон обвиняла другую в открытии огня на поражение. С обеих сторон брали в плен. Экспедиция «против курдов и татар» 12–25 июня и бои со своими же союзниками стоили немцам 4 убитых и 12 тяжело раненых, 25 июня они вернулись в Тифлис, выставив на юге охранение. См.: *Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1*. S. 436–462. Называется цифра в 10 убитых германских военнослужащих за июнь 1918 г. Список враждебных действий германских войск против османских частей: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 77, 241, 243.

германские военные и дипломаты потратили на подготовку и отправку особой и считавшейся крайне срочной миссии в отдаленный регион более месяца! А в это время на Кавказе происходили важнейшие события: быстрый распад Закавказской федерации, тут же вызвавший вооруженные конфликты между тремя ее бывшими частями¹¹⁷⁴, завершились сложнейшие переговоры Лоссова с представителями новых государств, заключен был Батумский договор, продолжался натиск турок (Энвер очень неохотно отказался от взятия Тифлиса¹¹⁷⁵).

Сам Кресс признавал, что австро-венгерский и болгарский эмиссары в Закавказье действовали едва ли не успешнее германской миссии, благодаря удачному подбору кадров¹¹⁷⁶. Для сравнения скорости германских реакций и действий следует отметить, что официальное решение австро-венгерского правительства об отправке в Тифлис собственного представительства для защиты интересов и заботе о военнопленных было передано 14 июня. Барон фон Франкенштейн в сопровождении подполковника Павласа уже 18 июня обсудил с Г. фон Сектом общее положение Центральных держав и общую (якобы) линию в отношении османских амбиций. Энвер поставил вопрос о присылке на Кавказ австро-венгерских горных батарей (лучших в армиях Четверного союза), одновременно тормозя прибытие в Закавказье дипломатических миссий, которые мешали бы вседозволенности там турецких войск. И даже несмотря на это уже 28 июня из Тифлиса Франкенштейн отправил свой первый подробный отчет, то есть за 2 недели габсбургская миссия не только добралась до Тифлиса, но и приступила к работе¹¹⁷⁷.

¹¹⁷⁴ Угрожала по меньшей мере трехсторонняя война Грузии, Армении и Азербайджана. Однако количество участников ее должно было возрасти немедленно.

¹¹⁷⁵ Получив выдвинутые Людендорфом условия насчет вывода турецких войск из Закавказья, кроме Карса, Ардагана и Батума и их отправки в Месопотамию, он тут же пригрозил отставкой. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 77–78.*

¹¹⁷⁶ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 7.*

¹¹⁷⁷ См. подп.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 165–167.*

Примечательно, что Кресс лишь немного уступал Лоссову как в возрасте (на 2 года младше), в звании (на один чин), так и в опыте взаимодействия с младотурками и османским генералитетом. Поэтому вряд ли можно считать его отправку попыткой снизить уровень германского представительства в Грузии, чтобы он еще более уступал таковому в Османской империи. Следует отметить, что после неадекватно долгого согласования отправки миссии, ее состава и инструкций в дальнейшем наращивалась она достаточно быстро. Уже в течение июня Крессу были направлены полевой госпиталь, мощная радиостанция, автоколонна и авиаотряд¹¹⁷⁸. Вскоре радиостанцию начали монтировать в Потли, чтобы освободиться от зависимости от передатчиков на срочно необходимых для транспортировки лайнерах «Генерал» и «Корково».

Тогда, в конце июня 1918 г. в ОХЛ сочли, что конфликт с турками улажен вполне удовлетворительно. Он оказался неожиданным и весьма эмоциональным, что можно было «списать» на восточный менталитет, но завершился вполне устраивавшим немцев, но не турок «компромиссом»¹¹⁷⁹. Людендорф полагал, что теперь, когда он (благодаря меморандуму Секта) согласился на то, что отвоевания Багдада не будет, а прочный контроль турецких войск над Азербайджаном и северной Персией необходим для стратегических целей всего Четверного союза, иных поводов для дискуссий нет. В послушности и управляемости турок впредь его убеждала смена командующего 3-й армией Вехиба-паши на Эссада-пашу, считавшегося более прогермански настроенным. Во главе созданной Энвером 9 июня османской группы армий «Восток» (3-я и 9-я армия Якуба-Шевки-паши)¹¹⁸⁰ был в конце июня поставлен вызванный из Месопотамии Халил-паша. Начальником его разместившегося в Александрополе штаба был германский майор Паракен, явно успешно «отуречившийся»¹¹⁸¹. Кроме того, в начале июля

¹¹⁷⁸ См. подр.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 75–76.*

¹¹⁷⁹ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 81–85.*

¹¹⁸⁰ См. подр.: *Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны. С. 215–218.*

¹¹⁸¹ Неопубликованную машинопись его мемуаров, оказавшуюся в Москве, кроме советского автора Лудшувейта никто не использовал.

1918 г. на Кавказ отправился и еще один эмиссар, уже из штаба Секта — глава оперативного отдела майор фон Фельдманн, который тут же провел переговоры с командующими в Батуме, Тифлисе и Елизаветполе¹¹⁸². До середины июля 1918 г. воцарилась полная уверенность в том, что турки удовольствуются своей гегемонией в Азербайджане и предоставят немцам контроль над Грузией, а через нее над всеми проектами к северу от Кавказского хребта. Однако выводить свои войска за оговоренные рубежи к 10 июля Энвер и не собирался, вновь поставив германскую дипломатию перед тяжелым выбором между конфликтом, шантажом и уступками. Реакцией могло стать только наращивание германской (и желательнее австро-венгерской — в привлекавшей Вену все более Армении, чтобы дополнительно поссорить фрондеров в Четверном союзе) группировки¹¹⁸³. Выжидая момент, немцы подчеркнуто игнорировали потребности турецких армий на Кавказе в военнотехнической помощи, не присылая ни авиацию, ни автомобили, ни специалистов по метрологии, метеорологии и связи, ни санитарные части, которые охотно направляли в зону Проливов или на р. Иордан, а затем и для обучения армии Грузии¹¹⁸⁴.

Ни о какой ликвидации кризиса не было и речи: бакинская нефть и клубок межэтнических и межконфессиональных конфликтов в Закавказье гарантировали, что это лишь передышка, но Людендорф понял это лишь спустя несколько недель и только после докладов о положении дел в Грузии прибывшего туда наконец Кресса фон Крессенштейна. Накопившиеся за это время проблемы, например необходимость посредничать в территориальных спорах, пришлось решать в почти импровизированном порядке. Хо-

---

в западной историографии этот важнейший источник практически неизвестен: *Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. (1933).*

¹¹⁸² См.: *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 204–205; Пупин Г. В. Политика Германии в Закавказье. С. 61.*

¹¹⁸³ В этом немалую роль по-прежнему играли апелляции к защите армян от турок через церковные инстанции. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 90–92, 168ff.*

¹¹⁸⁴ См. состав учебных команд для германских и создаваемых грузинских войск на Кавказе: *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 322.*

дили слухи то о вторжении османов, то большевиков, то о скором военном перевороте в пользу воссоединения с Алексеевым (!). Слухи оказались крайне преувеличены, а глава германской делегации постепенно смог принять дела. 12 июля Кресс принимал в Тифлисе Измаила Хакки-пашу, впервые присутствуя при прямом турецко-грузинском диалоге, окончившемся — благодаря конструктивной позиции германской миссии — внешне крайне успешно¹¹⁸⁵. Далее турецкий командующий выехал в Гянджу, чтобы приструнить чувствовавшего себя по мере продвижения к Баку все более волюнтаристично Нури-пашу.

Масштабной проблемой имплементации османского варианта устройства Закавказья, оформленного 4 июня 1918 г., стало дипломатическое признание его остальными Центральными державами. В июне-июле 1918 г. османская дипломатия была занята подготовкой новой конференции в Константинополе, призванной зафиксировать желаемое Порте соотношение сил и уровень зависимости от нее всех трех закавказских государств, а также Горской республики¹¹⁸⁶. Османская империя намерена была на основе Батумских договоров превратить Закавказье в аналог гетманской Украины в Брестской системе, при необходимости свергая неудобные правительства или угрожая открытым оккупационным режимом. Без выраженной позиции Германии насчет Батумских договоров сложно было предсказать и реакцию большевиков, настроенных на реинтеграцию Закавказья, так дорого поплатившегося за свою строптивость в марте-апреле 1918 г.

Представители потенциальных турецких сателлитов прибыли на будущие переговоры 24 июня, армяне медлили, грузины (миссия Гегечкори) срочно апеллировали к Германии. 10 июля Энвер отправил в Берлин принятые турецким правительством принципиальные решения, в том числе об отказе от обсуждения судьбы Батума и об исключительном праве турецких войск содействовать мусульманским правительствам и вооруженным силам на Кавказе¹¹⁸⁷. Это было явным вызовом Германии, однако не ис-

¹¹⁸⁵ Пипия Г. В. Политика Германии в Закавказье. С. 62–63.

¹¹⁸⁶ См.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 190.

¹¹⁸⁷ См.: Bihl W. Die Kaukasuspolitik der Mittelmächte. Teil II. S. 244.

ключало возможных компромиссов. С помощью балансирования и Закавказье намерены были решить и вопрос о Добрудже, а потому приглашение в Константинополь получила и болгарская делегация. Она прибыла вскоре и тут же попыталась координировать свои действия с закавказскими странами на общей антитурецкой платформе¹¹⁸⁸. В свою очередь, большевики сразу заявили (без реальных на то оснований) о намерении послать в Константинополь свою делегацию во главе с Сокольниковым, на чем настаивал из Берлина и Иоффе¹¹⁸⁹. И Кюльман, и Хинтце на это были согласны, при условии предварительного согласования хотя бы базовых позиций Москвы и Берлина¹¹⁹⁰. Это не могло не возмутить младотурок, всерьез рассчитывавших на поддержку Кайзеррейха в окончательной ликвидации большевистского влияния за Кавказским хребтом. Зримым проявлением строго обратных намерений Берлина было нежелание Германии признать территориальные условия продиктованного Портой без нее Батумского договора. Бернсторф в Константинополе затягивал открытие конференции как мог, несмотря на прибытие многих делегатов, ведь он ожидал снижения амбиций турок по мере нарастания германского присутствия в Закавказье. Тем временем турецкая 15-я пехотная дивизия закончила переброску из Констанцы в Батум.

Благодаря активному вмешательству в последний момент разбивавшегося на ходу в ситуации фон Лоссова, условия «Батумского порядка» для независимой с германской подачи Грузии¹¹⁹¹ оказались легче, чем могли быть, поэтому первоначальное требование демобилизации грузинских войск в Тифлисе игнорировали. Предусматривался и контроль за проездом по железной дороге по территории нового германского сателлита солдат турецкой армии. Среди грузинских политиков не было должного единства в вопросах внешнеполитических маневров. Они продолжали надеяться на успешное лавирование между по меньшей мере большевиками, бо-

¹¹⁸⁸ См.: *Bihl W.* Die Kaukasuspolitik der Mittelmächte. Teil II. S. 264–265.

¹¹⁸⁹ См.: *Wulff D.* Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 3. S. 271. Anm. 16.

¹¹⁹⁰ Он даже начал отдавать соответствующие инструкции (25 июля): Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 448–449.

¹¹⁹¹ При провозглашении ее независимости присутствовал германский консул фон Шуленбург.

лее крупными лимитрофами Российской империи и различными Центральными державами. Не доверяя прочности правительства Жордании, Кресс по прибытии (25 июня) сразу же стянул германские войска в Тифлис, готовясь предотвратить государственный переворот. Однако так рисковать, да еще без шансов на поддержку Антанты, грузинские элиты не собирались. Оптимальным вариантом — как и в случае с другими акторами Бреста младшего порядка из числа государств-лимитрофов — представлялся некий всеми уважаемый и международно признанный нейтралитет, сравнимый со швейцарским, шведским и т. д. Однако без какой бы то ни было «окна во внешний мир», при неспособности защитить свои границы собственными силами даже от ближайших и сопоставимых по уровню соседей, при полной зависимости от германских (или иных) кредитов и военного авторитета эти мечты оставались совершенно утопическими. Показательна позиция, озвученная Чхенкели, который в июне в Берлине весьма подробно объяснял советскому полпреду мотивы своей прогерманской ориентации и заверял в будущем восстановлении единства России при участии грузинского народа. Иоффе в ответ убеждал его, что германское господство будет не легче турецкого, а в самой Грузии повторится украинская история, т. е., по-видимому, произойдет антисоциалистический переворот¹¹⁹². Предложение войти в состав большевистской делегации на переговорах о Добавочном договоре в качестве грузинской ее части, равносильное отказу от грузинской независимости, Чхенкели отверг. Иоффе в ответ не допустил участия грузин в переговорах в качестве отдельной равноправной стороны¹¹⁹³.

Еще более уязвимым местом нужной османам подсистемы при любых обстоятельствах становились армяно-турецкие отношения. Заключение Батумского договора между армянами и турками вовсе не означало его выполнения, боевые действия на линии соприкосновения с армянскими частями османских войск Вехиба-паши удалось остановить лишь частично и с трудом¹¹⁹⁴. Непро-

¹¹⁹² См.: *Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 2. S. 245–248.*

¹¹⁹³ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 302.*

¹¹⁹⁴ См.: *Бадалян А. Х. Германо-турецкие оккупанты. С. 228–245.*

стые переговоры шли о взаимном обмене турецкими и армянскими пленными, среди которых было немало и русских, точнее, не-армянских военнопленных, которые затем могли поступить в армию Армянской республики, формируемую генерал-майором РИА И. В. Ахвердовым. Процесс возвращения их на родину смог начаться только в сентябре. Тем временем гуманитарная ситуация на до предела сократившейся территории Армении, — а османские генералы не спешили отступать на продиктованные ими же границы, — быстро накалялась. В своих апелляциях к германским ведомствам армянские политики утверждали, что в Эриванский округ бежало, спасаясь от турок, едва ли не полмиллиона беженцев. Прекрасно осведомленный о том, что происходило в Османской империи и ранее, бывший посол в Константинополе, там же родившийся сын многолетнего директора Восточной и Анатолийской железных дорог¹¹⁹⁵ Р. фон Кюльман в этой ситуации мог отделяться лишь громким молчанием и частными указаниями отдельным эмиссарам.

Среди армянских политиков все более распространялось мнение, что альтернативой физическому истреблению является германский протекторат. Вполне резонно полагали, что наиболее эффективное противодействие расправам с армянами окажут именно германские офицеры, а потому военные оказались еще сильнее втянуты в этот острый и прямо не связанный с требованиями кампании 1918 г. вопрос¹¹⁹⁶. В итоге дошло до протестов, высказанных Энверу лично Гинденбургом как христианином. Реагировал на поступающие к нему по дипломатической линии запросы и Кресс. По церковной линии продолжались контакты с католиками, что открывало определенные перспективы австро-венгерским амбициям. Параллельно армяне совершенно логично искали контактов и с Москвой, рассчитывая на возвращение к повестке условий Бреста, которые теперь были для них недостижимой мечтой. В рамках складывающегося особого «батумского порядка» армянским политикам пришлось нанести в Константинополе визиты Талаату и Энверу, что было для них особым испытанием.

¹¹⁹⁵ На этом же посту до Великой войны побывал и К. Гельферих.

¹¹⁹⁶ См. подп.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 68–72.*

Впрочем, там их приняли достаточно благосклонно, так как уже искали противовес германскому влиянию в Грузии. Поскольку это никак не отменяло предельно жестких действий против армян в Закавказье, такой парадоксальный после резни «флирт» закончился без последствий.

Зато уже 30–31 июля визит в Армению, балансировавшую на грани войны еще и с Грузией, нанес Кресс, оказавшийся верховным арбитром сразу между всеми участниками бывшей Закавказской федерации и ее соседями¹¹⁹⁷. Устроенный ему прием показывал, что армяне не теряют надежды на существенную корректировку германской политики, чего справедливо опасались препятствовавшие этой миссии турки¹¹⁹⁸. К началу августа 1918 г. в решающую стадию вошел и проект отправки в Грузию (а оттуда явно в Армению) австро-венгерской военной миссии, однако войска для нее (хотя бы 2–3–4 батальона) можно было бы взять только на Украине, а их там (тем более укомплектованных титульными нациями) и так не хватало. Недостаток германских сил в Закавказье — при осложнившихся отношениях с османскими и протурецкими войсками — привел к тому, что германские инстанции (даже ОХЛ) были только за ввод австро-венгерских войск в Армению, а к середине сентября согласились даже на возможное их участие в операции против Баку, хотя это и заставило бы выделить часть нефтяных запасов¹¹⁹⁹. Тем не менее слабеющая монархия уже не проявляла должной активности, действуя все осторожнее и не торопясь признавать Армению даже *de facto*. Армянская делегация вынуждена была вновь расточать любезности перед Портой на приеме у султана 6 сентября¹²⁰⁰. Оставленный Крессом в Эривани лейтенант из авиаотряда

¹¹⁹⁷ Он сам дал краткую, но впечатляющую своей сложностью картину его повседневных хлопот. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 28–30.

¹¹⁹⁸ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 23–24. Уже 30 августа Кресс приехал в Эривань еще раз. См.: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921*. S. 147–148, 151.

¹¹⁹⁹ См. подр.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*. Teil II. S. 173–178.

¹²⁰⁰ Султан даже заверил, что сильная Армения станет хорошим соседом Турции, в то время как с грузинскими эмиссарами говорить ему было

Лйземанн 9 сентября направил командиру крайне неутешительный отчет о перспективах военного сотрудничества с Арменией¹²⁰¹. Мало того, именно в эти дни шеф германской миссии в Тифлисе был столь поглощен бакинской проблемой, что любые армянские проекты остались для него за гранью возможного. Тем временем почти нелегальный военный контроль над территорией Армении стремился установить легендарный лидер армянских дружин Андраник, что означало эскалацию насилия до истребительной войны в ближайшем будущем и при первой возможности. Конфликтовать с ним официальное армянское правительство опасалось, а сам генерал-майор бывшей русской армии рассматривал самые разные варианты сотрудничества ради продолжения беспощадной войны с турками и азербайджанцами.

Согласие Германии на протекторат над Грузией автоматически вовлекало ее в новые проекты на сопредельных с грузинскими территориях. Учитывая быстрое обострение обстановки вокруг Новороссийска, следующим шагом должно было бы стать решение судьбы Северного Кавказа, заняться которым вплотную пока оказались не в силах ни кубанские большевики, ни тем более Добровольческая армия, несмотря на обращения делегаций от местного населения. В случае прочного закрепления Новороссийска за германским десантом или готовым к сотрудничеству с Кайзеррейхом правительством на Кубани, а также с учетом продвижения грузинских войск на север вдоль берега Черного моря возникала перспектива соединения экспансии с юга и с севера и установления сплошного контроля над кавказским побережьем Черного моря, для чего понадобился бы по меньшей мере кубанский атаман, ориентирующийся скорее на Краснова, нежели на Добровольческую армию. Это стало бы новым и решительным шагом к отделению от Советской России всего юга, включая Северный Кавказ и все казачьи области, то есть к образованию того Юго-Восточного Союза, разговоры о котором начались еще при Каледине и Центральной раде. Дополнительный импульс этим планам придавали амбиции

не о чем. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 258-259.*

¹²⁰¹ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 326.*

грузинского правительства, уже мечтавшего о походе на Майкоп (при содействии германских войск в отражении подстрекаемых турками горцев), и желание германской миссии в Тифлисе обзавестись альтернативой нефтяным богатствам Баку, которую видели в возможности захватить Грозный¹²⁰². От подобных искушений с трудом могли отказаться даже в обычно скептически настроенном и осторожном германском внешнеполитическом ведомстве.

Однако амбиции Тифлиса были плохо совместимы с все более активно разгоравшимся грузино-абхазским конфликтом, заинтересованными сторонами в котором выступали как Горская республика, так и Османская империя. Попытки организовать прогрузинское «волеизъявление» населения Абхазии предпринимались в Тифлисе еще в феврале, но в июне — после боевых действий и в разгар османских побед — они имели мало шансов на убедительность. В конце июня 1918 г. в Сухуме — после очередного «обращения за помощью» и к огромной тревоге грузинского правительства — высадился турецкий десант (около 300 или 600 человек)¹²⁰³. Активного содействия абхазов он не получил, а встревоженному Крессу пришлось отправить в Абхазию небольшой контингент германских солдат¹²⁰⁴. Подполковник фон Фельдманн из турецкой Ставки сообщил, что Энвер разрешения Вехибу на отправку десанта не давал, так что командующий на Кавказе попросту нарушил приказ. 29–30 июня 1918 г. из Тифлиса в Батум через Потти на судне «Генерал» выезжал улаживать конфликт Кресс, но быстрого результата не добился¹²⁰⁵, апеллировав к высшим инстанциям. Разгоревшийся скандал при-

¹²⁰² См.: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 102–103.

¹²⁰³ Советская версия настаивает на том, что это турецкая операция с участием абхазов: Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны. С. 224–227. Абхазские историки предпочитают считать этот десант войсками Горской республики, апеллируя и к большому количеству выходцев с Северного Кавказа, служивших в османской армии. См.: Лакоба С. Абхазия после двух империй. С. 59.

¹²⁰⁴ Для острастки германский гарнизон в начале июля арестовал несколько десятков казаков. См.: Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1. S. 477–478.

¹²⁰⁵ См. описание переговоров в Батуме в конце июня — начале июля: Пипия Г. В. Политика Германии в Закавказье. С. 57–58.

шел к тому, что Энвер, прикрывая якобы своеволие Вехиба¹²⁰⁶, сменил его на его же старшего брата Эссада-пашу. Тот стал затягивать переговоры и ссылаться на отсутствие полномочий, однако Сухум через несколько дней турками был оставлен, им пришлось ограничиться лишь демонстрацией силы¹²⁰⁷. Грузинское правительство поспешило оформить «договором» свой протекторат, а затем и суверенитет над Абхазией 8 июня и 11 июля 1918 г., что вызвало резкие протесты местного населения, особенно после образования на землях Абхазии грузинского генерал-губернаторства¹²⁰⁸. Тем временем были заняты Адлер и Сочи (5 июля), а затем Туапсе, причем было заявлено о претензиях едва ли не на всю территорию Черноморской губернии.

В конце июля германская миссия обнаружила, что в Батуме на лайнер «Корковадо» грузятся крупные силы турецкой 15-й дивизии, видимо, для десанта в Абхазии. В Сухум срочно отправилась дополнительная рота баварских егерей, но это не остановило еще один виток конфликта¹²⁰⁹. В начале августа в Сухуме высадил десанты (600 человек, под видом абхазских партизан-мухаджиров) теперь уже Эссад-паша. Глава германской миссии срочно выехал на место и распорядился об усилении сил интервентов в Абхазии. 1 сентября Эссад-паша направил ноту Крессу, где напоминал, что этот город принадлежит Горской республике¹²¹⁰. 4–6 сентября германский контингент (срочно переброшенный 9-й резервный егерский) заставил турок (турецких черкесов?) разоружиться, а затем их под видом «дезертиров» вернули в Батум¹²¹¹. Герман-

¹²⁰⁶ Характерен этнический аспект кадровых назначений, матерью Вехиба и Эссада-паши была грузинка-мусульманка из Ахалкалаки.

¹²⁰⁷ Он не желал даже освободить взятых турками в плен германских солдат. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 18–19.

¹²⁰⁸ См. абхазскую версию событий: *Лакоба С. Абхазия после двух империй XIX–XXI вв.* М., 2004. С. 52–72.

¹²⁰⁹ Всего к началу августа в Абхазии было не менее 6 взводов при 6 пулеметах. Егерские роты были разбросаны по всей оккупированной территории: *Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1*. S. 480–482.

¹²¹⁰ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*. Teil II. S. 325.

¹²¹¹ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 31; *Karitzky E. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 9*. S. 142–143.

ские войска остались в Гаграх и в Адлере до начала октября. Даже явно неудачные попытки турецких генералов снискать себе славу завоевателей и борцов за веру не останавливали других, а одной только угрозы германского вмешательства было недостаточно. Местное население (в Сочи и Туапсе), как и во многих других случаях, демонстрировало уклончивую позицию¹²¹², прямо связанную не с национальным составом населения, а только со стремлением к минимизации грабежей, хотя линию границы и здесь пытались обосновать националистически. К активному решению обнаруженной северокавказскими большевиками проблемы «грузинского империализма» вернулись лишь через несколько месяцев, а именно войска Добровольческой армии¹²¹³. После победы в кампании 1918 г. на Кубани и Ставрополье на этот раз уже белые стали надеждой абхазов в борьбе против грузинской экспансии. Проявивший слишком активное стремление к взаимовыгодному сотрудничеству с белыми генерал Мазниев был снят, сменивший его Кониев тут же озабочился демонстрацией германского военного присутствия¹²¹⁴. Первые переговоры между делегатами Грузии (Гегечкори) и Алексеевым, а также представителями Кубанской рады в Екатеринодаре (25 сентября 1918 г.) выявили крайне далекие от компромисса позиции. Неуверенности грузинам добавил вывод германских егерей из Абхазии в начале и конце октября 1918 г. Поначалу думали, что ради будущей операции в Баку, но затем оккупанты стали готовиться к погрузке в Поти¹²¹⁵.

На протяжении всего 1918 г. борьба советских эмиссаров во Владикавказе с местными сепаратистами за симпатии различных горских народностей шла с переменным успехом, так что противоборствующие стороны добивались активного вмешательства извне,

¹²¹² См. подр. о боях за Сочи и Гагры вплоть до лета 1920 г.: *Воронович Н. Меж двух огней* (Записки зеленого). С. 96–182.

¹²¹³ См.: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921*. S. 220–225; *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. Т. 3. С. 399–405.

¹²¹⁴ См.: *Лукомский А. С. Очерки из моей жизни*. С. 508–512.

¹²¹⁵ Егерей выводили дважды. 5–8 октября их стянули в Поти, но затем почти сразу вернули обратно в Абхазию, откуда отождели обратно в Поти уже 24 октября. См.: *Karitzky E. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 9*. S. 143–144.

в том числе Германии¹²¹⁶. Еще в конце февраля 1918 г. в Вену и Берлин стала поступать информация о постепенном оформлении националистического движения горцев¹²¹⁷, но придавать ему импульс вилоть до прибытия Кресса в Грузию у Германии не было ни возможности, ни желания. Не вызывали энтузиазма и сведения о том, что в Константинополе принимают делегации не только от крымских татар и азербайджанцев, но и Чермоева и Бамматова, быстро получивших протекцию убежденного пантюркиста Энвера¹²¹⁸. Получаемые фантастические известия о формирующихся армиях и желании дружить с Кайзеррейхом, а не присоединяться к Турции, о способности изгнать всех большевиков за Куму и Кубань¹²¹⁹ не могли получить подтверждения. С другой стороны, поводов отказать в отправке хотя бы турецких инструкторов за Кавказский хребет у миссии в Тифлисе не нашлось, а на любые возражения германских военных делегаты от Союза горцев отвечали жалобами на помощь большевиков терским казакам (!) и усилением просьб о германском покровительстве, если уж препятствуют турецкому¹²²⁰. Вскоре в Тифлисе появилось своего рода «теневое правительство» Северного Кавказа. Лишенное пока и территории, и тем более вооруженных сил, оно имело в виду наступление на Владикавказ с помощью германских войск, чтобы затем через Терек и побережье Каспия захватить находящийся с конца марта 1918 г. под контролем большевиков и их союзников Баку еще до его взятия англичанами или турками и их союзниками.

¹²¹⁶ До сих пор едва ли не единственной специальной работой об этом остается: *Zürner W. Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens im Jahre 1918* // JfGO. 1978. Bd. 26. Hf. 1. S. 31-59.

¹²¹⁷ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 285-287.*

¹²¹⁸ См. подр. о различных панисламских и пантюркистских проектах и эмиссарах от мусульман Российской империи в Константинополе: *Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken. S. 25-26.*

¹²¹⁹ См. примеры: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 289ff.*

¹²²⁰ Доходили даже до попыток ввести Кресса в заблуждение, что все необходимые и твердые гарантии германского протектората представителям Северного Кавказа уже якобы дали германские инстанции в Киеве, а то и в Берлине. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 25, 29.*

Уже в конце мая 1918 г. референт АА Надольны мечтал найти на Кавказе такого удобного для Германии контрагента, чтобы можно было и вовсе отказаться от сотрудничества и дележа трофеев с Портой¹²²¹. Приостановка экспансии турок в сторону нефтепромыслов Каспия была столь важна, что достаточно быстро германские эмиссары начали искать пути воздействия на мусаватистов, тем более что правительство независимого Азербайджана вплоть до 16 июня 1918 г. вынуждено было оставаться в Тифлисе, лишь затем выехав в Гянджу, занятую с 25–27 мая османскими войсками, которые возглавил только что прибывший Нури-паша. Хотя он заявлял о невмешательстве во внутренние дела Азербайджана, по мере прибытия подкрепления от Вехиба его диктат становился все более откровенным. С самостоятельностью азербайджанских войск во главе с авторитетным генералом РИА Али-агой Шихлинским пока что было покончено.

Важным стимулом для германо-азербайджанских контактов было недовольство последних грубым аннексионизмом младотурок. На волне возмущения было реформировано правительство, которое даже признало необходимость наличия у независимой Армении собственной территории, «уступив (! — Л. Л.) ей Эривань»¹²²². В поисках более конструктивной позиции османской стороны эмиссары Азербайджана выехали в Константинополь, где более всего их интересовало продолжение турецкой военной помощи, означавшей в действительности расширение зоны турецкой оккупации. Усилия в этом направлении последовали незамедлительно, тем более что в то же время бакинские большевики стремились захватить Гянджу и покончить с едва провозглашенной азербайджанской независимостью. Германская миссия, не имея должных инструкций о согласовании с большевиками вопросов поставки бакинской нефти, никак не препятствовала наращиванию турецких сил, логично полагая, что быстрая большевистская экспансия в Закавказье невыгодна интересам Германии, тем более

¹²²¹ Эти фантазии были не реализованы, но весьма показательны для возможных альтернатив, рассматривавшихся в АА: Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehet? S. 75–76.

¹²²² См. подр.: Балаев А. Азербайджанское национальное движение. С. 207–219.

ценой роста недовольства и без того раздраженного османского союзника. Чуть позже и Кресс фон Крессенштейн предпринял более тесное знакомство с азербайджанским правительством в Гяндже 16–17 июля 1918 г.¹²²³ Выслушав только что посетившего Азербайджан Исмаила Хакки-пашу в Тифлисе, он решил не дожидаться новых сюрпризов от османских войск.

Результаты переговоров Кресса с мусаватистами и с турецким командованием были неутешительны: несмотря на скепсис некоторых азербайджанских политиков относительно намерений османов, Исламская армия¹²²⁴ могла быть только протурецким проектом, пока что полностью подконтрольным брату Энвера Нури-паше. Последний сильно переоценивал победы своих войск над отрядами Бакинского совета в разгоревшихся с середины июня боевых действиях, а потому действовал все более своевольно, считая открытую аннексию Азербайджана Османской империей делом ближайшего будущего. Тем временем и в конце июля дипломаты в Константинополе и других столицах Центральных держав и их сателлитов продолжали готовиться к будущей конференции, которая расставит все точки над «i». Германия на тот момент рассчитывала подороже продать свое согласие на турецкие аннексии за рамками брестских границ, одновременно надеясь на правдивость уверений Нури-паши, что никакого продвижения в сторону Баку нет¹²²⁵. 14 июля 1918 г. для придания легитимности пересмотру Бреста, но согласно букве брестских договоренностей, турки провели плебисциты в трех санджаках, окончившиеся предсказуемо нужным Порте результатом без всякой видимости репрезентативности¹²²⁶. Уровень добровольности волеизъявления

¹²²³ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 20; *Zürcher W. Kaukasien 1918–1921*. S. 154–156.

¹²²⁴ См. подр.: *Сулейманов М. Кавказская исламская армия и Азербайджан*. Баку, 1999.

¹²²⁵ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*. Teil II. S. 98–99, 244ff.

¹²²⁶ Из 35 тысяч жителей Батума бежало до 70 %, так что за присоединение к Турции проголосовали лишь 2669 человек. См.: *Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken*. S. 30; *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*. Teil II. S. 245–251.

очень быстро был продемонстрирован провалом надежд на массовую мобилизацию новых подданных, особенно аджарцев, в османскую армию. Протесты Грузии были подробны (и неубедительно отклонены)¹²²⁷, а к 14 сентября 1918 г. на «возвращенных» территориях был образован вилайет Батум. Германской стороной этот шаг был расценен как постепенное возвращение турок к необходимости соблюдать условия Бреста, в то время как у османов намерения были обратные: закрепить полученное в Бресте юридически так, чтобы вывести эти территории из оборота будущего торга вокруг батумского варианта переустройства Закавказья. Как уже не раз бывало в Закавказье и до этого, события ближайших дней очередной раз опрокинули расчеты. Было очевидно, что, увлекаясь инерцией своих силовых проектов, германские военные, политики и дипломаты совершенно не желали учитывать необратимость такой же инерции и у других держав.

Схожая с Азербайджаном судьба должна была постигнуть и еще один мусульманский, но уже нетюркский проект лимитрофа: Горскую республику. Поначалу горцам пришлось сосредоточиться на взятии Владикавказа, чего сумели бы добиться и собственными силами (судя по рейду в середине августа), а тем более с помощью грузинского, то есть германского оружия¹²²⁸. О захвате столицы Горской республики мечтал и Энвер, планируя направить для этого 2 дивизии во главе с Юсуфом-пашой, однако без пропуска через Грузию это было простыми фантазиями. Понимая это, северокавказские эмиссары обратили свое внимание на других покровителей. 28 июня Чермоев посетил Кресса, который вскоре увлекся мыслью о контроле над грозненской нефтью и о пресечении влияния Антанты во Владикавказе силами 1 германского и 4–6 турецких батальонов¹²²⁹. Для начала Кресс вскоре выставил

¹²²⁷ Так что даже грузинская сторона опубликовала османский ответ как вполне наглядный. Кресс фон Крессенштейн согласился поддержать в возможной дискуссии о правомерности грузинскую позицию, но не более того: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 370–374, 377–378.

¹²²⁸ См. подр.: Мамулия Г. Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г. // Nowy Prometeusz. Warszawa, 2013, № 5. S. 197–205.

¹²²⁹ См.: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 86–87.

германские посты у Казбека, имея в виду наблюдение за важнейшим перевалом¹²³⁰, а затем направил в Осетию бежавшего из русского плена германского кавалерийского офицера Х. Фолька¹²³¹. Был подготовлен и проект договора с Горской республикой, по-видимому, аналогичный германо-грузинским соглашениям от 28 мая 1918 г., однако подписать его заигравшемуся эмиссару ОХЛ в Тифлисе не позволили. Как и везде, проводником политики великой державы должны были стать национальные части из солдат армии локального правительства и/или военнопленных либо безусловно лояльное к ним местное ополчение. И — опять-таки, как и везде — по мере получения помощи быстро выяснялось, что третьестепенные элементы системы не намерены всерьез соглашаться на протекторат и вассалитет даже со стороны первостепенных элементов, претендуя лишь на чуть ли не безвозмездную помощь без встречных обязательств. Учитывая уже имевшийся некоторый отрицательный опыт подобной «неблагодарности» и строптивости мелких региональных партнеров, в АА продолжали упорно собирать всевозможные сведения о потенциале Горской республики и об ее пока что находящихся в изгнании лидерах¹²³², прежде чем решаться на более официальные шаги по поддержке расточающих заманчивые обещания новых сателлитов.

Всего за 2–3 недели после «мира» в Батуме стало очевидно, что «примирившиеся» государства чинят различные помехи друг другу, а вооруженные инциденты (с участием немцев на стороне грузин) продолжают¹²³³. Турки тщетно обращались к различным армянским инстанциям, надеясь на должное соблюдение подписанных в Батуме соглашений и на вывод «армянских войск» из Баку (хотя они не подчинялись эриванскому правительству). В Эривани упирали на невозможность организовать вывоз армянского населения из

¹²³⁰ См.: *Das Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 7*. S. 200.

¹²³¹ *Volck H. Öl und Mohammed: "Der Offizier Hindenburgs" im Kaukasus*. Breslau, 1938. S. 190ff.

¹²³² См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II*. S. 304ff.

¹²³³ Германские войска и бронепоезда вели бои под станцией Коллагран. *Бадалян А. Х. Германо-турецкие оккупанты*. С. 208. В июне турецкие войска взяли в плен несколько германских постовых на линии железной дороги.

Азербайджана, что было гарантировано Батумским договором¹²³⁴. Кроме того, Армении грозил голод из-за огромного наплыва беженцев с турецких территорий, так что германская миссия в Тифлисе апеллировала к Берлину о содействии в спасении полумиллиона христиан¹²³⁵. Крессу понадобилось около 2 месяцев, чтобы добиться от турок отхода на согласованные в Батуме границы, а от грузин, которым он естественным образом сочувствовал, согласия на пропуск некоторых военных грузов и даже транспортировки на родину турецких солдат. Характерно, что грузины при поддержке германского эмиссара препятствовали переброске турецких войск вплоть до возвращения им Ахалциха и Ахалкалаков, эвакуация которых османами началась лишь 25 августа¹²³⁶. Людендорф, узнав об этом, в середине июля попросту приказал Крессу обеспечить транспортировку, не дожидаясь урегулирования спора, но последний — твердо соблюдая грузинские интересы — пригрозил своей немедленной отставкой. Всесильному главе ОХЛ вскоре стало совсем не до этого, а неудача под Баку в начале августа заставила Энвера все же очистить грузинскую территорию. В свою очередь немцы тут же добились разблокирования грузинами транспорта¹²³⁷, что поспособствовало наращиванию османских сил в Азербайджане с неожиданно быстрыми последствиями этого.

Эти успехи были прямо пропорциональны росту германской войсковой группировки в Грузии. Еще в конце июня в Тифлисе разместился 28-й германский авиаотряд, что могло привести к выходу разведки и боевых действий в Закавказье на качественно иной уровень. Стал прибывать дивизион артиллерии из 65-го полка¹²³⁸.

¹²³⁴ См.: Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 183–187, 197–205.

¹²³⁵ 19–20 июля Кресс телеграфировал об этом в АА: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 452.

¹²³⁶ См.: Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 32.

¹²³⁷ 31 августа германский офицер из южной Грузии доложил, что первые три турецких военных эшелона проехали из Александрополя. См.: Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1. S. 497.

¹²³⁸ Применения себе — из-за отказа от похода на Баку — он так и не нашел, явившись лишь демонстрацией силы повстанцам. См.: Retzlaff K. Reserve-Feldartillerie-Regiment Nr. 65. S. 131–135.

Первые крупные подкрепления для германской миссии в Грузии готовили в Севастополе весь июль, изрядно затянув отправку. Решительный шаг к будущей масштабной экспансии был сделан с прибытием в начале августа на лайнере «Корковадо» штаба 29-го пехотного баварского полка (германский партикуляризм, пусть и не без доли случая, сказался и здесь). Пехоту с началом перебросок по морю из Крыма Кресс свел в Кавказский егерский полк (1 июля), насчитывавший около 500 бойцов. Из трофейного оружия ему было передано 2 орудия, для собственной артиллерии. Приняли в полк и до 15 бывших офицеров РИА из балтийских немцев. 15 августа на основе последнего и 7-го и 9-го резервных егерских батальонов (прибыли в Потти 1 августа)¹²³⁹ образовали единый 15-й баварский егерский полк (около 1700 человек), под командованием старого знакомого Кресса полковника Ф. Ашауэра¹²⁴⁰. Немногочисленному пока германскому десанту в Закавказье присылали минометы, легкие и тяжелые пулеметы, постепенно налаживалась организация обозов и парков. Важным подкреплением в борьбе с восстаниями могла бы стать и оставшаяся после разгрома «красного десанта» под Таганрогом, а затем прибывшая через Севастополь в Потти 12 сентября 7-я баварская кавбригада (4-й и 5-й шеволежерские полки).

Наращивание сил кайзеровской армии в Грузии продолжалось три месяца, хотя отсутствовали даже элементарные инфраструктурные условия для содержания интервентов. Состояние дорог, казарм и общие впечатления от новой страны пребывания давали

¹²³⁹ Долго не могли предоставить транспорт, да и отправляли без лошадей, которых доставили лишь 29 августа собравшиеся в Севастополе отпускники из батальона: *Das Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 7*. S. 195–198, 200. Утверждалось даже, что Кресс никаких подкреплений не запрашивал и не ожидал, имея в виду кавалерию, а не пехоту для укрепления контроля над Грузией. См.: *Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1*. S. 496.

¹²⁴⁰ См. подпр.: *Aschauer P. Auf Schicksalswegen gen Osten: Kriegserlebnisse eines deutschen Jägerregiments in Rumänien, auf der Krim und im Kaukasus*. Münster, 1930. S. 303, 306ff. Весьма характерно для германской политики на Востоке то, что в состав этого полка были приняты лейтенантами 13 бывших русских офицеров из балтийских немцев. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 17.

поначалу массу поводов к недовольству друг другом новых союзников. Довольно быстро прибывшие батальоны германских войск были распределены по территории Грузии¹²⁴¹, что еще нагляднее показывало, что «союзники» оккупируют страну, а не присутствуют в качестве гарантии ее независимости или готовятся к расширению ее границ. Именно в Закавказье порожденный Брестом и его последствиями порядок держался на германских штыках в наибольшей степени, а в Грузии в особенно прямом смысле — немецкие солдаты занимали все узловые станции и прикрывали границы нового сателлита¹²⁴². Как и большинству германских офицеров, попавших в Азию и на Кавказ в частности, Крессу понадобилось некоторое время, чтобы убедиться в том, что добиться здесь приемлемых по германским меркам нравов и порядков попросту невозможно. «Отуречиться» же в должной мере, а тем более овладеть турецким языком, он попросту не успел¹²⁴³.

С началом активной поддержки Грузии, включавшей в себя и участие в подавлении крестьянских восстаний, в том числе в Осетии, мешавших установлению контроля над стратегически важными коммуникациями на Кавказе¹²⁴⁴, последовали обычные для германской оккупации явления. И без того испытывавшие противоречивые чувства из-за прибытия иностранных военных местные жители познали реквизиции (особенно лошадей) и грабеж, под видом «покупки по твердым ценам». Это гарантировало

¹²⁴¹ 7-й резервный егерский батальон разместился в Боржоме, Ачури, Чиоби, Казбеке и в Цхинвале: *Das Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 7*. S. 199–200. 9-й резервный сразу же отправился в Тифлис, Кутаис, Натанеби и в Гагры. См.: *Karitzky E. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 9*. S. 140.

¹²⁴² Об этом хорошо знали и в Советской России, см.: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 169. Л. 21.

¹²⁴³ *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis*. S. 294–295.

¹²⁴⁴ Так, германские части были брошены против захвативших Дарьяльское ущелье и важный проход в Терскую область крестьянских отрядов из Душети. «Это была настоящая позиционная война, с применением... артиллерии и аэропланов. Ничего подобного не наблюдалось при столкновении с турецкими войсками под Батумом или у Озургет». Проводились и многочисленные акции по разоружению деревень. См.: *Девдариани Г. Дни господства меньшевиков*. С. 426–434; *Борьба за победу советской власти в Грузии*. С. 310–314, 317.

излишний расход сил на поддержание порядка не только на границах, державшихся на неуклонном давлении Кресса на турецких генералов, но и внутри сотрясаемой мятежами страны¹²⁴⁵. Планировавшийся к формированию Грузинский легион постарались отправить в Тифлис почти сразу после прибытия в Грузию миссии Кресса фон Крессенштейна, но его было явно недостаточно (как не хватило для укрепления власти прогерманскому правительству Суоми и финляндских егерей в феврале 1918 г.). Уже очень скоро германские военные специалисты перешли к созданию едва ли не с нуля¹²⁴⁶ и под германским руководством грузинской армии (планировалось до 40–45 тысяч солдат в 2 пехотных и 1 кавалерийской дивизиях)¹²⁴⁷. Этому должны были поспособствовать и освобожденные в упрощенном порядке и специально отбираемые еще с конца 1917 г. грузины (или объявившие себя таковыми) из числа военнопленных офицеров и солдат бывшей РИА. Лишь к осени 1918 г. за командирами должны были последовать до того удерживаемые в Германии в качестве рабочей силы солдаты-грузины¹²⁴⁸.

¹²⁴⁵ 22 сентября 1918 г. Кресс и вовсе предлагал министру внутренних дел Грузии Н. Рамишвили взыскивать силами германских войск арендную плату с крестьян, очевидно имея в виду и последующий раздел полученных ресурсов. См.: *Борьба за победу советской власти в Грузии*. С. 329–330.

¹²⁴⁶ Кресс фон Крессенштейн оценивал ее состояние к концу июня крайне скептически — около 10 тысяч вполне разложенных революцией войск, не слишком отличающихся от Красной гвардии. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 15.

¹²⁴⁷ Большевики впоследствии их организацию приписывали себе. См., напр.: *Девдариани Г.* Дни господства меньшевиков. С. 403–442; *Сунд Р. Г.* Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская Гражданская война // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М., 1994. С. 230–231, 235–238.

¹²⁴⁸ Подробности «грузинской» акции в германских лагерях военнопленных, об образовании отдельного лагеря для офицеров-грузин в Загани — Грюнтале (в марте 1918 г.) см.: *SächshStA*. 11248.6996. Bl. 256–261; 7018; 7072. Bl. 33, 113; 11348.165. Bl. 90, 320. Распоряжение ПВМ о предстоящем освобождении как можно большего числа грузинских пленных было отдано 15 июля 1918 г. См.: *SächshStA*. 11348.166. Bl. 628. Обзор эффекта от национальных акций германских властей в лагерях военнопленных: *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. С. 162–183. См. также общий обзор

«Излишних» русских офицеров Кресс планировал завербовать в Астраханскую армию и затем отправить в Ростов, однако грузинское правительство не желало допускать открытой вербовки в монархические белогвардейские армии на своей территории¹²⁴⁹. Германская сторона уже к 21 августа выделила грузинам трофейные русские винтовки и патроны на половину планируемого состава¹²⁵⁰. И все же в хозяйственном отношении положение с оснащением и даже бытом создаваемых войск было плачевным: Кресс просил АА прислать из Германии не только медикаменты, но и гвозди, нитки, посуду, столовые приборы, ножи, пуговицы, спички и т. д.¹²⁵¹

Крессу удалось добиться существенных успехов в развитии вооруженных сил нового германского сателлита, однако — вновь по аналогии с Украиной периода правления Рады — пришлось столкнуться с помехами, вызванными социалистической ориентацией местного кабинета. Проблем с установлением элементарного порядка было столько, что прежний эмиссар — капитан фон Нида — еще в конце июня уверял АА, что предпосылок для создания боеспособных грузинских войск нет вовсе¹²⁵². С учетом большого количества офицеров-грузин в РИА, в том числе высших чинов (генералы Квинитадзе, Мазниев и др.), а также многочисленных прошедших фронты Великой войны солдат это вряд ли было верно, хотя проблем, особенно вызванных разницей в мен-

---

сведений о Грузинском легионе (с численностью около 3 тысяч нижних чинов и 70 офицеров из Грузии): *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 31.*

¹²⁴⁹ Из Ростова для формирования прибыл ротмистр Берг. 2 документа по этому вопросу от 22 и 28 августа: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 378–379.

¹²⁵⁰ То есть 20 тысяч винтовок, 4,3 миллиона патронов и 250 пулеметов. *Baumgart W. Kaspí-Unternehmen. S. 61f.; Anm. 73.* Видимо, «выделили» прямо с захваченных складов Кавказского фронта в Тифлисе. «Расходы» взяла на себя Германия, выделив Грузии кредит, так последней и не возвращенный.

¹²⁵¹ См. его телеграмму от 14 сентября 1918 г.: *Липия Г. В. Политика Германии в Закавказье. С. 193.*

¹²⁵² См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 302.*

талитете, хватало¹²⁵³. Кресс фон Крессенштейн отличался решительностью и располагал необходимыми средствами принуждения. Он вознамерился переформировать и сделать регулярными войска грузинской Народной гвардии, несмотря на скепсис офицеров утвержденных в конце июня в качестве главной вооруженной силы Грузии¹²⁵⁴. 14 августа меньшевистское правительство одобрило разработанный Крессом военный закон, но лишь с большой неохотой¹²⁵⁵. Долго уклонялись меньшевики и от настояний Кресса о роспуске Красной гвардии, так что возникала перспектива прямых контактов с германским эмиссаром более консервативно настроенной части местной элиты, то есть предпосылки к «украинскому варианту» от 29 апреля 1918 г.

После первого периода восторгов из-за полученной за счет германского присутствия гарантии спасения от османского вторжения с течением времени должны были нарастать и крайне отрицательные эффекты от оккупации, как и ее восприятие местными жителями. К тревоге баварца Кресса все более резко действовал против населения «союзной страны» и бывший до конца августа 1918 г. основой германских сил в Грузии 10-й прусский штурмовой батальон¹²⁵⁶, по очевидным причинам не слишком охотно учитывавший авторитет главы германской миссии в Тифлисе. Он прибыл из состава 10-й армии, а распоряжением 6 сентября был усилен, получив собственную пулеметную и минометную роты, а также право сформировать еще одну «гарнизонную» роту из военнопленных на месте дислокации¹²⁵⁷. В случае инкорпорирования или переобучения штурмовым батальоном большого

¹²⁵³ См. крайне националистически-пристрастное (хотя сам автор начал овладевать родным языком лишь в 1918 г.), но подробное описание развития грузинских вооруженных сил в 1918–1921 гг.: *Квиниладзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921 гг. Paris, 1985.

¹²⁵⁴ Текст законопроекта о Народной гвардии Грузинской республики см.: *Квиниладзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. С. 48–51.

¹²⁵⁵ См.: *Kress von Kressenstein F. v.* Meine Mission im Kaukasus. Bl. 19–20.

¹²⁵⁶ См.: *Kress von Kressenstein F. v.* Meine Mission im Kaukasus. Bl. 31–32.

¹²⁵⁷ *Gruss H.* Die deutschen Sturmbataillone im Weltkrieg. S. 94, 162. В итоге численность батальона должна была превысить 1000 человек.

числа переживших плен в России, подавляющее большинство из которых было пруссаками, угроза все более самостоятельных и по-прусски жестких его действий только возросла бы. Крессу фон Крессенштейну пришлось всерьез задуматься о превентивных мерах по стабилизации политической обстановки в Грузии.

По опыту Украины в августе же была проведена попытка высылки всех «подозрительных», то есть потенциально способных на акции против германских интервентов лиц. Однако около 2 тысяч человек, отправленных в Севастополь, после вмешательства Людендорфа и невзирая на всю негуманность таких перевозок пришлось вернуть назад в Поты¹²⁵⁸. Немалой проблемой военного сотрудничества Германии и Грузии являлись перебои в работе железных дорог, которые немцам сразу пришлось взять под свою охрану, а затем и обнаружить, что без нефтепродуктов из Баку, то есть на угле, грузинский персонал обслуживает их с трудом¹²⁵⁹. Тем временем устраивались германские военные в Грузии основательно, осваиваясь с местным колоритом, а в августе даже начав отправку личного состава в очередные отпуска¹²⁶⁰, что было важным признаком долгосрочности взятой на себя миссии. По-настоящему серьезные военные задачи перед закавказским контингентом можно было бы ставить, лишь когда он будет развернут в соединение всех трех (а то и четырех) родов войск, не уступающее Балтийской дивизии в Финляндии. К началу сентября все признаки завершения этого процесса были налицо. 1 сентября 1918 г. в Севастополе началась погрузка на суда усиленной 7-й кавалерийской бригады, собранной из оккупационных войск на Украине и на Дону. Уже 10 сентября первые прибывшие эскадроны начали размещаться в Тифлисе, а затем и в южной Грузии. Главной ударной силой в ходе рывка к Баку должны были стать опытные и воюющие на Востоке с августа 1914 г. 9-й резервный и 21-й резервный пехотные полки.

Германская группировка в Грузии стала обретать стратегический потенциал. Инерция начатых в Закавказье и вообще на

¹²⁵⁸ См.: Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 25.

¹²⁵⁹ См.: Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 28.

¹²⁶⁰ См.: Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1. S. 470ff.

Ближнем и Среднем Востоке за годы Великой войны проектов оказалась настолько велика, что породила в германских элитах специфические надежды и комбинации. Отчаявшись (пусть и не признавая себе в этом) в попытках поставить Великобританию на колени с помощью подводной войны, в армейских (но не флотских) кругах вновь обратились к периферийной стратегии, обещавшей едва ли не вторжение в Индию¹²⁶¹. Мнение о не слишком успешной деятельности Германии по революционизированию давно подвергнуто хорошо аргументированной ревизии¹²⁶², поэтому пусть и потенциальные и довольно далекие, но все же реальные перспективы «растягивания» Брестской системы на восток и юго-восток и соответствующие усилия не стоит недооценивать. Более того, в последние годы становится все более ясно, что Великая война была действительно мировой, так что перспективы ее эскалации и тем более воздействие и на самые отдаленные регионы (включая не только Китай и Индию, но и Сиам, Вьетнам, Филиппины и современную Индонезию, принадлежавшую тогда нейтральным Нидерландам) были отнюдь не нулевыми¹²⁶³.

¹²⁶¹ См., напр.: *Viator A. K. Deutschlands Anteil an Indiens Schicksal*. Leipzig, 1918. S. 88ff. Гофман 25 мая (видимо, не без иронии) писал: «Я не имел бы ничего против того, чтобы продвигаться дальше на восток. Лучшее всего добраться до самой Индии, но пространства непрерывно растут, а наши войска — невероятно уменьшаются». См.: *Гофман М. Записки и дневники*. С. 248. В письме от 2 мая 1918 г. из Константинополя не исключал того, что по ходу войны окажется — через Баку и Туркестан — «у ворот Индии» и Г. фон Сект. См.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben*. Bd. 2. S. 76.

¹²⁶² Например, А. Вилл пришел к выводу о едва ли не отчаянии британских властей из-за германской пропаганды и их огромных усилиях по парированию германских рейдов в Африке, на Ближнем Востоке и Центральной Азии. Более того, он приходит к выводу о том, что «джихад „сделано в Германии“» почти сразу сменился «джихадом „сделано в СССР“». См. подр.: *Will A. Kein Griff nach der Weltmacht*. S. 214–227, 299–305. См. также исследование об инспирировании джихада Германией: *Müller H. L. Islam, gihad und Deutsches Reich. Ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb 1914–1918*. Frankfurt/M. u.a., 1991.

¹²⁶³ См. обзор новой историографии по имперской истории Великой войны и о событиях в Сиаме, Сингапуре, Вьетнаме и т. д.: *Streets-Salter H. Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict*. Cambridge, 2019.

Универсальным оправданием этих проектов экспансии и новых экспедиций считалось противодействие британской угрозе. Неуклонное расширение фронтов Великой войны в связи с распадом Российской империи совершенно иначе поставило вопрос о некогда входивших в российскую сферу влияния территориях в Центральной Азии, которые теперь должны были обрести нового гегемона. Накопление английских войск на севере Персии, при наличии у них баз в Месопотамии и на юге страны, началось еще в феврале-марте 1918 г., однако на финальную стадию, несмотря на настояния Бичерахова¹²⁶⁴, вышло не ранее июля-августа. Это обстоятельство заставляет вслед за Е. Ю. Сергеевым усомниться в аксиоме советской историографии о том, что действия англичан были продиктованы именно контрреволюционными целями, а не борьбой с германскими проектами создания угрозы Индии, якобы необоснованной¹²⁶⁵. Последние действительно имели место, являясь продолжением отчаянных усилий германских армии и флота по преодолению почти безнадежной ситуации с инфраструктурой в северной Месопотамии¹²⁶⁶. С учетом этого следует особенно высоко оценить энергию и исполнительность германского военного аппарата в Закавказье. На волне оптимизма от наступлений во Франции германские эмиссары в Порте (включая Г. фон Секта) уже задумывались о продолжении работы над реорганизацией османской армии после войны. В конце мая 1918 г. эмиссары Ставки добились от грузинского правительства права свободного пропуска османских военных инструкторов и партий оружия горцам Северного Кавказа, несмотря на то, что на Вильгельмштрассе не слишком торопились (в связи с очередными протестами НКВД) с признанием их независимости¹²⁶⁷. Казалось, что британский и германский проекты использования образовавшегося вакуума власти и передела

¹²⁶⁴ См.: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии. С. 136, 144, 173.

¹²⁶⁵ См.: *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране 1914–1920. М., 1960.

¹²⁶⁶ См.: *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg*. Bd. 4. S. 89–92.

¹²⁶⁷ См.: *Союз объединенных горцев*. С. 76–79, 81–82.

территорий в Закавказье, Персии¹²⁶⁸ и, возможно, в Центральной Азии¹²⁶⁹ теперь стали безальтернативными конкурентами. С распадом Российской империи прежняя «игра на троих» сменилась более простым соревнованием. Привлекательные для Персии и других стран Азии обещания большевиков покончить с прежней империалистической политикой вынуждали великие державы задействовать все каналы влияния на местные элиты. Германским дипломатам удалось лишь заключить несколько частных соглашений о взаимовыгодных поставках, например грузовиков и радиостанций в обмен на шерсть, хлопок и каучук¹²⁷⁰, но поражение в Великой войне сделало многие проекты неактуальными.

Целенаправленная активность германских эмиссаров в Центральной Азии и Афганистане имела место и до 1914 г.¹²⁷¹, и тем более во время Великой войны¹²⁷², когда пытались переправить оружие потенциальным повстанцам¹²⁷³. Но только перспектива взятия Баку, выхода в Каспийское море и высадки в Закаспии, где

---

¹²⁶⁸ Так, например, в контексте Батумской конференции германские дипломаты обсуждали вариант передачи в состав Персии всех талышских районов Бакинской губернии вплоть до р. Кура, что несомненно привлекло бы симпатии Тегерана на сторону Центральных держав. Однако Людендорф опасался, что это лишь облегчит расширение сферы влияния британцев на север, так что от этой идеи отказались, ее официально не озвучивая. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 50–52.*

¹²⁶⁹ См.: *Jenkins J. L. Germany's Eurasian Strategy in 1918 // The world during the First World War / ed. by H. Bley, A. Kremers. Essen, 2014. P 291–302.*

¹²⁷⁰ См.: *Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. S. 81–82.*

¹²⁷¹ См.: *Mark R. A. Im Schatten the "Great Game". Deutsche "Weltpolitik" und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn u.a., 2012.*

¹²⁷² См. подр.: *Niedermayer O. v. Unter der Glutsonne Irans. München, 1925; Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges: 2 Bde. Stuttgart, 1960; Seidt H.-U. Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.*

¹²⁷³ Например, туркменским племенам, среди которых якобы велась прогерманская агитация. См., напр.: *Лишин Н. Н. На Каспийском море. С. 61.*

можно было бы использовать готовившихся к отправке морем на родину военнопленных из Центральных держав¹²⁷⁴, делала «жемчужину британской короны» теоретически достигаемой, но при согласии, а желательно — содействии большевиков¹²⁷⁵. Поэтому в январе 1918 г. уже имели в виду возвращение в Тегеран германского военного атташе с аппаратом полноценной военной миссии, а Надольны подтверждал возможность еще одной экспедиции в Афганистан¹²⁷⁶. Оснований для оптимизма добавляли сведения от вернувшегося из своей экспедиции и успевшего стать уникальным специалистом в турецком штабе в Хиджазе О. фон Нидермайера, лично поведавшего в ОХЛ в мае 1918 г. о заинтересованности эмира в наращивании и перевооружении афганской армии¹²⁷⁷. Интересны были и проекты постепенного освобождения за счет бегства из Туркестана на юг через вполне проницаемую границу многочисленных пленных солдат и офицеров Центральных держав, ведь только австро-венгерских военнопленных за 1916–1918 гг. бежало в Персию около 450¹²⁷⁸. В марте 1918 г. в Берлине обратили внимание на поступающие из Бухары сведения о ведущихся там боях, а в апреле ОХЛ уже запрашивало о возможности вовле-

¹²⁷⁴ Большевики срывали отправку этих пленных, ссылаясь на обострение обстановки в Туркестане и мешая работе германского эmissара лейтенанта Циммермана: *Матвеев А.* Движение иностранных интернационалистов в Средней Азии // *Интернационалисты в боях за власть Советов*. С. 277–278.

¹²⁷⁵ В это верил Иоффе и упорно пытался убедить в важности индийских «наполеоновских проектов» Чичерина, чтобы тот шантажировал этим Антанту: *Wulff D.* Joffe und die russische Aussenpolitik. Teil 2. S. 253–255, 264–265, Anm. 114; Teil 3. S. 276, 296.

¹²⁷⁶ См.: *Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversther?* S. 69–71. В атташе предлагали подполковника Кречмара, бывшего до начала 1918 г. начальником штаба 6-й турецкой армии Халила-пашы. О роли Надольны в германской политике в Персии см. подр.: *Jonas M., Zinke J.* "Wir standen mit der Zukunft der Bunde". Rudolf Nadolny, das Auswärtige Amt und die deutsche Persienpolitik im Ersten Weltkrieg // *Erster Weltkrieg und Dschihad*. S. 61–89.

¹²⁷⁷ См.: *Seidt H.-U.* Berlin, Kabul, Moskau. S. 107–117.

¹²⁷⁸ См.: *Niedermayer O. v.* Unter der Glutsonne Irans. S. 166–173; *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 145–146.

чения Афганистана (на Персию в этом отношении особых надежд не возлагали, видя в ней лишь мост к Центральной Азии и канал революционизирования Индии¹²⁷⁹) в войну, для чего требовалась отправка туда нескольких тысяч германских солдат¹²⁸⁰. Учитывая слабость очагов большевистской власти в Туркестане, их опору на военнопленных-«интернационалистов», которые бы массово перешли на сторону германского десанта, выступи он против большевиков в Закаспии, при почти непрерывной с конца весны блокаде красных в Центральной Азии и их отрыве от Советской России установление прогерманского, но не большевистского режима в огромном хлопководческом регионе, казалось, потребует не особенно много средств.

Вполне возможно было рассчитывать и на обеспокоенных большевистской политикой правителей Бухары и Хивы, подстегнуть агитацию в пользу джихада, не допуская чрезмерного усиления османского влияния. Прогерманский Туркестан превратился бы в серьезный фактор воздействия на политику антибольшевистских сил Сибири, заставив задуматься о переговорах с Кайзеррейхом по меньшей мере уральских и оренбургских казаков. Минимальной предпосылкой для столь головокружительных планов был прочный контроль над Баку, с развертыванием там ограниченного контингента сил армии и флота для последующих действий в Закаспии. Путь к этому был проложен лишь в начале июня высадкой первых германских частей в Потти, так что и в лучшем для Германии случае активное вмешательство в войну в Туркестане могло последовать не ранее чем через полгода. Однако и заявления Талаата в Берлине 7 сентября (то есть еще до изгнания англичан из Баку) о желании поставить 14 миллионов мусульман Средней Азии на службу Центральным державам (с помощью германских военных специалистов, включая унтер-офицеров),

¹²⁷⁹ Соответствующие попытки и анализ возможностей проводились уже в январе 1915 г., но до краха русской оккупации и в связи с продолжающейся британской об этом нечего было и думать. См.: *Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik*. Bd. 1. S. 108–232; Bd. 2. S. 309ff.

¹²⁸⁰ См. подпр.: *Noack D. X. Die Ränkespiele der Großmächte im Raum Turkestan 1914–1919 // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt — lokale Folgen*. S. 410–426; *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis*. S. 212.

торжественные декларации Германии, что она не будет мешать признанию Турцией независимости Туркестана¹²⁸¹, так и остальные громкими фразами. Туранистские мечты младотурок далее смуглых проектов объединения всех мусульман бывшей Российской империи под скипетром османского принца¹²⁸² так и не пошли. Инфраструктурно и технически Центральная Азия оказалась в целом недостижимой для обеих коалиций, ведущих схватку за мировое господство.

По мере ухудшения ситуации на главном для Германии фронте расширение германской зоны влияния на Востоке превратилось из естественного следствия пика германской мощи на фронтах весной 1918 г. в альтернативу победе на Западе, дающую шансы на итоговую ничью в мировом конфликте. Надежды на это не оправдались, однако это стало окончательно ясно германской Ставке лишь к середине осени 1918 г. В период между уже состоявшимся поражением Кайзеррейха в кампании на Западном фронте и попытками скрывать не только масштабы, но и сам факт катастрофы, экспансия на Востоке, точнее, все новые проекты приобрели особенно гротескные черты. 4 августа на пароходе в Баку из Астрахани (!) прибыла германская миссия, в полной уверенности, что застанет в городе турок¹²⁸³. Она была арестована прибывшими в город в тот же день английскими войсками и бесследно пропала в хаосе событий в Азербайджане лета-осени 1918 г.¹²⁸⁴ Некоторое время дезориентация в Германии поддерживалась и донесением о взятии Баку турками, поступившим из Тифлиса 6 августа¹²⁸⁵.

¹²⁸¹ См. записи Хинтце о начале переговоров с Талаатом и его отчет о них 26 сентября: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 577, 633–634.

¹²⁸² См.: Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken. S. 48–49.

¹²⁸³ Еще до взятия города Исламской армией прибыла в Баку и миссия капитана Шнайдера, пытавшаяся освободить остававшихся в лагере на острове Нарген германских военнопленных (до 60 человек). Но освобождение пришло лишь в конце сентября 1918 г. См.: Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku. S. 150.

¹²⁸⁴ См.: Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. С. 211.

¹²⁸⁵ Оно поступило в экономическое ведомство и было лишь затем опровергнуто информацией по военным каналам, см.: Пипия Г. В. Германская политика в Закавказье. С. 129–130.

Опасное увлечение ОХЛ «восточными проектами», усиливаемое и неверно оцениваемыми сведениями, привело к продолжению перебросок войск в Закавказье вплоть до середины сентября 1918 г., когда поражение Германии в кампании этого года на Западе было Людендорфу очевидно, а развал Четверного союза уже начался.

Любопытным отражением этого авантюрного рывка в Центральную Азию были и австро-венгерские проекты, сформулированные после упорных попыток германских инстанций подтолкнуть Вену к экспансии в Армении. В конце августа все чаще стали говорить об установлении австро-венгерского протектората над последней. Одновременно это заставило бы оскорбленную своеволием Германии Дунайскую монархию согласиться на признание Добавочного договора, хотя обострило бы вопрос о признании армянской государственности (на котором настаивали армянские делегаты)¹²⁸⁶. 30 августа — 10 сентября эти последние фантазии находящейся накануне развала монархии вступили в фазу кульминации: Арц фон Штрауссенбург был готов отправить в Закавказье 2 батальона и 1–2 батареи. Остров Змеиный уже виделся «австро-венгерским Гельголандом» для габсбургской черноморской эскадры. Обсуждались поставки нефти, хлопка, марганца (ведь на Кавказе в 1913 г. была произведена половина всей мировой добычи этого металла) и будущая угроза Индии через Туркестан¹²⁸⁷.

Следует признать, что германские проекты относительно Закаспия, Центральной Азии и Афганистана все же имели действительно стратегическое, а не текущее оперативное содержание, а потому их вряд ли можно свести лишь к «мании величия» или к фантазмагориям зарвавшегося Людендорфа, как это предполагал В. Баумгарт. Пусть и достаточно слабые, плохо подготовленные и сложно реализуемые, однако последовательные попытки проецирования германской военной и экономической мощи в столь

¹²⁸⁶ 15 сентября армянские эмиссары в Вене предъявили свои «пожелания» к будущему экспедиционному корпусу Австро-Венгрии в Армении, насчет формирования австро-венгерской миссией крупной армянской армии, а также намекнули на объемы поставок хлопка, меди, кож и т. д. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 194.*

¹²⁸⁷ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 184–193.*

далекий регион и даже дальше, до Синьцзяна включительно, были не только во время и в связи с Великой войной, но и после нее. Более того, с учетом большого влияния германских военных специалистов в гоминьдановской части Китая в конце 1920-х гг. и на фоне масштабного взаимодействия рейхсвера и РККА подобные проекты имели достаточно интересные перспективы развития¹²⁸⁸.

Британцы имели мало возможностей перехватить инициативу у немцев в Закавказье, так как не проявили должной оперативности. Некоторую роль в этой медлительности сыграло и то, что англичанам сначала пришлось принять участие в персидской смуте, разжигаемой Центральными державами. Турки и немцы¹²⁹⁰ (офицер Генштаба фон Паашен и несколько австрийских офицеров¹²⁹⁰, а также, вероятно, находившиеся в Персии и занимавшиеся созданием местной жандармерии шведские офицеры¹²⁹¹, а на юге ее и «немецкий Лоуренс» В. Вассмусс¹²⁹²) пытались помочь по-

¹²⁸⁸ Эта нераскрытая тема наконец стала предметом диссертационного исследования уже заявившего о себе специалиста по геополитическим конфликтам, см.: *Noack D. X. Das zweite Turnier der Schatten: das Agieren der Großmächte Deutschland, Großbritannien und Sowjetunion in Sowjetisch- und Chinesisch-Turkestan 1919-1933. Diss. ...* ([Электронный ресурс]. URL: http://portal-militaergeschichte.de/noack_turnier (дата обращения: 28.09.2019)).

¹²⁸⁹ После краха германской дипломатии в Персии и закрытия германской миссии во главе с фон Блюхером в Тегеране в мае 1917 г., военные эмиссары стали едва ли не единственным каналом германского влияния в этом регионе. См. подр.: *Blücher W. von. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biebrach, 1949. S. 114-126.*

¹²⁹⁰ Британцы даже полагали, что германский офицер прямо руководит джангалийцами (то есть повстанцами Гиляна), хотя это явное преувеличение. См.: *Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. С. 178-179.* За это впоследствии британцы добились запрета на въезд в Персию почти сотни иностранцев, главным образом немцев (73 человека), австрийцев и шведов. См.: *Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik. S. 316.*

¹²⁹¹ Часть из них еще до этого открыто приняла сторону немцев. См. фрагмент мемуаров русского дипломата: Из мемуаров И. Я. Коростовца // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны / Сб. документов. Под ред. С. В. Лаврова. Тула, 2014. С. 865.

¹²⁹² См.: *Kreutzer S. M. Wilhelm Waßmuß — Ein deutscher Lawrence // Erster Weltkrieg und Dschihad. S. 91-110.*

встанцам Кучук-хана (имевшего с мая 1918 г. контакты и с большевиками). Ожидаемого результата добиться не смогли, хотя бы потому, что вскоре османские генералы сочли невыгодными поставки оружия местным племенам и заблокировали их¹²⁹³. Между германскими военными и дипломатами и здесь не было должного единства, но Кресс из Тифлиса (полагая, что он все согласовал еще по пути, в Берлине¹²⁹⁴) развивал немалую активность, однако до Персии было далековато. В середине июня русско-британские отряды, в том числе усилиями Бичерахова, рассеяли мятежников. Высадка английских войск в Баку в начале августа¹²⁹⁵ (хотя о крайне небольшом размере десанта узнали лишь позднее) только подстегнула желание германского командования поскорее создать ударную группировку, достаточную для захвата нефтяных промыслов даже без участия турецких и местных¹²⁹⁶ войск.

В случае взятия Баку силами Центральных держав можно было надеяться на создание на месте вспомогательных частей из бывших военнопленных, ведь город «кишел германскими и австрийскими освобожденными пленными... германцы и австрийцы толпами бродили по всему Кавказу и Закавказью»¹²⁹⁷. Имели в виду

---

¹²⁹³ Партии трофейного русского оружия из рук немцев — в несколько сотен винтовок и около десятка пулеметов — вряд ли угрожали бы турецким войскам, зато сыграли бы немалую роль во внутриперсидских усобицах.

¹²⁹⁴ Договаривался он с Надольны, считавшим, что переговоры надо вести напрямую с закавказскими правительствами и с русскими (большевиками?), а турок поставить лишь «на третье место» и вообще «оттеснить». См.: Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteher? S. 73–75.

¹²⁹⁵ Они взаимодействовали с войсками тогдашнего бакинского правительства под командованием таких «русских кадровых офицеров» как полковник фон дер Флесс. См.: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии. С. 205.

¹²⁹⁶ Не только азербайджанских, но и отрядов из Дагестана, хотя перспектива широкой коалиции мусульман так и осталась весьма призрачной, а взаимодействия не получилось. См.: *Союз объединенных горцев*. С. 98–99.

¹²⁹⁷ См.: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии. С. 208, 211. По-видимому, Денстервиль имел в виду военнопленных, ранее отправленных на различные работы в порту Баку, на железных дорогах

и налаживание транспортировки через Баку военнопленных из Закаспия, где по оценкам их было 46 тысяч, а также с Северного Кавказа, охваченного решающими боями кампании 1918 г. в Гражданской войне на юге России, где было еще 27 тысяч¹²⁹⁸. Надежд на это прибавлял опыт создания батальонов из пленных в Грузии еще весной 1918 г. Возможно, эти надежды были преувеличены, однако действовавший в Баку с конца 1917 г. австро-венгерский эмиссар Бранднер (также побывавший в русском плену) в конце апреля 1918 г. запрашивал денег и оружия, чтобы попытаться вооружить и поднять на восстание до 6 тысяч пленных под Самарой (!) (видимо, собираясь подняться на судах по Волге), но на такую авантюру средств не выделили¹²⁹⁹.

Складывавшийся вот уже полгода бакинский узел был столь сложен, что в ходе борьбы за город совпали даже интересы большевиков и белого подполья в РККА (!): последнее не только не саботировало отставку сил и средств через Каспий, но действительно стремилось наладить этот процесс, полагая, что они помогут отбивать турок от Баку до ожидаемого прибытия англичан¹³⁰⁰. Кроме того, даже «бакинский пролетариат», то есть большевики и их временные союзники (в т. ч. дашнаки), оказавшись к концу июля в осаде войсками Нури-паши, звали на помощь «империалиста» Данстервиля из Энзели. Тем временем офицеры-белогвардейцы лихорадочно приводили в боеспособный вид Каспийскую флотилию¹³⁰¹. 31 июля — 4 августа 1918 г. будущая английская интервенция была оформлена политически, власть в Баку перешла к диктатуре Центрокаспия, в то вре-

---

и на уборку хлопка. Кроме того, часть пленных могла быть отправлена к турецким сотоварищам, которых много скопилось в лагере на острове Нарген около Баку. См. подр.: *Пахалюк К. А.* Пространство плена Первой мировой: лагерь для турецких пленных на острове Нарген // *Международная жизнь: Великая война. Начало*. М., 2014. С. 100–128.

¹²⁹⁸ См. телеграмму Хопмана от 24 июня 1918 г.: *Пипия Г. В.* Политика Германии в Закавказье. С. 47.

¹²⁹⁹ См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 154–156. Бранднер был зарезан бандитами еще в июне 1918 г. под Евлахом.

¹³⁰⁰ См.: *Ганин А. В.* Бывший генерал А. Л. Носович. С. 10.

¹³⁰¹ См.: *Лишин Н. Н.* На Каспийском море. С. 21–23.

мя как бои под городом продолжались без особенных успехов для Исламской армии.

Традиционно уделявшие Центральной Азии большое внимание англичане довольно рано обеспокоились тем, что вместо оси Берлин — Константинополь — Багдад германская экспансия будет теперь направлена по линии Берлин — Баку — Бухара¹³⁰². Теперь помимо воспринимаемой ранее как «Индия для Германии» Османской Турции, которой готовили статус, аналогичный положению Египта в Британской империи¹³⁰³, амбиции Кайзеррейха простирались и до собственно Индостана. Британцы на рост угрозы (пусть и потенциальной) германского проникновения в Туркестан¹³⁰⁴ отвечали зеркальными (по отношению к германским в Закавказье) и превентивными мерами, поддержав антибольшевистское восстание в Ашхабаде в июле 1918 г. и начав через Мешхед поставки оружия местным белым и зеленым для боев с советским правительством в Ташкенте. Явная активизация их вмешательства в борьбу за власть в Ашхабаде и Закаспии выразилась и в отправке в Ташкент (с согласия местного совета!) в августе (почти одновременно с прибытием в Баку войск из сил Данстервиля) английской делегации Бэйли (в составе более масштабной миссии Маллесона), призванной воспрепятствовать германо-афганскому сотрудничеству¹³⁰⁵. Более того, с британской точки зрения бои с «интернационалистами» в туркменских песках в июле-сентябре 1918 г. стали отражением попытки прорыва солдат Центральных держав (до 1800 человек) на соединение с османами, что лишний раз подтверждает относительность революционной мотивации действий

¹³⁰² См.: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии. С. 1.

¹³⁰³ Вплоть до замысла ввести германские войска в Константинополь в ноябре-декабре 1915 г. и оформить вассальный статус султана, аналогичный положению хедива. См. подр.: *Söylemezoğlu Ş. A. Über die ambivalente Türkei-Politik des Deutschen Kaiserreiches // Deutsch-türkische Beziehungen*. S. 119–134.

¹³⁰⁴ Для этого планировалось доставить в Баку не только малые подводные лодки, но и дальнобойную артиллерию, а также эскадрилью аэропланов. См.: *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku*. S. 152.

¹³⁰⁵ См.: *Malleson W. The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920*. L., 1922; *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. С. 154–158, 181–188.

австро-германских военнослужащих в поддержку большевиков. Тем не менее до действительно крупного британского вмешательства в Туркестане так и не дошло, ни летом-осенью 1918 г., ни позднее¹³⁰⁶.

Сообщения о турецкой «самодеятельности» вызвали у Людендорфа сильнейшее раздражение. В ОХЛ вскоре узнали, что османские войска, точнее, Исламская армия, намерены в ближайшее время взять Баку без привлечения германских частей. Это сразу же вызвало резкое недовольство в Берлине и Спа, особенно потому, что как раз в те же дни только что прибывший в Москву Гельферих (и, видимо, вполне искренне) на первой же встрече с Чичериным убеждал его, что вряд турки могут планировать удар на Баку¹³⁰⁷. Характерно, что для пущего прикрытия как раз в ходе рывка на Баку с визитом в Тифлис прибыли Халил-паша и его начальник штаба Паракен, так что новость о внезапной атаке Нури-паши 4–5 августа пришла к Крессу прямо во время соответствующего банкета¹³⁰⁸. Вскоре выяснилось, что русско-британский десант полковника Стоукса действует при активной поддержке корабельной артиллерии, против которой турецкие войска были бессильны. Лихой рейд превратился в чувствительную неудачу.

Теперь даже Сект посчитал, что Энвер ведет двойную игру, и тем же днем, 4 августа, пригрозил ему отзывом всех германских военных специалистов (а их было более 800)¹³⁰⁹, начиная с себя

¹³⁰⁶ Недаром в названии одной из немногочисленных книг на данную тему применены кавычки, см.: *Ellis C. H. The British "intervention" in Transcausia 1918–1919*. Berkeley; Los Angeles, 1963.

¹³⁰⁷ См.: *Helfferrich K. Der Weltkrieg*. Bd. 3. S. 463.

¹³⁰⁸ См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus*. Bl. 30–31.

¹³⁰⁹ Данные о громадном (с 42 до 800) росте числа офицеров германской военной миссии в 1913–1918 гг. и разветвленном характере военно-технической помощи, общая стоимость которой составила 850 миллионов марок, а с учетом иных затрат и вовсе достигла суммы в 1,5 миллиарда, см. в: *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis*. S. 285–321. Кроме того, следует иметь в виду и далеко не выплаченные Турцией краткосрочные займы и льготы, стоившие еще более 2 миллиардов марок. В марте 1919 г. в Берлине подсчитали, что общие поставки и выплаты Турции за годы войны достигли суммы в 235,1 миллиона турецких фунтов. См.:

лично. Это стало бы катастрофой всего военного аппарата Турции, ведь из 13 отделов Генштаба турецкие офицеры официально возглавляли только 5¹³¹⁰, а в реальности и того меньше. В Галлипольской битве, например, каждым четвертым корпусом официально командовал германский офицер, как и 5 из 31 дивизии. К лету 1918 г. в османских ВМФ служило почти 3,5 тысячи германских моряков¹³¹¹. Альтернативы германским военным специалистам не было, ведь после рассматривавшегося в конце 1917 — начале 1918 г., но не реализованного проекта отправки в Османскую империю Восточного корпуса австро-венгерской армии (8,5 тысячи человек), штаб которого весной 1918 г. отправили вместо Азии в Албанию, сыграть на конкуренции двух главных Центральных держав младотурки не могли. Зависимость от военной помощи Германии была почти абсолютной, а влияние Австро-Венгрии слишком фрагментарно¹³¹², чтобы последняя могла претендовать на замещение Кайзеррейха в качестве основного партнера Турции.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 22. Для сравнения: поставки Австро-Венгрии Османской империи достигли суммы в почти 90 миллионов крон, Австро-Венгрии Болгарии — 122,5 миллиона крон. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 133.* Сегодня общие военные поставки и кредиты Турции оцениваются в сумму 57–76 миллиардов евро, причем большую часть из них Турция выплатила. Всего было поставлено на вооружение османской армии Германией и Австро-Венгрией — 616 тысяч винтовок, 4,5 тысячи пулеметов, 561 орудие и 36 батарей, 855 тысяч снарядов, 673,8 миллиона патронов. См.: *Türk F. Deutsche Waffen- und Kriegsmateriallieferungen an das Osmanische Reich // Deutsch-türkische Beziehungen. S. 145–146.*

¹³¹⁰ Расписание должностей в начале 1918 г. см.: *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 326.*

¹³¹¹ *Türk F. Deutsche Waffen- und Kriegsmateriallieferungen // Deutsch-türkische Beziehungen. S. 150.*

¹³¹² Австро-венгерские батареи, связисты и медики действовали в основном на фронте в Палестине, однако их число существенно уступало германским войскам. Общая численность австро-венгерских войск и военных специалистов оценивается в 12 тысяч человек. См.: *Pomiankowski J. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. S. 318, 395; Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski. S. 205.*

Угроза казалась реальной. При чрезмерно уверенных донесениях об отражении наступления Антанты в Палестине в конце июня 1918 г. категорически против рассматриваемого отъезда германских частей с турецких фронтов (с Палестинского, например, их хотели вывести приказом от 16 июня 1918 г.) вынужден был выступить лично Гинденбург¹³¹³. При поддержке Секта, который был только рад ослаблению Лимана и отказу от активизации усилий в Палестине¹³¹⁴, наращивание германских войск на Ближнем Востоке прекратилось: едва прибывший 11-й резервный егерский батальон уже в июле был переброшен на Запад, но это было только начало свертывания германской военной миссии в Османской империи. 5–6 августа выяснилось, что захват Баку оказался не столь простым делом, а немедленное вмешательство большевиков, по крайней мере военное, маловероятно. Последовали бесконечные отговорки турок¹³¹⁵. Энвер ссылаясь на намерение опередить британцев, на готовность и даже заинтересованность в скорейшей поддержке германскими войсками фронта под Баку, на своеволие Нури-паши и т. д. Халил-паша уже 5 августа вместе с Крессом выехал в Гянджу, чтобы стабилизировать обстановку, что выглядело явной уступкой ярости немцев, не слишком ловко поставленных перед фактом. Кресс тут же счел, что необходимо немедленно двинуть германские войска на Баку, ведь только это и сможет компенсировать неудачу, а протесты большевиков после высадки англичан будут уже якобы неактуальны¹³¹⁶. Однако в АА его срочный соответствующий запрос не поддерживали, тем более что в эти дни проходила самая острая фаза кризиса Гельфериха в советско-германских отношениях. Отправленный в эти же дни в Берлин меморандум Эган-Кригера и вовсе открыто требовал не допустить укрепления самостоятельности Османской империи за счет захва-

¹³¹³ Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 309.

¹³¹⁴ Wallach J. L. Anatomie einer Militärhilfe. S. 242–243. Боевой состав османской армии (на всех фронтах) к середине лета 1918 г. сократился (по германским данным) до 130 тысяч бойцов, а при увлечении проектами в Закавказье даже успешная оборона в Палестине была бы большим успехом. См.: Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 260.

¹³¹⁵ Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 207–208.

¹³¹⁶ См.: Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 31.

та ею ресурсов Кавказа, для чего потребуются прямо антитурецкая политика Германии¹³¹⁷.

Сам факт последовавшей тогда же высадки в Баку англичан даже устраивал германскую Ставку: полагали, что в этом есть гарантия того, что без немцев в захвате города не обойдутся, а большевикам теперь придется согласиться с активными действиями против Антанты в Закавказье, что будет особенно хорошо, если им придется предоставить это немцам и их союзникам ввиду отсутствия собственных сил. Но и эти расчеты, строившиеся буквально параллельно назревающему «черному дню» германской армии 8 августа и даже после него¹³¹⁸, себя не оправдали. Пока Сект был в командировке (до 20 августа), ему удалось убедить ОХЛ (а лично Людендорфу и без того уже стало ни до чего) в том, что следует предоставить туркам попытаться своими силами решить бакинскую проблему, не дожидаясь подхода германских войск. В случае их очередной неудачи это сделало бы их осторожнее и послушнее, а быстрый (даже с учетом наращивания и подготовки Крессом германской группировки к броску на Баку¹³¹⁹) успех казался невозможным. Хинтце пользовался огромными расстояниями, чтобы до последнего времени сохранять видимость полной неосведомленности и не дать сорвать парафирование текста Добавочного договора, шедшее как раз с 10 августа. Явный приоритет, отдаваемый статс-секретарем второй редакции Бреста, его готовность сколь угодно сильно рисковать недовольством и даже изменой Османской империи ее союзу с Германией вызывали резкую оппозицию в иностранном ведомстве¹³²⁰, однако вскоре выяснилось, что блеф Хинтце оказался вполне оправданным. Статс-секретарь предвидел

¹³¹⁷ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 111.*

¹³¹⁸ Вызванный из Константинополя Сект выяснял отношения с Людендорфом, застав его не в Ставке, а в Авене 11 августа 1918 г., но подробности этого не описал. См.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben. Bd. 2. S. 40–41, 84.*

¹³¹⁹ 20 августа в распоряжении Кресса было 214 офицеров и 5050 солдат, а 26 августа ему по приказу ОХЛ должны были выделить и еще одну смешанную пехотную бригаду. *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 210.*

¹³²⁰ См.: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921. S. 108–109.*

и то, что османский генералитет не сочтет себя связанным обещаниями, данными политиками Порты, и то, что первой реакцией на публикацию Добавочного договора станет попытка захвата Баку. Однако в должной мере эти предсказания Хинтце, требовавшего через Людендорфа как можно скорее добиться от Энвера и других лидеров младотурок новых и самых серьезных обязательств по отказу от экспансии в Закавказье¹³²¹, использованы не были. Между тем в Тифлисе Кресс недоумевал, почему на прямые его запросы ни от Хинтце, ни от Людендорфа нет приказа готовить или, наоборот, не готовить германские войска к атаке на Баку, о подкреплениях к которым ему сообщали, а вот все транспорты с боеприпасами и военным имуществом для турок и их союзников следовало отправлять и пропускать¹³²².

Острый кризис вокруг высадки войск Данстервиля разрешился сравнительно просто: всего через месяц после высадки британцы вынуждены были бежать из Баку. Фантазмагории Людендорфа и даже Грёнера о восстановлении Восточного фронта после объединения англичан из Закавказья с чехословаками на Волге¹³²³, которые упорно опровергали одновременно и Краснов, и Чичерин¹³²⁴, не оправдались. Сосредоточенная было для похода на Ца-

¹³²¹ См. его послание для Людендорфа от 11 августа: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 481–482.

¹³²² См.: Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 32.

¹³²³ Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 209. Гренер 16 июля 1918 г. писал вюртембергскому военному министру о своих опасениях, что чехословаки возьмут Царицын. См.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 390. Были и встречные фантазмагории командования и дипломатов Антанты на Дальнем Востоке об отправке в скором времени британских отрядов в Поволжье. См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке. С. 285–288.

¹³²⁴ В ноте Мирбаху от 30 июня Чичерин заявлял: «...относительно так называемого движения вперед казацкой чехословацкой дивизии через Царицын на Ростов, я спешу сообщить Вам, что никакая казацкая чехословацкая дивизия не может двигаться от Царицына потому, что таких казаков не существует вовсе. Царицын прочно удерживается нами, и никакие вражеские силы не могут пройти через Царицын и двинуться к Ростову... Вообще чехословаки совсем не двигаются к Царицыну.... Если и имели место столкновения... то в этом виновато германское военное

рицын 16-я ландверная дивизия из-за «трудностей с продовольствием и для охраны шахт» — что похоже лишь на удобное для военных объяснение — еще 19 июля была распределена по оккупированной зоне обратно¹³²⁵, что было особенно необходимо с учетом разгоревшейся тогда железнодорожной всеукраинской стачки. Впоследствии советская историография не раз пыталась доказать намерение германского командования взять Царицын и даже прямую помощь в атаках казаков Краснова, но документов обнаружить не смогла¹³²⁶.

Более реальные опасения германских штабов насчет наращивания британской группировки в Баку до такой степени, чтобы без германской помощи нефтяные скважины стали бы недостижимы для Нури-паши, а в крайнем случае нефтепромыслы постигла бы судьба румынских в конце 1916 г., тоже оказались преувеличены. Прочных гарантий их защиты было запрошено у Нури-паши германской стороной куда больше, нежели существовало угроз. Хинтце, добивавшийся от Людендорфа отказа от активных германских действий на Востоке, чтобы не поставить под удар вышедший на финишную прямую процесс подписания Добавочного договора, выступил здесь единомышленником и заочным помощником Секта, вернувшего себе едва ли не всю полноту влияния на германскую политику в Закавказье¹³²⁷. Теперь ему направляли лишь полученные по разным каналам сведения о намерениях большевиков, включая категорическую уверенность в том, что Баку Советы не отдадут не только англичанам, но и туркам, то есть германский арбитраж в той или иной форме неизбежен. Встревоженный неуда-

командование в этих областях, которое, несмотря на наше повторное на-
стояние, совсем не хотело заключить перемирие». См.: ДВП. Т. 1. С. 378-379.

¹³²⁵ См.: HStA Stuttgart. M 410. Bd. 792. Bl. 62a.

¹³²⁶ См., напр.: *Хмелевский К. А.* Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. С. 70-71.

¹³²⁷ Хинтце 11 августа даже сам просил Людендорфа обсудить ситуацию в Закавказье с Сектом, пока последний находится в ОХЛ, и такое вмешательство в субординацию Ставки и ее подчиненных по меньшей мере было бы смело для представителя иного ведомства. См.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 481.

чами Нури Халил-паша и сам Энвер уже к 17 августа подтвердили свое согласие и даже желание в содействии крупных германских сил в наступлении на Баку¹³²⁸.

«Соломоновым решением» Людендорфу виделось взятие города в основном германскими войсками, с последующим «справедливым» урегулированием вопроса о поставках нефти с учетом большевистских и турецких амбиций. Для этого он намеревался заставить Энвера показательно отвести войска за согласованные с большевиками (в Добавочном договоре) линии разграничения. Хинтце должен был добиться также официального согласия большевиков на взятие Баку без их участия (при гарантиях поставок нефти). Статс-секретарь также намерен был использовать неудачу Нури-паши полностью, заставив турок уступить по ряду иных спорных вопросов, в частности отказаться от всех претензий на компенсации за Добруджу¹³²⁹. Острое желание Людендорфа сосредоточиться на взятии Баку позволяло Хинтце лишний раз парализовать подготовку к «Шлюсштайну», отложив эту операцию настолько это вообще возможно. Радикально менять статьи Добавочного договора глава АА не стал, полагая, что германский контроль над Баку и без очередного раунда даст в руки необходимые козыри. Надежды на это давало то, что для большевиков был куда предпочтительнее германский, а не турецкий контроль над Баку, а от последнего ожидали еще и новой волны погромов. 23–26 августа 1918 г. состоялись соответствующие апелляции Секта и давно уже наладившего с ним отношения Бернсторфа¹³³⁰ в Константинополе, которые и открыли младотуркам глаза на германо-большевистскую сделку. Талаат растерянно просил в последний момент отложить подписание Добавочного договора, что было уже утопией. Он тут же (29 августа) анонсировал свой визит в Берлин, завязав дискуссию о том, является ли Баку частью Азербайджана еще через посла в Берлине¹³³¹. Озабоченный явны-

¹³²⁸ См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 103–104.

¹³²⁹ См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 105–106.

¹³³⁰ Сект отмечал «вполне приятные» отношения с послом еще в начале мая 1918 г.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v.* Aus seinem Leben. Bd. 2. S. 76.

¹³³¹ См.: Paul von Hintze: *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär.* S. 535–536.

ми трещинами в германской коалиции из-за Добавочного договора Хинтце решительно противился любым попыткам Австро-Венгрии вмешаться в назревающий конфликт между Берлином и Константинополем¹³³², а также отказывался от дополнительного усложнения сделки по Баку. И он, и Людендорф были убеждены, что твердая позиция Германии и предполагаемое бессилие турок (и большевиков) справиться с британцами в Баку обеспечат столь внезапно наметившееся идеальное для Кайзеррейха решение судьбы нефтепромыслов. Еще одним вариантом было посредничество между Гянджой и Баку Тифлиса, всегда стремившегося подчеркнуть свою роль политической столицы всего Закавказья, однако оно было отвергнуто.

Недоумевавший из-за отсутствия своевременной информации Кресс проводил Халила-пашу в Гянджу 7 сентября, чтобы тот продолжал готовить взятие Баку. А уже 10 сентября глава германской миссии в Грузии был совершенно поражен известием об условиях заключенного 27 августа Добавочного договора. Он воспринял их как обязательство Германии категорически не допускать турок в Баку, причем при необходимости с помощью совместной германо-большевистской военной операции. Кресса потрясло подобное обращение с османскими союзниками, на сторону которых он — не раз переживший различные конфликты — невольно склонился. Как и многие иные проводники германской политики на Востоке, глава германской миссии в Тифлисе оказался шокирован тем, насколько не поняли или не учли его рекомендации и доклады ни в высшем дипломатическом, ни в высшем военном ведомстве¹³³³. Примечательно, что вновь — в который раз — дипломаты и военные на местах убедились в том, что они едва ли не в равной степени недовольны позицией центральных ведомств, куда лучше понимая друг друга, а не начальство. Кресс узнал, что Добавочным договором был крайне разочарован и посол в Константинополе Бернсторф. Различие в восприятии ситуации между центральными германскими инстанциями и эмиссарами на местах становилось критическим, ведь в АА многие (например, Надольны) полагали,

¹³³² См.: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 107.

¹³³³ См.: Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 33.

что все декларации закавказских государств имеют мало смысла, ведь они не получили никакого международного признания, а потому Закавказье (теперь уже кроме Грузии) по-прежнему должно рассматриваться как российская территория. Тем временем реакция Порты на первые известия о Добавочном договоре была резкой, но скрытной: уже 29 августа Нури-паше поступил секретный приказ «по политическим причинам» ускорить взятие Баку. Давление Исламской армии на центр нефтепромыслов нарастало. Начальник штаба Халила майор Паракен уже 9 сентября предложил Центрокаспию капитулировать, а сам Халил-паша намерен был руководить будущим штурмом, изображая прибытие на фронт (а в действительности контролируя своевольного Нури-пашу).

С другой стороны, Добавочный договор, согласно которому большевики, наконец, признавали независимость Грузии (пусть и иносказательно), открывал перед Крессом перспективы более удобной координации возможных совместных усилий, а у других государств-лимитрофов и сепаратистских группировок (Горская республика) породил новую волну надежд на дальнейшее оформление отделения от России все новых территорий с германской помощью. Тогда же в Константинополе пошли слухи о присоединении не имевшей шансов на должное признание ни со стороны большевиков, ни со стороны Порты Армении к надежно защищенной германскими войсками Грузии, что привело бы к усилению в Тифлисе и австро-венгерского влияния¹³³⁴. Большевистские эмиссары на местах, полагая, что в Закавказье ведется плохо прикрытая война против германо-турецкой интервенции, были сообщениями о признании Москвой меньшевистского (что было особенно болезненно) правительства по меньшей мере удивлены¹³³⁵.

Намеренный саботаж турецких связистов привел к тому, что срок получения в Тифлисе сведений из Берлина (или из Вены) зачастую составлял до 16 дней¹³³⁶. В таких условиях действовать

¹³³⁴ См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 109, 201-205.*

¹³³⁵ 10 сентября у Ленина, Чичерина и Сталина запрашивал указаний на счет отношений с Грузией не доверявший слухам о признании ее независимости Орджоникидзе: *Борьба за победу советской власти в Грузии. С. 327.*

¹³³⁶ См.: *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 203f.*

адекватно и в рамках субординации для Кресса было невозможно, оставалось или бездействовать, или вести собственную линию, оправдываясь потом за нее изменившимися обстоятельствами. Ко второму варианту глава германской миссии в Грузии склонился далеко не сразу, а тем временем ход событий опрокинул очередные надежды. На отправленную Крессу из ОХЛ телеграмму о дальнейшей подготовке удара на Баку (11 сентября) ответа все не было, так что маневры вокруг будущей операции в Берлине и Спа продолжались. Хинтце с согласия Людендорфа был занят дипломатической подготовкой чисто германского наступления на Баку, добиваясь от турок отвода войск за согласованные в Добавочном договоре (без их участия) рубежи, дожидаясь подтверждения этого отхода от Кресса, что должно было потребовать не менее 10–14 дней, а также добиваясь согласия Иоффе и Чичерина на будущее изгнание британцев из нефтеносного района без участия красных¹³³⁷. Людендорф рассчитывал, что Баку будет взят войсками Кресса в начале октября, сам же Кресс оценивал срок захвата столицы Азербайджана в 5 недель минимум. Прикрывая будущий внезапный удар, турецкие командные инстанции передавали известия об укреплении британо-русской группировки в Баку и о ее скором переходе в наступление, чему в Спа поверили.

Вечером 14 сентября в ОХЛ отдали приказ о дальнейшей подготовке удара на Баку и запланировали прибытие дальнейших подкреплений, а уже вечером 16 сентября (то есть очень быстро¹³³⁸) в Берлин стали прибывать известия о взятии города турками, что было неожиданным, а потому грозило неуправляемыми последствиями. Некоторой легитимацией турецкой активности был

¹³³⁷ В. Биль полагает даже, что Хинтце намеренно пользовался фактором плохой связи с Тифлисом, чтобы использовать время для переговоров, пока Людендорф будет дожидаться донесения Кресса о готовности к операции. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 116–117.*

¹³³⁸ На заседании германского кабинета 16 сентября Хинтце уже знал о взятии Баку турками, о чем сообщило советское полпредство, однако он пока не знал, насколько можно этому верить с учетом прежних уверений из Порты в обратном. См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 600.*

лишь сам факт английского пребывания в Баку, однако данная отговорка могла оправдать только временный контроль турок над городом, до наступления негативных последствий случившегося¹³³⁹. Они (в виде яростного большевистского протеста) сказались немедленно. Предсказать, что сильно недооцениваемые после предшествующих неудач турецко-азербайджанские войска сумеют всего за месяц окрепнуть настолько, что возьмут Баку, упорная оборона которого англичанами казалась несомненной без действительно хорошего знания обстановки в нефтеносном районе было невозможно. Только хорошие и надежные сведения 1) о странном промедлении и легкомыслии англичан, не позаботившихся по-настоящему закрепиться в таком важнейшем пункте, причем как можно скорее, 2) о кризисе большевистско-армянского блока в Баку, 3) о крайне недостаточных в целом оборонительных резервах в городе, до того державшемся во многом благодаря всезнанию и недостаточной решительности атаковавших его сил, могли бы изменить прогнозы в Берлине, Константинополе и Тифлисе. Но там после неудач Нури в августе были априорно и ошибочно убеждены в сложности будущей операции, а потому затянули ее еще более, готовясь к схватке ожесточенной, а в итоге и вовсе не обязательной для овладения городом.

Взятие Баку османским генералом, будучи формально успехом Центральных держав, несло в себе все признаки флуктуации, крайне нежелательной и несвоевременной для всех, кроме Порты (которой это было так важно лишь из-за унижения Добавочным договором). Отрицательные последствия этого внезапного удара долго переоценивались, а положительные (не считая соображений престижа) еще нужно было продолжительное время извлекать, например срочно налаживая экспорт нефти с учетом новой расстановки сил, а не в рамках ранее согласованных документов и договора от 27 августа в первую очередь. Некоторым моральным

¹³³⁹ Даже в современной турецкой историографии без каких бы то ни было оговорок утверждается, что турецко-азербайджанские войска заняли Баку, чтобы спасти мусульманское население от армян. Армянские погромы последовали в рамках этого «спасения» немедленно. См., напр.: *Söylemezoğlu Ş. A. Über die ambivalente Türkei-Politik // Deutsch-türkische Beziehungen. S. 136.*

удовлетворением на общем безрадостном фоне очередного кризиса Брестской системы в Закавказье был факт поражения англичан в локальной, но как минимум оперативно важной для них миссии по поддержке «проантантовского» правительства Центрокаспия в Баку. В ходе беспорядочной эвакуации британцы понесли потери (до 180 человек)¹³⁴⁰, в том числе пленными¹³⁴¹. Бичерахов с боями отошел к Петровску, где быстро договорился с дагестанскими племенными лидерами, признав их главенство в регионе. Каспийская флотилия временно рассеялась. Данстервиль 22 сентября был отозван из-за этого поражения, а британское командование приступило к срочному наращиванию сил в Энзели, особенно за счет индийских колониальных частей.

Турецко-азербайджанские войска после неудач августа, наоборот, в связи с победой 14–15 сентября обрели веру в себя, загоревшись идеей занять теперь и северную Персию (то есть всю провинцию Азербайджан), а также Дагестан. Германии отрадно было главным образом то, что запасы нефти и нефтепромыслы пострадали незначительно, ведь отступление британцев было очень успешным. Затем оказалось, что взятие Баку было спланировано в основном произведенным в подполковники Паракеном и майором Майром из штаба Исламской армии, которые полагали, что именно в этом и состоит их долг перед ОХЛ как германских офицеров¹³⁴². Разгоревшиеся в Баку широкомасштабные акции возмездия за мартовские события, то есть грабежи и погромы, тут же продемонстрировали опасность любых османских триумфов для

¹³⁴⁰ См.: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. С. 153. Разумеется, вскоре эпизод был представлен как героические свершения небольшого (действительно) отряда, см.: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии. С. 246–281.

¹³⁴¹ В связи с доставкой нескольких пленных англичан в Тифлис в конце сентября 1918 г. начались попытки установления контактов правительства Грузии с Антантой, однако на новый уровень они вышли только к середине декабря, в связи с прибытием союзников в Батум и согласием грузинского правительства 24 декабря на ввод английских войск в Тифлис. См.: *Девдариани Г.* Дни господства меньшевиков. С. 36–48.

¹³⁴² См. подр.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 119–120.

остатков репутации Центральных держав. Между германскими специалистами и Нури вспыхнули ожесточенные споры.

Въехавшее в Баку 17 сентября азербайджанское правительство строило широкие планы расширения владений за счет мобилизуемой с 11 августа национальной армии. Для этого оно нуждалось в поставках военных материалов, которые могли быть получены только в обмен на нефть и только от Германии, хотя и не без посредничества османов. Нури-паша немедленно навязал соглашения о поставках в Османскую империю нефти, об установлении турецкого контроля над всеми железными дорогами на территории Азербайджана, о дальнейшем расширении османского военного присутствия, причем «за счет принимающей стороны» и т. д. Учитывая турецкие амбиции, Сект 19 сентября отдал приказ об ответном ударе на Энзели, что должно было бы покончить с «силами Данстера», вскоре ставшими «Североперсидскими силами»¹³⁴³. Однако турецкие войска и Исламская армия вместо этого принялись за наступление в Дагестане против Бичерахова и в Карабахе. Еще одним фронтом для Азербайджана должна была стать по-прежнему самостоятельная старообрядческая Мугань со «столицей» в Ленкорани. Непростая обстановка складывалась вокруг немецких колоний, тут же ставших предметом особой алчности грабителей и взятых под покровительство германских эмиссаров. Большевикам, разочарованным бесславным поражением британского десанта, оставалось лишь найти удобный повод для нового поворота в риторике насчет Баку — против англичан и вообще проантантовских сил. Прекрасно подходил для этого расстрел в ночь на 20 сентября эсерами и «английскими ставленниками» 26 бакинских комиссаров. После такого делать отныне вид, что основными врагами Советов в Закавказье уже тогда были именно империалисты из стран Антанты, а не одновременно проклинаемые за захват Баку турки, было значительно проще. Разумеется, должным образом миф был развит значительно позже¹³⁴⁴.

¹³⁴³ См.: Zürrer W. Kaukasien 1918-1921. S. 159-161.

¹³⁴⁴ См. подр. разбор британского следа и последующего историко-политического мифа: Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. С. 161-181.

Пик численности германских солдат в Грузии был достигнут в середине сентября¹³⁴⁵, т. е. именно тогда, когда был внезапно взят Баку, а каждый германский боец был крайне необходим и на Балканах, и на Украине, когда шли отчаянные поиски любых соединений, которые еще можно было отправить на Запад с периферийных фронтов. Положение с транспортом, довольствием и состоянием личного состава¹³⁴⁶ было крайне тяжелое. Часть уже прибывших в Потю войск отправлялись в Тифлис пешим порядком, что было не самой простой миссией. Кресс как раз 10–14 сентября вынужден был просить Халила-пашу пока что отложить атаку на Баку, ведь германские войска не готовы принять в ней участие. Позднее он утверждал, что заранее хотел бы, чтобы турки взяли город и без германского участия, поставив все стороны перед свершившимся фактом. Тем не менее повод для ввода хотя бы небольшого германского контингента в захваченный Баку он начал искать немедленно¹³⁴⁷. Имели в виду отправку туда Баварской кавалерийской бригады, а также Ф. фон дер Гольца как главы особой германской миссии. Необходимые конкретные указания из германских центральных инстанций (о возможном военном взаимодействии с большевиками) стали поступать к Крессу уже после взятия Баку, когда они были (по меньшей мере временно) совершенно неактуальны. К тому же Ф. фон дер Гольц смог лично убедить в том, что по железной дороге доставить германские части к Баку далее Гянджи не удастся, ведь стоящие на рейде Баку суда обстреливают подходящие поезда¹³⁴⁸.

Вскоре германским генштабистам стало уже не до экзотических проектов и туранистских горизонтов. Это привело к тому, что в османской армии стали все более открыто выражать недовольство немцами. Из-за усилий последних заставить турок слушаться

---

¹³⁴⁵ По подсчетам В. Баумгарта — около 19 тысяч солдат и офицеров. *Hopman A. Tagebuchaufzeichnung, 10. September // Von Brest-Litovsk... S. 585. Anm. 583.*

¹³⁴⁶ Поезд из Потю в Тифлис (менее 300 км) шел 4 суток вместо 14 часов, Кресс сравнивал условия с кампанией в Палестине. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 34.*

¹³⁴⁷ Им стали погромы и резня, затронувшие и местных немцев. См.: *Ebenda.*

¹³⁴⁸ *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku. S. 137–138.*

указаний высланных германских эмиссаров вновь дошло до открытой враждебности¹³⁴⁹. Долгожданное расширение османской зоны влияния к Каспию порождало все новые проекты у младотурок, как будто не замечавших катастрофы в Сирии. После взятия Баку следующим эпицентром пантюркистской экспансии стал занятый турками еще 27 июня 1918 г. Тебриз, где к тревоге немцев (из тамошнего консульства) начались армянские и персидские погромы, толкнувшие колеблющийся Тегеран в руки англичан. Сказалось и то, что после августовских неудач под Баку 15-ю дивизию османской армии отправили не на тебризское, а на бакинское направление. Пик успехов турок, намеренных полностью контролировать южный Азербайджан, был достигнут к концу августа 1918 г., когда на этом периферийном участке (где даже соприкосновения с противником не было) оказались задействованы 2 пехотные и половина кавалерийской дивизии¹³⁵⁰, хотя и неполного состава. Раздражение и тревога германских генштабистов, наблюдавших еще с марта 1918 г., как до 10 османских дивизий выключены из тяжелой борьбы в Палестине и в Месопотамии, крепились с каждой неделей.

Англичане, в свою очередь, были крайне обеспокоены усилением османского влияния в Закавказье, опасались быстрой аннексии Азербайджана, а потому в июне-июле 1918 г. оттянули свои посты на юг и на восток, что вызывало у Центральных держав то ликование, то тревогу, ведь это могло значить концентрацию сил и ожидание подкреплений¹³⁵¹. Оживившиеся было в связи с прибытием миссии Кресса надежды на активное проникновение в Персию через ее оккупированный север были напрасны. До Тегерана было куда дальше, чем до Баку, так что на успешное соперничество с англичанами или со своеволием турок высшие германские

¹³⁴⁹ Разъяренный Халил-паша и до того грозился при необходимости воевать с немцами, германских офицеров не пускали в Баку, балансируя на грани ареста всей делегации. См.: *Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis*. S. 211.

¹³⁵⁰ См.: *Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны*. С. 246-248.

¹³⁵¹ См. регулярные сводки отдела иностранных армий в ОХЛ (копии): BA-MA. RM 5/2485.

инстанции попросту не надеялись. Надольны, несколько лет успешно работавший над германо-персидским сближением на основе совместной «борьбы с империализмом» англичан и русских¹³⁵², был крайне недоволен, обвиняя во всем протурецки настроенное ОХЛ¹³⁵³. Лишь полный крах Османской империи заставил Талаата 23 октября 1918 г. еще раз подтвердить соблюдение условий Бреста, а также независимость и неприкосновенность Персии¹³⁵⁴. Отправленная же из Германии в Персию миссия во главе с консулом Литтенем, которая должна была подготовить восстановление германского представительства в Тегеране, успела доехать только до Балкан. Зато экспедиция в Тебриз во главе с Вустровым добралась 28 августа 1918 г. и в сентябре 1918 г. стала поставлять оружие повстанцам Кучук-хана¹³⁵⁵. Имели в виду и возможность массового прорыва через персидское побережье Каспия военнопленных из Центральные держав, уже вовлеченных в гражданскую войну в Туркестане¹³⁵⁶. Добиться высылки Вустрова персидским властям удалось лишь много месяцев спустя, что и положило конец прежнему этапу германо-персидских отношений¹³⁵⁷.

Дальнейшие события в ходе расширения зоны влияния Центральные держав касались преимущественно Северного Кавказа и развивались предсказуемо. На активное вмешательство в дела этого региона у гегемона Брестской системы не хватало ресурсов (или хватило осмотрительности?). Еще 20 июня между Горской республикой и Османской империей был заключен договор о дружбе, положенный в основу расширения экспансии последней, но

¹³⁵² См., напр.: *Blücher W. von. Zeitenwende in Iran*. S. 127–133.

¹³⁵³ См.: *Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925*. S. 84–89; Botschafter Rudolf Nadolny: *Rußlandkenner oder Rußlandverstehet?* S. 71–74.

¹³⁵⁴ См.: *Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik*. S. 315.

¹³⁵⁵ См.: *Blücher W. von. Zeitenwende in Iran*. S. 124–125.

¹³⁵⁶ Документы о планах координации этих сил с прогерманскими повстанцами в Персии и о дальнейших их действиях на Месопотамском фронте якобы лично видел один из русских политических деятелей из Баку: *Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье*. С. 141.

¹³⁵⁷ См. подр.: *Mahrad A. Die deutsch-persischen Beziehungen von 1918–1933*. Frankfurt/M. u.a., 1974. S. 79–81, 340–341.

только в случае решения бакинской проблемы. Поскольку оно затягивалось, а Германия все глубже погружалась в проблему взаимоотношений различных лимитрофов России, то участь Горской республики стали решать через германскую миссию в Тифлисе. К 9 сентября Кресс пришел к выводу о необходимости раздела Северного Кавказа на 2 части: к востоку от Владикавказа (турецкую) и к западу (германо-грузинскую), хотя признавал, что должного согласия османских военных на это пока нет¹³⁵⁸. Он не подозревал, что уже 12 сентября Чичерин подал резкий протест в АА из-за стягивания германских войск к Военно-Грузинской дороге в 37 верстах от Владикавказа¹³⁵⁹, и новая волна осложнений (еще до неожиданного взятия Баку турецко-азербайджанскими войсками!) пришлось для Хинтце чрезвычайно невовремя. Тем не менее Крессов все не спешил оттягивать войска от кавказских перевалов. Даже когда уже полным ходом шел вывод германских войск из Грузии, посты у Казбека простояли до самого конца октября¹³⁶⁰.

Закат германских проектов в Закавказье приобрел необратимый характер в середине сентября, после начавших приходить с различных периферийных фронтов самых прискорбных известий. Уже 18 сентября 1918 г. в Потти последовала телеграмма: срочно грузить назад части недавно отправленных туда и пока даже не нашедших размещения на берегу пехотной, а 7 октября и 7-й баварской кавалерийской бригад для их переброски в Констанцу¹³⁶¹. Таков был сигнал к началу крушения германских замыслов в Закавказье. Уже ушедшие из Потти пешим порядком части добрались до Кутаиси, но так и не двинулись в Тифлис, простояв около месяца, а потом вернувшись в порт, чтобы отправиться морем прямо в Румынию¹³⁶². Впоследствии утверждалось, что

¹³⁵⁸ См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 115–116.

¹³⁵⁹ См. текст ноты: ДВП. Т. 1. С. 477–478.

¹³⁶⁰ См.: *Das Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 7*. S. 201–202.

¹³⁶¹ Кресс даже не успел получить сообщение о прибытии подкреплений, так что вынужден был действовать импровизированно, а вскоре пришел и контрприказ. См.: *Hopman A.* Tagebuchaufzeichnung, 29. September // *Von Brest-Litovsk...* S. 602.

¹³⁶² См.: *Kollmann W., Loch H.* Das Bayerische 5. Feldartillerie-Regiment. S. 156.

в обратный путь солдат отослали, так как они были уже не нужны для взятия Баку¹³⁶³. Это была явная попытка выдать желаемое за действительное: будь такая возможность, немцы никогда не ослабили бы группировку, ведь судьба Баку была еще далеко не решена, а враждебность турок делала поставки нефти по меньшей мере сомнительными. Вряд ли можно было списать это и на несогласованность действий армии и флота. Как раз к этому моменту была достигнута определенная координация в структуре управления операциями на Кавказе, удовлетворявшая и флот (через Хопмана), и армию (через Кресса)¹³⁶⁴. В те же дни был сделан и еще один шаг навстречу амбициям Порты: 19–20 сентября германские инстанции официально заверили, что учтут турецкие интересы при определении судьбы кораблей Черноморского флота¹³⁶⁵.

Но даже в такой обстановке финальных усилий по сохранению под контролем Причерноморья до конца сентября готовили к отправке в Закавказье дополнительные специальные отряды (матросов для флотилии, тяжелую артиллерию и др.) для будущей операции на Каспии. Почти фантастический «каспийский проект» официально просуществовал вплоть до конца октября, увенчавшись прибытием в Баку миссии флотского офицера Вагнера, подтвердившего возможность развертывания там сверхмалых подлодок¹³⁶⁶. В свою очередь большевики также интенсифицировали усилия по наращиванию военно-морских сил в Каспийском море, что привело к оживлению боевых действий, но уже против англо-белогвардейских сил и с декабря 1918 г.¹³⁶⁷

¹³⁶³ Mühlmann C. Das deutsche-türkische Waffenbündnis. S. 211.

¹³⁶⁴ См.: Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 4. S. 126–127.

¹³⁶⁵ См.: Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 4. S. 147.

¹³⁶⁶ Baumgart W. Das "Kaspi-Unternehmen" — Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126, Hf. 2. S. 231–278; Groß G. P. Die Seekriegsführung. S. 88–93; Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Bd. 4. S. 166.

¹³⁶⁷ Большевики имели в виду резкое усиление военно-морских сил на Каспии, а также переброску из Саратова и ремонт подлодок и их базирование в Астрахани, еще в июле-августе 1918 г., но обострение обстановки на Восточном фронте не дало большевикам реализовать задуманное

Очевидно, запоздавшим эпилогом в борьбе Германии за установление контроля над Баку стала миссия полковника Ф. фон дер Гольца, отозванного в самый разгар боев с Западного фронта в июле 1918 г., чтобы отправиться на 3000 км к востоку¹³⁶⁸. Помимо желания дополнить явно более не справлявшегося с клубком закавказских проблем Кресса выбор на этого прусского офицера пал именно потому, что в ОХЛ надеялись преодолеть ожидаемые резкие разногласия с турками за счет авторитета его покойного отца — знаменитого К. фон дер Гольца, скончавшегося весной 1916 г. накануне капитуляции англичан под Кут-эль-Амара. Путь его был довольно долгим: о неудаче Исламской армии в попытке взять Баку в начале августа 1918 г. Ф. фон дер Гольц узнал еще в Севастополе, а затем задержался у Кресса в Тифлисе. Новый глава германских сил на бакинском направлении быстро получил от турок прозвище «Гольц-оглы-паша». В ходе многодневных бесед и воспоминаний об отце ему удалось заставить Нури-пашу, не желавшего делить трофеи с германским контингентом¹³⁶⁹, пропустить в Баку 2–3 октября 1918 г. свой поезд. Первую порцию германского контингента пришлось существенно сократить¹³⁷⁰. Основными причинами такой граничившей с оскорблением задержки было желание командования Исламской армии добиться предварительных обещаний об обмене нефти на поставки трофейного русского оружия (что и было потом зафиксировано с учетом

до конца года. См.: РГА ВМФ. Ф. Р-562. Оп. 1. Д. 21; Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 8, 110, 117, 133, 135, 272.

¹³⁶⁸ Его версия событий несколько отличается от той, что у Кресса или у Г. фон Секта, см.: *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai: Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.*

¹³⁶⁹ Дошло до подрыва рельсов на пути германского эмиссара у Гянджи на станции Шамхор, после 4-дневного ожидания Гольц выехал в штаб Нури-паши на автомобиле. См.: *Kress von Kressenstein F. v. Meine Mission im Kaukasus. Bl. 34–35; Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku. S. 133–136.*

¹³⁷⁰ В составе отряда были и радиотелеграфисты. См.: *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku, S. 129; Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 157–158.*

реальных возможностей инфраструктуры¹³⁷¹), а также еще до прибытия немцев по возможности скрыть следы армянских погромов, очередной раз ставших поводом для неприятных недоразумений между союзными армиями¹³⁷². Азербайджанские лидеры восприняли фон дер Гольца как главу именно дипломатической, а не военной миссии, что было вполне типично на Ближнем Востоке, однако явно шокировало бы АА, если бы там об этом узнали¹³⁷³. Полковник быстро договорился о поставках русских трофейных винтовок и другого оружия из захваченных интервентами складов бывшей РИА в обмен на содействие скорейшим поставкам нефти. Обсуждавшиеся планы срочного повышения эффективности нефтедобычи и налаживания работы германских консульств в столицах Азербайджана и Армении реализовать уже не успели, а назначенные дипломатические представители доехать в Закавказье не смогли. Протесты большевиков, намеренных требовать оплаты германской стороной Москве (!) всей вывозимой нефти¹³⁷⁴, попросту оставили без внимания.

После начала 19 сентября 1918 г. развала Палестинского фронта, который на этот раз не смогли спасти австро-германские контингенты, и выхода из войны Болгарии младотурки стали куда уступчивее в вопросе о судьбах Кавказа и Закавказья. 25 сентября Хинтце поручил Крессу заверить лидеров Армении¹³⁷⁵, что Германия поддержит их в вопросе о беженцах и в целом не бро-

¹³⁷¹ Примерно 16–18 октября 1918 г. первые 10 цистерн нефти были отправлены из Баку в Тифлис. См.: *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku. S. 151, 153.*

¹³⁷² Ф. фон дер Гольц при всей его симпатии к османской армии, с которой он уже провел кампанию на Синае, смог лично осмотреть следы погромов, в том числе трупы, сожженные дома на армянских улицах, вывозившие покойников по ночам грузовики и т. д. Сам же город показался германскому офицеру отвратительным. См.: *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku. S. 144–146.*

¹³⁷³ См.: *Goltz F. von der. Meine Entsendung nach Baku. S. 141–142.*

¹³⁷⁴ Иоффе требовал либо оплаты, либо соответствующих (согласно договору от 27 августа) поставок угля, см. ноту от 1 ноября: ДВП. Т. 1. С. 548–549.

¹³⁷⁵ См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. S. 630–632.*

сит в решении участи молодого государства. Одновременно возрос и нажим большевиков, откровенно блефовавших и требовавших передачи под их контроль всего региона¹³⁷⁶. 3 октября Иоффе заявил османскому послу Рифату-паше, тянувшему время в ожидании прямого германского заступничества, что простого отвода османских войск за брестские границы недостаточно, а потому констатировал разрыв переговоров, разговаривая языком почти ультимативных требований¹³⁷⁷. Вскоре после лишь заочного примирения с Советской Россией турецкой делегации в Берлине был нанесен новый удар. В ответ на полученное 6 октября 1918 г. послание османского МИДа, действуя на основании жесткой позиции Ленина, Чичерин 10 октября 1918 г. позволил себе отклонить протянутую руку, открыто опровергая заверения в якобы начатом выводе османских войск и выставляя условия восстановления отношений¹³⁷⁸. Это было уже явным унижением и основывалось на уверенности в крахе Центральных держав. Он требовал не только вывода османских войск и «иррегулярных банд вместе с их инструкторами и начальниками», но и передачи Баку советским представителям, имея в виду отказ от возвращения Порте даже Карса и Батума¹³⁷⁹. Одновременно НКВД упоминал и «признанные Германией» границы Грузии, то есть позволял себе вмешиваться в дела лимитрофа, независимость которого в Москве пока даже не утвердили.

Новое (с 13 октября) правительство Порты Иззета-паши было сконцентрировано на будущем соглашении с англичанами, а потому расчет большевиков на то, что у турок попросту не хватит времени торговаться или мстить¹³⁸⁰, вполне оправдался. Даже без точных данных вполне можно было предположить, что эвакуация османских войск (5 дивизий крайне слабого состава) из Закавказья

¹³⁷⁶ См. подр.: Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 119–126.

¹³⁷⁷ См.: ДВП. Т. 1. С. 509–510.

¹³⁷⁸ См.: ДВП. Т. 1. С. 513–516.

¹³⁷⁹ Германская разведка расшифровала секретные инструкции Чичерина Иоффе, так что ни о каком блефе на переговорах и речи не было. См.: Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 126.

¹³⁸⁰ Тем более что великий визирь проболел испанкой почти весь период правления своего кабинета.

зья и вообще всех «спорных территорий» восточнее Карса идет полным ходом¹³⁸¹. Еще одним ударом большевиков по с трудом выстраиваемому германо-турецко-советскому компромиссу в Закавказье была нота Чичерина от 17 октября, где он напоминал АА, что независимость Грузии РСФСР не признается. Это был не только очередной намек на изменившийся баланс сил, но и приглашение к ревизии уже Бреста-2, однако события опережали даже такие, весьма поспешные шаги.

На волне пантюркистской эйфории османские войска продолжили экспансию на Северном Кавказе и после краха турецких фронтов в Сирии. Этим они предвосхитили будущие чаяния Германии сохранить завоеванное на Востоке взамен безнадежно утраченного на другом фронте, то есть на Западе. Однако османские иллюзии о компенсации разгрома в Великой войне были еще более утопическими. К турецкому вмешательству в схватку за столицу Северного Кавказа и в германских штабах отнеслись подозрительно. Остававшимся в Закавказье германским войскам был отдан приказ по возможности препятствовать наступлению османских войск на север, однако Крессу любое вмешательство в обреченную экспансию союзников казалось излишним.

В Дагестане обстановка для экспансии под панисламскими лозунгами была лучше. 6–9 октября в Дербент вступили войска 15-й турецкой пехотной дивизии. Вскоре там была издана декларация нового протурецкого правительства Северного Кавказа. Увлекаемая мечтой о компенсациях на Востоке младотурецкая верхушка успела образовать «Северокавказский фронт» во главе с Юсуфом Иззет-пашой (черкесом по происхождению). Его войска двинулись дальше на север, к Темир-Хан-Шуре, где готовился к отражению наступления Л. Бичерахов. Отданный 15 октября лично Г. фон Сектом приказ о выводе османских войск из Закавказья, как и о расформировании всех военных инстанций на восточном направлении, кроме 9-й армии, поначалу не возымел действия, хотя 24 октября о том же распорядился и глава османского правительства Иззет-паша. В наступлении в Дагестане еще сказывалась

¹³⁸¹ См. подр.: *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны. С. 262–264.

инерция последнего рывка к панисламской мечте. 28 октября после взятия Темир-Хан-Шуры был заключен давно ожидаемый союз между Горской республикой и Азербайджаном, последовали соглашения о займах и т. д. Довольно быстро противником интервентов стали уже не ослабленные боями бойцы Бичерахова, пытавшегося восстановить связь с британскими союзниками по морю, а войска красных, продолжавших бои с терскими казаками. Занятые ведением с последними чеченцы и ингуши в тот момент склонялись к союзу с большевиками. Пиком успехов турок и их союзников в Дагестане стало взятие Петровска после упорных боев 7–10 ноября, защитники которого были вывезены с помощью Каспийской флотилии. К этому моменту окончание активной фазы Великой войны казалось состоявшимся фактом, хотя это ни в коей мере не отменяло эскалацию боевых действий на всех постимперских пространствах. Скорее, наоборот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Брестский мир на стадии оформления его текста мыслился как «передышка» для обоих (!) его творцов, одинаково им необходимая (хотя и по разным причинам) и столь же одинаково неприемлемая в качестве постоянной основы для будущих отношений. В руководстве обеих сторон подобную неизбежность в сотрудничестве понимали или готовы были понять (чисто психологически) далеко не все. Большевикам пришлось пройти жесткую проверку реальностью раньше — в конце февраля — начале марта 1918 г., а кайзеровской Германии существенно позже — в августе-октябре 1918 г. Отношение к самим условиям Брестского мира от 3 марта 1918 г. лучше всего характеризует тот факт, что в Германии его текст был опубликован чрезвычайно быстро, а в столь прославившейся разоблачением «тайной дипломатии» Советской России публикацию деталей сделки, наоборот, упорно откладывали. Схожая ситуация была и с текстом Добавочного договора от 27 августа 1918 г. Бурное развитие на основе подписанных на Востоке договоров целой системы международных отношений было гарантировано высоким темпом событий на постимперском пространстве, порой демонстрировавших едва ли не явление резонанса. Сохранение приемлемого для Центральных держав положения на Востоке, то есть недопущение восстановления активного Восточного фронта Великой войны, было возможно только в рамках системы на основе продиктованных весной 1918 г. договоров, за счет упорядочения ситуации в государствах-лимитрофах. Это требовало куда больших усилий, нежели разовый диктат или даже продолжительная международная конференция.

Все пространство бывшего Восточного ТВД Великой войны, включая прифронтовую полосу и ближний тыл, а также и потенциального продолжения зоны боев после окончания «Фаустшлага» стало территорией Брестской системы. Каков был «мир» на Востоке, таковы оказались и особенности этого нового устройства Восточной Европы, занимавшего промежуточное положение между фронтом и системой элементов разного уровня. Брестская система объединила области «старой оккупации», давно интегрируемые в военный лагерь Центральных держав и более системными эксплуатируемые, и совсем недавно образовавшиеся разнокалиберные государства-лимитрофы Российской империи. По меньшей мере те из них, что были в зоне досягаемости Четверного союза. Особое положение, которое нельзя отнести ни к одному из типов, было у Румынии, так и не получившей назад половину своей территории вплоть до поражения Центральных держав. Столь же логично, как с сентября 1916 г. Восточный фронт Первой мировой войны включил в себя новый, румынский его участок, в 1918 г. по мере продвижения войск Центральных держав на Восток он должен был воссоединиться с другими театрами военных действий, если для этого имелись подходящие географические условия. Так и произошло с высадкой германского десанта в Финляндии, так тем более было бы в случае проведения операции «Шлюсштайн» против Петрограда. Прослеживаются предпосылки к воссоединению в рамках Брестской системы Восточного и Кавказского фронтов Центральных держав, особенно в случае наступления германских войск через Новороссийск далее на юг, а также из Грузии на Владикавказ и в сторону Туапсе. Лишь недостаток средств, людских и материальных, крайнее перенапряжение сил Кайзеррейха не позволили ему к поздней осени 1918 г. выстроить непрерывный фронт против Антанты (и любых союзных ей сил) от Мурманска до Каспия, примерно так же, как он протянулся 24 года спустя.

Логика функционирования Брестской системы в целом на взгляд главных (если не всех) ее акторов была слишком различна: от ставки на мировую революцию/победы в битве за мировое господство до обретения «передышки»/создания сырьевой базы для будущей новой мировой войны. Поэтому перспектива

достижения взаимовыгодного и *устойчивого* сотрудничества отсутствовала. Представляется, что при всех попытках действовать не только из сиюминутных интересов, а с учетом стратегических последствий, никто из германских военных и дипломатов не смог в полной мере осознать закономерность непрерывного кризиса Брестской системы. Вину за него возлагали на безответственность отдельных лиц, коварство, даже глупость вышестоящих инстанций, и зачастую — оправданно, однако это были лишь «отягчающие обстоятельства», но никак не «состав преступления» против «мира на Востоке». Требовать от военных более глубокого анализа обстановки было бы наивно, а от дипломатов — некорректно, ведь Брестская система слишком сильно зависела от военной силы, открытое обращение к которой (вместо переговоров) зачастую шокировало сотрудников АА как минимум этически. Только усиливало различные теории заговора полное отсутствие сплоченности среди основных проводников политики (точнее, «политик») обеих сторон: не только находящейся в состоянии хронического разлада между политиками, дипломатами и военными Германской империи, но — несмотря на все последствия разногласий по поводу Бреста и самого критического положения большевиков летом-осенью 1918 г. — и Советской России. Далеко не отлаженная партийная вертикаль, последствия долгого пребывания лишь официально единой, а на деле раздробленной между странами и лидерами маргинальной большевистской группировки сказывались очень сильно. Свою линию в лавировании между «блоками империалистов» пытались вести не только Ленин и Троцкий, но и безусловно владевшие уникальными источниками информации Иоффе, Чичерин, Красин, а возможно, и некоторые вожди РККА. Как только своеволие, а то и советы «снизу вверх», то есть с мест в центр, достигали уровня саботажа распоряжений, следовала резкая реакция¹³⁸² и отставки.

¹³⁸² Например, в начале августа Ленин писал и передавал советскому полпреду в Берлине Иоффе, что «все он пишет... несуразно до сверхъестественности», а также заявлял, что «если Иоффе будет повторять идиотские речи... я его и слушать не буду». См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. С. 244–245.

Важнейшим фактором, воздействовавшим на оккупационную политику Германии и, под ее влиянием, Центральных держав в целом, являлось стремление как можно скорее создать функционирующую, *целостную*, взаимовыгодную систему связей между Центральной и Восточной Европой, обеспечив не только восстановление, но и выход на новый уровень существовавших до войны экономических, торговых, транспортных, в перспективе — культурных контактов и связей. Брестский мир целостного процесса развития западных окраин бывшей Российской империи обеспечить не мог. Зияющие в этой конструкции пробелы и неясности накладывались на политический хаос, становясь непреодолимой преградой в осуществлении целей тех, кто этот «мир», эту систему и создавал, то есть в первую очередь военных и дипломатов кайзеровской Германии. Для постепенной стабилизации Брестской системы обоим главным ее акторам требовались время и политическая воля. Не хватало и того, и другого, но именно время стало главным лимитирующим фактором. По иронии судьбы, — но вполне закономерно, — по истечении необходимого для «привыкания» к системе полугодового срока времени для использования дивидендов Брестской системы (а не только грабежей), по меньшей мере у Германии, почти не осталось.

Отделить военную историю от истории международных отношений, тем более в случае с эпохой тотальных войн, всегда было необычайно сложно. Применительно к истории германской Ostpolitik в 1918–1919 гг. это оказывается и вовсе невозможным. В решавшем вопрос «быть или не быть» Кайзеррейхе военные — даже более, чем где-либо из военных держав в эти годы, — принимали на себя дипломатические функции, а дипломаты — едва ли не военные (по меньшей мере на уровне проектирования операций, организации и поддержки той или иной воюющей стороны). В обстановке глубокого кризиса, — в том числе технически-инфраструктурного, — управленческого механизма Германии, ведущей на исходе сил решающую схватку за мировую гегемонию, такое перераспределение оказалось не только неизбежно, но и возможно. Тем более что многие дипломаты имели за плечами военное образование, а порой и годы службы в вооруженных силах, а многие военные (особенно флотские офицеры) волею судеб

даже до войны вынуждены были заниматься явно дипломатического рода миссиями¹³⁸³.

При рассмотрении событий на Востоке в середине 1918 г. в рамках общего хода Великой войны сразу бросается в глаза имевшая роковые результаты непоследовательность в определении логики действий на Востоке. Вплоть до конца февраля — начала марта 1918 г., когда ОХЛ было потрясено масштабами перспектив, открывшихся в связи с беспомощностью распавшейся русской армии, действия и военных, и дипломатических инстанций Германской империи исходили из необходимости концентрации усилий разного рода на будущем решающем натиске на Западе. Имели в виду и «политическое наступление», т. е. пропагандистскую борьбу за симпатии сторонников мира на фоне очевидной военной мощи победившей на Востоке Германии¹³⁸⁴. О том, что победа эта была во многих отношениях пирровой¹³⁸⁵, тогда еще никто не подозревал. Хотя генеральное наступление на Западе отменять не собирались, а военные инстанции на Востоке продолжали по инерции довершать начатое и параллельно оптимизировать структуру, высвобождая для Запада резервы, далее пошло резкое расхождение между изначальным требованием концентрации сил и необходимостью не только удерживать, но и захватывать все новое на Востоке. Если чисто военная нагрузка в рамках брестского курса *Ostpolitik* долгое время считалась терпимой даже для тающих армий на Востоке, то объема политических, дипломатических и интеллектуальных ресурсов, выделенных для импровизированных следствий Брестского мира и не согласованных его изъянов и лакун, стало не хватать сразу, еще ранней весной 1918 г.

Чем упорнее стремился Людендорф не упустить на Востоке и самых призрачных перспектив, тем меньше у него было «техни-

¹³⁸³ Здесь можно упомянуть А. Хопмана и П. фон Хинтце, из более поздних примеров выделяется В. Канарис.

¹³⁸⁴ За это в ОХЛ отвечал один из лучших генштабистов полковник Хефтен. Ни одной биографии этого талантливого офицера, военного историка, многолетнего главы Рейхсархива нет до сих пор, хотя его архивный фонд с материалами исследований сохранился. См.: ВА-МА. N 35/21, 24.

¹³⁸⁵ См.: *Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. S. 148ff.*

ческой» возможности охватить разумом и вовремя отследить непредсказуемую в своей нестабильности систему. Постоянные указания на некорректность или поспешность его вмешательств он воспринимал эмоционально, пытаясь и вовсе замкнуть только на ОХЛ механизмы реализации политики на Востоке. Учитывая, что Людендорф попросту не успевал обрабатывать информацию, не говоря уже о попытках направлять все хитросплетения далеких региональных конфликтов, его действия апостериорно кажутся строго обратными тем, что были бы в той ситуации логичными. Нагрузка на главу ОХЛ, только возраставшая в связи с неудачами на Западе (не признаваемыми им даже перед самим собой вплоть до середины, а то и конца августа 1918 г.), лишила его хотя бы номинальной возможности контролировать ситуацию, но не убедила соответствующим образом минимизировать свое вмешательство. Лишь умелая внутренняя дипломатия Хинтце, а также предстоявший прорыв информационной монополии Ставки относительно поражений на Западе заставили Людендорфа, начиная с момента подписания Добавочного договора, прекратить гнаться за двумя зайцами. Постепенно он склонялся к исходной логике простой оптимизации и концентрации военных ресурсов на Западе, пока на Востоке кое-как будут улаживать последствия сделанных ошибок и завязанных конфликтов дипломаты и местные инстанции. Однако этот выбор сильно запоздал.

В период активного развития Брестской системы весной — в начале осени 1918 г. едва ли не все ее основные акторы ощутили, сколь тяжелой проблемой является «изобретение» Восточной Европы, создание неких достаточно очевидных и признанных рубежей и границ между государствами и даже провинциями¹³⁸⁶. Острые проблемы ползучей фрагментации огромного пространства и многовекторных территориальных претензий оказались отнюдь не только наследием прежних эпох или следствием искусственных межимперских границ и многолетнего сдерживания сепаратизма. Выяснилось, что накопившиеся как минимум со времен Венского конгресса этнотерриториальные

¹³⁸⁶ См. подп.: Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. Aktuelle Forschungsprobleme / hrsg. von H. Lemberg. Marburg, 2000.

конфликты¹³⁸⁷ и без империй (или при возможности совершить раздел за счет хотя бы одной из них) разрешить почти невозможно. Даже достаточно очевидное главенство Германии не гарантировало ей возможности продиктовать новое устройство Восточной Европы, а уж тем более и не означало гарантию его прочности.

Брестский мир и созданная им система являлись беспрецедентной по масштабам попыткой хотя бы частичного восстановления трансрегионального торгово-экономического пространства. С задачей реинтеграции настолько взаимосвязанных экономик не сталкивались даже после отмены Континентальной блокады. Продолжавшаяся мировая война и тяжелые проблемы признания ряда вновь образовавшихся элементов системы большинством стран мира означали частичную или полную блокаду (или ее попытки, за счет воссоздания фронтов противостояния). Это толкало к замкнутости и потому к необходимости более тесной интеграции, в которой были с точки зрения экономики заинтересованы все участники системы, и неспособны на нее также все — с точки зрения политики. Брест воспринимался как импульс к неизбежному восстановлению ранее разорванного экономического партнерства, которое за 3,5 (иногда меньше) года войны сменилось на систему полулегального и опосредованного (главным образом через Скандинавию, а до осени 1916 г. и Румынию) взаимодействия, а также резкой (и едва ли возможной инфраструктурно) переориентацией на военно-политических союзников и на вовсе не нуждавшийся в таком варианте внутренний рынок. Распад Российской империи привел к тому, что новое единство Центральной Европы и Евразии мучительно выстраивалось из фрагментарных сделок и односторонне трактуемых интересов, что могло только усилить деформацию экономики различных регионов, по отдельности не имевших шансов на автаркию. Эта интеграционно-экономическая сторона последствий Бреста была важнее и жизнеспособнее его военно-политических итогов, что вполне осознавали и германские

¹³⁸⁷ См. подп.: Handbuch einer transnationalen Geschichte Ostmitteleuropas / hrsg. von F. Hadler, M. Middell. Bd. 1. Von der Mitte 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2017.

военные, а не только экономисты. Ее инерция позволила главным акторам системы образца 1918 г. осмелиться на заключение договора в Рапалло в 1922 г., где приоритеты были расставлены куда более верно, чем в Бресте. Более того, полученный в дипломатических стычках друг с другом в 1918 г. опыт позволил и Германии, и России с большим успехом отклонять материальные претензии Антанты¹³⁸⁸ в Спа, Генуе, Лондоне, Локарно и т. д. Вероятно, уникальный (пусть и кратковременный) опыт отстраивания разорванных связей после нескольких лет блокады (с Германии ее стали снимать лишь с 12 июля 1919 г.) мог бы пригодиться и создателям Версальского договора, если бы они смогли увидеть в Бресте и его последствиях нечто большее, чем германский диктат. Последнее привело к тому, что, в свою очередь, в Германии после ультиматума в Спа и оккупации Рура так и не сумели воспринять Версаль иначе чем прокрустово ложе.

Зависимость от экономического эффекта достигнутого на Востоке «мира» требовала от Кайзеррейха и его союзников существенных расходов и оккупационных усилий, главной целью которых должно было стать цементирование установленного к июню 1918 г. порядка при блокировании вооруженных конфликтов даже локального уровня, если только элементы Брестской системы участвуют в них с обеих сторон. Возобновления активных боевых действий на Востоке с Антантой (кто бы из лимитрофов к ней ни присоединился) германское командование могло избежать только при условии устойчивого функционирования нового устройства Восточной Европы. В связи с его врожденными пороками попытка добиться этого была связана опять-таки с боевыми действиями или оккупационными акциями того или иного масштаба. Оценивая созданный в Бресте «порядок» с точки зрения системного анализа, можно признать его изначально нежизнеспособным: в системе с неясными границами постоянно меняется количество элементов и их взаимоотношения, т. к. сами элементы крайне неравновесны. Из-за этого прежние направления диктата оказывались

¹³⁸⁸ Позиция Советской России относительно претензий к ней стран Антанты в связи с ее выходом из Великой войны ярко изложена в сборнике: Кто должник? / Сборник докум. статей под ред. А. Шляпникова и др. М., 1926.

неактуальными, а состав категорий «победителей» и «побежденных» неуклонно менялся.

Часто вмешивались неучтенные, да и просто неожиданные факторы. Многое в системе вообще не оговаривалось создававшими ее соглашениями, да и в возникновении последних второстепенные элементы нередко были и вовсе не заинтересованы, а потому их приходилось принуждать к участию в упорядочивании системы на выгодных гегемону условиях, в том числе военной силой или ее угрозой. Вероятность скоординированных действий даже первостепенных и заинтересованных в сохранении системы элементов — т. е. Центральных держав и, с оговорками, большевиков — очень мала. Более того, целый ряд элементов, порожденных системой, не рассматривал ее функционирование как желательное и вероятное, едва ли не открыто рассчитывая на скорое создание принципиально иной системы или на вхождение в более глобальную, то есть антантовскую конструкцию (Польша, Армения и др.). Все это должно было приводить к неуклонному росту «цены» Брестской системы для ее гегемона при крайне сомнительных перспективах хотя бы сохранения потока барышей на достигнутом в первые недели оккупации уровне.

Подводить баланс Первой оккупации, даже только для оккупантов, крайне сложно не только из-за неоднозначности по меньшей мере некоторых из ее результатов. Ситуация с источниками и статистикой такова, что даже при желании ограничиться чисто материальной стороной проблемы, то есть механическими подсчетами «убытков» и «прибылей», а также выяснить цену мнимой победы на Востоке Центральных держав для всех сторон в человеческих жизнях, полученные ответы останутся крайне фрагментарными, а общие итоги будут разочаровывать высокой долей в них оценок и предположений. Такая ситуация характерна не только для реальных, но и для потенциальных результатов Первой оккупации. Конечно, некоторые конкретные цифры известны: количество убитых и раненых в некоторых боях, некоторые объемы вывезенных и поставленных товаров, продовольствия и сырья, списки захваченных при различных обстоятельствах трофеев. Однако в ряде случаев встает проблема верификации данных, исключения двойного учета или, напротив, недоучета или умалчивания. Кроме того,

вряд ли корректно судить о перспективах интервенции и оккупации, например по обязательствам, взятым на себя УНР или другими государствами-лимитрофами Российской империи, включая в эту категорию и финансовые условия Добавочного договора с большевиками. Как известно, поставки продовольствия Украинской державой не были выполнены даже приблизительно, да и Советская Россия также произвела выплаты лишь частично. При этом вряд ли возможно списывать это только на перемену военного счастья и поражение Центральных держав. Куда более реалистичным для оценки будет вопрос о возможности УНР, Советской России, Грузии, Финляндии etc. выполнить соглашения подобного рода.

Военные действия и оккупация, различные акции по военной помощи сателлитам стоили Центральным державам немалых затрат. Наиболее чувствительными потерями были имиджевые, а именно крайняя степень раздражения экспансией Четверного союза на Востоке не только в странах Антанты, но и среди нейтральных государств, частично затронутых этими процессами почти непосредственно (как Персия или Швеция). Помимо материальных ресурсов, человеческих жизней и репутационных издержек Восток отнимал время тех, кто принимал решения, поглощал ценные и высококвалифицированные кадры военных, дипломатов, консультантов по различным вопросам. Он требовал вложений в инфраструктуру и технического переоснащения занятых войсками объектов, бесконечного лавирования и обещаний, взяток и авансов. Но более всего на конечный итог должно было повлиять то, на каких условиях и в каких масштабах Первая оккупация завершится. Предвидеть этого вплоть до 11 ноября не мог, по-видимому, никто, причем по все стороны фронтов. Какую цену придется заплатить оккупантам за то, чтобы сравнительно организованно покинуть так и не доставшиеся им земли, можно было лишь гадать, исходя из смутных предположений о потенциале местных вооруженных сил, оценок боеспособности РККА и опасений действительно быстрых десантов Антанты. Эвакуация войск Германии, Австро-Венгрии и Османской империи (в меньшей степени Болгарии) представляет собой огромную главу истории оккупации, ее эпилог, краткий лишь по хронологии, но не по насыщенности событиями. Без действительно подробного изучения событий ноября 1918 — февраля 1919 г.

(а кое-где и до июля 1919 г.) на территориях сворачиваемой Брестской системы подвести итоги Первой оккупации не удастся, по меньшей мере в вопросе соотношения полученного и затраченного интервентами из Центральных держав. Эта задача требует отдельной монографии, в которой можно было бы опереться не столько на общие выводы, сколько на фактологию и тенденции, прослеженные в данном исследовании.

И все же по меньшей мере в одном из аспектов возможно оценить масштабы и значение Первой оккупации и имплементации Бреста и без детального рассмотрения последовавшей эвакуации интервентов и экспансии большевиков в их первой попытке привнести революцию в Европу на штыках. Вряд ли приходится сомневаться в том, что создание, эволюция и частичное воплощение проекта Брестской системы, реалии оккупации огромных пространств бывшей Российской империи войсками Центральных держав, зачастую взаимовыгодное сотрудничество с последними ряда региональных правительств и военных группировок оказали огромное влияние на генезис и ход Второй мировой войны, а в особенности на детали жесточайшего противостояния между нацистской Германией и сталинским Советским Союзом. Отчаянная борьба за привлечение на свою сторону и укрепление лояльности десятков миллионов жителей СССР, а также тех, кто разными путями уклонился от советского подданства в 1939–1940-х гг. во многом базировалась на опыте (причем непосредственном) и анализе итогов Первой оккупации — 1918–1919 гг. Это касается населения не только стран Прибалтики, Финляндии, некоторых слоев польского общества, но и уже, казалось бы, давно советизированных республик Северного Кавказа, Абхазии, Грузии, Украины, Крыма. Неслучайно ареал территорий, подвергшихся сравнительно продолжительной Первой (не менее полугода) и Второй (не менее года) оккупациям, совпадает по меньшей мере на 70 % — Карельский перешеек, вся Прибалтика, Ивангород и Псковщина, почти вся Белоруссия, Украина, Крым, до 40 % Области Войска Донского, округа Белгорода и Брянска¹³⁸⁹. При учете еще и территорий, зани-

¹³⁸⁹ Если брать территории, входившие и в Российскую империю в границах 1914 г., и в СССР в границах 1941 г. Есть территории, где германские

маемых германской армией и ее союзниками в 1918 г. лишь кратко (Тамань, Новороссийск, восточные окраины Белоруссии, части Курской, Воронежской и Волгоградской областей), эта доля возрастет еще более.

Память о событиях и условиях «первой германской интервенции» определяла позицию лидеров донского, кубанского и терского казачества, некоторой части православного духовенства и его паствы на оккупированных территориях славянских советских республик, части народов Северного Кавказа, калмыков, азербайджанцев, армян, крымских татар и др. Отчетливая склонность обывателей к уподоблению условий грядущей нацистской оккупации тем месяцам австро-германского военного присутствия всего лишь поколение назад, сохранившимся в памяти большинства их свидетелей, стоила жизни десяткам и сотням тысяч евреев и представителей других национальностей. Летом 1941 г., вплоть до начала массовых казней они сохраняли убеждение в более гуманных условиях пребывания под оккупационной администрацией, нежели в мобилизационной машине сталинского СССР¹³⁹⁰. Этот, связанный с памятью об интервенции 1918–1919 гг., фактор в судьбе десятков миллионов жителей Восточной Европы и России в годы Второй мировой войны еще ждет своего исследователя и интегральных оценок его значимости, хотя знаковых примеров вполне достаточно¹³⁹¹. С другой стороны, уже полученный

войска продолжительное время были только в Первой оккупации (Грузия), а также большое количество территорий, где они задержались более полугода только во Второй (многие западные области РСФСР, большая часть Кубани). Максимально совпадает продолжительность обеих оккупаций на части территории Области Войска Донского (около 7 месяцев), Литвы и Западной Белоруссии, а также Белостока (более 3 лет), Курляндии (около 4 лет).

¹³⁹⁰ См. подр.: Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. и ред. К. М. Александров. СПб., 2011.

¹³⁹¹ Например, наблюдавший ребенком вступление немцев в Киев в 1918 г. Л. З. Копелев, сыгравший затем столь крупную роль в советской германистике, вспоминал: «Раньше их полагалось ненавидеть. Они враги... в Киев они пришли только из-за проклятых изменников большевиков. И, наконец, выяснилось, что немцы вовсе не злые...

в 1918–1919 гг. на Востоке опыт войны с местными иррегулярными силами, усвоенные тогда убеждения в неэффективности сотрудничества с местным самоуправлением и необходимости показательного ожесточения стали удобным трамплином для будущей организации борьбы против партизанского движения в СССР и быстрого восприятия самых отвратительных ее деталей как должного германским командованием. Именно в Первую оккупацию вторгшиеся на Восток германские войска смогли воочию наблюдать межэтнические конфликты, например еврейские погромы под руководством различных атаманов местного значения, что не могло не отразиться и на нацистской политике «разделяй и властвуй», продемонстрированной действиями ОУН в первые же дни после 22 июня 1941 г.¹³⁹²

Конечно, сравнение не только двух мировых войн, но и конкретно двух оккупаций¹³⁹³ началось уже давно и продолжается преимущественно на региональных материалах¹³⁹⁴. После яростных дискуссий о преемственности и истоках (вплоть до версии, что Вторая мировая война была *de facto* начата еще в 1918-м¹³⁹⁵) ныне приоритет в этих параллелях отдается уровню насилия, эксплуатации, подчеркиванию бесчеловечности нацистов, но не инерции опыта оккупации 1918–1919 гг., а порой и 1915–1919 гг. в формировании

А я окончательно убедился, что немцы — хорошие люди и не только за царя, но и за всех нас». См.: *Копелев Л. З.* И сотворил себе кумира. *Анн Арбор*, 1978. С. 17–18.

¹³⁹² Так полагает и Й. Хюртер: *Hürter J.* Hitlers Heerführer. S. 407–408.

¹³⁹³ См., напр.: *Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich; Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / im Auftr. des MGFA hrsg. von B. Thoß und H.-E. Volkmann.* Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002. S. 521–633.

¹³⁹⁴ См., напр.: *Grelka F.* Die ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Wiesbaden, 2005; *Баринов И. И.* Направление — Украина: опыт изучения нацистской оккупационной политики, 1941–1944. Псков, 2014; *Баринов И. И.* «Земля будущего» и «неосвоенная целина»...

¹³⁹⁵ «В качестве рабочей гипотезы для исследования современной истории» это высказал не какой-то начинающий публицист, а лично В. Шуберт, бывший военным атташе в Москве и крупный чин в вермахте, см.: *ВА-МА. N 262/23.*

оккупационного режима в годы Второй мировой войны¹³⁹⁶. Начало исследованиям в этом направлении уже было положено в рамках истории понятий и анализа моделей восприятия, в том числе такого явления, как коллаборационизм¹³⁹⁷. Подобный подход, по-видимому, позволит дополнить существующие представления о факторах происходившей трагедии.

При анализе последствий полученного опыта невозможно пройти мимо вопроса о предпосылках к его первичному осмыслению. Военным не воевавшей в Европе 43 года Германской империи не хватало элементарных представлений о тенденциях развития оккупационного режима. Хотя бы начальный опыт (как, например, у британцев после англо-бурской войны) провоцировал бы на превентивные карательные меры или блокировал бы наиболее очевидные ошибки в ожиданиях. В 1918-м «вспоминать» в смысле оккупации чужой, но все же европейской, а не колониальной территории, германские солдаты могли разве что рассказы ветеранов и патристическую пропаганду насчет франко-германской войны 1870–1871 гг., представлявшей собой конфликт иного уровня и казавшейся (и совершенно напрасно)¹³⁹⁸ не слишком актуальной после Марны, Вердена и Соммы. Офицеры германского Генштаба и особенно генералитет имели на этот счет иное мнение, образы Седана и поверженной Франции были фундаментом их исторического сознания, однако тем сильнее оказалась неготовность к тому, что ожидало их на старости лет от Балтийского до южных берегов Черного моря. Составившие себе некоторое

¹³⁹⁶ Определенный поворот в сторону более комплексного сравнения оккупаций наметился лишь недавно. См., напр.: *Lehnstaedt S. Imperiale Polenpolitik in den Weltkrieg. Eine vergleichende Studie zu den Mittelmächten und zu NS-Deutschland*. Osnabrück, 2017. S. 29–38, 361–370.

¹³⁹⁷ Вопрос о применении понятия «коллаборационизм» и к событиям Гражданской войны поднял Н. Катцер, см.: *Katzer N. Heute Weiße, morgen Rote. "Kollaboration" als Grenzerfahrung im Russischen Bürgerkrieg // "Kollaboration" in Nordosteuropa. Erscheinungsformen und Deutungen im 20. Jahrhundert* / hrsg. von J. Tauber. Wiesbaden, 2006. S. 379–405.

¹³⁹⁸ При общем недостатке отечественных исследований об этой войне, до сих пор именуемой франко-прусской, остается только рекомендовать современную работу: *Бодров А. В., Власов Н. А. Железо и кровь. Франко-германская война*. СПб., 2019.

представление об оккупации Бельгии и Франции солдаты и офицеры Кайзеррейха, оставшиеся в 1918 г. на Востоке, быстро убедились в том, что на развалинах Российской империи ситуация обстоит, мягко говоря, иначе.

Дополнением к этому размышлению о влиянии опыта Первой оккупации на Вторую может стать и личностное измерение, попытка анализа субъективного фона тех, кто сыграл немалую роль в событиях и 1918–1919, и 1939–1945 гг.¹³⁹⁹ Применительно к низовому, солдатскому опыту оккупации в рамках Брестской системы можно вслед за В. Менджецким констатировать крайне слабые результаты в познании постимперского российского пространства и устойчивость стереотипов вопреки любым наблюдаемым реалиям. Более того, при некоторых оговорках можно согласиться с его неутешительным выводом: «Немцы и вовсе не пытались понять истинную социально-экономическую и этническую ситуацию на Украине... Покидая Украину, они знали об этой стране не особенно больше того, чем это было в начале их наступления на Востоке»¹⁴⁰⁰. При всей региональной специфике и разнообразии оккупированных германскими войсками в 1918 г. территорий бывшей Российской империи то же можно сказать и об осмыслении опыта побывавшими на территориях Прибалтики, Белоруссии, Крыма, Грузии, Дона...

Солдатский опыт Первой оккупации на Вторую по чисто возрастным причинам не транслировался, то же следует сказать и о генеральском. Зато многие средние и старшие офицеры кайзеровской армии 1918 г. к 1940-м гг. стали высшим слоем командования вермахта, однако мало кто из них провел последнюю кампанию Великой войны не на Западном фронте. Большинство будущих

¹³⁹⁹ Именно такой вопрос ставит в своем исследовании о гитлеровских полководцах на Восточном фронте Й. Хюртер, подчеркивая, что достаточный опыт на Востоке в течение Первой мировой войны получил только Клейст, но до марта 1918 г., и Фалькенхорст. Х. Гудериан до Компьенского перемирия на Востоке не бывал вовсе, зато сражался в Прибалтике в 1919 г., как и Г. фон Кюхлер. См.: *Hürter J. Hitlers Heerführer*. S. 80–81.

¹⁴⁰⁰ См.: *Mędrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine im Jahr 1918*. S. 458.

главнокомандующих никакого «восточного опыта» по итогам первого тотального конфликта не приобрели, хотя за 4 года Великой войны переброскам с фронта на фронт подвергалось большинство частей германской армии и тысячи офицеров-специалистов. Однако, если отказаться от во многом искусственного и неоправданного разделения боевых действий на Востоке на период до Компьенского перемирия и после него — в течение полугода, а того и целого года, — то окажется, что более десятка будущих главнокомандующих на Востоке так или иначе принимали участие в подведении итогов противостояния на Восточном фронте — будь то в Силезии, Познани, Литве или Курляндии¹⁴⁰¹. В поколенческом отношении как раз родившиеся между серединой 1870-х и началом 1890-х гг. в 1930-х (и по меньшей мере до начала 1950-х гг., а как правило, и далее) обрели решающую роль в принятии военных, политических и дипломатических решений по всему миру. Те из них, кто был на Востоке в 1917–1919 гг., разумеется, никак не могли в 1939–1945 гг. абстрагироваться от событий, в которых им довелось очень активно участвовать в возрасте от 25 до 45 лет. Более того, по психофизиологическим причинам опыт именно этого расцвета сил затем транслируется на последующие решения и манеру действий, на предпочтения едва ли в наибольшей степени.

Очевидное воздействие памяти о Марне и Вердене на действия командующих вермахта под Москвой зимой 1941–1942 гг. (а то и на надежды Гитлера весной 1945 г.) — пример куда более яркий, однако нет никаких оснований ограничиваться в анализе воздействия Первой мировой на Вторую лишь сферой военного искусства или событиями непосредственно на фронте. Так, наблюдая за карательными акциями германских войск в Польской кампании, их командующие, даже в контексте мрачного удовлетворения от «возмездия» за 1918–1919 гг., не могли избавиться от дежавю сцен разлагавшейся в дни поражения и революции кайзеровской армии¹⁴⁰². Генерал-полковник Фалькенхорст считался спе-

¹⁴⁰¹ Помимо вышеупомянутых, на Востоке в 1919 г. воевали: Хейнрици, Гёпнер, Линдемманн, Манштейн, Модель, Паулюс, Райхенау, Райнхардт и Штюльпнагель. См.: *Hürter J. Hitlers Heerführer*. S. 89.

¹⁴⁰² Об этом прямо говорил по итогам разгрома Польши Г. фон Рундштедт, см.: *Hürter J. Hitlers Heerführer*. S. 192.

циалистом по боевым действиям в северных странах явно после того, как в июне 1918 г. стал 1-м офицером Генштаба высадившейся в Финляндии Балтийской дивизии¹⁴⁰³. Именно этот пост позволил тогдашнему капитану пройти самый сложный этап в карьере, «майорский угол», открыв дорогу к новым званиям и предоставив немалые связи. Сам Фалькенхорст, консультировавший Гитлера в ходе Зимней войны, в 1941 г. стал для военных Суоми «дважды собратом по оружию» и сам полагал, что продолжает начатую 23 года назад борьбу с большевизмом, вспоминая о крайней жестокости боев и расправ в гражданской войне в Финляндии¹⁴⁰⁴. Да и тесно сотрудничавший с ним В. Квислинг, чье имя стало в годы Второй мировой войны нарицательным, в своем прогерманском выборе явно имел в виду свой опыт работы в Петрограде в 1918 г. и в Хельсинки в 1919–1921 гг. «Дипломатическая» миссия в Советской России оставила отпечаток и на других военных специалистах из-за рубежа. Одним из руководителей жесточайшей экономической политики вермахта на оккупированных советских территориях в 1941–1942 гг. был бывший военный атташе в Москве в 1918 г., затем игравший большую роль в германо-советском военном сотрудничестве в 1920-х гг., генерал люфтваффе В. Шуберт. Никак не мог понять нежелания Гиммлера расселять ветеранов фрайкоров в Прибалтике их бывший командир, а с лета 1941 г. окружной комиссар в Митаве и протезе А. Розенберга В. Медем. Да и для самого Розенберга то, что он наблюдал в юности в Прибалтике лично, — этот клубок противоречий между эстонцами, латышами, балтийскими немцами и немцами из рейха и русскими, — несомненно сыграло решающую роль в становлении его взглядов и последующей «национальной политики».

¹⁴⁰³ Именно поэтому ему и было поручено руководство штабом по подготовке операции «Везерюбунг». Должность Фалькенхорста в Норвегии в течение следующих 5 лет была почти калькой с того поста, который занимал в Финляндии в 1918 г. Р. фон дер Гольц. См.: *Hürter J. Hitlers Heerführer*. S. 170.

¹⁴⁰⁴ Он утверждал это и в послевоенных воспоминаниях. Прямых его аналогий между событиями 1941 г. и тем, что было в 1918 г., правда, не сохранилось. См.: *Hürter J. Hitlers Heerführer*. S. 216, 233; *Hentilä M., Hentilä S. 1918 — das deutsche Finnland*. S. 408–410.

Крайне сожалел о своем неиспользованном закавказском опыте 1918–1919 гг. Кресс фон Крессенштейн, которому довелось наблюдать рывок вермахта к Кавказскому хребту осенью 1942 г.¹⁴⁰⁵ Зато не преминули применить, пусть и далеко не сразу, громадный восточный опыт О. фон Нидермайера и адъютанта Г. фон Секта Э. Кёстринга, прошедшего почти год в Константинополе в 1918–1919 гг., а затем много лет в Москве. Оба этих офицера вермахта во Второй мировой войне создали и курировали так называемые «восточные войска» СС. Не прошло даром пребывание в штабах воевавших в Курляндии и Лифляндии германских войск в 1919 г. для пристрастия Х. Гудериана к маневренным, преодолевающим неевропейские по масштабам пространства рывкам его танковых армий. С гордостью приложил к своим редактируемым тогда воспоминаниям выпуск «Берлин-Анцайгера» от 5 июля 1942 г. с победными реляциями из Крыма взявший в мае 1918 г. Севастополь генерал от инфантерии Кош¹⁴⁰⁶. При этом в 1942 г. никаким надеждам крымско-татарских эмигрантов (во главе с тем же Д. Сейдаметом) на поддержку Германией нового самостоятельного проекта на полуострове в Берлине не потакали, что тоже можно считать результатом опыта 1918 г.

В 1918 г. германские часовые наблюдали гору Казбек, но проект пропагандистской альпинистской акции созрел только в 1942 г., но уже с другой стороны хребта, на Эльбрусе. Явно неслучайна была и мысль ОКХ о важности сохранения плацдарма на Таманском полуострове в начале 1943 г., который и удерживался вермахтом до середины осени 1943 г., ведь значение и удобство этого региона для воздействия на обстановку на Кубани и как передового рубежа обороны Крыма командование интервентов смогло оценить еще летом 1918 г. В 1939, 1941, 1942 гг. тихо лежал в Маринерхиве подготовленный еще в связи с замыслом «Шлюсштайна» меморандум о стратегическом значении Ладожского озера, о ценности его, мерах защиты и способах переброски войск в случае войны между Финляндией и Россией¹⁴⁰⁷. Еще в сентябре 1918 г.

¹⁴⁰⁵ Он полагал, что вполне можно было «снискать дружбу кавказцев» для этой цели: Kress von Kressenstein. *Meine Mission*. Bl. 43.

¹⁴⁰⁶ См.: ВА-МА. N 754/10.

¹⁴⁰⁷ См.: ВА-МА. RM 42/22. Bl. 113ff.

германская администрация в Прибалтике намерена была выселить из Остзейских провинций всех цыган, заставив их перейти демаркационную линию с большевиками¹⁴⁰⁸, что могло стать лишь первым шагом в известном направлении. Еще более грозным предвестием были и массовые смерти привлекаемых к принудительным работам (особенно зимой) «безработных» на территории земли Обер-Ост. Нет оснований полагать, что командование вермахта в Крыму оставалось в неведении относительно тех мер, которыми в 1919 г. боролись с засевшими в Аджимушкских каменоломнях красными партизанами офицеры ВСЮР¹⁴⁰⁹, а потому летом 1942 г. были приняты куда более крутые меры...

Такое проецирование опыта прежней мировой войны на следующую было абсолютно естественно и для военных, политиков и дипломатов соответствующего поколения и из других стран Восточной Европы. Нет сомнения, что в глазах Сталина и тем более для Краснова¹⁴¹⁰ в 1942 г. к городу на Волге немцы подступали уже второй раз, после памятного «красного Вердена» в 1918-м. Должен был хорошо помнить, как отступали с Донбасса к Царицыну в 1918 г., и тогда еще молодой унтер-офицер, а впоследствии маршал А. И. Еременко... В Финляндии ранней осенью 1939 г. встретили первые известия о советско-германском пакте 23 августа примерно с тем же чувством, что и ровно за 21 год до этого новости о заключении Добавочного договора, что не могло не сказаться на эмоциях в ходе дальнейшей эскалации советско-финляндского конфликта. Очень многое могла бы прояснить и попытка увидеть в действиях Армии Крайовой 1944 г. выводы, сделанные ее руководством из событий конца 1918 г., и не только насчет Варшав-

¹⁴⁰⁸ См. приказ штаба администрации в Ревеле от 11 сентября 1918 г.: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 90. Л. 67.

¹⁴⁰⁹ См.: Керченские каменоломни в 1919 г. / пред. А. Гуковского // Красный архив. 1931. № 1 (44). С. 40–80.

¹⁴¹⁰ Вопрос о масштабном участии германских войск в атаках на Царицын летом 1918 г. остается спорным, хотя к нему без сомнения активно готовились. Алексеев в письмах 13 и 25 июля 1918 г. категорически отговаривал Краснова от отправки «3 дивизий под Лихую» для наступления к Волге, а в том, что концентрация войск интервентов уже идет, был почти уверен. См.: Белый архив. Ч. 1. С. 148–150.

ского восстания. Так, в июле 1944 г. польские повстанцы вновь, как в новогодние дни 1919 г., стремились захватить у германских войск Вильну еще до подхода красных. Эти примеры лишь одни из наиболее очевидных, но и их достаточно, чтобы отказаться от понятного, но уже неуместного забвения Первой мировой войны в пользу Второй. Многочисленные данные, отзывы и аналогии, пусть порой и неочевидные, не только позволяют, но и обязывают исследователей иначе взглянуть на Первую германскую оккупацию Восточной Европы в 1915–1919 гг., — особенно в последний ее год, — на оккупацию, ставшую обманчивым, а потому и не услышанным ни до, ни после Второй мировой войны предупреждением о грядущей повторной попытке.

NACH DEM RUSSISCHEN REICH Deutsche Besatzungsmacht im Osten 1918

Der Erste Weltkrieg fand 1918 im Osten kein Ende — weder nach dem ersten (9. Februar) noch nach dem zweiten (3. März) Brester Frieden. Die Kampfhandlungen wurden weniger intensiv, hörten aber keinesfalls auf. Für einen vollständigen Frieden gab es auch keine Chancen, das wurde von der Logik der Weltkriege bestimmt. Auch wenn die politische Situation auf den Trümmern des Russischen Reiches eine stabilere wäre, hätten die Konflikte nicht aufgehört. Aus einem totalen Krieg entstand ein „drei-Ebenen-Konflikt“ mit wechselnder regionaler Spezifik. Sowjetische und postsowjetische Geschichtswissenschaft bezeichnete diese Kampfhandlungen in deutschen Besatzungsgebieten nur als „ausländische Intervention“.

Ab Februar 1918 wurden von den Mittelmächten ausgedehnte Gebiete im Westen und Süden des ehemaligen Zarenreiches besetzt; die Streitkräfte der Entente waren zu gleicher Zeit im Norden und Osten aktiv. Besetzte Regionen funktionierten in ganz anderen Umständen im Vergleich mit dem übriggebliebenen Rußland und in ganz anderem Kontext. In Rußland nennt man den Ersten Weltkrieg oft einen „vergessenen Krieg“; man muss aber auch von einer „vergessenen Besatzung“ von Osteuropa sprechen. Das ist sehr merkwürdig, weil es oft besonders schwer ist, die Besatzungserfahrung zu vergessen.

Nur wenige hatten damals vorgeahnt, daß die Zeit der deutschen Allmacht im Osten nur kurz bemessen sein wird. Weniger als ein Jahr uneingeschränkter Herrschaft der Mittelmächte, erfüllt mit einer Unmenge

bedeutender Ereignisse, geriet schon in den 1920er Jahren in den Schatten des Versailler Systems und nach 1945 — des Kalten Krieges. Die Besatzungspolitik des Dritten Reiches erschien als einzigartig und beispiellos im Rahmen der nationalen Mythologien. In der Wirklichkeit war vieles schon 1915–19 da, geriet aber schnell in die Vergessenheit. Die Ausmaß, Opferzahlen und Folgen dieser Besatzung waren aber so gewaltig, daß man kaum braucht, die Notwendigkeit ihrer Forschung zu sätzlich zu begründen.

Im Winter 1917–18 wurden deutsche Erfolge im Osten zum Anlaß, über die Formen der nachhaltigen Dominanz des Kaiserreiches sowohl im Ost- und Südeuropa als auch im Orient zu nachdenken. In diesem Buch wird die deutsche Besatzungspolitik (vorwiegend militärische) in Osteuropa 1918 studiert. Als Startpunkt wurden dabei die Waffenstillstands- und Friedensverträge in Brest, Berlin, Bukarest und Batum gewählt. Aktive Kampfhandlungen an der Ostfront und Truppenabzug werden dabei weniger berücksichtigt, das Brester System aber in seiner ganzen Ausdehnung betrachtet — vom Frühling bis zum Spätherbst 1918. Dieses System wird als ein Versuch analysiert, die Geschichte des XX. Jahrhunderts anders zu gestalten und neue Friedensordnung zu begründen. Alle Konflikte der 1920–30er Jahren in Osteuropa sind als Folgen dieses Versuches zu verstehen.

Sowohl die Implementierung der Brest-System-Verträge als auch ihre Abänderung waren nur mit der Hilfe der Waffengewalt bzw. Gewaltdrohungen möglich. Das ist der grundsätzliche Wesenszug des „Friedens“ im Osten. Bis heute unternahm man kaum irgendwelche Versuche, diese Vorgänge einer systematischen Analyse zu unterwerfen. Existierende geschichtswissenschaftliche Werke umfassen im besten Fall nur einzelne Aspekte des Konflikts — den sozialen (Bürgerkrieg), inter-nationalen (Unabhängigkeitskriege) oder totalen (Weltkrieg). Die Möglichkeiten der Weiterentwicklung des Systems und Ursachen seiner Instabilität kann man aber nur verstehen, indem man die Besatzungsmacht (deutsche, weniger österreichisch-ungarische und osmanische) gründlich analysiert. Eine wichtige Aufgabe ist, die Logik und Motive der Leiter der deutschen Ostpolitik 1918 zu verstehen, in erster Linie der militärischen Entscheidungsträger. Die Untersuchung dieser Logik der Entscheidungen, dabei auch der Dienstethik und technischen Rahmenbedingungen, ermöglicht es, zu den

Schlußfolgerungen zu kommen, die den abstrakten Bewertungen der Ostpolitik grundsätzlich widersprechen.

Die deutschen Entscheidungsträger hatten es vor, Zentral- und Osteuropa in ein einheitliches, zusammenhängendes System zu verwandeln, die Zusammenhänge innerhalb der Region aus der Vorkriegszeit zu stärken und weiter zu entwickeln. Auf diesem Weg wurde aber für die Diplomaten und Militär des Kaiserreiches das politische Chaos im Osten zu einem unüberwindlichen Hindernis. Die Abhängigkeit des Deutschen Reiches von unmittelbaren wirtschaftlichen Auswirkungen des Friedens bildete ein weiteres Problem. Zum Hauptziel der deutschen Entscheidungsträger wurde die politische Konsolidierung der Brester Ordnung und Vorbeugung gewaltsamer Konflikte innerhalb ihres Machtbereiches.

Vom Frühling bis Anfang des Herbstes 1918 verstanden alle maßgebenden Akteure, wie schwierig es ist, Osteuropa zu „konstruieren“, stabile Grenzen zu ziehen. Ständige Fragmentierung des genannten Raums war die Folge nicht nur künstlicher imperialer Grenzen, sondern auch langfristiger ethnischer und territorialer Konflikte. Die Auflösung eines Vielvölkerreiches genügte nicht dazu, sie zu lösen. Sogar die Hegemonie Deutschlands in Osteuropa gab dem Kaiserreich kaum Möglichkeit, diesen Raum stabil und nachhaltig zu gestalten. Dazu fehlte es sowohl Zeit als auch politischen Willen; die deutsche Besatzungsmacht beschränkte sich endlich auf Plünderung.

Bilanz der „ersten Bestatzungszeit“ zu ziehen ist nicht leicht, in erster Linie weil ihre Ergebnisse in manchen Fällen sehr kontrovers waren. Außerdem fehlen oft die Quellen, in erster Linie statistische, um die „Gewinne“ und „Verluste“ (auch Zahl der Menschenopfer) genau abzuschätzen. Man muß zu oft nach Schätzungen und Annahmen greifen — besonders wenn es um mögliche Ergebnisse der Besatzungspolitik geht. Eine große Rolle spielte auch die internationale Reaktion auf die Klauseln des Brester Friedens, Verlust des Ansehens für Deutschland weltweit; das war sehr bedeutsam für die weitere Geschichte des XX. Jahrhunderts. Zu den wichtigsten Ergebnissen des Brester Systems gehört die Zusammenarbeit der Besatzungsmacht mit den Regierungen und regionalen politischen Gruppierungen in verschiedenen Ländern Osteuropas. Die Erinnerung an diese Zusammenarbeit spielte eine große Rolle in der Entstehung und im Verlauf des Zweiten Weltkrieges.

Список сокращений

- ак — армейский корпус
АОК (от нем. *Armeeoberkommando*) — австро-венгерское Верховное Главнокомандование
АРР — «Архив русской революции»
ВИ — «Вопросы истории»
ВИЖ — «Военно-исторический журнал»
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ДВП — «Документы внешней политики СССР»
ЖРВЕИИ — «Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований»
ЗКЛ (от нем. *Seekriegsleitung*) — *Морское Верховное Главнокомандование*
кд — кавалерийская дивизия
дд — ландверная дивизия
лпп — ландверный пехотный полк
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
ОКХ (от нем. *Oberkommando des Heeres*) — Германское Верховное главнокомандование сухопутных сил вермахта
ОХЛ (от нем. *Oberste Heeresleitung*) — Германское Верховное главнокомандование в годы Первой мировой войны
ПВМ — прусское военное министерство
ППС (*Polska Partia Socjalistyczna*) — Польская социалистическая партия
Р(И)А — Русская императорская армия/Русская армия
рк — резервный корпус
СНК — Совет народных комиссаров

Список сокращений

СНУ — Совет народных уполномоченных

ТВД — театр военных действий

ЧФ — Черноморский флот

AA — Auswärtiges Amt

ADAP — Akten zur deutschen Auswärtigen Politik

AfS — Archiv für Sozialgeschichte

HZ — Historische Zeitschrift

JfGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas

JMEH — Journal of Modern Europaen History

MGFA — Militärgeschichtliches Forschungsamt

MGZ — Militärgeschichtliche Zeitschrift (ранее — MGM — Militärgeschichtliche Mitteilungen)

MwTM — Militärwissenschaftliche und Technische Mitteilungen

ÖULK — Österreich-Ungarns letzter Krieg

ÖZG — Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften

POW — Polska Organizacja Wojskowa

POWZP — Polska Organizacja Wojskowa Zaboru Pruskiego

QzGP — Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien

VfZ — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte

ZfG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft

ZfOF — Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ)

- Ф. 353. Штаб сухопутных войск, подчиненных Балтийскому флоту.
- Ф. 418. Морской генеральный штаб.
- Ф. 481. Штаб начальника Минной дивизии Балтийского моря (1915-1918).
- Ф. 716. Морской штаб Верховного главнокомандующего.
- Ф. 731. Дивизия траления Балтийского моря (1915-1918).
- Ф. 1319. Отдельная Балтийская морская дивизия.
- Ф. Р-5. Управление делами Морского комиссариата по морским делам г. Москва (1918-1924).
- Ф. Р-29. Морская историческая комиссия при историческом отделе оперативного управления штаба РККФ г. Петроград (1918-1929).
- Ф. Р-42. Старший морской начальник русских морских сил в водах Финляндии и г. Гельсингфорс (1918).
- Ф. Р-72. Штаб командующего Черноморским флотом (белых) г. Севастополь (1918-1920).
- Ф. Р-92. Штаб Рабоче-Крестьянского Красного Флота.
- Ф. Р-95. Центральный комитет Балтийского флота г. Гельсингфорс (1917-1918).
- Ф. Р-183. Центральный комитет Черноморского флота (Центрофлот) г. Севастополь (1917-1918).
- Ф. Р-335. Представитель флота Украинской державы при германском командовании в Севастополе.
- Ф. Р-342. Морской генеральный штаб.
- Ф. Р-362. Исторический архив Черноморского флота г. Севастополь (1918-1923).

- Ф. Р-397. Штаб Черноморского флота г. Севастополь (1917-?).
Ф. Р-403. Николаевский военный порт.
Ф. Р-562. Штаб Каспийской военной флотилии г. Баку (1918-?).
Ф. Р-2177. Управление по военно-морским делам при Главнокомандующем войсками и флотом Кавказа г. Баку (1918-1919).

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО)

- Ф. 500. Оп. 12519. Коллекция трофейных документов (<http://tsamo.germandocsinrussia.org>).

Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA)

- MSg 2 Sachthematische und biographische Sammlung zur deutschen Militärgeschichte 1849-1945
MSg 109 Krug, Ottomar. Biographische Sammlung zu deutschen Generalen und Admiralen
MSg 200 Sammlung zum Kriegsgefangenenwesen seit 1867 ("Elsa-Brändström-Gedächtnisarchiv")
PH 3 Großer Generalstab der Preußischen Armee
PH 5 Heeresgruppen, Armeen, Armeegruppen
PH 6 Generalkommandos (Korps)
PH 8 Divisionen
PH 10 Infanterie-Regimenter und Brigaden
PH 30-II Kaiserliche Generalgouvernement Warschau
PH 34 Königlich Preußische Landesaufnahme
RH 18 Chef der Heeresarchive
RH 60 Kriegsgeschichtliche Abteilung des Heeres
RH 61 Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt des Heeres
RM 3 Reichsmarineamt
RM 5 Admiralstab der Marine
RM 41 Dienststelle der Kaiserlichen Marine in Rußland
RM 42 Kommandobehörden der Kaiserlichen Marine in baltischen Gewässern
R 8025 Baltische Landeswehr

Nachlässe:

- N 18 W. Heye
N 30 H. von Beseler
N 35 H. von Haeften
N 37 M. Hoffmann

N 39 A. von Mackensen
N 46 W. Groener
N 82 Isenburg-Bierstein
N 97 F. Bredow
N 98 A. von Gossler
N 120 Jarosch
N 123 E. Köstring
N 155 R. Firlé
N 196 T. von Heppe.
N 215 Frentz-Sudermann
N 265 G. Heinrici
N 326 A. Hopman
N 513 H. von Eichhorn
N 536 P. von Hintze
N 714 R. von der Goltz
N 754 R. Kosch
N 776 B. von Watzdorf
N 2059 W. von Eberhardt
N 2069 E. von Falkenhayn

**Landesarchiv Baden-Württemberg
Hauptstaatsarchiv Stuttgart (HStA Stuttgart)**

M 46 7. Landwehr-Division
M 62 52. Landwehr-Infanterie-Brigade
M 74 Artillerie-Stäbe
M 410 Kriegstagebücher Höherer Stäbe und Verwaltungsbehörden
M 411 Kriegstagebücher von Infanterieformationen
M 412 Kriegstagebücher von Kavallerieformationen
M 413 Kriegstagebücher von Artillerieformationen
M 660/005 Nachlässe von A. Bopp
M 660/131 Nachlässe von K. von Knoerzer-Suckow

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA)

Großes Hauptquartier. Kriegsziele. Bd. 16a.
R 21700–21729 (Der Weltkrieg 20d. Litauen).

Sächsisches Hauptstaatsarchiv — Dresden (SächsHStA)

11248 — Sächsisches Kriegsministerium
11348 — Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps

11352 — Stellvertretendes Generalkommando des XIX. Armeekorps

11358 — XXVII. Reserve-Korps

11362 — Feldartillerie-Formationen

Опубликованные архивные источники и документы

1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. Документы и материалы. Минск, 2018.

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия. (Документы и материалы). Баку, 1998.

Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918). Сборник документов / сост. В. В. Врублевский. М., 2014.

Белое Дело. Летопись Белой борьбы / под ред. А. А. фон Лампе. Ч. 1–6. Берлин, 1926–1930.

Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / под ред. В. Н. Виноградова и др. М., 1996.

Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З. И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.

Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / сост. С. Д. Беридзе и др. Тбилиси, 1958.

Борьба за советскую власть в Белоруссии / сб. док-тов: в 2 т. Минск, 1968.

Борьба за советскую власть в Литве 1918–1920 гг. Вильнюс, 1967.

Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / под ред. Г. А. Дзидзария. Сухуми, 1967.

Веселаго Г.М. Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917–1918 гг. // Гражданская война на Мурмане. С. 77–146.

В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922 / под ред. Ю. Н. Амиантова и др. М., 2017.

Германия и революция в России 1915–1918 / Сб. док-тов. Сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 2013.

Германская интервенция и Донское правительство / под ред. С. Пионтковского // Красный архив. Т. 67. М., 1934. С. 93–130.

Германские оккупанты в Грузии в 1918 году / сост. М. М. Габричидзе. Тбилиси, 1942.

Германские оккупанты в Полесье // Красный архив. 1938. № 6. С. 89–106.

Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год / Сб. документов. Под ред. О. К. Иванцовой и др. М., 2014.

- Глазами разведки, СССР и Европа. 1919–1938 гг. / Сб. док-тов. Сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М., 2015.
- Горская контрреволюция и интервенты // Красный архив. 1935. № 1. С. 125–153.
- Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918 — 1920 гг.). Документы и материалы / под ред. А. Я. Пашенко. Днепропетровск, 1968.
- Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев / Сб. док-тов под ред. А. А. Киселева. Мурманск, 2006.
- Гражданская война на Украине 1918–1920 гг. Сб. док-тов и материалов: 3 кн., 4 т. / под ред. И. К. Рыбалки. Киев, 1967.
- Девдариани Г. Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы. Тифлис, 1931.
- Дело командующего Балтийского флота А. М. Щастного / под ред. В. Н. Буробина. М., 2013.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 г.); в 4 т. М., 1971–1978.
- Документы внешней политики СССР. Т. 1–4. М., 1958–1960.
- Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 11 т. / под ред. И. А. Хренова, Н. Гонсёровской-Грабовской. Т. 1. М., 1963, Т. 2. М., 1964.
- Документы по истории Гражданской войны в СССР / под ред. И. Минца, Е. Городецкого. Т. 1. М., 1941.
- Документы по истории Черноморского флота // АРР. Т. 14. С. 151–224.
- Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году / под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М., 1942.
- Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. Сб. док.: в 2 т. Т. 1: Март 1917 — май 1918 / науч. ред. д-р ист. наук, проф. О. М. Морозова. Ростов н/Д, 2017.
- Из истории гражданской войны на Украине в 1918 г. // Красный архив. 1939. № 4. С. 73–103.
- Из истории иностранной интервенции в Армении. Документы и материалы / под ред. Х. А. Бадаляна. Ереван, 1970.
- К истории интервенции в Сибири // Красный архив. 1929. № 3. С. 126–165.
- Керченские каменоломни в 1919 г. / пред. А. Гуковского // Красный архив. 1931. № 1 (44). С. 40–80.

- Крах германской оккупации на Псковщине / сост. А. Л. Фрайман, под ред. Н. А. Корнатовского. Л., 1939.
- Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов) / Сб. док-тов под ред. М. Горького, И. Минца, Р. Эйдемана. М., 1936.
- Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р. / Збірник документів і матеріалів, упор. О. І. Лупандін и др. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999.
- Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921. Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2006.
- Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году. Протоколы и материалы заседаний / сост. Т. А. Абросимова, В. Ю. Черняев, А. Рабинович. СПб., 2013.
- Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. и ред. К. М. Александров. СПб., 2011.
- Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.). Документы и материалы. Владивосток, 1997.
- Политика Германии в Закавказье в 1918 году / Сб. документов. Сост. Г. В. Пипия. Тбилиси, 1971.
- Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920 гг. / сост. М. В. Зеленев, М. А. Лысенков и др. М., 2017.
- Россия — Швейцария 1813–1955. Документы и материалы. М., 1995.
- Румынский произвол в Бессарабии (1918 г.) / пред. С. Маркова // Красный архив. 1940. № 3 (101). С. 64–100.
- Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику 1919 г. / Сб. документов. М., 1972.
- Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: в 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968, Т. 2. 1919–1922 гг. М., 1971.
- Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сб. док-тов: в 4 т. / сост. С. А. Скляр; под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М., 2017. Т. 1.
- Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.) Документы и материалы / под ред. Х. А. Амирханова и др. Махачкала, 2013.
- Українська Центральна рада. Документи і матеріали: у 2 т. / под ред. В. А. Смолія, В. Ф. Верстюка и др. Київ, 1996–1997.

- Berthold B., Neef H.* Militarismus und Opportunismus gegen Novemberrevolution. B., 1978.
- Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteh'er? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.
- Das politische Tagebuch Josef Redlichs 1908–1919 / hrsg. von F. Fellner. Bd. 2. 1915–1919. Graz; Köln, 1954.
- Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971 (QzGP. Erste Reihe. Bd. 8).
- Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927. Vom Kolonialismus zur "Gleichberechtigung". Eine Quellensammlung / hrsg. von M. Leutner. B., 2006.
- Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg / bearb. von G. Granier: 4 Bde. Koblenz, 1999–2004.
- Ereignisse in der Ukraine 1914–1922: Deren Bedeutung und historische Hintergründe / hrsg. von T. Hornykiewicz: 4 Bde. Philadelphia, 1966–1969.
- Frederic von Rosenberg. Korrespondenzen und Akten des deutschen Diplomaten und Außenministers 1913–1937 / hrsg. von W. Becker. München, 2011.
- Friedensverträge mit der Ukraine, Russland und Finnland. Wien, 1918.
- Gaul J.* Josef Pilsudski. Quellen von 1914–1918 im Österreichischen Staatsarchiv in Wien: 2 Bde. Bd. 1. Kriegsarchiv. Warszawa, 2015.
- Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / hrsg. von M. Epkenhans, G. P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. B., 2019.
- Goltz F. von der.* Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai: Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.
- Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / hrsg. von F. von Gaertringen. Göttingen, 1957.
- Hopman A.* Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen / hrsg. von M. Epkenhans. München, 2004.
- Kovacs E.* Untergang oder Rettung der Donaumonarchie? Bd. 1. Die Österreichische Frage. Kaiser und König Karl I. (IV.) und die Neuordnung Mitteleuropas (1916–1922). Wien u.a., 2004.

- Kress von Kressenstein F. v.* Meine Mission im Kaukasus // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goethe.de/mmo/priv/1351129-STANDARD.pdf> (дата обращения: 28.09.2019).
- Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972.
- Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920 / hrsg. von I. Pardon, W. W. Shurawl'jow: 2 Bde. München; New Providence; London; Paris, 1994.
- Ludendorff E.* Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit. B., 1920.
- Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Düsseldorf, 1959–2004.
- Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / eingl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.
- Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller 1914–1918. Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1959.
- Revolution und Heer. Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf das Heer des imperialistischen deutschen Kaiserreichs 1917/18 / hrsg. von A. Kästner. B., 1987.
- Russia in war and revolution. General William V. Judson's Accounts from Petrograd, 1917–1918 / ed. by N. V. Salzman. Kent; London, 1998.
- Thaer A. v.* Generalstabsdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen 1915–1919 / hrsg. von S. Kaehler. Göttingen, 1958.
- Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
- Wulff D.* Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 1. 1995. № 1. S. 209–247; Teil 2. 1995. № 2. S. 223–266; Teil 3. 1996. № 2. S. 267–304.

Периодика и приложения к ней

Deutsche Zeitung für Gouvernement Sewastopol und Umgegend, 06–11.1918

Das Litauen-Buch, eine Auslese aus der Zeitung der 10. Armee. Kowno, 1918.

Militär-Wochenblatt, 1919–1939.

Mitauische Zeitung (Zeitung der 8. Armee). Mitau, 1918.

Die Schlachten und Gefechte des Großen Krieges 1914–1918: Quellenwerk nach den amtlichen Bezeichnungen / zsgest. vom Großen Generalstab. B., 1919

Публицистика, рукописи и художественная литература

Цвикевич А. Беларусь. Политический очерк. Берлин, 1919.

Die deutsche Verwaltung in Litauen 1915 bis 1918. B., 1921.

Gossler A. v. Der Frieden mit Russland und die baltischen Provinzen. Mitau, 1918.

Rosenberg L. Die Juden in Litauen. Berlin; München, 1918.

Spartakus im Kriege: die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes im Kriege / gesam. von E. Meyer. B., 1927.

Viator A. K. Deutschlands Anteil an Indiens Schicksal. Leipzig, 1918.

Мемуары

А. В. Дневник обывателя // АРР. Т. 4. С. 252–288.

Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Р., 1924.

Агапеев В. П. Корпус генерала Довбор-Мусницкого // Белое Дело. Ч. 4. С. 180–194.

Арбатов З. Ю. Екатеринослав 1917–1922 // АРР. Т. 12. С. 83–148.

Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // АРР. Т. 9. С. 91–194.

Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. СПб., 2013.

Бобарыков И. Киев — Севастополь via Германия — Англия 1918–1919 // 1918 год на Украине. С. 169–194.

Борман А. А. Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. № 1 (1991). С. 115–149.

Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 2010.

Бош Е. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М., 1925 (Киев, 1990).

В зоне немецкой оккупации весной 1918 г. // 1918 год на Украине. С. 112–116.

- Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. Таллин, 1929.
- Винавер М.* Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928.
- Воронович Н.* Меж двух огней (Записки зеленого) // АРР. Т. 7. С. 53–183, 321–334.
- Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009.
- Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
- Гольденвейзер А. А.* Из киевских воспоминаний // АРР. Т. 5. С. 161–303.
- Гольц Р. фон дер.* Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / пер. с нем., комм. и пред. Л. В. Ланника. СПб., 2015.
- Гофман М.* Записки и дневники 1914–1918 / пер. с нем., пред. Р. Эйдемана. Л., 1929.
- Гумерус Г.* Україна в переломні часи / пер. з фін. Київ, 1997.
- Гурко В. И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // АРР. Т. 15. С. 5–84.
- Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.
- Дневник барона Алексея Будберга* // АРР. Т. 12. С. 197–290.
- Зелінський В.* Синьожупанники. Берлін, 1938.
- Из мемуаров И. Я. Коростовца // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны / Сб. документов. Под ред. С. В. Лаврова. Тула, 2014. С. 865.
- Казанович Б.* Поездка из Добровольческой армии в «красную Москву». Май–июль 1918 г. // АРР. Т. 7. С. 184–202.
- Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921 гг. Paris, 1985.
- Кефели Я.* С генералом А. В. Шварцем в Одессе (осень 1918 — весна 1919 года) // 1918 год на Украине. С. 348–367.
- Кислицын В. А.* В огне Гражданской войны. М., 2016.
- Кришевский Н.* В Крыму (1916–1918 гг.) // АРР. Т. 13. С. 71–124.
- Крымское краевое правительство в 1918/19 гг. // Красный архив. 1927. № 3. С. 97–111.
- Курасов Н. Д.* К третьей годовщине освобождения Мурманского края // Гражданская война на Мурмане. С. 163–165.
- Герцог Лейхтенбергский.* Как началась Южная армия? // АРР. Т. 8. С. 166–182.

- Ливен А. П. В южной Прибалтике // Белое Дело. Ч. 3. Берлин, 1927. С. 180–208.
- Лишин Н. Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.
- Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017.
- Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / сост., комм. С. В. Волкова. М., 2012.
- Маевский В. Осень 1918 года на Украине // 1918 год на Украине. С. 369–376.
- Майборода В. С французами // АРР. Т. 16. С. 100–181.
- Маляревский (Сумской) А. На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время // Архив Гражданской войны. Вып. 2. Берлин, 1923.
- Марушевский В. В. Год на Севере // Белая идея. Ч. 1. С. 21–76.
- Минут В. Н. Под большевистским игом. В изгнании: воспоминания 1917–1922. М., 2016.
- Могиланский Н. Трагедия Украйны (из пережитого в Киеве в 1918 году) // 1918 год на Украине. С. 27–76. (АРР. Т. 11. С. 74–105).
- Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания 1914–1920. М., 2014.
- Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия / под ред. Л. В. Ланника. М., 2015.
- Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004.
- Савич Н. В. Из Красного Петрограда на Белый Юг (воспоминания бывшего депутата Государственной Думы) // Русское прошлое. № 3 (1992). С. 105–139.
- Садуть Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919 г.) М., 1990.
- Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. М., 1923.
- Сережников К. Г. Воспоминания донского офицера о служебной поездке в Германию осенью 1918 года // АРР. Т. 18. Берлин, 1926. С. 208–236.
- Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918 / гол. редактор Я. Пеленський. Київ, Філадельфія, 1995.
- Слюсаренко В. А. На Мировой войне, в Добровольческой армии и в эмиграции. Воспоминания 1914–1921. М., 2016.
- Смирнов К. К. Начало Северо-Западной армии // Белое Дело. Ч. 1. С. 109–158.
- Соболевский М. Отдельный Полтавский добровольческий батальон в боях на Украине // 1918 год на Украине. С. 234–245.

- Соломон Г. А. Среди красных вождей. М., 1995.
- Столыпин А. А. Записки драгунского офицера, 1917–1920 гг. // Русское прошлое. № 3 (1992). С. 6–104.
- Трубецкой Е. Н. Из путевых заметок беженца // АРР. Т. 18. С. 137–207.
- Фокке Д. Г. Брестский мир. На сцене и за кулисами брестской трагикомедии. М., 2017.
- Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере // Белое Дело. Ч. 4. С. 12–31.
- Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005.
- Эрдэ Д. И. Революция на Украине: от керенщины до немецкой оккупации. М., 2017.
- 1918 год на Украине / сост. и комм. С. В. Волкова. М., 2001.
- Blücher W. von. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach, 1949.*
- Burian S. Graf. Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. B., 1923.*
- Dellingshausen E. Im Dienste der Heimat! Stuttgart, 1930.*
- Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann: 2 Bde / hrsg. von K. F. Nowak. B., 1929.
- Ein General im Zwielficht. Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau / hrsg. von P. Broucek: 3 Bde. Wien, 1980–1988.
- Gelshorn K. Mit den deutschen Truppen in der Ukraine: Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Zusammenbruchs. Königsberg, 1919.*
- Helfferrich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B., 1919.*
- Hentig W. O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962.*
- Hopman A. Das Kriegstagebuch eines deutschen Seeoffiziers. B., 1925.*
- Hutten-Czapski B. Graf von. 60 Jahre Politik und Gesellschaft: 2 Bde. B., 1936. Bd. 2.*
- Kachovskaja I. K. Attentate auf Eichhorn und Denikin: Erinnerungen. B., 1922.*
- Kronprinz Rupprecht von Bayern. Mein Kriegstagebuch / hrsg. von E. von Frauenholz: 3 Bde. München, 1929. Bd. 2–3.
- Kühlmann R. v. Erinnerungen. Heidelberg, 1948.*
- Landwehr O. Hunger: Die Erschöpfungsjahre der Mittelmächte 1917/18. Zürich, 1931.*
- Mackensen. Briefe und Aufzeichnungen / hrsg. von W. Foerster. Leipzig, 1938.
- Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin; Leipzig, 1927.

- Merton R.* Erinnerungswertes aus meinem Leben, das über Persönliche hinausgeht. Frankfurt/M., 1955.
- Nadolny R.* Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955.
- Niedermayer O. v.* Unter der Glutsonne Irans. München, 1925.
- Niessel H. A.* Le triomphe des bolcheviks et la paix de Brest-Litovsk. P., 1940.
- Pomiankowski J.* Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges. Wien, 1928.
- Rabenau F. v., Seeckt H. v.* Aus meinem Leben. (Bd. 1). Aus seinem Leben (Bd. 2). Leipzig, 1938–1940.
- Radoslawoff V.* Bulgarien und die Weltkrise. B., 1923.
- Rosenberg E. Baron von.* Für Deutschtum und Fortschritt in Lettland. Erinnerungen und Betrachtungen. Riga, 1928.
- Skoropads'kyj P.* Erinnerungen 1917 bis 1918 / hrsg. von G. Rosenfeld. Stuttgart, 1999.
- Theodor Ritter von Zeynek: ein Offizier im Generalstabskorps erinnert sich / hrsg. von P. Broucek. Wien u.a., 2009.
- Straussenburg Arz von.* Zur Geschichte des Grossen Krieges. Wien, 1924.
- Tintrup H.* Der Krieg in der Ukraine. Stuttgart, 1919 (Essen, 1938).
- Velsen S. v.* Deutsche Generalstabsoffiziere im 1. Weltkrieg 1914–1918 // Welt als Geschichte. 1956. Heft 3–4. S. 250–293.
- Volck A.* Völkisches Erleben und Wollen. Lübeck, 1924.
- Volck H.* Öl und Mohammed: "Der Offizier Hindenburgs" im Kaukasus. Breslau, 1938.
- Weltenwende wir waren dabei. Erinnerungen deutscher Teilnehmer an der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution und an den Kämpfen gegen Interventen und Konterrevolutionäre 1917–1920. B., 1962.
- Winnig A.* Am Ausgang der deutschen Ostpolitik: persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. B., 1921.

Истории полков и других воинских частей и памятные сборники

- Arnswald H.* Geschichte des Dragoner-Regiments von Wedel Nr. 11. Oldenburg; B., 1928.
- Aschauer P.* Auf Schicksalswegen gen Osten: Kriegserlebnisse eines deutschen Jägerregiments in Rumänien, auf der Krim und im Kaukasus. Münster, 1930.
- Bartel R.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 57 und die Geschichte des IV. Westfälischen Landwehr-Infanterie-Bataillons Breslau im Weltkrieg. B. u.a., 1928.

- Die Bayern im Großen Kriege 1914–1918 / hrsg. von Bayerischen Kriegsarchiv. München, 1923.
- Benary A.* Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 7, 1860–1919. B., 1931.
- Benary A.* Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 21. Bd. 2. B., 1941.
- Benary A.* Königliches Preußisches Husaren-Regiment Nr. 10 im Weltkriege 1914/18. B., 1934.
- Bram O.* Das K. B. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 10. München, 1925.
- Brückner J.* Das Königliche Sächsische Ersatz-Feldartillerie-Regiment Nr. 45 und seine Stammabteilungen, Dresden, 1937.
- Das 1. Masurische Infanterie-Regiment Nr. 146 1897–1919 / hrsg. von Vereinigung eh. Offizieren. B., 1929.
- Das Ehrenbuch der Deutschen Feldartillerie / bearb. von A. Benary. B., 1930.
- Das Ehrenbuch der Deutschen Pioniere / hrsg. P. Heinrici. B., 1932.
- Das Posensche Pionier-Bataillon Nr. 29 und seine Kriegsformationen / bearb. von H. Tröbst, A. Leipold. B., 1932.
- Das Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 7. B., 1923.
- Das K. B. Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 1 (K. B. Jäger-Regiment Nr. 15) / bearb. von H. Muggenthaler; H. Ritter von Pflügel, M. Scheuring. München, 1935.
- Denke K., Erb K.-H.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 19. B., 1929.
- Die Baltische Landeswehr im Befreiungskampf gegen den Bolschewismus. Riga, 1929.
- Die König-Albert-Husaren im Weltkrieg. Dresden, 1926.
- Die Württemberger im Weltkrieg / bearb. von O. Moser. 2. Aufl. Stuttgart, 1928.
- Ditze, Seip, Diepenbroick-Grüter.* Das 2. Hannoversche Dragoner-Regiment Nr. 16 im Weltkriege 1914–1918. Teil 2. B., 1929.
- Dorn H.* Infanterie-Regiment Nr. 374. Oldenburg; B., 1927.
- Döring von Gottberg F. v.* Das Oldenburgische Dragoner-Regiment Nr. 19 im Weltkriege. Oldenburg, 1937.
- Ehrenreich v. Manstein, Cedric v. Jerin.* Husaren-Regiment Graf Goetzen Nr. 6 im Weltkriege 1914–1918. Oldenburg; B., 1926.
- Flaischlen H.* Das Ulanen-Regiment König Wilhelm I. Nr. 20. Stuttgart, 1934.
- Fortenbach K.* Das Württembergische Landwehr-Feld-Artillerie-Regiment Nr. 1 im Weltkrieg 1914–1918. Stuttgart, 1922.
- Frauenholz E.* Das Königlich Bayerische 2. Kürassier- und Schwere Reiter-Regiment. München, 1921. + Ergänzungsband. München, 1922.
- Friedel.* Geschichte des Königlichen Sächsischen Infanterie-Regiments Nr. 416. Leipzig, 1926.

- Fritsche M.* Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. Dresden, 1925.
- Fromm.* Das Württembersische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 126. Stuttgart, 1921.
- Führer W.* Die Geschichte des Reserve-Infanterie-Regiments Nr. 203. Bd. 4. B., 1964.
- Gebattel L. Frh. v.* Das K. B. 1. Ulanen-Regiment. Augsburg, 1924.
- Griepentrog E.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 27 im Weltkriege 1914 bis 1918. Eisleben, 1938.
- Groß F.* Das 1. Württembergische Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 13 im Weltkrieg 1915–1918. Stuttgart, 1920.
- Grün E., Hechler P.* Das preußische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 6 im Weltkriege 1914–18. Berlin; Glogau; Breslau, 1927.
- Grundherr K. v.; Freyen-Seyboltstorff K. Graf v.* Das K. B. 4. Chevaulegers-Regiment König, das K. B. Reserve-Kavallerie-Regiment Nr. 1, die K. B. 2. Landwehr-Eskadron 1. B. A. K. München, 1922.
- Gruss H.* Die deutschen Sturmbataillone im Weltkrieg. Aufbau und Entwicklung. B., 1939.
- Guenther W.* Die Geschichte des Leib-Dragoner-Regiments Nr. 24 im großen Kriege 1914/1918. Oldenburg; B., 1928.
- Halter H.* Finnlands Jugend bricht Rußlands Ketten. Die Geschichte des Preußischen Jäger-Bataillons 27. Leipzig, 1941 (2. Aufl.).
- Herrfahrdt H., Geißler E.* Königlich Preussisches Landwehr-Infanterie-Regiment König Wilhelm II von Preußen Nr. 2. Oldenburg; B., 1924.
- Holzmann M.* Hanseatische Landwehr im Felde (Geschichte des 75. Landwehr-Infanterie-Regiments): 2 Tle. Hamburg, 1928.
- Huth A.* Entwurf der Geschichte des IR 375. B., 1935 (unveröff.).
- Hutschenreuther R.* Das K. B. 1. Chevaulegers-Regiment im Weltkriege 1914–19. München, 1922.
- Karitzky E.* Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 9. B., 1925.
- Koch O.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment 53 im Weltkrieg 1914–18. Essen, 1928.
- Kollmann W., Loch H.* Das Königliche Bayerische 5. Feldartillerie-Regiment. München, 1926.
- Kötzschke R.* Die Königlichen Sächsischen Landwehr-Infanterie-Regimenter Nr. 101 und Nr. 103. Teil 3. Dresden, 1931.
- Krause K.* Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 102. Dresden, 1922.

- Kriegsgeschichte des Jäger-Regiments zu Pferde Nr. 4. (o.A., o.D.): BA-MA. Bibliothek.
- Laeger A.* Das Feldartillerie-Regiment "Prinz August von Preußen" (1. Litth.) Nr. 1. — 1772–1919. Zeulenroda, 1939.
- Larisch H. v.* Das Mecklenburgische Dragoner-Regiment Nr. 18 im Weltkriege 1914–1918. Oldenburg; B., 1924.
- Maldeghem Graf. v.* Das Königlich Preussische 2. Garde-Ulanen-Regiment im Weltkrieg 1914–1918. Oldenburg; B., 1930.
- Mocken W.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment 28 im Weltkriege 1914 bis 1918. Jülich, 1928.
- Negenborn v. und Frh. v. Ketelhodt.* Geschichte Kürassier-Regiment Graf Wrangel Ostpr. Nr. 3 (1952); BA-MA. Bibliothek.
- Obkircher H.* Jäger-Regiment zu Pferde Nr. 3 im Frieden und im Kriege. Oldenburg; B., 1923.
- Osterroth, Herrmann.* Geschichte des Dragoner-Regiments Prinz Albrecht von Preussen (Litthausches) Nr. 1, 1717–1919. B., 1930.
- Otto K.* Das Königliche Sächsische Feldartillerie-Regiment Nr. 246. Dresden, 1928.
- Pache A.* Das Infanterie-Regiment Nr. 182. Teil 2. An der Ostfront. Dresden, 1926.
- Pittler A.* Das königlich preussische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 24 im Weltkrieg. Berlin, 1929.
- Planitz K. v.* Das Königliche Sächsische Husaren-Regiment Nr. 20. Bautzen, 1932.
- Regimentsgeschichte des Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 10 / bearb. von K. Rust. Oldenburg; B., 1925.
- Repetzky W.* Geschichte des Reserve-Bataillons der Brandenburger Jäger (Reserve-Jäger-Bataillon Nr. 3). B., 1929.
- Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 3. Oldenburg; B., 1926.
- Retzlaff K.* Reserve-Feldartillerie-Regiment Nr. 65. B., 1923.
- Richter K.* Im Kampf ums Baltikum: Geschichte des Infanterie-Regiments Nr. 407 (Ersatz-Infanterie-Regiment Magdeburg). Zeulenroda, 1939.
- Romstedt M.* Das Königliche Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 133. Dresden, 1924.
- Rudolph K.* Geschichte des Preussischen Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 3. B., 1928. (Anhang: *Müller F.* Geschichte des Preussisch Landsturm-Infanterie- Bataillons Nr. 1/22).
- Sander P.* Das Landwehr-Kavallerie-Schützen-Regiment Nr. 11 u.a. Zeulenroda, 1931.

- Sauer W.* Das Königlich Sächsisches Grenadier-Landwehr-Regiment Nr.100. Dresden, 1923.
- Schaarschmidt.* Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 350 und seine Stammbataillone. Dresden, 1924.
- Schack E. Graf.* Geschichte des Königlichen Preussischen Kürassier-Regiments Nr. 6. B., 1932.
- Scheerer H.* Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 20. Oldenburg; B., 1928.
- Schenck zu Schweinsberg H. Frh.* Das Großherzogliche Mecklenburgische Jäger-Bataillon Nr. 14 und die mecklenburgischen Radfahrer-Kompanien des Radfahrer-Bataillons Nr. 5 im Weltkrieg. B., 1926.
- Schmaler M.* Das Königliche Sächsische Infanterie-Regiment Nr. 415 im Weltkriege. Dresden, 1928.
- Schröder O., Heygendorff R.* Die Sächsischen Freiwilligen-Truppen in Litauen 1919. Dresden, 1933.
- Schröer L.* Das Landwehr-Feldartillerie-Regiment Nr. 3. im Weltkriege. Oldenburg; B., 1928.
- Schrumpf W.-R.* Territoriale Kommandogewalt und zivile Verwaltungskompetenz im 1. Weltkrieg. Konsens, Kooperation, Konflikt. Münster, 1995.
- Senfleben E.* Das 1. Garde-Ulanen-Regiment im Weltkriege. B., 1929.
- Simon-Eberhard H.* Das 3. Königliche Sächsische Ulanen-Regiment Nr. 21. Dresden, 1923.
- Sommerbrodt H.* Das Feldartillerie-Regiment von Holtzendorff Nr. 8 im Weltkriege 1914–1918. Groß-Wartenburg, 1930.
- Stein K.* Das Württembergische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 121 im Weltkrieg 1914–1918. Stuttgart, 1925.
- Stockhausen H.* Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 39 (Anh.: Mock. Die Geschichte des L.I.R. 430). B., 1929.
- Tettau Frh. v.* Das Jäger-Regiment zu Pferde Nr. 7 im Weltkriege, B., 1929.
- Thenius W., Pollmer A.* Das Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 107 im Großen Kriege 1914–1919. Plauen, 1930.
- Troschke P. v.* Geschichte des Dragoner-Regiments Nr. 17, Bd. 2. B., 1938.
- Ulrich C. v.* Das Husaren-Regiment Nr. 14 1706–1919. Oldenburg, 1933.
- Voigt G.* Deutschlands Heere bis 1918. Ursprung und Entwicklung der einzelnen Formationen / hrsg. von D. Bradley, H. Bleckwenn. Bd. 1–10. Osnabrück, 1980ff.
- Wächter A.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 32 im Weltkriege 1914–1919. Oldenburg; B., 1924.
- Wagenführ H.* Mit dem Landwehr-Infanterie-Regiment 12. im Felde. B., o.J.

- Wilkens C.* Das Königliche Sächsishe Ulanen-Regiment Nr. 17. Dresden, 1931.
- Windeck, Meyer. v., Koch W.* Jäger-Regiment zu Pferde Nr. 11. Oldenburg; B., 1929.
- Wolff W.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 34 im Weltkriege 1914–1918. Hamburg, 1930.
- Württemberg's Heer im Weltkrieg. Bd. 20 / bearb. von A. von Haldenwang. Stuttgart, 1936.
- Zinzow.* Königlich Preußisches Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 9. B., 1930.
- Zipfel E.* Geschichte des Königlich Preußischen Husaren-Regiments Fürst Blücher von Wahlstatt Nr. 5. Zeulenroda, 1930.
- Zum 150-jährigen Jubiläum des Dragoner-Regiments Nr. 4 / bearb. W. Niebelschutz, J. von Itzenplitz. 1965: BA-MA. Bibliothek.

Литература

- Андреева Н. С.* Остзейская политическая эмиграция и МИД Германии в Первой мировой войне // ЖРВЕИИ. № 3. 2018. С. 8–24.
- Арслан О.* Люди, корабли и оружие для султана: персонал, суда и вооружения, поставленные Германией турецкой армии и флоту // Порох, золото и сталь. С. 116–138.
- Бадалян А. Х.* Германо-турецкие оккупанты. Ереван, 1962.
- Баева И.* Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. и Болгария // Брестский мир. История и геополитика. С. 234–251.
- Балаев А.* Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. Баку, 1998.
- Балаев А.* Азербайджанская революция 1917–1918 гг. в современной историографии // Падение империи, революция и Гражданская война в России / сост. С. М. Исхаков. М., 2010.
- Баринев И. И.* «Земля будущего» и «неосвоенная целина»: Белоруссия на немецкой ментальной карте, 1914–1944 // Civitas et Lex. № 1 (2018). С. 47–62.
- Баринев И. И.* Трансформация имперской идентичности: Остзейский край и революция 1917 г. // История и современность. № 2 (2017). С. 191–210.
- Баринев И. И., Стрелков И. П.* «Взгляд большевиков на военное дело и диничен, и логичен...»: неизвестный отчет капитана Квислинга // Петербургский исторический журнал. № 2 (14). 2017. С. 134–144.

- Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. СПб., 2013.
- Барышников Н.И., Лайдинен Э. П. Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940) // Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013.
- Бодров А. В. Доставка военных грузов через порты Севера России // Порох, золото и сталь. С. 431–477.
- Бодров А. В. Проблемы доставки из-за границы военных грузов для русской армии // Порох, золото и сталь. С. 393–430.
- Бодров А. В., Власов Н. А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019.
- Бои в Прибалтике. 1919 год / пер. с нем., комм. и науч. ред. Л. В. Ланника. М., 2017.
- Боровская О. Н. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса. М., 2018.
- Брестский мир. История и геополитика. 1918–2018 / сост. Е. А. Бондарева, Е. Н. Рудая. М., 2018.
- Брюггеманн К. Города имперских и национальных утопий: транснациональный взгляд на Ригу и Таллинн, 1914–1924 // Города империи в годы Великой войны и революции / под ред. А. Миллера. СПб., 2017. С. 100–139.
- Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005.
- Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.
- Бутовский А., Бобков А. О вторжении германских украинских войск УНР в Крым в апреле 1918 г. // Посев. 2018. № 9. С. 25–29.
- Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб., 2016.
- Викс Т. Р. Вильнюс между империей и национальным государством // Города империи... С. 173–208.
- Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- Виноградов П. В. Владивосток в системе транспортировки военных грузов // Порох, золото и сталь. С. 478–510.
- Власов Н. А. Военно-техническое сотрудничество Австро-Венгрии и Германии // Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017. С. 66–115.

- Войтиков С. С. Советско-германские отношения после Брестского мира: военный аспект // Проблемы социальной и политической истории России. М., 2009. С. 294–296.
- Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 гг. // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 197–211.
- Ганин А. В. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной Армии в 1918 г. // ЖРВЕИИ. 2017. № 2. С. 6–34.
- Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
- Ганин А. В. История екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // ЖРВЕИИ. 2018. № 4 (15). С. 8–36.
- Ганин А. В. Кадры украинского Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 // «Мозг армии» в период «Русской смуты». М., 2013. С. 139–152.
- Ганин А. В. Семь «почему» российской гражданской войны. М., 2018.
- Германия и Прибалтика. Вып. 6. Рига, 1980.
- Глушаков Ю. Э. Повстанческое движение на Гомельщине в 1918 — начале 1919 гг. // «Атаманщина» и «партизанщина». С. 776–784.
- Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: попытки реформ, Революции. Международная интервенция, 1900 — лето 1918 г. Архангельск, 2018.
- Города империи в годы Великой войны и революции / под ред. А. Миллера. СПб., 2017.
- Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997.
- Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2010.
- Дашкевич Б. Н. (Николаев С.) Железнодорожники в период австро-германской оккупации Украины 1918 г. М., 1925.
- Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.) / под ред. С. В. Воронина и К. Ф. Шмелева. Пг., 1922.
- Дмитрук В. Вони боролися за волю України (Нарис історії Сірожупанної дивізії). Луцьк, 2004.
- Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
- Иванов А. А. Теория малых войн и деятельность британских спецслужб на Русском Севере в 1918 году // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 308–321.

- Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе / под ред. И. И. Минца, сост. К. Хмелевский и др. М., 1988.
- Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917–1920 гг. / под ред. И. И. Минца. М., 1988.
- Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. / под ред. В. А. Шишкина. СПб., 1995.
- История латышских стрелков (1915–1920) / под ред. Я. П. Крастыня. Рига, 1972.
- История Новороссии / под ред. В. Н. Захарова и др. М., 2018.
- Карасев А. Д., Глушаков Ю. Э. Мятеж, которого не было // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. С. 389–397.
- Кеворкян Р. А. Геноцид армян. Полная история. М., 2015.
- Граф Келлер / С. В. Фомин, Р. Г. Гагкуев, С. С. Балмасов. М., 2007.
- Кляцкин С. М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике 1917–1920 гг. М., 1965.
- Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969.
- Крейзель Ю. Профессиональное движение и австро-германская оккупация. Киев, 1924.
- Кто должник? / Сборник документированных статей под ред. А. Шляпникова и др. М., 1926.
- Кулинич І. М., Кошик М. М. Револуційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918–1919 рр.). Київ, 1959.
- Кулинич И. М. Оккупация Украины кайзеровскими войсками в 1918 г. и рейхстаг // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1998. Т. 1. С. 71–78.
- Лакоба С. Абхазия после двух империй XIX–XXI вв. М., 2004.
- Ланник Л. В. Брестская система международных отношений и германская военная элита // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / Сб. стат. Под ред. Ю. А. Петрова. М., 2014. С. 323–336.
- Ланник Л. В. Заканчивать ли войну? Германская военная элита между Компьеном и Версалем // Первая мировая, Версальская система и современность. СПб., 2012. С. 230–242.
- Ланник Л. В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая, Версальская система и современность. Вып. 2. СПб., 2014. С. 274–284.

- Ланник Л. В. «Непознанный враг»: крестьянство и австро-германская интервенция на Украине в 1918 г. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. / ред. и сост. А. В. Посадский. М., 2013. С. 223–236.
- Ланник Л. В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.
- Ланник Л. В. Реакция на Русскую революцию командования германских войск на Востоке в 1917–1919 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 54–68.
- Ланник Л. В., Новикова И. Н. Россия в германской стратегии 1917–1918 гг. // Россия в стратегии Великой войны: в 2 кн. СПб., 2014. Кн. 2. С. 51–136.
- Ланник Л. В. Цена победы: к вопросу о потерях германской армии на Востоке в 1918 г. // Труды 3-х Головинских чтений. Сб. статей. СПб., 2013. С. 1–28.
- Леонтьев Я. В. 6 июля: региональный аспект // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 362–388.
- Лиддел-Гарт Б. Л. Стратегия непрямых действий. М., 1957.
- Лобанов В. Б. Контрреволюционная национальная деятельность на Северном Кавказе: деятельность Горского правительства в 1918 г. // Санкт-Петербургский исторический журнал. № 3 (19). 2018. С. 212–224.
- Лорей Г. Операции германо-турецких сил в 1914–1918 гг. СПб., 2004.
- Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны. М., 1966.
- Люттов И. С., Носков А. М. Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988.
- Малиновский Ю. В. Некоторые аспекты взаимоотношений немцев-колонистов юга Украины и войск Центральных держав в оценке представителей государственной администрации Украинской державы гетьмана П. П. Скоропадского // Вопросы германской истории. 1998. Т. 1. С. 79–87.
- Малышев М. О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 г. Л., 1974.
- Мамулиа Г. Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г. // Nowy Prometeusz. Warszawa, 2013. № 5. S. 175–208.
- Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.
- Матвеев Г. Ф. Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г. // Версаль и новая Восточная Европа / Сб. статей под ред. Р. П. Гришиной и др. М., 1996. С. 176–186.
- Матонин Е. Яков Блюмкин. М., 2016.

- Меликян Г. С. Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989.
- Меллер Х. Новый порядок в Европе: 1918–1920 // Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / под ред. А. Чубарьяна, Х. Меллера. Вып. 7. С. 148–154.
- Мельтюхов М. И. Советско-польские конфликты 1918–1939 гг. М., 2017.
- Матонин Е. Яков Блюмкин. М., 2016.
- Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения в 1917–1935 гг. Минск, 1975.
- Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране 1914–1920. М., 1960.
- Михутина И. В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 г.? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос. С. 260–281.
- Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.
- Михутина И. В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. СПб., 2007.
- Мюнклер Г. Империи. Логика мирового господства / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014.
- Нагорная О. С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.
- Назаренко К. Б. Алексей Михайлович Щастный // ВИ. 2018. № 12. С. 23–41.
- Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М., 2017.
- Народы Габсбургской монархии в 1914–1920-х гг.: от национальных движений к созданию национальных государств / под ред. Г. Шкундина, М.: «Волоса», 2012.
- Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога. СПб., 2011.
- Невалайнен П. Исход. Финская эмиграция из России 1917–1939 гг. СПб., 2005.
- Нелипович С. Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. М., 2017.
- Никитин В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017.
- Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.
- Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

- Нотович Ф. И. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959.
- Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014.
- Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. К., 1995.
- Павлова М. С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг. М., 2016.
- Падение империи, революция и Гражданская война в России / сост. С. М. Исхаков. М., 2010.
- Пахалюк К. А. Пространство плена Первой мировой: лагерь для турецких пленных на острове Нарген // Международная жизнь: Великая война. Начало. М., 2014. С. 100–128.
- Пенчиков К. Българо-українські дипломатическі відносини 1918–1919 гг. // Историко-филологическі изследвания. Велико Тырново, 1983. С. 49–68.
- Петров В. И. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 г. М., 1980.
- Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / под ред. А. Ю. Павлова. СПб., 2017.
- Посадский А. В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус. М., 2018.
- Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина. Весна 1918 — весна 1920 г. СПб., 2016.
- Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013.
- Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав / под ред. И. Н. Новиковой, Н. А. Власова. СПб., 2014.
- Россия и Латвия в потоке истории 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М., 2015.
- Рупасов А. И. Гражданская война в Финляндии // Санкт-Петербургский исторический журнал. № 3 (19). 2018. С. 171–186.
- Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016.
- Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.

- Смолин А. В. У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русские дипломаты в 1919 г. СПб., 2017.
- Стужинская Н. И. Лесная война глазами писателя и прокурора: повстанчество на Витебщине и Смоленщине // «Атаманщина» и «партизанщина». С. 792–803.
- Сувейкэ С., Пысларюк В. Город Кишинев // Города империи... С. 370–409.
- Сулейманов М. Кавказская исламская армия и Азербайджан. Баку, 1999.
- Суни Р. Г. Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская Гражданская война // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 229–238.
- Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.
- Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М., 1975.
- Цветков В. Ж. Белое Дело в России. Ч. 1. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России, 1917–1918. М., 2008.
- Цветков В. Ж. Забытый фронт. Из истории Белого движения в Туркестане, 1918–1920 гг. // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. С. 569–578.
- Чапенко А. А. История русского антибольшевистского движения на территории Латвии в 1918–1919 гг. Мурманск, 2006.
- Чемакин А. А. «Украинизатор железных дорог»: гетманский министр путей сообщения Б. А. Бутенко // Русский сборник. Вып. 22. С. 296–311.
- Черенин О. В. Разведывательные структуры Польской военной организации 1914–1917 гг. // Русский сборник. Вып. 22. С. 278–285.
- Чистиков А. Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132–151.
- Шубин А. В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013.
- Шулатов Я. А. Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.
- Элснер Л. Усилия германского империализма по набору рабочей силы из Прибалтики накануне 1918 г. // Германия и Прибалтика. Вып. 6. С. 95–98.

- Afflerbach H.* Der Dreibund. Europäische Großmacht und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 2002.
- Ahmann R.* Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939. Baden-Baden, 1988.
- Aksamitek S.* General Józef Haller. Zarys biografii politycznej. Katowice, 1989.
- Altrichter F.* Die seelischen Kräfte des Deutschen Heeres im Frieden und im Weltkriege. B., 1933.
- Andersons E.* Die baltische Frage und die Internationale Politik der Alliierten und Assoziierten Mächte bis zum November 1918 // Von den baltischen Provinzen... Bd. 1. S. 255–274.
- Balkelis T.* War, Revolution, and Nation-Making in Lithuania 1914–1923. Oxf., 2018.
- Barth B.* Dolchstoßlegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914–1933. Düsseldorf, 2003.
- Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918. B., 1962.
- Baumgart W.* Brest-Litovsk und Versailles: ein Vergleich zweier Friedensschlüsse // HZ. 1970. Hf. 3. S. 583–619.
- Baumgart W.* Das "Kaspi-Unternehmen" — Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126, Hf. 2. S. 231–278.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966 (Mainz, 2010).
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918–1926 // Russland, Deutschland, Amerika: Festschrift für Fritz T. Epstein zum 80. Geburtstag / hrsg. von A. Fischer. Wiesbaden, 1978. S. 239–256.
- Baumgart W.* Die "geschäftliche Behandlung" des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford, Bd. 89 (1969). S. 116–152.
- Baumgart W.* Die militärpolitischen Berichte des Freiherrn von Keyserlingk aus Petersburg Januar — Februar 1918 // VfZ. Bd. 15. Hf. 1. S. 87–104.
- Baumgart W.* Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau April-Juni 1918 // VfZ. Bd. 16. Hf. 1. S. 66–96.
- Baumgart W.* General Groener und die deutsche Besatzungspolitik in der Ukraine 1918 // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Bd. 21. 1970. H. 6. S. 325–340.
- Baumgart W.* Ludendorff und das Auswärtige Amt zur Besetzung der Krim 1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 14. Hf. 4. S. 529–538.

- Baumgart W.* Neue Quellen zur Beurteilung Ludendorffs : der Konflikt mit dem Admiralstabschef über die deutsche Schwarzmeerpolitik im Sommer 1918 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd. 6. H. 2. S. 161–177.
- Baumgart W.* Unternehmen "Schlußstein": zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. B., 1970.
- Baumgart W.* Vom europäischen Konzert zum Völkerbund: Friedensschlüsse und Friedenssicherung von Wien bis Versailles. Darmstadt, 1974.
- Baumgart W.* Vor fünfzig Jahren — Oktober 1918: eine Dokumentation // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bd. 18. H. 43. S. 3–39.
- Behrens G.* Der Mythos der deutschen Überlegenheit. Die deutschen Demokraten und die Entstehung des polnischen Staates 1916–1922. Frankfurt/M., 2013.
- Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische, polnische und ukrainische Zivilbevölkerung im östlichen Europa / hrsg. von A. Eisfeld, G. Hausmann, D. Neutatz. Essen, 2013.
- Beyer H.* Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige Intervention. Braunschweig; Berlin; Hamburg, 1928.
- Beyer H.* Die Mittelmächte und die Ukraine 1918 // JfGO. Bh. 2. München, 1956.
- Białoruś w XX stuleciu: w kręgu kultury i polityki / pod red. D. Michaluk. Toruń, 2007.
- Bienhold M.* Die Entstehung des litauischen Staates in den Jahren 1918–1919 im Spiegel deutschen Akten. Bochum, 1976.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.
- Bihl W.* Die Ukraine-Politik Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg // Die Besatzung der Ukraine 1918. S. 53–71.
- Bornemann E.* Der Frieden von Bukarest 1918. Frankfurt/M., 1978.
- Borodziej W., Górny M.* Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bde / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt, 2018.
- Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.
- Borowsky P.* Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts / hrsg. von I. Geiss, B.-J. Wendt. Düsseldorf, 1974. S. 437–462.
- Boysen J.* Militärischer Verrat und "nationale Tat" // Geheime Netzwerke im Militär 1700–1945 / hrsg. von G. Gahlen, D. Segesser, C. Winkel. Paderborn, 2016. S. 154–166.
- Brudek P.* Rosja w propagandzie niemieckiej podczas I wojny światowej w świetle "Deutsche Warschauer Zeitung". Warszawa, 2010.

- Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002.
- Cleinow G.* Der Verlust der Ostmark. Die Deutschen Volksräte des Bromberger Systems im Kampf um die Erhaltung der Ostmark beim Reich 1918/19. B., 1934.
- Conrad B.* Umkämpfte Grenzen, umkämpfte Bevölkerung. Die Entstehung der Staatsgrenzen der Zweiten Polnischen Republik 1918–1923. Stuttgart, 2014.
- Conrad B.* Volksabstimmungen als ultima ratio? Die Plebiszite an Polens Grenzen nach Ende des Ersten Weltkrieges // ZfOF. 2015. № 64(2). S. 174–193.
- Conze W.* Die Strukturkrise des östlichen Mitteleuropas vor und nach 1919 // VfZ. 1953. № 4. S. 319–338.
- Conze W.* Polnische Nation und Deutsche Politik. Köln; Graz, 1958.
- Creutz M.* Die Pressepolitik der kaiserlichen Regierung während des Ersten Weltkriegs. Frankfurt/M., 1996.
- Cron H.* Geschichte des Deutschen Heeres im Weltkriege 1914–1918. B., 1937.
- Cramon A. v.; Fleck P.* Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn. Von Conrad von Hötzendorf zu Kaiser Karl. B., 1932.
- Dąbrowski S.* Walka o rekruta polskiego pod okupacją. Warszawa, 1922.
- Das deutsche Feldeisenbahnwesen / hrsg. von H. Rohde. Bd. 2. Hamburg; Berlin; Bonn, 2010.
- Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno. Stuttgart; Berlin, 1917.
- Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande / hrsg. von Reichsarchiv: 14 Bde. B., 1925–1944.
- Die Besatzung der Ukraine. Historischer Kontext — Forschungsstand — wirtschaftliche und soziale Folgen / hrsg. von W. Dornik, S. Karner. Graz, 2008.
- Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen / hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. 6. Tlbd. 2. Wien, 1993.
- Dornfeldt M., Seewald E.* Hundert Jahre deutsch-litauische Beziehungen. Husum, 2017.
- Dornik W.* Der "überlagerte Krieg". Österreichisch-ungarische Soldaten im „Osten“ 1914–1918ff. // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt — lokale Folgen / hrsg. von S. Karner, P. Lesiak. Innsbruck; Wien; Bozen, 2014.
- Dornik W.* Die Besatzung der Ukraine durch österreich-ungarische Truppen // Die Besatzung der Ukraine... S. 141–180.

- Dornik W.* "Die deutschen Kolonien... bringen mit großer Bereitwilligkeit Vorräte". Die Politik Österreich-Ungarns gegenüber der Ukraine und den Schwarzmeerdeutschen im Ersten Weltkrieg // Besetzt, interniert, deportiert. S. 107–126.
- Dragoni A. v.* Die österreichisch-ungarische Operationen zur Besetzung der Ukraine 1918 // MWTM. 1928 (59. Mai-Juni). S. 267–288.
- Eisfeld A.* Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985.
- Eliten im Vielvölkerreich. Imperiale Biographien in Russland und Österreich-Ungarn / hrsg. von T. Buchen, M. Rolf. Berlin; Boston, 2015.
- Ellis C. H.* The British "intervention" in Transcaspia 1918–1919. Berkeley; Los Angeles, 1963.
- Epstein F. T.* Germany and the East. Selected Essays / ed. by R.F. Byrnes. Bloomington; London, 1973.
- Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich; Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / im Auftr. des MGFA hrsg. von B. Thoß und H.-E. Volkmann. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002.
- Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014.
- Feldman G. D.* Hugo Stinnes. Biographie eines Industriellen 1870–1924. München, 1998.
- Feldman G. D.* The great disorder: politics, economics, and society in the German inflation, 1914–1924. N.Y., Oxf., 1993.
- Fiala P.* Die letzte Offensive Altösterreichs: Führungsprobleme und Führerverantwortlichkeit bei der österreich-ungarischen Offensive in Venetien, Juni 1918. Boppard, 1967.
- Fischer J.-U.* Admiral des Kaisers. Georg Alexander von Müller als Chef des Marinekabinetts Wilhelms II. Frankfurt/M. u.a., 1992.
- Fleck P.* Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn. Von Conrad von Hötzendorf zu Kaiser Karl. B., 1932.
- Fragmentierte Republik? Das politische Erbe der Teilungszeit in Polen, 1918–1939 / hrsg. von Müller M.G., Struve K. Göttingen, 2017.
- Frehland-Wildeboer K.* Treue Freunde? Das Bündnis in Europa 1714–1914. München, 2010.
- Frentz H.* Der unbekannte Ludendorff. Wiesbaden, 1972.
- Frey M.* Der Erste Weltkrieg und die Niederlande. Ein neutrales Land im politischen und wirtschaftlichen Kalkül der Kriegsgegner. B., 1998.
- Gehrke U.* Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges: 2 Bde. Stuttgart, 1960.

- Gehrmann U.* Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit des Brest-Litovsker Friedens // JfGO. 1993 (41). S. 394–421.
- Geiss I.* Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. Lübeck; Hamburg, 1960.
- Gonda I.* Verfall der Kaiserreiche in Mitteleuropa. Der Zweibund in den letzten Kriegsjahren (1916–1918). Budapest, 1977.
- Grimm C.* Vor den Toren Europas 1918–1920: Geschichte der baltischen Landeswehr. Hamburg, 1963.
- Grosfeld L.* Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917–1919. Warszawa, 1956.
- Groß G. P.* Die Seekriegsführung der Kaiserlichen Marine im Jahre 1918. Frankfurt/M.; Bern u.a., 1989.
- Grupp P.* Deutsche Außenpolitik im Schatten von Versailles 1918–1920. Paderborn, 1988.
- Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein: Karl Radek — die Biographie. Köln; Weimar; Wien, 2012.
- Hacisalihoglu M.* Borders, Maps and Censuses — the Politization of Geography and Statistics in the Multi-Ethnic Ottoman Empire // Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century / ed. by J. Leonhard, U. von Hirschhausen. Göttingen, 2011. P. 171–210.
- Hackmann J., Kopij-Weiß M.* Deutsch-polnische Geschichte. Bd. 3. Deutsch-polnische Beziehungen und Verflechtungen 1806–1918. Darmstadt, 2014.
- Hahn P.* Mumm: Alfons Mumm von Schwarzenstein — Diplomat, Photograph & anders als die Anderen. Badenweiler, 2012.
- Handbuch einer transnationalen Geschichte Ostmitteleuropas / hrsg. von F. Hadler, M. Middell. Bd. 1. Von der Mitte 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2017.
- Harvey A. D.* General Liman von Sanders' Memorandum "Die Gründe für den militärischen Zusammenbruch der Türkei" // MGZ. 63 (1). S. 165–175.
- Hatlie M. R.* Riga at War 1914–1919. War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg, 2014.
- Hausner A.* Die Polenpolitik der Mittelmächte und die österreichisch-ungarische Militärverwaltungen in Polen während des Weltkrieges. Wien, 1935.
- Henke K., Liesner G.* Um Finnlands Freiheit. B., 1932.
- Henschel C.* Bruchige Einheit. Die polnischen Streitkräfte 1918–1921 // Fragmentierte Republik? S. 39–67.

- Hentilä M., Hentilä S.* 1918 — das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.
- Herwig H. H.* German Policy in the Eastern Baltic Sea in 1918: Expansion or Anti-Bolshevik Crusade? // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. № 2. P. 339–357.
- Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkrieg 1914–1918: 2 Bde. Breslau, 1935–1937.
- Himka J.-P.* The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917–1920. The Historiographical Agenda // *AfS*. Bd. 34. 1994. S. 95–110.
- Hinz U.* Gefangen in Großen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Essen, 2006.
- Höbelt L.* Die austro-polnische Lösung — eine unendliche Geschichte // *Der Erste Weltkrieg und der Vielvölkerstaat*. Wien, 2012. S. 46–54.
- Höbelt L.* „Stehen oder Fallen?“ Österreichische Politik im Ersten Weltkrieg. Wien; Köln; Weimar, 2015.
- Hölzle E.* Die Selbstentmachtung Europas. Das Experiment des Friedens vor und im Ersten Weltkrieg. Göttingen u.a., 1975.
- Hubatsch W.* Finnland in der deutschen Ostseepolitik // *Unruhe des Nordens*. Göttingen u.a.; 1956. S. 106–149.
- Hubatsch W.* Weserübung: die deutsche Besetzung von Dänemark und Norwegen 1940. Göttingen, 1960.
- Huldén A.* Finnlands deutsches Königsabenteuer. Reinbek, 1997.
- Hundert Jahre osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft* / hrsg. von D. Dahlmann. Stuttgart, 2005.
- Jääskeläinen M.* Die ostkarelistische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920. Helsinki, 1965.
- Jahr C.* Gewöhnliche Soldaten. Göttingen, 1998.
- Janßen K.-H.* Die Baltische Okkupationspolitik des Deutschen Reiches // *Von den baltischen Provinzen...* Bd. 1. S. 217–254.
- Janßen K.-H.* Macht und Verblendung: Kriegszielpolitik der deutschen Bundesstaaten 1914/1918. Göttingen; Berlin; Frankfurt; Zürich, 1963.
- Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren* / hrsg. von J. Kreiner. Bonn, 1986.
- Jarno W.* 1 Dywizja strzelcow armii generala Hallera w latach 1918–1919. Łódź, 2006.
- Jäschke G.* Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkriege // *Die Welt des Islams*. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.

- Jenkins J. L.* Germany's Eurasian Strategy in 1918 // The world during the First World War / ed. by H. Bley, A. Kremers. Essen, 2014.
- Jenseits des Schützengrabens. Der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung — Wahrnehmung — Kontext / hrsg. von B. Bachinger, W. Dornik. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013.
- Jonas M., Zinke J.* "Wir standen mit der Zukunft der Bunde". Rudolf Nadolny, das Auswärtige Amt und die deutsche Persienpolitik im Ersten Weltkrieg // Erster Weltkrieg und Dschihad. S. 61-89.
- Jung P.* Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915-1918. Graz, 1992.
- Jutikkala E., Pirinen K.* Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964.
- Kabisch E.* Streitfragen des Weltkrieges 1914-1918. Stuttgart, 1924.
- Kaiser H.* Die deutsche Diplomatie und armenischer Völkermord // Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. S. 203-236.
- Kalyvas S. N.* The Changing Character of Civil Wars, 1800-2009 // The changing character of war / ed. by H. Strachan, S. Scheipers. Oxf., 2009. P. 202-219.
- Kent M.* The Great Powers and the end of the Ottoman Empire. L., 1996.
- Kesselring A.* Des Kaisers "finnische Legion". Die finnische Jägerbewegung im Ersten Weltkrieg im Kontext der deutschen Finnlandpolitik. B., 2005.
- Kettle M.* The road to intervention: March — November 1918. L., N.Y., 1988.
- Kindler K.* Die Cholmer Frage 1905-1918. Frankfurt/M., 1990.
- Klein F.* Die Rivalität zwischen Deutschland und Österreich-Ungarn in der Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges // Politik im Krieg 1914-1918. B., 1964.
- Krauss A. v.* Die Ursachen unserer Niederlage. München, 1923.
- Krauss A. v., Klingenbrunner F.* Die Besetzung der Ukraine 1918 // Die Militärverwaltung in den von den österreichischen Truppen besetzten Gebieten / hrsg. von H. Kerchnawe. Wien, 1928.
- Kreutzer S. M.* Wilhelm Waßmuß — Ein deutscher Lawrence // Erster Weltkrieg und Dschihad. S. 91-110.
- Krzywiec G.* Von der Massenpolitik zum (kalten) Bürgerkrieg. Die Nationaldemokratie im Königreich Polen 1905-1914 // Fragmentierte Republik? S. 107-130.
- Kurth K.* Die deutschen Feld- und Schützengrabenzeitungen des Weltkrieges. Leipzig, 1937.
- Laba A.* Im Dienst der Expansion. Polenforschung im Ersten Weltkrieg // Osteuropa. 2017. 1-2. S. 97-105.

- Lannik L. V.* Die Struktur des Brester Systems der internationalen Beziehungen: Potential, Beteiligte, Grundbedingungen und Entwicklungsprobleme // Nord-Ost. 2019. (в печати).
- Lehnstaedt S.* Imperiale Polenpolitik in den Weltkriegen. Eine vergleichende Studie zu den Mittelmächten und zu NS-Deutschland. Osnabrück, 2017.
- Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K.* Habsburgs schmutziger Krieg: Ermittlungen der österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918. St. Pölten, 2014.
- Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.
- Lemke H.* Allianz und Rivalität: die Mittelmächte und Polen im 1. Weltkrieg (bis zur Februarrevolution). B., 1977.
- Leonhard J.* Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2014.
- Lieb P.* Aufstandsbekämpfung im strategischen Dilemma. Die deutsche Besatzung der Ukraine 1918 // Die Besatzung der Ukraine 1918. S. 111–140.
- Lieb P.* Der deutsche Krieg im Osten von 1914 bis 1919. Ein Vorläufer des Vernichtungskriegs? // VfZ. 2017. 65(4). S. 465–506.
- Linde G.* Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg. Wiesbaden, 1965. S. 91–110.
- Lisec E.* Der Völkermord an den Armeniern im 1. Weltkrieg — deutsche Offiziere beteiligt? B., 2017.
- Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000.
- Löbel U.* Neue Forschungsmöglichkeiten zur preussisch-deutschen Heeresgeschichte. Zur Rückgabe von Akten des Potsdamer Heeresarchivs durch die Sowjetunion // MGM. 1991. 51 (1). S. 141–149.
- Lossowski P.* Jak feniks z popiolow. Oswobodzenie ziem polskich pod okupacji w listopadzie 1918. Lowicz, 1998.
- Loyalität, Legitimität, Legalität. Zerfalls-, Separations- und Souveränisierungsprozesse in Ostmittel- und Osteuropa 1914–1921 / hrsg. von A. Eisfeld, K. Maier. Wiesbaden, 2014.
- Maciulis D., Staliunas M.* Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question. Marburg, 2015.
- Machtan L.* Autobiografie als geschichtspolitische Waffe. Die Memoiren des letzten kaiserlichen Kanzlers Max von Baden // VfZ. 2013. 61(3). S. 481–512.

- Maciulis D., Staliunas M.* Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1883–1940. Marburg, 2015.
- Mahrad A.* Die deutsch-persischen Beziehungen von 1918–1933. Frankfurt/M. u.a., 1974.
- Malinowski S.* Vom König zum Führer: sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. B., 2003.
- Malleson W.* The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920. L., 1922.
- Mann B.* Die baltischen Länder in der deutschen Kriegszielpublizistik, 1914–1918. Tübingen, 1965.
- Mark R. A.* Im Schatten the "Great Game". Deutsche "Weltpolitik" und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn u.a., 2012.
- Mark R. A.* Symon Petljura und die UNR. Wiesbaden; B., 1988.
- Mayerhofer L.* Zwischen Freund und Feind — deutsche Besatzung in Rumänien 1916–1918. München, 2010.
- Meckling I.* Die Aussenpolitik des Grafen Czernin. München, 1969.
- Mędrzecki W.* Bayerische Truppenteile in der Ukraine im Jahr 1918 // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankreichs und Schwabens mit Rußland, der Ukraine und Weißrußland / hrsg. von H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000. S. 441–460.
- Mędrzecki W.* Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000.
- Menger M.* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus 1917–1918. B., 1974.
- Meteling W.* Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Kriege 1870/71 und 1914–1919. Baden-Baden, 2010.
- Milow C.* Die ukrainische Frage 1917–1923 im Spannungsfeld der europäischen Diplomatie. Wiesbaden, 2002.
- Mitter A.* Das "Phantom" Polen — die "polnische Frage" in den Beziehungen zwischen den Teilungsmächten vom Ende der 1880er Jahre bis 1914 // Fragmentierte Republik? S. 223–254.
- Mittler M.* Der Weg zum Ersten Weltkrieg. Wie neutral war Schweiz? Kleinstaat und europäischer Imperialismus. Zürich, 2003.
- Moffat I. C. D.* The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. L., 2015.
- Mohr E.* Heeres- und Truppengeschichte des Deutschen Reiches und seiner Länder, 1806–1918. Osnabrück, 1989.
- Möller D.* Karl Radek in Deutschland: Revolutionär, Intrigant, Diplomat. Köln, 1976.

- Moritz V.* Die Revolutionen in Russland und die Kriegsgefangenen des Zarenreiches in Österreich-Ungarn 1917–1918 // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt — lokale Folgen... S. 187–210.
- Moritz V.* Österreich-Ungarn und die Ukraine unter dem Gesichtspunkt der Kriegsgefangenen- und Heimkehrproblematik im Jahr 1918 // Die Besatzung Ukraine... S. 95–108.
- Motta G.* The Great War against Eastern European Jewry, 1914–1920. Cambridge, 2017.
- Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig, 1940.
- Mühlmann C.* Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918. B., 1942.
- Müller M.* Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegführung. Das deutsche Reich und Österreich-Ungarn in der Offensive 1917–1918. Eine Clausewitz-Studie. Graz, 2003.
- Müller R.-D.* Das Tor zur Wehrmacht. Die Bedeutung der Sowjetunion für die Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard/R., 1984.
- Müller-Butz M.* Von Russland nach Polen. Zum Potential imperialer Erfahrung nach dem Zerfall der Imperien am Beispiel der Biographie von A. Lednicki // Eliten im Vielvölkerreich. S. 199–219.
- Nachtigal R.* Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. S. 239–266.
- Nachtigal R.* Krasnyj Desant. Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrusslands 1918 // JfGO. Vol. 53 (2005). Nr. 2. S. 221–246.
- Nachtigal R.* Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg // MGZ. 2008. 67(2). S. 345–383.
- Napp M.* Die deutschen Lufstreitkräfte im Ersten Weltkrieg. Paderborn, 2017.
- Nebelin M.* Ludendorff: Diktator im Ersten Weltkrieg. München, 2010.
- Neitzel S.* Weltmacht oder Untergang: die Weltreichslehre im Zeitalter des Imperialismus. Paderborn u.a. 2000.
- Neulen H. W.* Die Adler des Kaisers im Orient 1915–1919. Unser Freund, der Feind. Aachen, 2016.
- Neulen H. W.* Feldgrau in Jerusalem: Das Levantekorps des kaiserlichen Deutschland. München, 1991.

- Neutatz D.* Die "deutsche Frage" im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856–1914). Stuttgart, 1993.
- Noack D. X.* Die Ränkespiele der Großmächte im Raum Turkestan 1914–1919 // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt — lokale Folgen... S. 403–426.
- Notz F. v.* Deutsche Anabasis 1918: ein Rückzug aus dem bulgarischen Zusammenbruche in Mazedonien. B., 1921.
- Notz F. v.* General v. Scholtz. B., 1937.
- Österreich-Ungarns letzter Krieg: 7 Bde. Wien, 1929–1938.
- Panter S.* Jüdische Erfahrungen und Loyalitätskonflikte im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2014.
- Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918: 2 Bde. München, 1974.
- Politik im Krieg 1914–1918. Studien zur Politik der deutschen herrschenden Klassen im ersten Weltkrieg / hrsg. von F. Klein. B., 1964.
- Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. Graz; Wien; Köln, 1993.
- Rauscher W.* Das Scheitern Mitteleuropas 1918–1939. Wien, 2016.
- Reshetar J. S.* The Ukrainian revolution, 1917–1920: a study in nationalism. Princeton, 1952.
- Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk: das Problem des "Militarismus" in Deutschland: 4 Bde. Bd. 4. Die Herrschaft des deutschen Militarismus und die Katastrophe von 1918. München, 1968.
- Rohde H.* Zur Versorgung des deutschen Heeres im Ersten Weltkrieg // Dienst für die Geschichte. Göttingen; Zürich, 1985. S. 133–162.
- Ronsdorf K. F.* Maximilian Bayer: ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit. Helsinki, 1973.
- Rosenboom S.* Im Einsatz über der "vergessene Front". Der Lüftkrieg an der Ostfront im Ersten Weltkrieg. Potsdam, 2013.
- Rosenfeld G.* Sowjetrußland und Deutschland 1917–1922. B., 1960.
- Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of Empires. Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. L.; N.Y., 2001.
- Rudling P. A.* The Rise and Fall of Belarusian nationalism. Pittsburgh, 2015.
- Russia's Great War and Revolution in the Far East. Re-Imagining the North-east Asian Theater, 1914–1922 / ed. by D. Wolff, Y. Shiniji, W. Sunderland. Vol. 4. Bloomington, 2018.
- Sammartino A. H.* The impossible border: Germany and the East, 1914–1922. Ithaca; L., 2010.

- Sanitätsbericht über das deutsche Heer: 3 Bde. B., 1934–1938.
- Schmitz M.* "Als ob die Welt aus den Fugen dinge". Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn, 2014.
- Schneider T. F.* "Nach Rußland. Da ist ja kein Krieg mehr". Vom Verschwinden der Ostfront aus dem deutschen kulturellen Gedächtnis // *Jenseits des Schützengrabens*. S. 437–450.
- Schnell F.* Räume des Schreckens: Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905–1933. Frankfurt/M., 2012.
- Shubert P.* Die Tätigkeit des k.u.k. Militärattachés in Bern während des Ersten Weltkrieges. Osnabrück, 1980.
- Schuster F. M.* Zwischen allen Fronten. Osteuropäische Juden während des Ersten Weltkrieges (1914–1919). Köln; Weimar; Wien, 2004.
- Seidt H.-U.* Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.
- Seiji S.* Policy Making and the Siberian Expedition // *Russia's Great War and Revolution in the Far East*. Vol. 4. P. 63–96.
- Seils E.-A.* Weltmachtstreben und Kampf für die Frieden. Der deutsche Reichstag im Ersten Weltkrieg. Frankfurt/M., 2011.
- Skrukwa G.* "Masters of Situation": German- and Austro-Hungarian Intervention in Ukraine in 1918 in the Light of Ukrainian Memoirs // *Acta Poloniae Historica*. Vol. 113. Occupation Experiences, 1914–18. Warszawa, 2016. P. 37–64.
- Söderhjelm H.* Der rote Aufruhr in Finnland im Jahre 1918 / übers. von J. Öhquist. Leipzig, 1918.
- Sološenko V.* Souveränisierung der Völker Russlands und zwischenstaatliche Beziehungen zwischen der Ukrainischen Volksrepublik und Finnland // *Loyalität, Legitimität und Legalität*. S. 86–94.
- Söylemezoğlu Ş. A.* Über die ambivalente Türkei-Politik des Deutschen Kaiserreiches // *Deutsch-türkische Beziehungen*. S. 109–140.
- Spät R.* Die "polnische Frage" in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg, 2014.
- Spät R.* Für eine gemeinsame deutsch-polnische Zukunft? Hans Hartwig von Beseler als Generalgouverneur in Polen 1915–1918 // *ZfOF*. 2009. 58/4. S. 469–500.
- Spießer, Patrioten, Revolutionäre.* Militärische Mobilisierung und gesellschaftliche Ordnung in der Neuzeit / hrsg. von R. Bergien, R. Prüve. Göttingen, 2010.
- Spiru B.* Zum Friedensschluß zwischen Deutschland und Rumänien im Jahre 1918 // *Die Oktoberrevolution und Deutschland*. B., 1958.

- Spraul G.* Der Franktireurkrieg 1914. Untersuchungen zum Verfall einer Wissenschaft und zum Umgang mit nationalen Mythen. B., 2016.
- Stein O.* "Orientfahrten". Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // MGZ. 2016. 75(2). S. 327–358.
- Stempin A.* Das vergessene Generalgouvernement: die deutsche Besatzungspolitik in Kongresspolen 1914–1918. Paderborn, 2019.
- Stieve F.* Die Tragödie der Bundesgenossen: Deutschland und Österreich-Ungarn 1908–1914. München, 1930.
- Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg: der Fall Ober Ost 1915–1917 // Veröffentlichungen Osteuropa-Institut. Bd. 61. Wiesbaden, 1993.
- Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. B., 1979.
- Striegnitz S.* Eine "Kerntruppe der Weltrevolution"? Politische Entwicklungen unter deutschen Kriegsgefangenen in Rußland (1917–1920) // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1995. № 1. S. 131–149.
- Stuchtey B.* Zeitgeschichte und vergleichende Imperien-geschichte // VfZ. 2017. 65(3). S. 301–337.
- Suny R. G.* The making of the Georgian nation. L., 1988.
- Szlanta P.* Unter dem sinkenden Stern der Habsburger. Die Ostfronterfahrung polnischer k.u.k. Soldaten // Jenseits des Schützengrabens. S. 139–156.
- Taube A. Frh. von.* Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Loslösung Livlands und Estlands von Rußland 1916–1918 // Von den baltischen Provinzen. Bd. 1. S. 97–216.
- Taube A. Frh. von.* Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/1919 // Von den baltischen Provinzen... Bd. 2. S. 71–236.
- Tauber J.* "Keine Verbündeten". Die litauische Taryba und die nationalen Minderheiten 1916–1918 // Loyalität, Legitimität und Legalität. S. 230–239.
- Thakur-Smolarek T.* Der Erste Weltkrieg und die polnische Frage. B., 2014.
- The changing character of war / ed. by H. Strachan, S. Scheipers. Oxf., 2009.
- The Purpose of the First World War. War Aims and Military Strategies / ed. von H. Afflerbach. Berlin; Boston, 2015.
- The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution / ed. by T. Hunczak. Cambridge, 1977.
- Tikka M.* Kenttäoikkeudet. Välttömat rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki, 2004.
- Toppe A.* Militär und Kriegsvölkerrecht. Rechtsnorm, Fachdiskurs und Kriegspraxis in Deutschland 1899–1940. München, 2008.

- Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire 1914–1918. Princeton, 1968.
- Türk F.* Deutsche Waffen- und Kriegsmateriallieferungen an das Osmanische Reich // Deutsch-türkische Beziehungen. S. 141–154.
- Verosta S.* Theorie und Realität von Bündnissen. Wien, 1971.
- Volkman E. O.* Soziale Heeresmißstände als Mitursache des deutschen Zusammenbruches von 1918 // Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. 11. Bd. 2. Hbd. B., 1929.
- Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten: Beiträgen zur Entstehungsgeschichte der Republiken Estland und Lettland, 1917–1918: 2 Bde / hrsg. von Die Baltische Historische Kommission, J. von Hehn u.a. Marburg, 1971–1977.
- Wallach J. L.* Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf, 1976.
- Watson A.* Fighting for another Fatherland: the Polish minority in the German Army, 1914–1918 // English historical review. 2011. № 126 (520). P. 1137–1166.
- Weber F. G.* Eagles on the Crescent. Germany, Austria and the Diplomacy of the Turkish Alliance, 1914–1918. Ithaca; London, 1970.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 5 Bde. Bd. 3. München, 2003.
- Werkmann K. Frh. v.* Deutschland als Verbündeter. Kaisers Karl Kampf um den Frieden. B., 1931.
- Westerhoff C.* Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg. Deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918. Paderborn u.a., 2012.
- Will A.* Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. S. 193–214.
- Will A.* Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.
- Wrobel P. J.* The Revival of Poland and Paramilitary Violence, 1918–1920 // Spießer, Patrioten, Revolutionäre. S. 281–303.
- Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny swiatowej 1914–1918. Warszawa, 1990.
- Wrzosek M.* Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918. Warszawa, 1969.
- Wulff O. R.* Die österreichisch-ungarische Donauflotte im Weltkriege. Wien; Leipzig, 1934.
- Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Rußlands 1916–1918. Helsinki, 1978.

- Ziemann B.* Gewalt im Ersten Weltkrieg. Töten — Überleben — Verweigern. Essen, 2013.
- Zilch R.* Okkupation und Währung im Ersten Weltkrieg. Die deutsche Besatzungspolitik in Belgien und Russisch-Polen 1914–1918. Goldbach, 1994.
- Zürner W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens im Jahre 1918 // JfGO. 1978. Bd. 26. Hf. 1. S. 31–59.
- Zürner W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.
- Zürner W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt/M.; Las Vegas, 1978.
- Zvanko L.* Der ukrainische Staat von Hetman Pavlo Skoropads'kyj: Soziale Absicherung für die Opfer des Ersten Weltkrieges (April bis Dezember 1918) // JfGO. 2014. 62(4). S. 532–563.
- Zwehl H. v.* Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie. B., 1926.

Диссертации

- Волкава В. В.* Эканамічная палітыка нямецкіх акупацыйных улад у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1915 — люты 1918 г.). Дісс. ... канд. гіст. наук. Мінск, 2018.А
- Гарчев П. И.* Красная гвардия в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Автореф. дисс. ... д.и.н. Харьков, 1970.
- Гражданов Ю. Д.* Антибольшевистское движение и германская интервенция в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Автореф. дисс. ... д.и.н. Ростов н/Д., 1998.
- Гуменюк С. К.* Борьба трудящихся Подолии с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией в годы Гражданской войны. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1976.
- Дикс Р.* Немецкие интернационалисты в Великой октябрьской социалистической революции. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1964.
- Косован Е. А.* Украинская эмиграция в Германии (XIX — начало XXI вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Райд Я.* Немецкая оккупация Эстонии в 1918 году. Дисс. ... канд. ист. наук. Тарту, 1967.
- Joeres N.* Der Architekt von Rapallo: Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan in Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik. Diss. Heidelberg, 2005.

- Hecher M. J.* Die austropolnische Lösung. Die österreichisch-ungarische Kriegszielpolitik in Bezug auf Polen während des Ersten Weltkriegs. Phil. Diss. Wien, 2001.
- Hecht R.* Fragen zur Heeresergänzung der gesamten bewaffneten Macht Österreich-Ungarns während des Ersten Weltkrieges. Diss. Wien, 1969.
- Herrmann M.* Das Reichsarchiv 1919–1945. Diss. Berlin, 1994.
- Hoffmann J.* Die sächsische Armee im Deutschen Reich 1871 bis 1918. Diss. Dresden, 2007.
- Nenartovič T.* Kaiserlich-russische, deutsche, polnische, litauische, belarussische und sowjetische kartographische Vorstellungen und territoriale Projekte zur Kontaktregion von Wilna 1795–1939. Diss. ... Gießen, 2014 (München, 2016).
- Noack D. X.* Das zweite Turnier der Schatten: das Agieren der Großmächte Deutschland, Großbritannien und Sowjetunion in Sowjetisch- und Chinesisch-Turkestan 1919–1933. Diss. ... ([Электронный ресурс]. URL: http://portal-militaergeschichte.de/noack_turnier (дата обращения: 28.09.2019).)
- Smart T. L.* The French intervention in the Ukraine, 1918–1919. Diss. Kansas, 1968.

Inhaltsverzeichnis

VORWORT	5
Besatzung: allgemeine Betrachtungen	23
1. Brester System und seine Aussichten	33
2. Deutsche Streitkräfte im Osten nach dem Brester Frieden: Zahl und Struktur.....	71
3. Finnland: der bequemste Satellitenstaat im Osten	126
4. Baltische Provinzen unter der deutschen Besatzungsmacht	170
5. „Wechselgeld“ Weißrußland	201
6. Gescheiterte Unabhängigkeit: Polen 1918	221
7. Bukarester Teilsystem: Konfliktherd der Mittelmächte	253
8. Unangemessenes Glied: Ukraine	274
9. Unabhängigkeit unter Besatzung: die Krim 1918	368
10. Batumer Teilsystem: Kaukasus und Transkaukasien zwischen drei Mächten	383
FAZIT	459
Nach dem russischen reich: Deutsche Besatzungsmacht im Osten 1918	479
Abkürzungen	482
Quellen	484

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Оккупация: общие соображения	23
ГЛАВА 1. Брестская система и ее перспективы	33
ГЛАВА 2. Германские войска на Восточном фронте после Бреста: численность и структура	71
ГЛАВА 3. Финляндия: самый удобный сателлит на Востоке	126
ГЛАВА 4. Прибалтика в условиях полной ее германской оккупации	170
ГЛАВА 5. Разменная монета: Белоруссия	201
ГЛАВА 6. Несостоявшаяся независимость: Польша в кампании 1918 г.	221
ГЛАВА 7. Бухарестская подсистема: эпицентр конфликтов в Четверном союзе	253
ГЛАВА 8. Непропорциональное звено: Украинская держава	274
ГЛАВА 9. Оккупационная самостоятельность: Крым в 1918 г. ..	368
ГЛАВА 10. Батумская подсистема: Кавказ и Закавказье между тремя империями	383
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	459
Nach dem russischen reich: Deutsche Besatzungsmacht im Osten 1918	479
Список сокращений	482
Список источников и литературы	484